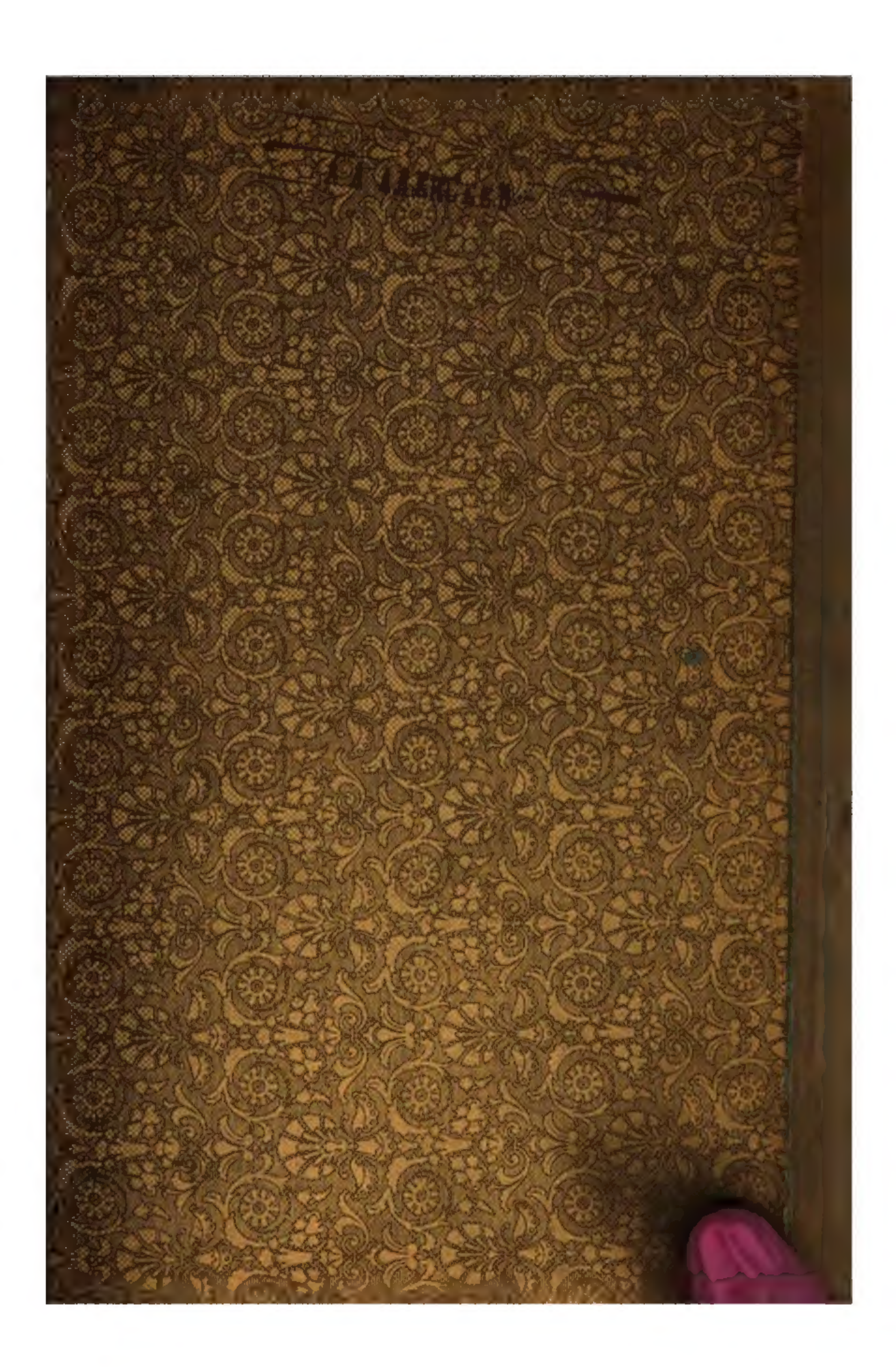

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Иванъ Сергѣевичъ
АКСАКОВЪ
ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЧЕБНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ГОДЫ.

Томъ первый

Письма 1839–1848 годовъ.

Съ портретомъ Автора

Цѣна обоимъ томамъ 4 руб.

МОСКВА,
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій п., д. Пустош…
противъ Англійской церкви.
[illegible].

Aksakov, I.S.

Иванъ Сергѣевичъ
АКСАКОВЪ
ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

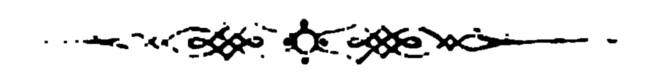
УЧЕБНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ГОДЫ.

Томъ первый

Письма 1839—1848 годовъ.

Съ портретомъ Автора

въ 28 лѣтъ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Черныш. п., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1888.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По случаю смерти Василія Алексѣевича Елагина въ 1879 году, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ писалъ своей своячерицѣ Екатеринѣ Θедоровнѣ Тютчевой: «Это новое мнѣ memento mori и едва ли не послѣднее! Если не считать Кошелева (которому 73 года и который принадлежитъ къ извѣстному нашему кружку болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ, духовнымъ образомъ), такъ я остался *одинъ*—единственный. О, если бы я могъ хоть на нѣсколько лѣтъ уйти въ себя прежде, чѣмъ уйти изъ міра! Я нравственно обязанъ передъ Россіей отдать отчетъ въ дѣятельности замѣчательнѣйшихъ ея людей XIX вѣка, двигателей ея народнаго самосознанія, передать въ общее достояніе сокровища моихъ воспоминаній и письменныхъ матеріаловъ; а возможности нѣтъ почти никакой при моей теперешней обстановкѣ: сосредоточиться нельзя. А годы уходятъ, наступаетъ срокъ, за который не перешли мои друзья».

И Иванъ Сергѣевичъ не перешелъ за этотъ срокъ; ему не было дано осуществить завѣтное свое желаніе. Въ 1880 году перемѣнились административныя обстоятельства; для Ивана Сергѣевича открылась возможность послѣ двѣнадцатилѣтняго вынужденнаго молчанія выступить опять на публицистическое поприще для защиты русскихъ интересовъ подъ дорогимъ ему славянофильскимъ знаменемъ, и въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни онъ издержалъ

остальныя силы своего могучаго организма на изданіе „Руси“ и на борьбу за Славянскія идеи. И онъ умеръ внезапно въ то самое время, когда эта борьба становилась бы слишкомъ тяжелою при данныхъ обстоятельствахъ и при совершенномъ одиночествѣ Ивана Сергѣевича въ защитѣ Славянскихъ историческихъ идеаловъ.

Богатый матеріалъ, собранный Иваномъ Сергѣевичемъ для изданія его. воспоминаній, остался не разработаннымъ и не изданнымъ. Въ данную минуту разработать его въ томъ смыслѣ, какъ собирался Иванъ Сергѣевичъ,—дѣло неосуществимое. Но необходимо сдѣлать этотъ самый матеріалъ достояніемъ русской литературы въ надеждѣ, что современемъ найдутся наслѣдники славянофильскихъ идей, которые изъ этихъ матеріаловъ воздвигнутъ живой памятникъ первымъ дѣятелямъ народнаго самосознанія.

Едва ли не самую интересную часть оставленныхъ бумагъ составляетъ громадная переписка самого Ивана Сергѣевича съ родителями, родными и друзьями, которая почти въ цѣлости сохранилась. Она обнимаетъ пространство почти въ полвѣка. По ней можно слѣдить не только за личною жизнью и постепеннымъ развитіемъ автора, за семейными обстоятельствами и служебными отношеніями во время его молодости, за литературной и политической дѣятельностью зрѣлыхъ его лѣтъ,—но въ ней отражается какъ въ зеркалѣ та общественная среда, гдѣ протекала жизнь Ивана Сергѣевича, и всѣ великія историческія событія внутренней и внѣшней жизни Россіи, въ которыхъ Иванъ Сергѣевичъ принималъ постоянно сердцемъ и умомъ такое живое и дѣятельное участіе.

Иванъ Сергѣевичъ иногда говорилъ, что, кто его не знаетъ по письмамъ, тотъ его очень мало знаетъ; что онъ только на бумагѣ умѣетъ высказываться вполнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, при замѣчательной способности передавать съ перомъ въ рукахъ самые тонкіе оттѣнки мысли и чувствъ, онъ не обладалъ даромъ изустной рѣчи въ ежедневномъ обращеніи. Въ 1844 году, когда ему было всего 20 лѣтъ, онъ пишетъ къ родителямъ: «Я признаюсь, что на бумагѣ я откровеннѣе и разговорчивѣе, не затрудняюсь въ словахъ, не чувствую безпрестанно смущающаго меня недостатка моего произношенія». Только подъ вліяніемъ силь-

наго внутренняго возбужденія пріобрѣталъ Иванъ Сергѣевичъ то мощное и красивое слово, которымъ прославились его патріотическія рѣчи.

Въ дѣтствѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ очень молчаливымъ и угрюмымъ ребенкомъ и между многочисленными, гораздо болѣе его оживленными, братьями и сестрами, особенно въ сравненіи съ старшимъ братомъ, маленькимъ ораторомъ Константиномъ, онъ слылъ не очень даровитымъ мальчикомъ. Семи лѣтъ онъ заболѣлъ скарлатиной, и, чтобы оградить другихъ дѣтей отъ прилипчивой болѣзни, сослали маленькаго Ивана въ мезонинъ дома, гдѣ жило семейство. Онъ тамъ очень скучалъ въ одиночествѣ и ради развлеченія написалъ братьямъ и сестрамъ въ нижній этажъ краснорѣчивое и живое посланіе, которое такъ удивило родителей, что они перемѣнили взглядъ на дарованія молчаливаго мальчика. Сергѣй Тимоѳеевичъ вообще относился съ осмысленнымъ сочувствіемъ къ личности каждаго изъ своихъ дѣтей, и онъ рано понялъ даровитость, скрытую подъ неотесанною, неуклюжею наружностью третьяго его сына. Въ письмѣ, гдѣ онъ характеризуетъ своихъ дѣтей, онъ пишетъ: «А что мнѣ сказать про Ивана? Могу сказать только, что Иванъ меня удивляетъ».—И, по прочтеніи одного изъ дѣтскихъ произведеній сына, Сергѣй Тимоѳеевичъ сказалъ: «Иванъ будетъ великій писатель». Въ 1844 году, въ отвѣтъ на одно изъ первыхъ писемъ Ивана Сергѣевича съ дороги въ Астрахань, отецъ ему пишетъ: «Прекрасное письмо твое, въ которомъ съ большою, хотя еще неполною свободой раскрывается твоя богатая всякою благодатью натура, привело насъ всѣхъ въ восхищеніе».

Переписка Ивана Сергѣевича можетъ быть раздѣлена на пять періодовъ:

Въ первый входятъ его служебные года съ 1844 года, когда онъ назначенъ былъ членомъ Ревизіонной Коммиссіи въ Астрахань подъ начальствомъ князя П. П. Гагарина, до 1851 года, когда онъ оставилъ службу. Съ 1842 до 1848 года, послѣ выхода изъ Училища Правовѣдѣнія, онъ состоялъ при Министерствѣ Юстиціи, сначала Секретаремъ во 2-мъ Отдѣленіи 6-го Департамента Правительствующаго Сената въ Москвѣ, потомъ въ 1844 году онъ былъ сдѣ-

ланъ членомъ Ревизіонной Коммиссіи въ Астрахани подъ начальствомъ князя П. П. Гагарина, въ 1845 году лѣтомъ— Товарищемъ Предсѣдателя Уголовной Палаты въ Калугѣ, въ Маѣ 1847 года назначенъ Оберъ-Секретаремъ 1-го Отдѣленія 6-го Департамента Сената въ Москвѣ. Осенью 1848 года онъ оставилъ эту должность и перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при министрѣ Графѣ Перовскомъ, получилъ въ самую осень 1848 года секретное порученіе для изслѣдованія раскола въ Бессарабіи, вернулся оттуда въ Петербургъ въ началѣ 1849 года и пробылъ тамъ до Мая (къ этому времени относится арестъ его въ 3-мъ Отдѣленіи). Въ Маѣ онъ получилъ оффиціальное порученіе въ Ярославль для обревизованія городскаго хозяйства, но при этомъ и тайное порученіе относительно раскола. За всѣ эти года, во все время разлуки его съ родителями, онъ велъ оживленную и весьма пространную переписку съ ними, замѣнявшую, по его словамъ, дневникъ. Письма этого періода имѣютъ большею частію личное значеніе и служатъ къ характеристикѣ самого автора и его семейства. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эта переписка можетъ быть названа продолженіемъ «Семейной Хроники». Въ ней отражается бытъ этого замѣчательнаго семейства Аксаковыхъ, соединявшаго съ почти патріархальными, чисто русскими нравами и обычаями высокій духовный строй и обширную умственную дѣятельность. Въ этой перепискѣ Иванъ Сергѣевичъ вступаетъ часто въ дружескій споръ съ горячо имъ любимымъ братомъ Константиномъ. Онъ раздѣлялъ вполнѣ его національныя стремленія въ ихъ основѣ, но нѣкоторыя слишкомъ одностороннія, очень молодыя и нѣсколько архаическія увлеченія Константина претили широкому и гораздо болѣе объективному уму брата Ивана. Религіозныя убѣжденія Ивана Сергѣевича въ это время еще не совершенно опредѣлились. Высокимъ нравственнымъ строемъ духа и жизни онъ былъ съ самой молодости христіаниномъ, но мысль его еще была смущена сомнѣніями; она только въ болѣе зрѣлыхъ годахъ дошла до твердаго православнаго воззрѣнія.

Второй періодъ переписки обнимаетъ время отъ 1851 до 1861 года и заключаетъ въ себѣ не только письма къ ро-

дителямъ, но и письма къ друзьямъ славянофильскаго круга, которые въ этихъ годахъ уже опредѣленнѣе выступаютъ съ своеобразнымъ направленіемъ. Къ этому десятилѣтію относятся: изслѣдованіе Иваномъ Сергѣевичемъ Малороссійскихъ ярмарокъ по порученію Географическаго Общества, его поступленіе въ Московское ополченіе въ 1855 году, его участіе въ коммиссіи Князя Виктора Васильчикова, его путешествіе за границу въ 1857 году, его редакторская дѣятельность по изданію «Русской Бесѣды», смерть его отца въ 1859 году, путешествіе Ивана Сергѣевича по Славянскимъ землямъ въ 1860 году и смерть Хомякова и Константина Аксакова.

Къ третьему періоду относятся: редакторская дѣятельность Ивана Сергѣевича по изданію «Дня» съ 1861 до 1866 года и борьба его по Польскому вопросу. Женитьба его въ началѣ 1866 года прервала на короткій срокъ его редакторскую работу, возобновленную, впрочемъ, въ Октябрѣ того же 1866 года изданіемъ ежедневной газеты «Москва». Это изданіе съ разными превратностями и остановками продолжалось только два года, и, по прекращеніи его послѣ извѣстнаго процесса газеты «Москва», Иванъ Сергѣевичъ былъ лишенъ права издавать какую бы то ни было газету; это запрещеніе тяготѣло надъ нимъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ.

Четвертый періодъ отъ 1869 до 1879 года—время дѣятельности Ивана Сергѣевича какъ предсѣдателя Славянскаго Комитета и его участія въ великой борьбѣ за освобожденіе Славянскихъ народовъ. Въ 1878 году онъ былъ высланъ изъ Москвы въ село Варварино, за протестъ противъ Берлинскаго трактата. Наконецъ въ 1880 году онъ получилъ снова право на издательство, и послѣднія пять лѣтъ его жизни были посвящены изданію «Руси».

Мы предлагаемъ здѣсь первую часть автобіографіи Ивана Сергѣевича въ письмахъ, которыя касаются его служебныхъ годовъ и доходятъ до 1851 года, когда ему было всего 28 лѣтъ. Какъ приложеніе къ письмамъ будутъ помѣщены стихотворенія Ивана Сергѣевича въ хронологическомъ порядкѣ и съ раздѣленіемъ на тѣ же періоды, какъ и письма. Иванъ Сергѣевичъ самъ не придавалъ высокой цѣны своимъ стихамъ,

въ смыслѣ художественнаго творчества, но признавалъ за ними значеніе только, какъ за выраженіемъ своего внутренняго духовнаго развитія. Впрочемъ, всего лучше привести сужденіе самого Ивана Сергѣевича о своихъ стихахъ въ письмѣ къ другой его своячениц Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой:

Москва, 12 Марта 1877 года.

«Аннѣ вздумалось подарить тебѣ, милый другъ, сборникъ моихъ стиховъ, и она заставила меня пересмотрѣть и провѣрить списокъ. Признаюсь, я нехотя исполнилъ ея просьбу. Нехотя потому, что я вообще не имѣю привычки,—просто трудно мнѣ себя принудить—перечитывать свое собственное, послѣ того, какъ совершенно отжиты тѣ мгновенія, которыя вызвали на свѣтъ мое произведеніе Это касается не однихъ стиховъ, но и всего мною написаннаго. Затѣмъ—перелистывая тетрадь этихъ стиховъ, я будто брожу по кладбищу между могильными памятниками. Всякая изъ піесъ напоминаетъ мнѣ давнее былое, поводъ, по которому она была написана—а всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ мою личную повѣсть, ни для кого собственно не интересную. Если они имѣютъ какое-либо значеніе, то вовсе не ради ихъ поэтическаго достоинства, ради лишь того, что эта личная повѣсть трактуетъ не о какихъ-либо сердечныхъ увлеченіяхъ, не о моей внѣшней жизни, а о внутренней жизни духа, объ его стремленіяхъ, тоскѣ и борьбѣ въ данную историческую минуту. То была тяжкая година, когда приходилось тяготиться молодостью и спрашивать себя, какъ ты увидишь въ одномъ стихотвореніи:

Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя!

«Эти ощущенія и чувства раздѣляли со мной лучшіе люди моего времени, и вотъ почему стихи мои въ свою пору пользовались успѣхомъ и находили себѣ сочувственный отзвукъ.

«Но, повторяю, я ни теперь, ни прежде не обманывалъ себя насчетъ ихъ достоинства. Въ нихъ нѣтъ никакой художественности, и съ точки зрѣнія артистической—всѣ эти сотни стиховъ я бы самъ охотно отдалъ не только за одинъ стихъ Ѳедора Ивановича *), но даже за иной стихъ Полон-

*) Тютчева.

скаго.—Но мнѣ кажется, что они не лишены искренности, лирическаго жара, силы и какого-то историческаго raison d'être. Однимъ словомъ — значеніе чисто историческое и связывающееся съ гражданскою исторіей эпохи. Я уже болѣе 15 лѣтъ бросилъ писать стихи, убѣдившись, что при всемъ лиризмѣ, свойственномъ моей натурѣ (чѣмъ бы я ни занимался, а ужъ какъ разнообразны были мои профессіи въ жизни!), при всей чуткости моего пониманія красотъ поэзіи, я не обладаю художественнымъ творчествомъ, ни граціей, ни образностью, ни музыкальностью стихотворной рѣчи и я перешелъ къ прозѣ, которую, можетъ быть, иногда порчу, наоборотъ, излишнею примѣсью поэтическаго элемента. Что дѣлать!

«Еще лѣтъ 25 тому назадъ (вотъ о какой старинѣ приходится мнѣ вспоминать по поводу моей поэзіи), Е. Ѳ. Миллеръ писала мнѣ однажды, что въ моихъ стихахъ много жару, но мало теплоты. Это совершенно вѣрно.

Мой черствый стихъ души не грѣетъ.

«Послѣднее мое стихотвореніе Пророкъ.—Въ немъ хоть и длинно и нескладно высказаны, какъ мнѣ кажется, довольно серьезныя мысли—и оно въ исторіи моего личнаго духа объясняетъ многое. Почти уже никого нѣтъ въ живыхъ изъ тѣхъ, которымъ читались въ свое время мои стихотворенія, которые живо ими интересовались и любили ихъ. Заглядывая въ книги, я припоминаю стихи Гете:

„Ihr naht euch wieder schwankente Gestalten“.

«Для тебя, мой другъ, вся эта пережитая нами гражданская эпоха чужда, и по совѣсти говоря, моя поэзія, кромѣ развѣ «Бродяги», интересовать тебя не можетъ: даже «Чиновникъ» который выражаетъ борьбу и двойственность, подчасъ мучительную, моего тогдашняго бытія: стихотворца и чиновника, службы и поэзіи!

«Не смотря на разныя предложенія и совѣты, я не соглашаюсь и не соглашусь издать свои стихотворенія особой книжкой, потому что для современниковъ они лишены всякаго интереса и значенія.

«Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты знала, какъ самъ я отно-

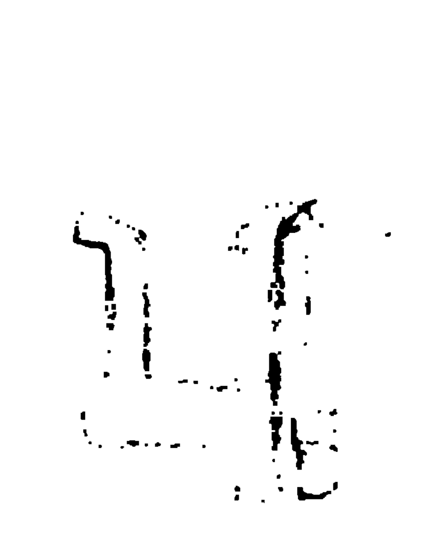
шусь къ своимъ стихамъ, и не ошибалась на этотъ счетъ. Я говорю очень просто и искренно. Пусть это письмо послужитъ тебѣ предисловіемъ къ посылаемой тетради».

Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ намѣреніе написать біографію своего брата, которая должна была обнимать и исторію всего славянофильскаго кружка за то время, когда онъ собирался въ домѣ Аксаковыхъ. Написано Иваномъ Сергѣевичемъ было только введеніе къ этому труду, содержащее характеристику его родителей и нѣкоторыя воспоминанія дѣтства. Такъ какъ этотъ очеркъ имѣетъ одинакое значеніе для біографіи обоихъ братьевъ, то онъ можетъ быть помѣщенъ въ настоящемъ томѣ, какъ введеніе къ письмамъ Ивана Сергѣевича и какъ начало его автобіографіи.

ОЧЕРКЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА

АКСАКОВЫХЪ.

Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ.

Въ 1816 году, женившись въ Москвѣ на дочери Екатерининскаго генерала, Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, происходившей 2-го Іюня въ церкви Симеона Столпника на Поварской, поѣхалъ, по тогдашнему обычаю, *на долгихъ*, вмѣстѣ съ молодой женой въ заволжскую вотчину своего отца, Тимоѳея Степановича. Эта заволжская вотчина хорошо извѣстна всѣмъ читателямъ «Семейной Хроники», подъ названіемъ Новаго Багрова. Настоящее же имя ея—село Знаменское или Ново-Аксаково.

Бросивъ службу въ Петербургѣ, къ которой не имѣлъ особеннаго расположенія, и будучи еще не отдѣленъ отъ родителей по имѣнію, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ поселился съ женою въ Новомъ Аксаковѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, матерью Марьей Николаевной (по Семейной Хроникѣ Софьей Николаевной Багровой), незамужнею сестрою Сергѣя Тимоѳеевича и меньшимъ братомъ Аркадіемъ Тимоѳеевичемъ. Тамъ въ 1817 году 29-го Марта родился у него сынъ Константинъ.

Сочиненія Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова составляютъ почти полную его автобіографію, и кто знакомъ съ ними, тотъ имѣетъ достаточное понятіе о нравственномъ его характерѣ, о наклонностяхъ и вкусахъ именно въ эту пору его развитія. Съ своею страстною натурой, онъ страстно отдался чувству отца и почти буквально замѣнялъ для своего сына-первенца няньку. Ребенокъ засыпалъ не иначе, какъ подъ его баюканье.

Такимъ образомъ вліяніе отца окружило Константина Сергѣевича съ дѣтства, сопровождало всю жизнь, и едва ли можно себѣ представить связь болѣе тѣсную той, которая соединяла отца съ сыномъ. Съ своего рожденія до самой кончины Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова въ 1859 году Константинъ Сергѣевичъ разстался съ своимъ отцомъ только однажды и то всего на четыре мѣсяца. По смерти отца, онъ буквально зачахъ и, будучи отъ природы геркулесовскаго сложенія, умеръ чахоткой въ 1860 году, Декабря 7-го, переживъ его только 19-ю мѣсяцами.

И при всемъ томъ въ натурѣ Константина Сергѣевича Аксакова не было ничего схожаго съ натурою Сергѣя Тимоѳеевича. Онъ, какъ говорится, *весь былъ въ мать*. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помысловъ и стремленій, суровость въ отношеніи къ себѣ, строгость требованій, элементъ доблести и героизма—все это заложено было въ него матерью; все это было въ Константинѣ Сергѣевичѣ, какъ и въ его матери, не въ видѣ правила, руководящаго въ жизни, но составляло въ немъ и въ ней природную стихію. Сергѣй Тимоѳеевичъ любилъ жизнь, любилъ наслажденіе, онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всякому наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ,—и въ полѣ съ собакой и ружьемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ нерѣдко весь міръ въ припадкѣ своего увлеченія; уже женатый проводилъ онъ цѣлые дни за охотой, цѣлыя ночи за картами; но зная за собой эти слабости, онъ былъ смиреннаго о себѣ мнѣнія, былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ отличался постоянною снисходительностью. Это-то качество и дало ему возможность развить въ себѣ ту теплую объективность, которая составляетъ такую прелесть «Семейной Хроники», которая чуждается всякой экзажераціи (преувеличеній), рѣзкости, полна любви и благоволенія къ людямъ и отводитъ мѣсто каждому явленію, доброму и дурному въ человѣческой жизни. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трезвымъ. Эта ясность омрачалась пылкостью и страстно-

стью. Но когда годы и болѣзни умѣрили пылъ и обуздали страсти,—умъ его, освободясь изъ подъ гнета, достигъ той степени спокойнаго, объективнаго отношенія къ жизни, которое такъ поражаетъ читателей въ его сочиненіяхъ. Умъ переходилъ въ мудрость. Пишущій эти строки говаривалъ не разъ Сергѣю Тимоѳеевичу, что если бы онъ вздумалъ писать «Семейную Хронику» лѣтъ сорока или сорока пяти, а не шестидесяти, то она вышла бы несравненно хуже: краски были бы слишкомъ ярки. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индифферентно: природа и литература были главные его интересы. Даже 1812-й годъ, когда Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову былъ уже 22-й годъ, не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Правда, онъ съ отцомъ своимъ записался въ милицію,—но и только. 12-й годъ онъ прожилъ въ деревнѣ. Будучи вполнѣ Русскимъ, онъ никогда не былъ «патріотомъ» даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался вовсе и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ нужныхъ случаяхъ онъ проявилъ бы настоящую твердость; онъ даже любилъ разсказывать о себѣ, какъ о трусѣ (къ великому огорченію своего старшаго сына). Итакъ, совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда,—вотъ отличительныя свойства Сергѣя Тимоѳеевича, которыя привлекали къ нему почти всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки,—онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые. Если надобно было кого разсудить въ ссорѣ, обращались къ Сергѣю Тимоѳеевичу (онъ разбиралъ Погодина съ Венелинымъ, Погодина съ Кирѣевскимъ и проч.). Онъ вполнѣ понималъ жизнь и всѣ движенія человѣческой души, всѣ человѣческія слабости.

Мать Константина Сергѣевича была, напротивъ того, исполнена самыхъ героическихъ и патріотическихъ стремленій,

которыя она и внушала своимъ сыновьямъ съ дѣтства. Она предпочитала сыновей дочерямъ. Имѣя въ жизни своей 14 дѣтей, изъ коихъ шесть сыновей, она жалѣла, что остальныя были дочери. Ея отецъ, небогатый помѣщикъ Курской губерніи, былъ человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова,—въ Польшѣ, въ Турціи, былъ при осадѣ Очакова, имѣлъ георгіевскій крестъ; при Павлѣ командовалъ полкомъ своего имени и вышелъ въ отставку Генералъ-Маіоромъ. При Александрѣ, во время войны съ Наполеономъ, онъ командовалъ ополченіемъ. Вся жизнь его протекла въ походахъ и въ провинціи. Его жена и мать Ольги Семеновны была Турчанка, Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ, при осадѣ Очакова. Она была изъ рода Эмировъ, какъ извѣстно, производящихъ себя отъ Магомета и пользующихся правомъ носить зеленую чалму. Немного разсказовъ сохранилось о ея дѣтствѣ. Когда Русскіе пошли на штурмъ, отецъ ея, схвативъ саблю, побѣжалъ къ стѣнамъ, а тетка (матери у нея въ живыхъ не было), взявъ ее и другихъ дѣтей, присоединилась къ толпѣ другихъ женщинъ. Всѣ они побѣжали по мосту, котораго перила обвалились, и тетка Игель-сюмы упала въ ровъ.

Войны съ Турціей при Екатеринѣ были за обычай въ Россіи; плѣнные Турки и Турчанки размѣщались по обывателямъ. Игель-Сюма попала въ семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать по-русски. При Екатеринѣ было даже издано учебное руководство для плѣнныхъ Турокъ: съ одной стороны текстъ турецкій, съ другой русскій. Необыкновенная красавица, она привлекла къ себѣ сердце молодаго Заплатина, который и женился на ней. По окончаніи войны, когда разрѣшенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ, родственники въ Турціи требовали ея возврата. Разсказываютъ даже, что одинъ изъ нихъ нарочно пріѣзжалъ въ Россію, чтобы розыскать ее, и изъѣздилъ всю Курскую губернію,—но напрасно. Марія—такъ звали теперь Игель-Сюму—была скрыта.

Она жила недолго,—умерла тридцати лѣтъ съ небольшимъ. Оттѣнокъ грусти лежалъ на всемъ ея существованіи. Войны съ Турціей возобновлялись, и видъ плѣнныхъ Турокъ, ко-

торыхъ прогоняли чрезъ Обоянь, всегда волновалъ ее сильно. Она пріѣзжала не разъ въ Москву съ мужемъ и дѣтьми, ѣздила въ Собраніе, но все же никогда не могла освоиться съ европейскою жизнью. Въ семействѣ долго сохранялись ея турецкая шаль, ея чалма и также русская азбука съ турецкимъ текстомъ, изданная при Екатеринѣ. У нея было четверо дѣтей, изъ которыхъ двое умерли еще въ дѣтствѣ. Она сопровождала Семена Григорьевича въ его походахъ—и тамъ, на походѣ въ Польшу, въ 1792 году родилась у нея дочь Ольга, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича и мать Константина и Ивана Сергѣевичей.

Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ Обоянскаго уѣзда, Семенъ Григорьевичъ взялъ свою старшую дочь изъ пансіона,—и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Въ обществѣ стараго воина—отца она почерпнула тотъ духъ доблести, которымъ такъ рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ. Она постоянно читала отцу своему историческія сочиненія въ русскомъ переводѣ,—напримѣръ, исторію Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго, описанія военныхъ походовъ, реляціи сраженій, газеты. Старикъ внимательно слѣдилъ за политикой.

Благодареніе и Тредьяковскому и Сумарокову и всѣмъ дѣятелямъ на пользу русскаго просвѣщенія! Любопытно видѣть всходы сѣмянъ, разбросанныхъ ими. Въ деревенской глуши, въ отдаленной провинціи, въ сторонѣ отъ большой дороги, безъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ богатство и общественное положеніе, зрѣетъ оно, это сѣмя, и роститъ плодъ.

Вотъ въ какой школѣ воспиталась Ольга Семеновна. Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей столькихъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, когда она дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи,—вотъ отли-

чительныя свойства этой замѣчательной женщины. Но всѣ эти свойства составляли ея стихію, а не были чѣмъ-то надуманнымъ. Напротивъ, въ ней не было того, что называется житейскою мудростью; въ свѣтѣ она казалась наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Она не могла скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. Благоговѣйно покорялась она мужней волѣ, но когда дѣло шло для нея о нравственномъ началѣ, мужъ долженъ былъ склоняться передъ нею: не то чтобы она только *не хотѣла*, но она *не могла* дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. У нея не было никакой эластичности, а сойти съ своей точки зрѣнія и стать на чужую, отрѣшиться отъ своей личности, чтобы понять чужую, ей было трудно, почти невозможно.

Мать Гракховъ, Муцій Сцевола и были ея героями.

При этомъ она вся принадлежала русскому быту. Русскіе обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа—все это было ей родное. Гостепріимная и общительная, она не только не отдаляла гостей отъ мужа, но придавала еще болѣе привлекательности его собраніямъ.

Хотя Сергѣй Тимоѳеевичъ вовсе не раздѣлялъ ригоризма своей жены, но онъ именно умѣлъ цѣнить людей внѣ своей личной природы. Онъ уважалъ высоко свою жену и всѣ ея нравственныя требованія, хотя въ личной своей жизни шелъ нерѣдко имъ наперекоръ.

Вотъ подъ какимъ двойнымъ вліяніемъ возросъ Константинъ Сергѣевичъ, внукъ турчанки Игель-Сюмы и Софьи Николаевны Багровой. Натура матери, страстно любимый отцомъ и еще страстнѣе любящій его, Константинъ Сергѣевичъ совмѣщалъ съ нравственными свойствами матери эстетическій вкусъ и любовь къ литературѣ своего отца. Стихи Державина и русская деревня вспеленали его, такъ сказать, съ дѣтства. Четырехъ лѣтъ онъ выучился читать у матери, и первою его книгою для чтенія была Исторія Трои, изданія 1747 года, съ буквами ѕ, ѧ и т. д., переложеніе «Иліады» на русскій и, надобно признаваться, варварскій языкъ. Гекторъ, Діомедъ, Ахиллъ стали его любимыми героями. По свойству своей натуры немедленно воплощать въ наружныхъ явленіяхъ внутреннее чувство (свойство, не

покидавшее его въ теченіе всей его жизни), онъ вырѣзывалъ изъ картъ фигуры съ копьями и щитами, присвоивалъ имъ названія своихъ любимцевъ и велъ войну между Греками и Троянами.

Пять лѣтъ прожилъ безвыѣздно Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ домѣ родителей. Семья ежегодно прибавлялась, помѣщеніе было въ высшей степени тѣсно и неудобно и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Особенно тяготилась этимъ Ольга Семеновна. Бытъ заволжскаго средняго дворянства представлялся ей гораздо грубѣе южнорусскаго. Неопрятность, нелюбовь къ цвѣтамъ и зелени, совершенное равнодушіе къ интересамъ общественнымъ томили ее. Нѣкогда блистательная, страстная Марія Николаевна превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознаніемъ ничтожества своего супруга и въ то же время ревновавшую, ибо она чувствовала, что онъ только ея боится, но что она утратила его сердце. Страстно любимый Сережа былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что Сереженька вышелъ изъ ихъ среды. Въ домѣ всѣ боялись только Маріи Николаевны. Главою дома была она.

Въ 1821 году Тимоѳей Степановичъ согласился наконецъ выдѣлить сына Сергѣя, у котораго уже было тогда четверо дѣтей, и назначилъ ему въ вотчину село Надежино въ Белебейскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи. Это то самое село, которое въ «Семейной Хроникѣ» названо Парашинымъ, мѣсто злодѣйскаго подвига Куролесова или Куроѣдова, заключенія Надежды Ивановны и мучительной кончины изверга. Оно отстояло верстъ на сто отъ Новаго Аксакова. Прежде чѣмъ переѣхать туда, Сергѣй Тимоѳеевичъ отправился съ женою и дѣтьми въ Москву, гдѣ и провелъ зиму 1821 года.

Въ Москвѣ онъ тотчасъ возобновилъ знакомства съ пріятелями, весь отдался жизни общественной, литературѣ, искусству, театру, и мигомъ окружился множествомъ друзей и пріятелей. Въ тѣсной его квартирѣ, на Сѣнной, Смоленской площади (гдѣ у него весною 1822 года родилась еще дочь), толпились съ утра до вечера гости, производились чтенія, твердились роли, играли въ карты. Его тогдашними посѣтителями были: А. И. Писаревъ, Верховцевъ, Загоскинъ

Дмитріевъ, Н. Ф. Павловъ, еще воспитанникъ театральнаго училища, Шаховской, иногда Кокошкинъ и др.

Лѣтомъ 1822 года онъ опять отправился съ семействомъ въ Оренбургскую губернію—ради экономіи, и прожилъ тамъ безвыѣздно до осени 1826 года.

Въ Надеждинѣ, освѣженный новыми знакомствами и посѣщеніемъ Москвы, Сергѣй Тимоѳеевичъ, будучи человѣкомъ экспансивнымъ, невольно пріобщилъ своего малютку-сына своимъ литературнымъ интересамъ. «Евгеній Онѣгинъ» присылался тетрадями. Все это читалось вслухъ, громко, съ какимъ то увлеченіемъ. Все это не мѣшало ни охотѣ, ни картамъ. Но охота сопровождалась наблюденіями. Хозяйство не повезло Сергѣю Тимоѳеевичу, да и край былъ далеко не такъ хорошъ, какъ описанныя имъ мѣста его родины и дѣтства. Изрѣдка ѣздилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ *обѣдать* къ своей матери (на подставныхъ) за сто верстъ. Скоро сгорѣлъ у него домъ отъ неосторожности; второй ребенокъ его простудился и умеръ; скончалось еще двое дѣтей (два сына), за то и родилось четверо, (между ними сынъ Иванъ 26 Сентября, въ 1823 году).

Между тѣмъ Константинъ Сергѣевичъ росъ, упражнялся въ чтеніи, а это чтеніе были все произведенія тогдашней классической литературы, начиная съ Хераскова. Едва ли не одинъ изо всѣхъ своихъ сверстниковъ зналъ Константинъ Сергѣевичъ Хераскова, Княжнина, Ломоносова и т. д. Когда ему минуло восемь лѣтъ, отецъ подарилъ ему въ богатомъ переплетѣ томъ стихотвореній Ивана Ивановича Дмитріева. По этой книгѣ, которую Константинъ Сергѣевичъ скоро зналъ наизусть, Ольга Семеновна учила читать дѣтей своихъ:

«Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать!»

Или:

«Мои сыны, питомцы славы,
Красивы, горды, величавы.»

Вотъ на какомъ героическомъ чтеніи воспитывала Ольга Семеновна своихъ дѣтей.

Константинъ Сергѣевичъ любилъ вспоминать (онъ вообще съ нѣжностью относился къ своимъ дѣтскимъ годамъ) свое пребываніе въ Надеждинѣ и чѣмъ съ раннихъ лѣтъ воспиты-

валось въ немъ русское чувство. Прежде всего онъ отказался звать отца иностраннымъ словомъ папаша, а называлъ его уменьшительными отъ слова отецъ—отецинька, отесинька, и такъ сохранилось до кончины. Вообще Константинъ Сергѣевичъ утверждалъ всегда, что не ощущаетъ рѣзкаго различія во внутреннемъ своемъ существѣ съ ходомъ лѣтъ. Между дѣтскими годами и зрѣлымъ возрастомъ почти у всѣхъ лежитъ цѣлая пропасть. У него, напротивъ, не было никакого разрыва съ младенчествомъ въ душѣ и сердцѣ. Умъ вызрѣлъ, обогатился познаніями,—но въ нравственномъ отношеніи не произошло перемѣны, не явилось никакой *порчи:* та же чистота души и тѣла, та же вѣра въ людей. Этому много способствовало и то, что онъ до послѣдняго года жизни жилъ при отцѣ и матери и никогда съ ними не разлучался. Онъ не стыдился ни младенческихъ движеній, ни отношеній дитяти къ родителямъ. Вообще онъ не знавалъ fausse honte. Хотя бы гостинная была полна гостей, онъ точно также цѣловалъ руки у отца и ласкался къ нему, какъ бывало въ дѣтствѣ. Вообще въ немъ не было никакого ложнаго страха. Онъ не могъ допустить въ себѣ никакого движенія, которое бы не могъ совершить при всѣхъ, которое бы требовало скрытности: это было мѣриломъ для его поступковъ.

Еще въ Надежинѣ, ребенкомъ, онъ видѣлъ сонъ—Красную площадь и Минина въ цѣпяхъ, что впослѣдствіи онъ и разсказалъ въ стихахъ:

Нѣтъ, мечта не приснилась,
и проч.

Любовь къ Москвѣ, какъ непосредственное чувство, зажглась въ немъ еще въ тѣ годы.

Къ этому же времени принадлежитъ его первая литературная попытка: онъ написалъ сцены: Ловля бабочекъ.

Занятіе хозяйствомъ не удалось Сергѣю Тимоѳеевичу. Самыя выгодныя, повидимому, спекуляціи кончались ничѣмъ. Вспомнилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ завѣтъ своего отца, который всегда говаривалъ: никакія спекуляціи не удавались и не удадутся никогда Аксаковымъ: одно святое дѣло—земледѣліе. Несмотря на всѣ выгоды, которыя представляло учрежденіе винокуреннаго завода, выгоды, доказывавшіяся примѣрами

сосѣдей, Тимоѳей Степановичъ никогда не соглашался завести подобный заводъ. Деревня надоѣла окончательно Сергѣю Тимоѳеевичу, дѣти подростали, ихъ надо было учить, въ Москвѣ можно было искать должность, и въ Августѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ простился съ деревней — и навсегда. Съ тѣхъ поръ по годъ кончины въ 1859 году, слѣдовательно, въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, онъ былъ въ Надежинѣ только наѣздомъ, всего три раза.

Въ Сентябрѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ, вмѣстѣ съ женою и шестью дѣтьми (изъ которыхъ 4 сына), пріѣхалъ въ Москву, гдѣ скоро получилъ мѣсто цензора по покровительству А. С. Шишкова, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

Домъ его былъ открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ. Театръ, участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника» Погодина, служба, карты и клубъ охватили Сергѣя Тимоѳеевича. По экспансивности его, вся семья принимала участіе въ его интересахъ. Дѣти знали, напримѣръ, что такъ-то была принята публикою такая-то піеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ, надъ тѣмъ работаетъ Верховцевъ и т. д. Много возни бывало съ Вадимомъ, либретто котораго, взятое изъ извѣстной поэмы Жуковскаго, сочинено было, если не ошибаюсь, Шевыревымъ. Новый водевиль Писарева производилъ волненіе. Другимъ живымъ интересомъ была полемика съ Полевымъ. Полевой, человѣкъ безспорно даровитый, не пользовался уваженіемъ по своему нравственному характеру, по своей наглости и дерзости. Другое содержаніе эта борьба едва ли и имѣла. Кромѣ того, Сергѣй Тимоѳеевичъ перевелъ Мольерову «Школу Мужей» и «Скупаго.» М. С. Щепкинъ былъ частымъ гостемъ. Помню я Мочалова и другихъ актеровъ, которые приходили иногда къ Сергѣю Тимоѳеевичу совѣтоваться насчетъ своихъ ролей.

Кругъ знакомыхъ Сергѣя Тимоѳеевича расширился. Новыми и преданными его друзьями были М. П. Погодинъ, Ю. И. Венелинъ, профессора П. С. Щепкинъ, М. Г. Павловъ, потомъ Н. И. Надеждинъ. День, назначенный для сбора, были Субботы,—обѣдали и оставались до поздней ночи.

Константинъ Сергѣевичъ между тѣмъ съ одной стороны принималъ живое участіе во всѣхъ интересахъ отца (вообще

у Сергѣя Тимоѳеевича дѣти не были отдаляемы отъ родителей; гости принимались всею семьею), съ другой стороны учился у Венелина Латинскому языку, у Долгомостьева Греческому языку, у Фролова Географіи. Онъ много читалъ и въ особенности любилъ чтеніе Русской Исторіи. Но какъ у Сергѣя Тимоѳеевича не было ни малѣйшаго поползновенія къ пропагандѣ, такъ, напротивъ, наклонность къ ней была замѣтна у Константина Сергѣевича съ самаго начала. Будучи старшимъ въ многочисленной семьѣ, Константинъ Сергѣевичъ, конечно, давалъ направленіе всѣмъ своимъ братьямъ и сестрамъ. Прочитавъ Карамзина, онъ тотчасъ же собиралъ въ своей комнаткѣ наверху своихъ сестеръ и братьевъ и заставлялъ ихъ слушать его исторію. Она воспламеняла въ немъ патріотическое чувство. Не знаю, почему именно въ особенности возбудилъ его восторгъ эпизодъ о нѣкоемъ князѣ Вячко, который, сражаясь съ Нѣмцами при осадѣ Куксгавена, не захотѣлъ имъ сдаться и, выбросившись изъ башни, погибъ. Оттого ли, что имя этого героя предано совершенному забвенію, тогда какъ имена прочихъ доблестныхъ подвижниковъ сохраняются въ людской памяти,—не знаю, только Константинъ Сергѣевичъ, будучи лѣтъ 12-ти, установилъ праздникъ Вячки 30-го Ноября. Въ этотъ день, вечеромъ, наряжался Константинъ Сергѣевичъ съ братьями въ желѣзные латы, шлемы и проч., маленькія сестры въ сарафаны,—всѣ вмѣстѣ водили хороводъ и пѣли пѣсню, сочиненную Константиномъ Сергѣевичемъ для этого случая. Пѣсня была длинная и разсказывала подробно подвигъ Вячки. Она, я помню, начиналась такъ:

Запоемте, братцы, пѣсню славную,
Пѣсню славную, старинную,
Какъ бывало храбрый Вячко нашъ

и проч.

Затѣмъ слѣдовало угощеніе,—непремѣнно русское,—пился медъ, ѣлись пряники, орѣхи и смоквы.

Замѣчательно, что, увлекаясь чтеніемъ рыцарскихъ романовъ, Константинъ Сергѣевичъ и здѣсь выразилъ свою самостоятельность. Онъ учредилъ дружину изъ воиновъ; главнымъ начальникомъ былъ, разумѣется, онъ, воинами—его братья и нѣкоторые знакомые мальчики. Исключеніе изъ воиновъ было самымъ жестокимъ наказаніемъ. Вооруженіе

приготовлялось дома: покупались желѣзные листы и кроились латы, просверливались гвоздями, шнуровались; кажется, дѣлались и наножники (на голень); шлемы дѣлались отчасти изъ картона, отчасти изъ желѣза; модели доставались, благодаря связямъ отца, изъ театральнаго гардероба. Помогалъ тутъ много домашній крѣпостной столяръ Андрей, который дѣлалъ и деревянные мечи, а дѣти сами ихъ окрашивали синькой. Были и копья. К. Ѳ. Калайдовичъ, помню, подарилъ даже Константину Сергѣевичу копье желѣзное метательное, съ желѣзными перьями на одномъ концѣ, вырытое гдѣ-то на поляхъ и почему-то называвшееся копьемъ Изяслава. Старинные палаши изъ солингенской стали, найденные въ амбарахъ Новаго Аксакова, составляли украшеніе комнатки Константина Сергѣевича. Въ довершеніе всего этого, Константинъ Сергѣевичъ писалъ повѣсть о приключеніяхъ дружины молодыхъ людей, «любившихъ древнее русское вооруженіе». По мѣрѣ написанія, повѣсть прочитывалась вслухъ и поражала умы аудиторіи разнообразіемъ и загадочностію приключеній. Несмотря на то, что она постепенно достигла объема цѣлаго тома in 8°, она никогда не была кончена.

Слѣдуетъ упомянуть также о другихъ играхъ, измышленныхъ Константиномъ Сергѣевичемъ. Изъ сахарной бумаги, бѣлой и синей, складывались по извѣстному способу корабли разныхъ размѣровъ въ довольно большомъ количествѣ и раздѣлялись на два флота: одинъ Русскій, другой Англійскій, или Французскій, или иной—*вражій*. Они разставлялись другъ противъ друга па обоихъ концахъ залы (все это происходило въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Аѳанасія и Кирилла, въ домѣ Слѣпцова). Съ каждой стороны кто-нибудь ложился на полъ и катилъ мячъ по полу, цѣля въ корабль. Сочинены были и правила для игры: если мячъ отодвинетъ корабль за черную полоску, которою обыкновенно обводились около стѣнъ крашеные полы, то это значило, что корабль сѣлъ на мель; если попадалъ внутрь, въ средину,—корабль пошелъ ко дну и т. д. Даже велся списокъ сраженій; добыто было раскрашенное изображеніе морскихъ флаговъ всѣхъ націй, и часть бумажнаго корабля расписывалась сообразно національности корабля. Никакихъ же другихъ игръ, ни лошадокъ, ни куколъ, ни игрушекъ, не зналъ

Константинъ Сергѣевичъ, да почти и никто въ домѣ Аксаковыхъ. Разыгрывались иногда по выбору и по инціативѣ самого Константина Сергѣевича сцены изъ «Чудаковъ» Княжнина, изъ «Трисотинъ» Дмитріева и нѣкоторыя другія.

Нельзя не разсказать и еще объ одной затѣѣ, характеризовавшей будущаго славянофила. Употребленіе французскаго языка въ разговорѣ рѣзко осуждалось Константиномъ Сергѣевичемъ,—да и вообще великосвѣтскость была предметомъ постоянной его насмѣшки. Конечно, кромѣ искренняго уваженія къ родному языку и негодованія, возбуждаемаго пренебреженіемъ къ нему, много значило и то, что въ домѣ Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова французскій языкъ не употреблялся вовсе, и самъ Константинъ Сергѣевичъ не имѣлъ привычки говорить на немъ. Большой свѣтъ какъ бы не существовалъ для этого семейства. Какъ бы то ни было, но нѣкоторыя дамы, знакомыя Ольги Семеновны, писали иногда ей на французскомъ языкѣ; записки эти уносились на верхъ, и тамъ всѣ братья, имѣя во главѣ Константина Сергѣевича, прокалывали эти записки ножами, взятыми изъ буфета, потомъ торжественно сожигали и пѣли хоромъ пѣсню, нарочно сочиненную Константиномъ Сергѣевичемъ:

Заклубися, дымъ проклятья,
и проч.

Впрочемъ, оттого ли, что Сергѣй Тимоѳеевичъ, узнавъ объ этомъ, выразился, что это глупо, или оттого, что какая-то дама, случайно провѣдавъ о томъ, что ея имя предаютъ проклятію, чрезвычайно разобидѣлась, только этой затѣѣ былъ скоро положенъ конецъ.

Одаренный счастливыми способностями, энтузіастъ, исполненный самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ стремленій и въ то же время непосредственной любви къ Россіи, Русскому народу и Москвѣ, въ мірѣ интересовъ литературы и искусства возрасталъ Константинъ Сергѣевичъ, удивляя пріятелей отца своими дарованіями...

Вотъ тѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ страницъ, которыя остались послѣ Ивана Сергѣевича. Хотя онѣ относятся больше всего къ Константину, къ дѣтской обстановкѣ созданной его богато-одаренной природой, его съ раннихъ лѣтъ самобытнымъ и властительнымъ характеромъ, но въ этой же обста-

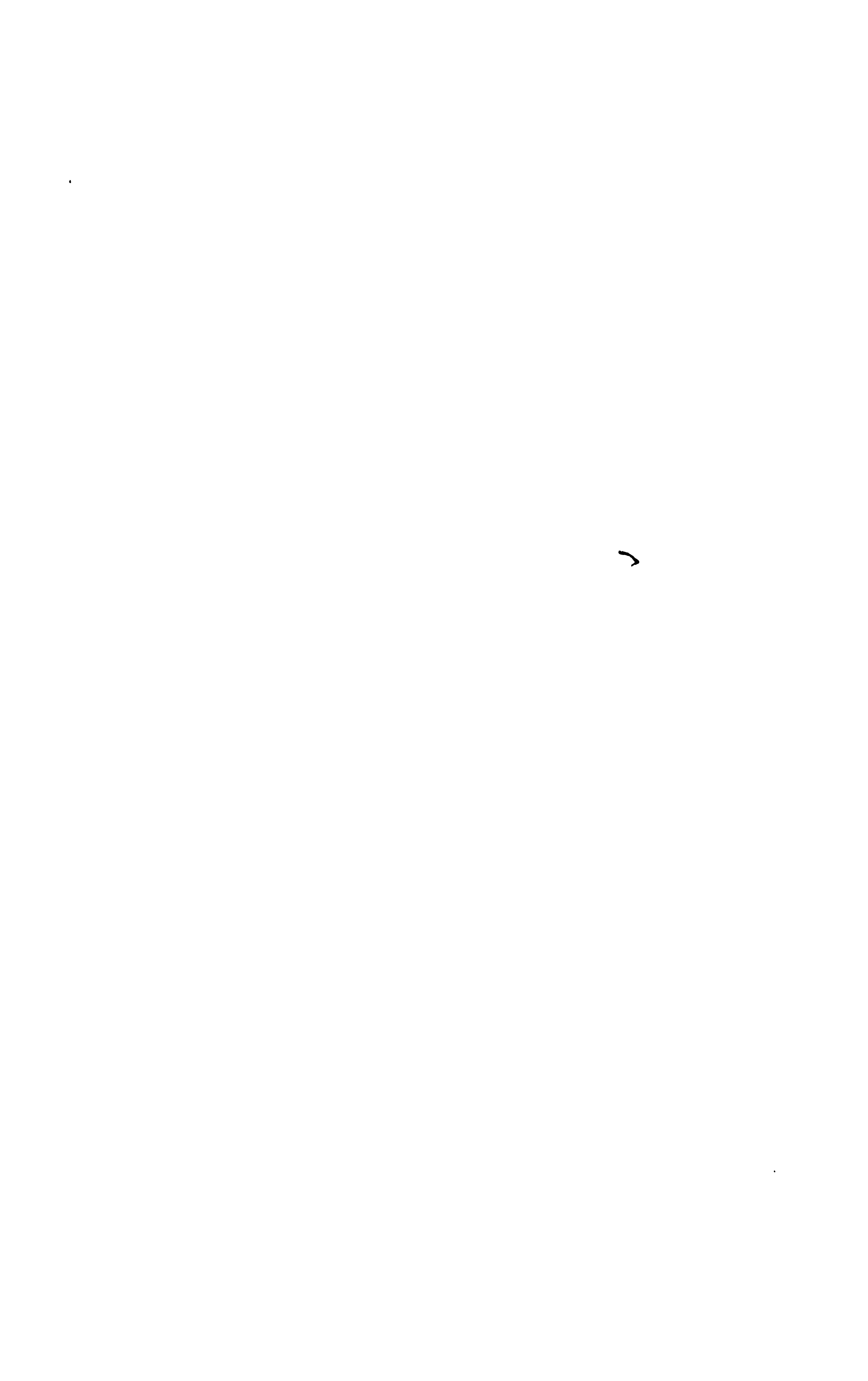
новкѣ протекло и дѣтство Ивана; она же наложила печать на его болѣе сомкнутую и сосредоточенную натуру.

О первоначальномъ обученіи Ивана Сергѣевича осталось мало свѣдѣній. Его дома готовили къ поступленію въ общественное заведеніе, и, судя по его успѣхамъ, ученіе было серіозно и основательно, хотя безъ педантства и формализма. Иванъ Сергѣевичъ самъ относилъ свое раннее развитіе тому, что въ его семействѣ *Дѣтская* не существовала, т. е. не существовалъ тотъ сомкнутый, разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе въ какой-то искусственной, прѣсной атмосферѣ, неимѣющей ничего общаго съ дѣйствительною жизнью. Въ семействѣ Аксаковыхъ дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, жили ихъ жизнью, интересовались ихъ интересами. Съ 10-ти лѣтняго возраста, мальчикъ Иванъ страстно читалъ газеты, страстно слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ; его уже волнуетъ революціонное броженіе въ Испаніи; онъ восторженный Карлистъ. Наказаніемъ за какую нибудь провинность служитъ ему лишеніе читать газеты. Въ немъ уже сказывается будущій страстный публицистъ.

Вотъ еще характеристическая черта семейныхъ отношеніи Аксаковыхъ. Въ письмахъ къ своимъ еще далеко несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ Сергѣй Тимоѳеевичъ всегда называетъ каждаго изъ нихъ: «Мой сынъ *и другъ*», и самъ подписывается: «Твой *другъ* и отецъ», и подъ его перомъ это слово: *другъ*, не есть только ласковое названіе;—оно опредѣляетъ на самомъ дѣлѣ отношенія отца къ сыновьямъ: онъ былъ для нихъ искреннимъ и истиннымъ другомъ; онъ дѣйствовалъ на нихъ не только пріемомъ внѣшняго, формальнаго авторитета, но гораздо болѣе вліяніемъ нѣжнаго, разумнаго, мудраго сочувствія. Въ послѣдніе годы жизни Иванъ Сергѣевичъ еще упоминалъ о томъ какъ благотворно было для него это вліяніе отца и какъ много онъ обязанъ перепискѣ съ нимъ.

Поступленіе въ Училище молодого Аксакова, четырехлѣтнее въ немъ пребываніе, выходъ изъ него и поступленіе на службу будутъ изложены нами въ слѣдующей главѣ. Наше изложеніе будетъ цѣликомъ основано на письмахъ Ивана Сергѣевича къ родителямъ съ 1838 по 1842 годъ и ихъ къ нему.

УЧИЛИЩНЫЕ ГОДЫ.

Училищные годы.

По первоначальному предположенію родителей Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ поступить въ Пажескій корпусъ. Но оказалось, что по годамъ онъ уже не могъ держать экзамена, и тогда рѣшено было отдать его въ недавно открытое Императорское Училище Правовѣдѣнія, въ которомъ воспитывался уже его старшій братъ Григорій.

30 Апрѣля 1838 г. пріѣхали въ Петербургъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ сыномъ Иваномъ, и на другой же день начались тѣ предварительныя испытанія, которыя должны были указать, можетъ ли молодой человѣкъ быть допущенъ къ публичному экзамену для поступленія въ IV классъ?

На этомъ предварительномъ испытаніи молодой Аксаковъ удивлялъ экзаменаторовъ обширностью своихъ познаній и толковостью отвѣтовъ.

Профессоръ исторіи Кайдановъ, разсказывая объ экзаменѣ, говорилъ: «Какъ отлично отвѣчалъ мнѣ Аксаковъ! Распространяетъ отвѣтъ шире поставленнаго вопроса, разбираетъ всѣ относящіяся къ событію обстоятельства. Отлично отвѣчалъ. Что твой профессоръ. Просто я слушалъ, а онъ мнѣ лекцію читалъ. Я ужасно люблю такихъ». Въ разговоръ вмѣшался воспитатель Ива́новъ, экзаменовавшій по Русскому языку.—Вотъ также онъ отвѣчалъ и у меня. Прекрасно. Я написалъ: «отлично знаетъ всѣ предписанныя правила и съ честью можетъ вступить въ IV классъ».

Порядки Училища и программа занятій очень понравились Сергѣю Тимоѳеевичу, и въ день послѣдняго предварительнаго испытанія онъ подалъ прошеніе о пріемѣ сына. Въ

тотъ же день (4 Мая 1838 г.) онъ писалъ къ Ольгѣ Семеновнѣ въ Москву. «Будь спокойна, мой дражайшій другъ! Лучшаго мѣста для воспитанія дѣтей нашихъ нельзя и найти въ Россіи... Грѣшно намъ было бы и колебаться».

На другой день отецъ уѣхалъ, Иванъ остался и въ концѣ Мая выдержалъ публичный экзаменъ, послѣ котораго былъ принятъ въ IV классъ.

Лѣто 38 года провелъ онъ со своими на дачѣ близъ Москвы, но лѣто было короткое, такъ какъ экзамены кончились къ 1 Іюня, а вернулся онъ послѣ каникулъ уже 31 Іюля и съ 1 Августа поселился въ Училищѣ, ходя въ отпускъ по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ семейство Надежды Тимоѳеевны Карташевской, извѣстной читателямъ «Семейной Хроники» подъ именемъ «Милой сестрицы».

Первоначально шумная школьная жизнь не понравилась задумчивому и сосредоточенному Аксакову.

Дни казались ему очень длинными; по ночамъ онъ долго не могъ заснуть, а просыпался рано. Со всѣми товарищами онъ познакомился, но не сдружился. Больше всего смущали его ихъ безпрерывныя шутки. «Онѣ мнѣ надоѣдаютъ, писалъ онъ домой,—я не всегда расположенъ шутить. Примѣтивъ это, многіе нарочно пристаютъ ко мнѣ, дразнятъ и досаждаютъ. Рѣдко можно мнѣ поговорить серьезно съ кѣмъ-нибудь. Впрочемъ, понемногу я стану вольнѣе и вольнѣе»... Очевидно 15-лѣтній Аксаковъ былъ старше своихъ лѣтъ и своихъ товарищей. Съ перваго знакомства это взаимное ихъ положеніе не могло быть разгадано ни той, ни другой стороной.

Въ эти ранніе годы онъ уже занимается анализомъ своихъ и чужихъ чувствъ, обсуждаетъ свое поведеніе и чужіе поступки, и съ замѣчательною серьезностью говоритъ о занятіяхъ. Такъ онъ пишетъ отцу:

«Вы думаете, милый Отесенька, что я по способностямъ моимъ буду изъ первыхъ учениковъ. Но у насъ въ классѣ есть многіе болѣе способные, чѣмъ я. Къ тому же надо имѣть много честолюбія, чтобы быть первымъ... Да, честолюбія, потому что есть предметы, которые не могутъ служить моему образованію, и занимаешься ими не любя, не по любви къ наукѣ. Я знаю, что истинное мое образованіе ни на шагъ

отъ этого не подвинется... Что же касается до товарищей, то я вижу, что не у всѣхъ развиты благородныя чувства и point d'honneur. Я со многими холоденъ, и вотъ мои правила относительно поведенія въ ссорѣ: не вредить врагу долженъ всякій благородный человѣкъ, и потому, когда я въ ссорѣ, я не говорю ни слова со своимъ врагомъ, никогда не насмѣхаюсь, разговаривая о немъ съ другими, не мщу, буду помогать въ нуждѣ (разумѣется скрытно, такъ чтобъ онъ не зналъ, отъ кого идетъ помощь), но никогда не буду связываться, никогда не приму отъ него услугъ... Драться, перебраниваться—это уже показываетъ нѣкоторую фамильярность».

Онъ рѣшается уйти въ себя поглубже. Новая обстановка, сверстники изъ новаго общества не прельщаютъ его; онъ выше цѣнитъ привезенные имъ изъ дому взгляды и вкусы. Рѣшившись не поддаваться складу новой жизни и понятіямъ иного общества, молодой Аксаковъ сосредоточивается и разсуждаетъ сь поразительною для его возраста обдуманностью.

«Я теперь вижу, какъ надо дѣлать, чтобъ не казаться смѣшнымъ и сохранить въ душѣ прежнія чувства и понятія. Не участвовать съ толпою (я называю толпою тѣхъ воспитанниковъ, которые не отличаются ничѣмъ и имѣютъ обыкновенныя пошлыя и ходячія понятія), не быть слишкомъ откровеннымъ, потому что многія возвышенныя понятія, не бывъ оцѣненными, покажутся смѣшными. Разумѣется, есть люди, которымъ они не покажутся смѣшными, но я положилъ себѣ за твердое правило не навязываться къ большимъ. Наконецъ *быть про себя*, т.-е. *направлять свой умъ въ сознаніе*. Это предохранитъ меня отъ ложнаго шага и сохранитъ въ душѣ моей понятія и мысли такъ мало согласующіяся съ здѣшними. Чѣмъ болѣе я буду сосредоточивать ихъ въ себѣ, тѣмъ сильнѣе и глубже разовьются чувства. Съ тѣхъ поръ какъ я въ Училищѣ я сильнѣе чувствую любовь къ семейству, цѣну родительскаго дома и вообще Москвы. Я положилъ себѣ побольше думать и теперь въ лазаретѣ мнѣ пріятно, что я могу на свободѣ думать и обдумывать. Съ моимъ характеромъ это легко сдѣлать».

Онъ могъ бы дѣйствительно равняться со старшими не только по способностямъ, но и по развитію и по образова-

нію своему. Когда онъ пришелъ къ библіотекарю за книгами для чтенія, то просилъ историческія сочиненія Guizot, Capefigue, Michaud, Thierry и Barante. Не всѣ оказались въ библіотекѣ. Ему предложили взять Contes historiques du bibliophile Jacob, которую читали другіе воспитанники IV класса. Но онъ уже давно прочелъ эту книгу и сдалъ въ архивъ дѣтскихъ книгъ. Ему уже нужны были настоящія серьезныя сочиненія.

Воспользовавшись разрѣшеніемъ конференціи, воспитанники Училища составляли складчину и выписывали на общія деньги нѣсколько журналовъ. Аксаковъ отдалъ на эту складчину завѣтный золотой, подаренный ему еще дома, и съ тѣхъ поръ во всякомъ письмѣ его къ родителямъ мы находимъ сужденія обо всѣхъ статьяхъ, которыя онъ читалъ. Онъ безпрерывно разбираетъ все прочитанное; сравниваетъ переводы съ оригиналами, обсуждаетъ достоинства различныхъ авторовъ, сравниваетъ «От. Записки» и «Московскій Наблюдатель», знакомится съ Бѣлинскимъ и подробно описываетъ отцу свои встрѣчи съ нимъ. Обаяніе знаменитаго критика и увлекательная литературная рѣчь не сдѣлали Аксакова его слѣпымъ поклонникомъ. Онъ не повторяетъ его словъ, а обсуждаетъ ихъ и распрашиваетъ Сергѣя Тимоѳеевича.

Къ концу года Аксаковъ привыкъ къ Училищу, но онъ никогда его не полюбилъ. Положеніе его въ средѣ товарищей опредѣлилось. Обѣ стороны, такъ сказать, познали другъ друга и выработалась форма общенія. Онъ прослылъ за умнаго, серьезнаго, образованнаго, а самъ научился изучать другихъ, и призналъ необходимость вращаться не среди однихъ сочувствующихъ единомышленниковъ. Онъ пишетъ къ брату Константину, что радъ своему поступленію въ Училище, что даже сожалѣетъ о томъ, что раньше не былъ въ какомъ-нибудь заведеніи. «Мальчикъ, который сдѣлается впослѣдствіи мужчиною, вступаетъ въ свѣтѣ въ борьбу со многими «обстоятельствами, слѣдовательно долженъ знать свѣтъ такимъ, «какимъ онъ есть, со всѣми прелестями и гадостями, долженъ «еще покровительствовать другимъ, слабѣйшимъ существамъ. «Пусть мальчикъ пробудетъ дома до 13 или 14 лѣтъ; въ «это время укоренятся въ немъ хорошія правила, но долгое «пребываніе дома изнѣжило бы меня...

«Опредѣленнаго желанія еще не имѣю, но мнѣ ужасно «думать, что я проживу, какъ и вся толпа, не оставивъ по «себѣ никакого воспоминанія; только, что въ газетахъ оста-«нется: выѣзжалъ тогда-то въ Ростовъ. Иногда мнѣ хочется «провести жизнь мирно, тихо, въ деревнѣ, въ прекрасномъ «краѣ. Иногда хочется предаваться занятіямъ, сдѣлаться «ученымъ, заняться философіей, открывать новые законы «мышленія. Иногда хочется броситься въ большой свѣтъ, «отвѣдать его прелестей и горестей. Желалъ бы я знать свое «будущее... Какъ то повезетъ судьба? Впрочемъ, если самъ не «дашь ей толчокъ въ какую нибудь сторону, такъ она и не «повезетъ...»

Не мирно и не тихо, не въ деревенской тиши и не въ «объятіяхъ большаго свѣта» прожилъ тогдашній мальчикъ свою труженическую жизнь. Онъ далъ судьбѣ тотъ толчокъ, о которомъ заговаривалъ 16 лѣтъ и послѣ него осталось въ газетахъ больше, гораздо больше простого сообщенія о выѣздѣ туда-то.

Мы воздержимся отъ подробнаго разсказа и остановимся лишь на нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ жизни Ивана Сергѣевича за время пребыванія въ школѣ.

Раньше всего мы должны указать на постоянное общеніе его съ домомъ. Переписка между родителями и сыномъ не прерывалась. Съ одной стороны съ годами мѣнялся слогъ, рѣчь становилась постепенно литературнѣе и образнѣе; съ другой первоначальныя прямыя предписанія переходили въ совѣты или въ совмѣстное обсужденіе. Но сущность осталась та же. Мы находимъ въ письмахъ все ту же подробную передачу всего видѣннаго, слышаннаго, прочитаннаго и пережитого. Побывавъ въ театрѣ, встрѣтивъ знакомаго, сойдясь съ новымъ человѣкомъ, Иванъ Сергѣевичъ сейчасъ же пишетъ обо всемъ домой и на всякую подробность получаетъ отвѣтъ.

Даже мелочами жизни, покупками и заказами, различными училищными происшествіями, городскими толками дѣлились они между собой.

Но эта близость къ дому и Москвѣ не мѣшала Аксакову внимательно слѣдить за всѣми явленіями Петербургской жизни, конечно въ границахъ его юношескаго школьнаго міра. Онъ, повторяемъ, читалъ журналы, изучалъ новыя книги и усердно посѣщалъ театры.

Страсть къ театру была у него лишь въ молодости. Позднѣе Иванъ Сергѣевичъ очень рѣдко посѣщалъ его. Но въ ранней юности, благодаря знакомству съ Мочаловымъ и Щепкинымъ, благодаря вліянію Сергѣя Тимоѳеевича, онъ интересовался театральной жизнью.

Будучи правовѣдомъ, Аксаковъ постоянно ѣздилъ и въ оперу, и во французскій театръ (который очень любилъ) и въ русскій драматическій. Послѣдній нравился ему менѣе Московскаго (онъ и былъ значительно ниже) и потому онъ чаще всего посѣщалъ Михайловскій и восторгался игрой M-me Allan. Подъ вліяніемъ Петербургской и училищной атмосферы, Иванъ Сергѣевичъ нѣсколько уклонился отъ ригоризма Константина Сергѣевича относительно всего французскаго; онъ въ письмахъ къ брату храбро отстаиваетъ свой вкусъ къ Михайловскому театру и откровенно сознается: что вообще изъ французскихъ спектаклей выноситъ всегда самое пріятное впечатлѣніе и отъ души смѣется иногда пошлымъ, но мастерски сыграннымъ фарсамъ.

Послѣднюю зиму пребыванія своего въ училищѣ Аксаковъ провелъ въ Петербургѣ одинъ. Старшій братъ Григорій кончилъ курсъ еще въ 40-мъ году, а младшій братъ Михаилъ, воспитавшійся въ Пажескомъ корпусѣ, скончался почти внезапно 5-го Марта 1841 г. на рукахъ Ивана Сергѣевича. Эта неожиданная смерть была тяжкимъ ударомъ для семейства и болѣе всѣхъ поразила Ольгу Семеновну, которая сама строгаго нрава, не менѣе того любила съ особенною нѣжностью этого сына, всегда веселаго, оживленнаго, остроумнаго. Она очень гордилась его замѣчательными музыкальными способностями, возбуждавшими удивленіе и среди постороннихъ. Нѣсколько юношескихъ сочиненій доставили ему уже извѣстность среди спеціалистовъ. Тогдашніе знатоки музыки сулили ему блестящую артистическую будущность...

Узнавъ о смерти сына, Ольга Семеновна не предалась ни отчаянію, ни ропоту. Но она какъ бы сосредоточилась въ своемъ горѣ; какъ бы удалилась отъ жизни семьи, а вся ушла въ грустное молитвенное настроеніе. Въ годовщину смерти брата, почти совпадавшую со днемъ рожденія Ольги Семеновны, Иванъ Аксаковъ пишетъ къ матери: «Что сказать Вамъ въ день Вашего рожденья, милая маменька? Поздравлять право и скучно, и пошло, но если этотъ день избираютъ для того,

чтобы по поводу его высказать разомъ все, что и прежде этого желалъ кому либо, такъ и я скажу, милая маменька, что желаю Вамъ болѣе душевной бодрости, болѣе живительной надежды на Бога и менѣе истомляющаго душу и тѣло тоскливаго моленія. Это мое желаніе, а нисколько не совѣтъ, котораго давать Вамъ не смѣю. День этотъ конечно сопрягается съ грустными воспоминаніями, которыхъ не надо разгонять, но которыя должны только вселять въ сердце человѣка чувство грустной покорности и признанія необходимости».

По тому же поводу и въ тоже время онъ дѣлился съ родителями чувствомъ неудовлетворенности, которое возбуждало въ немъ чисто-формальное отношеніе къ нѣкоторымъ церковнымъ обрядностямъ. Заранѣе утвержденные сроки, установленные пріемы холодили его душевное настроеніе. «Смѣшенъ для меня, пишетъ Иванъ Сергѣевичъ, обычай соблюдать годъ воздержанія и горести, какъ будто по окончаніи года, горе изглаживается изъ памяти. Нѣтъ, помни вѣчно, но чтобы воспоминаніе это не мѣшало тебѣ жить и наслаждаться жизнью, если только грудь твоя въ состояніи вмѣстить такія различныя ощущенія; если-жь нѣтъ, то конечно лучше вѣчное тоскливое воспоминаніе, чѣмъ вѣтренная забывчивость... Я радъ, что мы говѣемъ на этой недѣлѣ. Я не буду просить для себя особенной поминальной службы, во 1-хъ, потому, что для этого надо просить и хлопотать, во 2-хъ, потому, что я смотрю на эту службу, какъ на обрядъ сильно дѣйствующій на чувства и живѣе располагающій къ грустнымъ воспоминаніямъ, но я думаю, что могу обойтись и безъ искусственныхъ возбужденій».

«...Мы говѣемъ теперь или лучше сказать насъ заставляютъ ходить въ церковь. Хорошо говѣніе, исповѣдь и покаяніе въ тяжкихъ грѣхахъ! Но гдѣ же тутъ сокрушеніе въ тяжкихъ грѣхахъ съ твердымъ намѣреніемъ не дѣлать ихъ болѣе, когда знаешь, что эти грѣхи будутъ непремѣнно повторяться. Я не люблю убаюкивать своей совѣсти обманами и уловками и знаю очень хорошо, что буду опять бранить начальство, смѣяться надъ смѣшнымъ, будутъ тому подобныя неизбѣжныя послѣдствія общественной жизни. Кромѣ того недѣля говѣнія въ Училищѣ—самая безалаберная: профессора

не ходятъ, постящіеся ѣдятъ втрое противъ обыкновеннаго»... Самъ Аксаковъ, не находясь въ религіозномъ настроеніи и не имѣя возможности уединиться въ средѣ товарищей, посвятилъ досугъ говѣнія и весь постъ усиленнымъ занятіямъ и писанію выпускныхъ сочиненій по Гражданскому и Уголовному праву.

Онъ очень много занимался въ ту зиму... Приближался выпускъ. За порогомъ Училища ждала новая жизнь, незнакомая и такая значительная! Къ этой важной перемѣнѣ 19-лѣтній юноша не могъ оставаться безучастнымъ, и любопытно посмотрѣть, какъ отнесся къ ней Иванъ Сергѣевичъ.

Отношеніе его было двойственное.

Къ матеріальной сторонѣ перемѣны своей жизни онъ относился отчасти наивно, отчасти скептически и отчасти равнодушно... Его засыпали совѣтами и указаніями, гдѣ что заказывать, какому мастеру сколько платить и какихъ фасоновъ придерживаться... Онъ многое забывалъ, путалъ, откладывалъ, наконецъ собрался съ духомъ, сразу все заказалъ и торжественно доноситъ объ этомъ въ Москву. «Вотъ наконецъ Вамъ смѣта всего!» И тамъ дѣйствительно перечислено все: мундиръ, сюртукъ, брюки, различныя одѣянія, шляпы и въ перемѣшку съ этимъ очки, сапоги, шпага, перчатки и т. п. Все высчитано съ рѣшимостью отчаянія по аршинамъ, проставлены цѣны, но самъ Аксаковъ такъ мало довѣрялъ практичности своей смѣты, что закончилъ ее патетическимъ восклицаніемъ въ письмѣ къ брату: «жду отъ тебя жестокой критики моей смѣтѣ»! Даже служба внѣшней стороной своей мало занимала его, и онъ скептически о ней отзывается:

«Честолюбіе и служебное самолюбіе мое притупляются когда я вижу передъ собой такое длинное поприще, которое мнѣ надо пройти черепахой, и для чего? для того чтобы получить тайнаго или дѣйствительнаго совѣтника, достоинства жалкаго, неразвязывающаго еще рукъ... А теперь покуда я не простираю своихъ честолюбивыхъ служебныхъ замысловъ далѣе помощника секретаря. Стало они не ужасны»...

Но если такого было безучастіе 19-лѣтняго юноши къ будущей обстановкѣ жизни, совсѣмъ иначе относился онъ къ духовной сторонѣ предстоящей перемѣны.

Онъ давно обдумалъ новое поприще, давно готовилъ себя и собирался вступить на него во всеоружіи сильной воли и самознанія.

Не смотря на безразличное его отношеніе ко всему внѣшнему, условному, онъ не могъ быть и не былъ равнодушенъ къ аттестату, какъ свидѣтельству своихъ знаній. Онъ добивался самаго лучшаго, и когда незадолго до послѣднихъ репетицій родные утѣшали его на случай неполученія высшаго чина IX класса, — онъ отвѣчалъ: «Мое письмо не было голосомъ убитаго самолюбія, напротивъ негодующаго. Другіе бросятъ заниматься. Я, наоборотъ, удвоилъ усилія, прибавилъ настойчивости и терпѣнія. Это не есть зависимость отъ мнѣнія другихъ. Ради мнѣнія другихъ я не стану дѣлать того, что несогласно съ моими понятіями о чести или благородствѣ. Но когда я знаю, что именно въ томъ, въ чемъ я хочу быть уважаемъ (пусть смѣются надъ моей неловкостью, неумѣньемъ обращаться въ свѣтѣ,—я самъ смѣюсь и не пускаюсь на поприще, намъ несужденное), когда я тамъ встрѣчаю несносное препятствіе— тогда оно меня сердитъ. Мы сами невольно судимъ о получившихъ 9-й классъ (конечно незнакомыхъ) лучше, нежели о получившихъ 10-й, и мнѣ обидно будетъ слѣдить глазами на лицѣ спрашивающаго меня и вдругъ разочарованнаго моимъ отвѣтомъ, насколько градусовъ понижается его мнѣніе обо мнѣ, составленное по наслышкѣ! Къ тому же еслибъ кто-нибудь былъ обойденъ такимъ же образомъ, тогда ничего бы; но когда не только всѣ серьезные люди, но и дрянь болѣе меня имѣетъ права на 9-й классъ, и когда я вдругъ поставленъ въ цѣлую категорію мелкопомѣстныхъ, чрезвычайно довольныхъ тѣмъ, что и «Аксаковъ даже вмѣстѣ съ ними выходитъ 10-ымъ классомъ»,—то я желаю быть отличенъ.

Я хочу сорвать общую дань уваженія, мнѣ слѣдуемаго въ сферѣ наукъ; я не намѣренъ разыгрывать жалкую роль человѣка непонятаго, неоцѣненнаго, обиженнаго судьбой... Когда же я буду знать, что и другіе сознаютъ, какъ справедливо занимаю я мѣсто въ общемъ уваженіи, тогда мелкія злорѣчія не будутъ имѣть никакой цѣны».

Ему нужна была эта обезпеченность чужого мнѣнія для

того, чтобы не развлекаться по пути и не заботиться ни о чемъ, кромѣ своего дѣла. Его кипучее трудолюбіе не только не терпѣло отвлеченія среди работы, оно не хотѣло отдыха. «Еслибъ я не боялся дать поводъ думать, что самохвальничаю (пишетъ онъ сестрѣ), я бы сказалъ, какъ не люблю медленности, какъ противна она моей натурѣ! мнѣ совѣстно долго спать, мнѣ страшно въ итогѣ жизни отмѣтить половину, прошедшую во снѣ! Я не понимаю также людей, желающихъ, чтобы время *незамѣтно* пролетѣло въ упоеніи какого нибудь блаженства или въ забытьи. Нѣтъ мнѣ хотѣлось бы каждый день быть полезнымъ членомъ общества и полезнымъ не въ одномъ своемъ околоткѣ».

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы попытались объяснить читателю, какъ прошли ученическіе годы Ивана Сергѣевича Аксакова. Чѣмъ онъ занимался, какъ шло его душевное и умственное развитіе, съ какихъ лѣтъ онъ принялся думать и трудиться надъ собой. Теперь намъ остается только показать, — съ какимъ чувствомъ занесъ онъ ногу черезъ порогъ училища, съ какой рѣшимостью вступилъ въ жизнь. Намъ кажется, что для этого достаточно привести коротенькую выписку изъ послѣднихъ его училищныхъ писемъ.

„Я совершенно здоровъ, какъ физически, такъ, полагаю, и морально. Я полонъ твердой рѣшимости и жажды труда, но труда тяжелаго, великаго и благодѣтельнаго. Мущина, не смущаясь посторонними обстоятельствами, долженъ продолжать твердо свой путь и жить пока живъ, не въ страхѣ безпрестанномъ и не въ томленіи, а въ дѣятельномъ стремленіи къ достиженію цѣли.

Итакъ, покуда живы, будемъ работать и предпринимать такіе труды, какъ будто бы вовсе мы не должны были умирать...

АСТРАХАНСКІЯ ПИСЬМА.

1844 года.

Въ 42-мъ году, Иванъ Сергѣевичъ по окончаніи курса въ училищѣ Правовѣденія, вернулся въ Москву къ своимъ родителямъ, и поступилъ прямо на службу во 2-е отдѣленіе 6-го Департамента Правительствующаго Сената, гдѣ онъ черезъ три недѣли назначенъ былъ исправлять должность секретаря. Выраженіемъ чувствъ, мыслей, сомнѣній, тоски, волновавшихъ душу молодаго чиновника, при первыхъ шагахъ на поприщѣ служебномъ, явилось его первое крупное произведеніе въ стихахъ: *Жизнь чиновника, мистерія въ 3-хъ дѣйствіяхъ*. Въ немъ изобразилась та двойственность душевнаго настроенія, которая сопутствовала Ивану Сергѣевичу во всю жизнь: то было какое то странное совмѣщеніе самаго восторженнаго идеализма и лиризма съ самой неутомимой, неугомонной дѣятельностью на практической, реальной почвѣ. Объ этой своеобразной чертѣ своей натуры Иванъ Сергѣевичъ пишетъ самъ гораздо позднѣе: «Мнѣ приходится самому брать противъ себя предосторожности какъ противъ поэта. Неправда ли какъ странна такая двойственность, и не вредитъ ли во мнѣ поэтъ положительному человѣку и положительный человѣкъ поэту? Вредитъ — одинъ мѣшаетъ другому. Одинъ и тотъ же человѣкъ пишетъ «Бродягу» и изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Оба сочиненія имѣютъ успѣхъ, послѣднее

вѣнчано два раза преміями, удостоено золотой медалью, признано классическимъ, но изъ меня не вышло статистика, полюбившаго это дѣло, и «Бродяга» остался недоконченнымъ и, какъ поэтъ я не произвелъ ничего крупнаго. Правда въ изслѣдованіи о ярмаркахъ, видно присутствіе художественнаго элемента въ изслѣдователѣ и такое приложеніе поэтическаго откровенія къ статистикѣ было не безплодно для дѣла. Но я сознаю самъ, что такое поэтическое отношеніе къ труду, не есть настоящее отношеніе къ труду для достиженія ученаго прочнаго знанія, и всячески стараюсь избавиться отъ этого недостатка, но еще не избавился, хотя стиховъ уже давно не пишу и чуть не утратилъ этой способности совсѣмъ. Эта борьба во мнѣ двухъ этихъ элементовъ, двухъ разныхъ требованій и запросовъ моей натуры и производитъ во мнѣ, между прочимъ такое безпокойство, мѣшаетъ цѣльности и зрѣлости. «—Это было писано въ 65-мъ году и мы приводимъ здѣсь это опредѣленіе самого Ивана Сергѣевича двойственности своихъ стремленій, потому что оно объясняетъ многое въ его дѣятельности и въ его судьбѣ. Но вернемся къ годамъ первой молодости.

Въ концѣ 43-го года, онъ пишетъ своему пріятелю князю Д. А. Оболенскому въ Казань: «Право, годы юности проходятъ не оставляя бодрыхъ слѣдовъ и изъ насъ никто не вправѣ сказать:»

«Я гордо чувствую, я молодъ.
Мила мнѣ жизнь; мужчина я».

«Условность связующая нашу дѣйствительную жизнь, лишаетъ насъ и сильныхъ убѣжденій и свободныхъ движеній и теплыхъ вѣрованій. Когда иногда высмотришь свою внутренность и перенесешься мысленно туда, гдѣ человѣкъ совершенно искрененъ и свѣжа въ немъ природа, гадко дѣлается».

4-го декабря, того же 43-го года Иванъ Сергѣевичъ пишетъ опять князю Д. А. Оболенскому: «понедѣльникъ, отправили мы съ кн. П. П. Гагаринымъ представленіе къ министру о назначеніи насъ подъ его начальствомъ въ ревизіонную коммиссію въ Астрахань: старшихъ трое: Строевъ,

Павленко, Розановъ; младшихъ семь: я, Нѣмченко, Бюлеръ, Блокъ; Ясневъ, Булычевъ и еще одинъ канцелярскій служитель. Еще поѣдетъ съ нами, вѣроятно, князь Оболенскій, племянникъ князя Гагарина. Я съ нимъ познакомился у его дяди и онъ мнѣ нравится; впрочемъ не знаю, что за человѣкъ. Кажется я буду состоять непосредственно у князя: я уже писалъ за него отношенія и отвѣтныя письма. Теперь по порученію князя, я читаю отчетъ Дурасовской коммиссіи. Эта новая сфера дѣятельности меня очень занимаетъ и именно потому, что постоянно приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ хитрымъ, умнымъ, неискреннымъ».

Въ послѣднихъ числахъ декабря состоялась отправка ревизіонной Астраханской коммиссіи по назначенію. Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ въ одной повозкѣ съ кн. Родіономъ Оболенскимъ. Съ самаго пути начинается его весьма оживленная и обстоятельная переписка съ родителями. Эти письма, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ литературномъ дарованіи 20-ти лѣтняго путешественника читались съ восторгомъ всѣмъ собраннымъ семействомъ Аксаковыхъ. Отецъ отвѣчалъ на каждое письмо подробно и очевидно восхищается повѣствованіями сына. Семейство жило тогда въ Москвѣ. Константину Сергѣевичу было 27 лѣтъ. Онъ былъ занятъ составленіемъ диссертаціи о Ломоносовѣ, о которой часто упоминается въ перепискѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Старшая сестра Вѣра, годомъ моложе Константина, была весьма даровитая личность; раздѣляя съ дѣтства уроки и занятія Константина, она сроднилась съ его духовнымъ строемъ и умственными интересами. Второй братъ Григорій Сергѣевичъ былъ въ это время очень занятъ отысканіемъ и пріобрѣтеніемъ подмосковной для семейства.

Вторая сестра Ольга, нѣсколько старше Ивана, страдала отъ нервной очень сложной и продолжительной болѣзни. Эта болѣзнь сдѣлала ее средоточіемъ самыхъ нѣжныхъ и постоянныхъ заботъ и попеченій отца и матери и всего остальнаго семейства, и не только состраданіемъ къ ея физическому недугу привлекала она къ себѣ сочувствіе окружающихъ ее, но гораздо больше еще нравственнымъ вліяніемъ ея духовной природы, облагороженной и просвѣтленной терпѣливо перенесенными страданіями.

Много лѣтъ послѣ ея кончины, младшія сестры вспоминали о ней съ умиленіемъ и говорили, что всѣми задатками добра онѣ обязаны именно этой многострадальной сестрѣ. Видно по письмамъ Ивана Сергѣевича, что и онъ относился къ Ольгѣ съ особенной нѣжностью. Младшія сестры Любовь, Надежда, Марихенъ и Софія были тогда еще малолѣтними и въ письмахъ Сергѣй Тимоѳеевичъ упоминаетъ о нихъ подъ общимъ названіемъ: душонки. Къ концу 43-го года, поиски Григорія Сергѣевича увѣнчались успѣхомъ. Для семейства Аксаковыхъ было пріобрѣтено сельцо Абрамцево, прелестный уголокъ на берегахъ рѣчки Вори, близь Хотьковскаго монастыря и не очень далеко отъ Троицко-Сергіевой Лавры. Это имѣніе соединяло въ себѣ все, что могло удовлетворить требованіямъ Сергѣя Тимоѳеевича: прелестное мѣстоположеніе, удобный старинный домъ, среди прекраснаго парка, громадный прудъ подъ мельницею съ богатой ловлею рыбъ, хорошее купанье въ рѣкѣ Вори, обширные лѣса, изобилующіе грибами, сборъ которыхъ производился Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и семействомъ его съ артистическими пріемами. О количествѣ найденныхъ грибовъ велся дневникъ, всѣ замѣчательные экземпляры были срисованы и сохранены. При Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ Абрамцево оживилось посѣщеніемъ его друзей; между ними много литературныхъ дѣятелей того времени—Хомяковъ, Гоголь, Самаринъ, Тургеневъ и другіе. Тамъ же самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, уже полуслѣпой, посвятилъ свои старческіе досуги диктованію своимъ дочерямъ воспоминаній о своей молодости: тамъ были написаны: «Семейная Хроника», «Воспоминаніе внука Багрова,» «Записки Ружейнаго охотника», «Уженье рыбъ». Хотя съ самаго начала Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ весьма доволенъ новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, но состояніе больной дочери не дозволило ему провести тамъ лѣто 44-го года.

Такъ какъ Ольга должна была остаться подъ постояннымъ наблюденіемъ врача, то была нанята для нея дача на Башиловкѣ, въ сосѣдствѣ знаменитаго Овера, врача и друга семейства Аксаковыхъ. Онъ ежедневно посѣщалъ больную, которой предписалъ весьма оригинальное леченіе. Она въ продолженіе долгаго времени должна была питаться исключительно мороженымъ и виноградомъ.

Отецъ и мать и старшая сестра Вѣра жили попеременно съ больной Ольгой, а остальное семейство въ Абрамцевѣ. Эти семейныя обстоятельства служатъ содержаніемъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича къ сыну въ отдаленную Астрахань: видно, что удручающее дѣйствіе ихъ отдалило его временно отъ оживленнаго участія въ окружающей его общественной жизни. Онъ упоминаетъ однако съ большимъ сочувствіемъ о диспутѣ Ю. Ѳ. Самарина въ іюнѣ 1844 г.

«Диспутъ, пишетъ онъ, былъ очень хорошъ, особенно въ отношеніи къ Самарину. Никогда и никого не видалъ я на каѳедрѣ столь свободнымъ, благороднымъ и умѣреннымъ; но послѣдній эпитетъ не выражаетъ мысли; я хотѣлъ сказать, что все у него было въ мѣру: внутренней теплоты и спокойствія, и достоинства, и скромности, и уклончивости, и смѣлости. Всѣ были имъ восхищены, особенно тѣ, которые ему возражали, а изъ нихъ особенно Шевыревъ. Онъ просто влюбился въ Самарина на каѳедрѣ». Слѣдуетъ полное описаніе самаго диспута.

Ивану Сергѣевичу пришлось праздновать свое совершеннолѣтіе 26-го Сентября въ Астрахани, одиноко, вдали отъ родныхъ. Отецъ пишетъ ему: «Обнимаю и поздравляю тебя съ твоимъ совершеннолѣтіемъ. Молю Бога, да сохранитъ онъ твое здоровье. Я желаю одного, чтобы твое будущее было развитіемъ твоего прошедшаго и настоящаго, а главное, чтобъ ты былъ имъ доволенъ».—И мать пишетъ: «Итакъ, мой совершеннолѣтній сынъ, начинай твое совершеннолѣтіе съ благословеніемъ Божіимъ. Молитва и вѣра да будутъ всегда съ тобою. Не высокомудрствуй, не надѣйся много на себя: *есть*, *есть*, *есть* Высшій, Который всѣмъ управляетъ. О какъ хотѣлось бы мнѣ перелить въ твою душу это теплое чувство вѣры»!

А между тѣмъ, этотъ только что совершеннолѣтній работалъ и трудился на служебномъ поприщѣ съ умѣлостію и настойчивостію зрѣлаго мужа. Простительно, что при сознаніи успѣшности своихъ усилій, по разрѣшеніи наиболѣе трудныхъ задачъ, онъ испытывалъ иногда самодовольство, и съ юношескою откровенностію высказывалъ его родителямъ.

Одинъ изъ бывшихъ товарищей Ивана Сергѣевича по ре-

визіи, баронъ Бюлеръ, писалъ о немъ уже послѣ его смерти при изданіи его Астраханскихъ стихотвореній. «Не могу «пройти молчаніемъ, что насъ, съ правителемъ канцеляріи, «было при сенаторѣ 12 чиновниковъ разныхъ лѣтъ, и что «Аксаковъ положительно работалъ болѣе, чѣмъ всѣ осталь«ные 11 вмѣстѣ. Онъ занимался по 16-ти часовъ въ день, «постоянно писалъ, читалъ, рылся въ Сводѣ Законовъ, и «лишь когда одолѣетъ бывало какое-нибудь трудное дѣло, то «для отдохновенія и забавы примется за стихи. Работалъ «онъ скоро и легко; причемъ весьма серьезно и добросовѣстно «относился къ служебнымъ занятіямъ. Сравнительную зрѣ«лость свою и воспріимчивость къ труду объяснялъ онъ тѣмъ, «что ему родители дали физически окрѣпнуть и довольно «поздно начали учить грамотѣ, такъ что вообще наука до«сталась ему легко. Князь А. П. Гагаринъ его очень ласкалъ «и отличалъ, а товарищи сознавали его нравственное надъ «собою превосходство и при этомъ очень его любили».

Астраханскія письма.

1844 года, января 8-го. Кулеватово, Тамбовской губерніи.

Наконецъ, послѣ трехъсуточнаго путешествія, послѣ ночи, проведенной на мягкомъ диванѣ, окруженный всѣми удобствами жизни, расположился я на досугѣ писать къ Вамъ, милый Отесинька и милая Маменька, милая Олинька и всѣ прочіе братья и сестры. Хочу обратиться къ началу своего путешествія и представить подробно картину нашей дороги. Когда мы выѣхали изъ Москвы, то погода сначала была благопріятна, но потомъ пошло снѣжить, поднялась мятель, и я увидалъ, какія непріятности готовитъ намъ зимній путь.— Первую ночь былъ я въ такомъ расположеніи духа, что не спалъ почти. Бронницы проѣхали ночью и очутились въ Коломнѣ часовъ въ шесть утра. Пріятно однакоже послѣ снѣга, мятели, очутиться въ теплой комнатѣ. Съ помощью погребца, мгновенно столъ покрывается скатертью, стаканами, ложками, закуриваются трубки и сигары, наливается чай и, мы наслаждаемся и тепломъ и покоемъ. Потомъ, когда снова уса-

дишься въ повозку, и тронутся лошади, и зазвенитъ колокольчикъ, то разговоръ сначала идетъ живо, и мы докуриваемъ еще на станціи закуренныя трубки. Но до новой станціи долго, колокольчикъ такъ однозвученъ, видъ такъ однообразенъ, всюду бѣлая равнина, сливающаяся съ сѣрымъ горизонтомъ, — что разговоръ мало по малу прерывается, наконецъ пресѣкается совсѣмъ и каждый задумывается Богъ знаетъ о чемъ. Всякая дума становится неопредѣленною и неясною. въ головѣ мелькаютъ смѣшанные образы, сначала тѣ, которые ближе къ сердцу, потомъ, по какому-то, часто чудному сближенію, за ними выходятъ и другіе... И какъ-то привольно это состояніе, это пребываніе въ переливѣ мыслей и образовъ. И это забвеніе, эти сновидѣнія на яву такъ отрадны, что, кажется, все бы тонулъ въ нихъ глубже и глубже, и эти минуты вознаграждаютъ за претерпѣваемыя физическія непріятности. Вѣчно вращаясь въ кругу скучной и пошлой дѣйствительности, я, по воспоминанію, чувствовалъ потребность въ такихъ ощущеніяхъ, которыя очищаютъ душу. О, если бы у меня было въ это время все легко на сердцѣ!... Но два или три часа ѣзды утомляютъ моего спутника, онъ оживляется, бранитъ ямщика. я и самъ приподымаюсь и начинаю ощущать необходимость пріюта на нѣкоторое время; и вотъ подъѣзжаемъ и опять вылѣзаемъ; приходитъ аппетитъ, о которомъ мнѣ за полчаса странно было бы и вообразить, завтракаемъ, куримъ и опять та же исторія.—Оболенскимъ я чрезвычайно доволенъ. Онъ добрѣйшій малый и еще меньше имѣетъ прихотей, нежели я. Днемъ онъ больше все сидитъ на облучкѣ, частью для собственнаго удовольствія, частію для человѣка (славнаго и расторопнаго малаго), который на это время занимаетъ его мѣсто и высыпается порядкомъ. На станціяхъ иногда просиживаемъ до часу. Вообще, ѣхали мы очень тихо, ибо дорога преухабистая; къ тому же, снѣгу такая бездна, а по дорогѣ такъ мало ѣзды, что ее совершенно заноситъ. Мы не встрѣтили ни одного проѣзжающаго. Наконецъ, часу въ седьмомъ вечера, пріѣхали мы въ чудесное имѣніе Давыдова, который принялъ насъ съ распростертыми объятіями. У него домъ огромный и теплый, убранъ не роскошно, мебель старинная, но ужъ такой комфортъ, что чудо,

видъ чудесный, даже зимой. Впрочемъ это касается Константина,—я самъ понялъ нынче прелесть природы зимней. Конечно при томъ воображаешь себѣ, что это все покрывается разными красками и живетъ и что на время только жизнь убѣжала внутрь и оставила только чистыя формы. Въ саду у нихъ протекаютъ двѣ рѣки—Цна и Челновая. Вотъ роскошь-то!—Я теперь, вслѣдствіе ли грустнаго расположенія духа, или по другому чему—не знаю, становлюсь часто въ созерцательное положеніе въ отношеніи къ жизни, и жизнь отдѣльнаго лица (лучше было бы сказать индивидуума?) въ массѣ человѣчества сильно меня занимаетъ. Недавно сидѣлъ я вечеромъ въ избѣ, гдѣ потолокъ былъ черенъ какъ уголь, отъ проходящаго въ дыру дыма, гдѣ было жарко и молча сидѣло человѣкъ пять мужиковъ. Молодая хозяйка одна, съ грустнымъ выраженіемъ лица, безпрестанно попрявляла лучинку, и всѣ смотрѣли на насъ какъ-то странно. Мнѣ было и совѣстно и тяжело. Это освѣщеніе въ долгіе зимніе вечера, эта женщина, безо всякой свѣтлой радости проводящая рабочую жизнь, и мы, столь чуждые имъ.... Право, есть на каждомъ шагу въ жизни надъ чѣмъ позадуматься, если нѣсколько отвлечешь себя отъ нея. — Здѣсь дождемся мы князя Павла Павлыча, слѣдовательно, проживемъ еще дня два или три, потомъ опять пустимся въ путь, но менѣе разнообразный. Завтра начну заниматься Сводомъ Законовъ, книгъ бездна и мнѣ не будетъ скучно. Видите—поѣздка моя счастлива, и благодаря Бога, надѣюсь, что счастіе не оставитъ меня. Одно меня смущаетъ: то, что мнѣ долго ждать Вашихъ писемъ, а мнѣ сильно хочется знать, что у Васъ дѣлается и каково здоровье милой Олиньки. Кисетъ ея былъ въ безпрестанномъ употребленіи въ дорогѣ. Что Костя и его диссертація? Это послѣднее слово такъ и выходитъ вслѣдъ за первымъ, право, какъ будто спрашиваешь: что Костя и его супруга? Что вечеръ у Васильчиковыхъ? Ужъ, конечно, некому писать ко мнѣ съ такою подробностью, съ какою я пишу. Впрочемъ, я признаюсь, что на бумагѣ я и откровеннѣе и разговорчивѣе, не затрудняюсь въ словахъ, не чувствую безпрестанно смущающаго меня недостатка моего произношенія.

Вторникъ, 12-го января, 1844 года. Кулеватово.

За нѣсколько часовъ передъ отъѣздомъ пишу Вамъ: мы продолжаемъ дальнѣйшій свой путь въ Царицынъ. Вчера неожиданнымъ образомъ пріѣхалъ князь Павелъ Павлычъ, выѣхавъ въ субботу по утру, слѣдовательно, не проѣхавъ и двухъ сутокъ съ половиной, между тѣмъ, какъ мы проѣхали трое. Нынче, вставъ рано по утру, онъ занялся работой и поручилъ мнѣ также нѣсколько, чѣмъ я и былъ занятъ до сихъ поръ, а еще предстоитъ укладываніе повозки. Самъ онъ отправляется завтра. Въѣхавъ въ Астраханскую губернію, онъ начнетъ ревизію только со мной однимъ, поэтому не знаю, скоро ли мы попадемъ въ Черный Яръ, отстоящій въ 200 верстахъ отъ границы. Это меня огорчаетъ, потому что срокъ полученія писемъ отъ Васъ отдаляется на неопредѣленное время, и я самъ манкирую какую-нибудь почту.— И такъ, я здѣсь прожилъ трое сутокъ, мирно и покойно, занимаясь и дѣломъ служебнымъ и чтеніемъ одной занимательнѣйшей, по крайней мѣрѣ для меня, книги, Etudes sur les reformateurs ou socialistes modernes, par Louis Reybaud.— Стало еще цѣлую недѣлю или больше не могу я получить отъ Васъ писемъ, а мнѣ такъ хочется знать, что у васъ дѣлается, что Олинькино положеніе и здоровье всѣхъ Васъ вообще. И эта мысль мнѣ мѣшаетъ во всемъ и ни внимательность ни любезность хозяевъ не могли разсѣять меня вполнѣ. Впрочемъ, Павелъ Павлычъ своею дѣятельностью нѣсколько оживилъ меня, и я предвижу, что онъ работою не дастъ намъ и духа перевести. Теперь онъ грозитъ насъ перегнать на дорогѣ, ибо вовсе не прохлаждается, не ѣстъ и не пьетъ на станціяхъ. Впрочемъ, мы будемъ его ждать въ Царицынѣ, гдѣ проживемъ дня два или три, чтобы сообразиться, приготовиться и заглянуть еще въ Сводъ. Однако, мнѣ нѣтъ времени писать больше, ибо учтивость требуетъ, чтобы я сошелъ внизъ, въ гостиную. Гдѣ будетъ можно, напишу обстоятельное и покойное письмо. Прощайте, будьте здоровы и безъ опасеній на мой счетъ. Я, слава Богу, здоровъ совершенно.

Черный Яръ. Вторникъ 18-го января 1844 года. Вечеръ.

Наконецъ я въ Черномъ Яру и уже приступилъ къ дѣлу. Уфъ! Столько надо поразсказать, что позвольте собраться съ духомъ, припомнить всѣ подробности, ибо я хочу въ отчетливости разсказа посоперничать съ Костей, зная по опыту, какъ это будетъ Вамъ пріятно. Не забѣгая впередъ, поведу Васъ съ самаго начала, т. е. отъ Давыдовыхъ. Итакъ

Начинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ!

Вамъ уже извѣстно, какъ я проводилъ время у Давыдовыхъ. Мы жили у Давыдовыхъ съ пятницы вечера до понедѣльника. Въ этотъ день вдругъ прискакалъ князь Гагаринъ, который дядя женѣ Давыдова. Этотъ неутомимый старикъ скачетъ, нигдѣ не останавливаясь; мало того, на другой день часу въ пятомъ утра онъ уже занимался дѣлами, часу въ восьмомъ потребовалъ меня, задалъ мнѣ работу, объявилъ, что мы имѣемъ отправиться во вторникъ, а самъ онъ выѣдетъ въ среду. Я чрезвычайно ему обрадовался, обрадовался и работѣ и, зная его поспѣшность, не заставилъ его дожидаться, тѣмъ болѣе, что я чувствую, что онъ меня особенно отъ другихъ отличаетъ. Давыдовъ, имѣвшій съ нимъ подробный разговоръ о планахъ ревизіи, сказывалъ мнѣ потомъ, что князь на меня много надѣется. Я радъ: покрайней мѣрѣ есть побудительная причина усильной работы, желаніе оправдать довѣренность, оказываемую мнѣ преимущественно передъ прочими старшими чиновниками.—Вечеромъ во вторникъ мнѣ было что-то очень тяжело на сердцѣ, и я спѣшилъ уѣхать, но передъ самымъ отъѣздомъ вдругъ сдѣлался совершенный переломъ, и я принялъ это за хорошій знакъ относительно нашихъ домашнихъ обстоятельствъ. — Софья Андреевна, какъ всякая русская барыня, надѣлила насъ вдоволь провизіей, хотя и у меня оставалось: два языка, пирогъ, два тетерева и икра; очень дружески простилась со мною, просила бывать у нихъ въ Москвѣ, заѣхать на обратномъ пути, и мы, проживши въ великолѣпномъ Кулеватовѣ 4 сутокъ, во вторникъ, часовъ въ 8 вечера, сѣли въ

повозку и двинулись по тракту въ Тамбовъ. Надо сказать, что за нѣсколько дней передъ этимъ выпало ужасное количество снѣгу и что Кулеватово отстоитъ отъ Тамбова верстъ съ 50. Планъ князя былъ, чтобы мы пріѣхали въ Царицынъ, приготовили ему квартиру и провели вмѣстѣ съ нимъ дня два или три въ пріуготовительныхъ занятіяхъ, потомъ вмѣстѣ же вступили въ предѣлы Астраханской губерніи. Но путешествіе отъ Давыдовыхъ началось неудачно. Ясная погода стала превращаться въ бурную. Въ Горѣловѣ, первой станціи отъ Давыдова, не найдя почтовыхъ лошадей, наняли мы вольныхъ и, перезябнувъ, желали доѣхать поскорѣй до Тамбова, чтобы тамъ отдохнуть и напиться чаю. Но снѣжная погода начинала пріобрѣтать характеръ метели, мы ѣхали плохо и съ трудомъ часовъ въ шесть утра добрались до Тамбова, гдѣ попали въ какой-то простой трактирчикъ. Какъ ни гадко было, однакожъ мы остановились тамъ и напились чаю въ комнатѣ, увѣшанной картинами, преставляющими кажется подвиги Телемаха, и портретами царской фамиліи, при звонкихъ треляхъ двухъ или трехъ канареекъ. Это было ночью, да какою ночью! при такой погодѣ, которая заставляетъ человѣка думать только о себѣ, о средствахъ одѣться потеплѣе. Однакожъ мнѣ все таки было и смѣшно и весело. Надѣвъ шинель и накинувъ шубу, усѣлся я въ повозку, которую мы закрыли и такимъ образомъ избавились отъ снѣговаго сѣченья. Долго ѣхали мы до Кузминой Гати, гдѣ поспѣшили укрыться въ первой избѣ, вытащили изъ повозки провизію и закусили, не предполагая вовсе, что мы будемъ много обязаны этому завтраку. Тамъ видѣлъ я мордву, которую называютъ здѣсь еще другимъ именемъ и которой повинность состоитъ въ перевозкѣ мачтовыхъ деревьевъ. Видѣлъ, какъ подсмѣиваются надъ мордвой русскіе, хотя съ осторожностью, ибо, какъ кажется, мордва не больно смирное племя. Сѣли, отправились въ надеждѣ пріѣхать въ Сампуръ (это было въ полдень въ середу) часамъ къ тремъ. Ямщики однако же уговаривали насъ остаться, выждать погоду, но мы ихъ не послушались, а заложили пять лошадей съ форейторомъ, ибо снѣгу, снѣгу гибель; развѣ въ одной Оренбургской встрѣчается подобное количество. Поѣхали. Матель

гуляла въ волю, и мы, не сдѣлавъ двухъ верстъ, сбились съ дороги и рѣшились воротиться. Только что завидѣли Кузьмину Гать, вдругъ погода пріутихла, просвѣтлѣла, и мы опять поворотили въ Сампуръ. Мнѣ еще было смѣшно, хотя Оболенскій и начиналъ безпокоиться; человѣка мы посадили между собой, и хотя продувало насъ порядкомъ, однако мы терпѣли, имѣя въ виду пріѣздъ въ Сампуръ. Вамъ извѣстно, что такое буранъ! Ну такъ буранъ, настоящій буранъ, свирѣпствовалъ во всей силѣ: въ двухъ шагахъ нельзя разглядѣть человѣка, да и смотрѣть нельзя, такъ, кажется, и вырветъ и забьетъ глаза. Мы еще закрылись рогожкой, но каково же было ямщикамъ! Лошади отказывались везти, начинало смеркаться. Оболенскій выскочилъ самъ, повелъ подъ уздцы лошадей, общими криками побуждали мы ихъ идти, но пользы было мало, мы отстали отъ обоза, и такъ какъ, въ проклятой Тамбовской губерніи по дорогамъ нѣтъ ни вершъ, ни вѣхъ, то скоро сбились съ дороги, а наудачу ѣхать было опасно, ибо встрѣчаются буераки, т. е. такіе снѣжные сугробы, саженъ до двухъ и трехъ глубины, изъ которыхъ и днемъ не всегда избавляются. Между тѣмъ наступилъ пятый часъ и совершенно смерклось. Что дѣлать! Лошади не везутъ, ямщики закоченѣли, мы сами иззябли, дороги не знаемъ, ночь, и при всемъ этомъ ужасный, неистовый буранъ! Послали ямщика верхомъ отыскивать дорогу, сами принялись кричать, но ямщикъ скоро вернулся, не найдя ничего, кромѣ стога сѣна, а крики наши не могли быть услышаны при такомъ вихрѣ, да и кто сталъ бы отвѣчать и отыскивать насъ! Вѣдь въ Тамбовской губерніи нѣтъ ни сенбернардскихъ монаховъ, ни собакъ! Страшно! Ямщикъ принялся плакать, молиться Богу: «ахъ ты жизнь наша, жизнь, вотъ, умирай здѣсь вдругъ!» Мы рѣшили остановиться у стога сѣна, отпречь лошадей и дожидаться утра. Каково это! Имѣть въ перспективѣ часовъ 13 или 14 ночи, при такой погодѣ, съ ежеминутной возможностью закоченѣть и замерзнуть! Отпрягли лошадей и пустили въ повозку ямщика и форейтора и накрылись рогожкой. Ямщикъ и форейторъ готовились разстаться съ жизнію и отдать душу Богу, но такъ какъ они прозябли болѣе насъ, то я отдалъ имъ шубу, а самъ остался въ одной

извѣстной Вамъ шинели, а Оболенскій отдалъ имъ шинель, оставшись въ одной чуйкѣ. Признаюсь, я никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что дѣйствительно можно замерзнуть, хотя благоразуміе заставляли почти не сомнѣваться въ этомъ. Могли ли мы надѣяться, что выдержимъ предстоявшіе намъ ужасные 14 часовъ ночи! Нѣтъ, надежда, увѣренность въ милость Божію не покидала меня; хотя я вовсе не имѣю особеннаго права на эту милость, но чувствую, что нахожусь подъ нею ежеминутно, т. е. это относительно меня собственно. Но тяжело было это испытаніе и памятны мнѣ эти съ такимъ напряженнымъ терпѣніемъ выжданные часы! Такъ какъ ямщики и человѣкъ нашъ, совершенно одурѣвшіе и обезчувствѣвшіе, готовы были заснуть каждый мигъ, несмотря на то, что сонъ въ ихъ положеніи—вѣрный конецъ, то мы съ Оболенскимъ и положили, смѣняясь безпрерывно, будить всѣхъ и не давать спать. Странно право, какъ нравственное чувство торжествуетъ надъ физикой человѣка. Мы были одѣты холоднѣе, чѣмъ они, менѣе привычны къ холоду и снѣгу, болѣе изнѣжены и при томъ мы терпѣли, бодрствовали всю ночь, поддерживали ихъ мужество, ободряли ихъ и можемъ смѣло сказать, что безъ насъ они бы замерзли. Однако вѣтеръ сильно прохватывалъ насквозь нашу жидкую кибитку, и мы вздумали было поставить ее по вѣтру. т. е. чтобы вѣтеръ дулъ только въ спину, а не въ лицо. Но это было напрасно. Лошадей запречь мы были не въ состояніи: пальцы распухли, безъ силы, безъ чувства осязанія, да и лошади—что шагъ, то падали въ снѣгъ отъ слабости и изнеможенія, а снѣгу къ тому же столько, что ходить почти не было возможности. Итакъ, еще больше прозябнувъ, сѣли мы въ свою маленькую клѣтку и стали ждать. Проходитъ часъ, другой, въ безпрерывныхъ бужденіяхъ другъ друга, спрашиваніяхъ: живъ ли ты, спишь ли и т. п. Но всему долженъ быть конецъ на свѣтѣ. Погода стала утихать, хотя холодъ усилился, и показалась заря. Послышались отдаленные крики обозовъ. Насилу заставили мы уже равнодушнаго ко всему ямщика проснуться, сѣсть верхомъ и ѣхать отыскивать дорогу или деревню. Я боялся, что онъ или упадетъ съ лошади и не будетъ въ состояніи подняться, или еще больше заплутается, или наконецъ, пріѣхавъ въ

какую-нибудь избу, броситься къ теплу и забудетъ про насъ. Сами же мы вышли изъ повозки и стали кричать, но никто не отвѣчалъ намъ, а идти пѣшкомъ до дороги мы не были въ состояніи. Наконецъ, часу въ восьмомъ утра, при рѣзкомъ и сильномъ холодѣ съ вѣтромъ, хотя безъ бурана, показались лошади и верховые. Долго были мы въ мучительной неизвѣстности: избавители ли это наши? И когда мы увидѣли, что это они, то удивительно сладкое чувство радости и умиленія овладѣло нами. Бодрые Сампурскіе ямщики привели свѣжихъ лошадей и скоро привезли насъ на станцію, отъ которой мы находились верстахъ въ трехъ не больше. Итакъ болѣе 20-ти часовъ провели мы не пивши и не ѣвши, при жестокомъ буранѣ, заблудившись верстахъ въ трехъ отъ станціи, съ 12 часовъ полудня во Вторникъ 12-го числа до 8 часовъ утра въ Среду 13-го января! Ѣдучи въ Сампуръ, надѣялся я отдохнуть, согрѣться, даже выспаться, но не тутъ-то было. Домъ станціоннаго смотрителя былъ грязенъ, сыръ и холоденъ, и хотя мы подкрѣпили себя виномъ и (извините уже) даже анисовой водкой и поставили самоваръ, но всетаки не было уютнаго и милаго тепла. Не прошло и получаса времени, какъ вдругъ обсыпанный снѣгомъ вбѣгаетъ курьеръ (ѣдущій вмѣстѣ съ княземъ въ отдѣльной кибиткѣ съ Булычевымъ, князевымъ письмоводителемъ или писцомъ, служащимъ у насъ въ Сенатѣ) съ словами: «далъ клятвенное женѣ обѣщаніе не пить водки, да есть ли возможность?!» Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ и князь. Мы вышли къ нему, душевно принимая въ немъ участіе и сожалѣя, что онъ въ такую погоду долженъ былъ ѣхать, но князь бодро выскочилъ изъ кибитки и какъ будто ни въ чемъ не бывало! Къ счастію, они не плутали. Положимъ, что у него хорошая шуба Американскихъ медвѣдей, да всетаки въ его лѣта такъ легко переносить стужу, усталость и голодъ, удивительно! Итакъ мы всетаки не ускакали впередъ его. Напившись кофею и давъ мнѣ порученіе сочинить письмо Перовскому о скверномъ положеніи зимнихъ дорогъ въ Россіи, онъ опять пустился въ путь, чѣмъ привелъ въ отчаяніе Булычева, который хотя и втрое его моложе, однако чувствовалъ потребность отдыха. Князь сказалъ мнѣ, что будетъ ждать насъ, вѣроятно, въ Сарептѣ, которая намъ по

дорогѣ, верстахъ въ 20-ти за Царицынымъ и въ трехъ отъ предѣловъ Астраханской губерніи. Онъ уѣхалъ, а мы остались, потому что повозка наша требовала починки. Но отдыхать было нечего и даже стыдно, послѣ того какъ князь насъ видѣлъ. Часа три спустя отправились и мы. День былъ холодный, но ясный. Какія скверныя дороги въ Тамбовѣ! Вообразите себѣ обширную степь, на которой лѣтомъ еще замѣтна черная дорожная полоса, но зимою, когда все бѣло и путь не обозначается ни верстовыми столбами, ни вѣхами, то дорога пролагается наудачу, ѣдутъ часто цѣликомъ или попадаютъ на какой-нибудь хребетъ земли, гдѣ снѣгу поменьше, но который въ ширину аршина два или три не больше, такъ что если попадается обозъ, то нѣтъ даже возможности объѣзжать его, потому что съ обѣихъ сторонъ снѣгъ по брюхо лошади. Что еще меня бѣсило, такъ это мордва. Вообразите, что они для перевозки бревна мачтоваго, часто вершковъ 14 въ поперечникѣ, закладываютъ или закладаютъ, какъ здѣсь говорятъ, лошадей по 18 и больше, по три въ рядъ, протягивая по обѣимъ сторонамъ канаты. Сами въ числѣ 15 и 20 человѣкъ сидятъ на бревнѣ или верхомъ и смѣются надъ несчастными, принужденными ждать окончанія ихъ длиннаго поѣзда. Везли насъ плохо, и въ Вязовую, пріѣхали мы часовъ въ 6 вечера. Здѣсь большой и красивый станціонный домъ, хотя прехолодный. Не спавъ двухъ ночей сряду, уставъ и физически и нравственно, рѣшились мы здѣсь выждать ночь, отдохнуть, соснуть, напиться чаю, поужинать и тѣмъ болѣе, что на дворѣ былъ сильный морозъ, слѣдовательно, какъ мы не укутывайся, а все таки воротники покрыты были бы морозною пылью, носъ плакалъ бы, скулы ломили... лучше остаться. Накурившись вдоволь и разостлавъ шубы, не раздѣваясь, легли мы спать и проснулись на другой день рано поутру съ сильною головною болью, которая, впрочемъ скоро прошла.—Свое путешествіе устроили мы такимъ образомъ: поутру гдѣ нибудь закусываемъ и пьемъ чай, котораго Оболенскій истребляетъ невѣроятное количество. Погребецъ оказываетъ намъ необъятныя услуги. Потомъ таже самая исторія ввечеру. На каждой станціи, покуда закладываютъ лошадей, мы выходимъ и закуриваемъ сигары, ибо дорогой курить нѣтъ возмож-

ности, а ввечеру даже зажигаемъ свои свѣчки вовремя чая или ужина. Въ теплой избѣ скоро забываются всѣ непріятности дороги; даже безпрерывная смѣна лицъ, декорацій и обстоятельствъ веселитъ и тѣшитъ.—Часу въ девятомъ вечера въ четвергъ пріѣхали мы въ Новохоперскъ, гдѣ остановились у какого-то мѣщанина. Мы распрашивали о ѣздѣ въ земляхъ войска Донскаго, и мѣщанка, толстая Новохоперка, разсказывала намъ, что прежде возили казаки и возили тихо, потому что каждый казакъ очень важничаетъ и все считаетъ за службу; живетъ гдѣ на квартирѣ, говоритъ, что служитъ, караулитъ. Когда же содержаніе станцій и лошадей отдано было на подрядъ, принятый русскими мѣщанами, то казаки сердились, говоря: «а Русь къ намъ идетъ. Русь къ намъ хочетъ», но тѣмъ не менѣе ѣзда теперь скора и покойна. Скоро потомъ явился въ избу и управляющій сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, старый толстый, любезный холостякъ, съ краснымъ и полнымъ лицомъ и волосами съ просѣдью. Онъ мнѣ показался типомъ своего класса: шея его была окутана шарфомъ, шинель съ старымъ бархатнымъ воротникомъ надѣта въ рукава и подтянута кушакомъ. Онъ полюбезничалъ и съ хозяйкою и съ дочерью хозяйки и съ сыновьями ея, а завидѣвъ насъ, вступилъ въ разговоръ съ нами и сталъ доказывать, что хорошую дойную корову непремѣнно надо также кормить овсомъ... Разумѣется, я сейчасъ же съ нимъ согласился, воображая себѣ въ немъ нашего Ивана Семеныча. Расплатившись съ хозяйкой, мы двинулись въ путь черезъ земли войска Донскаго. Къ сожалѣнію, Михайловскую станицу, гдѣ тогда была обширная ярмарка, мы проѣхали ночью; къ тому же всѣ почтовые дворы построены вдалекѣ отъ селеній, такъ что мы и не видали казацкаго быта. Но какъ хороши ихъ станицы! Это родъ города, гдѣ живутъ и власти, построенный изъ чудесныхъ домиковъ или большею частію изъ необыкновенно красивыхъ мазанокъ. Все смотритъ весело и чисто. Дороги содержатся въ исправности, вездѣ плетеныя башенки, чтобы не заплутаться, везутъ славно. Пріѣдешь на станцію, входишь въ чистую теплую мазанку, не то, что въ русскую избу, гдѣ вмѣстѣ валяются дѣти, свиньи и телята. Но всюду обширная степь, и нерѣдко

ѣдешь верстъ 25, не встрѣчая ни кола, ни двора, ни деревца. Казачекъ я почти не видалъ, а казаки попадались съ видомъ довольно воинственнымъ, съ люлькой и въ усахъ. Ѣзда черезъ земли Донскаго войска показалась мнѣ особенно пріятною и легкою, я воображалъ себѣ все это лѣтомъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ неровности земли или степь прорѣзывающія рѣки открывали восхитительные виды. Первую ночь мнѣ было такъ легко и пріятно, что я даже не спалъ всю ночь и не чувствовалъ сильнаго холода, хотя краснорѣчивая слеза безпрестанно навертывалась на кончикъ носа. Впереди мнѣ предстояло увидать Сарепту, чего мнѣ хотѣлось съ самаго дѣтства, можетъ быть, потому, что я покрайней мѣрѣ разъ 15 переводилъ изъ книги практическихъ упражненій на французскій и нѣмецкій языки описаніе Сарепты Измайлова изъ его путешествія въ полуденную Россію.—Хотя мятели не случалось болѣе, но, несмотря на то, что мы безпрестанно подвигались на югъ, погода была ясная и необыкновенно холодная. «Будетъ холодно, сказала намъ разъ одна баба на станціи, посмотри, какія у солнышка красныя уши».— Съ Аргадинской станціи дорога сдѣлалась лучше, ибо снѣгу меньше лежало, а гдѣ земля повыпуклѣе, тамъ выказывалась голая земля.—Вездѣ, гдѣ мы ни спрашивали про князя, узнавали мы, что онъ опередилъ насъ сутками, и вездѣ слышали похвалы ему: какъ такой большой баринъ ѣздитъ просто, со всѣми разговариваетъ и щедро даетъ на водку! Даже на одной станціи одна маленькая запачканная дѣвочка, ухватясь за платье матери, ломая голову и держа во рту палецъ, объявила намъ, что князь съ нею разговаривалъ и далъ ей гривенничекъ.—Наконецъ, ровно черезъ двое сутокъ, поздно вечеромъ, пріѣхали мы въ Царицынъ, думая найти тамъ князя. Вообразите наше удивленіе, когда намъ сказали, что онъ раздумалъ и не только въ Царицынѣ, но даже въ Сарептѣ не останавливался и проѣхалъ прямо въ Черный Яръ. Вотъ тебѣ на! Такъ и намъ скакать, не останавливаясь! Въ Царицынѣ, по приказанію Тимирязева, дожидался его казачій конвой, и городничій приказалъ увѣдомить себя о пріѣздѣ князя, который однакоже отклонилъ отъ себя всѣ эти почести. Ямщичій староста въ Царицынѣ,

въ то время, когда мы пили чай, разсказывалъ намъ много любопытнаго про Астрахань, гдѣ онъ живалъ. «У насъ въ народѣ называютъ этотъ городъ *Разбалуй-городъ*, а губернію народною, потому что лѣтомъ изо всѣхъ губерній собираются люди на промыселъ. Кто разъ отправился въ Астрахань, тотъ весь переиначивается, забываетъ все домовое и вступаетъ въ артель, состоящую изъ 50, 100 и болѣе человѣкъ. У артели все общее; подступая къ городу, она вывѣшиваетъ свои значки, и купечество спѣшитъ отворить имъ ворота;—свой языкъ, свои пѣсни и прибаутки. Семейство для таковаго исчезаетъ, и онъ дѣлается необыкновенно общителенъ, сейчасъ знакомится со всѣми незнакомыми и, добывая много денегъ, все растрачиваетъ въ гульбѣ. Изъ нихъ самые смирные—бурлаки, потому что съ судами возвращаются вверхъ по Волгѣ домой; вольнѣе и дерзче — бирюки, которые ходятъ въ море, но не далеко. Когда же бирюкъ весь прогуляется, а домой возвратиться не съ чѣмъ, — нанимается онъ на купеческія судна, отправляющіяся далеко въ море, въ Персію и Хиву, получаетъ рублей 300 впередъ и живетъ на кораблѣ въ неограниченномъ повиновеніи у хозяина, среди сброда такихъ же отчаянныхъ Русскихъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Грузинъ, Армянъ, Индѣйцевъ и забываетъ и посты и обряды.. Возвращается въ Астрахань, озолоченный прибылью, и вновь гуляетъ до безденежья и вновь попадается подъ иго жаднаго купца. Множество народа, смѣсь, пестрота, сборъ людей всѣхъ губерній, почти всѣхъ націй, разгулъ, обиліе водъ, такова картина Астрахани и береговъ приморскихъ этого края. «Много разсказывалъ мнѣ Царицинскій мужикъ, много любопытнаго и умнаго; я слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и далъ ему за это полтора рубля, чѣмъ онъ былъ доволенъ до изумленія. — Изъ Царицына ѣхали мы до Татьянинской почти по землѣ; такъ мало здѣсь снѣгу на высокихъ и крутыхъ берегахъ Волги, которая и зимой представляетъ чудную картину. Намъ предлагали доѣхать по льду, но такъ какъ это опасно да и строго запрещено, то мы отказались. Рано поутру ѣхали мы черезъ Сарепту и рѣшились остановиться въ гостинницѣ, содержимой на счетъ цѣлаго братства. Какая прелесть! Какая чистота, предупредитель-

ность! Насъ встрѣтила дѣвочка лѣтъ 14, очень некрасивой наружности, заговорившая съ нами вовсе не Лифляндскимъ нарѣчіемъ. Въ одну минуту затопилась для насъ печь и поданъ отличный кофе съ густыми сливками и сдобнымъ хлѣбомъ. Улицы чисты необыкновенно, передъ каждымъ домикомъ рядъ пирамидальныхъ тополей; архитектура совершенно особенная. Видѣлъ я почтенныхъ Сарептскихъ мужей, съ длинными нѣмецкими трубками. Русскіе очень любятъ этихъ добрыхъ Гернгуттеровъ, уважаютъ ихъ, удивляются ихъ искусству и терпѣнію, но однако ничего не перенимаютъ. Необыкновенно странное впечатлѣніе производитъ на васъ эта нѣмецкая добродушная республика въ глуши Россіи! Къ сожалѣнію, мы спѣшили и, напившись кофе, поѣхали и скоро вступили въ предѣлы Астраханской губерніи.—Въ Татьянинской узнали мы, что исправникъ ждалъ на станціи князя въ продолженіе четырехъ недѣль, тамъ и разгавливался послѣ Филипповокъ, тамъ встрѣтилъ и Новый годъ, но не умѣлъ встрѣтить князя, ибо спалъ въ это время. Можете представить себѣ его отчаяніе. Впрочемъ, онъ ожидалъ, что князь пріѣдетъ съ громомъ и трескомъ, въ каретѣ. Князь немедленно продолжалъ свой путь, дорогой заѣзжалъ въ Волостныя Правленія не ревизовать, а такъ, посмотрѣть, объявилъ старикамъ, что будетъ отъ обиженныхъ принимать просьбы на простой бумагѣ въ Черномъ Яру. Еще нѣсколько словъ про него. Онъ то, что Французы называютъ: un homme parfaitement bien élevé, т. е. никогда не позволитъ себѣ ни одного грубаго, дерзкаго, русскаго слова, ни съ кѣмъ, даже съ курьеромъ, всегда учтивъ и простъ между тѣмъ въ обращеніи. А чиновники здѣшніе ожидали противнаго и готовились слышать ругательства, на которыя, говорятъ, Курута не скупился въ Тамбовѣ. Это обращеніе князя, какъ ревизора, дѣлаетъ то, что и канцелярія его вся, не исключая и тѣхъ, которые по натурѣ своей склонны къ противному, деликатна и учтива. — Проѣхавъ верстъ съ полтораста безграничными степями, но по прекрасной дорогѣ, ибо снѣгу ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало и вездѣ стоятъ путеводительные столбы, прибыли мы часу въ девятомъ вечера въ Черный Яръ, гдѣ на почтовомъ дворѣ дожидался насъ солдатъ, чтобы отвести насъ

на назначенную намъ квартиру. Мы немедленно, въ дорожномъ костюмѣ отправились къ князю, который принялъ насъ съ обычной учтивостью и любезностью, потолковалъ о дѣлѣ, и скоро отпустилъ насъ домой. Воротившись на квартиру, приступили мы къ питію чая, какъ вдругъ мальчикъ приноситъ мнѣ ваши письма, полученныя наканунѣ, т. е. 16-го января: мы пріѣхали 17-го, въ понедѣльникъ вечеромъ.— Какъ обрадовался я вашимъ письмамъ, какъ благодаренъ я всѣмъ написавшимъ и какъ во многомъ успокоенъ. Теперь пойдетъ все хорошо, я увѣренъ, самъ не знаю, почему, и спокойнѣе и довольнѣе. Что же собственно до меня касается, то, сдѣлайте милость, не тревожьтесь: мнѣ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, я чувствую какое-то внутреннее освѣженіе, все меня интересуетъ и забавляетъ, и я былъ бы вполнѣ веселъ, если бы каждый день могъ знать, что у васъ дѣлается.—Вообразите меня въ скромномъ домикѣ мѣщанина Голещанова. Намъ отведены двѣ комнаты. Одна изъ нихъ украшена двумя огромными, старыми, масляными красками писанными портретами, представляющими какого-то красавца, кажется, Персидскаго Шаха и Султаншу. Живопись забавно оригинальная! Другія картинки большею частію лубочныя, изображающія мученія ада, Еву и змія, грѣхопаденіе и т. п. Въ углу пять или шесть образовъ въ старинныхъ окладахъ, въ противуположномъ — изразцовая, украшенная голубыми узорами печь. Комнаты темненькія и низенькія, съ неопредѣленными обоями, съ панелями и старинными зеркалами. Вездѣ стоятъ наши вещи, все въ лирическомъ безпорядкѣ, а въ другой комнатѣ на полу, на шубахъ устроены намъ постели. Хозяева наши помѣщаются въ другой половинѣ.

Разъ 50 въ день помянешь Гоголя.—Можно бы еще написать, но рука устала, да и оставлю матеріи на слѣдующія письма. А, кажется, письмо довольно обширно и подробно: чуть ли я не одержалъ верхъ надъ Константиномъ. Вѣрно, письмо это будетъ читано милой Олинькѣ въ три пріема, по листамъ, съ утреннимъ, обѣденнымъ и вечернимъ мороженымъ. Прощайте, будьте здоровы и не безпокойтесь обо мнѣ.

Черный Яръ, суббота, 22-го января 1844 года.

Опять пишу я къ Вамъ изъ Чернаго Яра, но я думаю, что письмо это будетъ послѣднее изъ этого скучнаго города. Обращаюсь опять къ разсказу всего недосказаннаго и описанію нашего житья-бытья. Черный Яръ—собраніе низенькихъ и маленькихъ мѣщанскихъ домиковъ, раздѣленное на улицы, имѣетъ двѣ церкви, каменный домъ Присутственныхъ мѣстъ и ни одной лавчонки! Нѣтъ возможности что-либо купить или достать. Мы попали на квартиру къ одному бѣдному мѣщанину и, хотя объявили, что готовы платить за удобства и хорошій столъ щедрою рукою, но, несмотря на то, должны питаться очень дурно и невкусно приготовленною пищею. Обѣдъ нашъ состоитъ обыкновенно изъ щей, оставляющихъ послѣ себя самыя непріятныя воспоминанія, пирога, котораго и половина не съѣдается нами, и какого-нибудь жаркого, напримѣръ худо-общипаннаго гуся и вялой говядины. Нынче только нашло на меня вдохновеніе, и я приказалъ изготовить полъ-барана съ кашей, и хозяйка наша довольно успѣшно выполнила это порученіе. Оболенскій по крайней мѣрѣ пьетъ чай раза четыре въ день, я думаю, чашекъ до 20-ти; я самъ пью больше обыкновеннаго, но единственно по необходимости. Впрочемъ, мы здѣсь временно и на бивакахъ, и я только забавляюсь этими непріятностями. Другіе наши товарищи и самъ князь Гагаринъ, стоятъ на квартирахъ купцовъ богатыхъ, занимающихся рыбною ловлею и выписывающихъ все нужное изъ Москвы или изъ Астрахани. Икру выдѣлываютъ сами, и икра такая (я отвѣдывалъ ее, завтракавши разъ у князя), что невольно вспомнишь Гульковскаго. Мы ходили на берегъ Волги, въ какой-нибудь полуверстѣ отсюда. Городъ прежде стоялъ на берегу, на самомъ Яру. Дѣйствительно, настоящій Яръ: берегъ такъ крутъ, что страшно стоять на немъ, вышины онъ саженей 15, коли не больше. Но такъ какъ вода все подмывала его и земля начала обваливаться, то это мѣсто и оставлено, и уже три улицы снесены. За то видъ отсюда чудесный, даже и зимою, а лѣтомъ, лѣтомъ-то!.. Городъ необыкновенно пѣвучій. Мы здѣсь 5 сутокъ и намъ прожуж-

жали уши безпрерывными, неумолкавшими ни разу пѣснями. Всѣ здѣсь спѣшатъ жениться до поста, и каждый день свадьбы по четыре. А свадьбы эти празднуются слѣдующимъ образомъ. Вмѣсто визитовъ, молодая, въ сопровожденіи десяти бабъ или больше, катается въ однихъ саняхъ по городу съ пѣснями. Люблю я хоръ мужскихъ голосовъ, но отъ женскаго визжанья—упаси Боже! Это катанье продолжается цѣлый день и до глубокой ночи. Я какъ-то встрѣтилъ разъ эти пѣвучія сани. Они остановились, и какая-то неистовая баба, покрытая рогожкой, съ растрепанными волосами, начала съ крикомъ и кривляньями плясать въ саняхъ. Бабы вторили ей съ какими-то движеніями рукъ, а по сторонамъ два мальчика играли на гудкѣ и балалайкѣ. А нынче я встрѣтилъ сани, въ которыхъ эти любезныя особы женскаго пола сидѣли съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головахъ или, лучше сказать, на платкахъ, которыми повязаны головы. Можете вообразить, какъ это мило и пристало къ лицамъ русскихъ бабъ, изъ которыхъ передъ всякой наша Надежда (что въ отставкѣ) просто красавица! Хотѣлъ я узнать, какія эти пѣсни, узнать поближе нравы и обычаи, но жители какъ-то дики, и, кромѣ подобныхъ саней, почти никого не встрѣчаешь на улицѣ. А если кто и встрѣчается, такъ вѣрно съ просьбой и жалобой. Впрочемъ, много значитъ и то, что всѣхъ насъ знаютъ, что мы лица оффиціальныя. Поэтому и въ словахъ и въ разговорахъ надо здѣсь безпрестанно остерегаться, и я увѣренъ, что каждое наше чиханье извѣстно всему городу.—Въ здѣшнемъ Земскомъ Судѣ нашли мы такое наивное невѣжество законовъ и служебнаго порядка, что члены «онаго» не только не умѣли приготовиться къ прибытію ревизора, но даже и въ оправданіе свое приводятъ то, чего не скажетъ и послѣдній писецъ въ Сенатѣ. Видно они воображали, что земскій судъ такое мѣсто, которому самъ Богъ покровительствуетъ, а городокъ ихъ такой городокъ, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. Удивительно право, какъ люди могутъ жить покойно и счастливо въ такой глуши, безо всякихъ интересовъ или съ такими мелкими интересами, въ такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. И по крайней мѣрѣ $^7/_8$ человѣчества плещутся въ такой животной жизни!

Нѣтъ ужъ я въ уѣздномъ городѣ ни жить, ни служить никогда не намѣремъ. Въ середу вечеромъ пріѣхали: Строевъ, Розановъ, Ясневъ и Думбровскій. Послѣдніе трое на другой же день отправлены Княземъ въ Енотаевскъ для начатія ревизіи. Строевъ, заходившій въ Тамбовѣ къ Сахацкому, привезъ мнѣ Ваше письмо отъ Сентилера; хотя оно и раньше писано полученнаго мною здѣсь, но все-таки мнѣ было пріятно получить его. Вся почти здѣшняя ревизія произведена совокупными трудами Павленки и моей персоны, ибо прочія лица такъ, ничего... Въ Четвергъ, поздно вечеромъ присылаетъ за мною Князь и даетъ порученіе на другой день съѣздить въ Старицкое Волостное Правленіе, верстахъ въ 20-ти отъ Астрахани, обревизовать его и всѣ тамошнія сельскія учрежденія, а вечеромъ быть у него съ докладомъ. Я и отправился въ Пятницу, и разумѣется съ Оболенскимъ, выполнилъ это порученіе довольно успѣшно и успѣлъ воротиться засвѣтло. Вчера вечеромъ пили мы всѣ чай у Князя, который разсыпался любезностью, остроуміемъ, шутками и хотѣлъ, чтобъ я ѣхалъ поскорѣе къ нему въ Астрахань (онъ нынче отправился изъ Чернаго Яра съ Строевымъ ранехонько поутру), но Павленко просилъ меня оставить съ нимъ для окончанія здѣшней ревизіи, и Князь согласился оставить меня (разумѣется, и Оболенскаго) до Середы. А надо признаться, что жизнь въ Черномъ Яру довольно скучна. Поутру, т. е. отъ 9-ти до 3-хъ, гдѣ нибудь за неносной работой въ присутственномъ мѣстѣ, тамъ обѣдаешь—и рѣшительно нечего дѣлать. Къ несчастію, со мною ни одной книги! Ну и бесѣдуешь съ Нѣмченко и Павленко, который, впрочемъ, очень умный Малороссіянинъ.—Не думайте однакоже поэтому, что я недоволенъ своею поѣздкой. Нѣтъ, а почти доволенъ всякимъ новымъ случаемъ въ жизни, всякимъ новымъ положеніемъ, всѣмъ, что раскрываетъ мнѣ жизнь и меня самого. Такъ и теперь. Я радъ даже и тому, что нахожусь въ такомъ положеніи и съ такими людьми, что не съ кѣмъ перемолвить слова о чемъ-либо, не касающемся службы. Впрочемъ, я люблю бывать въ такомъ стѣсненномъ положеніи, проходить сквозь такую школу. Сосредоточиваясь внутрь себя, пріобрѣтаешь притомъ умѣнье ладить съ людьми, смотришь на нихъ какъ бы со стороны,

изъ глуби себя и лучше познаешь ихъ, часто, кажется, видишь ихъ насквозь, прозрѣваешь сцѣпленіе и послѣдовательность движеній въ чужой натурѣ. Впрочемъ, изо всѣхъ членовъ свиты Сенатора я всетаки чувствую себя привольнѣе съ Оболенскимъ, хотя есть люди и умнѣе его. Я всетаки чувствую себя съ нимъ равнымъ, потому что онъ человѣкъ и благовоспитанный и хорошаго тона. О честности его смѣшно и говорить, такъ же, какъ и о моей. Поэтому я жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Бюлера и Блока; намъ будетъ отраднѣе вмѣстѣ, хотя мы на лучшей ногѣ и съ прочими.— Поѣвъ вчерашняго бараньяго бока и каши, смѣшанной съ зернистой икрой, наконецъ добытой въ маломъ количествѣ нами (это смѣшеніе очень вкусно, совѣтую попробовать), выкуривъ сигару, отправился я съ Павленкой въ Магистратъ, гдѣ мы оставались часу до 6-го. Начало вечера провели мы съ Оболенскимъ у Павленка же, гдѣ безбородые племянничкн бородатаго хозяина угощали насъ плохимъ концертомъ на плохой скрипкѣ. Должно быть, франты оба, особенно скрипачъ, потому что у него къ панталонамъ какимъ то образомъ пришиты штрипки. Штрипки! Этого нѣтъ ни у кого въ городѣ, у всѣхъ панталоны или въ сапогахъ или болтаются просто около сапогъ, а у него штрипки. Я понималъ вполнѣ его достоинство, но напившись чаю, поспѣшилъ уйти, чтобъ докончить письмо къ Вамъ. — А радъ я, что я не старшій чиновникъ. Не лежитъ на мнѣ обязанность открывать злоупотребленія непріятными средствами, не приносятъ ко мнѣ глупыхъ, кляузныхъ просьбъ, неразборчиво писанныхъ и длинныхъ. Ужъ таковъ русскій народъ! Какъ узнали, что можно подавать просьбу, принимаютъ, да на простой бумагѣ, — всякій, не въ чью пользу рѣшено дѣло, идетъ жаловаться. Особливо неграмотные крестьяне, которые наймутъ какого-нибудь пьяницу, отставнаго писаря написать имъ просьбу и отправляются съ нею, а когда спросишь, въ чемъ дѣло, на что жалуетесь, такъ нельзя добиться инаго отвѣта, какъ: мы люди глупые, тамъ должно быть написано. Не приходятъ ко мнѣ и ябедники и чиновники, отъ которыхъ разитъ виномъ, съ жалобою, что ихъ обидѣли другіе чиновники, сказавъ, что они употребляютъ горячіе напитки.. И тутъ пойдутъ слова: честь, благо-

родство; добродѣтель! Вспомнишь Гоголя и посмѣешься. Но что хорошо въ мірѣ искусства — часто отвратительно въ жизни. Даже грустно! Сколько въ тебѣ дряни и гнилья, Россія!

Астрахань 29-го Января 1844 года. Суббота.

Прежде всего начинаю тѣмъ, что я не только удивляюсь, но и очень безпокоюсь, не получая отъ Васъ писемъ. Я получилъ отъ Васъ только одно письмо въ Черномъ Яру; въ Енатаевскѣ заходилъ на почту—ничего получено не было; пришла почта и отъ 16-го января—опять нѣтъ ничего! Странно, очень странно! А я бы заслуживалъ въ отвѣтъ писемъ длинныхъ, потому, что до сихъ поръ почти каждое письмо мое было двухъ-листовое. Впрочемъ, это будетъ покороче, ибо я въ хлопотахъ послѣ пріѣзда не зналъ, что почта отходитъ нынче. Итакъ, продолжаю свой разсказъ. Въ Черномъ Яру послѣ князя прожили мы дня три. Наканунѣ нашего отъѣзда сидѣли мы дома съ Оболенскимъ, пили чай и скучали. Я желалъ хоть какого-нибудь происшествія... Вдругъ раздается ужасный крикъ со всѣхъ сторонъ: пожаръ, горимъ! Забили въ набатъ, толпы народа, кто съ чѣмъ попало, побѣжали по улицамъ, бабы визжатъ и плачутъ, постигая въ полной мѣрѣ всю опасность пожара въ такомъ гниломъ деревянномъ городишкѣ и при сильнѣйшемъ вѣтрѣ. Мы въ одну минуту были на мѣстѣ пожара. Горѣлъ сѣнной сарай, и если бы не самоотверженіе и не дерзость казаковъ и нѣкоторыхъ жителей города, то Черному Яру пришлось бы плохо, потому что трубы здѣшней пожарной команды не въ состояніи дѣйствовать, а полицейскіе служители были почти всѣ пьяны. Однако пожаръ кончился черезъ полтора часа, никакихъ несчастныхъ случаевъ не воспослѣдовало, только одинъ казакъ сломилъ себѣ ногу, упавши съ крыши. Во вторникъ продолжали мы свою работу и вечеромъ, простившись съ портретами Персидскаго Шаха и Султанши и расплатившись великодушно съ хозяиномъ, отправились часовъ въ десять. Передъ отъѣздомъ зашли проститься къ Павленко. хозяинъ котораго, купецъ Бровкинъ, отпустилъ насъ не прежде, какъ заставивъ сѣсть, помолиться Богу, выпить бо-

калъ донскаго и почтить его, Бровкина, или его бороду троекратнымъ цѣлованіемъ. Поѣхали. Въ встрѣчу намъ дулъ сильный и холодный вѣтеръ, называемый по здѣшнему моряна, т. е. съ моря, что было не очень пріятно. На послѣдней станціи до Енотаевска, именно на Копановской станицѣ, узнали мы, что далѣе ѣхать саннымъ путемъ невозможно, и мы было рѣшились бросить повозку и ѣхать на двухъ телегахъ, какъ вдругъ является казакъ: «полковникъ Донцовъ проситъ къ себѣ откушать чаю». Мы было отказываться, но должны были согласиться на настоятельныя требованія. Дѣло въ томъ, что на этой станицѣ живетъ казачій полковникъ Донцовъ, старикъ лѣтъ 66-ти, хлѣбосолъ, не пропускающій почти ни одного проѣзжаго безъ зова, купца или дворянина, все равно, такъ что на станціи даже лошадей трудно получить не побывавшему у полковника. Намъ и прежде говорили про него, и мы знали, что князь думалъ также проѣхать мимо, но Донцовъ самъ явился на станцію, и такъ какъ въ принятіи его приглашенія нѣтъ ничего неблаговиднаго, ибо онъ даже и не подлежитъ нашей ревизіи, то князь не захотѣлъ обидѣть старика и отобѣдалъ у него. Мы пошли къ Донцову и нашли въ немъ стараго, радушнаго казака, много служившаго и совершившаго много походовъ. Онъ заставилъ насъ выпить у него по два стакана кофе, по два стакана чаю и отзавтракать. Мы его вполнѣ вознаградили за это, давъ ему поводъ поговорить про Ермолова, при которомъ онъ служилъ и котораго просто боготворитъ. Показывалъ онъ намъ и письмо Ермолова къ нему, написанное года два тому назадъ по какому-то случаю. Старикъ не можетъ читать его безъ слезъ. Хоть ему и 66 лѣтъ, но нельзя дать на видъ и 50-ти, такъ онъ бодръ и свѣжъ; въ этой станицѣ онъ родился и въ этой станицѣ привелось ему быть полковникомъ и доживать свой вѣкъ. Узнавъ, что мы хотимъ отправляться на телегахъ, онъ предложилъ намъ бричку, которая была оставлена у него однимъ проѣзжимъ изъ Астрахани, съ тѣмъ, чтобы она съ оказіей была отослана обратно. Мы приняли его предложеніе, нагрузили бричку и поѣхали, распростившись съ нимъ дружески. Въ Енотаевскѣ первымъ моимъ движеніемъ было пойти на почту; не найдя Вашихъ писемъ, но

приказавъ, чтобъ имѣющія быть, немедленно присылались въ Астрахань, зашелъ я къ Розонову. Розановъ производитъ свою ревизію тихо, но аккуратно. У него теперь есть предписаніе князя о задержаніи Бюлера и Блока при себѣ для совмѣстной работы. Это будетъ служить наказаніемъ симъ господамъ за медленность прибытія, потому что въ Енотаевскѣ жить не очень весело. За Енотаевскомъ пошли степи уже песчаныя, снѣгу ни порошинки, но такъ какъ почва довольно волнистая, то виды очень хороши, особенно мѣстами, гдѣ есть кустики или деревца. Мы ѣхали почти по берегу Волги. Мнѣ было какъ-то жалко за Волгу, что скоро она должна утратить свою самобытность, истощиться въ рукавахъ и безчисленныхъ устьяхъ и умереть въ морѣ. Наконецъ, на другой день, т. е. въ четвергъ, часу въ 11-мъ утра, послѣ безпокойной дороги (бричка хоть и покойнѣе телеги, но не далеко ушла отъ нея и вдесятеро безпокойнѣе тарантаса и зимней повозки), подъѣхали мы подъ самую Астрахань, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ мы должны были переправляться черезъ Волгу, ибо Астрахань стоитъ на другомъ берегу, разстилаясь обширно и красиво. Такъ какъ ѣхать въ бричкѣ по льду, довольно тонкому, опасно, да и запрещено, то мы перешли ее пѣшкомъ, а бричку везла одна лошадь. Намъ сказывали тутъ, что князь переправился въ саняхъ, а карету его тащили калмыки. Переправившись такимъ образомъ, доѣхали мы на своей бричкѣ до дому Сапожникова, гдѣ встрѣтилъ насъ князь и самъ указалъ намъ наши комнаты, которыми мы очень довольны. Въ этомъ домѣ помѣщается онъ, Строевъ, Булычевъ, Оболенскій и я, остальные господа будутъ жить въ отдѣльномъ домѣ, напротивъ насъ. Домъ большой, прекрасный и богатый, но самого хозяина нѣтъ, ибо онъ не живетъ болѣе въ Астрахани. Некогда мнѣ теперь описывать Вамъ ни самого города, ни подробностей нашего помѣщенія и препровожденія времени—это будетъ содержаніемъ слѣдующаго письма; скажу только, что помѣщены мы прекрасно, но дни проходятъ какъ-то глупо, ибо работа не вполнѣ опредѣлилась, и время проходитъ незамѣтно, въ хлопотахъ, чего я не люблю. Надѣюсь, что все это устроится и будутъ опредѣленные свободные часы, которые можно будетъ посвятить себѣ. Впрочемъ, о

свободномъ времени какъ то совѣстно думать, когда Гагаринъ до четырехъ часовъ утра работаетъ неутомимо и одинъ больше дѣлаетъ, чѣмъ мы всѣ въ совокупности.

1-го Февраля 1844 года. Астрахань. Вторникъ.

Наконецъ, вчера получилъ я Ваши письма отъ 18-го Января! Слава Богу: они доставили мнѣ большое утѣшеніе, ибо я до тѣхъ поръ двѣ почты сряду не получалъ писемъ. Прежде всего поздравляю Васъ съ окончаніемъ Костиной диссертаціи и со днемъ рожденія Вѣры. Теперь я буду продолжать свой разсказъ. Изъ послѣдняго письма моего Вы еще не могли получить настоящаго понятія объ Астрахани,—постараюсь въ этомъ представить Вамъ полную картину Астрахани и нашего житья.—Подъѣзжая къ Астрахани по берегу Волги, вы живо чувствуете, что вы далеко отъ Россіи. Кругомъ тянутся татарскія деревни и торчатъ острыя и узкія крыши или шпицы мечетей. Лѣсу нѣтъ, но почти около каждаго домика пирамидальные тополи, ращенію которыхъ здѣшняя почва благопріятна. Рѣдко попадется русская телега съ русскимъ мужикомъ, но всюду встрѣчаются двухколесныя тележки съ Калмыками, Татарами, Киргизами, Грузинами, Армянами, Персіанами. Эти деревни сопровождаютъ Вашъ путь вплоть до мѣста перевоза, гдѣ тонкій, не сплошной ледъ, по которому и въ Январѣ проходить опасно, свидѣтельствуетъ объ умѣренности зимы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ Январѣ такая же почти температура, какъ у насъ въ Апрѣлѣ.—Я подвелъ васъ къ самой Астрахани, теперь вступимъ въ нее. Астрахань совсѣмъ не похожа на прочіе губернскіе города: она больше ихъ и имѣетъ свой самобытный характеръ. Почти опоясанная водою—Волгою и Кутумомъ, она представляется издали на нѣкоторой возвышенности—пестрою, разнообразною массою домовъ, церквей, киркъ, мечетей, осѣненною цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Словомъ, Астрахань наружностью своею произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Правда, улицы не мощены, не ровны, много сломанныхъ заборовъ, пустырей, грязи и спокойно прогуливающейся скотины, но много прекрасныхъ каменныхъ зданій, старин-

ныхъ, оригинальной архитектуры церквей и къ довершенію всего портретъ, хоть не совсѣмъ схожій, Кремля. Здѣшній Кремль, построенный царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ, чрезвычайно ветхъ и старъ. Стѣны маленькія, цвѣта глины, но расположены на подобіе Московскаго. Обширный базаръ и всюду зданія, вмѣщающія въ себѣ лавки, большой Индѣйскій дворъ, обращенный, кажется, подъ какое-то присутственное мѣсто, свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи Астраханской торговли. Теперь многое пусто, и на базарѣ нѣтъ шума и говора, не видно живой дѣятельности.—Домъ коммерціи совѣтника и почетнаго гражданина Сапожникова, гдѣ живемъ мы, расположенъ очень удобно и стоитъ за мостомъ почти на берегу Кутума. Сапожниковъ—одинъ изъ богатѣйшихъ капиталистовъ-рыбопромышленниковъ, благотворитель Астрахани, учредитель многихъ полезныхъ заведеній, не живетъ болѣе здѣсь, но всетаки снимаетъ постоянно острова въ устьяхъ Волги и другія воды, которыми завѣдываютъ его прикащики. Надо быть здѣсь, чтобы судить о здѣшней рыбопромышленности: это цѣлая система, имѣющая совершенно свою жизнь, свой языкъ, обычаи, обряды и суевѣрія! На островахъ, снимаемыхъ Сапожниковымъ, живетъ до 400 рыболововъ, поселенныхъ тамъ имъ же. Ловъ производится даже зимою, и во время недавно бывшей здѣсь бури оторвало огромную льдину съ 28-ю людьми, но, къ счастію, опять прибило къ берегу. Я заказалъ здѣшнему управителю 20 ф. икры паюсной, и онъ нынче напишетъ, чтобы немедленно поймали осетровъ и сдѣлали икру; ловчиковъ имѣютъ они много, и икра эта можетъ быть у васъ дней черезъ 40; можетъ быть, она уже и попортится дорогой, но все-таки будетъ свѣжая икра, родившаяся только 6 недѣль тому назадъ.—Мы живемъ вверху; у насъ большая комната, передняя и особенный входъ. По стѣнамъ развѣшаны картины единственной моему понятію доступной школы—Фламандской, и прибито вдоль стѣны горизонтально длинное, узкое зеркало въ золотой рамѣ. Изъ оконъ видъ чудесный. Съ одной стороны Волга со множествомъ судовъ (теперь закованныхъ льдомъ), съ другой городъ, а вдали степи. У насъ даже свой балконъ, и комнаты такъ хорошо отдѣлены, что можно курить и пѣть. Внизу намъ не было бы такого удобства,

потому что комнаты князя близко, а онъ терпѣть не можетъ табаку. Внизу, въ большой комнатѣ помѣщается канцелярія, отдѣльныя комнаты для Строева, Булычева и Думбровскаго, который теперь съ Розановымъ въ Енотаевскѣ. Тамъ зала и комнаты князя. Кругомъ галлереи и балконы, есть садъ съ оранжереей и баней, которою я уже воспользовался.—Въ день нашего пріѣзда получили мы двоекратныя приглашенія отъ губернатора ѣхать въ Собраніе. Думаютъ доставить этимъ удовольствіе молодымъ людямъ, но въ отношеніи меня совершенно ошибаются. Мы слишкомъ въ этотъ день устали отъ дороги и не поѣхали. Князь посылалъ меня и Оболенскаго сдѣлать визитъ губернаторшѣ, да я отказался, но Оболенскій поѣхалъ. На другой день губернаторъ былъ у князя, который меня ему и представилъ. Князь объявилъ ему заранѣе, чтобы онъ не приглашалъ его ни на обѣды, ни на балы, и что онъ, будучи очень занятъ, не можетъ дѣлать къ нимъ въ домъ и женѣ его частыхъ посѣщеній. Конечно, видаясь съ нимъ, князь любезенъ, какъ свѣтскій человѣкъ, но качество ревизора, долгъ службы—все заставляетъ его поступать такъ, чтобъ не могло родиться у него пристрастія, ни даже у другихъ подозрѣнія въ пристрастіи. Мы, конечно, должны соображаться съ его дѣйствіями и избѣгать всякихъ особенныхъ знакомствъ съ жителями, хотя, впрочемъ, учтивость требуетъ и обязываетъ насъ дѣлать иногда визиты губернатору и женѣ его. Впрочемъ, разъѣзжать было бы некогда. Астрахань, кромѣ учрежденій, общихъ всѣмъ губернскимъ городамъ, имѣетъ своихъ особенныхъ 19, всего 39! Прошу покорно разобрать каждое мѣсто, разсмотрѣть всѣ дѣла и дѣйствія за три года; разрѣшать просьбы, да еще обслѣдовать многіе вопросы правительственные!—Однако князь таки нашелъ средство послать меня къ губернатору. Именно, онъ приказалъ мнѣ отвезти ему бумаги отъ его имени съ благодарностью. Тимирязевъ принялъ меня очень любезно и представилъ женѣ. Жена его очень высока, худощава, хотя стройна и носитъ на себѣ слѣды давнишней красоты (ей теперь лѣтъ подъ 40). Она очень умная и ловкая женщина.

Мы, какъ нарочно, попали на масляницу, слѣдовательно, недѣлю увеселеній. Намъ здѣсь готовили много празд-

нествъ, но князь не намѣренъ принимать ихъ, однако посылаетъ насъ завтра въ благородное Собраніе и въ пятницу на déjeuner dansant. Интересно было бы посмотрѣть Астраханскую публику, но я не поѣду. Слѣдовательно, Оболенскому придется отплясывать за всѣхъ. Несчастныя дамы, мечтавшія съ восторгомъ о пріѣздѣ одиннадцати молодыхъ людей! Жалко, что нѣтъ Бюллера: онъ бы по крайней мѣрѣ былъ намъ въ этомъ отношеніи очень полезенъ. Итакъ, если князь не живетъ съ пышностію и блескомъ Сенатора, старшаго въ губерніи чиновника, такъ по крайней мѣрѣ пребываніе его внушаетъ страхъ и уваженіе. Въ пятницу и субботу Тимирязевъ, какъ начальникъ губерніи и хозяинъ, показывалъ князю всѣ здѣшнія учрежденія: князь съ Тимирязевымъ въ мундирахъ ѣхали впереди въ коляскѣ, а мы, т. е. Строевъ и я, первый день въ пролеткѣ, а второй въ коляскѣ ѣхали сзади. Всюду обнажались головы, отдавались почести, чиновники у воротъ встрѣчали съ рапортомъ, и при выходѣ изъ каждаго мѣста мы находили толпы народа, любопытнаго и безъ шапокъ стоящаго. Торжественность такая, что невольно, кажется, наводила искушеніе закричать ура! Этого-то я и боялся, и дѣйствительно въ одномъ мѣстѣ мальчишки не выдержали и побѣжали было за нашей коляской съ криками ура!!! — Были мы и въ театрѣ, довольно порядочномъ для Астрахани, содержателя Воробьева; былъ я наконецъ у Бригена. Человѣкъ онъ добрый и прекрасный, но нѣмецъ и поэтому атаманство ему какъ-то не къ лицу. Жена его и еще какая-то нѣмка, увидавши меня, закричали: ach, ach, ausserordentlich, ausserordentlich! Что такое? Выходитъ, что я ужасно похожъ на Вѣру. Эта нѣмецкая семья, добрѣйшая, честнѣйшая, все что угодно, да все-таки нѣмецкая — не очень будетъ привлекать меня, хотя нельзя не бывать у нихъ. — Дни наши проходятъ пока довольно безалаберно. То дѣла много, то дѣла нѣтъ, работы еще не обозначились и ревизія собственно присутственныхъ мѣстъ еще не начиналась. Болѣе всѣхъ работаетъ князь, читая всѣ бумаги и свѣдѣнія, ему доставляемыя, и отдавая уже намъ къ исполненію. Работаетъ онъ часовъ 14, если не больше, въ сутки. Встаетъ часу въ пятомъ, мы въ восьмомъ, а Строевъ еще позже, тѣмъ болѣе, что любитъ прохлаждать-

ся за чаемъ съ сигаркой. Работаемъ кое-что, иногда уходимъ гулять передъ обѣдомъ, который бываетъ въ 4 часа. Обѣдъ хорошій, французскій и поэтому для меня неудовлетворительный, тѣмъ болѣе что завтраковъ и ужиновъ нѣтъ. Такъ что я пью три раза въ день чай: поутру, послѣ обѣда, собираясь съ другими у Строева, и потомъ часовъ въ 10 вечера у себя, куда собираются прочіе въ свою очередь. Строевъ человѣкъ умный, только слишкомъ любитъ восточный кейфъ; признаюсь, я и самъ что-то облѣнился, отъ того ли, что нѣтъ опредѣленной работы. Завелись мы для завтрака икрой зернистой (какую въ Москву даже и не привозятъ) и заказали на всю недѣлю блины. Покуда мы живемъ очень хорошо между собою; все было бы хорошо, кабы не гибель предстоящей скучной работы, неизвѣстность окончанія ревизіи, отдаленность отъ Москвы, медленность почтъ и неимѣніе книгъ.—Думалъ писать вамъ еще, но утомился. Однимъ духомъ, не вставая, трудно написать два листа такого мелкаго письма. А хотѣлось бы мнѣ написать особое письмо къ Костѣ, поблагодарить милую Вѣру за ея письма и поздравить. Итакъ, одна гора скатилась съ плечъ, но я боюсь, что въ радости долго забудутъ приняться за другую; но тѣмъ не менѣе поздравляю всѣхъ съ окончаніемъ диссертаціи; по крайней мѣрѣ можно сказать себѣ, что «конченъ мой трудъ многолѣтній»! Готовятся у меня стихи, но не знаю, когда я ихъ кончу: мало у меня свободныхъ для мысли минутъ, и притомъ я почти никогда не бываю одинъ, а съ Оболенскимъ, врагомъ поэзіи.

Астрахань 1844 года, февраля 5-го. Суббота.

Еще получилъ я отъ Васъ, милый Отесинька, письма. Слава Богу, что все идетъ у Васъ лучше, нежели я себѣ представлялъ; я думалъ, что буду получать письма отъ одной Вѣры, но благодарю Васъ за то, что и Вы успѣваете писать ко мнѣ. Съ послѣдняго вторника ничего особеннаго не произошло. Я отговорился отъ посѣщенія здѣшняго Благороднаго Собранія. Собраніе это, какъ сказывали мнѣ бывшіе въ немъ, не представляетъ ничего особеннаго, ничего смѣшнаго, курьезнаго и, будучи чрезвычайно малочисленно, очень скучно, т. е.

ничего нѣтъ особеннаго, а все порядочно: поэтому я очень радъ, что отъ него избавился, тѣмъ болѣе, что я не танцую, не играю, а между тѣмъ, какъ лицо почти оффиціальное, привлекалъ бы всеобщее вниманіе, и губернаторша не знала бы, какъ занять меня. Съ комическою важностью могу я повторять: тяжело быть лицомъ оффиціальнымъ! Вообразите, что почти гулять нельзя: всѣ знаютъ васъ и кланяются, и всякое ваше движеніе извѣстно. Нынче поутру въ Собраніи былъ déjeuner dansant, вѣроятно пляшущіе блины; но изъ нашихъ не поѣхалъ никто. Досадно, что Гагаринъ засадилъ Бюллера съ Блокомъ въ Енотаевскѣ, а то бы первый сталъ помогать Оболенскому исполнять за всѣхъ насъ долгъ учтивости въ отношеніи къ Т.—Съ нетерпѣніемъ ожидаю настоящей весны, т. е. того времени, когда ледъ сойдетъ и двинутся безконечныя суда по Волгѣ, заколышатся бѣлые паруса, раздадутся пѣсни бурлаковъ и отовсюду станутъ приливать русскіе отчаянные промышленники. Тогда оживится по крайней мѣрѣ скучная Астрахань. Ибо, надо признаться, скучна она зимою! Рѣдко встрѣтите вы умное лицо русскаго мужика, а все глупыя фигуры Калмыковъ и Киргизовъ. Да и русскіе здѣшніе—не то, что наши. Они говорятъ: въ Россіи дѣлается такъ, а у насъ иначе! Или лукавыя лица всегда другъ на друга похожихъ Армянъ и Персіянъ. Женщинъ по улицѣ не видать почти совсѣмъ. Азіатки сидятъ дома. Разъ встрѣтили мы двухъ женщинъ, съ ногъ до головы покрытыхъ бѣлыми чадрами или попросту серпянкой. Почувствовавъ любопытные устремленные взоры, онѣ немедленно скрылись.

Не знаю, что будетъ, а ревизія, какъ и все, вещь довольно безполезная, тѣмъ болѣе, что всякій ревизоръ дѣйствуетъ противъ своего убѣжденія, будучи обязанъ требовать исполненія такихъ законовъ, которые... Я думалъ убѣжать отъ канцелярскаго порядка, но свойство россійскаго дѣлопроизводства таково, что нѣтъ средствъ выбиться изъ этой колеи, нѣтъ средствъ не употреблять заученныхъ формъ въ бумагахъ и лгать безбожно, важно говоря то, чему ни самъ ни другіе не вѣрятъ! Не знаю, что будетъ. Мы всего десять дней здѣсь, но работа скучна, тѣмъ болѣе, что внутреннее убѣжденіе говоритъ, что она безполезна.

Хорошо бы, если бы сбылись предположенія князя воротиться на пароходѣ, т. е. въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ. Какъ ему, человѣку привыкшему къ свѣту, должно быть здѣсь скучно, ибо мы не составляемъ и не можемъ составлять ему общества! Вообще составъ нашей канцеляріи плохъ въ томъ отношеніи, что мы всѣ люди, служащіе по судебной части, между тѣмъ какъ судебная часть при ревизіи играетъ самую жалкую роль, а должно касаться предметовъ совершенно чуждыхъ. Для этого надо было бы имѣть чиновника изъ каждаго Министерства. За то какая для насъ польза! Вотъ напримѣръ мнѣ теперь предстоитъ пріятное чтеніе вѣдомостей Казенной Палаты о сборѣ съ питей, оброчныхъ статей, о недоимкахъ!—Первую недѣлю мы будемъ ѣсть постное. Предчувствую, какъ надоѣстъ мнѣ уже пріѣвшаяся икра. Этотъ товаръ можно имѣть дешево, т. е. зернистую по 1 р. за фунтъ и отличную, но дороговизна и дурное качество другихъ припасовъ—невыносимы. Нельзя почти имѣть ни хорошей говядины, ни телятины, ни свѣжей баранины, за то можно имѣть соленый виноградъ. Не только съѣстные припасы, но азіатскіе товары, которыхъ я обѣщалъ прислать встрѣчному и поперечному, воображая, что они такъ дешевы, какъ огурцы,— дороги ужасно. Всѣ лучшіе отправляются въ Москву, и собственно въ Астрахани торговля этими товарами бѣдна. Хотѣлъ было я купить тармаламы на халатъ, что же?—по 11-ти слишкомъ рублей аршинъ, а аршиновъ надо 10. Персидскіе ковры на столы—рублей 30 самая малая цѣна! Черешневые чубуки по 15-ти р., а табаковъ азіатскихъ и вовсе нѣтъ. Оболенскій хотѣлъ было купить персидскую лошадь, но обжегся: цѣна умѣренная—2000 рублей! Да что же здѣсь дешево? спрашиваешь съ нетерпѣніемъ. — Какъ что? лѣтомъ стерляди и другая рыба, излишнее употребленіе которой производитъ лихорадку (и которой ты не любишь); осенью виноградъ, излишнее употребленіе котораго производитъ лихорадку; наконецъ, за неимѣніемъ хорошей воды и квасу, дешевыя здѣшнія вина, копеекъ по 30-ти бутылка, слабыя и кислыя! А, ну это другое дѣло, теперь я доволенъ. — Масляница идетъ очень чинно. Мы разъ позавтракали блинами и рѣшили не ѣсть ужъ больше блиновъ цѣлую недѣлю. Здѣсь же въ городѣ

также не видно бѣшеннаго Московскаго разгула, катаній нѣтъ, гуляній нѣтъ, и только г. Воробьевъ съ труппою даетъ ежедневныя представленія «по возобновленіи въ первый разъ». Но какъ ни люблю я драматическое искусство, но болѣе въ театръ здѣшній не поѣду. Даже нечему смѣяться, а просто скучно. — Воображаю себѣ, какъ въ понедѣльникъ вдругъ преобразится угомонившаяся Москва! Какъ потомъ наступятъ концерты, и свѣтскія дамы поѣдутъ въ модныя церкви, повинуясь утратившему первобытное значеченіе обычаю. Вотъ въ этомъ я совершенно рознюсь съ Костей. Я терпѣть не могу прикосновенія свѣтской толпы къ какой-нибудь высокой истинѣ или мысли. Сейчасъ мода, манія опошлитъ всякій внѣшній видъ этой мысли; я былъ бы недоволенъ, еслибъ мода пошла на національность, и, вѣроятно, лекціи Грановскаго скоро потеряютъ первобытный характеръ, ибо гдѣ свѣтское общество, тамъ вездѣ пустота, возбуждающая насмѣшку. Особенно эти дамы! Ah! comme c'est charmant; c'est dommage seulement, que je n'aie rien entendu! Мнѣ пишете Вы, что Костя, сваливъ съ плечъ диссертацію, выѣзжаетъ въ общество безпрестанно, и что дѣти запираютъ его на часъ или два въ комнатѣ! Мнѣ жалко, мнѣ грустно, мнѣ досадно видѣть человѣка, какъ онъ, унижающагося до свѣтской толпы, страшной своею пустотою; мало того, не нечувствительнаго къ ея безсмысленнымъ похваламъ, часто не кстати, не впопадъ высказываемымъ! Человѣка, добровольно профанирующаго высокія мысли и подбирающаго чутко будто бы лестныя слова тупоумныхъ женщинъ и близорукихъ свѣтскихъ судей! Посылаю ему стихи, которые, я надѣюсь, онъ приметъ въ настоящемъ ихъ смыслѣ, т. е. какъ изліяніе дружескаго, негодующаго сердца. Впрочемъ, вотъ еще ему мой совѣтъ: пусть онъ заставитъ Семена выучить тѣ же самыя слова, которыми St. Simon приказывалъ, уже въ наше время, будить себя: Levez-vous, Monsieur le Comte, vous avez de grandes choses à faire!! — Какъ несносно, что почта опаздываетъ всегда двумя или тремя днями, и какъ несносно себѣ воображать, что письму надо идти почти двѣ недѣли, что оно не можетъ придти впопадъ, что сообщаемыя извѣстія уже старыя... Буду ждать отъ Васъ съ нетерпѣніемъ увѣдомленія, какъ понравилась Отесинькѣ осмотрѣнная деревня.

Астрахань, 8-го февраля 1844 года. Вторникъ.

Съ послѣдней почтой не получилъ я отъ Васъ писемъ; я объясняю это тѣмъ, что Вы послали ихъ съ Бюллеромъ и Блокомъ, но такъ какъ эти господа были перехвачены на дорогѣ, т. е. имъ приказано остаться въ Енотаевскѣ съ Розановымъ, то я, вѣроятно, нескоро получу ихъ. Впрочемъ, письма эти были, вѣроятно, писаны Вами до полученія разсказа о претерпѣнныхъ нами въ степяхъ Тамбовскихъ бѣдствіяхъ.—Наконецъ кончилась и масляница, и мы почти незамѣтно перешли къ посту. Я говорю: незамѣтно, потому что рыба здѣсь главная пища круглый годъ. Дни эти, т. е. со дня послѣдняго моего письма, воскресенье и понедѣльникъ, протекли такъ же мирно, такъ же скоро, такъ же скучно. Работа установилась нѣсколько и ея довольно много, даже слишкомъ много, ибо насъ въ Астрахани слишкомъ мало, и мы теперь выписываемъ изъ Енотаевска отъ Розанова Думбровскаго. Князь даетъ мнѣ порученіе, которое я, приглядѣвшись нѣсколько къ ревизіи, уже чувствую себя въ состояніи выполнить — обревизовать мнѣ одному здѣшній уѣздный судъ, а чтобъ не было слишкомъ конфузно, дается мнѣ въ помощь Оболенскій. Эту ревизію начну я съ субботы. Она, вѣроятно, займетъ меня первое время, тѣмъ болѣе, что я захочу оправдать довѣреіе князя, который, впрочемъ, даетъ мнѣ это порученіе съ нѣкоторымъ опасеніемъ. По существу же своему работа эта скучна и мертва: надо рыться въ старыхъ дѣлахъ архива, просматривать текущія подлинныя дѣла и т. п. Конечно, за то служба познается скорѣе; такъ напримѣръ, мнѣ, я думаю, приходилось уже рыться во всѣхъ 15-ти томахъ, и я въ этомъ пріобрѣлъ такой навыкъ, что, скажу откровенно, превзошелъ всѣхъ моихъ сотоварищей, и безпрестанныя порученія отъ князя «справиться въ сводѣ, сообразиться со сводомъ» мѣшаютъ всякой другой работѣ. Конечно, когда поутру встанешь свѣжъ и бодръ, то какъ-то борзо сходишь въ канцелярію, но поработавъ часовъ пять или шесть сряду, имѣть въ перспективѣ какой-нибудь уставъ о казенныхъ путяхъ, о земскихъ повинностяхъ невольно нагоняетъ зѣвоту. Къ тому же для отдохновенія нѣтъ ни одной книги. У

князя есть библіотека, но самъ я просить книгъ у него не хочу, а онъ не предлагаетъ; къ тому же она вся составлена изъ Французовъ. И поэтому въ свободное время поневолѣ приходится кропать стихи, да и то про себя, ибо Оболенскій врагъ поэзіи; мы, къ сожалѣнію, почти не разлучаемся, и это все отнюдь не вдохновительно. Послѣдніе стихи мои, т. е. тѣ, которые я послалъ Вамъ, были сочинены и переписаны однако безъ вѣдома Оболенскаго, во время его сна. Впрочемъ, все-таки какъ путешествіе, такъ и самое принужденное положеніе необходимо благотворны. Полезно познаваніе всѣхъ мелкихъ сторонъ чужой души, всей пустоты людской и видовъ, въ которыхъ она проявляется...

Итакъ, К. К. пустилась въ свѣтъ и танцы! Охъ ужъ эти мнѣ женщины! Удивляюсь, какъ мужъ ей это дозволяетъ. Вообще надо сказать, что господа нѣкотораго кружка, забывъ серьезность, важность интересовъ, ихъ соединяющихъ или соединявшихъ, много потеряютъ тѣмъ, что прикоснулись къ пыли и суетѣ свѣтской. Я говорю это, конечно, не о Павловой, но я боюсь, что самъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, склоненный вниманіемъ какой-нибудь блестящей дамы или задѣтый за тщеславіе, пустится въ свѣтъ и начнетъ танцовать!—Я было совсѣмъ забылъ о Пановѣ; поклонитесь ему отъ меня; да что онъ? занимается ли чѣмъ опредѣленнымъ, сбрилъ ли усы или еще надѣется, что съ помощью усовъ, гладко причесанной головы и миловидной наружности онъ много успѣетъ въ свѣтѣ? Въ глубинѣ души его есть это движеніе.—Что надежнѣйшій изъ молодыхъ людей, холодный, какъ называютъ его, Самаринъ? Сдѣлайте милость, поклонитесь ему отъ меня особенно. Вамъ извѣстно, какъ я о немъ думаю. Я бы желалъ знать, успокоился ли Костя, уяснились ли вполнѣ его отношенія къ Самарину? Ожидалъ я въ газетахъ найти какую-нибудь статью о лекціяхъ Грановскаго, но этотъ Коршъ Богъ знаетъ что помѣщаетъ! По крайней мѣрѣ увѣдомляйте меня по временамъ, что̀ новаго и особеннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вѣроятно, въ 1-мъ номерѣ было что-нибудь заслуживающее вниманія. Князь получаетъ еще «Сѣверную Пчелу» и «Листокъ для свѣтскихъ людей» Мятлева, но этого и читать не достаетъ духа. Разъ только, говорятъ, была помѣщена въ «Листкѣ» вещь замѣчательно характерная;

именно, нарисованъ армейскій офицеръ, который съ подергиваніемъ плечъ и усовъ подходитъ, шаркая, къ дамѣ и спрашиваетъ воинской скороговоркой: «въ которомъ ухѣ звенитъ?» Та отвѣчаетъ: Въ лѣвомъ.—Какъ вы знаете? спрашиваетъ выпрямившійся кавалеръ съ изумленіемъ.—Такими-то пошлостями занимаемся мы здѣсь въ досужное время.—У Бригена во второй разъ я еще не былъ. Во-первыхъ, всѣ эти дни было на дворѣ грязно и скверно: какой-то дождь съ вѣтромъ; во-вторыхъ, потому, что скучно у этихъ Нѣмцевъ, будь они добрѣйшіе на землѣ люди. Но дѣлать нечего, пойду къ нему на второй недѣлѣ. Надо знать, что такое Астраханская грязь. Просто ходить нельзя. Смѣшанная съ солью, она такъ вязка, что съ трудомъ выносишь изъ нея калоши. Эта грязь бываетъ зимой и весной, частію и осенью; лѣтомъ же несносная пыль, подымаемая съ улицъ почти постоянно дующими здѣсь вѣтрами. Вы видите гдѣ-нибудь зелень, т.-е. какое-нибудь жалкое деревцо, которое по крайней мѣрѣ разъ шесть въ день требуетъ поливки,—думаете укрыться отъ пыли и жара... Но гдѣ зелень, туда особенно напираютъ мошки. Нельзя и тутъ оставаться. Въ комнату... Но въ комнатѣ воздухъ спертый и жаркій, постели такъ нагрѣваются, что нѣтъ возможности спать на нихъ; забываясь, вы думаете открыть окно ночью, но или удушливый зной, какъ банный паръ, врывается въ комнату, или же дуетъ опасный вѣтеръ. Вотъ вамъ преимущества знойнаго климата и описаніе жалкой Астраханской природы!

Сегодня слышалъ я разсужденіе повара князя Гагарина, негодовавшаго на невѣжество здѣшнихъ жителей въ поварскомъ искусствѣ: постомъ говядины достать здѣсь нельзя, телятъ бьютъ почти только что родившихся, одна картофелина стоитъ грошъ, нѣсколько кореньевъ—гривну, и живой рыбы достать нельзя, ибо пойманная стерлядь зимою немедленно замораживается и отсылается въ верховыя губерніи; чухонскаго масла почти нѣтъ, бутылка молока 40 коп., миндаль, которому здѣсь слѣдовало бы быть дешевле, дороже. Вотъ вамъ такса здѣшнихъ припасовъ! А городъ великъ и самъ по себѣ довольно многолюденъ, но дворянъ-то здѣсь мало русскихъ, а Армяне и Персіяне немного сдѣлаютъ для самаго города. Эти послѣдніе господа, съ черными высоки-

ми остроконечными шапками, надвинутыми на черныя брови, съ черными какъ смоль усами и бородою важно и молчаливо сидятъ у своихъ лавокъ. Грузинъ здѣсь мало, они все лучше. Впрочемъ, завтра, послѣ занятій намѣренъ я идти гулять по городу, коли дозволитъ время; авось что-нибудь найду особеннаго, а то до сихъ поръ Астрахань почти какъ худой кремень, изъ котораго мало искръ высѣкается.—Однакоже второй часъ ночи. Такъ какъ мы теперь встаемъ довольно рано, то пора и ложиться. Итакъ прощайте, до слѣдующаго письма. Надѣюсь, что въ Пятницу получу я отъ Васъ письма, отвѣтъ уже на мое длинное Черноярское писаніе. Крѣпко обнимаю милую Олю. Ради ея готовъ познакомиться съ одной барышней, Ахматовой, здѣшней помѣщицей, у которой верстахъ въ 50-ти отъ Астрахани есть деревня Черепаха, гдѣ есть у ней садъ, вмѣщающій въ себѣ до 35-ти разныхъ сортовъ винограда.

Суббота, 12-го февраля, 1844 года. Астрахань.

Вы не повѣрите, какое необыкновенное впечатлѣніе произвело на меня то, что, распечатавъ конвертъ и выдернувъ письма, увидалъ я Олинькину руку. Она первая бросилась мнѣ въ глаза. Живо сочувствую Вашему тревожному ощущенію и благодарю Бога. Счастливъ тотъ, кому вѣра можетъ служить такимъ подкрѣпленіемъ *). Полученіе писемъ на такомъ далекомъ разстояніи, въ Астрахани, истинное наслажденіе, и эта старая фраза заключаетъ для меня въ себѣ убѣдительную истину. Князь, получающій по пяти писемъ иногда за разъ, видимо тревожится неприходомъ почты въ срокъ, посылаетъ безпрестанно навѣдываться, и какъ скоро получены письма, всѣ бросаютъ работу и расходятся, чтобъ прочесть ихъ наединѣ. Поэтому просто завидно бываетъ, когда другіе всѣ получили письма, а ты нѣтъ, и лицо обыкновенно дѣлается сердитѣе и длиннѣе.—Итакъ, деревня Вамъ даже понравилась, милый мой Отесинька. Конечно, если отло-

---

*) Въ упоминаемомъ письмѣ было извѣстіе отъ Ольги Сергѣевны, о томъ, что послѣ говѣнія и причастія ей стало настолько лучше, что она могла сама написать И. С. нѣсколько словъ. *Пр. Изд.*

жить дальнѣйшія претензіи на раздолье и приволье, и она можетъ удовлетворить. Изъ писемъ Вашихъ вижу я, что Вы въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ: безпрестанныя посѣщенія, разъѣзды... Съ этой стороны, разсматривая эгоистически, признаюсь, я даже радъ, что избавился отъ скучной необходимости занимать скучныхъ гостей. Конечно, по своему глупому обыкновенію, я часто утекалъ бы изъ гостинной къ себѣ наверхъ, но все не избѣжалъ бы съ одной стороны гостей, а съ другой выговоровъ Вѣры Сергѣевны. Нынѣшній разъ и ея письмо не великонько, ну, да она все-таки не манкируетъ ни разу и притомъ такъ занята днемъ, чѣмъбы то ни было, что я ни за что не хочу получать писемъ длинныхъ, но написанныхъ ночью. Удивляюсь и тому, милый Отесинька, какъ Вы находите досугъ писать мнѣ аккуратно полъ-листа Вашимъ довольно сжатымъ почеркомъ.—Съ сегодняшняго дня началъ я ревизію Уѣзднаго Суда и ужасно прозябъ въ проклятомъ архивѣ, но согрѣлся не столько обѣдомъ, сколько послѣобѣденнымъ чаемъ. Не знаю, сколько времени продолжится эта ревизія, но Гагаринъ даетъ сколько угодно сроку, только чтобъ было хорошо. Когда пріѣдутъ Павленко и Розановъ, то вѣроятно, всѣ присутственныя мѣста и учрежденія здѣшнія будутъ раздѣлены между нами троими, и авось, посредствомъ этого раздѣленія, можно будетъ окончить ревизію, собственно эту, мѣсяцевъ въ шесть, но не ближе. Еще надо съѣздить на Бирючью Косу, гдѣ карантинъ, на рыбные учужные промыслы, объѣхать улусы Калмыцкіе. Все это, вѣроятно, заставитъ насъ пробыть лишній мѣсяцъ, если не два. Кромѣ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, столько присылается до сихъ поръ порученій изъ Петербурга, столько просьбъ, столько разныхъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, что я и не знаю, какъ это все уладится, устроится, удовлетворится. — Князь все продолжаетъ работать неутомимо, вставать въ пятомъ часу и заниматься почти во всякое время. Его тревожный характеръ, безпрерывное броженіе мыслей въ головѣ не даютъ ему покоя. То призоветъ онъ кого-нибудь и продиктуетъ пришедшія ему въ голову мысли, то примется за расмотрѣніе просьбъ, то займется другимъ предметомъ. Никогда никого не держитъ онъ и ненавидитъ медленный ходъ дѣла.

Впрочемъ, это ужъ у него въ крови. Такъ напримѣръ, когда ходитъ гулять съ нами, то мы едва поспѣваемъ за нимъ: легкость и живость его тѣла, особенно въ его лѣта, просто удивительны. Всякій изъ насъ любитъ прохлаждаться, выпить спокойно чашку чая или кофе, выкурить медленно сигару, но у него это не занимаетъ болѣе десяти минутъ. Я даже не люблю этого: человѣку необходимо имѣть нѣсколько досужныхъ мгновеній, чтобы успокоиться, придти въ себя, собраться съ духомъ, углубиться во внутрь. Будучи отъ природы горячъ необыкновенно, (отчего произошло много непріятныхъ послѣдствій) онъ умѣряетъ въ себѣ эту вспыльчивость и никогда не позволитъ себѣ ни одного дерзкаго слова; какъ человѣкъ благовоспитанный, онъ деликатенъ и всегда любезенъ въ обращеніи; даромъ, что природою обточенъ аристократически, не имѣетъ почти ни одной прихоти, ни одной привычки изнѣженнаго человѣка... Жалко мнѣ бываетъ видѣть этого человѣка, нѣкогда блистательнаго Оберъ-Прокура Общаго Собранія, имѣвшаго власть Министра въ Москвѣ, чего ни прежде ни послѣ него уже не было, человѣка, столь усерднаго на службѣ, столь дѣятельнаго, съ необыкновеннымъ даромъ слова, съ быстрымъ соображеніемъ, съ огромными способностями,—заживо погребеннымъ въ Сенаторахъ. Ему бы непремѣнно слѣдовало быть Министромъ Юстиціи или Главноуправляющимъ какою-нибудь отдѣльною частью, особенно распорядительною. Конечно, многое мнѣ въ немъ не нравится: иногда онъ уже слишкомъ поспѣшенъ, вообще наклоненъ къ насмѣшкѣ и отзывается аристократическимъ духомъ воспитанія, т. е. Французскимъ. На этомъ языкѣ говоритъ и пишетъ онъ превосходно, и Французскимъ bon-mot можно у него много выиграть; хотя охотно выслушиваетъ чужія мнѣнія, но довольно упоренъ въ своихъ взглядахъ и предположеніяхъ, очень часто съ моими несогласныхъ. Впрочемъ, я тутъ большею частію въ сторонѣ: главнымъ его совѣтчикомъ Строевъ, съ которымъ онъ часто расходится въ этомъ отношеніи. Какъ ни хочется князю въ Москву, онъ, ужъ вѣрно, не выѣдетъ изъ Астрахани прежде, чѣмъ не увѣрится, что ревизія его превосходна и блистательна, и ужъ онъ, конечно, не удовольствуется пошлымъ и обыкновеннымъ оконча-

чаніемъ всѣхъ ревизій. Все, что я говорю о князѣ, есть мое искреннее мнѣніе, вовсе не происходящее отъ пристрастія или отъ того, что онъ обращаетъ на меня особенное вниманіе, даетъ мнѣ отдѣльныя самостоятельныя порученія, какъ старшему чиновнику, и вообще хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Конечно, я не могу не быть ему за это благодарнымъ и не признавать въ немъ особенной способности съ перваго раза отличать людей, ибо онъ съ перваго моего доклада въ Сенатѣ сталъ оказывать мнѣ особенное вниманіе. Тоже самое дѣлалъ онъ и съ Вас. Вас. Давыдовымъ, когда тотъ, никѣмъ незнаемый молодой человѣкъ, опредѣлился на службу въ Сенатѣ.—Нынче послѣдній день нашего поста, и я, признаюсь, очень радъ этому, потому что рыба и икра стали мнѣ противѣть, особенно ужъ эта стерлядь, приторная, мягкая; а здѣсь она главную роль играетъ въ столѣ. Нѣтъ, перейти поскорѣй къ скоромной пищѣ, хоть до середокрестной недѣли. Погода у насъ стоитъ довольно перемѣнчивая, но всѣ эти дни было, кажется, не менѣе шести градусовъ въ тѣни, и ходить въ зимней шинели почти нѣтъ возможности. Одно скверно здѣсь: это несносная грязь по улицамъ, хотя, впрочемъ, вездѣ устроены деревянные троттуары для пѣшеходовъ; но когда переходишь черезъ самую улицу, то нерѣдко оставляешь въ грязи свои калоши. Однако прощайте, будьте здоровы, веселы и обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь. Будьте увѣрены, что я всегда пишу вамъ правду и здоровъ совершенно.

Февраля 15-го 1844 года, вторникъ. Астрахань.

Вчера, воротившись часа въ три изъ Уѣзднаго Суда, нашелъ я два пакета писемъ отъ Васъ: отъ 1-го и 5-го февраля. Боже мой, какъ я обрадовался, съ какимъ наслажденіемъ провелъ я цѣлый часъ въ чтеніи писемъ! По моимъ разсчетамъ изъ Вашихъ писемъ не пропало до сихъ поръ ни одно, а изъ моихъ только одно Коломенское. Итакъ Вы получили описаніе нашихъ Тамбовскихъ бѣдствій, о которыхъ ходилъ уже давно слухъ въ Москвѣ, какъ писали Вы, и какъ пишутъ къ Оболенскому. Мнѣ теперь какъ-то странно читать, что Вы такъ взволновались этимъ, ибо ощуще-

ніе того положенія давно прошло. Напрасно Вы думаете, что я что-нибудь убавилъ; напротивъ, я все писалъ съ самою строгою вѣрностью; напрасно также Вы относите къ великодушію то, что мы отдали ямщикамъ шубы тутъ великодушія вовсе не было, или по крайней мѣрѣ оно играло самую малую роль: мы разсчитывали на ямщиковъ, полагая, что они будутъ намъ полезны для отысканія дороги, и будучи почти увѣрены, что скорѣе вынесемъ холодъ, чѣмъ они. Запрятаться въ стогъ сѣна мы не догадались, да и врядъ ли были бы въ состояніи раскапывать снѣгъ. Вотъ Вамъ отвѣты на Ваши вопросы, возникшіе при чтеніи письма; слѣдовъ послѣ того не было никакихъ для здоровья, тѣмъ болѣе что мы оттуда попали въ довольно холодную комнату.

Но теперь мы живемъ тепло и покойно, и прежняя тревога давно забыта. Я совершенно теперь втянулся въ работу или, лучше сказать, въ ревизію Уѣзднаго Суда, гдѣ сижу съ девяти утра до трехъ пополудни; работа эта, состоящая въ подробномъ просмотрѣ всѣхъ текущихъ дѣлъ (числомъ, кажется, до 90), уголовныхъ и гражданскихъ, рѣшенныхъ за три года, сданныхъ въ архивъ и приготовляемыхъ къ сдачѣ, очень медленна и однообразна. Всѣ замѣчанія кладутся тутъ же карандашомъ, потомъ приводятся въ порядокъ, и я дѣлаю Судьѣ запросы, на которые онъ обязанъ мнѣ давать письменное объясненіе, такъ что каждое упущеніе очищено или сознаніемъ или достаточнымъ оправданіемъ. Вамъ непріятно, что въ Черномъ Ярѣ была у насъ дурная квартира и что выраженіе «отдавая справедливость способностямъ Аксакова» сухо. Но вѣдь квартиры занимались по мѣрѣ пріѣзда чиновниковъ, и князь нисколько не зналъ, хороши ли онѣ или дурны. Напротивъ, я очень радъ былъ, что мы стояли у бѣднаго хозяина, съ которымъ расплатились за все, ибо прочіе хозяева, какъ люди зажиточные, не взяли денегъ. Что же касается до выраженія вышеупомянутаго, то я нахожу его чрезвычайно достаточнымъ. Право, Вы забываете, что я имѣю только полтора года службы и 20 лѣтъ жизни, между тѣмъ какъ всѣ прочіе служатъ лѣтъ по 20, по 15 и 10, что я моложе всѣхъ и что тѣмъ не менѣе мнѣ даютъ порученія наравнѣ со старшими чиновниками, порученія отдѣльныя, самобытныя, что показываетъ большую довѣрен-

ность со стороны князя. Даже, еслибы я не былъ такъ старообразъ на лицо, не имѣлъ на носу очковъ, придающихъ видъ важный, давать мнѣ такія порученія было бы скандалезно, обидно для ревизуемыхъ. По поводу этого Уѣзднаго Суда вышла презабавная штука. Князь, объявивъ мнѣ это порученіе, сказалъ потомъ Оболенскому, чтобы тотъ узналъ, пріятно ли мнѣ оно, охотно ли я его принимаю, не хочу ли переждать нѣсколько? что въ такомъ случаѣ онъ самъ подождетъ и дастъ мнѣ это порученіе послѣ. Оболенскій, дѣйствуя по-товарищески, разсказалъ мнѣ весь разговоръ свой съ княземъ. А я, разговаривая ввечеру со Строевымъ, сказалъ ему, что это безпокойство князя кажется мнѣ нѣсколько страннымъ. Строевъ на другой день и говоритъ какъ-то при случаѣ князю, что тотъ не очень остороженъ на слова, что я немного щекотливъ и нѣсколько этимъ обижаюсь. Этого было достаточно, чтобы поднять князя, все равно, какъ къ сѣрной спичкѣ поднести огонь. Въ одну минуту выбѣжалъ онъ въ канцелярію, поймалъ меня и наговорилъ съ три короба: чтобъ я не думалъ, что онъ сомнѣвается въ моихъ способностяхъ, что онъ извиняется, если его племянникъ переврал его слова, что онъ хотѣлъ сказать то-то и теперь повторяетъ, ибо дѣлаетъ это изъ душевнаго расположенія ко мнѣ, что онъ всегда былъ обо мнѣ наилучшаго мнѣнія, иначе не давалъ бы порученій, которыя даются опытнымъ и старшимъ чиновникамъ, что онъ отличилъ меня съ перваго доклада въ Сенатѣ, что́ вѣрно замѣтилъ я и самъ, и пр., и пр. Дѣйствительно, я вижу, что его хорошее обо мнѣ мнѣніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и поэтому я буду стараться оправдать «оное» и подать ему на закуску порядочное блюдо «упущеній и безпорядковъ» Уѣзднаго Суда. Польза въ отношеніи узнанія службы и законовъ ощутительна мнѣ на каждомъ шагу, но за то миновались незамѣнимыя впечатлѣнія дороги и свободнаго состоянія духа. А пишутъ изъ Москвы, что носятся слухи, будто по окончаніи Астраханской ревизіи будемъ мы ревизовать Саратовскую. Избави Богъ, довольно и этой.—Въ письмахъ пишете Вы, милая моя Маменька, что безпокоитесь, не терплю ли я въ чемъ нужды? Право нѣтъ, да и не въ чемъ. Костюмъ мой очень однообразенъ, какъ и у всѣхъ: поутру въ мундирѣ (если

въ какомъ нибудь мѣстѣ), тамъ въ вицмундирѣ, а послѣ обѣда въ пальто. Рубашекъ я голландскихъ почти не надѣваю, такъ же, какъ и Оболенскій, и другіе, ибо съ шарфомъ и жилетомъ, застегивающимся до-верху, ея и не видать. Здѣсь заказалъ я себѣ калоши и купилъ фуражку, ибо въ шляпѣ круглой ходить какъ-то неудобно. Что же касается до стола, то обѣдаемъ мы всѣ у князя, а имѣемъ свой чай и хлѣбъ, да постоянно сыръ или икру. Слѣдовательно, нужды мы не претерпѣваемъ никакой и тратимъ мало. Сначала мы обзавелись нѣкоторымъ хозяйствомъ, купили подносъ для самовара, нѣкоторую посуду, сундукъ для шинелей, зеленое сукно на столъ, который былъ слишкомъ грязенъ, пепельницы для сигаръ и т. п. бездѣлушки. Наняли прачку, за 14 р., кажется, на двоихъ насъ съ человѣкомъ. Сверхъ того, я распорядился еще въ Москвѣ присылкою мнѣ сюда жалованья, котораго мнѣ, можетъ быть, не придется и употребить. Милая Олинька уже третій разъ приписываетъ ко мнѣ: я ей очень благодаренъ за это, но боюсь, право, не утомляетъ ли она себя этимъ? Мнѣ ужасно досадно, что я не могъ достать шапки Калмыцкой хорошей, чистой, а то бы я прислалъ ей непремѣнно.—Нынче приходила къ князю цѣлая депутація отъ Татаръ съ просьбою на татарскомъ языкѣ и съ предъявленіемъ грамоты, данной имъ отъ Государя, которую одинъ изъ нихъ держалъ надъ головою. Какъ дорого цѣнятъ инородцы имя Государя! Такъ напримѣръ Калмыки необыкновенно привязаны къ грамотѣ, данной имъ Николаемъ Павловичемъ, даже не понимая ея содержанія. Калмыки, впрочемъ, имѣютъ самостоятельность, хотя въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ русскими по уголовнымъ преступленіямъ, судятся въ Уѣздныхъ Судахъ, нанимаются въ работы у русскихъ же и зимою кочуютъ близъ деревень. Татары же еще больше привыкли и къ русской жизни, и къ русскому судопроизводству, такъ что они и по гражданскимъ дѣламъ сами начинаютъ тяжбы, даютъ векселя; здѣсь гдѣ-то въ отдаленной части города есть Татарскій питейный домъ. Я еще не спросилъ, что значитъ эта вывѣска, немного странная для Магометанъ; должно полагать, что это питейный домъ для Татаръ, принявшихъ христіанскую вѣру. Надо при-

знаться, что только въ Россіи иностранецъ можетъ жить такъ спокойно, подъ защитою законовъ. Кто изъ русскихъ, торгующихъ съ Персіею, заведетъ себѣ тамъ домъ и осѣдлость? Ужъ, конечно никто, а между тѣмъ здѣсь множество Персіянъ-торговцевъ, которые живутъ себѣ преспокойно, безобидно, имѣютъ дома, снимаютъ подряды. Еще удивляюсь я и тому, какъ русскій человѣкъ мало дичится чуждаго себѣ; и, какъ кажется, меньше дичится Азіатца, нежели Нѣмца или Француза. Крестьяне, приходящіе въ Астрахань изъ великорусскихъ губерній, такъ скоро и коротко знакомятся съ терпимостью, что даже охотно нанимаются у Азіатцевъ и, такъ какъ Астрахань издревле была притонъ бѣглецовъ, то и теперь побѣги безпрестанные въ Баку, Шемаху и даже Персидскія владѣнія; по вѣдомостямъ присутственныхъ мѣстъ видно, какая бездна дѣлъ о бродягахъ и бѣглецахъ. Лѣтомъ удобно скрываться имъ въ камышахъ, спускаться внизъ по Волгѣ въ море, а тамъ прошу ихъ отыскивать. Кромѣ того, многіе добровольно отдаются въ плѣнъ Хивинцамъ и Трухменцамъ, по предварительному соглашенію, съ тѣмъ, чтобы воротясь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или годъ, отыскивать свободу изъ крѣпостнаго состоянія; а азіатскимъ языкамъ выучиваются они съ необыкновенною легкостью. Но самый-то разгулъ ихъ будетъ весною и лѣтомъ, когда откроются рыбные промыслы. Удивительно разнородны элементы русской Державы, и необходимо глубокое изученіе настоящей Россіи, чтобы умѣть воспользоваться ими и согласовать ихъ, и надо признаться, что мы часто порицаемъ нѣкоторыя распоряженія Правительства напрасно, по привычкѣ или по теоріи. Боже мой, какая трудная, едва-ли разрѣшимая задача обнять категорическимъ законодательствомъ всѣ мелкіе случаи частной жизни, всѣ отношенія подданныхъ, да какихъ еще разноплеменныхъ! Здѣсь Калмыки, тамъ Зыряне, Самоѣды, Чукчи, Юкагиры, Якуты, Лапландцы, тамъ Молдаване, Евреи, Поляки, и конца нѣтъ. Но здѣсь я останавливаюсь: 1) потому, что некогда, ибо письмо такого частаго почерка надо писать часа два, коли не больше; 2) что поздно; а 3) что предметъ, о которомъ мнѣ хочется говорить, требуетъ нѣкотораго обдумыванія и послужитъ содержаніемъ или письма

къ Вамъ или къ Костѣ, котораго благодарю за неразборчивое письмо, также и Гришу, и Вѣру, и Олю, и всѣхъ, и всѣхъ.

Суббота. 19-го февраля 1844 года. Астрахань.

Письмо это, вѣроятно, придетъ къ 1-му Марта, ко дню Вашего рожденія, милая моя Маменька. Поздравляю Васъ и Васъ, милый Отесинька, и Васъ всѣхъ, милые братья и сестры. Желаю, чтобъ ничто не смущало этого дня и чтобъ будущій годъ протекъ для Васъ яснѣе и покойнѣе прошлаго. Еще 10 дней осталось до этого дня, 10 дней, въ которые много совершится кругооборотовъ въ Вашей Московской жизни и, вѣроятно, никакихъ въ нашей однообразной Астраханской, съ тою только разницею, что, можетъ быть, вмѣсто Уѣзднаго Суда буду я ревизовать Земскій, или Магистратъ, или Сиротскій Судъ, или Дворянскую Опеку. Вотъ Вамъ исчисленіе занятій, ожидающихъ меня въ улыбающейся перспективѣ. Впрочемъ, на будущей недѣлѣ долженъ подъѣхать Розановъ, а съ нимъ вмѣстѣ Бюллеръ и Блокъ, которые мнѣ товарищи по Училищу и ближе мнѣ и Оболенскому по нравственному воспитанію. Но, несмотря на скуку и однообразіе, быстро проходитъ время. Каково! уже третья недѣля поста наступаетъ, а тамъ ужъ и середокрестная! Но часто здѣсь обманываюсь я, воображая, что уже весна, апрѣль мѣсяцъ, а ничуть не бывало, мы еще въ февралѣ. Впрочемъ, здѣсь намъ, пріѣзжимъ, обмануться не трудно: погода ясная, теплая, льду давно нѣтъ, и Кутумъ и Волга давно свободны; послѣдняя въ ожиданіи прибытія верховаго льда, который, говорятъ, тронется не ближе апрѣля. Еслибъ было болѣе досужнаго времени, болѣе свободы и легче, и яснѣе на душѣ, то, конечно, и очаровательный видъ изъ нашей комнаты, и прогулки къ Волгѣ и по Волгѣ доставляли бы мнѣ болѣе удовольствія. Но бываютъ минуты отупѣнія, когда человѣкъ не можетъ вполнѣ принимать впечатлѣнія изящнаго, но только судить о нихъ умственно, по воспоминанію, и грустно, и досадно ему бываетъ. Это случается, впрочемъ, и отъ того, что долго сидѣлъ онъ подъ гнетомъ сухой и мертвой работы, и не та-

ковы люди окружающіе его, чтобы можно было при нихъ свободно предаться своему ощущенію.—Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что письмо мое писано не въ томъ тонѣ, въ какомъ прежде. Но письма мои выражаютъ переливы состоянія моего духа, которые случаются безо всякой на то причины, а такъ, вслѣдствіе безпрерывной внутренней переработки. Я не давлю въ себѣ этихъ ощущеній, но скрывая ихъ отъ постороннихъ, тѣмъ не менѣе безпрестанно живу своею безпокойною внутреннею жизнью. Я никогда не могъ сказать себѣ: «Я гордо чувствую: я молодъ! Мила мнѣ жизнь, мужчина я»!, но напротивъ часто повторяю съ прискорбіемъ собственные стихи мои:

Мнѣ не живется беззаботно,
Мнѣ ноша жизни не легка!

Именно не легка! Бываютъ со мною и часто бываютъ такія минуты, когда столько толпится въ головѣ разныхъ неясныхъ мыслей, совершенно разнородныхъ, вытѣсняющихъ другъ друга, и служебныхъ замѣчаній, и проэктовъ государственныхъ, и результатовъ созерцательнаго обращенія на жизнь частную человѣка, на все движеніе человѣчества, и все это такъ смутно, такъ неясно, такъ бѣгло, такъ мало поддается сознанію и логикѣ, что, несмотря на мучительную нерѣдко тревогу головы, я всегда бѣденъ мыслями здравыми, глубокими, обсуженными и со всѣхъ сторонъ неприступными. Иногда займешься какой-нибудь работой *дѣльной* (!) и чувствуешь, что несмотря на пристальное занятіе, въ головѣ что-то роется, и едва положишь перо, какъ вдругъ такъ и обойметъ меня цѣлый рой неясныхъ мыслей, глухихъ ощущеній и часто нелѣпыхъ образовъ. Потому-то, несмотря на мою положительность и, такъ сказать, осѣдлость, я всегда разсѣянъ. Съ трудомъ могу я освободить свое мышленіе отъ облѣпливающихъ его, подобно мухамъ, темныхъ представленій, устремить всѣ свои умственныя силы на одинъ предметъ; отъ того-то не ясно, мѣшковато мое соображеніе. Это не мѣшковатость ума Пановскаго, нѣтъ: у меня вѣчно такая быстрая смѣна внутреннихъ ощущеній, полуродившихся мыслей, недоконченныхъ образовъ, что меня можно всегда за-

стать въ-расплохъ. Спросите тогда, что я думаю? и, вѣрно, я и самъ не буду знать опредѣленно, а часто вдругъ остановлюсь на какой-нибудь глупости, которую я, безъ яснаго сознанія, жую, жую и опять жую... И число тревожащихъ меня гостей тѣмъ болѣе велико, что душа моя сильно симпатизируетъ всѣмъ высокимъ интересамъ, всѣмъ историческимъ явленіямъ, всѣмъ страданіямъ, всѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ современнаго человѣчества. И вмѣстѣ съ этимъ въ душѣ происходитъ броженіе и личныхъ мелкихъ интересовъ самолюбія и тщеславія, и. сверхъ того, все, воочію предо мною совершающееся, всякое почти незамѣтное движеніе другихъ мною замѣчается, оставляетъ слѣды; чужое слово, чужая привычка, жизнь горькая массы и жизнь частная—все не пропадаетъ для меня даромъ, все обогащаетъ сокровищницу душевную... Нѣтъ, не обогащаетъ, а развѣ только бременитъ и сердце и голову! Ибо все, что такъ стучится, толпится въ меня, все это ищетъ систематизированія, ищетъ уясниться, стать въ ряды, логическою цѣпью, подъ общіе законы. Но, видно, не крѣпка довольно голова моя, еще слаба сила мысли, и я, утомленный внутренними, въ тайнѣ свершающимися явленіями, безплодною работою, развлеченный пестротою невидимою, не выношу на свѣтъ богатыхъ плодовъ моей натуры, но являюсь съ пустыми руками, смѣшной, жалкій, недовольный собой. Не съ пустыми скажете Вы. Положимъ, но чтожъ это въ сравненіи съ тѣмъ, что ежеминутно мелькаетъ, проносится въ глубинѣ моего существа! О, еслибъ я былъ поэтъ (восклицаніе довольно старое и пошлое), еслибъ имѣлъ даръ слова или такого рода вдохновеніе, которое бы легко выгружало мою душу! но мнѣ трудно поймать мысль за хвостъ и укладывать ее въ стихи или рѣчь, ибо голова моя неясна, несвободна и часто приходитъ въ тупикъ. И все это совершается въ преисподней моего духа, а внѣшность моя такъ же важна, тяжела и безцвѣтна, какъ и всегда. Еслибъ я былъ легко живущій жизнью сангвиникъ, то это было бы совсѣмъ не то; но моя внутренняя жизнь. духовная дѣятельность (хотя и безплодная) въ совершенномъ противорѣчіи съ вялою физикою, тяжелымъ и неповоротливымъ языкомъ. Прибавьте къ тому

еще, что у меня нѣтъ свободныхъ движеній души, нѣтъ искреннихъ движеній, происходящихъ отъ увлеченія, вѣры или убѣжденія, нѣтъ опредѣленныхъ свойствъ, характера, вкуса... Одно только опредѣленно: это неопредѣленность того. что снуетъ и роется во мнѣ, того, что или задавитъ меня, или же лопнетъ мыльнымъ пузыремъ. — Съ кѣмъ этого не бываетъ? кто не испытывалъ подобнаго? скажете Вы. Согласенъ, но едва ли кто испытывалъ это въ такой степени, какъ я испытываю, привыкнувъ отъ природы жить внутреннею, созерцательною жизнью, совершенно отличною отъ внѣшней моей жизни и чуждою окружающихъ меня людей. Въ дорогѣ опять другое дѣло. Тамъ вы качаетесь въ неясныхъ ощущеніяхъ, будто въ просонкахъ, и образы тянутся лѣнивою вереницею. Но довольно. И то ужъ совсѣмъ не кстати разговорился объ этомъ. По крайней мѣрѣ Вы признаетесь, что я довольно откровененъ и откровеннѣе въ разлукѣ; боюсь только, что Вы примете все это въ другомъ смыслѣ, припишете этому другую причину, и тутъ пошло, пошло! И вѣрно я боленъ, и вѣрно не доволенъ и пр., нѣтъ, сдѣлайте милость, вѣрьте мнѣ и принимайте все въ настоящемъ смыслѣ.

Астрахань. 22-го февраля 1844 года. Вторникъ.

Вчера получилъ я письма Ваши отъ 11-го февраля, но письма эти меня не совершенно удовлетворили, и я жду съ нетерпѣніемъ пятницы, чтобы скорѣе получить извѣстія о здоровьѣ Олиньки. Теперь наше положеніе нѣсколько перемѣнилось, т. е. столъ сдѣлался шире, и я имѣю удовольствіе наслаждаться бесѣдою любезныхъ моихъ товарищей, Бюллера и Блока. Вообразите, что на ихъ счастіе они проѣхали черезъ Енотаевскъ ночью, и приказаніе князя не было имъ вручено. Сюда они пріѣхали 20-го, т. е. въ Воскресенье, часовъ въ 5 пополудни. Я совсѣмъ было не узналъ Бюллера. Вечеръ они пробыли у насъ, разсказывая, какъ они тамъ веселились въ Тамбовѣ на масляницѣ, но въ оправданіе свое имѣютъ, впрочемъ, то, что Блокъ, натанцовавшись до

упаду, какъ юноша, только что выпущенный, сдѣлался боленъ; они прожили въ Тамбовѣ дней 12 и потомъ поѣхали трактомъ на Саратовъ, что гораздо дальше, для того, чтобы имѣть въ случаѣ нужды доктора, ибо по этому тракту около семи городовъ. Князю они представлялись на другой день, часовъ въ 9 поутру, въ мундирахъ, при общемъ собраніи канцеляріи: такъ приказалъ самъ князь, который сдѣлалъ имъ блистательный выговоръ, серьезный и суровый. У этого человѣка особенная способность на это: за словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, а между тѣмъ не скажетъ ни одного грубаго, дерзкаго слова. Бюллеръ ѣдетъ съ цѣлью собирать всевозможныя историческія, статистическія, этнографическія, географическія и прочія *ическія* свѣдѣнія и потому былъ чрезвычайно радъ работѣ, которую далъ ему князь: составить выписку изъ разныхъ свѣдѣній о Калмыкахъ. Надо сказать, что князь не то, что Петербургскіе сенаторы и не любитъ оскорблять людей опытныхъ, особливо членовъ своей канцеляріи, особеннымъ вниманіемъ къ намъ. Онъ ласковъ и добръ со всѣми, но племяннику его хуже, чѣмъ кому-либо другому, ибо князь часто нарочно выказываетъ, что племянника онъ ни отъ кого не отличаетъ. Впрочемъ, принимаетъ въ большое уваженіе достоинства каждаго по службѣ. Ревизія моя Уѣзднаго суда еще не кончена, но я надѣюсь кончить ее въ субботу. Работа эта, самая мелкая, подробная, довольно трудна и тяжела и особенно скучна тѣмъ, что я работаю почти одинъ. Мы теперь точно ищейки или хорошія лягавыя собаки: чутьемъ слышимъ упущенія и безпорядки; удивляюсь только, какъ не грезимъ ими. Душа ликуетъ, коли поиски увѣнчаются открытіемъ болѣе важнымъ, нежели обыкновенная медленность, неаккуратность, несоблюденіе всѣхъ формальностей! Надо признаться, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы въ чрезвычайно фальшивомъ положеніи и частехонько должны дѣйствовать противъ внутренняго убѣжденія. Скоро, думаю я, загремитъ князь Гагаринъ рапортами Сенату и отношеніями къ министрамъ. И такъ ихъ уже довольно отправлено и довольно важныхъ. За то ужъ изъ Петербурга надѣляютъ насъ съ каждою почтою новыми работами, которыя, составляя вещь совершенно побочную, занимаютъ однакоже бо̀льшую часть времени, и если все

будетъ продолжаться, какъ до сихъ. поръ, то я предвижу окончаніе ревизіи не скоро. После Уезднаго суда буду я съ Павленко ревизовать палату, въ которой соединены Уголовная и Гражданская: Павленко последнюю, а я первую. Эдакъ пойдетъ скорѣе. На этой недѣлѣ наша канцелярія должна будетъ соединиться вполнѣ, ибо Розановъ съ братіей пріѣдутъ изъ Енотаевска.—На дняхъ князь призываетъ меня къ себѣ и предлагаетъ свою библіотеку, прося брать книги во всякое время, при немъ и безъ него. Серьезныхъ книгъ въ этой библіотекѣ мало, и я взялъ одинъ томъ Esquises de la philosophie, par Lamennais. Хочу знать, какъ Французъ философствуетъ; да взялъ также какой-то историческій романъ, чтобъ отводить душу по временамъ. Я такъ люблю чтеніе, даже всякой дрянной повѣсти, что невольно переношусь въ міръ описываемый или въ положеніе героевъ, что живу съ ними и умѣю на это время отвлекатьсяото всего окружающаго. Но и читать можно только урывками, ибо, повторяю, время проходитъ или въ занятіяхъ, или въ чемъ другомъ, чего нельзя избѣгнуть. Напримѣръ приходятъ въ нашу комнату, сидятъ въ ней и мѣшаютъ и читать, и писать. Это письмо мое также пишется урывками, ибо я, желая непремѣнно покончить съ Уѣзднымъ судомъ на нынѣшней недѣлѣ, много теперь занимаюсь.

Воскресенье. 1844 года, февраля 27-го. Астрахань.

Сейчасъ только воротился изъ Уѣзднаго Суда и спѣшу написать Вамъ нѣсколько строкъ. Вотъ какъ, даже по Воскресеньямъ не прекращаются занятія! Признаюсь: много дѣла, особенно если ревизуешь одинъ. Впрочемъ, я спѣшу окончить ревизію Уѣзднаго Суда для того, чтобъ приступить къ ревизіи Палаты; сверхъ того, по Уѣздному Суду надо заняться приготовленіемъ рапорта и отчета. Въ концѣ будущей недѣли ѣду я въ карантинъ, т. е. князь, Строевъ и я, на пароходѣ; прочіе же, если поѣдутъ, такъ въ качествѣ волонтеровъ: карантинъ находится въ 90 верстахъ отсюда, на Бирючьей Косѣ, и путешествіе наше не продолжится болѣе четырехъ дней.—Теперь я совершенно одинъ живу въ

комнатѣ; Оболенскій уѣхалъ осматривать, во всѣхъ ли помѣщичьихъ имѣніяхъ есть сельскіе магазины? Путешествіе довольно опасное, ибо все время надо ѣхать по Волгѣ въ лодкѣ, верстъ за 70 и больше отсюда, а погода не очень благопріятна. Вотъ уже и середокрестная недѣля! Постъ пролетитъ такъ скоро, что и у преждеосвященной обѣдни побывать не успѣешь, развѣ на Страстной. — Итакъ, Вамъ понравилась Жизнь за Царя. Костино мнѣніе торжествуетъ, но надо сказать, что, кажется, Московская публика раздѣляетъ въ отношеніи къ ней мнѣніе Петербургской: я не говорю о мнѣніи двухъ, трехъ нашихъ знакомыхъ, но оффиціальность, которую даютъ этой оперѣ, какъ-то опошляетъ и мысль о такой оперѣ. Это очень жаль и мѣшаетъ понимать эту прекрасную, вполнѣ русскую, оперу.—Изъ Тамбова пишутъ, что Бюллеръ и Блокъ оставили неизгладимыя въ сердцахъ по себѣ воспоминанія и вскружили всѣмъ головы, но Астрахань едва ли это скажетъ. Если бы Вы знали, въ какомъ здѣсь все страхѣ! а кажется, не отъ чего бы было; но причиною этому именно та позиція, въ которую мы себя поставили: отсутствіе всякой фамильярности и знакомства съ жителями, развѣ только по дѣламъ службы, и строгое, примѣрное поведеніе всѣхъ чиновниковъ. Сверхъ того, тайны канцеляріи не проникаютъ къ любопытнымъ и навострившимъ уши жителямъ, и все это придаетъ намъ видъ грозной и молчаливой Инквизиціи.—Благодарю милую Олиньку за прописку, которая, впрочемъ, не свидѣтельствуетъ о твердости руки, и я боюсь, что она дѣлаетъ излишнія усилія.

Астрахань. 1844 года, 4-го марта. Суббота.

Вы, вѣрно, удивились, не получивъ отъ меня письма отъ прошедшаго вторника, вообразили, вѣроятно, что я нездоровъ, что некому за мною, глупымъ, и посмотрѣть и пр. и пр. А причина этому очень проста: я на этой недѣлѣ былъ почти заваленъ работой, ибо въ одно и то же время—пишу отчетъ по Уѣздному Суду, ревизую совершенно одинъ Дво-

ранскую Опеку и имѣю дѣло, по порученію князя, съ рыбною экспедиціею (состоящею при Губернскомъ Правленіи), по случаю весеннихъ Эмбенскихъ промысловъ! Такъ что собственно ревизію присутственныхъ мѣстъ Астрахани произвожу пока я одинъ, а прочіе работаютъ дома, по отдѣльнымъ порученіямъ. Вы знаете, что я, хоть и браню службу, но довольно горячо исполняю свои обязанности, особенно же, гдѣ на мнѣ лежитъ большая отвѣтственность, и особенно здѣсь, когда я попадаю на нѣкоторые слѣды... А нынче мы отправляемся почти всѣ въ карантинъ на пароходѣ (верстъ 90 отсюда) и хотимъ объѣхать всѣ 67 устьевъ Волги, но едва ли это удастся. Во всякомъ случаѣ мы проѣдемъ дня четыре, слѣдовательно, во вторникъ опять не буду писать. Нынче въ 9 часовъ вечера отправляемся мы на пароходѣ, тамъ переночуемъ и двинемся завтра чѣмъ свѣтъ. Вѣтеръ, кажется, будетъ намъ благопріятный, и потому путешествію этому я очень радъ. Жаль только, что скверная и сырая погода, дождикъ и туманы, хотя тепло: 10 градусовъ тепла.—Сейчасъ встали изъ за стола; нынче день рожденія князя, и пили за его здоровье. Ему 55 лѣтъ. Онъ былъ очень веселъ и любезенъ, что, впрочемъ, бываетъ съ нимъ всегда послѣ благопріятной почты, которая привезла мнѣ нынче насквозь промоченную посылку или «Отечественныя Записки» безъ письма. Послѣднія же письма Ваши не имѣютъ ничего особенно пріятнаго, но такъ какъ Вы намѣрены писать только разъ въ недѣлю, то я и не имѣлъ права ожидать отъ Васъ писемъ. А чтожъ это Константинъ не отвѣчаетъ мнѣ? Все некогда, все вечера да балы? Да когда-жъ это кончится? Мнѣ очень прискорбно, что Костя расходится съ надежнѣйшимъ изъ молодыхъ людей, что говорю я серьезно, т. е. послѣднія слова.—Здѣсь наступила довольно важная эпоха для Астрахани. Имено весенній ловъ рыбы на Эмбенскихъ водахъ, куда князю очень хочется поѣхать изъ карантина, да врядъ ли это возможно, тѣмъ болѣе, что это верстъ 500 и даже 1000, именно третій участокъ, около береговъ Трухменскихъ. Вообще эта статья такъ интересна, что я, изучивъ хорошенько всѣ термины, пришлю Вамъ подробное и точное описаніе Эмбенскихъ промысловъ, ибо

имѣю теперь дѣло съ экспедиціей, откуда легко могу почерпать нужныя свѣдѣнія. Вы не повѣрите, до какой степени подробностей и мелочей входимъ мы по ревизіи, какой я аккуратный сталъ человѣкъ, даже немножко педантъ. Я имѣю законныя причины и извиненія: службу. Дѣйствительно, я много занятъ и имѣю занятія разнообразныя и важныя, и лестныя для меня порученія князя. Поэтому умоляю Васъ не безпокоиться, если будетъ иногда случаться, что Вы не получите отъ меня писемъ. Вотъ и теперь скоро шесть часовъ вечера, надо готовиться къ отъѣзду, а главное—читать 13-й томъ Устава Карантиннаго, съ которымъ я уже познакомился и прежде, но не худо повторить. Но прощайте, видите, у меня было благое намѣреніе написать цѣлый листъ, но нѣтъ времени, нѣтъ досуга собрать, повести мысли стройной, логической вереницей.

Астрахань. 12-го Марта 1844 года. Воскресенье.

Послѣдняя почта не привезла Вамъ письма отъ меня, и это не могло безпокоить Васъ, потому что Вы знали уже о предполагаемомъ путешествіи. Мы воротились въ середу, и какъ пріятно мнѣ было найти дома толстое письмо! Но о письмѣ послѣ: прежде всего удовлетворю я Ваше желаніе знать о нашемъ путешествіи.—Часу въ десятомъ вечера въ субботу отправились мы въ коляскѣ и дрожкахъ на пристань, которая довольно далеко отъ нашей квартиры. Ѣхали мы, разумѣется, торжественно и съ большимъ почетомъ: впереди скакали верховые съ факелами, сзади полицеймейстеръ; потомъ пересѣли на большой катеръ и черезъ полчаса времени были на пароходѣ. Я былъ въ первый разъ на палубѣ, но это, признаюсь, не произвело на меня особеннаго впечатлѣнія, вѣроятно, потому, что пароходъ былъ самаго малаго размѣра. Ночь была прехолодная, и я покурилъ нѣсколько времени на палубѣ, все ища впечатлѣнія, ибо мысль курить ночью на палубѣ казалась мнѣ дома поэтическою, и мнѣ было даже досадно, что я не ощутилъ никакого особеннаго удовольствія. Сырость, холодъ, туманъ, черная ночь, сильный вѣтеръ, раздувавшій мою сигарку, заставили меня

сойти въ каюту. Надо Вамъ сказать, что въ капитанской каютѣ, чистой и опрятной, помѣстился самъ Князь, у котораго, сверхъ того, была маленькая клѣтушка съ койкой. Подлѣ этой каюты находилась еще каюта, величиною не больше четверти, если не меньше, отесинькинаго кабинета. Тамъ помѣстились мы всѣ шестеро, кто на полу, кто на стулѣ, кто на прилавкѣ, всѣ въ шубахъ и съ покрытыми головами и почти всѣ курящіе. Мгновенно эта маленькая комната, гдѣ и выпрямиться трудно, наполнилась такимъ дымомъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, некурящій, ушелъ спать на палубу. Благодаря погребцу, приводящему всюду, всегда и всѣхъ въ восхищеніе, зажгли мы стеариновыя свѣчи и устроили себѣ самоваръ. Хоть въ комнаткѣ нашей было довольно душно и парно, но всякій, зная, что на дворѣ холодно, что онъ не на сушѣ, считалъ обязанностью согрѣться чаемъ. Какъ ни тѣсно было намъ, но всякое дурное положеніе, раздѣляемое въ компаніи молодыхъ людей, рождаетъ смѣхъ и шутки. Наконецъ всѣ улеглись. Часовъ въ пять утра судорожное сотрясеніе парохода разбудило меня, и я вскарабкался вверхъ по лѣстницѣ на палубу, чтобъ умыться свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Причиною потрясенія парохода «Астрабада» было поднятіе якоря. Иначе сказать мы снялись съ якоря и тронулись. Качки и чувствовать было нельзя. Это не въ морѣ, да и пароходъ нашъ плелся по шести верстъ въ часъ. Такъ какъ князь объявилъ, что онъ не только сноситъ, но даже любитъ табакъ на воздухѣ, то мы въ этомъ отношеніи нисколько не стѣснялись, и я жегъ Астраханскія сигары безпощадно. Я говорю «Астраханскія», потому что я, пользуясь куреньемъ, какъ единственнымъ почти наслажденіемъ и развлеченьемъ среди скучныхъ занятій, уже истребилъ всѣ Московскія сигарки, исключая Sylva, разумѣется, и покупаю сигары Жуковской фабрики въ здѣшнемъ Сарептскомъ магазинѣ. Пароходъ нашъ былъ съ парусами. Полюбовался я на искусство морскихъ маневровъ, на огромные паруса, надуваемые вѣтромъ, на то искусство, съ какимъ человѣкъ употребляетъ въ свою пользу своевольныя движенія вѣтра, что особенно видно при косыхъ парусахъ, когда вѣтеръ дуетъ съ боку и, самъ того не подозрѣвая, заставляетъ идти судно

впередъ. Хотя Волга довольно широка въ этомъ мѣстѣ, мѣстами верстъ въ 12, но берега всетаки видны. Но какъ жалка, какъ ничтожна кажется она здѣсь, гдѣ глубина ея, особливо въ притокахъ къ морю, не превышаетъ сажени. Поэтому ночью нельзя ходить не слишкомъ мелководному судну, ибо надо плыть очень осторожно, лавировать между мелями и идти проходимымъ путемъ. До какой степени обмелѣла Волга въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ—просто удивительно, и это обмелѣніе продолжается и теперь, такъ что образуются новые острова и новые притоки. Изо всѣхъ 67 устьевъ Волги расшивы (большія суда морской конструкціи) могутъ проходять въ море, и то съ трудомъ, только однимъ каналомъ, на Бирючью Косу; но при малѣйшемъ выгонномъ вѣтрѣ садятся на мель, на розсыпи. Теперь надо объяснить Вамъ, что такое выгонный вѣтеръ. Это Московскій или верховый вѣтеръ, хотя и попутный ѣдущимъ внизъ по Волгѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ при большой *свѣжести* (опять техническій терминъ) опасный, потому что выгоняетъ воду въ море до такой степени, что мѣста, покрытыя на сажень водою, часто совершенно обнажаются. Самая большая степень воды въ Волгѣ бываетъ тогда, когда дуетъ моряна и морскими волнами солонитъ въ Волгѣ воду.—Погода была довольно холодная и скоро пробудила въ насъ аппетитъ, который мы и поспѣшили удовлетворить сыромъ, почти единственнымъ нашимъ завтракомъ уже два мѣсяца. Плоскіе берега, покрытые камышомъ, медленное, едва замѣтное движеніе парохода, погода не пасмурная, не сѣрая, но и не красная (родъ погоды, котораго я не люблю) наводятъ невольно скуку, и наше путешествіе начинало мнѣ надоѣдать; но часовъ въ пять, послѣ обѣда, который былъ приготовленъ по всей формѣ, пароходъ отказался идти дальше, ибо становилось слишкомъ мелко, и мы должны были пересѣсть снова въ катеръ, чтобы проѣхать 10 верстъ, остававшіяся намъ до карантина. Эти 10 верстъ, по милости сильнаго вѣтра, ѣхали мы 4 слишкомъ часа, ибо, чтобы попасть на Бирючью Косу, должны были избѣгать розсыпей. Наконецъ, часу въ десятомъ вечера саженяхъ во 100 остановились мы отъ карантинной пристани: такъ было мелко, что и катеръ не могъ идти дальше. Къ намъ подъѣхалъ маленькій ботикъ съ фо-

нарями и капитаномъ порта въ полномъ мундирѣ. Мы перешли на ботикъ, который шелъ посредствомъ упиранія въ дно шестами. Грустно и жалко было мнѣ смотрѣть на достославную Волгу, которая не умѣетъ поддержать себя при исходѣ! Но это еще ничего. Саженяхъ въ 15-ти сталъ и ботъ. «Лошадь!» раздался повелительный крикъ капитана. «Лошадь!» повторилось на берегу и минутъ черезъ 10 экипажъ странной формы, похожій на большія охотничьи дрожки и запряженный въ одну лошадь, безъ церемоніи въѣхалъ въ воду и подъѣхалъ къ боту. Мы переправились въ три транспорта и поспѣшили въ отведенную намъ квартиру, раздѣлись, уснули спокойно и рано поднялись на другой день, ибо князь собирался смотрѣть карантинныя заведенія, роту, стражу и т. п. Карантинъ, имѣющій вмѣстѣ съ правленіемъ до сорока человѣкъ чиновниковъ, обитающихъ на косѣ со всѣмъ хозяйственнымъ заведеніемъ и съ 200 человѣкъ роты, былъ не очень интересенъ въ это время, ибо навигація только что открылась, и судовъ изъ Персидскихъ водъ Каспійскаго моря и вообще изъ мѣстъ сомнительныхъ въ приходѣ не было; слѣдовательно, и выдерживающихъ карантинъ — никого. Но мы, впрочемъ, пріѣхали по другой, секретной причинѣ. Обозрѣвъ гвардіоновъ (такъ называются карантинные стражи), всю военную команду, выслушавъ рапорты офицеровъ и ординардцевъ князю, дошли мы до карантиннаго правленія, гдѣ Князь и оставилъ меня съ Павленкой для ревизіи дѣлъ. Поработавши, воротился я часу въ третьемъ домой, послѣ обѣда отправился опять въ правленіе и воротился часу въ 11-мъ. Чиновники здѣсь всѣ люди семейные, не дикари; служатъ, конечно, на этой косѣ, куда и попасть такъ трудно, изъ тѣхъ огромныхъ выгодъ, которыя представляетъ карантинная служба, но ужъ, конечно, ни за какіе милліоны на свѣтѣ не согласился бы я жить здѣсь. Безо всякихъ средствъ и удобствъ жизни, безъ возможности отдѣлиться отъ ограниченнаго кружка общества, члены котораго надоѣли другъ другу донельзя, въ пріятномъ препровожденіи времени въ окуркѣ товаровъ хлоромъ и т. п. (впрочемъ, это еще лѣтомъ, а зимой и этого нѣтъ) — жить такъ и не сойти съ ума — значитъ убить въ себѣ всякое стремленіе, всякую потребность и сдѣлаться жалкимъ

существомъ, подвластнымъ привычкѣ, которая въ состояніи опошлить человѣка и примирить его со всякимъ положеніемъ.—Зданія карантина довольно красивы издалека, портъ и флагъ далеко видны съ моря. Здѣсь уже начинается взморье, но еще все довольно мелко Эти розсыпи и мели встрѣчаются и на самомъ Каспійскомъ морѣ, которое страннымъ образомъ устроено. Сѣверная или Сѣверовосточная часть его до Тюкъ-Караганскаго залива, почти по прямой линіи отъ Астрахани, не слишкомъ глубока, но Южная часть идетъ какимъ-то постепеннымъ обрывомъ, такъ что въ водахъ, омывающихъ Каспійскую область и берега Персіи, глубина бываетъ 100 саженъ и даже неизмѣримою. Это, впрочемъ, говорятъ, слѣдствіе вулканическихъ свойствъ почвы, что доказывается присутствіемъ нефти въ землѣ. Здѣсь, въ Астрахани, есть колодцы и на площади, гдѣ вмѣсто воды горитъ нефть. Этимъ-то подземнымъ нефтянымъ огнямъ поклоняются Индійцы около Баку...

Но я продолжаю. На другой день, рано поутру, отправились мы снова въ правленіе, куда вскорѣ пришелъ и Князь – свидѣтельствовать денежную сумму. Разумѣется, онъ заставилъ считать при себѣ членовъ, и тутъ-то надо было посмотрѣть, какъ они всѣ, неохотники, видно, до математики, считали, считали, повѣряли, и все какъ-то не выходило. Потъ лилъ съ ихъ лицъ градомъ, особенно же у одного толстѣйшаго медика. Это свидѣтельство суммы должно у членовъ происходить по закону каждое первое число, но непривычка считать обнаружилась тутъ съ перваго взгляда. Вѣроятно, это дѣлается, какъ и всюду, такъ, по домашнему. Что и гдѣ не дѣлается по домашнему? Наконецъ часа въ 4 слишкомъ сосчитали они сумму, не превышавшую 70 тысячъ ассигнаціями, и мы немедленно воротились домой, собрались въ нѣсколько минутъ и, сопровождаемые цѣлымъ конвоемъ чиновниковъ, пришли къ пристани, гдѣ должны были совершить тотъ же самый маневръ, т. е. сначала на дрожки, потомъ на ботъ, потомъ уже на катеръ. Впрочемъ, вѣтеръ былъ намъ попутенъ, и мы, не на веслахъ уже, а на парусахъ, доѣхали до своего Астрабада часа въ полтора. До ночи плыли мы очень спокойно; на ночь бросили якорь и стали. Что хорошо было

видѣть въ эту ночь, такъ это зарево пылающаго вдали камыша. Ночь эту провели мы удобнѣе, ибо раздѣлились; Князь, не знавшій прежде о тѣсномъ нашемъ помѣщеніи, заставилъ перейти нѣкоторыхъ въ свою каюту. На другой день поутру рано двинулись мы въ путь снова и часу во второмъ, въ среду, прибыли благополучно въ Астрахань, гдѣ, воротившись домой, насытясь морскимъ путешествіемъ и жаждя удобствъ суши, нашелъ я большое и толстое письмо отъ Васъ, даже письмо отъ Константина, и благодарю всѣхъ писавшихъ, которымъ всѣмъ буду отвѣчать особо. Къ Костѣ собираюсь писать письмо серьезное и не нахожу времени. Очень мнѣ жалко, что Константинъ не совсѣмъ ладитъ съ Самаринымъ.—Я прекращаю здѣсь свое письмо. Передо мной лежитъ листочекъ, на которомъ записаны мною вкратцѣ оглавленія предметовъ, о которыхъ мнѣ еще надо будетъ разсказать Вамъ, такъ напр. Эмбенскіе промыслы и т. п. Но пусть они послужатъ содержаніемъ слѣдующихъ писемъ.

Астрахань. 1844 года, марта 14-го. Вторникъ.

Сегодня я опять былъ обрадованъ полученіемъ писемъ Вашихъ, но буду отвѣчать на нихъ подробнѣе въ субботу. Я теперь распредѣлилъ такъ, что въ субботу, наканунѣ дня, болѣе свободнаго отъ занятій, буду писать письма подробныя, пространныя, удовлетворительныя и для меня самого, а по вторникамъ буду писать собственно для того, чтобъ сообщить Вамъ о себѣ вѣсточку, ибо по вторникамъ, среди безостановочнаго теченія занятій, трудно найти время, кромѣ ночи, когда усталые глаза, предчувствуя раннее раскрытіе поутру, требуютъ сна и отдыха. Теперь, впрочемъ, я сижу дома, занимаюсь составленіемъ отчета по своей ревизіи, который я приготовляю совсѣмъ по другой формѣ, нежели Павленко и Розановъ,—формѣ, которую я считаю удобнѣйшею и болѣе соотвѣтствующею планамъ князя. На Страстной кончу я Дворянскую Опеку, со Святой (т. е. съ половины или даже и послѣ) начну Земскій Судъ, потомъ перейду въ палату, можетъ быть, Судъ Зарго (средняя инстан-

ція вродѣ палаты, для дѣлъ калмыцкихъ) и т. п. Надо приняться живѣе, дѣятельнѣе, упорнѣе за работу, а то мы останемся здѣсь слишкомъ долго и намъ еще много предстоитъ работы. Досадно мнѣ бываетъ, что хоть и теперь, слывя за усерднаго чиновника, вовсе не чувствую въ себѣ этого состоянія, жажды дѣятельности, неутомимости, и хоть и работаю много, но все не то. Сверхъ того, морская экспедиція, снаряжаемая нами, въ которую отправится мой Оболенскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ, преданнымъ намъ, проѣдетъ, крейсируя на морѣ, въ Эмбенскихъ и Дербентскихъ водахъ и около Трухменскаго берега, проѣздитъ мѣсяца два съ половиной по крайней мѣрѣ, а выѣдетъ не ранѣе 10-го апрѣля. Ѣхать въ кусовой лодкѣ или въ расшивѣ на столько времени не совсѣмъ пріятно, и мнѣ жалко бѣднаго Оболенскаго, но что дѣлать! Меня отдалить нельзя, ибо въ это время я успѣлъ бы обревизовать нѣсколько присутственныхъ мѣстъ.—Теперь уже поздно, и страшный, холодный вѣтеръ завываетъ и свиститъ съ необыкновенною силою. Мартъ мѣсяцъ здѣсь самый обильный вѣтромъ, который теперь продолжается уже нѣсколько дней. На морѣ теперь не очень весело, когда теперь и сквозь стѣны въ комнату продуваетъ. Покуда я еще все выхожу въ шубѣ или въ теплой шинели и вовсе не считаю этого лишнимъ, хотя, впрочемъ, мы заказали сундукъ для храненія въ немъ лѣтомъ нашихъ мѣховъ. Ежели переписка не очень затруднитъ, то, конечно, я бы очень радъ былъ прочесть Гоголевы письма и Вашъ будущій отвѣтъ, милый Отесинька. Признаюсь, эта разсылка Imitation de Jésus Christ съ такими билетиками мнѣ рѣшительно не нравится, но меня это не удивляетъ: тонъ прежнихъ его писемъ, какъ они ни были прекрасны, мнѣ что-то былъ не совсѣмъ по душѣ. Есть что-то учительское, проповѣдническое. Впрочемъ, я радъ буду, если онъ, объяснивъ намъ, открывъ настоящій свѣтъ вещи, заставитъ сознать и наше заблужденіе, но до тѣхъ поръ, какъ хотите, а это странно. О впечатлѣніи этихъ движеній Гоголя пишете Вы мнѣ только, милая моя Маменька,— но что думаютъ объ этомъ другіе, не знаю. Константинъ, можетъ быть, и желаетъ защитить его, но въ душѣ самъ, вѣрно, не доволенъ этимъ. Охъ, не охотникъ я до этихъ

штукъ! Какъ бы не потерпѣло искусство отъ излишества религіознаго направленія.

Нынче приходилъ ко мнѣ Персіянинъ съ жалобою на Уѣздный Судъ, и обстоятельства его дѣла касаются его жены, побѣга тещи, невѣрности и пр. Каково! Подъ сѣнію русскихъ законовъ Персіянинъ-Магометанинъ идетъ свободно разсказывать русскому о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о женѣ, а не раздѣлывается съ нею азіатскимъ манеромъ. Удивительно довѣріе, внушаемое русскимъ правительствомъ; какъ легко, удобно, свободно помѣщаются между русскими азіатцы, вовсе не дичась и свыкаясь съ требованіями правительства. Особенно Персіяне, народъ способный, умный и хитрый. Многіе изъ персидскихъ купцовъ, не русскихъ подданныхъ, Астраханскіе купцы первой гильдіи, знаютъ даже и грамоту русскую.

Астрахань. 1844 года, Марта 19-го. Вербное Воскресеніе.

Письмо это, вѣроятно, придетъ на другой день праздника, а потому я заранѣе поздравляю Васъ съ этимъ свѣтлымъ и торжественнымъ праздникомъ, непосредственно дѣйствующимъ на душу всякаго. Конечно, я не могу теперь поздравлять Васъ, ибо Святая еще не начиналась, но такъ какъ порядокъ вещей все тотъ же и Святая непремѣнно уже будетъ черезъ недѣлю, такъ я имѣю полное право. Итакъ Христосъ Воскресе! милая Маменька и милый Отесинька. Затѣмъ поздравляю Васъ и съ семейнымъ праздникомъ: со днемъ рожденія Константина. 27 лѣтъ! Если успѣю, то буду писать ему особо. Но во всякомъ случаѣ желаю ему, какъ и Гоголь, болѣе житейской мудрости, болѣе умѣренности и важнаго достоинства поры мужества. Оно, конечно, смѣшно мнѣ говорить это, но вѣдь онъ самъ съ этимъ согласенъ. Ахъ, Константинъ Константинъ! 27 лѣтъ и не готова диссертація, и не вышло на свѣтъ зрѣлыхъ и очищенныхъ плодовъ, которыхъ всякій ожидать былъ въ правѣ. Но обращусь къ себѣ, къ своему житью или прозябанью въ Астрахани. — Постъ пролетѣлъ для меня незамѣтно, безо всякой торжественности, не пробудивъ въ душѣ никакого особеннаго чувства. Въ этомъ Азіатскомъ городѣ церковь лишена той важности, того благочестія, какъ у насъ, въ

Москвѣ. Да чуть ли здѣсь не больше мечетей, чѣмъ церквей. Первыхъ, какъ я слышалъ, около 40. На Страстной намѣренъ, впрочемъ, я, начиная съ среды, сообщаться съ Москвою и Россіею посредствомъ присутствованія въ православномъ Храмѣ; но на Страстной же и на Святой много у меня въ перспективѣ дѣла, тѣмъ болѣе, что посѣщеніе присутственныхъ мѣстъ прекратится на это время. Надо будетъ расхлебывать, то что теперь завариваетея. И отчетъ по Уѣздному Суду, и ревизія Земскаго, и разсмотрѣніе дѣлъ Дворянской Опеки, и безпрерывное сношеніе съ рыбной Экспедиціей по нѣкоторымъ обстоятельствамъ! Такъ что я и не предвижу, какъ я съ ними распутаюсь. А тамъ, въ отдаленіи, красуются цѣлымъ рядомъ и манятъ къ себѣ и Уголовная Палата, и Судъ Зарго, и Губернское Правленіе и пр. и пр. Не правда ли, забавны и милы эти занятія? Я бы очень радъ былъ, если бы меня избавили отъ нихъ, но именно нѣкоторыя мои служебныя достоинства заставляютъ князя возлагать на меня эту скучную обязанность: рыться въ пыльныхъ дѣлахъ, навострить такъ глазъ и память, чтобы ничто противозаконное не могло ускользнуть. Въ прежнія времена молодой человѣкъ спѣшилъ наслаждаться жизнію и природою — не условною; цѣлый міръ принадлежалъ ему. Потомъ даже въ предѣлахъ жизни условной, общественной онъ кружился весело и пользовался расточительно молодыми силами, хотя получившими уже другое направленіе. А теперь! Благоразумный 20-ти лѣтній юноша, въ свѣтлую, ясную погоду, когда природа, кажется, разверзаетъ роскошныя объятія, зоветъ къ сочувствію и высокимъ наслажденіямъ, сей молодой, но охладившій себя умникъ отправляется въ Уѣздный Судъ рыться въ пыльныхъ бумагахъ, читать слѣдствія о краденной коровѣ, о гражданскомъ искѣ, не превышающемъ десяти рублей, о контрактахъ и обязательствахъ! Но часто идетъ онъ, слѣдуя стезею, указанной ему судьбою и временемъ, какъ бы отуманенный, ибо часто одинъ крикъ пѣтуха, повторяемый монотонно, раздаваясь въ ушахъ его, мгновенно переноситъ его въ мирную деревню, гдѣ душа въ сладкомъ покоѣ дремлетъ и забывается, и доступны слуху лишь шепотъ листьевъ, движеніе вѣтра, и все навѣваетъ какую-то высокую, торжественную нѣгу. Люблю

я лѣтнюю природу и приближеніе лѣта, которое чувствуется весною, когда, не укутываясь въ безобразную шубу, выходишь дышать свѣжимъ и легкимъ воздухомъ! Нѣтъ, что ни говори Костя, а ужъ это чистое отвлеченіе, т. е. зима всегда стѣснительна для меня, и я люблю ее только за то, что живѣе для меня становятся наслажденія лѣта. А здѣсь уже наступила почти весна, и хотя мертва природа, но небо ярче, голубѣе и воздухъ прозрачнѣе. И въ такіе-то торжественные, солнечные дни попираются Вашимъ покорнымъ слугою пыльныя Астраханскія площади, чтобы дойти до дома съ высокою каланчею, гдѣ помѣщаются суды и полиція. Неужели мнѣ надо отложить до 1845 года наслажденіе лѣтнею природою? Ужъ, конечно, въ нынѣшнемъ году проведу я лѣто въ Астрахани. Упорна работа и не обдѣлывается легко. Въ то время, какъ Вы будете ждать торжественнаго звона колоколовъ, или у себя дома, или на площади Кремлевской, я, вѣроятно, въ полной формѣ и въ бѣломъ галстухѣ (есть, есть, милая Маменька, и прекрасный, да и Вы же покупали), въ числѣ свиты, окружающей князя, буду находиться въ соборѣ. Неискренни будутъ христосованія съ Губернаторомъ, если только будутъ! — Посмотрю, какъ Астраханскіе жители празднуютъ эту недѣлю. Такъ какъ нынѣшній годъ Пасха рано начинается, такъ и Подновинскія гулянья будутъ, вѣроятно, грязны. Да, я и забылъ, что это «на нашей улицѣ праздникъ», и Большая Никитская наполнится экипажами. — На этой недѣлѣ получилъ я второй номеръ «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ есть одна статья неразрѣзанная: о сиръ Робертѣ Пилѣ. Удивляюсь, какъ Гриша, поклонникъ сего Министра, не прочелъ ея. Съ большимъ интересомъ прочелъ я вторую статью о Людовикѣ XV, въ которой, впрочемъ, авторъ не является проникнутымъ духомъ Нѣмецкой строгой критики, а съ участіемъ и удовольствіемъ передаетъ бытъ того времени. Если Вы ее читали, милый Отесинька, такъ замѣтили, вѣроятно, частое упоминаніе, даже смѣшное, объ *ан*! Разсужденіе Бѣлинскаго объ искусствѣ и жизни я не заблагоразсудилъ прочитать. Что касается до «Москвитянина», то я еще не просмотрѣлъ хорошенько и не читалъ лекцій Шевырева, а прочелъ, при способности своей интересоваться бездѣлицами, съ большимъ

интересомъ и съ удовольствіемъ, ибо это служило мнѣ вмѣсто отдыха, повѣсть «Живую и Мертвую Воду.» Бросая скучныя бумаги, отпускаю поводья напряженнымъ мыслямъ и способностямъ, закуриваю сигару, скидаю мундиръ, растягиваюсь на диванѣ и полчаса, много часъ, читаю или «Отечественныя Записки» или «Москвитянина». И, конечно, тутъ я читаю что-нибудь «легкое». Ахъ, какъ дрянны стихи Дмитріева къ Павловой! Какой онъ охотникъ до тире, — пора бы ему угомониться бренчать, какъ самъ онъ выражается, на лирѣ. — Вы мнѣ мало пишете про Гришу и его службу. Неужели пребываніе министра не имѣло никакого на нее вліянія? — Наша ревизія должна быть непремѣнно блистательна; не знаю, вполнѣ ли оцѣнятъ ее. Кромѣ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, болѣе подробной, нежели во всѣхъ прочихъ ревизіяхъ, столько государственныхъ проэктовъ и полезныхъ предначертаній, въ составъ которыхъ входятъ и Калмыки, и Туркменцы, и Каспійское рыболовство, и противоположные берега и пр. и пр., чего заранѣе разглашать не должно. И все это не поверхностныя указанія, но почти цѣлые труды, добросовѣстно обдѣланные. И при всемъ этомъ — затворническое, монашеское житіе! Не кружиться, не вертѣться въ провинціи столичными истуканами пріѣхали мы, какъ господа Тамбовскіе ревизоры и другіе. Но за это и боятся и не любятъ насъ, хотя князь поступаетъ кротче, нежели кто-либо. Москва, конечно, равнодушна къ нашей ревизіи, но я желалъ бы знать, что говорятъ про нее? Вѣрно бранятъ, потому что у Гагарина много недоброжелателей. Я благодаренъ ревизіи не только за узнаніе службы, но и за опытность, ибо переворачивая народъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ его нуждахъ, узнаю его настоящія потребности лучше. И всѣмъ, порицающимъ современное, можно смѣло сказать, что они не могутъ быть организаторами будущаго общества, ибо не коснулись знаніемъ всей этой хитросплетенности народныхъ нуждъ и потребностей, размножившихся до безконечности, и механизмъ государственнаго управленія вообще, не только теперешній, для нихъ не можетъ быть понятенъ, ибо они не видятъ его обважаемымъ такъ, какъ мы. Я самъ не защитникъ современнаго, но чувствую, какъ ошибаются эти господа относительно знанія настоящаго положенія и разви-

тія народа. Не можетъ быть упрощено и сокращено то, что развитіе довело до многосторонности, и законъ Алексѣя Михайловича теперь «ни къ чорту не годится», какъ говоритъ у Дикенса франтъ, разставивъ фалды своего поношеннаго фрака. Константину слѣдовало бы попутешествовать по Россіи настоящимъ образомъ, а не проѣздомъ.

Я хотѣлъ Вамъ писать объ Эмбенскихъ водахъ, о Каспійскомъ рыболовствѣ и о прочемъ, но еще не вполнѣ привелъ въ систему свои свѣдѣнія. Я самъ дожидаюсь съ нетерпѣніемъ Свѣтлаго праздника, гдѣ все-таки мнѣ будетъ досужнѣе писать къ Вамъ. Хотѣлъ я писать къ сестрамъ и поздравить ихъ съ праздникомъ, но для меня праздникъ еще не насталъ, и потому на душѣ еще не довольно празднично. Къ тому же на праздникахъ я буду въ состояніи удѣлять часъ или полтора въ день на письмо, а какъ хотите, написать въ одинъ пріемъ хоть и безсвязное письмо, какъ это, но все-таки довольно большое—занимаетъ много времени.

Астрахань. 1844 года, Марта 27-го. Понедѣльникъ.

Давно не писалъ я къ Вамъ на досугѣ; послѣднюю почту пропустилъ въ хлопотахъ, а прежнія письма мои также были неудовлетворительны. Прежде всего поздравляю Васъ еще разъ съ праздникомъ. Посылку Вашу получилъ я еще на прошедшей недѣлѣ, кажется, въ пятницу и очень доволенъ какъ шинелью, такъ и сигарками. Шинелью я въ особенности доволенъ: легка, прочна и удобна, жаль только, что немного коротка, но за то чрезвычайно полна. Сигары доѣхали почти не повредившись, и мнѣ особенно пріятно курить именно то, что курится въ Москвѣ у насъ въ домѣ. Нынче второй день праздника, и здѣсь почти незамѣтно никакого движенія. Вы, вѣрно, встрѣтили его гдѣ-нибудь въ приходѣ, а Костя на Кремлевской площади, если катарръ его прошелъ. Я опишу Вамъ, какъ мы встрѣтили праздникъ. Вечеръ субботы Страстной имѣетъ всегда въ себѣ что-то особенное, отличное отъ прочихъ вечеровъ. Никто ничего не дѣлаетъ, всякій старается заснуть, предвидя долгое бдѣніе, спится плохо, а между тѣмъ повсюду какъ-то торжественно-тихо. Оболенскій уговорилъ меня лечь спать, но

несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли заснуть и, зная поспѣшность князя, съ 10-ти часовъ стали одѣваться: всѣ, конечно, въ мундирахъ и бѣлыхъ галстухахъ, а самъ князь въ полной формѣ. Экипажи всѣхъ возможныхъ видовъ были приготовлены заранѣе; всѣ нужныя распоряженія сдѣланы, и мы только дожидались 12-ти часовъ. Я вышелъ на балконъ, ожидая какого-нибудь торжественнаго звона: кое-гдѣ раздавались колокола, но на улицахъ ни души, ни плошки. Наконецъ мы отправились, придерживая свои треуголки, ибо вѣтеръ былъ необыкновенно сильный, и пріѣхали прямо въ соборъ. Необыкновенно хорошъ этотъ соборъ! Онъ не той казенной архитектуры, надъ которою такъ смѣется Кюстинъ, и образцы которой вы встрѣчаете въ каждомъ городкѣ, ибо предположены всюду: каменный домъ для присутственныхъ мѣстъ и каменный соборъ. Нѣтъ, онъ построенъ еще при Θедорѣ Іоанновичѣ, и такъ мнѣ нравится, что я хочу нанять какого-нибудь здѣшняго живописца, чтобы срисовать мнѣ его. Онъ стоитъ въ Кремлѣ, на какомъ-то пьедесталѣ въ въ видѣ огромной террасы каменной (т. е. пьедесталѣ въ видѣ террасы), съ каменными же толстыми перилами, и широкое крыльцо, въ родѣ Краснаго, ведетъ къ нему, заворачивая дважды, что необыкновенно красиво. Внутри, какъ мнѣ показалось, онъ довольно мраченъ и весь обложенъ рѣзною мѣдью и образами въ окладкахъ. Особенно иконостасъ, простирающійся до самаго верха. Итакъ вступили мы блистательною вереницею въ соборъ, гдѣ простой народъ очень удивился нашему приходу. Дѣло въ томъ, что князь не вслушался въ слова полицеймейстера, который сказалъ ему, что заутреня будетъ въ часъ и не въ соборѣ, а въ Крестовой,—такъ называется одна почти комнатная церковь подлѣ собора, гдѣ обыкновенно служитъ Архіерей, который, надо признаться, довольно лѣнивъ. Узнавъ про это, даже нѣсколько обрадовавшись, ибо стоять въ одномъ мундирѣ въ холодномъ соборѣ, при такомъ сильномъ вѣтрѣ, какой былъ тогда на дворѣ, было бы не очень пріятно, перешли мы въ Крестовую, гдѣ въ то время изъ чиновниковъ еще мало было. Постепенно стали съѣзжаться, и это продолжалось до часу, когда пришелъ Архіерей. Церковь, слабо освѣщенная, потому что не было простаго народа и жен-

щинъ, ставящихъ такъ доброхотно свѣчи, скоро наполнилась Астраханскими чиновниками и ихъ женами. Смарагдъ служитъ не хорошо. Я вообще не большой охотникъ до Архіерейской службы, гдѣ попы суетятся, толкаютъ другъ друга и смотрятъ въ глаза преспокойно возсѣдающему Архіерею, стараются только угодить ему и вовсе не думаютъ о службѣ, а заботятся лишь о соблюденіи церемоніала. Но эта служба, т. е. въ заутреню Свѣтлаго Воскресенья, необыкновенно хороша. Вы ея, вѣрно, никогда не видали. Особенно хорошо, хотя немножко и долго, было семикратное повтореніе Евангелія, которое читалось на Греческомъ, на Еврейскомъ, на Латинскомъ и четыре раза на Славянскомъ. Въ знакъ того, что слово Господне ученики отправились проповѣдывать на всѣ четыре стороны, четыре дьякона, поставленные въ четырехъ противоположныхъ сторонахъ, читали Евангеліе на Славянскомъ. Это все, вѣроятно, соблюдается и въ Московскомъ соборѣ и еще торжественнѣе, но я никогда не бывалъ въ соборѣ въ это время. Но несмотря на красоту самой службы, ничего праздничнаго, особенно торжественнаго и радостнаго не было. Похристосовавшись съ однимъ Архіеремъ, продолжали мы стоять раннюю обѣдню, кончившуюся въ четыре часа. Князь оттуда прошелъ прямо къ Архіерею, а мы домой, куда должны были сейчасъ же съѣхаться всѣ Астраханскіе чиновники, ибо князь велѣлъ всѣмъ объявить черезъ полицеймейстера, что онъ будетъ принимать поздравленія немедленно послѣ обѣдни. Это было удобно для него и для нихъ, ибо не нужно было бы на другой день подыматься рано и скакать съ поздравленіями. Скоро нахлынуло человѣкъ до 200 чиновниковъ всѣхъ разрядовъ и самъ Тимирязевъ. Бѣдный князь испугался, увидя эту голодную стаю чиновниковъ, алчущихъ счастія похристосоваться съ нимъ, но отдѣлаться нельзя было. Они никакъ не хотѣли понять ни знаковъ, ни миганій со стороны Тимирязева и Бригена. Мы стояли особою кучкою въ дверяхъ внутренней комнаты, и я просто потѣшался этою картиною. Всякій разсчитывалъ на три чмока; иной, можетъ быть, оттиралъ себѣ щеки благовонными мылами въ продолженіи часа, раздушилъ бакенбарды и собирался послѣ перваго поцѣлуя въ щеку подставить другую,

но князь ужъ христосовался съ другими, и тотъ оставался въ пресмѣшномъ положеніи, съ выдвинутою и повернутою въ сторону головою... Три раза отдыхалъ князь. Но всего лучше были морскіе офицеры: тѣ безъ церемоній уцѣплялись за плечи, будто якорями, и брали свое. Мысль, что Сенаторъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, можетъ собственноручно поцѣловать ихъ, заставила ихъ забыть всякое чувство жалости. Насладившись, они отправились; уѣхалъ и Тимирязевъ и Бригенъ, который еще бо́льшую толпу чиновниковъ воротилъ назадъ, объявивъ имъ, что все кончено. Всѣ эти чиновники отправились къ Губернатору, который также расчелъ за лучшее принять ихъ тогда же, заразъ. По отъѣздѣ ихъ мы разговѣлись у князя, который намъ объявилъ, что для потѣшенія Губернатора намѣренъ онъ ему сейчасъ же отдать визитъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, въ тѣхъ же самыхъ мундирахъ. Опять сѣли въ экипажи и отправились. Бывшіе у Ивана Семеновича чиновники всѣ разъѣхались, самъ онъ пошелъ ложиться спать (было уже пять часовъ), въ комнатахъ еще оставался адъютантъ, какъ вдругъ мы нагрянули. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ одѣтый Тимирязевъ, не скрывавшій своего удовольствія. Похристосовавшись съ нимъ и посидѣвъ немного, воротились мы домой, имѣя впереди сладкую возможность спать въ волю, ибо, по милости князя, намъ уже не предстояло надобности ѣхать къ нему съ особымъ поздравительнымъ визитомъ. Напившись чаю, часу въ седьмомъ легли мы спать и проспали до половины перваго, проспавши и Архіерея съ пѣвчими, приходившаго возглашать князю многолѣтіе и извиняться за позднее начатіе заутренней службы, и лишились удовольствія видѣть посѣщеніе купечества. Вотъ почему и не успѣлъ я написать къ Вамъ съ послѣднею почтою. — Вотъ и мартъ въ исходѣ, а весна здѣсь самая глупая покуда. Зелень не показывалась еще, и растенія, какія есть, все въ томъ же видѣ, въ какомъ были въ началѣ февраля. Время пресырое, прехолодное (т. е. 5 или 7 градусовъ тепла) и вѣтеръ не унимается. На дворѣ апрѣль, а еще и третьей доли ревизіи не произведено. Я на дняхъ разсчитывалъ, сколько времени остается намъ пробыть здѣсь; выходитъ, что при упорной работѣ можно кончить въ октябрѣ.

потомъ надо будетъ заняться общимъ отчетомъ и переписать его... Столько въ этой губерніи дѣла и много стороннихъ работъ. Вчера пріѣзжало поздравлять князя Персидское купечество и говорило: Христосъ Воскресе! Какъ Вамъ это нравится: Магометанинъ христосуется! Впрочемъ, въ наше время и Астраханскимъ Персіянамъ это ни почемъ. Но движенія праздничнаго не видно въ городѣ никакого, а у насъ, я думаю, громъ балаганной музыки и крики паяцовъ уже начали долетать до чуткаго Олинькинаго слуха. Впрочемъ, я нынче не выходилъ и не знаю, а то здѣсь имѣютъ обыкновеніе гулять по набережной Варваціева канала. Однако, какъ мнѣ ни хочется написать Вамъ еще листъ, ибо писать есть о чемъ, и мнѣ многое было бы очень пріятно передать Вамъ, но чувствуя усталость и потребность отдыха, думаю лечь въ постель, тѣмъ болѣе что почти полночь. Итакъ прощайте, не пеняйте на меня, что я все обѣщаю, обѣщаю Вамъ писать длинныя письма и не исполняю.

Астрахань. 1-го Апрѣля 1844 года. Суббота.

Вотъ и Святая недѣля приходитъ къ концу. Скоро прошла эта Святая недѣля; я ею почти не пользовался, во-первыхъ, потому, что былъ занятъ, во-вторыхъ, потому, что погода прегнуснѣйшая. Термометръ изволитъ дѣлать такіе скачки, что это невѣроятно. Съ десяти градусовъ тепла вдругъ, на два, на три градуса морозу, и все это при такомъ сильномъ вѣтрѣ, котораго вы въ Москвѣ и не слыхивали. И вдобавокъ вѣтеръ этотъ, штормъ или вихорь, продолжается постоянно, день и ночь. Онъ уже изволитъ дуть съ начала марта, да будетъ дуть и въ апрѣлѣ. Признаюсь, слышать безпрестанно ревъ вѣтра, хлопанье дверей, трескъ и скрипъ оконныхъ рамъ—совсѣмъ не весело. Ничего не можетъ быть хуже Астраханской весны. Вообразите, что деревья, какія есть, все въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ февралѣ, т. е. въ самомъ началѣ развитія. Жалкая и мертвая растительность Астрахани заставляетъ меня предпочитать нашу Московскую природу, гдѣ по крайней мѣрѣ изобиліе зелени и деревъ и все развивается хоть поздно, но за то быстро, а здѣсь нельзя будетъ

имѣть лѣтомъ ни тѣни, ни прохлады. Да вообще мало хорошаго въ этой калмыцкой ямѣ. А страшно подумать, что даже конца не предвидится нашимъ трудамъ. Тяжело будетъ прожить здѣсь еще мѣсяцевъ шесть, ибо и теперь мы сыты Астраханью по горло,—а если больше? Если бы мы дѣлали ревизію такъ, какъ всѣ прочіе сенаторы, то при князѣ окончили бы ее мѣсяца въ четыре. Но князь такой человѣкъ, который не можетъ и. не будетъ идти по пробитой пошлой тропѣ, не ограничится ничѣмъ банальнымъ, какъ дѣлается все у насъ въ Россіи; метода нашей ревизіи въ самыхъ мелочахъ другая и, конечно, лучшая. Мы таковы на Руси, что браня ежеминутно распоряженія Правительства, бранимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго, кто не дѣлаетъ, какъ всѣ. Поэтому, чего добраго, пожалуй, нашу ревизію и не оцѣнятъ. И, можетъ быть, какое-нибудь ничтожное обстоятельство испортитъ намъ все, съ такимъ трудомъ и тщаніемъ сооруженное, зданіе. Вотъ уже три мѣсяца, какъ я оставилъ Москву, а сколько впереди еще работы, Боже Ты мой! Пока я нахожусь въ довольно настроенномъ относительно служебныхъ занятій состояніи духа, но, право, не ручаюсь, чтобъ эти силы наконецъ не ослабѣли, чтобъ я выдержалъ до конца характеръ ревностной дѣятельности, чтобъ все это могло устоять противъ цѣлыхъ мѣсяцевъ тяжелой и большею частію скучной работы. Князь хотѣлъ, чтобы мы представили отчеты на Ѳоминой, какъ на образцовой (по Московскимъ понятіямъ) недѣлѣ, предоставляя очень милостиво заняться этимъ на Святой, чтобъ не сидѣть безъ дѣла! Съ понедѣльника присѣлъ я за свой отчетъ и сталъ его составлять по идеѣ, заранѣе у меня образовавшейся, съ естественнымъ желаніемъ сдѣлать никакъ не хуже, если не лучше, прочихъ господъ. И все это время занимался я довольно усидчиво, часу до 5-го утра, кромѣ дня. Написалъ, переписалъ (отчетъ листахъ на 20-ти) и вчера подалъ князю. Отчетъ этотъ не только чрезвычайно понравился князю, но и поставленъ въ образецъ относительно плана и систематическаго расположенія прочимъ ревизующимъ. Вы можете себѣ представить, что это было мнѣ чрезвычайно пріятно и лестно, хотя все это дѣлалось не публично, для того, чтобы не помять самолюбія старшихъ чиновниковъ, которымъ

не можетъ быть пріятенъ успѣхъ, одержанный двадцатилѣтнимъ чиновникомъ. Только я желаю, чтобъ это осталось въ секретѣ; я передаю вамъ свое ощущеніе, но вовсе не хочу показаться мальчикомъ, дѣтски радующимся всякому пустому успѣху, и здѣсь не выказываю никому, кромѣ развѣ тѣхъ, которые, какъ молодые люди и мои товарищи, безпрекословно признающіе мое превосходство надъ ними по службѣ (что еще очень, очень немного), радуются и за меня, и за себя, ибо, какъ я и предвидѣлъ, общество наше раздѣлилось, хоть и не такъ рѣзко, на кругъ людей молодыхъ и образованныхъ и на кругъ прочихъ господъ, а Строевъ въ серединѣ, ибо даже болѣе уважаетъ насъ, нежели ихъ. Впрочемъ, не я одинъ подвизаюсь изъ нашего круга. Бюлеръ недавно съ отличнымъ успѣхомъ выполнилъ порученіе князя—составить ему въ извѣстномъ духѣ изъ множества данныхъ, грамотъ, статистикъ, документовъ, оффиціальныхъ бумагъ записку или лучше огромную статью, также систематически расположенную, о Калмыкахъ, которыхъ мы хотимъ привести къ осѣдлой жизни, а то эти существа, имѣя 11 милліоновъ десятинъ земли, не платя никакихъ податей въ самую казну, не справляя почти никакихъ повинностей, отнимаютъ возможность селиться прочимъ выходцамъ изъ сосѣдственныхъ губерній (а этихъ желающихъ огромное количество), рѣшительно безполезны, и даже скотоводство, главный аттрибутъ кочевья, у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Конечно, здѣсь взвѣшены всѣ шансы, и то, что могло быть невозможнымъ лѣтъ тридцать—двадцать тому назадъ, можетъ быть совершено теперь. Погодите, мы еще не такихъ чудесъ надѣлаемъ. Впрочемъ и это еще подъ секретомъ, ибо проэктъ нашъ еще не представленъ. Какъ бы то ни было, но Вы видите теперь ясно, что работъ и собственно по ревизіи, и постороннихъ у насъ множество, а когда и какъ мы сведемъ концы, не знаю. Много прибавляетъ работы и то, что князь, не желая подвергнуть свою ревизію участи прочихъ ревизій, т. е. почти-что забвенію, не дѣйствуетъ, какъ другіе сенаторы, которые всѣ нужныя исправленія, проэкты, улучшенія и мнѣнія представляютъ по окончаніи ревизіи 1-му департаменту Сената и рады, что сбыли разомъ съ рукъ дѣло. А Сенатъ, очень равно-

душный къ тому, о чемъ онъ и не можетъ имѣть надлежащаго понятія, отдѣлывается также какими-нибудь обыкновенными распоряженія, ибо ходатайство со стороны ревизора прекращается. Но князь всѣ нужныя предложенія и нужныя представленія дѣлаетъ и будетъ дѣлать съ мѣста и во время ревизіи, такъ что и исполненіе будетъ совершаться при немъ же,—а то, по заведенному въ Россіи порядку, какъ уѣдешь, такъ и пошло все на старый ладъ. Разумѣется я не говорю здѣсь объ исправленіяхъ невозможныхъ, напр. искорененіе взятничества и т. п. Впрочемъ, при князѣ, какъ человѣкѣ необыкновенно пылкомъ и горячемъ, надо непремѣнно имѣть противоядіе, а то можно какъ-нибудь оплошать. Поэтому Строевъ, какъ человѣкъ хладнокровный и имѣющій, что называется, un gros bon sens, въ этомъ отношеніи очень полезенъ, ибо часто этимъ въ нужныхъ случаяхъ съ пользою охлаждаетъ жаръ князя. Я въ это бы не годился, ибо, несмотря на все свое благоразуміе и хладнокровіе, я именно способенъ сильно увлекаться въ дѣлахъ такого рода, особенно когда дѣло идетъ не о настольныхъ регистрахъ, а о существенной государственной пользѣ и о чести и блескѣ нашихъ дѣйствій. Вообще надо признаться, что ревизія, поселивъ во мнѣ еще большее отвращеніе къ канцелярской службѣ, возбудила во мнѣ сильное участіе къ дѣламъ государственнымъ (несмотря на то, что у насъ все спадаетъ на комедію), и конечно, будь у насъ нѣсколько другой порядокъ вещей (но во всякомъ случаѣ не временъ Царя Алексѣя Михайловича и бояръ), я бы никогда не оставилъ службы и предпочелъ бы ее всѣмъ другимъ занятіямъ. Если я ошибаюсь, то не менѣе ошибаются и другіе, которымъ ближайшее узнаніе современной Россіи и примѣненія государственнаго механизма къ народу—показало бы вполнѣ, что древнія формы управленія и законодательства рѣшительно обветшали. Однако довольно смѣшно, что я до сихъ поръ говорю все о такихъ вещахъ, которыя никого, кромѣ Васъ, милый Отесинька, и Гриши, интересовать не могутъ. Костя, я знаю, очень равнодушенъ, какъ я ему нѣсколько разъ говорилъ, ко всему, что не касается любимыхъ его вопросовъ, а съ послѣднимъ моимъ мнѣніемъ онъ, разумѣется, не согласенъ. Вѣрно, онъ теперь выздоравливаетъ, а то это

меня очень безпокоило, во-первыхъ, потому, что съ желчью шутить нечего, хоть я ея очень не жалую; во-вторыхъ, потому что у него это является чѣмъ-то періодическимъ: прошлаго года, почти въ это время онъ былъ также нездоровъ. Надѣюсь, что я никогда не буду страдать желчью и нервами.—9-го апрѣля будетъ рожденье Сонички. Поздравляю Васъ всѣхъ и ее въ особенности. Кажется, ей уже 10 лѣтъ, если не больше.—Что сказать Вамъ собственно про себя? Съ Оболенскимъ живу я чрезвычайно дружно, потому что онъ предобрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ и такой, который никогда не скажетъ пошлости и глупости. Съ Бюлеромъ я хорошо сошелся. Онъ человѣкъ умный и способный. Мы невольно и справедливо бываемъ предубѣждены противъ свѣтскихъ людей, но узнаваемые ближе, многіе изъ нихъ являются намъ совершенно въ другомъ видѣ. Такъ что собственно короткость товарищества и искренность существуетъ только между нами троими.—Стиховъ серьезнаго содержанія я не пишу вовсе, но стиховъ à propos, съ мѣстнымъ смысломъ, шуточныхъ и веселыхъ, я пишу или, лучше сказать, совсѣмъ не пишу, а сочиняю, много. Оболенскій кладетъ на музыку, и мы въ свободное время распѣваемъ. И такъ какъ я человѣкъ добрый и товарищъ хорошій, то, конечно, всѣ они, чуждые всякой зависти, меня очень любятъ и я ихъ. Стихи же эти рѣшительно безо всякаго достоинства; я потому и не записываю; а этихъ стиховъ и пародій набралось бы много, большая часть сочинены за самоваромъ. Смѣхъ, минутный успѣхъ и потомъ все забыто. Я не могу выписывать Вамъ ихъ: всѣ почти требуютъ долгихъ комментарій. Вотъ образчикъ экспромпта. Сборы къ заутренѣ:

Ѣдетъ длинный караванъ,
Тащится коляска,
Даже дѣдовскій рыдванъ
Потянулся тряско.
И плетется онъ трухъ-трухъ,
И кричитъ Павленко ухъ!
Какъ толкаетъ больно!
Всѣ къ заутренѣ спѣшатъ,
Свѣтлый праздникъ всѣ хотятъ
Встрѣтить богомольно!

Съ прочими господами, исключая Строева, мы только въ учтивыхъ отношеніяхъ. Прощайте, до слѣдующаго письма. А завтра въ Земскій Судъ. У!

Пятница, 1844 года. Апрѣля 7-го. Астрахань.

Ѳомина недѣля проведена мною довольно дѣятельно, и на будущей недѣлѣ подамъ я отчеты о Земскомъ Судѣ и Дворянской Опекѣ. А тамъ предстоитъ мнѣ тяжкая работа, но для объясненія начну съ начала. Побѣда, мною одержанная (о которой писалъ я къ Вамъ прежде), выказалась вдвое блистательнѣе, нежели я имѣлъ право ожидать. Превосходство моей системы князь призналъ торжественно, но, разумѣется, я держу себя слишкомъ скромно, чтобы поведеніе мое могло быть обидно для прочихъ старшихъ чиновниковъ (разумѣется, кромѣ Строева, который не производитъ самъ ревизіи). На дняхъ вижу, что Павленко что-то усердно переписываетъ: оказалось, что онъ выписываетъ себѣ систематическое расположеніе моего отчета по Уѣздному Суду, по приказанію князя, который поставилъ имъ его въ образецъ. Князь нѣсколько разъ давалъ мнѣ почувствовать, что я превзошелъ его надежды и ожиданія, несмотря на хорошее мнѣніе, которое онъ всегда имѣлъ обо мнѣ. Вы знаете, что о Розановѣ была переписка съ Министромъ Юстиціи, и графъ Панинъ наконецъ уступилъ: Розановъ сдѣланъ Старшимъ и получилъ уже добавочныя деньги, что ему, какъ человѣку небогатому, очень важно. Я искренно тому радовался, ибо Розановъ вдвое умнѣе и дѣльнѣе Павленки и такъ же старъ по службѣ, какъ и онъ, т. е. оба служатъ почти 20 лѣтъ. На дняхъ за обѣдомъ коснулись этого предмета, и князь вдругъ сказалъ: «а вотъ Иванъ Сергѣевичъ записался у насъ въ старшіе безъ вѣдома моего и Министра Юстиціи».—Какимъ это образомъ? былъ мой вопросъ. «Тѣмъ, отвѣчалъ князь, что Вы получаете порученія одинаковыя со старшими чиновниками, дѣйствуете такъ же самостоятельно и отдѣльно и ничѣмъ по занятіямъ отъ нихъ не разнитесь». «За неимѣніемъ развѣ», пробормоталъ я. «Нѣтъ и при имѣніи, и всегда было бы тоже. Впрочемъ, Иванъ

Сергѣевичъ примѣнилъ къ себѣ Французскій стихъ: «aux bien nés la valeur» (дальше я не припомню)*)... Всѣ эти слова, для меня довольно пріятныя, были совершенно лишнія за обѣдомъ. Поэтому вечеромъ, разговаривая со своими, я говорилъ, что для того, чтобы удержаться въ этой блистательной позиціи, необходимо идти отъ успѣха къ успѣху и ознаменовать себя новыми подвигами, ибо настоящій мой успѣхъ можетъ забыться, потерять нѣкоторую цѣну и что будутъ стараться затмить меня нѣсколько. Тѣмъ болѣе что уже носились между ними слова, что отчетъ мой болѣе блистателенъ, нежели дѣленъ и т. п. Я самъ не очень доволенъ имъ, и послѣдующіе мои труды, вслѣдствіе пріобрѣтенной мною опытности, будутъ вдвое лучше и должны, мнѣ кажется, далеко оставить за собою первый отчетъ, тѣмъ болѣе что и дѣятельность моя напряжена довольно сильно и умѣніе, навыкъ къ дѣлу превосходятъ всякое сравненіе съ прежнею степенью моихъ служебныхъ достоинствъ. А какъ посмотришь на это со стороны, такъ даже смѣшно становится: блистательная побѣда, успѣхъ, дѣятельность— какія громкія слова! И при чемъ же это все? При занятіяхъ по ревизіи Уѣзднаго, Земскаго Судовъ и тому подобной мелочи. Жалкій призракъ славы и дѣятельности, способный увлечь мальчика, пустой призракъ, которымъ стараются себѣ замѣнить недостатокъ настоящей славы и обширно-полезной дѣятельности! Буря въ стаканѣ воды. Неужели этимъ мы должны довольствоваться? Видно здѣсь только мелкое тщеславіе, животрепещущее и радующееся малѣйшему успѣху. Вотъ что думаю я, подумаютъ и другіе, но я здѣсь поступаю откровеннѣе, нежели въ Москвѣ, гдѣ я вѣроятно не высказалъ бы и половины того, что передъ Вами теперь разоблачаю свободно. Вы знаете, впрочемъ, что не этихъ успѣховъ искалъ бы я, еслибъ сознавалъ въ себѣ на то большее право. Но къ дѣлу. Мнѣ дается княземъ

*) Князь Гагаринъ примѣнилъ къ молодымъ годамъ И-на С-ча извѣстный стихъ изъ Сида, Корнейля:

.....Mais aux âmes bien nées
La valeur n'attend point le nombre des années.

Прим. Изд.

важное порученіе, отъ котораго не совѣстно было бы отказаться всякому, но не мнѣ, потому что я не люблю отказываться отъ работы. На дняхъ онъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ, что хочетъ дать мнѣ порученіе обревизовать Казенную Палату. Я сказалъ ему, что эта часть необыкновенно трудна, сложна и совершенно для меня нова. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ, тѣмъ болѣе для тебя пользы, il faut, que vous marchiez dans le service; по крайней мѣрѣ ты воротишься съ многосторонними служебными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ управленія. (Надо Вамъ сказать, что князь лицамъ приближеннымъ и особливо молодымъ, нѣсколько довѣреннымъ людямъ, говоритъ всегда ты, особенно въ кабинетѣ, не одному мнѣ, впрочемъ, но и многимъ другимъ, Бюлеру и пр.). Я благодарилъ его за это, но сказалъ, что не могу приступить безъ приготовленія. На это далъ онъ мнѣ сколько угодно времени, зная, что я не употреблю его даромъ. Я обѣщалъ сдѣлать по мѣрѣ силъ, но объяснилъ, что для меня работа будетъ тяжеле, нежели кому другому, ибо первое слово, готовое слетѣть со всѣхъ устъ при извѣстіи, что эта ревизія поручается мнѣ, будетъ: молодъ! потому что трудъ мой долженъ быть отличенъ, чтобы быть сочтену за порядочный при подобномъ настроеніи умовъ, да и я самъ не захочу удовольствоваться посредственностью и идти по битой и пошлой тропѣ, а все это потребуетъ много работы и много времени. Дѣйствительно, это должно показаться въ городѣ страннымъ (это еще пока не разглашается): молодой человѣкъ, не старшій чиновникъ, ревизуетъ одинъ (разумѣется, съ однимъ или двумя помощниками) мѣсто, стоящее въ разрядѣ первыхъ губернскихъ мѣстъ, второе послѣ губернскаго правленія, мѣсто, котораго предсѣдателю нерѣдко случается быть управляющимъ губерніею, въ случаѣ отсутствія губернатора и вице-губернатора; да и не только здѣсь покажется страннымъ, но и въ Москвѣ, лицамъ меня знающимъ. Это удивило меня самого, даже встревожило, ибо хотя я уже совсѣмъ не тотъ чиновникъ, какимъ былъ въ Москвѣ, но все-таки мнѣ еще много недостаетъ служебной опытности, а что важнѣе, опыта жизни. Не даромъ же люди проживаютъ лишніе 20, 30 лѣтъ. Конечно, я постараюсь приготовиться от-

лично и употреблю всѣ свои силы и способности, чтобъ сдѣлать отличную ревизію. А вѣдь часть эта мнѣ не только нова, дика даже, требуетъ соображенія, счетности и большой осмотрительности. Наша ревизія производится совсѣмъ не такъ, какъ прежнія. Обыкновенно сенаторъ требуетъ вѣдомости присутственныхъ мѣстъ, заставляетъ ихъ просматривать въ канцеляріи, потомъ пишетъ о найденныхъ замѣчаніяхъ предложеніе губернскому правленію. Нѣтъ, у насъ сенаторъ посылаетъ въ самое присутственное мѣсто чиновника и заставляетъ его ревизовать подлинныя дѣла, бумаги, производства за три года, да порыться въ архивахъ, такъ что ревизія выходитъ даже педантически подробная, но полезная для самыхъ мѣстъ, потому что ревизія приводитъ въ извѣстность ихъ собственныя упущенія и принимаетъ тутъ же мѣры къ исправленію всѣхъ уклоненій отъ закона и безпорядковъ (излагаемыхъ теперь въ ясномъ отчетѣ, по моей системѣ). Такимъ образомъ открываются настоящія больныя мѣста, какіе безпорядки общіе, чаще или рѣже встрѣчаются, и какіе требуютъ измѣненія самаго закона. Произвести такую ревизію въ казенной палатѣ, гдѣ все почти основано на цифрахъ, да это такой трудъ, который ужасаетъ меня, когда я вполнѣ сознаю его обширность и важность. Съ будущей недѣли во всякое свободное время буду изучать, а къ дѣлу самому приступлю не ближе половины той недѣли, т.-е. почти черезъ двѣ недѣли. Съ Божіей помощью, авось что-нибудь да сдѣлаю. Но за то эта основательная ревизія по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ долго, ой-ой-ой какъ долго продлится. Мнѣ одному улыбаются еще Уголовная Палата, Рыбная Экспедиція, Судъ Зарго, а что еще скрывается въ туманѣ!..—Ну да довольно о службѣ. Почти два письма сряду наполнены этою матеріею. Право, я сдѣлался такимъ оффиціальнымъ лицомъ, что только почти и на умѣ оффиціальные интересы. Обѣщались мнѣ достать пѣсни рыбопромышленниковъ; пѣсни и другіе матеріалы могутъ послужить матеріаломъ довольно любопытной статьи, которую я имѣю намѣреніе написать по окончаніи рыбной экспедиціи.—Пока у васъ еще оттаиваетъ снѣгъ, у насъ прекрасная погода. Нынче прохладнѣе и вѣтрено, а въ тѣ дни было просто жарко. Балконъ свой мы выставили

я часто пользуемся имъ послѣ обѣда. Голубое, яркое небо, вода, степь, пересѣкаемая телѣгами, арбами и посреди которой красуются калмыцкія кибитки, далеко виднѣющаяся полоса Волги изъ-за частаго ряда мачтъ, груды домовъ астраханской архитектуры—всѣ съ балконами, балкончиками и галлереями, яркіе цвѣта азіятскихъ одеждъ и шапокъ—все это представляетъ чудесный видъ, но мало оживленный; побольше народа и движенія, вотъ чего надо. Часто, сидя въ комнатѣ своей и слѣдя за постепеннымъ наступленіемъ сумерковъ (очень кратковременныхъ однако), или въ ночь, когда звѣзды ярко блещутъ на темно-голубомъ небѣ, думаю я о подобныхъ же ночахъ и ощущеніяхъ, бывшихъ въ другія времена, въ другихъ мѣстахъ, и знаю заранѣе, что будутъ опять такія же ночи и тѣ же ощущенія,—но подъ какимъ небомъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ—Богъ вѣсть!—Вчера ѣздили мы всѣ съ княземъ смотрѣть пришедшіе хивинскіе товары. Они прибыли степью, на верблюдахъ до Гурьева, а оттуда на дощаникахъ моремъ сюда, прямо въ таможню. Я запасся даже деньгами на всякій случай, но это оказалось ненужнымъ. Огромныя кучи халатовъ изъ самой грубой матеріи, частію ношенныхъ и даже съ дырами, кое-какія простыя пестрядевыя полотна и больше ничего. Но сами Хивинцы молодцы, бодрыя и умныя лица. Не то что Калмыки и Киргизы, особенно Калмыки. Я и не могъ воображать себѣ существъ болѣе противныхъ. Эти мендюки (какъ они себя называютъ) носятъ одежду до тѣхъ поръ, пока она истлѣетъ на нихъ. Женщинъ нельзя отличить отъ мужчинъ. Впрочемъ, что же я вамъ-то про нихъ разсказываю. Они вамъ хорошо извѣстны и по Оренбургской губерніи. Были мы также въ бѣлой мечети. Такъ называется пространная, каменная татарская мечеть, съ мѣдною луною. Ничего интереснаго нѣтъ. На полкахъ лежатъ туфли. Всѣ присутствующіе сидятъ, поджавши ноги, довольно чинно и слушаютъ то, что читаетъ Мулла самымъ однообразнымъ голосомъ. Проѣзжая чрезъ Зацаревское селеніе, гдѣ живутъ Татары, видѣли мы Татарокъ, маленькихъ и молодыхъ. Послѣднія, пользуясь случаемъ видѣть Сенатора, выбѣжали къ воротамъ или смотрѣли въ окна. Красивое полукафтанье изъ турецкой или персидской узористой матеріи

стройно обхватывало ихъ станъ и вообще онѣ очень недурны собою.—Купилъ я недавно привезенной сюда матеріи, тармаламы, штуку и пошлю если не съ нынѣшнею почтой, такъ непремѣнно съ будущею на имя Олиньки, съ правомъ сдѣлать изъ нея какое угодно употребленіе, даже подарить, только уже человѣку со вкусомъ, ибо узоръ и достоинство матеріи превосходны. Не прикажете ли купить еще чего? стоить будетъ недорого, а если мнѣ будутъ нужны на это деньги, такъ я напишу. Не могу достать еще персидскихъ женскихъ туфлей, но достану непремѣнно на всѣ ноги, т.-е. всякаго размѣра, и пришлю. Мнѣ же собственно эти товары не нужны, я не люблю халатовъ и архалуковъ и предпочитаю европейское платье азіятскому, даже терлику. Прощайте, до новаго письма. Съ завтрашняго дня у меня пойдетъ сильная работа, а потому и не знаю, успѣю ли написать во вторникъ, но къ будущей субботѣ надѣюсь кончить отчеты. Пожелайте мнѣ успѣха съ Казенной Палатой. Пришлось вамъ, милая маменька, интересоваться Казенной Палатой, Судами, Опекой...

Астрахань. 1844 года, Апрѣля 16-го. Воскресенье.

Сейчасъ проводилъ я Оболенскаго, а потому вчера и не могъ приняться за письмо. Поѣздка на Эмбенскія воды отложена, но князь, отправляя Павленко въ Красный Яръ и чувствуя надобность не отпускать его одного, отправилъ съ нимъ своего племянника. Красный Яръ—городъ, построенный на острову, въ одномъ изъ устьевъ Волги, верстахъ въ 35 отъ Астрахани (впрочемъ, сообщеніе по водѣ и чрезвычайно неудобное). До половины мая еще можно тамъ жить, но далѣе никакъ. Лѣтомъ жители тамъ ходятъ въ дегтяныхъ сѣткахъ на лицѣ—отъ комаровъ, и обѣдаютъ и спятъ подъ пологами. Послѣдняя почта не привезла мнѣ ничего, но я очень благодаренъ вамъ за предыдущія письма и за копію съ письма Гоголя. Я его прочелъ нѣсколько разъ, перечту еще, тѣмъ болѣе, что оно не совпадало съ тревожнымъ состояніемъ моей души. Нѣтъ, сознавая истину его словъ, я не могу оторваться отъ жизни и стремлюсь къ противоположной цѣли. Когда я прочелъ его въ первый

разъ, я совершенно былъ полонъ жаждою внѣшней общественной дѣятельности и не могъ бы рѣшиться на самоотдѣленіе внутреннее отъ интересовъ житейскихъ народа, государства, даже всего человѣчества. Жить, посвятивъ себя изученію собственной души своей, углубляться въ самопознаніе, просвѣтить духовныи очи свои, и послѣ долгой, трудной борьбы, послѣ тяжкаго подвига исполниться гармоніи и божественной любви—высоко прекрасно. Но это можетъ быть удѣломъ одного лица. Человѣчество живетъ, движется, трепещетъ дѣйствительностью, сквозь нее проходитъ и духовная его жизнь. Люди живутъ отдѣльными народами и государствами, государства цвѣтутъ управленіемъ, управленіе не можетъ быть ввѣрено свѣтло-мирной душѣ истиннаго христіанина. Еще не пришло время: да будетъ едино стадо и единъ пастырь. И такъ сильно сочувствіе мое къ человѣчеству, тревожно бѣгущему къ неизвѣстной цѣли, такъ близки мнѣ интересы его нравственной жизни и матеріальныхъ выгодъ, что, охотно пожертвовавъ блаженствомъ христіанскимъ, личнымъ, я посвятилъ бы себя на общую пользу, согласился бы быть однимъ изъ камней пирамиды. Прочитавъ письмо Гоголя, вышелъ я на балконъ. День свѣтилъ ярко, небо такъ далеко, такъ широко обнимало землю, передо мною разстилалась масса домовъ, лодокъ, судовъ, всѣ принадлежности матерьяльной и промышленной жизни. И когда вообразилъ я, что все это кишитъ, движется, преисполнено дѣятельности, когда представилъ себѣ, что эта масса частныхъ интересовъ и личностей составляетъ одно огромное цѣлое, когда меня охватило чувство жизни, со всѣми ея радостями и печалями, любовью, враждами и ненавистями, — я готовъ былъ, очертя голову, броситься въ этотъ величественный омутъ! Ваши строки, милый Отесинька, пробудили во мнѣ много внутреннихъ упрековъ. Я согласенъ, что часто, боясь блеска истины, страшась подвига, мы даемъ заплыть дрязгомъ свѣжему, прекрасному чувству и движенію, но пусть внутренняя работа, не давая человѣку погрязнуть, не стѣсняетъ его свободы. Мнѣ кажется, что съ Гоголевымъ настроеніемъ духа перейдешь къ воззрѣнію на людей, какъ на братьевъ по Христѣ, будешь скоро говорить ты всякому (между вами

теперь непремѣнное ты) и что не будешь годиться для общественной жизни. Можетъ быть, пишу я молодо, хотя пъ характеру своему долженъ бы я былъ вполнѣ совпадать со Гоголевымъ письмомъ.—Перейдемъ къ дѣйствительности. На этой недѣлѣ подалъ я отчетъ по Дворянской Опекѣ князю, кончилъ Земскій Судъ и началъ не Казенную Палату, но рыбную экспедицію, вслѣдствіе вновь открывшихся обстоятельствъ о тюленѣ. Да, да, что вы смѣетесь, милая Маменька, знайте, что мнѣ тюлень и доходы съ него казнѣ почти во снѣ снятся. Ревизовать рыбную экпедицію — все равно, что дотронуться до пыльнаго платья: вся комната дѣлается полна пылью. Нашелъ я много злоупотребленій важныхъ, которыя потребуютъ, можетъ быть, вящщаго взысканія по законамъ, а теперь хлопочу о томъ, чтобы перевѣсить вновь тюленя. Да вамъ это все непонятно. Тюленя въ годъ убиваютъ тысячъ до трехсотъ штукъ, зимою вѣситъ онъ нѣсколько фунтовъ, весною 20 ф., осенью пудъ и два. Съ каждаго пуда платится казнѣ пошлины 1 р. 5. асс. Бьютъ его въ морѣ, на островахъ и на льду. Тюлень этотъ промышленниками объявляется въ экспедиціи, складывается (просоленный) въ лари и дожидается покупщика или вывоза во внутреннія губерніи. Перевѣшиваютъ опредѣленные на то смотрители экспедиціи, которые, при большомъ количествѣ тюленя, утаиваютъ изъ выгодъ хозяина иногда болѣе половины пуда. Словомъ, Каспійское море такой важный предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, что по настоящему ревизіи не слѣдовало бы ничѣмъ инымъ заниматься, а то Государственный Совѣтъ, сидя въ Петербургѣ и очень равнодушный къ тюленю и рыбѣ, мало принесъ пользы послѣднимъ своимъ мнѣніемъ. Вы невольно улыбаетесь, что я безпрестанно говорю вамъ о такихъ вещахъ, которыя для васъ собственно не интересны и не вполнѣ ясны. Я сдѣлался ужаснымъ чиновникомъ и думаю безпрестанно, но не о настольныхъ регистрахъ, а о выгодахъ правительства и народа, именно при ревизіи рыбной экспедиціи. Здѣсь почти каждый пунктъ требуетъ исправленія, новаго положенія, соображенія съ мѣстными обстоятельствами и пр. Нельзя меня отпустить изъ Астрахани, ибо я здѣсь нуженъ, а то бы я попросился ѣхать на Эмбенскія воды. Оболенскій

уѣхалъ на мѣсяцъ по крайней мѣрѣ, и я остался одинъ. Привыкнувъ жить вдвоемъ, я буду скучать первое время, да, впрочемъ, развѣ только по вечерамъ.—Вы воображаете, что мы наслаждаемся восхитительною погодою? Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Правда, было нѣсколько дней ясныхъ и теплыхъ, но все-таки нельзя было оставаться на воздухѣ въ одномъ платьѣ, а вчера и нынче дуетъ пресильный холодный вѣтеръ. Зелень—гдѣ есть—едва только стала выказываться: мертвая, жалкая природа. Я сижу спиной къ окну и чувствую, что выказалось солнце и облака разсѣялись. Кончу письмо и сяду на балконъ съ сигаркой, это мой всегдашній теперь отдыхъ.—Посылаю вамъ тармаламу на имя милой Оливьки, о которой теперь уже цѣлую недѣлю не имѣю извѣстій. Я думаю, она не сомнется въ такомъ узенькомъ ящичкѣ. Прошу Оливьку сказать мнѣ настоящее мнѣніе о достоинствѣ узора и добротѣ матеріи; я бы написалъ ей письмо нынче, но слышу голосъ князя внизу. Онъ имѣетъ намѣреніе идти со мною нынче въ Уѣздный Судъ и Дворянскую Опеку и на дѣлѣ повѣрить слова моего отчета о скверномъ и неприличномъ помѣщеніи, а потому и тороплюсь, чтобы не задержать его. Прощайте. Очень, очень благодарю васъ за письма. Будьте здоровы и спокойны на мой счетъ совершенно.

Астрахань. Суббота 22-го Апрѣля 1844 года.

Письма ваши отъ 8-го апрѣля получилъ я только поздно вечеромъ въ середу 19-го апрѣля. Теперь, по милости дурныхъ дорогъ, почта приходитъ на выворотъ, напр. вмѣсто субботы—въ середу вечеромъ, вмѣсто вторника въ субботу вечеромъ. Нынче еще она не приходила, и хотя я не ожидаю письма себѣ, но все-таки не лишаю себя вполнѣ этой надежды. Да вообще приходъ почты—эпоха въ нашей скучной, однообразной жизни; я же, какъ вамъ извѣстно, охотникъ до новостей. Сколько еще времени придется намъ прожить въ Астрахани—неизвѣстно. Апрѣль въ исходѣ, а и половины мѣстъ не обревизовано. Еслибъ вмѣсто многихъ лишнихъ членовъ канцеляріи могли бы имѣть мы такихъ людей, которые въ состояніи были бы ревизовать само-

стоятельно, такъ работа пошла бы скорѣе. Разсмотрѣніе подробное всѣхъ дѣлъ и дѣйствій мѣста за три года, счеты и учеты денежныхъ суммъ—все это занимаетъ много времени. Еще какъ то пойдетъ лѣтомъ. Теперь деревья почти всѣ распустились, но моряна дуетъ постоянно съ такою силою, что нѣтъ почти возможности ходить по этимъ немощеннымъ улицамъ отъ несносной пыли: вы постоянно находитесь въ вихрѣ пыли. Вода ростетъ примѣтно. Когда же будетъ сбывать полая вода, въ іюнѣ мѣсяцѣ, тогда вѣтеръ утихнетъ совсѣмъ и появятся комары и мошка. Вообще очень непріятно. Въ прошедшее воскресенье была гроза, впрочемъ, не большая.—Боже мой! думалъ ли я когда-нибудь, что буду жить въ Астрахани и заниматься тюленемъ! Впрочемъ. я хочу вамъ дать понятіе о боѣ тюленя. Тюленя въ Каспійскомъ морѣ водится очень много: онъ раздѣляется на три рода: зимній, весенній и осенній. Зимній или бѣленькій тюлень, новорожденный, очень мелокъ. Разводится онъ на льду, слѣдовательно, больше съ сѣверовосточной части моря. обыкновенно на шестисаженной глубинѣ и болѣе; весенній или сиварь вѣситъ уже не менѣе двадцати фунтовъ, а осенній, самый крупный, пуда полтора, два и болѣе. Шкура не приноситъ большой выгоды, но тюленій жиръ прибыленъ. Пошлины за него въ казну платится по 30-ти коп. сер. съ пуда тюленя. Пошлина большая, ну да и добывается его отъ 200 до 300 тысячъ и болѣе въ годъ. Бой тюленя зимой убыточенъ и для казны и для промышленниковъ; для казны потому, что тотъ же самый тюлень осенью вѣситъ впятеро больше; для промышленниковъ потому, что безумное истребленіе мелкаго тюленя истребляетъ вообще тюленью породу. Отчаянные промышленники, презирая всѣ опасности, гурьбою отправляются и набиваютъ множество. Какъ ни опасна эта работа, но она вдвое для нихъ прибыльнѣе дневной платы работника въ другихъ губерніяхъ, и поэтому отовсюду идутъ они на промыселъ. Русскій, Калмыкъ, Киргизъ, Татаринъ, Персіянинъ, Армянинъ, Трухменецъ. Тюленьщики обыкновенно отправляются на небольшихъ лодкахъ, безъ компаса. зная довольно коротко море, товаръ, если его много, складываютъ въ расшиву или кусовую хозяина (родъ большой барки морской конструкціи).

Прежде часто подвергались они нападеніямъ Хивинцевъ, но со времени послѣдней экспедиціи захватовъ не случается. Но бьющіе тюленя зимою подвергаются большимъ опасностямъ. Они обыкновенно отправляются по льду, на подводахъ, но часто сильнымъ порывомъ вѣтра отрываетъ ихъ со льдиною, съ санями и лошадьми и носитъ по всему морю, часто совершенно въ противоположной сторонѣ, дней двадцать и болѣе. Что же? они продолжаютъ бить попадающагося тюленя, съѣдаютъ лошадей и, обтягивая сани лошадиными кожами, садятся въ эту нехитрую лодку, когда вся льдина разойдется. Большая часть все-таки погибаетъ, но многихъ прибиваетъ къ берегу, нагоняетъ на судно, и они спасаются. Это не сказки, а дѣйствительные факты, открывшіеся мнѣ при ревизіи рыбной экспедиціи. Но вообще отъ неосторожности и отъ бурныхъ, вулканическихъ свойствъ Каспійскаго моря ежегодно погибаетъ много людей. Эмбенскіе промышленники также отчаянны, но обыкновенно лодки (которыхъ бываетъ до 1000) раздѣляются по расшивамъ, при которыхъ состоятъ. Самые лучшіе лоцмана по Каспійскому морю — мужики—рыболовы, и какихъ бы отличныхъ матросовъ сдѣлала бы изъ нихъ Англія для королевской службы съ правомъ захватывать каждаго вольнаго моряка и силою принуждать его къ службѣ (la presse). Чувствуя потребность однакоже въ мореходной терминологіи, не существующей на русскомъ языкѣ, и видя превосходство Европейской судоходной конструкціи, они сохранили большею частію Англійскія названія снастей, исковеркавъ ихъ жесточайшимъ образомъ и на благоустроенной кусовой вводятъ маневры по командѣ. Даже вѣтра называютъ многіе изъ нихъ: Зюдвестовый и т. д. Въ одномъ дѣлѣ я нашелъ: «мѣщане, чуть ли не Поповы, по простонародному прозванію *Нордвестовы!*» Часто промышленники, не довольствуясь ловомъ рыбы посредствомъ сѣтей, разставляемыхъ рядомъ, что называется, кажется, техническимъ терминомъ «порядокъ», преслѣдуютъ несчастную рыбу на огромной глубинѣ, даже саженъ до 80-ти, но уже не посредствомъ сѣтей, а посредствомъ удочекъ, т. е. канатовъ съ большими крюками, на которые насаживаютъ кусокъ тюленьяго мяса, живую рыбу. Этихъ удочекъ бываетъ расположено до тысячи рядомъ; онѣ

какъ-то всѣ привязываются или къ одному канату, лежащему поверхъ воды, или къ чему-нибудь другому, и это, кажется, также называется *порядкомъ*. Впрочемъ, всего этого я вамъ не могу еще хорошенько объяснить. На морскихъ промыслахъ Сапожникова добывается огромное количество тюленя, да онъ (или его управляющіе, его контора, потому что его самого здѣсь нѣтъ) скупаетъ тюлень у большей части тюленебойцевъ и уплатя пошлину (часто тысячъ до 50-ти и больше въ годъ), все это спускается внизъ по Волгѣ на Нижегородскую ярмарку. Свѣдѣнія мои еще не совсѣмъ полны, но я соберу еще много другихъ. Теперь я хожу въ рыбную экспедицію съ двумя помощниками, Бюллеромъ и Нѣмченко. Работы очень много, злоупотребленій еще больше и очень важныхъ. Недѣли двѣ еще провожусь съ нею, а потомъ примусь за Казенную и Уголовную Палаты.

Астрахань. 1844 года. Апрѣля 25-го, Вторникъ. 9½ час. веч.

Я совсѣмъ не располагалъ писать къ Вамъ нынче, милая моя Маменька и милый Отесинька, ибо ожидалъ почту не прежде вечера среды, какъ и въ послѣдній разъ. Но сейчасъ принесли Ваши письма (которымъ по настоящему слѣдовало придти въ субботу), и я хочу непремѣнно написать Вамъ письмо, хоть не такое большое, какъ пишу по субботамъ. Сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь, если иногда письмо написано криво или дурнымъ почеркомъ. У меня все зависитъ отъ пера. А перья мои привезены еще изъ Москвы очиненныя, ибо я самъ чинить не мастеръ, всѣ уже притупились, и прежде, чѣмъ начать и это письмо, я перепробовалъ штукъ пять и теперь пишу преплохимъ перомъ.— Что это право Костя расхворался? бралъ бы онъ примѣръ съ меня, впрочемъ, вѣроятно, письмо это застанетъ его здоровымъ.— Очень, очень благодаренъ Вѣрѣ (ахъ, Боже мой, какъ нарочно ни одного порядочнаго пера) за ея замѣчанія на мое письмо, но что касается до ея разсужденій о дѣлахъ и о службѣ, такъ она толкуетъ, какъ женщина. Правда, что мнѣ самому скучно бываетъ безпрестанно быть на виду у князя, въ сношеніяхъ съ нимъ, но здѣсь ея гордости нечѣмъ оскорбляться: этому причиной общее наше дѣло, жизнь

въ одномъ домѣ и невольно тѣснѣйшее сближеніе отъ удаленія, въ которомъ мы себя держимъ въ отношеніи къ Астраханскимъ жителямъ. Да этому подвергаются всѣ мои товарищи. Я по характеру своему довольно горячъ на службѣ, хотя и браню ее: такъ все, что касается до нашей ревизіи (какъ нѣчто цѣлаго) меня сильно занимаетъ, и бумаги получаемыя, и толки, и слухи, и честь, и блескъ ея. Еслибъ еще этого участія не было, такъ я бы просто сошелъ здѣсь съ ума отъ скуки и хандры, которая иногда на меня находитъ, Что же касается до Бр..., такъ я былъ у нихъ на праздникахъ, но, признаюсь—у этихъ,—превосходнѣйшихъ, впрочемъ людей, — прескучно. Обыкновенный мой съ ними разговоръ состоитъ о предстоящей жаркой погодѣ, причемъ онъ не преминетъ напомнить, что ему ничего отъ жара, а женѣ его невыносимо. Оно понятно когда посмотришь на нихъ обоихъ. Онъ кости да кожа, жена тучнаго или толстаго сложенія. Словомъ, говоря моими же стихами:

Какъ томъ пятнадцатый, онъ тонокъ,
Она толста, какъ томъ второй.
(Сводъ Законовъ изданіе 1842 года).

Опять сердитая улыбка на лицѣ любезнѣйшей Вѣры Сергѣевны, но это стихи старые, Московскіе еще. Къ тому еще этотъ нѣмецкій Атаманъ, въ произношеніи котораго слышно, что онъ не русскій, говоритъ: „наше казацкое житье, мы казаки, я казакъ простой» и т. п. А жена съ сестрой всегда, когда я бываю у нихъ, перешептываются между собою по нѣмецки, съ восклицаніями: ach Jesus Maria, lieber Gott! Gott im Himmel, ganz Werotshka! Это мнѣ очень пріятно, но пора бы перестать. А если пойду къ нимъ въ третій разъ, это непремѣнно повторится. Жалко, что они не пишутъ къ З—ой, какія именно ходятъ про насъ анекдоты, мнѣ было бы очень любопытно ихъ узнать; у насъ недоброжелателей много.—Я думаю, Вѣрочка, очень удивилась бы, по неопытности своей, еслибъ узнала, что и я, и Гриша и вообще всѣ служащіе говоримъ, по необходимости и по принятому обыкновенію, своимъ начальникамъ и другимъ лицамъ—по служебнымъ отношеніямъ—«Ваше Прево-

сходительство, Ваше Сіятельство!» Какъ будто при наружномъ почтеніи нельзя оставаться въ благородной и независимой позиціи!

Ревизія наша продолжится долго. Я, признаюсь, и конца ей не вижу, и именно не знаю, какъ сведемъ мы всѣ концы. Это-то на меня и нагоняетъ подъ часъ невыносимую тоску, такъ, что руки отнимаются работать. И только тогда становится легче, когда изольешь свою досаду на Астрахань въ экзажерованныхъ—сказали бы Вы,—выраженіяхъ. Премертвый городъ. По улицамъ почти ни души, или Калмыкъ, надоѣвшій мнѣ до нельзя, или—почетныя гражданки здѣшнія—коровы ходятъ себѣ по тротуарамъ, подлѣ васъ прогуливаются, останавливаются, разговариваютъ между собою, рѣшительно какъ дома. Три, четыре коровы непремѣнно на всякой улицѣ.—Погода, стоитъ претеплая; зелень распустилась совсѣмъ и ярче цвѣтомъ Московской. Кромѣ фруктовыхъ деревъ здѣсь видны—и то не вездѣ—акація и пирамидальный тополь, который сначала мнѣ нравился, а потомъ совсѣмъ опостылѣлъ. Тѣни не даетъ никакой, поднялъ всѣ сучья вверхъ и стоитъ одинъ, высокій, дуракъ дуракомъ, съ позволенія сказать; а черезъ мѣсяцъ его сосѣдство будетъ очень невыгодно, ибо привлечетъ милліоны милліоновъ комаровъ. И здѣсь-то провести лѣто, а не на берегахъ Вори!—Прощайте, въ субботу напишу больше, если даже съ будущею почтою и не получу письма. Я здоровъ, какъ, какъ... здѣшній тюленебоецъ. Будьте только Вы здоровы, да всѣ наши.

30-го апрѣля 1844 года. Воскресенье. Астрахань.

Письмо это, вѣроятно, придетъ 9-го мая, въ день рожденія милой Олиньки, поздравляю Васъ. Дай Богъ, чтобы съ этимъ новымъ годомъ укрѣпилась ея здоровье. Хотѣлъ я къ этому дню прислать ей туфли и чулки Персидскіе, но ихъ еще не привезли изъ Персіи. Съ послѣднею почтою я, по обыкновенію, не получилъ писемъ и поэтому съ нетерпѣніемъ ожидаю вторника, когда придутъ письма отъ 22-го апрѣля, т. е. отъ прошедшей субботы. Установилась ли у Васъ весна по крайней мѣрѣ? Въ прежнія времена бывали

и въ концѣ апрѣля жаркіе дни. А завтра 1-е мая; въ Москвѣ гулянье въ Сокольникахъ, а здѣсь дано будетъ Армяниномъ Поповымъ увеселеніе на Бехчинской равнинѣ. Это самое лучшее мѣсто, по понятію Астраханцевъ, есть ничто иное, какъ неровная степь, черезъ которую проведена грязная канава и на которой кое-гдѣ стоятъ деревья, не дающія никакой тѣни; увеселеніе будетъ состоять въ фейерверкѣ, голуби будутъ ходить по канату, паяцъ плясать въ огнѣ, причемъ будетъ и воксалъ, т. е. скверная, грязная палатка съ сквернѣйшимъ буфетомъ. Вчера ѣздили мы съ княземъ въ коляскѣ прогуливаться вечеромъ и заранѣе осмотрѣли это мѣсто. Ничего нѣтъ привлекательнаго, особливо же, если будетъ дуть такой вѣтеръ, какой дуетъ съ нынѣшняго утра. Итакъ уже 4 мѣсяца, какъ мы живемъ здѣсь въ Астрахани. Меньше шести мѣсяцевъ еще никакъ не проживемъ, а можетъ случиться, что и больше. Страшно подумать. И впереди все это скучное хожденіе каждый день въ присутственное мѣсто. Вотъ нынче воскресенье, день свободный, сидишь утро дома, а завтра опять поплетешься въ рыбную экспедицію, съ которою, впрочемъ, я намѣренъ распроститься на этой недѣлѣ. Надоѣло мнѣ все толковать о тюленѣ и рыбѣ. Довольно того, что нашелъ много злоупотребленій, которыя потребуютъ суда и слѣдствія, и теперь наряжается коммиссія для повѣрки тюленя, неоплоченнаго пошлиною, и для перевѣски его. Коммиссія эта, состоя изъ двухъ чиновниковъ экспедиціи, должна имѣть третьимъ членомъ чиновника нашей канцеляріи. Такъ какъ мнѣ и прочимъ старшимъ чиновникамъ некогда ею заниматься, то назначенъ будетъ Петербургскій левъ Бюллеръ! Это очень меня забавляетъ. Отъ тюленя вонь престрашная, животное скверное и грязное, и свѣтскій франтъ будетъ около него возиться. Эти Калмыки самыя безполезныя творенія, не платятъ податей, не занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводство, принадлежность кочующихъ народовъ, у нихъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ Астрахань просятся толпами жители Тамбовской, Воронежской и другихъ губерній, гдѣ слишкомъ имъ стало тѣсно, но ихъ не пускаютъ, потому что въ малонаселенной Астрахани нѣтъ для нихъ земли, ибо Императоромъ Павломъ отдано было Калмыкамъ 11 милліоновъ десятинъ земли. По

мнѣ было бы лучше, чтобы эти Калмыки или убрались бы себѣ къ Китаю, откуда пришли, и пустили бы русскихъ на свое мѣсто, или ихъ размежевать какъ казенныхъ крестьянъ по восьмидесятинной пропорціи, или даже по пятнадцатидесятинной и сдѣлать изъ нихъ осѣдлыхъ. Право обычаевъ у нихъ если существуетъ, такъ въ дѣлахъ домашней жизни, гдѣ они обыкновенно прибѣгаютъ къ Гелюнчамъ, своимъ духовнымъ. Эти Гелюнчи, въ красныхъ платьяхъ и въ желтыхъ шапкахъ — въ родѣ нашихъ жирныхъ монаховъ. Недавно видѣлъ я на Кутумѣ, какъ одинъ изъ этихъ господъ возвращался изъ Астрахани въ свой улусъ. Онъ преспокойно стоялъ себѣ на берегу и курилъ трубку — очень дородный мужчина—между тѣмъ какъ Калмыки укладывали его лодку. Ну видно этотъ господинъ Гелюнчъ большой лакомка, потому что чего тутъ не было!—и все это добровольныя приношенія. Еслибъ не Гелюнчи, которые изъ собственныхъ выгодъ стараются держать Мундюковъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, такъ Калмыки отъ безпрестаннаго тренія объ русскихъ сдѣлались бы почеловѣчнѣе и приняли бы христіанство. Впрочемъ, и теперь, несмотря на строгое воспрещеніе Правительства, Калмыки эти покупаютъ жадно у Армянъ, играютъ между собою и раззоряются. Право, несправедливо, что они владѣютъ почти всею Астраханскою свободною землею, будучи столь безполезны. Лучше ихъ сдѣлать осѣдлыми, да отнять половину земли. Но что-то графъ Панинъ скажетъ объ ихъ народномъ правѣ? Рѣдко здѣсь встрѣтишь настоящаго русскаго мужика. Всѣ они или живутъ на владѣльческихъ промыслахъ, или въ морѣ, а тѣ, которые здѣсь уже давно, обастраханились, ходятъ всѣ въ бѣлыхъ круглыхъ шапкахъ изъ бараньей шерсти и въ желтомъ зипунѣ изъ верблюжьей, костюмъ некрасивый и скрывающій совершенно формы тѣла. Кучера—опять Татары да Армяне, такъ что черные волосы и длиные горбатые носы мнѣ надоѣли, потому что принадлежатъ безъ толку и къ умнымъ и къ глупымъ физіономіямъ. Нѣтъ, ужъ я въ Астрахани и Губернаторомъ быть не хочу, да и врядъ ли занесетъ судьба когда-нибудь во второй разъ сюда. Вотъ жители-то города, равнодушные къ литературѣ! Здѣсь въ Астрахани нельзя достать ни Мертвыхъ Душъ, ни новѣйшаго изданія сочине-

ній Гоголя, но въ такъ называемой публичной библіотекѣ, составленной изъ старыхъ книгъ, старыхъ изданій, принадлежащихъ къ тому времени, когда Астрахань цвѣла торговлею, имѣла Банкъ (впослѣдствіи ее подорвавшій) и даже книжную лавку,—въ такъ называемой публичной библіотекѣ, учрежденной Шайкинымъ, купцомъ второй гильдіи, но плутомъ перваго разряда изъ одного желанія получить медаль, есть старыя изданія Гоголя, которыя мы за подписную цѣну и требовали изъ библіотеки. Нѣтъ, какъ хотите, а я всетаки боюсь, чтобы новое его направленіе или не новое, потому что у него это дальнѣйшее развитіе его души, не повредило ему въ его созданіяхъ. При этомъ глубокосерьезномъ углубленіи въ самого себя не забудетъ ли онъ міръ внѣшній? Впрочемъ, появленіе втораго тома Мертвыхъ Душъ, если только оно когда-нибудь будетъ, разрѣшитъ наши недоумѣнія и загадки, и тогда, можетъ быть, мы и устыдимся, что не поняли его, но я говорю теперь свое мнѣніе откровенно и желалъ бы знать Ваше. Оболенскій пишетъ мнѣ горькія жалобы на Красный Яръ; говоритъ, что вечеромъ тысячи сверчковъ и разныхъ гадинъ и насѣкомыхъ прыгаютъ и вспалзываютъ на человѣка. Да что можно ожидать отъ города, гдѣ жители разъ взбунтовались отъ комаровъ и жару и лѣтомъ ходятъ въ дегтяныхъ сѣткахъ? И здѣсь уже появляются комары, и, кажется, придется на лѣто заказывать пологъ, чтобы спать подъ нимъ. Здѣсь видъ зелени меня не радуетъ, а пугаетъ, ибо означаетъ резиденцію комарищъ разной величины. У насъ въ саду на открытомъ воздухѣ ростетъ персиковое дерево, дающее обильные плоды, но всетаки на зиму укутываемое соломою. Все это не Югъ, а Востокъ и принадлежитъ Россіи. Вотъ и нынче, время теплое, а такой сильный и холодный вѣтеръ, что и на балконъ нельзя выйти. Любезные мои товарищи, Бюллеръ и Блокъ, уѣхали въ гости, къ дамамъ, которыя всѣ учатся танцовать введенный здѣсь ими галопъ Spehr-polka. На эти визиты князь охотно даетъ имъ свое согласіе. Я одинъ рѣшительно никуда не выѣзжаю: до обѣда работаю, послѣ обѣда иногда хожу прогуливаться, а больше сижу дома, на балконѣ, пока свѣтло.

Астрахань. 1844 года, Мая 2-го. Вторникъ вечеръ.

Почта сдѣлалась исправнѣе и привезла вчера ваши письма отъ 22-го апрѣля. Какъ я имъ былъ радъ, Боже мой! Какъ мнѣ было пріятно читать прекрасное письмо Олиньки. Я прочелъ его съ радостнымъ волненіемъ и теперь только тревожусь мыслью, продолжается ли у васъ хорошая погода и долго ли милая Олинька наслаждалась ею? Какъ скучно, какъ досадно, что всѣ эти извѣстія о томъ, что было за 10 дней тому назадъ, а 10 дней—слишкомъ долгое искушеніе для вашей непостоянной погоды. Впрочемъ, и здѣсь погода нѣсколько перемѣнилась: вода стала сильно прибывать, и, несмотря на теплоту воздуха, моряна дѣлаетъ погоду очень непріятною, набивая пылью глаза. Какъ благодаренъ я вамъ за письма. Это такая для меня отрада здѣсь въ Астрахани, что вы и вообразить себѣ не можете. Хочется въ Москву—и нѣтъ возможности. Еще шесть мѣсяцевъ астраханской скуки и возвращаться-то придется по зимнему пути, а это куда какъ скучно. Отвѣчаю на ваши письма. Вы радуетесь моимъ успѣхамъ. Въ шутку будь сказано слово Наполеона: la gloire s'use, слава изнашивается. Эти успѣхи давно мною забыты; я, да и всѣ, кажется, такъ привыкли къ тому, что я дѣйствую и ревизую важныя мѣста отдѣльно, что и въ голову никому не приходитъ мысль о странности этого. Тимирязевъ обидѣлся, когда я сталъ ревизовать рыбную экспедицію, гдѣ онъ предсѣдатель, хотя никогда не бываетъ, но подписываетъ журналы. Вамъ извѣстно, что мы дѣйствуемъ письменно, даемъ учтивыя оффиціальныя за номеромъ отношенія отъ своего лица, гдѣ спрашиваемъ разрѣшенія недоумѣній и объясненіе безпорядковъ. Это дѣлается для того, чтобы исторгнуть отъ нихъ письменное удостовѣреніе и сознаніе и чтобы найденное чиновникомъ было подкрѣплено письменными и засвидѣтельствованными документами, иначе оно не будетъ имѣть основанія. Конечно, оно не совсѣмъ ловко въ губернское мѣсто 1-го разряда давать отношенія, но оно уже такъ пошло. Впрочемъ, губернаторъ видитъ теперь по найденнымъ злоупотребленіямъ, что чиновники его обманывали. Мы же рѣшительно не выдаемъ себя за ревизоровъ, а всегда

дѣйствуемъ именемъ князя. Сначала при ревизіи рыбной экспедиціи предвидѣлось множество злоупотребленій, и наше положеніе таково, что этому радуешься. Дѣйствительно найдено и даже уголовныхъ злоупотребленій, слѣдствіемъ которыхъ—наряжаемая коммиссія. А ужъ теперь осталась мелочь, дрянь, такъ что скучно и заниматься ею. Если всѣ проэкты удадутся, тогда ревизія будетъ блистательная. Проэкты же отправились по министрамъ, которымъ изъ Петербурга трудно судить о нуждахъ астраханскаго края. Проэкты эти созидаются или въ головѣ князя или случайно, по пошедшей мысли собираются матеріалы и свѣдѣнія и наконецъ окончательно приводятся въ исполненіе т.-е. сообщаются министру Строевымъ, который пишетъ хоть не совсѣмъ чисто по-русски, но имѣетъ какую-то крѣпость и силу въ слогѣ, и князь привыкъ къ его языку. Наше же участіе бываетъ потолику, поколику касается до ревизуемыхъ нами мѣстъ, и честь, которою я пользуюсь теперь, вмѣсто интересная занятія даетъ мнѣ скучную работу. Что касается до Калмыковъ, такъ приведеніе ихъ къ осѣдлой жизни можетъ быть совершенно безо всякаго насилія. Въ улусѣ князя Тюменя многіе живутъ на одномъ мѣстѣ. Также многіе прикочевываютъ на цѣлый годъ къ жилымъ мѣстамъ, къ деревнямъ. До вѣроисповѣданія и до обычаевъ ихъ не коснутся. На дняхъ у нихъ будетъ какой-то праздникъ; если я попаду на него, такъ опишу вамъ, равно сообщу образчики калмыцкаго народнаго права, составленнаго ихъ старшинами лѣтъ 200 лѣтъ тому назадъ. Русскій переводъ хранится, кажется, въ Судѣ Зарго. Но къ нимъ прибѣгать нѣтъ возможности, и самые калмыки, развратившись, не удовлетворяются этою простотою. Такъ напримѣръ все почти въ такомъ родѣ: «если кто у кого напьется пьянъ, такъ ему дать щелчокъ пальцемъ въ ноздрю» и т. п.

Стихи Хомякова мнѣ очень нравятся. Не нося въ себѣ никакихъ твердыхъ убѣжденій, къ которымъ бы питалъ глубокое душевное участіе и которыя бы считалъ Божьею правдою, я могу только порадоваться, если есть такой человѣкъ, съ такою свѣтлою, вѣрящею душою. Да есть ли?.. Если ихъ нѣсколько и они несогласны, то что выходитъ отъ столкновенія этихъ Божьихъ правдъ и Божьихъ громовъ? Конечно, истина должна

быть одна, безусловна, но гдѣ она, у кого она и всегда ли торжествуетъ въ родѣ Хомякова пастуха?—Какъ вы располагаетесь на счетъ лѣта и будущей зимы? Вѣроятно, вы не рѣшаетесь дѣлать еще предположенія, а когда будете дѣлать, такъ напишите. Кончу на этой недѣлѣ рыбную экспедицію и перейду, какъ заведенная машина, въ Казенную Палату, послѣ которой вздохну свободнѣе; тамъ уже въ сравненіи съ нею останутся мелочи.

Астрахань. 1844 года, Мая 7-го. Воскресенье.

Въ прошедшій четвергъ пришла почта и привезла мнѣ письма отъ васъ, милый Отесинька и милая Маменька, или, лучше сказать, одно письмо отъ Отесиньки, съ описаніемъ обѣда, даннаго Грановскому. Я такъ давно не получалъ двухъ писемъ на недѣлѣ, что былъ пріятно удивленъ и тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ, милый Отесинька, что вы писали, несмотря на недосугъ. Лекціи Грановскаго, явленіе потому уже замѣчательное, что, несмотря на долгое время, которое онѣ продолжались (что большой искусъ для терпѣнія), онѣ выдержали свой характеръ, или, лучше сказать: публика умѣла принять, поддержать и закончить. Слѣдовательно, это не вспышки успѣха, а успѣхъ постоянный, и прочный, и блистательный. Не надѣялся я на дамъ; признаюсь, я и теперь все что-то въ нихъ сомнѣваюсь. Кончилъ я свое хожденіе въ рыбную экспедицію, гдѣ часто приходилось внутренно сердиться. Губернаторъ подъ конецъ не только не сталъ сопротивляться, но видя, что ревизія открыла ему глаза и показала, что его кругомъ обманывали, сталъ содѣйствовать. Конечно, чиновники экспедиціи не нѣжно выражаются у себя дома на мой счетъ. Коммиссія, учрежденная слѣдствіе произведенной ревизіи, очень выгодная для казны, найдетъ также очень много злоупотребленій, много утаеннаго тюленя, съ котораго надо будетъ донимать пошлины, что вооружитъ противъ насъ и хозяевъ. Мнѣ становится жалко Бюлера: онъ сдѣланъ членомъ этой коммисіи, ему дали инструкцію, оффиціальную, чтобы дать ему полнѣйшее и вѣрнѣйшее понятіе о положеніи дѣла, которое мнѣ очень знакомо теперь. При-

сутствіе его при перевѣскѣ и счетѣ тюленя, ужасно вонючаго животнаго, продолжалось вчера первый разъ, отъ 10-ти часовъ утра до 9-ти вечера, на тощій желудокъ. И это можетъ продолжиться долго. А я съ завтрашняго дня направлю стопы въ Уголовную Палату. Князь предлагаетъ мнѣ, чтобы я до 1-го іюня кончилъ Уголовную Палату и написалъ отчеты по Земскому Суду, по Рыбной Экспедиціи и по Палатѣ. Это порядочно! А съ 1-го іюня начать Казенную Палату и Уѣздное Казначейство. При одной мысли о Казенной Палатѣ у меня дѣлается ознобъ. Ужъ эта мнѣ счетная часть! Боюсь на ней срѣзаться. Хорошо было бы хоть въ августѣ приступить къ губернскому правленію общими силами. Тогда бы мы могли оставить Астрахань въ октябрѣ. Такъ какъ вы пишете, что вамъ пріятно слышать хорошіе обо мнѣ отзывы, такъ я передаю вамъ то, къ чему самъ сдѣлался совершенно равнодушенъ, ибо обязанности мои сдѣлались мнѣ очень скучны. Я рѣшительно нигдѣ не бываю, отчасти изъ лѣни, отчасти и потому, что нахожу службу рѣшительно несовмѣстною съ знакомствами и посѣщеніями. Но товарищи мои, Блокъ и Бюллеръ, неутомимы и знакомы со всѣмъ beau-monde Астрахани и ухаживаютъ около двухъ армянскихъ красавицъ. Они часто слышатъ похвалы и возгласы удивленія мнѣ, «человѣку, столь молодому и вмѣстѣ опытному и знающему службу такъ, что назначеніе мое заставляетъ трусить всякое присутственное мѣсто»! Похвала незаслуженная, ибо никто больше меня не чувствуетъ, сколько пробѣловъ въ моихъ свѣдѣніяхъ и познаніяхъ; конечно, я не даю этого замѣтить, но мнѣ самому это извѣстно.—Нынче хоть и воскресенье, но мнѣ предстоитъ очень много работы. Надо написать три или четыре казенныя бумаги, прочесть вѣдомость Уголовной Палаты, и все это нужно къ завтрашнему дню, и теперь безпрестанно приходятъ отрывать, кто съ тюленемъ, кто съ рыбой, кто съ судебнымъ случаемъ. Погода у насъ довольно пріятная, но еще не жаркая. Комаровъ въ комнатѣ покуда нѣтъ, но около зелени ихъ много... Опять оторвали. Теперь у насъ такая возня съ тюленемъ, что это ужасъ. Ну, ужъ письмо это не будетъ слишкомъ порядочно. Сейчасъ надо писать отношеніе въ экспедицію. Эта проклятая экспедиція

хочетъ ускользнуть отъ моего преслѣдованія и даетъ самые круглые отвѣты, но она не уйдетъ, и я заставлю ее объясниться. Поэтому я не пишу болѣе къ вамъ. Буду писать во вторникъ, ибо надѣюсь получить завтра отъ васъ письма. Теперь же мнѣ нѣтъ никакой возможности продолжать и голова не тѣмъ занята. Прощайте, обо мнѣ не безпокойтесь: только бы вы могли мнѣ всегда сообщать радостныя вѣсти! Ахъ, какъ несносно это длинное разстояніе, какъ досадно, что получаемое извѣстіе можетъ въ теченіе десяти дней потерять истину и цѣну.

Астрахань. 1844 года, Мая 13-го. Суббота.

Послѣдняя почта, опоздавшая нѣсколько по случаю дурной дороги, не привезла мнѣ отъ васъ писемъ. За то почта, которой по настоящему слѣдовало бы придти нынче, и которая придетъ послѣ завтра, привезетъ непремѣнно мнѣ отъ васъ письма. Завтра Троицынъ день. Не знаю, какая у васъ погода, но здѣшняя похожа на Петербургскую весну. Теперь май, а уже нѣсколько дней градусовъ по 8 и по 10 только тепла! Моряна дуетъ съ необыкновенною, страшною силою, дождикъ холодный идетъ цѣлый день; грязно, сыро, холодно и вообще очень непріятно. Здѣсь вода прибываетъ до половины іюня и не отъ разлитія нашихъ рѣкъ, а отъ разлитія водъ Камской системы. Кутумъ поднялся чрезвычайно высоко, и лугъ, на которомъ лужа передъ моими окнами начинала уже пересыхать, теперь почти весь залитъ водою. И какою скверною, мутною водою. Страшно вообразить, какую мы пили воду, смѣшивая ее, правда, съ чихиремъ, здѣшнимъ кислымъ краснымъ виномъ.

Пишутъ изъ Москвы, что Государь намѣренъ посѣтить Югъ Россіи и побывать въ Астрахани, гдѣ современъ Петра никто не бывалъ. Вотъ Петръ! всюду поспѣлъ. Можно почти утвердительно сказать, что со временъ Петра ничего не было сдѣлано для Астрахани. Петръ пріѣхалъ въ Астрахань, разомъ увидалъ, что̀ можно изъ нея извлечь, развелъ здѣсь самъ виноградники и фруктовые сады, устроилъ Адмиралтейскую верфь, объѣхалъ все Каспійское море, пріискалъ самъ гавани на противоположномъ берегу, которыя и те-

перь считаются лучшими, и на Тюкъ-Караганскомъ мысѣ (на противоположномъ Трухменскомъ берегу) построилъ крѣпостцу. Много начато было имъ. По его указаніямъ легко было бы продолжать преемникамъ... Но преемники не продолжали, крѣпостца разрушена временемъ, Трухменами и Хивинцами; фруктовые сады, вскорѣ послѣ Петра увеличившіеся до невѣроятнаго числа, приходятъ въ совершенный упадокъ. Теперь правительство принимается опять за то, что начато было Петромъ, и велѣли вновь возобновить крѣпость, а князь предлагаетъ не крѣпость, а заселенное укрѣпленіе или городокъ. Надо вамъ сказать, что Тюкъ-Караганъ—мысъ противоположнаго и сомнительнаго по принадлежности берега, но мы его считаемъ своимъ, а не Туркменскимъ. Между нимъ и Астраханью самое узкое пространство моря, и при хорошемъ вѣтрѣ можно доѣхать въ одинъ день. Тогда Хивинцы, вмѣсто того, чтобъ идти три мѣсяца степью въ Гурьевъ и оттуда перекладывать товары на дощаники, чтобы водою доѣхать до Астрахани, гдѣ вновь приходится перегруживать товары въ настоящія суда для доставки въ Нижній,—тогда Хивинцы будутъ пріѣзжать прямо въ Тюкъ-Караганъ тамъ нагружать суда, которыя могутъ прямо уже оттуда отправляться въ Астрахань и идти по Волгѣ. Для торговыхъ оборотовъ это сокращеніе времени и издержекъ необыкновенно важно. Но это, по моему, еще важнѣе въ политическомъ отношеніи. Это значитъ занести ногу въ Азію и открыть себѣ дорогу въ Хиву, Бухарію и Персію. Туркмены, которые состоятъ теперь въ зависимости отъ Хивинскаго Хана, ибо оттуда получаютъ всѣ нужныя житейскія потребности, получая ихъ теперь изъ Астрахани, обратятся въ наше подданство и такимъ образомъ можно будетъ овладѣть обоими берегами Каспійскаго моря, исключая только Юговосточной его оконечности, принадлежащей Персіи. Туркмены, обитающіе здѣсь, въ Астрахани, въ числѣ трехъ тысячъ семействъ, уже 40 лѣтъ и никуда не приписанные и не платящіе податей, просятъ князя, чтобы ихъ выпустили изъ Россіи въ отечество, помогли выстроить на Тюкъ-Караганѣ городъ и вступить подъ подданство настоящее Россіи, увѣряя, что примѣръ ихъ подѣйствуетъ и на всѣхъ прочихъ Туркменъ. Дѣйствительно, они первоначаль-

но прибыли сюда съ цѣлію искать покровительства Россіи, но это дѣло затянулось, и ихъ оставили здѣсь. По поводу этого князь представилъ свои соображенія и мысли въ Петербургъ, но такъ какъ предметъ этотъ слишкомъ важенъ, то мы еще не получали никакого отвѣта. Много препятствовать будетъ то, что у князя враговъ нѣсть числа, и Государь не очень расположенъ къ нему, хотя нѣкогда, когда князь былъ просто оберъ-прокуроромъ Общаго Собранія, Государь держалъ его въ необыкновенной милости и далъ ему права Министра Юстиціи по Московскому Сенату, которыя никто послѣ него и не имѣлъ. Однако все это прекрасно и очень интересно, но больше для васъ, милый Отесинька и для Гриши, но что касается до Маменьки, до сестеръ и даже, я думаю, до Константина, — это занимаетъ ихъ только потому, что я пишу объ этомъ и что это до меня частію касается. Марихенъ, я думаю, уже не разъ зѣвнула.—Вотъ нынче и Троицынъ день. Всю ночь шелъ дождикъ, погода предурная и грязно такъ, что пѣшкомъ никуда идти нельзя. Здѣсь Семикъ не празднуется, но нынѣшній день балконъ князя устлали весь травою, нарочно привезенною, ибо въ садахъ травы не имѣется, а на поляхъ трава такъ мала и такъ скудно растетъ, что и нарвать нечего. Но что же бы вы думали употребили вмѣсто березокъ? Вишню съ почками, которыя бы всѣ дали плодъ. Это варварство, и я думаю, роскошь эту позволяютъ себѣ только у Сапожникова. Жалко видѣть, какъ вишневые сучья, усѣянные маленькими шариками, будущими вишнями, стоятъ срѣзанные и обреченные на гибель. Но ничего не видать праздничнаго въ городѣ.—Досадно мнѣ, что не могу никакъ сыскать какого-нибудь молодого, безсознательнаго генія-художника, который бы мнѣ срисовалъ соборъ, снялъ виды изъ бельведера и планъ съ нашего жилища. Не отыскивается художникъ въ Астрахани, что дѣлать!—Оболенскій еще не возвращался, но я надѣюсь, что на этой недѣлѣ онъ пріѣдетъ. Бюлеръ продолжаетъ дѣйствовать въ качествѣ члена Тюленной Коммиссіи и ведетъ дѣло съ необыкновеннымъ стараніемъ, дѣятельностью и успѣхомъ. Онъ заставляетъ Коммиссію начинать свои поѣзды съ шести часовъ утра и продолжаетъ работу до девяти часовъ вечера.

Для человѣка свѣтскаго и привыкшаго нѣжиться — это подвигъ, за который нельзя его не похвалить и который онъ не могъ бы совершить, еслибъ не былъ въ Училищѣ. На 300 штукъ тюленя, объявленнаго въ экспедиціи и записаннаго въ недоимкѣ, они находятъ до 3000 лишняго, разумѣется, тайно провезеннаго. Для Бюллера это тѣмъ большій подвигъ, что въ это время онъ, въ свободные часы, занимался одною особою, и порученіе это, мною подготовленное, ибо послѣдовало вслѣдствіе ревизіи экспедиціи, пришло ему очень не кстати. По поводу этого я ему написалъ стихи, въ которыхъ утѣшаю его казенною пользою. Когда-нибудь я пришлю ихъ вамъ вмѣстѣ съ другими, но, право, они не стоятъ того.

Астрахань. 1844 года, Мая 20-го. Суббота, 7 час. вечера.

Время чудесное, и я расположился писать къ Вамъ на балконѣ. Надо признаться, что природа таки много отвлекаетъ отъ занятій не только меня, но и другихъ. Отъ сильнаго жару нѣкоторые спятъ послѣ обѣда и потомъ отправляются гулять по Астрахани. Я же послѣ обѣда отправляюсь курить къ Бюлеру, ибо это почти единственное время, въ которое мы можемъ видѣться и переговорить другъ съ другомъ. Потомъ возвращаюсь къ себѣ на балконъ и предпочитаю балконную прогулку гулянью по неровнымъ и пыльнымъ улицамъ Астрахани или по Варваціеву каналу, мимо дома фонъ-Бригена, къ которому неловко было бы тогда не зайти. Къ тому же видъ отъ меня сдѣлался еще лучше. Теплая моряна, дувшая эти дни, до того наполнила Волгу, что Кутумъ сдѣлался втрое шире и грозитъ переступить берега, а лужа передъ моими окнами, соединившись съ Кутумомъ, залила всю степь и дорогу по ней и, вѣроятно, перешла бы и къ намъ въ улицу, еслибъ не поспѣшили устроить валъ. Теперь по ней разъѣзжаютъ легкія лодки съ парусами, бѣлыми, вздутыми вѣтромъ парусами, ярко отражающими солнечный блескъ. Шире сдѣлалась видная мнѣ отсюда полоса Волги, и это прибываніе воды дало нѣсколько другой видъ Астрахани. А вода *имѣетъ* еще прибывать до половины Іюня! За то съ этого времени вмѣстѣ съ паля-

щимъ зноемъ появятся мошка и страшные комары.—Получилъ я въ середу письма Ваши отъ 9-го мая. Вы хотѣли въ тотъ день переѣхать на дачу, и я съ нетерпѣніемъ жду новыхъ писемъ, чтобы знать: переѣхали ли Вы, не перемѣнилась ли погода и довольна ли Олинька? Вы, вѣрно, также напишете мнѣ, куда адресовать письма. Когда же остальные переѣдутъ на берега Вори, которыхъ не придется мнѣ увидѣть нынѣшнимъ лѣтомъ? Много работы осталось впереди, и, если по отъѣздѣ губернатора придется ревизовать его канцелярію, такъ съ нею будетъ много возни. Вотъ и я разсчитывалъ нынче кончить Палату, но, по милости опекунскихъ дѣлъ, придется остаться нѣсколько лишнихъ дней. Съ 1-го іюня думаю начать Казенную Палату: въ этомъ многосложномъ учрежденіи пять отдѣленій: питейное, соляное, ревизское, контрольное и казначейство. Предметы для меня совершенно чуждые, требующіе изученія и Питейнаго, и Солянаго Устава, и устава о ревизіи (душъ), и рекрутскаго, и пошлиннаго, просто ужасъ! Желалъ бы, но не знаю, кончу ли въ мѣсяцъ, ибо здѣсь всюду деньга, требующая вывѣрки, счета и большаго запаса терпѣнія и аккуратности. Да притомъ это въ самый жаръ.—*Воскресенье.* Нынче въ восьмомъ часу утра принесли мнѣ Ваши письма. Какъ я Вамъ благодаренъ за толстый пакетъ; если для Васъ письма мои пріятны, такъ Ваши для меня здѣсь, въ Астрахани, еще пріятнѣе. Итакъ, Вы живете на дачѣ, а наши еще не переѣхали въ деревню.

Бутурлинъ ѣдетъ сюда на время, чтобъ быть предсѣдателемъ въ комитетѣ по перевозкѣ провіанта на лѣвый флангъ Кавказскаго войска во все продолженіе кампаніи, затѣянной Нейдгардтомъ. — Что Вы пишете про мистерію, меня очень удивило. Въ Петербургѣ имѣется всего одинъ экземпляръ, данный мною Калайдовичу съ позволеніемъ дать переписать Кудрявцеву, который надоѣлъ мнѣ этою просьбою и въ Москвѣ и въ письмахъ изъ Петербурга. Калайдовичъ при Гришѣ спросилъ меня: «можно ли прочесть это Бѣлинскому?» Я отвѣчалъ: «рѣшительно нѣтъ, ибо Бѣлинскій можетъ подумать, пожалуй, что я придерживаюсь его мыслей, а я этого совсѣмъ не хочу». И Калайдовичъ на это отвѣчалъ, что придерживаться мыслей такого человѣка, каковъ Бѣлинскій,—достоинство и пр.! Но я го-

ворилъ Калайдовичу, что мнѣ интересно было бы знать, какое впечатлѣніе произведетъ она на такихъ-то и такихъ моихъ *товарищей*. Я слишкомъ хорошо знаю цѣну этой мистеріи и ни за что бы не хотѣлъ, чтобы стихотвореніе очень, очень невыдержанное и исполненное противорѣчій получило извѣстность, да еще въ Петербургѣ. Да и вовсе не желаю, чтобы оно дошло до ушей Министерства Юстиціи, ибо не хочу вовсе потерять въ глазахъ его репутаціи хорошаго и дѣльнаго чиновника. А главное меня бѣситъ то, что эта Краевщина будетъ себѣ толковать вкось и вкривь. Хотѣлось бы мнѣ очень разбранить Калайдовича, да боюсь, что подумаютъ, что я приписалъ этому обстоятельству несуществующую важность.—Сейчасъ услыхалъ голосъ князя, стоявшаго у моей лѣстницы: Аксаковъ! Сбѣгаю и получаю отъ него бумаги, присланныя къ нему изъ Петербурга, съ жалобами на членовъ и на Уголовную Палату, для повѣрки при ревизіи.—Нынче 21-е Мая, не знаю, какъ и гдѣ проводится этотъ день: вѣроятно, всѣ наши у Олиньки на дачѣ, и она ихъ принимаетъ и угощаетъ.

1844 года. Мая 23-го. Вторникъ. Астрахань.

Теперь къ намъ наѣзжаютъ все гости изъ Петербурга. На дняхъ пріѣхалъ генералъ Бутурлинъ. Ожидаютъ его Правителя Канцеляріи.—Нынче явилась къ князю цѣлая депутація поутру съ жалобою, что ихъ кварталъ отъ дождей, бывшихъ за нѣсколько дней передъ симъ, по низменному положенію улицъ, весь затопленъ водою, что это случается три раза въ годъ, и мѣстное начальство не дѣлаетъ и не придумываетъ никакихъ противъ того мѣръ. Князь сейчасъ за картузъ и тросгь и пошелъ съ этою депутаціею на мѣсто, но долженъ былъ остановиться, ибо вода залила всѣ улицы. Нашли какую-то лодочку. Калмыки въ водѣ по колѣна спереди, а мальчишки сзади потащили лодочку съ княземъ, бабы и мужчины бросились въ воду изъ любопытства за нимъ, и съ такою свитою осмотрѣлъ онъ это мѣсто и узналъ, что такихъ мѣстъ много. За обѣдомъ онъ, шутя, сказалъ мнѣ, что я будто бы упадаю духомъ и теряю энергію, что мнѣ надо развлечься, и предложилъ ѣхать съ нимъ

и Строевымъ послѣ обѣда въ коляскѣ осматривать эти мѣста. Мы поѣхали. Вообразите, что цѣлые кварталы съ улицами и переулками въ срединѣ города наполнены грязною водою, глубиною двѣ, три и четыре четверти. Вода эта залила всѣ обывательскіе дворы, несчастный народъ ходитъ по колѣна въ грязи. Чтобы чѣмъ-нибудь убавить воды, кидаютъ навозъ, и отъ того во всѣхъ этихъ мѣстахъ такой воздухъ, такой смрадъ, такія испаренія, что, кажется, я бы и двухъ часовъ не могъ бы тутъ оставаться, и они, вѣроятно, причиною большой смертности. Главное, что обыватели, кромѣ этихъ невыгодъ и убытковъ, чтобы пройти куданибудь въ другую часть, должны идти по этой водѣ съ версту и болѣе, и никакъ не менѣе полверсты. Это ужасъ просто. Мы проѣхали по всѣмъ этимъ мѣстамъ посреди воды, конечно, съ трудомъ и шагомъ, и пріѣхали къ другой части города, затопленной разливомъ Волги отъ того, что на этомъ пространствѣ не устроено вала, какъ въ другихъ мѣстахъ. Князь вздумалъ отправиться по этой улицѣ, чтобы посмотрѣть соединеніе воды этой съ Волгой посредствомъ переулка. Ѣхать въ коляскѣ нельзя было, а на аршинъ отъ воды на козелкахъ устроенъ ходъ по зыблющимся дощечкамъ. Князь отправился впередъ; онъ легокъ и шелъ преспокойно, но, признаюсь, я ужасно боялся потерять равновѣсіе и шлепнуться торжественно предъ лицомъ зѣвающей толпы въ грязную воду. Иные козелки были выше, другіе ниже, дощечки лежатъ не пригвожденныя и пляшутъ на козелкахъ, но надо было идти. Путешествіе совершилось благополучно, и мы тѣмъ же путемъ возвратились назадъ. Je crois que c'est une distraction, кричитъ мнѣ князь, но я не имѣлъ времени отвѣчать, ибо возвращаясь назадъ, шелъ уже впереди и спѣшилъ (что было довольно трудно), зная его скорую ходьбу. Вездѣ слышали мы ропотъ на Думу, «которая только обираетъ, но ничего не дѣлаетъ для города и общества». Вода прибываетъ до такой степени, что наводитъ страхъ на всѣхъ жителей. Тамъ, гдѣ спокойно ѣздили на дрожкахъ, разъѣзжаютъ теперь лодки съ парусами. Волга, Кутумъ (рукавъ ея, изъ нея истекающій и въ нее впадающій), Варваціевъ каналъ, соединяющій въ городѣ поперекъ Волгу съ Кутумомъ, все это налилось такъ, что съ бель-

ведера Астрахань кажется городомъ, выстроеннымъ на водѣ. Нынче опять было нестерпимо жарко. Здѣсь сшилъ я себѣ шаровары и лѣтнее пальто изъ канаусу, Персидской матеріи шелковой, до того легкой. что не чувствуешь совсѣмъ платья на тѣлѣ. Только она не прочна и скоро замшаривается. Такое же платье сдѣлали себѣ многіе изъ нашихъ и самъ князь, только его канаусъ лучшей доброты, а я, совершенно по невѣдѣнію въ этомъ дѣлѣ, купилъ у ходячаго Персіянина, Фердтерулліева или Мемеда, не помню, только дешевле и хуже. Такъ какъ у насъ обѣдъ безъ церемоній и всякій одѣвается, какъ хочетъ, то я обыкновенно, возвращаясь изъ присутственнаго мѣста, спѣшу перемѣнить суконное платье и мундиръ на легкое канаусовое. А князь и по улицамъ не ходитъ въ другомъ платьѣ; у него сверхъ того и канаусовая жилетка, и канаусовый картузъ (на фасонъ складнаго, дорожнаго), и, кажется, Астраханскій народъ очень привыкъ къ его костюму.—На этой недѣлѣ кончаю я Палату и, собравшись съ духомъ, думалъ съ 1-го іюня приступить къ Казенной Палатѣ, но, кажется, князь перемѣнилъ свой планъ, и, вслѣдствіе какихъ-то важныхъ безпорядковъ, чуть ли не придется мнѣ ревизовать Коммиссію Народнаго Продовольствія, гдѣ также предсѣдателемъ Губернаторъ. Но ужъ я сдѣлался довольно равнодушенъ, въ родѣ чистительной машины, все равно, куда ни повернутъ.

1844 года, Мая 27-го. Суббота.

На нынѣшней недѣлѣ, въ Среду, получилъ я письма или, лучше сказать, два письмеца, но не отъ Васъ, милый Отесинька и милая Маменька, а отъ Вѣры и Константина, съ приложеніемъ прекрасныхъ его стиховъ, по поводу которыхъ буду отвѣчать особо. Не думайте однакоже, чтобы это *особо* означало тоже, что здѣсь въ присутственныхъ мѣстахъ значитъ: при всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ—*доложить особо*, т. е. затянуть дѣло, или вовсе его не доложить. Нѣтъ, я постараюсь отвѣчать на дняхъ, но не стихами, а просто прозой. Я вполнѣ съ нимъ согласенъ, только есть нѣкоторые пункты сомнѣнія. Что касается до стиховъ, то, кажется, во мнѣ совершенно изсякла теперь всякая сти-

хотворная способность. Да и какъ не изсякнуть? Работа, усталость, тоска, досада и рѣдко,—рѣдко вспышки какой-то энергіи и настоящей дѣятельности. Я говорю настоящей потому, что теперь работа моя идетъ, какъ заведенная машина, работаю много, но это все не то. Даже участіе пробуждается только тогда, когда найдешь слѣды важныхъ упущеній и злоумышленностей. Но вѣдь это рѣдко достается. Одно осталось мнѣ: это способность смѣяться и забавляться внутренно пустяками. Впрочемъ, я много преувеличиваю, но жаръ и скучная работа дѣйствительно ослабятъ ревность и всякую энергію. Вотъ теперь Павленко заставилъ меня провозиться съ Опекунскими дѣлами цѣлую лишнюю недѣлю. Кстати вчера, т. е. въ Пятницу, Красноярцы наши воротились; я въ это время ушелъ въ Палату. Вы не повѣрите, съ какою радостью, съ какимъ чувствомъ бросился ко мнѣ на шею Оболенскій, когда я воротился. Я очень радъ его возвращенію, мнѣ ужъ очень надоѣло жить одному.—Вода прибываетъ все больше и больше; я писалъ вамъ, кажется, что мы ѣздили въ лодкахъ смотрѣть затопленныя предмѣстья, въ которыхъ вода проникла даже въ печи. Вода грозитъ затопить и нашу улицу. Кутумъ выступилъ изъ береговъ, а съ другой стороны разливъ Волги такъ силенъ, что съ трудомъ удерживаютъ его тройными окопами. Какъ странно видѣть всюду лодки вмѣсто пѣшеходовъ; житель возвращается къ себѣ на дворъ въ лодкѣ, подъѣзжаетъ къ затопленному крыльцу и карабкается по дощечкамъ на чердакъ. Конечно, здѣсь еще не такъ глубоко и можно перейти вбродъ, по поясъ въ водѣ, поэтому кухарка, бѣгущая въ лавку за яйцами или чѣмъ другимъ, мужикъ, отправляющійся въ кабакъ,—не употребляютъ лодокъ. Вотъ теперь оправдывается русская поговорка: «Астраханскій мужикъ осетра на печи поймалъ!» Такой полой воды не запомнятъ и старожилы, и еслибы не были приняты дѣятельныя мѣры, то вся Астрахань была бы наводнена. А вода не перестаетъ прибывать.—*Воскресенье.* Нынче поутру, выйдя на балконъ, я почувствовалъ, что пахнетъ Москвою. Наконецъ догадался, что вѣтеръ перемѣнился и теперь дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, называемый здѣсь верховымъ или московскимъ. Прибываніе воды замѣтно очень; въ ночь подвинулась она

на плоскихъ берегахъ сажени на полторы. Кто знаетъ, можетъ быть придется и въ Палату отправляться на лодкѣ. Настоящая Венеція Астрахань въ это время. Жаръ выгоняетъ всѣхъ на галлереи, сообщеніе производится большею частью водянымъ путемъ, торгъ на водѣ!—Нынче Воскресенье, а завтра опять надѣвай мундиръ, да отправляйся, но куда, не знаю самъ, ибо съ Палатою я почти кончилъ и мнѣ хотѣлось бы остатокъ опекунскихъ дѣлъ передать Павленкѣ; пусть онъ ихъ разсматриваетъ послѣ обѣда. Мнѣ теперь предстоитъ или Казенная Палата, или Коммиссія продовольствія, или Коммиссія строительная. Какое богатство!—Такъ какъ всѣ чиновники здѣсь растенія привозныя, а въ Астрахани самой этотъ народъ не произрастаетъ, то писали къ Министрамъ, чтобы Путята (будущій губернаторъ, какъ говорятъ) привезъ съ собою цѣлый транспортъ новыхъ чиновниковъ въ замѣнъ удаленныхъ или отставленныхъ. Такъ какъ служба въ Астрахани имѣетъ небольшія выгоды, именно: сокращеніе срока для пенсіи и т. п., то люди порядочные обыкновенно, выслуживъ урочные три года, (ибо не менѣе трехъ лѣтъ долженъ прослужить всякій, получившій подъемныя и прогонныя деньги на проѣздъ),—уѣзжаютъ изъ Астрахани; люди бѣдные, мошенники и обзаведшіеся хозяйствомъ остаются; но племя это такое пустое, необразованное, что не даетъ хорошихъ плодовъ, ибо получающіе воспитаніе здѣсь самый плохой народъ. Если напримѣръ отставятъ за пьянство и плутни какого-нибудь мелкаго чиновника и канцеляриста, у котораго ни кола ни двора нѣтъ, то онъ сочиняетъ ябедническія просьбы за гривенникъ, чѣмъ промышляютъ въ особенности теперь. Я думаю, скоро въ Астрахани не останется человѣка, котораго бы они не заставили подать просьбу князю, выкопавъ какіе-нибудь иски и обиды, случившіяся лѣтъ за 10 передъ симъ! Итакъ отставленный какой-нибудь губернскій или коллежскій регистраторъ промышляетъ адвокатствомъ, или же составленіемъ фальшивыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и паспортовъ. Всѣ бродяги, всѣ бѣглые, всѣ избѣжавшіе наказанія преступники, отправляются въ Астрахань. Промышленникъ, откупщикъ, купецъ, которому нужны работники—для тяжелой работы правда,—беретъ всякаго безпаспортнаго

и даетъ ему хорошую плату. Побывавъ и въ Персіи, и въ Трухменіи, а иногда и въ плѣну у Киргизовъ или Хивинцевъ, онъ обыкновенно кончаетъ свой вѣкъ или снесенный шкваломъ съ палубы въ море, или въ схваткѣ съ раздраженнымъ имъ же азіатцемъ, или же задохнется въ ларѣ, гдѣ складывается рыба, отъ недостатка воздуха! Словомъ, *не любитъ умирать своею смертію.* Это не добрый русскій мужикъ, это русскій гуляка, и стоило бы только Стенькѣ Разину встать изъ могилы да кличъ кликнуть, такъ не мало бы собралось къ нему такихъ молодцовъ. Вчера, катаясь по Волгѣ, мы огибали многія рыболовныя и мореходныя большія суда, и я съ любопытствомъ глядѣлъ, какъ небрежно лежали и сидѣли работники или музуры. Русскій мужикъ въ одной рубашкѣ и шляпѣ, не похожей на мурмолку, а на обыкновенную мужицкую шляпу, сидѣлъ на кругу толстыхъ канатовъ, подлѣ него Калмыкъ, подлѣ Калмыка Киргизъ, подлѣ Киргиза Татаринъ, а судно чуть ли не принадлежитъ какому-то здѣшнему Персіянину. Многимъ же честолюбивымъ бродягамъ удавалось называться чужими именами и съ фальшивыми свидѣтельствами вступать въ службу, въ купцы, въ мѣщане и жить преспокойно самозванцами, до тѣхъ поръ пока несчастный случай не откроетъ ихъ происхожденія. А кто знаетъ, можетъ быть, иные оканчиваютъ мирно жизнь хорошими гражданами, добрыми семьянинами! Но рѣдкій оканчиваетъ жизнь или въ острогѣ или въ Сибири, ибо законъ рѣдко находитъ настоящее свое примѣненіе, а большею частію дѣла такого рода кончаютъ подозрѣніемъ, освобожденіемъ по недостатку уликъ или по манифесту. Сердце здѣшняго Предсѣдателя Палаты слишкомъ мягко и добро для Уголовного Судьи, и когда я, при ревизіи Палаты, замѣчалъ эту необыкновенную слабость въ наказаніяхъ, то онъ отвѣчалъ, что строгими мѣрами и сильными наказаніями нельзя улучшить свѣта и что онъ поэтому держится этой системы. А поэтому видно только то, что онъ не годится въ предсѣдатели.

---

*) По старымъ судамъ, при системѣ формальныхъ доказательствъ, кромѣ оправданія или обвиненія существовало *оставленіе въ подозрѣніи* и *въ сильномъ подозрѣніи*, что не влекло за собою никакой кары.

Прим. Изд.

Астрахань. 1844 года, Мая 30-го. Вторникъ, 10 час. вечера.

Фу! душно, жарко, весь, съ позволенія сказать, обливаюсь потомъ. Это еще ничего, нынче день прохладный, а вотъ скоро, скоро, черезъ недѣлю должно наступить безвѣтріе; и въ этотъ-то самый жаръ должны мы работать съ удвоенными силами, ибо мѣста остались самыя трудныя, да и хочется по крайней мѣрѣ хоть въ Ноябрѣ выѣхать.

Что это за несчастія случаются съ Погодинымъ! Какъ можно было такимъ образомъ сломать себѣ ногу? Охъ, ужъ эти господа ученые, сказалъ себѣ, я думаю, не одинъ человѣкъ, да и какъ-то невольно повторяешь за нимъ. Итакъ всѣ провели день 21-го числа на дачѣ у Олиньки, была маленькая суматоха на дачѣ; кажется, есть водевиль этого названія?— Обращаюсь къ себѣ собственно. Въ Понедѣльникъ получилъ я приказаніе отъ князя ревизовать Коммиссію Народнаго Продовольствія. Почему я въ Понедѣльникъ остался дома и приготовился къ этой части, совершенно для меня новой. Прочелъ Уставъ, постигъ тайну четвертей, четвериковъ, гарнцевъ и кулей и такимъ образомъ вооруженный приступилъ къ дѣлу. Въ Астраханской губерніи канцелярія Коммиссіи заключается въ Канцеляріи Губернатора, который есть и Предсѣдатель. Поэтому я отправился въ канцелярію Губернатора и первый занесъ ревизіонную руку на этотъ хаосъ безпорядковъ, злоупотребленій и упущеній. Такъ какъ все здѣсь дѣлалось кое-какъ, то я, разбивъ Канцелярію во всѣхъ пунктахъ, остался вообще доволенъ результатомъ. Надо было видѣть длинное лицо Правителя Дѣлъ. Коммиссія эта здѣсь важнѣе, нежели гдѣ въ другомъ мѣстѣ, ибо губернія Астраханская раститъ хлѣба очень мало (какія нибудь 12 тысячъ четвертей въ годъ!), а кормится привознымъ хлѣбомъ. Но отъ бездѣйствія Коммиссіи, отъ непринятія ею благоразумныхъ мѣръ, несмотря на огромное количество привозимаго хлѣба (до 200 тысячъ четвертей), цѣны на хлѣбъ зимою необыкновенно высоки. Это отъ того, что хлѣбъ въ большомъ количествѣ вывозится изъ Астрахани Уральскими Казаками, и отъ того, что сама Коммиссія не запасается достаточнымъ количествомъ хлѣба по дешевой цѣнѣ въ Великорусскихъ губерніяхъ и не выпускаетъ этого хлѣба

на продажу по цѣнѣ дешевѣйшей противъ налагаемой Астраханскими монополистами, но всетаки для Казны прибыльной. Ей это и въ голову не приходило. Мысль эту я подкрѣплю фактами, разовью и представлю при отчетѣ князю, ибо Министръ Внутреннихъ Дѣлъ спрашиваетъ насъ, какія мы придумали мѣры? Я говорилъ объ этомъ со Строевымъ и другими, которые лучше меня это понимаютъ. Кажется, они всѣ признаютъ эту мѣру лучшею, тѣмъ болѣе, что она и закономъ дозволяется. Съ Коммиссіей я кончу скоро, думаю, въ Субботу. А что ожидаетъ меня далѣе, не знаю. Можетъ быть, ревизія Казенной Палаты, можетъ быть, ревизія Канцеляріи Губернатора. А между тѣмъ у меня лежатъ на отчетѣ еще не вполнѣ оконченныя дѣла Опекунскія, съ которыми я справляюсь кое-какъ послѣ обѣда; ихъ очень не много. Не написаны отчеты по Земскому Суду, по Рыбной Экспедиціи и по Палатѣ. Впрочемъ, я все еще веду переписку со всѣми этими тремя мѣстами. Что князь ни говори, но послѣ обѣда плохое занятіе отчетами. Жаръ, усталость, обремененіе пищею позволяютъ только читать, а писать неспособно. Къ тому же я люблю дѣлать дѣло заразъ. Присѣлъ за одно, повозился за нимъ денька три и три ночи, и будетъ готово и хорошо. Поэтому я себѣ непремѣнно выпрошу свободную недѣлю на составленіе отчетовъ, тѣмъ болѣе, что онъ позволяетъ, хотя и неохотно, это другимъ, а меня гонитъ изъ мѣста въ мѣсто. Въ будущемъ Іюнѣ ревизія много подвинется впередъ, и, дастъ Богъ, въ Августѣ приступимъ къ Губернскому Правленію. Тогда есть надежда на выѣздъ въ Ноябрѣ. Право, я нахожу это неприличнымъ, и никто не оцѣнитъ нашей ревизіи. Л**, Сенаторъ, бывши здѣсь, изволилъ попользоваться деньгами отъ С****ва и далъ за то пристрастный голосъ въ его пользу, въ дѣлѣ о Каспійскомъ рыболовствѣ. Мы живемъ честно, дочерей замужъ не выдаемъ, не даемъ баловъ, не веселимся, подвергаемся всѣмъ непріятностямъ строгой ревизіи и почти ненависти ревизуемыхъ и чувствующихъ себя виновными; право, это одно достойно хвалы. Какъ благодарю я судьбу, что не попалъ къ К**, который живетъ цѣлою семьею среди Тамбовскаго beau-monde.

Астрахань, 1844 года, Іюня 4-го. Воскресенье.

Всѣ эти дни я былъ очень занятъ, работая шесть часовъ до обѣда, не вставая съ мѣста, въ Губернаторской канцеляріи и послѣ обѣда у себя дома. Хочу нынче послѣ обѣда заняться составленіемъ записки по Коммиссіи Продовольствія, гдѣ разберу каждое положеніе и разсужденіе Коммиссіи и представлю свои соображенія, которыя, впрочемъ, пошли въ ходъ и прежде этого и мнѣ же объявляются, какъ новость; главное по Коммиссіи я кончилъ, но не могу развязаться съ ея денежною отчетностью. Отъ неточнаго исполненія правилъ и соблюденія предписанныхъ формъ выходитъ такая путаница, что они и сами не имѣютъ вѣрнаго понятія о своемъ капиталѣ. Да позволено будетъ мнѣ хоть однимъ похвалиться: я такъ скоро обнялъ всѣ дѣла и положеніе вещей по этой части, что удивилъ всю канцелярію и сбиваю всякаго столоначальника, зная лучше ихъ собственныя дѣла. — Князь сдѣлался до такой степени нетерпѣливъ, что даже не хочетъ дать времени обдуматься. Предлагалъ идти нынче, въ Воскресенье, взять двухъ или трехъ чиновниковъ и заняться собственно Канцеляріей. Но я отказался, объяснивъ ему, что занятія такого рода, по Воскресеньямъ, не много подвинутъ дѣло, что мы всегда и по Воскресеньямъ занимаемся дома, и разница только въ томъ, что въ этотъ только день имѣемъ утро свободное отъ хожденія, что̀ для насъ, нуждающихся въ отдыхѣ, составляетъ большую отраду, что этотъ день употребляемъ мы на письма и проч. Право, онъ сидитъ себѣ дома на цѣлую недѣлю, пишетъ письма въ волю, а между тѣмъ не хочетъ войти въ наше положеніе до такой степени, что каждый лишній свободный часъ, нами проведенный, его мучитъ. Нѣтъ, это скучно, тѣмъ болѣе что излишнею торопливостью можно дать большой промахъ, и, какъ онъ ни торопись, но именно по данному имъ направленію ревизія продолжится еще очень долго, и я рѣшительно утверждаю, что ближе Декабря мы не воротимся. Слѣдовательно, придется здѣсь промаяться, такъ сказать, и лѣто, и осень, и снова увидѣть зиму. Не предполагалъ я прежде воротиться опять скучнымъ зимнимъ путемъ, но путь обратный, какой бы онъ ни былъ, пріятенъ, и возвращеніе

свѣтитъ мнѣ издали отрадною точкою, но отдаленною. — Какъ душно, Вы не можете себѣ вообразить; еще на наше счастье дуетъ верховый вѣтеръ, а то обыкновенно въ эту пору начинается безвѣтріе; вода, кажется, стала убывать, и скоро освободившаяся земля, палимая жгучимъ солнцемъ, дастъ такія испаренія, которыхъ не избѣгнутъ ничьи носы. Дурной сдѣлали мы разсчетъ, что самыя трудныя вещи оставили къ концу; прошу покорно въ Іюлѣ ревизовать Казенную Палату. Хотѣлъ я воспользоваться жаромъ и возможностью держать діэту. Докторъ предлагаетъ пить кумысъ, увѣряя, что онъ укрѣпитъ мышцы и желудокъ; но я на кумысъ не согласенъ: пожалуй, растолстѣю такъ, что и въ дверь не пройду, такая ужъ Аксаковская природа; между тѣмъ это питье рѣшительно безопасно.

Астрахань. 1844 года. Іюня 6-го. Вторникъ, 10-й часъ.

Въ Понедѣльникъ поутру получилъ я письма Ваши. Они представили мнѣ вполнѣ всю суету въ домѣ по случаю перевозки въ деревню и сдачи дома, но теперь ужъ этому прошло 10 дней и, вѣрно, все, по возможности, уладилось. То-то, я думаю, Гришѣ непріятно, что домъ не поспѣлъ! Время бѣжитъ такъ скоро, что недѣля проходитъ за недѣлею, а не успѣваешь выработывать урочной работы, урочной въ томъ смыслѣ, какъ самъ себѣ назначилъ, разсчелъ. Право, вотъ уже Іюнь мѣсяцъ, а между тѣмъ, несмотря на постоянные труды наши, что-то не быстро подвигается. Конечно, кромѣ ревизіи мѣстъ, у насъ много представленныхъ уже Министромъ соображеній и важныхъ проэктовъ, которые идутъ шибко и займутъ потомъ первое мѣсто, но все-таки нельзя не окончить вполнѣ ревизіи мѣстъ, а этихъ мѣстъ еще много. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ кончатся: Магистратъ, Соляное Правленіе, можетъ быть, Палата Государственныхъ Имуществъ, тамъ останутся: Совѣтъ Калмыцкаго Управленія, Судъ Зарго, Казенная Палата, Строительная Коммиссія, Сальянская Опека (т.-е. рыбныхъ Сальянскихъ промысловъ, взятыхъ въ опеку уже лѣтъ съ 30, по случаю несостоятельнаго долга Казнѣ), кое-какія мелочи и Губернское Правленіе, такъ что къ 1-му октября будетъ все кон-

чено, я полагаю. Что-же касается до отчетовъ частныхъ, по каждому присутственному мѣсту, общаго, распоряженія по нимъ и рапорта Государю, то все это съ перепиской возьметъ мѣсяца два, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что и меньше. Я даже побился объ закладъ съ Оболенскимъ, который изволитъ утверждать, что къ концу октября все будетъ готово. Я теперь ревизую Канцелярію Губернатора. Князь вчера объявилъ мнѣ, чтобъ я производилъ эту ревизію какъ можно медленнѣе и аккуратнѣе, нисколько бы не спѣшилъ. Мало этого, надо будетъ обревизовать даже и военный Штабъ, гдѣ, по распоряженію производились гражданскія дѣла. Многосложность, разнородность и запутанность дѣла выше всякаго воображенія. Для меня ревизія эта потому интересна, что я вижу теперь, какъ всѣ вѣтви, жилы управленія сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, чтó именно останавливаетъ свободное кругообращеніе, словомъ, механизмъ управленія, нынѣ существующій, дѣлается мнѣ виднѣе и знакомѣе. Конечно, одинъ человѣкъ не въ состояніи былъ бы безъ этого механизма, управлять губерніей, но и при этомъ механизмѣ, столь облегчающемъ личную работу, если плохъ Правитель, механизмъ движется плохо, часто останавливается. А много работы будетъ мнѣ въ Канцеляріи и на долго, такъ что если не успѣю кончить въ Іюнѣ, то и Казенную Палату, вѣроятно, не буду уже ревизовать. Теперь я только одинъ съ Нѣмченко и насилу успѣваю съ просмотромъ неисполненныхъ бумагъ, съ повѣркою входящихъ съ настольными и проч., между тѣмъ какъ этимъ могли бы заниматься и другіе. Поэтому я настоятельно буду просить Князя, чтобъ онъ прибавилъ мнѣ еще двухъ помощниковъ, которымъ я поручу, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, ревизію канцелярскаго порядка, дѣланіе выписокъ и проч., а самъ займусь болѣе важными предметами по ревизіи Губернаторской Канцеляріи. Теперь же я едва успѣваю; въ Канцеляріи читать дѣла некогда, послѣ обѣда едва успѣешь прочесть одно или два, а ихъ бы надо читать по дюжинамъ въ день. Послѣ обѣденнаго отдыха на балконѣ, когда почти всѣ, напившись чаю и пользуясь чудесными вечерами, отправляются гулять, я одинъ остаюсь дома и сажусь за работу и долженъ при-

томъ имѣть непріятное убѣжденіе, что такимъ образомъ все еще не скоро будетъ подвигаться работа.—Однако довольно, довольно о служебныхъ занятіяхъ. Поговоримъ о другомъ. Въ четвергъ получилъ я письма Ваши отъ 30-го мая. Дожди, говорятъ, испортили дорогу, и почта начинаетъ снова опаздывать. Поэтому я, вѣроятно, не получу письма завтра, въ воскресенье, а развѣ только въ понедѣльникъ, предъ самымъ уходомъ на службу, что мнѣ очень досадно, потому что полученіе писемъ составляетъ для меня необыкновенное удовольствіе. Коль скоро я получаю письма въ свободное время, то сейчасъ беру лучшую сигару, бѣгу на балконъ, устроиваюсь въ креслахъ самымъ удобнѣйшимъ образомъ и начинаю чтеніе писемъ. Чѣмъ дольше продолжается это чтеніе, т. е. чѣмъ больше писемъ, тѣмъ дольше и сильнѣе продолжается мое наслажденіе. О, почта, почта, великая вещь! Почтальонъ, вѣкъ свой скачущій взадъ и впередъ, безъ участія къ радостнымъ и горестнымъ извѣстіямъ, наполняющимъ его сумку, полезнѣйшее существо въ мірѣ, но почтальонъ, разносящій по городу письма, имѣетъ въ себѣ что-то необыкновенно милое и привлекательное. Теперь, подъ управленіемъ Адлерберга, почтовое вѣдомство стало еще лучше, и, право, грѣшно было бы не благодарить Правительство за тѣ удобства жизни, которое оно старается намъ доставлять,—хоть въ этомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ Четверговою почтою пріѣхалъ и Москвитянинъ. Въ немъ нѣтъ ничего интереснаго, кромѣ грамоты Григорья Нагаго, жалующаго вотчиною своего слугу. Константинъ давно мнѣ говорилъ про это, но мнѣ не случалось видѣть грамотъ, на которыя онъ указываетъ. Но эта грамота, такъ ясно доказывающая его предположенія, можетъ навести на другія соображенія и озаряетъ вдругъ свѣтомъ темную сторону, которую теперь будетъ легче разработывать, что я, впрочемъ, съ своей стороны предоставляю прилежнымъ молодымъ людямъ, Валуеву, Елагинымъ и мучителю - красавцу Панову. Чѣмъ занимается, что предпринялъ этотъ отличный молодой человѣкъ? Ну вотъ, Вы думаете сейчасъ, что я шучу. Совсѣмъ нѣтъ, я серьезно признаю его таковымъ. Есть у насъ и другой человѣкъ, цѣлый мужъ, и мнѣ часто мерещится кабинетный столъ, на столѣ чернильница съ за-

сохшими чернильными пятнами на мѣди, изуродованныя перья, кипа бумагъ, кажется, оконченная диссертація, широчайшая ладонь, крѣпко лежащая на зеленомъ сукнѣ, съ пальцами, выпачканными чернилами, засученный рукавъ и.. «Ничего, ничего, молчаніе»!—Сейчасъ Петръ принесъ мнѣ съ погреба кумысъ. Я рѣшился пить кумысъ и ужъ я? кажется, седьмой стаканъ изволю выпивать. Я пью по три стакана въ день, не держу, разумѣется, никакой діэты и доволенъ кумысомъ, хотя онъ немножко кисленекъ. Подряженный мною Татаринъ приноситъ ежедневно свѣжаго кумыса; большая полоскательная чашка стоитъ 12 копѣекъ мѣдью; не раззорительно по крайнѣй мѣрѣ, да и пью я не одинъ, а съ Блокомъ и съ Оболенскимъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о томъ, привели ли вы въ порядокъ свое житье, т.-е. отдѣлана ли деревня, переѣхали ли дѣти и проч. Также о томъ, куда я долженъ адресовать свои письма? Въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы, милая Маменька, совѣтуете мнѣ не жениться рано. О, будьте спокойны, я такъ же мало о ней думаю, какъ Богородскій дьячекъ объ Австрійскомъ Императорѣ; да къ тому же памятенъ мнѣ видъ этихъ бѣдныхъ чиновниковъ, оженившихся, обремененныхъ дѣтьми, которыхъ нельзя ему воспитывать какъ крестьянскихъ дѣтей и которые, не получивъ нигдѣ образованія, начинаютъ службу съ низшихъ мѣстъ, воруютъ, женятся, опять воруютъ, пьютъ съ горя, исчезаютъ съ лица земли, и такъ поглощается въ массѣ человѣчества жизнь бѣдная, жалкая, ничтожная этихъ жалкихъ людей. Если смотрѣть съ высока, такъ приливъ и отливъ этихъ явленій необходимъ и является, можетъ быть, величественно разумнымъ, но если смотрѣть вблизи, то жалко становится этой даромъ рожденной и приносимой въ жертву личности. Да, такъ я хотѣлъ сказать, что главная причина бѣдности этихъ людей—женитьба, но надо признаться, что бѣдная, одинокая тварь, ищетъ онъ себѣ мирнаго, грязнаго уголка и семейнаго удобства, и что естественно это желаніе. Вы не повѣрите, какое чувство возбуждаютъ во мнѣ эти люди и ихъ казенная судьба. Сюда, по недостатку собственныхъ произведеній, присылаются писцы изъ заведеній Приказа другихъ губерній, изъ заведеній канцелярскихъ служителей. Эти голые сироты, которыхъ пріютило Правительство, воспитало ду-

ши ихъ подъ одну гребенку, выучило писать четкимъ почеркомъ, пересылаются на казенный счетъ (въ которомъ всякая седьмая копейки строго разсчислена) въ чуждый совершенно край, пишутъ весь вѣкъ и живутъ. Конечно, Правительство не дало имъ умереть съ голоду, но лучше было бы, кто знаетъ, или оставить ихъ на свободѣ, или сдѣлать полезныхъ ремесленниковъ, нежели образовывать изъ нихъ этотъ гнилой классъ межеумковъ между простолюдинами и образованными людьми. Вчера (эту страницу пишу уже я въ Воскресенье) было 10-е Іюня, кажется, самый должайшій день. Грустно думать, что скоро вновь начнетъ уменьшаться дневной свѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ Астрахани мы не испытаемъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ, а пріѣдемъ провождать ихъ въ Москву. Еще много разъ обернется почта! Искалъ, искалъ я живописца, но нигдѣ не нашелъ; въ Астрахани не только генія, не только таланта, не только художника, не только обыкновеннаго живописца, простаго рисовальщика, но даже и сноснаго маляра нѣтъ! Придется самому срисовывать. А какъ хорошо, напримѣръ, теперь, въ эту минуту. Я сижу на балконѣ и пишу къ Вамъ, день ясный и праздничный, почти совершенно тихо, слегка лишь вѣтерокъ рябитъ иногда поверхность этой огромной массы воды, затопившей красивую слободу, которой дома отражаются въ водѣ невѣрными, продолжительными линіями. Еслибъ я умѣлъ рисовать!—Скажите, что хорошаго, свѣтлаго теперь въ Москвѣ, въ кругу знакомыхъ, въ литературѣ, въ наукѣ? Порадуйте меня хоть чѣмъ-нибудь, а то я совершенно отстану отъ вѣка. Кстати: когда же диспутъ Самарина, какъ обошлись профессора съ его диссертаціей? Кажется, Вѣра писала мнѣ, что диспутъ 15-го Мая, но я имѣю извѣстіе отъ 30-го Мая, а о диспутѣ ни слова; или отложенъ онъ до зимы, такъ какъ теперь почти всѣ разъѣхались?—Прощайте. Цѣлыя кипы скучныхъ дѣлъ ожидаютъ моего прочтенія; придется приняться за нихъ, хотя и жалко единый свободный день употреблять на такую работу. Олинькѣ пишу особо. Скажите Константину, что мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ нимъ на письмѣ, но пусть онъ на меня не сердится. Право, некогда не только писать, но и обдумывать серьезный предметъ. Радъ, радъ, что иногда можешъ ничего не думать.

Суббота, 17-го Іюня, 1844 года, вечеръ. Астрахань.

Въ прошедшее Воскресенье вечеромъ получилъ я небольшое письмо отъ Васъ. Въ Середу ожидалъ я получить описаніе Самаринскаго диспута, но вмѣсто того получилъ, кажется, съ тысячу конвертовъ, за которые очень благодаренъ, но которыхъ большую часть, дастъ Богъ, привезу назадъ. Самъ я не писалъ къ Вамъ въ Середу потому, что рѣшительно было некогда. Я теперь занимаюсь очень дѣятельно, т.-е. больше другихъ; и столько, сколько въ состояніи допустить усталость отъ работы и жара. Если я теперь пишу, такъ потому, что завтра благодатное Воскресенье, день, въ который я себѣ позволяю (по закону, какъ бы сказалъ Костя) полѣниться, день, въ который освобожденъ я отъ хожденія къ должности. И теперь лежать около меня кипы бумагъ и дѣлъ, для разсмотрѣнія которыхъ едва-едва нахожу время, а товарищи мои большею частію разбрелись. Если я теперь занимаюсь больше ихъ, такъ это потому, вопервыхъ, что старшимъ чиновникамъ или лицамъ, ревизующимъ отдѣльно, самостоятельно, всегда больше дѣла, такъ какъ на нихъ лежитъ и отвѣтственность; вовторыхъ, что я вообще усердный чиновникъ, да и не могу ограничиться одною очисткою, а хочется что-нибудь выкопать сочное, дѣйствительно нужное и полезное; въ третьихъ, потому что при ревизіи Канцеляріи за какіе-нибудь 10 лѣтъ открывается много въ отношеніи къ пользамъ губерніи такихъ вещей, которыя требуютъ обсужденія и дальнѣйшаго хода; сюда стекаются всѣ рѣшительно отрасли управленія и въ видѣ очень подробномъ; насилу можно справиться при ревизіи съ одною хозяйственною частью губерніи.—Жары несносныя; хотя нынче въ тѣни было только 24 градуса, но отъ тротуаровъ, отъ камня такъ жарко, что нельзя пройти и двухъ саженъ, не облившись потомъ. Но все-таки намъ погода благопріятствуетъ. Нынче вечеромъ удушливая моряна нагнала тучи, которыя сыграли маленькую грозу, а теперь, когда я пишу къ Вамъ въ комнатѣ съ отворенною на балконъ дверью, и мнѣ такъ душно, что я не знаю, что дѣлать, темныя облака обложили горизонтъ и отдаленная молнія безпрерывно разсѣкаетъ ихъ. Самое лучшее время ночь, и мы, пользу-

ясь нашимъ чудеснымъ балкономъ, часу въ 12-мъ пьемъ чай и просиживаемъ иногда до часу. Когда будутъ готовы полога, то я хочу спать по ночамъ на балконѣ. Вода все сбываетъ, но еще ей осталось надолго сбывать.—Итакъ диспутъ Самарина былъ 3-го Іюня. Съ нетерпѣніемъ ожидаю описанія, хотя по новости и спеціальности предмета интересныхъ споровъ мало предвидится. Вы разбираете милый Отесинька, напечатанную часть диссертаціи. Но вѣдь напечатана, я думаю, одна третья часть, которая, кажется, должна быть окончательнымъ сводомъ результатовъ и подкрѣпительныхъ ссылокъ, а самое интересное не напечатано. Впрочемъ, не знаю, ибо никто, кромѣ Васъ иногда, не сообщаетъ мнѣ столь же аккуратныхъ и подробныхъ, мелочныхъ извѣстій, какъ я въ своихъ письмахъ. Если можно, такъ пришлите мнѣ эту третью часть. Каковъ былъ пиръ? Радушный ли? Да, и я скажу съ Вами: когда-то у насъ будетъ пиръ по этому случаю! Меня разъ извѣстили, что диссертація окончена. Скажите пожалуйста, что же дальше, что было сдѣлано въ эти четыре мѣсяца? Что-то скажутъ письма завтра? Но сказавши, что Вы не совсѣмъ здоровы, Вѣра могла бы увѣдомить хоть въ двухъ словахъ во Вторникъ. Ахъ, будьте только здоровы, и я съ нетерпѣніемъ буду ожидать конца ревизіи —Каковы стихотворки мои сестрицы? Софья и Марихенъ, я знаю, сочинительницы, но Любу я вовсе не предполагалъ стихослагательницею. Нѣтъ, ужъ это, видно, въ семействѣ, въ крови. Что вы думаете, и у Вѣры Сергѣвны, и у Олиньки, и у Нади, и у всѣхъ таится стихослагательная способность, кто знаетъ? Попробовать, попробовать непремѣнно. «А ну, ну, начинай, Грицко, вотъ такъ, вотъ такъ! А ну, ну, Вѣра, ну, ну, Оля!» А вѣдь стихи многіе очень хороши:

На поднебесную обитель
Я промѣнялъ свой кабинетъ!

Воскресенье. Всю ночь шелъ дождикъ, но сухость температуры едва смягчилась, и нынче поутру было опять 23 градуса въ тѣни. Теперь же въ 10 часовъ, въ это самое время я пишу на балконѣ, а теплый и сильный дождикъ

взрываетъ непрерывно поверхность воды. Превосходно! Слава Богу, нашелъ я себѣ живописца, самымъ случайнымъ образомъ. Надо Вамъ сказать, что князь въ шутку или серьезно совѣтуетъ мнѣ развлеченія, зная, что я не хожу прогуливаться на Варваціевскій каналъ и не имѣю никакого предмета, меня занимающаго, кромѣ службы. Такъ въ прошедшее Воскресенье за обѣдомъ звалъ онъ меня съ собой посмотрѣть, какъ уродуютъ Севильскаго Цирюльника на Астраханской сценѣ. Разумѣется, это было принято въ шутку, потому что ходить въ здѣшній театръ скорѣе наказаніе, нежели удовольстіе. Каково же было мое удивленіе, когда въ Воскресенье, часовъ 8 вечера сижу я одинъ у себя на верху и вдругъ слышу голосъ Князя, который зоветъ меня снизу. Сбѣгаю, и онъ даетъ мнѣ одинъ билетъ въ театръ и приглашаетъ идти съ собой вмѣстѣ. Мы пошли, просидѣли въ театрѣ четверть часа, произвели необыкновенный эффектъ своимъ появленіемъ и воротились домой, зная, что пришла почта. На этой недѣлѣ также заставилъ онъ меня поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ казенный загородный садъ, гдѣ разводятся разныя южныя и восточныя растенія. Климатъ способствуетъ, но почва, песчаная и солонцоватая, много мѣшаетъ. Все еще въ началѣ и стоитъ большихъ трудовъ и издержекъ. Нашли мы тамъ Нѣмца, выписнаго садовника, съ которымъ я немилосердно коверкалъ Нѣмецкій языкъ и который съ необыкновенною любовью и неутомимо трудится надъ садомъ. Съ восхищеніемъ и гордостью показывалъ онъ мнѣ сосну, которая здѣсь не произрастаетъ, а у него прінялась. Но при взглядѣ на эту сосну всякій бы изъ насъ, Сѣверныхъ жителей, лопнулъ со смѣха. Вообразите, что эта сосенка не болѣе вершка и посажена въ какомъ-то ящичкѣ, около котораго онъ ухаживаетъ съ необыкновенною заботливостью. Нѣмецъ этотъ, любитель природы, самъ рисуетъ, и, кромѣ того, у него есть Нѣмецъ пріятель, привезенный имъ изъ Германіи. Сейчасъ Нѣмецъ-садовникъ принесъ Князю разную зелень и зашелъ ко мнѣ на балконъ, восхитился видомъ и просилъ позволенія срисовать для себя. Я, разумѣется, самъ попросилъ его объ этомъ, и Нѣмецъ-садовникъ съ Нѣмцемъ-живописцемъ будутъ ходить сюда въ тѣ часы, когда насъ не бываетъ дома, снимать виды. Нынче

въ Институтѣ (и здѣсь есть женскій Институтъ) окончательный выпускной экзаменъ или публичный экзаменъ, съ музыкой и пляской. Всѣ приглашены, но я, разумѣется, не поѣду. Одно одѣванье въ эту душную погоду стоитъ того, чтобъ не ѣхать, да и отраднѣе сидѣть на балконѣ.—Теперь насъ очень занимаютъ Киргизы. Министръ Киселевъ просилъ обратить особенное на нихъ вниманіе по вліянію ихъ на большую Киргизскую Орду, не находящуюся въ нашихъ предѣлахъ и занимающую огромное пространство по границѣ Оренбургской губерніи, Сибири, Китая и другихъ государствъ Средней Азіи. Но есть другая Орда, внутренняя, кочующая частію въ Оренбургской губерніи, частію въ Астраханской, куда перешелъ Ханъ Букей. Теперешній Ханъ— сынъ его Джангиръ. Живетъ онъ на лѣвой сторонѣ Волги, верстахъ въ 200 отъ Астрахани. Человѣкъ необыкновенно умный и образованный и стремящійся привлечь Киргизъ къ осѣдлости. У него зимняя ставка при Нарымъ-пескахъ, гдѣ онъ имѣетъ великолѣпный домъ и живетъ по хански, правитъ своими Киргизами, получаетъ всевозможные журналы, угощаетъ еженедѣльно русскихъ и старается ввести въ своемъ полудикомъ народѣ нѣкоторое просвѣщеніе. Теперь около его дома кибитокъ со сто замѣнились сотнею же домовъ. Разумѣется, ходитъ онъ въ Киргизскомъ платье, не Христіанинъ, пьетъ кумысъ самъ, а гостей подчуетъ шампанскимъ и соблюдаетъ Киргизскіе обычаи, но не по убѣжденію, а потому, чтобы удержать Киргизовъ въ повиновеніи. Разъ взбунтовались они за стремленіе къ Европейской цивилизаціи, хотя Ханъ не употребляетъ никакихъ особенныхъ принудительныхъ средствъ. Сынъ его воспитывается въ Петербургѣ, въ одномъ изъ лучшихъ военныхъ заведеній. Титулъ Хана: *высокостепенный*, но Киргизу необыкновенно лестенъ титулъ Превосходительства: онъ Генералъ-Маіоръ, и смѣшно видѣть его подпись на оффиціальныхъ бумагахъ и отношеніяхъ (у него своя русская Канцелярія): Генералъ-Маіоръ Ханъ Джангиръ. Все равно, но его управленіе смягчитъ дикость Киргизскихъ нравовъ и такъ какъ Киргизы наши подданные, то сдѣлаетъ ихъ намъ болѣе полезными. Князь обложился теперь книгами и сочиненіями о Киргизахъ и имѣетъ намѣреніе съѣздить къ Нарымъ-пескамъ, гдѣ лѣтомъ, кажется, бываетъ до-

вольно большая и разнообразная ярмарка. Это новое порученіе, можетъ быть, еще отдалитъ нашъ отъѣздъ, т. е. отвлечетъ отъ занятій нѣкоторыхъ. Тутъ еще Розановъ вздумалъ заболѣть, но, надѣюсь, скоро встанетъ и примется за работу. — Кумысъ мой продолжаетъ оказывать то же дѣйствіе, какъ и прежде. Надо бы съ нимъ больше движенія, меньше сидячей работы, надо бы его пить въ деревнѣ, а не въ городѣ. Онъ даетъ необыкновенную бодрость и крѣпость тѣлу. Теперь у насъ въ ходу вишня. Такъ называемая Шпанская (хоть не настоящая) продается по гривеннику сотня, и мы съ Оболенскимъ завели ежедневное истребленіе 200 вишень. Я думаю, и у Васъ вишня начинаетъ показываться. За то здѣсь нѣтъ никакихъ ягодъ. Опять дѣлается душно.—Что сказать Вамъ еще? Право, не придумаю. Надѣюсь кончить на нынѣшней недѣлѣ Канцелярію. Странно, при словѣ: *кончить* сейчасъ подвертывается слово: *диссертація*. А тамъ, тамъ опять что-нибудь, или Строительная Коммиссія, или Казенная Палата. Слава Богу, что время проходитъ для насъ такъ скоро, что недѣля смѣняется недѣлею не замѣтно; слѣдовательно, мы быстро примчимся ко времени нашего отъѣзда, который все таки не будетъ ближе Декабря.—Письмо это получится Вами 26-го или 27-го. 25-го числа, по случаю праздника, вѣрно, стукъ колесъ въ паркѣ обезпокоитъ Олиньку, а поднявшаяся пыль напудритъ Вашъ домикъ и цвѣты, стоящіе на балконѣ, и эта исторія повторится 1-го Іюля. А мы въ эти дни въ мундирахъ отправимся въ соборъ, гдѣ должны будемъ стоять цѣлую обѣдню.—Однако пора кончить. Насилу и это написалъ, потому что безпрестанно приходили мнѣ мѣшать. Теперь уже второй часъ, и потому я кончаю свое письмо.

Астрахань. 1844 года, Іюня 24-го. Суббота.

Какъ скоро пролетѣла недѣля! Давно ли, кажется, было Воскресенье, а вотъ теперь опять Субботній вечеръ. Очень, очень радъ я успѣху Самарина; впрочемъ, этого я и ожидалъ. Эта минута торжества и блистательнаго успѣха останется ввѣкъ свѣтлымъ воспоминаніемъ. И эти минуты стоятъ многихъ сладкихъ ощущеній въ жизни. Отъ души позд-

равляю Самарина. Надо при этомъ замѣтить, въ чемъ именно полезно посѣщеніе свѣтскаго общества: это именно въ пріобрѣтеніи ловкости, находчивости, неконфузливости, такихъ свойствъ, которыя въ соединеніи съ истиннымъ достоинствомъ и дарованіемъ ручаются за блистательныя побѣды; пусть дорогой камень будетъ въ приличной оправѣ. Надѣюсь, что Самаринъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ воротится въ Москву и простится съ нею и Костей, какъ слѣдуетъ. — Вы замѣчаете, что сухость и пустота работы мнѣ надоѣла. Дѣйствительно надоѣла, и подъ часъ становится очень тяжело. Я обыкновенно горячо занимаюсь служебнымъ дѣломъ, съ жаромъ пишу свои отчеты, замѣчанія, борзо и сильно защищаю свои мнѣнія и тогда я вовсе не скучаю и охотно работаю, стараясь не идти битою тропою, дѣлать не для одной очистки, а желая извлечь пользу настоящую. Нерѣдко приходится мнѣ толковать и сильно спорить съ княземъ, который не можетъ заниматься ничѣмъ равнодушно и очень любитъ перебирать предметъ съ нами молодыми. Но иногда разныя обстоятельства совершенно меня охлаждаютъ: лѣнивъ ли я отъ природы, и трудъ физическій меня утомляетъ, не знаю; мнѣ кажется тогда смѣшною и ложною моя горячность и увлеченіе, а сильная работа безплодною и безполезною. Въ самомъ дѣлѣ, что я за горячій человѣкъ, что я за пылкій юноша! Какое-то полу-миндальное мыло, а не юноша. И отъ того, что пылъ мой былъ или мнимый или напряженный, онъ не слишкомъ долго поддерживаетъ меня, и тогда-то вперяю я грустный взоръ на кипы дѣлъ и бумагъ, кругъ меня лежащихъ. Вѣдь надо признаться: что, кромѣ службы, наполняетъ меня здѣсь въ Астрахани собственно? Рѣшительно ничего. Благоразуміе лежитъ на мнѣ свинцомъ, и сердце не бьется такъ, такъ какъ у 20-тилѣтняго. Книгъ я рѣшительно никакихъ не читаю; самою Астраханью заниматься некогда, да я здѣсь и не путешественникъ; стихи не пишутся, и только одни служебныя занятія и участіе къ чести и блеску нашей ревизіи могутъ хоть сколько-нибудь наполнить меня. Когда же и эти послѣднія начинаютъ блѣднѣть, такъ ничего не остается. Мнѣ одна отрада: Ваши письма. — Нынче кончилъ я Губернаторскую Канцелярію и до 1-го Іюля намѣренъ ос-

таться дома и писать отчетъ по Коммиссіи Народнаго Продовольствія, да прочесть кое-какія дѣла изъ Канцеляріи, если только не пошлютъ куда-нибудь прежде этого срока. Но во всякомъ случаѣ ревизія быстро подвигается, и время за занятіями проходитъ скоро, такъ что въ Сентябрѣ кончимъ ревизію присутственныхъ мѣстъ и тогда въ концѣ Ноября или въ первыхъ числахъ Декабря поѣдемъ. Какова у Васъ погода? У насъ постоянно жаркая, хотя она и сопровождалась грозами; теперь же, кажется, настанетъ бездождіе и самое знойное время. Вода быстро сходитъ, и жалко мнѣ разставаться съ нею; если этотъ Нѣмецъ не придетъ на дняхъ снимать видъ, такъ, пожалуй, воды не будетъ, и ландшафтъ потеряетъ свою прелесть. А какіе чудесные вечера! Это чудо! Здѣсь рано и быстро наступаетъ ночь, сумерковъ нѣтъ почти, но теплота и тишина ночи восхитительны. Мы обыкновенно пьемъ чай на балконѣ и почти все свободное время проводимъ тамъ, даже занимаемся. А ночью отъ безпокойныхъ мухъ спасаемся подъ пологами, сдѣланными изъ рѣдинки, не пропускающей ни малѣйшаго насѣкомаго. А какъ несносно теперь. Зажжена свѣча и на столѣ лежитъ бѣлая бумага, такъ только и слышишь, какъ щелкаютъ, падая, жуки или тараканы съ потолка, только и видишь, какъ ползетъ какое-нибудь непріятное твореніе. Тутъ гудитъ басомъ толстая муха, а здѣсь подъ самымъ ухомъ пищитъ дискантомъ комаръ.—Обращаюсь къ Вашему письму. Все, что Вы пишите про мистерію, меня больше удивляетъ. Чѣмъ строже я разбираю, тѣмъ болѣе нахожу въ ней недостатковъ, и мнѣ было бы очень непріятно основать на ней свои права въ обществѣ, какъ говоритъ Вѣра.—Нынче 25-е, праздникъ. Ѣдемъ въ соборъ, въ полной формѣ. И скучно и жарко. Постараюсь подъ какимъ-нибудь предлогомъ освободиться отъ поѣздки. Утомительно это стояніе въ мундирѣ. Пріемъ у князя уже начался. Пропасть экипажей наполнили дворъ, а чиновный людъ гостинную. Мнѣ это перестало быть интереснымъ, а потому я и не сошелъ сверху. Сцена щеки, не получившей поцѣлуя, уже не повторится. Я думаю, Вы часто удивляетесь разнорѣчивому духу моихъ писемъ. Можно ли вывести изъ нихъ точное и вѣрное понятіе о человѣкѣ и его настоящемъ на-

значенія? Никакого, я думаю. Право, я не знаю, изъ чего мнѣ хлопотать въ этой жизни, когда я въ себѣ не чувствую ни къ чему призванія, не имѣя ни задушевныхъ вѣрованій, ни первоначальныхъ убѣжденій. Погонюсь за однимъ, но не слыша въ себѣ священнаго пламени, останавливаюсь съ сомнѣніемъ, съ тоскою; невольно скажешь:

...И обнажая смыслъ въ тиши,
Сознанье внутреннее губитъ
Восторги ложные души!

Чѣмъ болѣе я вникаю я въ себя, тѣмъ яснѣе вижу, что составленъ изъ двухъ главныхъ началъ: лѣни и тщеславія. Воспитаніе намотало на нихъ разныя пеленки, сдавило благоразуміемъ, но тщеславіе, пробиваясь, вскружило было голову, что и честолюбивъ то я, и дѣятеленъ, и даровитъ. Но когда лѣнивое и спокойное благоразуміе беретъ верхъ, то ни дѣятельности, ни честолюбія не вижу я въ душѣ своей; напротивъ, проникая въ глубь, вижу одну лишь мертвую пустоту и равнодушіе. Ничего не можетъ быть мельче, несноснѣе чувства тщеславія. Оно неотвязно преслѣдуетъ человѣка, какъ муха. Сгонишь съ одного мѣста, является на другомъ: вполнѣ побѣдить его едва ли есть возможность. Но тягостнѣе внутреннее сознаніе и благоразуміе: оно сковываетъ даже физику человѣка, лишая его сводобныхъ движеній, охлаждаетъ жаръ въ сердцѣ, заставляетъ цѣпенѣть чувство въ мертвомъ покоѣ. Чувства мои не такъ сильны и легко поборимы. Одно тщеславіе бунтуетъ: поэтому-то и моя горячность въ дѣлахъ службы, гдѣ раздольно тщеславію. Борьба, давняя борьба тщеславія съ внутреннимъ безжалостнымъ сознаніемъ, борьба безъ содержанія, жизнь безъ юности, безъ увлеченія чувства—вотъ что съ раннихъ лѣтъ досталось мнѣ въ удѣлъ, а на долго ли, ни знаю. Не живемъ мы въ прежнія времена, а настоящее безотрадно, будущее блѣдно. Тяжело сказать самому себѣ, помните?—строфу: *немного я въ тебѣ нашелъ* и проч. Не могу понять, для чего я существую и живу такою странною жизнью. Гадокъ человѣкъ, сознающій свою собственную дрянность и свое ничтожество.—Знаю я, что эти минуты смѣнятся другими,

которыя опять уступятъ имъ мѣсто. Скучная перспектива. Хотѣлось бы мнѣ очень отрѣшиться ото всего и обновиться въ трезвительномъ уединеніи! Но препятствуютъ матеріальныя средства, условія дѣйствительности. Ждешь, выжидаешь, скрѣпя сердце, а время, не останавливаясь, совершаетъ свой кругооборотъ, съ нимъ вращается и жизнь, и человѣку или некогда воспитаться духовно, и, откладывая и заглушая, поглощается онъ пошлымъ существованіемъ,—или же слишкомъ поздно достигаетъ онъ желаемаго обновленія и съ горькимъ, безсильнымъ чувствомъ смотритъ назадъ, на даромъ прожитое время. И это жизнь!—Право, не знаю, что сообщить Вамъ еще. Ничего другаго не лѣзетъ въ голову. Вы знаете, что я совершенно здоровъ, постоянно занятъ и почти не вижу, какъ проходитъ время; знаете, что буду я дѣлать и на будущей недѣлѣ. Разсказывать, описывать, кажется, нечего. Прощайте, будьте здоровы и совершенно спокойны на мой счетъ. Досадно мнѣ будетъ, если письма мои въ такомъ родѣ будутъ огорчать и озабочивать Васъ. Да и я напрасно дѣлаю, что попускаю себѣ писать, какъ мнѣ думается: въ эту минуту у Васъ слишкомъ много другихъ заботъ. Если можно, такъ постарайтесь мнѣ прислать, въ видѣ лекарственнаго рецепта, стихи К. К. Павловой, изъ которыхъ я помню только одинъ стихъ: *«перстомъ коснется бытіе!»*

Астрахань. 1844 года, 1-го Іюля. Суббота.

На этой недѣлѣ получилъ я два письма отъ Васъ: отъ 17-го Іюня и отъ 20-го, очень интересныя и нѣсколько наполнившія мнѣ эту недѣлю. Въ письмѣ отъ 20-го Вы опять упоминаете о мигренѣ; получу ли я съ завтрашней почтой извѣстіе о прекращеніи ея? Что это у Васъ за погода? Дожди сильные и здѣсь и нерѣдко грозы, словомъ, Астраханцы не могутъ постигнуть, что сдѣлалось съ ихъ климатомъ,—но для насъ, жителей Сѣвера, духота нестерпимая. Вообразите, что теперь почти два мѣсяца термометръ не сходитъ съ. 22-хъ, а частехонько 23 и 24 совершенно въ тѣни. Воздухъ такъ тепелъ, что и днемъ и ночью не знаешь, какъ быть. Почти всѣ наши изнемогаютъ отъ жара, меня однако

поддерживаетъ кумысъ и чувство служебнаго долга, надоѣвшее мнѣ до крайности. Дѣйствительно, работаю я много въ сравненіи съ другими, несмотря на жаръ, но это какъ-то мало утѣшаетъ и меня самого. Министры обрадовались, что ихъ порученія исполняются такъ отчетливо и, кажется, все, что только у нихъ есть относящееся до Астрахани, готовы прислать къ намъ для мѣстныхъ соображеній.—Очень, очень благодаренъ я Вѣрѣ за присылку стиховъ Каролины Карловны. Мнѣ давно хотѣлость стиховъ, и я какъ будто нарочно упоминаю о нихъ въ предъидущемъ письмѣ моемъ и прошу ихъ какъ рецепта. Прекрасны стихи эти:

И я встрѣчаю, съ нимъ не споря,
Спокойно нынѣ бытіе,
И горестнѣй младаго горя
Мнѣ равнодушіе мое!

Прекрасны и другіе стихи, но я вовсе не раздѣляю вѣры, что юныя надежды исполнятся хоть въ образѣ другомъ. Нѣтъ, я такъ увѣренъ, что судьба идетъ наперекоръ надеждамъ и мечтаніямъ, что давлю въ себѣ каждую гордую надежду.

Оставь тревожныя мечты,
Услышь совѣтъ благоразумный...

Хоть въ образѣ другомъ! Нѣтъ, это не совсѣмъ утѣшительно.—Итакъ Константинъ снялъ съ себя дагеротипъ въ русскомъ костюмѣ: истый Москвичъ, съ Татарскою фамиліею и Нормандскаго происхожденія, въ костюмѣ XVII столѣтія, сшитомъ Французскимъ портнымъ, изобрѣтеніемъ западнымъ XIX вѣка, передалъ черты лица и Святославской шеи мѣдной доскѣ для пріятеля, свѣтскаго молодаго человѣка! Хотѣлось бы мнѣ очень посмотрѣть. Только продѣлка съ ветчиной мнѣ даже не смѣшна. Неужели прежніе примѣры не приносятъ ему никакой пользы? Я, право, серьезно этимъ огорчаюсь. Зачѣмъ прослывать чудакомъ, оригиналомъ?—На нынѣшней недѣлѣ я оставался дома. Первые три

дня писалъ отчетъ по Коммиссіи Народнаго Продовольствія, написалъ, переписалъ и подалъ въ Четвергъ поутру. Четвергъ былъ праздникъ, 29-е Іюня. Кстати, поздравляю милую Маменьку съ разговѣньемъ. Такъ какъ въ Субботу 1-го Іюля тоже праздникъ, то я предпочелъ остаться Пятницу дома и заняться, а не начинать новаго мѣста. Отчетъ я написалъ скоро и хорошо, какъ кажется. Да что за «какъ кажется»! Я самъ знаю, что отчетъ этотъ, такъ скоро оконченный, при многочисленности содержанія и при величинѣ объема, написанъ дѣльно и хорошо, имѣетъ множество вѣрныхъ и тонкихъ замѣчаній и будетъ имѣть большія послѣдствія для края. Вы очень хорошо понимаете, что въ Астраханской губерніи, гдѣ зимою такъ дорогъ хлѣбъ и гдѣ нѣтъ собственнаго хлѣба, часть народнаго продовольствія очень важна. Ни одна изъ мѣръ, предпринятыхъ до сихъ поръ, не достигала своей цѣли. Крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ немного, и по окончаніи сплава (т. е. привоза водою) они дѣлаютъ между собою стачку и продаютъ хлѣбъ по такой цѣнѣ, по какой хотятъ. Не откуда взять хлѣба и покупаютъ, дѣлать нечего. Перовскій просилъ обратить на эту часть особенное вниманіе. Разумѣется, ни Князь, ниже здѣшнія власти, никто, словомъ, не имѣлъ понятія о народномъ продовольствіи (между тѣмъ, какъ жалобы на дороговизну общія); члены Коммиссіи ни разу не собирались для совѣщаній, а Канцелярія ея была въ величайшемъ безпорядкѣ. Слѣдовательно, я вступилъ въ ревизію Коммиссіи безо всякихъ данныхъ. И могу сказать, что ревизія не только открыла важныя злоупотребленія, но даже открыла новый значительный капиталъ, какъ денежный, такъ и хлѣбный, который совершенно былъ упущенъ изъ виду,—въ долгахъ, и будетъ теперь взысканъ. Мнѣ было пріятно за нимъ работать, безъ труда просидѣлъ я до 6-го часу утра за нимъ. Впрочемъ, Князь, кажется, или не оцѣниваетъ его, или не хочетъ мнѣ говорить о немъ, хотя дѣлаетъ разныя распоряженія и все по отчету. Вѣроятно, онъ боится усилить во мнѣ самолюбіе, такъ какъ я и безъ того уже сравненъ имъ со старшими чиновниками. Я къ Вамъ пишу теперь откровенно и высказываю свое мнѣніе Вамъ только о своемъ трудѣ, которому знаю цѣну; а что я сравненъ со старшими,

такъ это меня нисколько не удивляетъ, я объ этомъ забылъ; забылъ и то, что мнѣ нѣтъ 21 года. Но все-таки я дорожу мнѣніемъ Князя, и какъ человѣка умнаго и даже какъ начальника, и мнѣ непріятно, что я приготовилъ ему горшокъ съ кашей, а имъ располагаютъ совершенно безъ моего участія. Ну да Богъ съ нимъ! Съ Понедѣльника начну я ревизовать Штабъ Военнаго Губернатора. Не знаю, долго ли займетъ меня эта ревизія; я разумѣется, буду по возможности избѣгать случая входить въ разсмотрѣніе дѣлъ военныхъ, а обращу вниманіе на употребленіе денежныхъ суммъ, на дѣла гражданскія, на движеніе дѣлъ и разныя предположенія на счетъ инородцевъ. Вотъ еще новое мѣсто, не бывшее прежде въ виду. Ближе Декабря нѣтъ никакой возможности выѣхать.—Вчера былъ праздникъ, 1-е Іюля. Поутру у Князя былъ пріемъ, потомъ мы всѣ отправились къ обѣднѣ въ мундирахъ. Служилъ Смарагдъ, здѣшній архіерей, умный и ловкій человѣкъ, въ этомъ чудесномъ соборѣ, гдѣ есть какое-то странное католическое заведеніе: каѳедра совершенно такъ, какъ въ католическихъ церквахъ. Не знаю, позволяется ли это у насъ, и что этому причиной: не вліяніе ли Іезуитовъ, бывшихъ нѣкогда здѣсь во множествѣ и обратившихъ едва ли не половину Армянъ въ католическую вѣру? Вчера на эту каѳедру взошелъ священникъ съ необыкновенно строгимъ и выразительнымъ лицомъ. Громко говорилъ онъ, но проповѣдь его, хоть и не дурна сама по себѣ, по семинарски писана и не произвела эффекта. Говорятъ, будто предмѣстникъ Смарагда, преосвященный Стефанъ, мужъ святой жизни, писалъ передъ кончиной своей Синоду: «я умираю отъ этого человѣка». Недобрый глазъ ли, магнетическое вліяніе воли дѣйствовали на мягкую душу Стефана, не знаю, но вотъ что писалъ онъ, какъ сказывалъ, кажется, самъ Архіерей Смарагдъ Князю.—Знаете ли Вы, что въ Астрахани еще очень недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были Англійскіе миссіонеры? Это не были наши пьяные священники или разстриги, въ родѣ Іакинѳа, безпечные и большею частію даже безъ нравственнаго, истиннаго образованія. Послѣдній изъ миссіонеровъ былъ Гіонъ, кажется, человѣкъ обширной учености, старецъ кроткій, терпѣливый, преданный своему при-

званію, строгихъ нравовъ, мудрый старецъ. Не мудрено, что рѣчь такого человѣка, спокойная, проникнутая любовью и убѣжденіемъ, дѣйствовала на здѣшнихъ магометанъ и идолопоклонниковъ. Теперь въ Казани есть отличнѣйшій профессоръ восточныхъ языковъ (забылъ фамилію, чуть ли не Катанибэкъ). Протестантъ, родомъ Персіянинъ, обращенный Гіономъ, давшимъ ему вмѣстѣ съ духовнымъ воспитаніемъ Европейское образованіе. Тихо и скромно жили они здѣсь, русскіе очень мало заботились ихъ пребываніемъ, многіе и вовсе не знали этого, но духовенству стало обидно наконецъ, и ихъ вытѣснили. Они, миссіонеры, удалились на Кавказъ, но Правительство вытѣснило ихъ и оттуда, и Гіонъ былъ отозванъ въ Лондонъ. Разумѣется, намъ нельзя было этого терпѣть, но надо подивиться этой обширной и дѣятельной политикѣ Англичанъ, потому что Англійское Правительство имѣло здѣсь, вѣроятно, и политическую цѣль: обнять своимъ вліяніемъ Азію съ обоихъ концовъ. Замѣчательно, что обращаемые нашими священниками Калмыки нисколько отъ того лучше не становятся и частехонько послѣ крещенія убѣгаютъ въ свои улусы и снова въ кибиткахъ покланяются своимъ бурханамъ. Недавно двое Калмычатъ-пѣвчихъ въ здѣшнемъ соборѣ, знающихъ наизусть всѣ тропари и пѣснопѣнія, предпочли степи соборному клиросу и бѣжали!—Обширное поприще для дѣятельности Астраханская губернія. Много работы здѣсь умному Губернатору. Здѣсь есть много такихъ особенныхъ учрежденій, которыя рѣдки въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь и Карантинъ, здѣсь и Таможня, здѣсь и рыбное управленіе, здѣсь Калмыки, Каракалпаки, Киргизы, Татары, здѣсь Армяне, пользующіеся особыми правами. Здѣсь важны и торговля наша съ Азіею, и политическія сношенія съ Персіею, и желаніе народовъ Средней Азіи, Трухменъ или Туркменъ напримѣръ, подчиниться Россіи. Предстоитъ еще заселеніе губерніи, извлеченіе возможныхъ выгодъ изъ безплодныхъ степей; много, много можно здѣсь еще сдѣлать. Ревизія наша нагрянула на сонную Астрахань, пробудила всѣ эти вопросы и, конечно, не можетъ сама разрѣшить ихъ всѣ, но по крайней мѣрѣ укажетъ на настоящій смыслъ этого края, на его нужды и потребности. Еслибъ мы были избавлены отъ обязанности ревизовать всѣ присутственныя мѣста, еслибъ всѣ

были проникнуты тѣмъ же взглядомъ на ревизію, какъ князь и я, то можно бы еще болѣе успѣть. Мнѣ гораздо было бы интереснѣе заниматься какою-нибудь отдѣльною частію нуждъ и выгодъ края, нежели ревизовать дѣла и книги Судовъ и Палатъ. Но такъ какъ для этой послѣдней ревизіи необходимы также знаніе законовъ и опытность, то по неволѣ долженъ быть я употребленъ на эту работу. Повторяю, эта ревизія принесетъ мнѣ много пользы, и именно то, что ревизоромъ Князь Павелъ Павловичъ. Это первый государственный человѣкъ, котораго мнѣ пришлось видѣть, не пошлый человѣкъ, а дѣятельнымъ умомъ безпрестанно отыскивающій новыя стороны въ предметѣ. Часто то, что уже нѣсколько лѣтъ идетъ по битой тропѣ, на что всѣ глядѣли съ одной точки, отъ одного, такъ сказать, прикосновенія Князя получаетъ совершенно новый видъ, и всякій удивляется, какъ это ему не пришло прежде въ голову. Я теперь нѣсколько сердитъ на Князя, многое мнѣ въ немъ не нравится, много мѣшаетъ ему его свѣтская природа, много въ немъ слабостей, но все-таки я его очень люблю и уважаю и въ душѣ глубоко ему благодаренъ; я теперь учусь, формируюсь въ его школѣ. Само собою разумѣется, въ какомъ это отношеніи, и Вы, милый Отесинька, успокойте на этотъ счетъ и Маменьку и Вѣру, которой, не знаю почему, не нравится, что я *именно поѣхалъ на эту ревизію*. Что прикажете дѣлать! Не нравится, да и полно. «Все такъ, а мнѣ луна милѣй.» — Вчера былъ необыкновенно сильный дождь и гроза, а нынче снова ясный день, ярко голубое небо, не московское, и легкія серебрянныя облака. Такую бы погодку намъ въ Москву! Я пишу на балконѣ. Теперь еще не такъ жарко, но въ полдень будетъ чувствительно. Несправедливо сказалъ Гете:

«Но солнце повсюду все бѣлое гонитъ.»

Напротивъ, теперь царство бѣлаго цвѣта. Всѣ мои товарищи надѣлали фуражекъ изъ бѣлаго канауса, солдаты ходятъ въ набѣленныхъ фуражкахъ новѣйшаго учрежденія, въ бѣлыхъ кителяхъ, женщины въ бѣлыхъ платьяхъ. Въ Астрахани, сверхъ того, всѣ женщины рѣшительно безъ разбора бѣлятся грубѣйшимъ образомъ. Я это видѣлъ вчера въ соборѣ:

Всѣ чиновничія жены
Разодѣты, набѣлены!

Дѣйствительно, дворянства Астраханскаго нѣтъ, а все почти чиновничество. А, думалъ я, смотря вчера на толстую М-ме К., какъ разубралась Сальянская Опека; видно, много бракованныхъ бочекъ икры и клею; а вонъ тамъ стоитъ довольно скромно Соляное Правленіе и усердно молится; ну ужъ ты, Рыбная Экспедиція, воля твоя, слишкомъ много навязала лентъ, вѣрно цвѣта флаговъ всѣхъ здѣшнихъ рыбопромышленниковъ. А вотъ эта важная купчиха не иная кто, какъ Градская Дума. И казалось мнѣ въ какомъ-то фантастическомъ видѣніи, что серьги, и ожерелья, и ленты, и браслеты превращались въ бочки съ икрою, въ тюленьи шкуры, въ мѣшки съ солью, въ кули съ мукою, и что вмѣсто бѣлилъ накладена казенная известка.—Морщится Вѣра Сергѣевна, морщится, вижу я это.—Грустно вздохнулъ я: жаль мнѣ стало казенныхъ выгодъ!—Фортуна продолжаетъ намъ благопріятствовать: комаровъ очень мало, за то всякой дрянной мошки много. Впрочемъ, третьяго дня, когда я занимался ввечеру и сидѣлъ за столомъ съ зажженной свѣчею, стало летать вокругъ меня насѣкомое необыкновенной величины, ярко коричневаго цвѣта, похожее на комара. Но не долго питало оно коварные замыслы. Улучивъ минуту, я такъ прихлопнулъ его аббатомъ Ламене (Lamennais), что разрушилъ всѣ покушенія его на кровь человѣческую. Философію аббата Ламене взялъ я еще во время дно у Князя, но не нашелъ времени читать ее, спокойно лежала она у меня на столѣ, и аббатъ, вѣрно, не предполагалъ никогда оказать мнѣ такую услугу.—На дняхъ написалъ я посланіе къ кому-нибудь изъ моихъ товарищей, разумѣется, изъ насъ четверыхъ, т. е. Оболенскаго, Бюлера и Блока. Написалъ я его собственно для того, чтобы доставить себѣ давно забытое удовольствіе слаганія стиха. Къ тому же, еслибы шутка не разцвѣчивала нѣсколько нашу скучную Астраханскую дѣйствительность, то было бы еще скучнѣе. Впрочемъ, чтожъ эти стихи! Сколько толпится въ головѣ у меня мыслей, которыя просятся въ стихи, жаждутъ облечься роскошной, соотвѣтственной формой, но мало таланта далъ мнѣ

Богъ, коротки силы такъ, что иногда досадно становится. Эхъ, братецъ Аполлонъ, сплоховалъ ты, говорю я, бросая перо. Что скупиться?—Однако прощайте, дай Богъ, чтобы Вы были здоровы и радостны, чтобъ Олинькино здоровье укрѣплялось все болѣе и болѣе. Письмо это, вѣроятно, прокатится изъ Парка въ Ольгино. Вотъ Вамъ стихи *).

Астрахань. 8-го Іюля 1844 года. Суббота.

Послѣ продолжительнаго купанья, напившись чаю на балконѣ, сажусь я писать къ Вамъ. Съ наслажденіемъ ожидаю я всегда Субботняго вечера, съ наслажденіемъ думаю о томъ, что сяду писать письма. Но купанье мало помогаетъ при этихъ жарахъ, когда поутру, часу въ 9-мъ, на сѣверѣ 24 градуса и больше. На нынѣшней недѣлѣ Вы меня побаловали: я получилъ два толстыхъ письма, въ Воскресенье и въ Середу, на которыя отвѣчаю попорядку. — Я очень радъ, что путешествіе или, лучше сказать, переѣздъ Маменьки и сестеръ въ деревню совершился благополучно, но вѣдь эти поѣздки будутъ часто повторяться, и если дожди у Васъ не перестанутъ, такъ дорога эта будетъ слишкомъ неудобна и безпокойна; ужъ не лучше ли возвращаться изъ Парка въ Москву и по Троицкому шоссе ѣхать въ Аксаково, Ольгино или Абрамцево, нежели прямо изъ Парка? Итакъ, деревня наша угодила на всѣ вкусы. Слава Богу! Наконецъ-то Гриша достигъ своей цѣли, купилъ-таки деревню **), переборолъ судьбу. Какъ долженъ онъ радоваться радости общей и радоваться по праву, потому что его постоянными стараніями и хлопотами и сдѣлана эта покупка и построенъ или перестроенъ домъ. Разумѣется, всѣ вполнѣ отдаютъ ему за это справедливость; а вѣдь надо признаться, едва ли Костя и я стали бы дѣйствовать съ такимъ самопожертвованіемъ. Когда я читалъ письма сестеръ, въ которыхъ изображается ихъ удовольствіе, то мнѣ хотѣлось протянуть изъ Астрахани и крѣпко пожать ему руку. — Скажите пожалуйста, что у насъ магазинъ хлѣбный, запасной существуетъ въ деревнѣ?

*) См. Примѣчаніе 1.

**) Абрамцево, Радонежье тожъ.

Мѣра эта, т. е. заведеніе хлѣбныхъ магазиновъ подъ наблюденіемъ Правительства, конечно излишняя у хорошихъ помѣщиковъ, но мнѣ кажется, она полезна и даже необходима въ имѣніяхъ помѣщиковъ плохихъ, расточительныхъ и мало заботящихся о крестьянахъ. Если магазинъ будетъ содержаться въ исправности, то въ случаѣ неурожая крестьяне будутъ имѣть достаточное количество хлѣба на засѣвъ и прокормленіе. Хлѣбъ этотъ, разумѣется, не долженъ расходоваться произвольно и могъ бы служить дѣйствительнымъ пособіемъ, но, кажется, у насъ такъ мало довѣрія къ мѣрамъ Правительства, что все съумѣютъ не понять; переиначить, превратить въ комедію. Сдѣлаетъ Правительство умное распоряженіе, никто не хочетъ вѣрить, что это для собственной нашей пользы, а смотрятъ уже на это, какъ на бумажное приказаніе, подлежащее очисткѣ, а не дѣйствительному исполненію. Разумѣется, здѣсь опять Правительство виновато. Съ послѣдней почтой Князь получилъ оффиціальное письмо отъ Черткова, Шталмейстера, въ которомъ сообщая ему мысль (конечно, не свою, а чужую), проситъ его мнѣнія. Мысль эта состоитъ въ томъ: учредить компанію для снабженія малохлѣбныхъ губерній хлѣбомъ богатыхъ губерній по всей Россіи. Центръ, кажется, назначается въ Москвѣ, а другіе пункты въ разныхъ другихъ городахъ. Такимъ образомъ посредствомъ этого огромнаго рычага хлѣбъ имѣлъ бы всегда обезпеченный сбытъ и цѣны уравнились бы всюду. Предпріятіе исполинское, дерзкое и едва ли удобоисполнимое: 1) по необъятности Россіи. Страшно подумать о поворотахъ этого колеса, какой кругъ должно оно описать! 2) по плохому еще состоянію нашихъ путей сообщенія, нашего судоходства. Разумѣется, въ Англіи на это не посмотрѣли бы, прибавили бы милліоновъ 100, очистили бы и расширили бы фарватеры рѣкъ, завели бы пароходы, а у насъ до сихъ поръ не могутъ употребить нѣсколько милліоновъ, чтобы очистить фарватеръ Волги, въ особенности здѣсь, въ главномъ устьѣ ея. Корпусъ машины сдѣланъ давно уже и все дожидаются самой машины. Придетъ машина, корпусъ сгніетъ. Начнутъ дѣлать приготовленія, машина заржавѣетъ. У насъ все такъ, непростительное безучастіе къ общимъ выгодамъ. Право, мнѣ досадно, что у насъ, въ особенности въ Москвѣ,

въ извѣстномъ кругу, толкуютъ, разсуждаютъ и горячатся о какомъ-нибудь балахонѣ, оставаясь совершенно равнодушными къ торговымъ и промышленнымъ выгодамъ, мало того, оставаясь въ совершенномъ невѣжествѣ въ этихъ отношеніяхъ. Я не спорю, что и балахонъ имѣтъ свое значеніе, но я не могъ бы оставаться въ такомъ безучастномъ бездѣйствіи и довольствоваться убѣжденіемъ, что балахонъ когда-нибудь побѣдитъ пальто, что будетъ очень нескоро, — наслаждаться тѣмъ, что вотъ двѣ, три дамы говорятъ: дѣйствительно, какая прелесть балахонъ! *c'est charmant!!!* Это непростительно, это дурно по моему мнѣнію, и я никогда не оставлю службы. По крайней мѣрѣ, служа по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, сдѣлавшись Губернаторомъ хоть здѣсь въ Астрахани, я оградилъ бы крѣпкими валами городъ отъ наводненія, углубилъ бы дно Волги, очистилъ бы ея фарватеръ, завелъ бы пароходство, участилъ бы торговыя сношенія съ Персіею, облегчилъ бы положеніе крестьянъ, а кто будетъ пользоваться этимъ со временемъ: бритые ли подбородки или рыжія бороды, шляпы или мурмолки, все равно. Дѣло объ общей пользѣ, о государствѣ. Пока совершится огромный предполагаемый переворотъ, отъ котораго я не прочь, только не въ томъ уже видѣ, какъ понимаютъ его, пройдутъ года. Надо вспомнить, что народъ въ своемъ образованіи дѣлаетъ эти шаги такого размѣра, что отъ одной ноги до другой лѣтъ сто. Нашей жизни на это не хватитъ, но хватило бы ея, чтобъ совершить хоть частныя, но великія пользы. Равнодушіе и лѣнь, лѣнь и равнодушіе — вотъ главныя черты образованнаго класса, но онѣ не должны имѣть мѣста въ душѣ не пошлой. Равнодушія-то у нашихъ Москвичей нѣтъ, а безплодный жаръ или жаръ, дающій такой медленный плодъ, которымъ бы я не удовлетворился. Я совсѣмъ съ ними согласенъ, но вмѣсто того, чтобы плакать съ народомъ, отъ котораго я уже отдѣленъ сознаніемъ, я хоть бы постепенно, хоть косвенно, но дѣйствительно, а не словами, трудился бы на его пользу.—Многіе разсердятся на меня. Вы, милый мой Отесинька, вѣрно согласитесь хоть отчасти, побранивъ меня за нѣкоторую рѣзкость выраженій. Но, право, это одна моя слабая струна, которая заставляетъ меня расшевеливаться до такой степени, что и теперь у меня рука дрожитъ.

Милая Маменька, вѣрно, раздѣляетъ мои мысли, ибо всегда желала видѣть насъ полезными людьми, полезными на службѣ. Гриша не только раздѣляетъ, но и со мною вмѣстѣ будетъ подвизаться. Но мнѣ больно, что Константинъ не только не согласится, но не захочетъ даже вникнуть въ мои слова, обратить на нихъ вниманіе, а что всего больнѣе: разсердится даже. Пусть онъ дѣйствуетъ хоть на поприщѣ науки, окончитъ диссертацію, займетъ каѳедру и изучитъ Россію не по одной Москвѣ, ибо помышляющій о благосостояніи ея долженъ узнать всѣ протоки, по которымъ оно должно пролиться. Но увы! глухъ останется Константинъ къ моимъ воззваніямъ, а грѣшно будетъ ему не принести государству дани, соразмѣрной съ его обильными талантами, т. е. употребивъ волю вмѣсто серпа, не собрать богатой жатвы съ поля, или головы, гнущейся подъ тяжестью колосьевъ или талантовъ! Я совсѣмъ не хочу польстить ему этимъ сравненіемъ à la Marlinsky, сравненіемъ не совсѣмъ вѣрнымъ, ибо поле не гнется, а земля развѣ можетъ осѣсть отъ тяжести? Но Господи Боже мой! Съумѣлъ же человѣкъ оградить себя такою непроницаемою сѣтью. Съ позволенія Кости и въ заключеніе сдѣлаю еще сравненіе. Костя точно паукъ, наткалъ около себя хитросплетенную паутину и цѣлый день цѣпляется по ней, такъ что не можетъ идти по простому и прямому пути, а долженъ дѣлать разные сложные повороты и уступы. И мало того, онъ безпрестанно проводитъ новыя нити, еще сплетеннѣе дѣлаетъ сѣть; только я боюсь, чтобы онъ наконецъ въ ней не запутался. Но я забылъ про Черткова. Продолжаю: 3) кромѣ необъятности Россіи и дурнаго состоянія путей сообщенія, есть еще другое препятствіе: недостаточность денежныхъ капиталовъ. Компанія на акціяхъ подобнаго рода должна имѣть большое обезпеченіе, въ противномъ случаѣ она лопнетъ, да и кто изъ русскихъ отважится пожертвовать значительнымъ денежнымъ капиталомъ при сомнительномъ успѣхѣ предпріятія? 4) недостаточность людей. Хорошо, очень хорошо пойдетъ, коли во главѣ предпріятія будетъ Чертковъ. А поставь другаго: будетъ мошенничать и воровать. — Князь отклонился отъ настоящаго отвѣта, написалъ, что Астраханская губернія не хлѣбная и что онъ не можетъ дать мнѣнія, не зная основныхъ предполо-

женій Черткова о компаніи во всемъ ихъ объемѣ.—Письма Ваши отъ 27-го Іюня, полученныя мною въ Середу, сильно порадовали меня. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ Вами еще, но откладываю до слѣдующей почты непремѣнно, тогда засяду вечеромъ или ночью, а поутру слишкомъ утомительно. Итакъ продолженіе впредь. Считайте это письмо не конченнымъ, конецъ напишется во Вторникъ. Прощайте. Я забылъ Вамъ сказать, что я кончилъ Штабъ и уже началъ Строительную Коммиссію, которую кончу на этой недѣлѣ.—Почта пришла и не привезла мнѣ писемъ. Сдѣлайте одолженіе, не пишите во Вторникъ, а пишите уже въ Субботу, чтобъ въ Воскресенье, досужный день, могъ я жуировать Вашими письмами.

Астрахань. 15 го Іюля 1844 года. Суббота.

Вотъ уже полторы недѣли, какъ я не имѣю отъ Васъ никакихъ извѣстій, т. е. ни въ прошедшее воскресенье, ни въ среду не было мнѣ писемъ. Если я и завтра не получу писемъ, то приду въ совершенное безпокойство, Не знаю, что думать. Конечно, тутъ могутъ быть самыя простыя причины: суббота показалась пятницею, или человѣкъ не поспѣлъ на почту, или же отправка писемъ поручена была Вѣрѣ, которая и пропустила время. Дай Богъ, чтобъ такъ. На этой недѣлѣ былъ я крѣпко занятъ, такъ что и не могъ исполнить обѣщанія писать въ среду. Да и какъ-то мысли располагаются всѣ къ субботнему вечеру. Вспоминая свое послѣднее письмо, я раскаиваюсь, что написалъ его, и боюсь, что Вамъ не понравится рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій. Вотъ видите, и я могу даже горячиться, да и на бумагѣ. Нынче или, лучше сказать, вчера ночью, занимаясь дома, кончилъ я Строительную Коммиссію и очень доволенъ результомъ замѣчаній. Итакъ я обревизовалъ всѣ почти мѣста, гдѣ Предсѣдателемъ былъ Военный Губернаторъ, именно: Экспедицію, Коммиссію Народнаго Продовольствія, Строительную Коммиссію и Канцелярію его. Строительная Коммиссія была для меня затруднительна по совершенной специальности этой части. Надо было не только знакомиться съ уставомъ, но еще вникнуть въ него такъ, чтобы понимать лучше ревизуемыхъ. Я

ее кончилъ въ 8 дней. Отчетъ по изготовленіи пошлется къ Клейнмихелю, какъ онъ просилъ, и тутъ я боюсь, чтобы не сдѣлать какихъ-нибудь промаховъ, которые могутъ быть тамъ лучше поняты, нежели здѣсь. У меня вообще работа идетъ быстро и успѣшно. Надоѣло только то, что безпрестанно долженъ знакомиться съ совершенно противоположными частями, такъ что легко можно бы спутаться. Что меня подстрекаетъ еще болѣе, такъ это завидѣнный мною конецъ дѣлу. Да, серьезно. Недѣли двѣ тому назадъ князь въ общемъ разговорѣ положилъ начать Палату Казенную со второй половины Іюля общими силами такъ, чтобъ къ 15-му числу всѣ были бы готовы. Я сказалъ, что буду готовъ, и сдержалъ слово. Итакъ я съ будущаго вторника (понедѣльникъ я посвящу на пріуготовительныя занятія) начинаю Казенную Палату. На вопросъ мой: какое мнѣ взять отдѣленіе? Князь отвѣчалъ: «труднѣйшее». Слѣдовательно, я теперь примусь за ревизское отдѣленіе съ рекрутскимъ присутствіемъ. Опять часть мнѣ вовсе незнакомая, но я очень радъ съ нею познакомиться коротко, потому что это мнѣ будетъ нужно и полезно и въ жизни, и въ службѣ. Если тѣ господа съумѣютъ окончить свои работы, то и они приступятъ къ Казенной Палатѣ, возьмутъ также по отдѣленію. Хотѣлось бы мнѣ окончить свою порцію къ 1-му Августа и потомъ приступить къ вѣнцу всѣхъ трудовъ, къ Губернскому Правленію. Не знаю только, позволитъ ли князь начинать мнѣ одному Губернское Правленіе, которое также мы раздѣлимъ себѣ по отдѣленіямъ. Тогда свою долю окончилъ бы я къ 20-му числу и занялся бы отчетами, которые потребуютъ недѣль пять непремѣнно. Тяжело будетъ тогда это время Строеву: надо будетъ сводить концы для составленія общаго отчета, давать по каждому мѣсту соотвѣтственныя предложенія, повершить всѣ предположенія и проэкты... Словомъ, *при самой усидчивой и пристальной работѣ* можно будетъ ѣхать въ Москву или въ самыхъ послѣднихъ числахъ Октября или въ началѣ Ноября. Но тяжело это условіе,—не для меня: я такъ преисполненъ этою мыслью, что несмотря ни на жаръ, ни на чудеснѣйшіе вечера и прелестнѣйшія ночи, занимаюсь и усидчиво, и пристально. А въ самомъ дѣлѣ жаръ невыносимый. Князь даетъ направленіе

ревизіи, разрѣшаетъ насъ въ сомнительныхъ случаяхъ, но не несетъ всей тяжести работы нашей, тяжести и физической, и моральной. Строевъ также отъ жаровъ весь расклеился, да и хотя у него много работы, но болѣе пріятной, такъ сказать болѣе письменной: переписка съ Министрами, предложенія и проэкты на основаніи матерьяловъ, добываемыхъ нашими потовыми трудами. Такъ что собственно вся тяжесть ревизіи, особенно теперь, лежитъ на насъ троихъ (Розановѣ, Павленко и мнѣ), и намъ никакъ нельзя останавливаться, а надо вывозить ревизію. Поэтому я никакъ не могу рѣшиться на передышку. Часто, работая, я ношу въ себѣ заднюю мысль о томъ времени, когда я кончу эту работу и стану отдыхать на досугѣ. Ужъ, конечно, я тогда не возьмусь ни за Сводъ Законовъ, ни за дѣла. Мнѣ и теперь опротивѣлъ видъ обертки, на которой написано: «дѣло о томъ-то». Съ какимъ наслажденіемъ сталъ бы я отдыхать лѣтомъ въ деревнѣ! Скучно мнѣ повторять Вамъ, какъ здѣсь жарко, какъ надоѣло это безоблачное, ясно-голубое небо, на которое съ трудомъ можно глядѣть, какъ несносна эта непрерывная, теплая, удушливая моряна, взвивающая мелкую песчаную пыль. Но къ вечеру становится совершенно тихо, и при теплотѣ и мѣсячномъ сіяньи ночи эти невыразимо хороши. Впрочемъ, передъ восходомъ солнца чувствуется нѣкоторая прохлада. Но для людей слабыхъ здоровьемъ климатъ этотъ знойностью, солончаковыми испареніями и вѣтрами — чрезвычайно вреденъ. Въ комнатѣ и днемъ и ночью вы облиты потомъ, какъ водою. Начнете заниматься, поморщите лобъ,—съ бровей падаютъ капли. На воздухѣ, разумѣется, ночью, не обольешься потомъ, если сидишь безъ сюртука, галстуха и даже безъ халата, и эта разница температуръ заставляетъ $^2/_3$ жителей спать на воздухѣ, на балконѣ подъ пологами, на дворѣ подъ навѣсами, что причиною многихъ простудъ и лихорадокъ. Къ тому же жаръ вредно дѣйствуетъ на желудокъ. Слава Богу, кумысъ предохраняетъ меня отъ этого опаснаго вліянія. Вишни, которыя продавались наконецъ по три и по пяти копеекъ мѣди—русскія, отъ 20 до 30 коп. шпанскія, прошли. Мѣсто ихъ заняли абрикосы, которые здѣсь называются персидскими сливами! Невѣжество! Копеекъ по восьми за десятокъ. Они

мельче и не такъ вкусны и ароматичны какъ тѣ, которые мы ѣдимъ въ Москвѣ, платя рубля два за десятокъ. На дняхъ ѣли мы арбузъ, но имъ еще не совсѣмъ время, а теперь пойдутъ сливы, персики, яблоки, груши и дули и наконецъ уже виноградъ. Но все это произрастаетъ съ трудомъ, по недостатку дождей, однако на чистомъ воздухѣ произрастаетъ во множествѣ. Здѣсь нѣтъ другихъ садовъ, кромѣ фруктовыхъ, нѣтъ другихъ окрестностей, кромѣ песчаныхъ степей, такъ что выѣхать некуда. Ни дубъ, ни береза, ни кленъ, ни липа, ни даже сосна не могутъ произрастать здѣсь. Благословеннѣе климатъ южныхъ странъ, соединяющихъ преимущества и Сѣверной и Восточной природы.—Комаровъ въ Астрахини теперь мало, но за то милліоны стрекозъ, которыхъ крылья, блестя на солнцѣ, производятъ необыкновенный эффектъ. Я никогда не видалъ, чтобы онѣ такъ высоко летали. Буду писать къ Вамъ въ слѣдующій разъ о посѣщеніи Князя Ханомъ Джамгиромъ и о прочихъ разностяхъ. Мы такъ хорошо ревизуемъ, что намъ изъ Петербурга безпрестанно присылаютъ новыя порученія, что очень затрудняетъ и можетъ затянуть ревизію. Вотъ и нынче пришло Высочайшее повелѣніе обревизовать Военный Штабъ и въ особенности дѣла по отправленію на Кавказъ снарядовъ. Я хотя и ревизовалъ Штабъ, но собственно по части гражданской, не входя въ сущность распоряженій военныхъ, согласно приказанію князя. А теперь ревизуй и военную часть! Не знаю, не возьметъ ли ужъ этотъ трудъ Строевъ на себя.

Астрахань. 1844 года, Іюля 22-го. Суббота.

Нынче почта пришла необыкновенно скоро, въ восьмой день, и я сію минуту получилъ отъ Васъ письма съ приложеніями: письмами Вѣры къ Вамъ и письмами Надиньки. Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я описаніе праздника, даннаго Вами крестьянамъ 11-го Іюля. Эти праздники непремѣнно должны сближать крестьянъ съ помѣщиками. Любопытно было бы мнѣ знать: какое впечатлѣніе на крестьянъ произвелъ костюмъ Кости? Я думалъ, что онъ тщетно старался увѣрить ихъ, что это костюмъ когда-то русскій; впрочемъ, борода убѣдительна. Вы пишете, что Костя не

поѣхалъ въ Москву для прощанья съ Самаринымъ.... Жаль, говорю я, приподымая брови à la Krotkoff и пожимая плечми. А дѣйствительно жаль. Когда Наполеонъ отпускалъ Бернадотта въ Швецію, то, замѣтивъ въ немъ нѣкоторое противническое расположеніе, сказалъ ему: «поѣзжайте же. Да исполнятся судьбы наши». Съ тѣхъ поръ они не видались. Впрочемъ, если Самаринъ вступитъ въ службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, то разумѣется, онъ пойдетъ далеко и будетъ отличнѣйшимъ дипломатомъ, и прекрасно. Я бы самъ сдѣлалъ тоже на его мѣстѣ, т. е. избралъ бы эту карьеру.

Іюль въ исходѣ. Слава Богу: Августъ, Сентябрь и Октябрь — только три мѣсяца осталось намъ жить въ этой несносной Астрахани. Я полагаю, что не болѣе трехъ мѣсяцевъ, хотя работы идутъ довольно медленно. Я думалъ начать Казенную Палату, но пришло Высочайшее повелѣніе обревизовать дѣла Штаба въ военномъ отношеніи, также по перевозкѣ артиллерійскихъ снарядовъ въ Дербентъ и т. п. У Т. Штабъ занимался и гражданскими дѣлами, которыя я уже обревизовалъ недѣли три тому назадъ. Хотѣли приступить къ ревизіи на этой недѣлѣ, да какъ-то Строевъ не собрался, а меня для Аудиторіатскаго отдѣленія удержали дома. Я не сталъ терять времени и написалъ, переписалъ и подалъ очень большой и, какъ кажется, очень дѣльный, отчетъ по Строительной Коммиссіи. И наконецъ выпросилъ, чтобы мнѣ позволили приступить къ Штабу, не дожидаясь Строева, который хочетъ взять на себя нѣкоторую часть. Съ завтрашняго дня отправлюсь я туда, и такъ какъ я работаю очень скоро, то надѣюсь, что онъ меня долго не задержитъ, и тогда я приступлю къ Казенной Палатѣ. Мнѣ ужасно досадно на всѣхъ нашихъ: мы (только не я) изнѣжились въ Астрахани, какъ Карѳагенцы въ Капуѣ. Внѣшній жаръ вытѣснилъ внутренній; кто гуляетъ цѣлый вечеръ по каналу, кто ѣздитъ верхомъ, кто въ плѣну у здѣшнихъ красавицъ. Нѣтъ ни прежняго участія, ни настойчивости, всѣ распустились. Мнѣ досадно, что магическій кругъ неприступности и строгости разбился, свободно переступаютъ его Астраханцы и, подходя ближе, видятъ, что мы точно такіе же люди, какъ и всѣ русскіе, т. е. тяготимся тру-

домъ и службою, не выдержали характера, стали лѣнивы и безпечны, и все намъ трынъ-трава. Тщетно я негодую и взываю къ бездѣйствующимъ, тщетно собственнымъ примѣромъ доказываю, что можно выдержать характеръ, можно работать и въ жаръ и сохранять то же участіе. И право, я рѣшительно одинъ остался вѣренъ ревизіи, работаю все-таки больше всѣхъ, не завелъ ни одного знакомства и не гуляю, не жуирую. Не на дачу мы пріѣхали, а въ городъ на ревизію, а поэтому надо показывать имъ примѣръ дѣятельности и старанія, такъ какъ мы сами строго взыскиваемъ за бездѣйствіе и медленность. На мѣстѣ Князя я приказалъ бы строго всѣмъ чиновникамъ работать усерднѣе и на срокъ, но онъ извиняетъ ихъ жаромъ. Мой пріятель Оболенскій здѣсь теперь какъ сыръ въ маслѣ, пользуется необыкновенною благосклонностью дамъ и производитъ необыкновенный эффектъ. А я, если выхожу изъ дома, такъ на полчаса въ купальню и ввечеру и поутру на балконъ — дѣлать царственныя наблюденія. Я выхожу поутру, когда лѣнивый городъ еще спитъ, и люблю смотрѣть на его постепенное пробужденіе, у меня вездѣ: mes amis du côté gauche, mes amis du côté droit и mes amis du centre. Точно такъ и вечеромъ. Съ высоты балкона я смотрю на нихъ, какъ Царь на своихъ подданныхъ. Разумѣется, иногда въ дополненіе интереса долетаютъ ночью слова съ улицы. Но часто впадаю я въ глубокія размышленія на счетъ жалкой, тщеславной человѣческой натуры. Какъ развратило правительство натуру народа, прельстивъ его разнымъ тщеславнымъ дрязгомъ. Здѣсь, въ Астрахани, за полторы тысячи верстъ отъ столицы, вы найдете стремленіе къ мишурной цивилизаціи въ сильнѣйшей степени. Купецъ, нѣсколько обогатившійся, брѣетъ себѣ бороду и надѣваетъ Нѣмецкое платье, а купчихъ рѣже чѣмъ въ Москвѣ вы увидите въ кичкахъ, всѣ разодѣты по послѣдней модѣ, все лѣзетъ въ почетное гражданство и дворянство. Медаль, крестъ, кажется, сведутъ съ ума каждаго. Впрочемъ, и то сказать: Астрахань состоитъ изъ двухъ классовъ собственно: чиновниковъ (а Вы знаете, что это за племя) и купцовъ, которые заражены тщеславіемъ въ высшей степени и, не имѣя никакого уваженія къ чиновникамъ, не хотятъ стоять ниже ихъ и по

костюму, а при богатствѣ своемъ, при заемномъ лоскѣ образованности и при всѣхъ удобствахъ Европейской жизни, стоятъ гораздо выше и пользуются здѣсь бо́льшимъ вѣсомъ. Вотъ у Сапожникова здѣсь Контора, чудесно помѣщенная и составленная лучше всякой Канцеляріи. Здѣсь также столоначальники Бѣлужьяго стола, Осетринаго, Стерляжьяго и т. п. Бугхалтерскія книги и счеты ведутся съ привлекательною исправностью. Есть даже переводчикъ восточныхъ языковъ (знающій по Татарски, Калмыцки, Армянски, Грузински и, кажется, Персидски). Жалованье огромное. Съ одной стороны это меня радуетъ: порядливость не есть русское свойство, и я радъ, что наши купцы начинаютъ понимать преимущество негоціантовъ иностранныхъ въ этомъ отношеніи. Словъ, необходимыхъ въ правильной и обширной торговлѣ: булгахтеръ, контора, процентъ и т. п. нѣтъ въ русскомъ языкѣ, надо признаться. Только разъ въ маленькомъ садикѣ на нашемъ дворѣ, у M-me Kotoff, жены писаря-переводчика, живущей совершенной барыней, было собраніе. Были дамы, разодѣтыя въ пухъ (мѣщанки и купеческія дочери!), и любезные кавалеры; всѣхъ болѣе производили эффектъ столоначальники Бѣлужьяго и Севрюжьяго столовъ. Вы знаете, какъ я дорожу такими сценами, а потому и притаился на балконѣ съ тщательнымъ вниманіемъ. Молодые люди, т. е. столоначальники, одѣваются лучше меня въ 20 разъ. Всѣ они въ альмавивахъ или въ щеголеватѣйшихъ сюртукахъ, все это сидитъ на нихъ ловко и совсѣмъ не смѣшно. Но разговоръ, увы! разрушилъ очарованіе. Не такъ легко перенять разговоръ, какъ одежду. Эта изысканность и учтивость выраженій съ грубыми и совершенно не граціозными, это отсутствіе всякаго содержанія — изобличаютъ явно недостатокъ образованія. Одна красавица, купеческая дочь (слѣдовательно особа высокаго полета), разсказывая что-то должно быть очень забавное кавалерамъ, говорила: какъ она меня пихнула. Я такъ и свалился со стула. Но при всемъ томъ надо признаться, что и это имѣетъ свои выгоды: люди эти, имѣя нѣкоторое чувство чести, не будутъ грубыми и наглыми торговцами, да и поменьше будетъ людей, употребляющихъ чисто русскія любимыя выраженія на улицѣ. А вообще скверный и испорченный городъ Астра-

ханъ; городъ обширный, красивый и богатый. Азіатскіе нравы и Азіатское солнце имѣютъ большое вліяніе на здѣшнихъ русскихъ жителей и даже на приходящихъ сюда мужиковъ изъ верховыхъ губерній. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. — Хотя жаръ все также силенъ, но я вымолилъ дождичка: это нѣсколько освѣжило воздухъ. Я не ослабѣваю, все сильнѣе молю Небо о дождѣ и ожидаю, что нынче опять пойдетъ дождикъ. Дай-то Богъ! — Въ прошедшее Воскресенье было у Князя оффиціальное свиданіе съ Ханомъ Джамгиромъ. Ханъ пріѣхалъ въ каретѣ, съ адъютантомъ, Правителемъ своей Канцеляріи, русскимъ чиновникомъ Матвѣевымъ и братомъ своимъ Султаномъ (такъ называются родственники Хана). Ханъ былъ одѣтъ въ казацкій казакинъ, съ генеральскимъ шитьемъ на воротникѣ, съ эполетами, на которыхъ изображенъ полумѣсяцъ. Лента черезъ плечо. (За эту ленту онъ готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ). Я ожидалъ видѣть отпечатокъ Киргизской суровости, но увидалъ лицо чистое и бѣлое, съ голубыми глазами, нѣсколько узкими и хитрыми. По всему видно, что онъ человѣкъ очень добрый и смирный. На головѣ у него была шапка остроконечная и опушенная соболемъ, точь въ точь такая, какую мы видимъ на портретахъ царей. Вещь преглупая. 28 градусовъ въ тѣни, а онъ надѣваетъ мѣховую шапку, которую не скидаетъ даже въ комнатѣ. Шапка эта была пунцоваго бархата, вышитая золотомъ. Вы думаете это все? Нѣтъ, успокойтеся, есть еще шапка, парадная, которую онъ въ комнатѣ держитъ въ рукахъ, а на дворѣ надѣваетъ на первую шапку. Этакъ лучше, головѣ теплѣе. Но та шапка премудреная, съ разрѣзами съ обѣихъ сторонъ, съ какими-то загнутыми полями (какъ у Итальянскихъ бандитовъ), также вся пунцоваго бархата, вышитая золотомъ. Ханъ говоритъ хорошо по-русски, но тихо, скромно. Онъ Магометанинъ, но очень набожный и строгихъ нравовъ. На возвратномъ пути мы (т. е. Оболенскій, я, Бюлеръ и Блокъ) заѣдемъ къ нему на его ставку при Нарымъ-пескахъ. Это возьметъ у насъ дня три, не больше, ибо лошади намъ будутъ высланы впередъ. Однако прощайте, будьте здоровы, берите всѣ примѣръ съ меня.

1844 года, іюля 30-го, Воскресенье. Астрахань.

Вчера вечеромъ пришла почта и привезла мнѣ Ваши письма. Слава Богу, что Олинька чувствуетъ себя лучше; жаль, что я не могу послать къ ней отсюда никакихъ фруктовъ, которые приносятъ ей пользу. Обращаюсь теперь къ событіямъ недѣли. Въ прошедшее Воскресенье передъ обѣдомъ, часа въ три, зовутъ меня посмотрѣть, что на ясномъ небѣ вдругъ издали показалась какая-то темная туча, сопровождаемая страннымъ шумомъ и сильнымъ движеніемъ воздуха. Я выбѣжалъ посмотрѣть и въ самомъ дѣлѣ увидалъ черную тучу, застилавшую часть неба и отдаленныя зданія. Туча эта постепенно приближалась къ нашему дому, и тогда мы увидали, что это саранча. Онѣ носиились въ воздухѣ по вѣтру, то спускаясь, то подымаясь, и обтянули собой горизонтъ всего города. Мы поймали одну саранчу: длиной она была въ вершокъ, толщиной съ полпальца. Такой большой саранчи давно не видали. Она почти ежегодно пролетаетъ черезъ Калмыцкія степи, но рѣдко удостоиваетъ городъ своимъ посѣщеніемъ, а теперь, узнавъ, что Сенаторъ тамъ, прилетѣла показаться. Такъ наполняла она собою воздухъ сверху до низу въ продолженіе трехъ часовъ. Крикомъ, гамомъ, трескотнею старались предотвратить всякое покушеніе ея сѣсть на деревья. Но вѣтерь подулъ къ морю и часамъ къ шести улетѣла она совсѣмъ. Я очень радъ, что видѣлъ это странное явленіе. Послѣ обѣда, взявъ Сапожниковскій катеръ, съ десятью Калмыцкими гребцами, отправился я съ Строевымъ по Волгѣ къ мѣсту, гдѣ стоялъ прежде Покровоболтинскій монастырь, именно при соединеніи Волги съ быстрою рѣкою Болдою. Мѣсто прекрасное. По крайней мѣрѣ есть зелень, древніе тополи, ива, развѣсистая груша. Здѣсь обыкновенно гуляютъ Азіатцы. Мы вышли на берегъ, и вскорѣ представился намъ чудесный видъ. На лугу постланы были длинные ковры, и человѣкъ съ 50 Персіянъ, въ богатыхъ костюмахъ, сидѣли, поджавши ноги, ѣли и пили. Прислужники—Персіяне же, даже былъ одинъ Арабъ,—разносили имъ халву, бешметъ, рахатъ-лукумъ и т. п. вещи. Пестрота костюмовъ, новость зрѣлища произвели на меня необыкновенное впечатлѣніе. Когда мы проходили мимо

нихъ, то первостатейный здѣшній купецъ и богатѣйшій капиталистъ Миръ-Багировъ, говорящій прекрасно по-русски, привставъ, просилъ насъ принять участіе въ ихъ занятіи, но мы учтиво отказались, пошли гулять дальше и, возвращаясь, нашли ихъ живописными группами бродящими по лугу, лежащими на коврахъ, курящими кальянъ и т. п. Миръ-Шаги-Миръ-Багировъ —братъ извѣстнаго здѣсь Миръ-Абуталабъ-Миръ-Багирова, уѣхавшаго теперь въ Персію. Они аристократы между Персіянами и отличаются всѣ необыкновенною красотой. Бѣлый цвѣтъ кожи, черная богатая борода, большіе глаза, живописный костюмъ, подпоясанный дорогою шалью, надѣтый сверху кафтанъ или халатъ съ разрѣзанными рукавами—все это чрезвычайно эффектно. Разумѣется, въ нихъ не видать силы и бодрости, а видна только Восточная изнѣженность. Багировъ представилъ намъ своихъ братьевъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Персіи и уже учащихся русской грамотѣ. Впрочемъ, они числятся Астраханскими купцами, пишутся русскими подданными, и величайшіе плуты. Багировъ опять предложилъ намъ чаю, но мы попросили воды, и намъ подали шербетъ. Это чудо что такое. Прохладительное питье, составленное изъ воды, сахару и какого-то особеннаго персидскаго уксуса. Потомъ я покурилъ немного изъ кальяна. Безъ привычки это довольно тяжело для груди: надо втягивать въ себя сквозь воду дымъ и потомъ выпускать его длинною струей. Персіяне вскорѣ потомъ, при насъ же, разъѣхались. Странно было мнѣ видѣть Магометанина, пользующагося Европейскимъ комфортомъ: Багировъ съ братьями сѣлъ въ прекрасную коляску, запряженную четверней, съ форейторомъ! Прочіе отправились частію на дрожкахъ, частію верхомъ. Воротившись домой, вечеромъ, отправился я вмѣстѣ съ нашими въ театръ, въ ложу, гдѣ мое появленіе, какъ чрезвычайно рѣдкое, произвело сильный эффектъ. Играли очень недурно Казака Климовскаго, и я съ удовольствіемъ слушалъ давно знакомые звуки: „*не хочу я никого, только тебя одного.*"— Съ понедѣльника опять засѣлъ я за работу. На меня возложили всю ревизію Штаба, отъ которой Строевъ уклонился, и я теперь просматриваю дѣла за 10 лѣтъ. Можете себѣ представить, какъ глупа, скучна и томительна эта работа.

Впрочемъ я самъ вызвался на это, зная, что безъ меня работа эта протянулась бы на долгое время. Наконецъ князь воспрянулъ и гнѣвно побуждалъ дѣятельность облѣнившихся нашихъ чиновниковъ. Я этому очень радъ. Теперь у насъ пошло нѣсколько живѣе, а то эти господа, которымъ все равно, жить ли здѣсь или въ Москвѣ, вовсе не торопились. Я одинъ, можно сказать, лѣзъ изъ кожи все это время. Жаръ, правда, разслабляетъ человѣка, но по благосклонности къ намъ Неба, погода теперь очень посвѣжѣла, но, къ довершенію бѣдъ, Астраханскія дамы сильно дѣйствуютъ на восковыя сердца этихъ господъ. Какъ бы ужаснулась Вѣра, увидѣвъ полъ-комнаты занятою грудами дѣлъ! Но всетаки ближе половины Ноября и думать нельзя объ отъѣздѣ.—Въ понедѣльникъ у Бюлера, съ дозволенія князя, былъ маленькій вечеръ. Были: Бутурлинъ, князья Тюмень и Матвѣевъ, правитель русской канцеляріи Хана Джамгира: очень умный молодой человѣкъ, изъ Казанскаго Университета. Я познакомился съ князьями Тюмень. Собственно теперешній владѣлецъ Хошоутовскаго улуса, полковникъ князь Сербеджабъ Тюмень (или Тюменевъ, какъ переиначили его русскіе), старикъ лѣтъ 70-ти, бывшій во французскомъ походѣ, предался теперь совершенно въ руки Гелюнчей или своего духовенства. Второй братъ, Церенъ-Дондо, штабъ-ротмистръ, грубый Калмыкъ, состоитъ по особымъ порученіямъ при здѣшнемъ военномъ губернаторѣ. Третій братъ, Церенъ-Норбо, причисленный къ казачьему войску, правитъ, за старостью Сербеджаба, улусомъ; умнѣйшее и хитрѣйшее существо. Всѣ они идолопоклонники. У Бюлера были Церенъ-Дондо и Церенъ-Норбо. Первый скоро уѣхалъ, но второй оставался долго, и я съ нимъ хорошо познакомился. Онъ говоритъ по-русски не бѣгло и не правильно, но ловко; чинитъ судъ и расправу между своими подвластными и много читаетъ. У него собрано все, что когда-либо было писано о Калмыкахъ, и говорить съ нимъ чрезвычайно интересно. Надо удивляться ловкости и умѣнью его обходиться въ образованномъ обществѣ, обществѣ христіанскомъ; какъ смѣтливо избѣгаетъ онъ всякаго щекотливаго разговора, какъ любезенъ и хитеръ въ то же время. Имѣетъ благородный вкусъ: куритъ сигары. Онъ чрезвычайно любимъ Калмыками и, пользуясь сво-

имъ вліяніемъ, все больше и больше распространяетъ между ними осѣдлость. «Только не надо насилія», говоритъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ о его мнѣніи касательно проэктовъ Правительства. Но наслѣдникъ улуса послѣ Сербеджаба Церенъ-Дондо и сынъ его, юный Церенджабъ, воспитывавшійся въ Казанской гимназіи. Церенъ-Норбо былъ сейчасъ у насъ съ визитомъ и привозилъ молодаго владѣльца Малодербетевскаго улуса, поручика князя Дундутова, который также заводитъ у себя хлѣбопашество. Церенъ-Норбо обѣщалъ мнѣ бурханъ или калмыцкій образъ, рисованіе котоtoраго онъ уже заказалъ Гелюнчамъ, ибо теперь хотя и есть готовые, но уже *освященные*, которыхъ намъ отдать нельзя. У Бюлера есть уже такой бурханъ. Трудно, невозможно изобразить Вамъ содержаніе бурхана. Оригинальность письма и изображеній такъ и вѣетъ на васъ Индіей (Впрочемъ, калмыцкое происхожденіе и религія изъ Тибета). Мнѣ надо будетъ пожертвовать въ пользу хурула или Калмыцкаго храма рублей 25. Непремѣнно ѣду 30-го Августа къ Тюменю на скачку.—Прощайте, дай Богъ, чтобы Вы были здоровы такъ, какъ я. Глубоко, душевно благодаренъ я Константину за письмо и вчера же принялся отвѣчать ему, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннемъ созерцаніи, нельзя писать скоро и не обдумавъ; да и письмо его надо мнѣ прочесть еще раза три, ибо оно принято мною очень серьезно.

5-го Августа. 1844 года. Суббота. Астрахань.

Съ радостью встрѣчаю я благодатную Субботу, съ самодовольствіемъ наслаждаюсь теперь часами отдыха. Я въ правѣ такъ говорить: ни одна недѣля не была такъ тяжела и утомительна для меня, какъ эта. Да, много поработалъ я на этой недѣлѣ. Въ Понедѣльникъ еще весь полъ комнаты былъ загроможденъ дѣлами Военнаго Штаба за цѣлые 10 лѣтъ, нынче же возвратилъ я ихъ на ломовомъ извощикѣ. Не скажу, чтобъ работа была трудна по существу своему, но дѣлъ было такъ много, ихъ надо было всѣ если не разсмотрѣть, такъ перелистовать, и соображеніе мое было точно на перекладныхъ. Я перебрасывалъ его, какъ чемоданъ съ телеги на телегу, съ дѣла на дѣло, и, несмотря на разно-

родность предметовъ, долженъ былъ попадать въ настоящую точку безъ долгихъ предварительныхъ разсужденій. Но эта дѣятельность и бдительность соображенія чрезвычайно утомительны, тѣмъ болѣе что я буквально почти работалъ цѣлый день, безъ отдыха, не давая никакого досуга посторонним мыслямъ и ощущеніямъ, отсылая ихъ къ тому времени, когда кончу работу. Но что еслибъ не предвидѣлось конца работѣ? А между тѣмъ, при добросовѣстномъ исполненіи служебныхъ обязанностей, мало остается времени для человѣка. Въ этомъ отношеніи служба вещь тяжелая. Чувствовать себя въ принужденномъ состояніи, чувствовать, что нѣтъ душѣ досуга расшириться, раздвинуть силы—стѣснительно для человѣка. Слава Богу, что крѣпкое тѣло мое выноситъ всякую работу, но право обидно, что вмѣсто того, чтобы похудѣть, я только толстѣю и тѣмъ могу подать поводъ дѣлать о себѣ ложныя заключенія. Впрочемъ, нѣтъ, даже въ Астрахани репутація моя та же, какъ и всюду. Но довольно объ этомъ. Это Высочайшее повелѣніе на счетъ Штаба много отняло у насъ времени. Съ будущаго Понедѣльника сажусь за писаніе отчета по Земскому Суду для того, чтобы дать Строеву возможность окончательно обдѣлать и внести въ общій отчетъ всѣ Уѣздныя мѣста по губерніи. Князь объявилъ рѣшительно, что мы выѣзжаемъ въ концѣ Октября, но, несмотря на то, я никакъ не предполагаю возможности выѣхать раньше 10-го или 15-го Ноября. Все это, разумѣется, въ такомъ только случаѣ, если не задержатъ насъ какія-нибудь новыя порученія, что легко можетъ случиться. Ревизія наша отличается силою и значеніемъ во мнѣніи Правительства. Почти всѣ отношенія Князя къ Чернышову были немедленно докладываемы Государю и имѣли успѣхъ сверхъ ожиданій. Огромная операція перевозки хлѣба на Кавказъ, до 300 тысячъ четвертей, много придала вѣсу ревизіи. Свистуновъ, генералъ Бутурлинъ были присланы сюда по Высочайшему повелѣнію, съ обязанностью быть въ полномъ распоряженіи Князя Гагарина и во всемъ испрашивать его разрѣшенія. На Кавказѣ строится крѣпость. Потребны матерьялы на огромную сумму, сумма эта оказалась недостаточною, и Князь остановилъ дальнѣйшее дѣйствіе, усомнясь въ доброкачествен-

ности матерьяловъ, о чемъ и написалъ въ Петербургъ. Тогда, по Высочайшему повелѣнію, присланъ сюда состоящій при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ Инженеръ-Полковникъ Евреиновъ съ тѣмъ, чтобы числиться на это время состоящимъ при Князѣ Гагаринѣ; ассигновано 140 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы были издерживаемы Провіантскимъ Комитетомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Князя. Такъ какъ мы не оставили ни одной части управленія въ покоѣ, то въ безпрестанной перепискѣ со всѣми Министрами. Такимъ образомъ мнѣ становится знакомѣе кругъ управленія, и я считаю это очень полезнымъ для себя. Въ то же время это придаетъ гораздо болѣе занимательности ревизіи, въ которой дѣла судебныя стоятъ, разумѣется, ниже дѣлъ по управленію.—Погода, которая съ Ильина дня нѣсколько перемѣнилась, становится опять очень жаркою. Нынче (Воскресенье) Преображеніе. Поздравляю Васъ съ праздникомъ. Здѣсь освящаютъ, кажется, не яблоки и груши, а виноградъ, который однакожъ еще зеленъ. Арбузы, дыни, груши, дули мнѣ уже начинаютъ надоѣдать. Жалко, что нельзя переслать Вамъ этихъ фруктовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и виноградъ свѣжій, только что сорванный. Какъ красивы кисти его, кисти такого размѣра и съ такимъ количествомъ ягодъ, что Вы и понятія о нихъ имѣть не можете. Персики еще не поспѣли, абрикосы прошли. И все это дешево до невѣроятности.

Здѣсь вошелъ въ моду сарафанъ. Астраханки поняли очень хорошо, что онъ гораздо легче и удобнѣе въ жаркую погоду. Разумѣется, какая-нибудь Сальянская Опека не надѣнетъ его, но купеческія дочери надѣваютъ его, какъ модное платье. Дѣйствительно, вкусъ ихъ заставляетъ оставить волосамъ французскую прическу à la Berthe, à la Reine Blanche, ибо безобразнѣе прически русскихъ дѣвокъ нѣтъ ничего, и я бы возопилъ, еслибы Константинъ захотѣлъ и на женщинъ распространить древніе русскіе обычаи. Разумѣется, что и сарафанъ носится не такъ, какъ носятъ его крестьянки, а со всею пріятностью французскаго женскаго платья. — Почта пришла и привезла мнѣ только два письмеца отъ Гриши и Маменьки отъ 29-го Іюля. Отесинька уѣхалъ въ деревню и

нынче, т. е. 6-го Августа, долженъ воротиться. Вообще же изо всѣхъ писемъ Вашихъ долженъ я сдѣлать заключеніе, что у меня больше всѣхъ способности писать длинныя и полныя письма... Не понимаю, для чего Самаринъ хочетъ служить у Панина. Служить ему надо или во 2-мъ Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, или въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, или же въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ онъ будетъ находиться въ кругу людей свѣтскихъ, въ третьемъ онъ можетъ познакомиться съ теперешнею дѣятельностью, управленіемъ Россіи, узнать ея матерьяльныя силы, средства и потребности, что все очень интересно. Но что будетъ дѣлать онъ въ Министерствѣ Юстиціи, въ кругу чиновниковъ или пошлыхъ правовѣдовъ? Неужели онъ хочетъ быть Столоначальникомъ и погрязнуть въ канцелярскихъ занятіяхъ?

9-го Августа князь отправляетъ въ Москву своихъ лошадей, нѣкоторую поклажу, двухъ или трехъ людей и курьера. Они должны будутъ проѣхать дней отъ 50 до 60. Слѣдовательно прибудутъ въ Москву за какой нибудь мѣсяцъ передъ нашимъ пріѣздомъ. Кажется, онъ посылаетъ въ Москву татарченка-форейтора. Эти Татары отличные кучера и должность эту исправляютъ они здѣсь всюду въ домахъ. Они же и извощики. Смѣшно то, что русскіе, которые живутъ съ ними очень дружно, зовутъ каждаго татарина-кучера Абдулкой, такъ что это сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, въ родѣ нашего Ваньки. Прощайте. Голова моя, еще усталая отъ работы, не находитъ ничего писать больше. На будущей недѣлѣ мнѣ все-таки будетъ легче, и тогда воротятся ко мнѣ разогнанныя мысли. Будьте здоровы.

Августа 12-го, 1844 года. Суббота. Астрахань.

Вотъ и еще недѣля прошла, еще недѣлею приблизились мы къ сроку нашего отъѣзда. Впрочемъ, эта недѣля протянулась для меня довольно скучно и долго, вѣроятно потому, что здѣшняя жизнь все болѣе и болѣе мнѣ надоѣдаетъ. На нынѣшней недѣлѣ написалъ я еще одинъ отчетъ (по

Земскому Суду), очистилъ еще нѣсколько работъ и съ будущей недѣли приступаемъ наконецъ къ Казенной Палатѣ, которую надѣемся кончить къ 1-му Сентября. Съ 1-го Сентября по 15-е всѣ, опять совокупными силами, трудимся надъ Губернскимъ Правленіемъ. Съ нашимъ навыкомъ теперь къ ревизіи можно полагать, что этотъ короткій срокъ будетъ достаточенъ. Съ 15-го Сентября по 15-е Октября Князь кладетъ на отчетъ и рапортъ Государю, а послѣ 15-го ѣдемъ! Такъ думаетъ Князь... Едва ли, говоримъ мы, не тѣмъ не менѣе употребимъ всѣ человѣческія усилія, чтобы исполнить его и наше желаніе. Поэтому съ будущей недѣли начнется опять жаркая пора для насъ, потому что дѣла, кромѣ ревизій Казенной Палаты и Губернскаго Правленія (которыя изо всѣхъ 36 присутственныхъ мѣстъ г. Астрахани и остались намъ), очень много. У меня одного не написанъ еще отчетъ по Рыбной Экспедиціи, Уголовной Палатѣ, Штабу и Гражданской Канцеляріи. Надо будетъ до обѣда ревизовать, а послѣ обѣда писать отчеты. Но во всякомъ случаѣ отрадно ужъ и то, что утомительная эта работа должна непремѣнно кончиться черезъ полтора мѣсяца, ибо остальное время будетъ занято составленіемъ общаго отчета, который не лежитъ на моей обязанности.— Въ Середу, противъ ожиданія, получилъ я одно письмо и двѣ посылки. Письмо было изъ Якутска, отъ Львова. Можете себѣ представить, какъ мнѣ былъ пріятенъ этотъ отголосокъ изъ другаго конца Россіи, отъ товарища, который такъ же, какъ и я, заброшенъ Богъ знаетъ куда судьбою. Онъ пишетъ мнѣ отъ 14-го Іюня, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ дальній путь... въ Камчатку! Годовые запасы чаю, сухарей, табаку уже отправлены впередъ. Онъ ѣдетъ вдвоемъ съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ и прислалъ мнѣ маршрутъ: изъ Якутстка въ Охотскъ верхомъ, изъ Охотска въ Петропавловскій портъ моремъ, въ Петропавловскѣ проживетъ до Декабря. Потомъ совершатъ путешествіе по Камчаткѣ на собакахъ и оленяхъ и въ Апрѣлѣ 1845 года воротятся въ Охотскъ, а въ Москву будутъ, можетъ быть, зимою того же года.—№ «Москвитянина», который я получилъ въ Середу, почти также глупъ, какъ и всѣ прочіе. Исключая интересной, какъ кажется, статьи о лекціяхъ Грановскаго, все остальное начинено Иванчинъ-Пи-

саревымъ, Суворовскимъ ратникомъ и т. п. Даже слово Иннокентія мнѣ не нравится. Скоро настанетъ зима: какъ увижу человѣка въ шубѣ, возопію словами Иннокентія: «это не Царь природы, а нѣкое какъ бы *страшилище* всего живущаго!» — Вы прислали мнѣ диссертацію Самарина: за это я очень благодаренъ и непремѣнно прочту ее всю, а Пановскую книжку, какъ гораздо менѣе любопытную, отложу до Москвы.—*Воскресенье*. Почта пришла и не только не привезла мнѣ обильныхъ писемъ, но и никакихъ. Это, право, нехорошо. Извѣстно Вамъ, что они въ скучной, однообразной моей жизни составляютъ единственнную отраду, награду законную мнѣ за утомительные труды, что цѣлая недѣля полна мыслью о Воскресеньѣ, когда придетъ почта и что-же? Воскресенье приходитъ, писемъ нѣтъ, и опять надо ждать цѣлую недѣлю. Пропускалъ ли я когда-нибудь почту? Мало того, всякое письмо мое объемомъ пространнѣе, больше Вашего. Мнѣ это очень, очень больно. Проникнутый этимъ непріятнымъ чувствомъ, я, право, не знаю, что и писать, тѣмъ болѣе, что всю эту недѣлю находился подъ вліяніемъ ипохондріи, происходящей, можетъ быть, отъ небольшаго физическаго нездоровья, прервавшаго постоянную нить моихъ занятій, чего я очень не люблю. Впрочемъ, теперь все это, слава Богу, прошло, но я остерегаюсь ѣсть Астраханскіе фрукты. — Какая скука! Безпрестанно приходятъ къ Оболенскому его Астраханскіе знакомые, а ко мнѣ нѣкоторыя должностныя лица съ изъявленіемъ своего почтенія. Нынче перебывало ихъ человѣкъ пять, и если кто на бѣду куритъ, и его потчивали сигарой, то кончено. Хорошія сигары здѣсь такъ рѣдки, что ужъ если кому она попалась, такъ тотъ ее выкуриваетъ до конца. Вотъ и этотъ Калмыцкій князь Тундутовъ сидѣлъ нынче цѣлый часъ.—На будущей недѣлѣ праздникъ, который, говорятъ, съ особеннымъ торжествомъ празднуется Армянами. Надо будетъ посмотрѣть.—Ужъ скоро часъ, и я спѣшу кончить письмо, тѣмъ болѣе что казенные пакеты въ нашей Канцеляріи, обыкновенно задерживающіе почту, нынче совсѣмъ готовы. Итакъ, прощайте, до Середы (ибо во Вторникъ праздникъ и можно будетъ писать) или до слѣдующей почты. Дай Богъ, чтобы хоть Августъ мѣсяцъ былъ у Васъ тепелъ и благорастворененъ.

1844 года, Августа 19-го, Суббота. Астрахань.

Въ середу на нынѣшней недѣлѣ получилъ я пакетъ большаго размѣра отъ Васъ, съ подлинною корреспонденціею изъ Парка съ Абрамцевымъ. Разумѣется, это было для меня очень интересно, но прежде чѣмъ отвѣчать на Ваши письма, обращаюсь къ событіямъ недѣли. Здѣшній Градскій Глава, купецъ 1-й гильдіи Голиковъ, человѣкъ очень умный и довольно образованный, лѣтъ 32-хъ (ходящій — о Константинъ!—въ цвѣтномъ фракѣ и въ соломенной шляпѣ), содержащій часть казенныхъ рыбныхъ откуповъ, захотѣлъ показать Бутурлину всю операцію рыболовства и сдѣлать изъ этого праздникъ. Онъ пригласилъ князя и насъ; князь не поѣхалъ, но разрѣшилъ намъ ѣхать. Во вторникъ, 15 го Августа, въ 10 часовъ утра, пріѣхали мы на пароходъ «Каму». Тамъ были многія изъ здѣшнихъ властей, все порядочные люди, и нѣсколько человѣкъ цивилизованныхъ (!) купцовъ. Цѣль нашего путешествія—Чаганское селеніе или Чаганскій учугъ, отстояло верстахъ въ 20-ти, и плыть должны бы были по Волгѣ. Погода, по обыкновенію, была чудесная. Кама гораздо больше, красивѣе и удобнѣе Астрабада, на которомъ мы ѣздили въ Карантинъ; — мы расположились на широкой палубѣ и закурили свои сигары. Чистый воздухъ, хорошія сигары, привѣтливость и радушіе хозяина, непринужденный разговоръ — все дѣлало плаваніе это чрезвычайно пріятнымъ, особенно для меня послѣ скучныхъ и утомительныхъ занятій. Но я сначала сообщу Вамъ предварительныя свѣдѣнія о казенномъ откупномъ рыболовствѣ. — Вы знаете, что рыба весною бѣжитъ изъ моря къ устьямъ рѣкъ, ища всюду прѣсной воды. Въ это время ея столько сталпливается, что ловить ее можно безо всякой трудности, но она обыкновенно пробирается и далѣе, вверхъ по рѣкѣ. Изъ многочисленныхъ устьевъ Волги большая часть сходится въ пять главныхъ пунктовъ. На этихъ пунктахъ еще Татары, не желая, чтобы красная рыба уходила къ русскимъ, устроили забойки или учуги. Это родъ заборовъ, вбитыхъ въ дно и простирающихся до аршина надъ поверхностью воды, а въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько ниже поверхности, для прохода лодокъ.

Можете себѣ представить, что рыба набивается въ этомъ пространствѣ въ такомъ количествѣ, что иногда весною составляетъ какъ бы сплошную стѣну. Да что говорить: когда ея всюду здѣсь такъ много, что пословица говоритъ: Астраханскій мужикъ осетра на печи поймалъ,—то сколько же ея должно быть здѣсь! Эти учуги или, лучше сказать, учужныя воды были подарены Павломъ князю Куракину, который, кажется, и отдавалъ ихъ въ откупъ тысячъ за 50. Когда тотъ князь Куракинъ, которому были подарены воды, умеръ, то Правительство стало увѣрять, что воды эти были подарены Куракину не въ потомственное владѣніе, а лично, и отняло эти воды обратно. Онѣ сохраняютъ названіе Куракинскихъ водъ. Правительство стало отдавать ихъ на откупъ, и съ нынѣшняго года на слѣдующее трехъ или четырехлѣтіе, не помню право, взяты онѣ извѣстными нашими откупщиками Рюминымъ, Кущинымъ (или Кузьминымъ), Якунчиковымъ и другими за 800 тысячъ слишкомъ ассигнаціями. Откупщики эти разбили воды на паи или участки и передали многіе другимъ, въ томъ числѣ и Голикову, который въ тоже время содержитъ и сады графа Кушелева-Безбородко, и другіе. Прочихъ мелкихъ здѣсь откупщиковъ бездна: это здѣсь главная промышленность. Каждый значительный промышленникъ имѣетъ на дому флагъ, суда, ловцовъ иногда до 500 человѣкъ. На казенныхъ откупахъ ихъ, кажется, болѣе 1000. Съ ловцами этими, съ каждою партіею или артелью отдѣльно, заключается контрактъ, которымъ каждый ловецъ обязанъ наловить въ весну или лѣто столько-то стерлядей, бѣлугъ или вообще рыбъ. За каждую рыбу полагается заранѣе условленная плата, напр. за каждую бѣлугу 1 рубль мѣдью, между тѣмъ какъ она одна можетъ своему хозяину выручить 100 и гораздо болѣе рублей. Иногда они не долавливаютъ, и хозяева взыскиваютъ съ нихъ неустойку по контракту или заранѣе выданныя деньги. Почти каждый ловецъ такимъ образомъ вырабатываетъ себѣ рублей до 400 и болѣе гораздо въ годъ, но большею частью деньги эти или проматываются въ разбалуй-городѣ Астрахани, или же переходятъ въ руки хозяина за испорченныя снасти, или въ видѣ неустойки. Всѣ они почти очень бѣдны, но легкость добычи денегъ заставляетъ и великороссійскаго

земледѣла оставлять плугъ и соху и бѣжать въ Астрахань, которая кажется имъ какимъ-то Эльдорадо и гдѣ они большею частію находятъ себѣ и раззореніе, и гибельный конецъ. Но я и прежде говорилъ Вамъ объ участи этихъ отчаянныхъ забулдыгъ (если позволите такъ выразиться), теперь же обращаюсь къ предмету моего разсказа. Послѣдними Указами воспрещены учуги и всякаго рода забойки всюду, кромѣ Куракинскихъ водъ, откупщикамъ которыхъ, сверхъ того, дарованы разныя льготы и привиллегіи, какъ-то употребленіе плавныхъ сѣтей и другихъ снарядовъ, другимъ недозволенныхъ. Чаганскій участокъ, одинъ изъ самыхъ обильнѣйшихъ рыбою, называется такъ отъ деревни Чаганъ, расположенной тутъ же на берегу Волги, гдѣ построенъ также обширный павильонъ. Павильонъ этотъ состоитъ изъ огромной залы съ галлереею вокругъ и съ нѣкоторыми боковыми комнатками для буфета. Онъ построенъ былъ еще въ то время, когда ждали сюда Императора Александра. Подлѣ него, невдалекѣ, расположены разныя зданія для приготовленія, соленія рыбы, дѣланія икры и т. п.—Наконецъ, послѣ двухчасоваго плаванія мы подъѣхали къ Чаганскому павильону и вскорѣ потомъ, размѣстившись въ косныхъ и другихъ маленькихъ лодочкахъ, отправились гулять взадъ и впередъ по водѣ, подъѣзжая всюду, гдѣ попадалась рыба. Ловля здѣсь въ настоящее время производится слѣдующимъ образомъ. Всюду разставлены порядки (техническій терминъ), изъ которыхъ каждый поручается одной лодкѣ ловецкой. Порядкомъ вообще называется снарядъ, отдѣльно дѣйствующій; но здѣсь называется такъ длинная веревка, поддерживаемая поплавками и протянутая отъ одного конца до другаго. Къ этой веревкѣ, на разстояніи одного аршина другъ отъ друга, привязаны удочки или просто толстыя веревки съ огромными крюками, на которые насаживается мясо или мелкая рыба. Ловецкая лодка ѣдетъ вдоль порядка, одинъ гребетъ, а другой, лежа на кормѣ, перевѣшивается почти совсѣмъ въ воду и перебираетъ руками каждую уду. Какъ скоро чувствуетъ тяжесть, то останавливается и вытаскиваетъ рыбу. Если она слишкомъ тяжела, то сейчасъ подъѣзжаютъ другія лодки и пособляютъ ему. Такихъ порядковъ бываетъ до 100 и болѣе, а этихъ крюковъ до нѣсколькихъ

тысячъ. Здѣсь порядки не могутъ быть слишкомъ длинны, но въ морѣ они простираются длиною версты на три, на четыре и плывутъ вмѣстѣ съ лодками, изъ которыхъ главная называется кусовою (цѣлое судно морской конструкціи хотя не чистой)—отъ того, что здѣсь рыба ловится на кусъ. Теперешнее время самое неудобное для рыболовства, и потому мы наловили очень немного, между прочимъ осетра пуда въ два, маленькую бѣлугу пудовъ въ пять и т. п. Разумѣется, для меня и это рѣдкость, хотя здѣсь на это едва обращаютъ вниманіе. Потомъ всю эту рыбу втащили на берегъ и положили на подстилку изъ лубковъ. Надлежало ее распластывать, разрѣзывать. Явился ловкій мужикъ, мастеръ своего дѣла, съ ножомъ и топоромъ. Въ одну минуту надрубилъ онъ топоромъ головы и потомъ, зная въ совершенствѣ анатомію рыбьяго тѣла, распоролъ каждую ножомъ, отдѣлилъ визигу, клей, икру и съ каждой обращался особеннымъ образомъ. Ловкость, проворство, вѣрность руки—изумительны. Говорятъ, такимъ образомъ можетъ онъ отдѣлать въ день рыбъ до 500! Потомъ пошли мы смотрѣть на приготовленіе икры, которую при насъ вынули изъ двухъ живыхъ осетровъ. Приготовляется она не слишкомъ аппетитно. Ее кладутъ въ рѣшето, которое ставятъ надъ ведромъ, и голыми руками начинаютъ тереть и мять въ рѣшетѣ, покуда зерна чистыя не пройдутъ въ ведро, и въ рѣшетѣ останется какое-то волокнистое, красное, мясистое вещество, отдѣляющееся отъ икры. Икру солятъ, и вотъ черезъ часъ готова отличная зернистая икра. Если же хотятъ сдѣлать паюсную, то эту же просѣянную икру кладутъ въ бочку съ тузлукомъ или разсоломъ и мѣшаютъ минутъ 20, не больше, потомъ вынимаютъ ее и кладутъ въ заранѣе приготовленные холщевые мѣшки. Мѣшки эти туго завязываются. Если слишкомъ велики, то кладутся въ прессъ, если не очень, такъ привязываются къ стойкамъ, гдѣ ихъ крутятъ до такой степени, что выступаетъ насквозь жирная, желтая матерія, отвратительная на видъ. Въ такомъ положеніи оставляютъ ихъ день на солнцѣ, и на другой день готова и паюсная икра. Мы видѣли только образчикъ, но операція эта обыкновенно производится въ огромномъ размѣрѣ.—Наконецъ воротились мы въ Чаганскій павильонъ, гдѣ нашли велико-

лѣпно сервированный обѣдъ. Хозяинъ почти не присаживался, а все смотрѣлъ, чтобъ гости его, которыхъ всѣхъ-то было человѣкъ съ 30, побольше ѣли и пили. Послѣ обѣда подчиваніе шампанскимъ не переставало, такъ что я наконецъ, чтобъ избавиться отъ хозяина, ходилъ съ нѣкоторыми другими осматривать окрестности. На другой день должны были мы вступить въ Казенную Палату, я помнилъ это очень хорошо и не хотѣлъ на другой день встать съ туманною головою. Часовъ въ 6 отправились мы на пароходъ и поплыли обратно. Здѣсь смеркается рано, скоро стемнѣло совсѣмъ, и полный мѣсяцъ озарилъ наше веселое плаванье. Ночь была чудесная, пароходу, и безъ того слабосильному, еще убавили ходу, чтобы насладиться вполнѣ очарованіемъ лунной ночи и веселаго расположенія духа. Шампанское, котораго въ Астрахани, я думаю, такъ же много, какъ и вездѣ въ Россіи, лилось рѣкою, но такъ какъ я болѣе самолюбивъ въ исполненіи своихъ обязанностей, нежели хорошій товарищъ для подобной компаніи, то, къ чести своей должень признаться, былъ бодръ и свѣжъ все время. Но къ стыду своему (должно опять признаться), я обманывалъ хозяина тѣмъ, что не отказывался ни отъ одного бокала, но часто обливалъ благородную Волжскую влагу благороднымъ виномъ или, попросту сказать, хитрымъ образомъ выливалъ вино черезъ бортъ. Въ этотъ вечеръ долго бесѣдовалъ я съ Бригеномъ, который очень почетнаго обо мнѣ мнѣнія. Слава Богу, ни одинъ изъ Сенаторскихъ чиновниковъ не компрометировалъ своего достоинства. Часу въ 11-мъ вечера воротились мы домой.—На другой день всталъ я съ головой совершенно свѣжей и сошелъ внизъ, чтобы идти вмѣстѣ съ Павленко и Розановымъ въ Казенную Палату. Между тѣмъ писали предложеніе князя Казенной Палатѣ о начатіи ревизіи и о доставленіи чиновникамъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній. Но князь велѣлъ переписать предложеніе, поименовать старшихъ чиновниковъ и назвать и меня вмѣстѣ съ ними старшимъ чиновникомъ, причемъ повторялъ прежнія свои любезности и остроты. На мою долю досталось самое трудное отдѣленіе—ревизское, но къ 1-му Сентября мы окончимъ Казенную Палату и съ 1-го Сентября вступимъ въ Губернское Правленіе, которое пред-

полагаемъ кончить къ 15-му (впрочемъ едва-ли). Но если кончимъ Губернское Правленіе къ 15-му Сентября, то тогда въ концѣ Октября можно будетъ выѣхать. Дай-то Богъ! Что-то не вѣрится.—Теперь отвѣчаю Вамъ, милый Отесинька, на Ваши сомнѣнія и вопросы о возможности ревизовать мѣста совершенно незнакомыя. Это можно по тремъ причинамъ: 1) потому, что предварительно ознакомившись съ уставами и узаконеніями, мы приступаемъ къ чтенію дѣлъ по крайней мѣрѣ за три года. Изъ этихъ дѣлъ усматриваемъ мы и примѣненіе къ случаямъ правилъ и весь ходъ производства; пользуемся, такъ сказать, готовою трехгодичною опытностью; 2) потому, что со стороны всегда виднѣе; 3) это возможно при трудѣ добросовѣстномъ, при тщательномъ вниманіи и при употребленіи разныхъ другихъ средствъ, напр. разговора съ какимъ-нибудь чиновникомъ того мѣста, который очень радъ, что вы его удостоили такой чести, и самъ не подозрѣвая, сообщаетъ намъ разныя свѣдѣнія, принадлежащія только опытности. По крайней мѣрѣ я не знаю, чтобы я до сихъ поръ гдѣ-либо опростоволосился, промахнулся. Что касается до Штаба, то дѣла, которыя требовали особеннаго моего вниманія, были такого рода, что знаніе военныхъ законовъ почти и не было нужно. Но конечно, недостатокъ опытности ощутителенъ не столько для ревизуемыхъ, сколько для насъ самихъ. Мы всѣ чиновники Министерства Юстиціи, которое въ общемъ управленіи играетъ самую незначительную роль. Особенно чувствую это я теперь, при ревизіи Казенной Палаты, которая именно требуетъ чиновника Министерства Финансовъ. Но такъ какъ Казенную Палату надо ревизовать или двѣ недѣли, или шесть мѣсяцевъ, и мы выбрали первое, то мы обойдемся и съ нашею, приловчившеюся уже опытностью, тѣмъ болѣе, что здѣшняя Казенная Палата имѣла все отличныхъ Предсѣдателей, которые умѣли держать ее въ порядкѣ.—Знаете ли что? Я хоть совсѣмъ не Славянофилъ, но такъ, изъ шутки, собралъ нѣсколько денегъ для церквей Далмаціи и Герцеговины. Да. Взялъ съ Бюлера 5 рублей, съ князя даже 10 рублей и наконецъ съ Оболенскаго 10 рублей 50 коп. Съ послѣдняго слѣдующимъ образомъ: онъ обѣщалъ дать мнѣ

деньги, если я присяду и въ тотъ же вечеръ напишу ему 24 стиха изъ Астраханіади, въ духѣ стиховъ: то чиновничія жены, разодѣты, набѣлены. Я сѣлъ и написалъ 30, за что получилъ лишнюю полтину. Стихи довольно плоховаты, но, слава Богу, критикъ не разборчивъ. Вотъ они. Это будетъ служить началомъ.

Густо, щедро наложила
И румяна и бѣлила,
Но не скрасила себя!

Я еще не посылаю Вамъ денегъ этихъ, потому что, можетъ быть, мнѣ удастся видѣться съ Смарагдомъ, здѣшнимъ Архіереемъ, и взять съ него деньги! Кстати, правда ли, что Филаретъ идетъ въ схимники? Однако и второй листъ приходитъ къ концу. Пора кончить. Прощайте, будьте здоровы. Обнимаю мою милую Олиньку, которой пришлю винограда съ транспортомъ. Здѣсь каждый мужикъ ѣстъ виноградъ какъ крыжовникъ: по 3 и 4 копѣйки за фунтъ! Впрочемъ онъ еще не совсѣмъ поспѣлъ, но кишмишъ необыкновенно хорошъ и теперь.

1844 года, 26-го Августа. Суббота. Астрахань.

Опять сажусь я въ опредѣленный день и часъ за свой зеленый столикъ, беру бѣлый листокъ почтовой бумаги и пишу къ Вамъ. Въ Среду получилъ я отъ Васъ небольшое письмо сверхъ абонемента и очень Вамъ благодаренъ за это, ибо надѣюсь и съ нынѣшнею почтою получить письмо по обыкновенію. Ну-съ, что Вамъ разсказать про эту недѣлю? На этой недѣлѣ трудился я надъ Казенной Палатой: часть мнѣ совершенно чуждая, да и отдѣленіе взялъ я самое трудное и многосложное, ибо въ составъ его входятъ рекрутскій столъ и рекрутское присутствіе. Вчера вечеромъ засѣлъ я за работу съ 7 часовъ вечера до 4-го часа ночи, да нынче съ 9 до 3-хъ, окончилъ совершенно свой отчетъ и представилъ его князю, который былъ не мало удивленъ. Итакъ и Казенная Палата сбыта съ рукъ, осталось одно Губернское Правленіе! При всей Вашей снисходительности

Вы, вѣроятно, чувствуете нѣкоторый оттѣнокъ самодовольствія въ тонѣ моего письма. Я и самъ чувствую, такъ какъ я все сознательно чувствую, но что за нужда: дѣйствительно, я нынче доволенъ собою и веселъ, право. Нанимаю писца, которому отдаю переписывать всѣ свои отчеты, ибо подлинные остаются при дѣлѣ. Они могутъ быть мнѣ современемъ очень полезны, поѣду ли я опять на ревизію или буду Прокуроромъ, и во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно будетъ имѣть этотъ памятникъ трудовъ своихъ и показать его Вамъ, сохранить его, какъ воспоминаніе молодости. Боже мой! до чего доходитъ нашъ вѣкъ: *это* воспоминаніе молодости! Какое разнообразіе въ отчетахъ: Коммиссія Продовольствія и Военный Штабъ, Гражданская Канцелярія и Рыбная Экспедиція, Строительная Коммиссія и Земскій Судъ, Казенная Палата, Судебныя инстанціи, Губернское Правленіе. Но довольно; уступивъ нѣсколько дѣтскому чувству тщеславія. обращаюсь къ другому. Я полагаю кончить Губернское Правленіе къ 15-му Сентября и къ 1-му Октября представить всѣ свои отчеты. Оболенскому ужасно хочется ѣхать въ Москву, чтобы пожить до Ноября въ деревнѣ. Вчера князь предлагалъ мнѣ—когда я кончу свои отчеты и вся работа перейдетъ уже на Строева, ѣхать въ Москву, если я пожелаю, недѣли за двѣ до его отъѣзда, т. е. въ началѣ Октября. Но я на это не согласился. Когда прожилъ уже 9 мѣсяцевъ, то ѣхать двумя недѣлями раньше было бы малодушіе, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы раздѣлить всѣ труды и подвиги ревизіи до конца, видѣть прощанье князя съ Астраханью, прочесть общій отчетъ и рапортъ Государю, и поэтому сказалъ Оболенскому, что если онъ хочетъ ѣхать, такъ чтобъ ѣхалъ одинъ, а я останусь. Но, кажется, и онъ перемѣнилъ намѣреніе. Разумѣется, Вамъ было бы пріятнѣе, такъ же, какъ и мнѣ, увидѣться со мною раньше, но Вы, вѣрно, понимаете сами и согласитесь со мною, что слѣдуетъ остаться до конца. Почта пришла и привезла мнѣ письмо отъ Васъ: да, я очень, очень благодаренъ Вамъ за то, что получаю теперь письма по два раза въ недѣлю, это достаточное вознагражденіе за два пропуска. Въ прошедшее Воскресенье ѣздили мы съ княземъ на Черепаху, имѣніе помѣщицы Ахматовой, смо-

тріяли ея садъ. Вообразите, на пространствѣ версты, если не больше, все виноградныя аллеи, въ которыхъ прохаживаешься преспокойно и ѣшь виноградъ 36 сортовъ. Почти всѣ члены ревизіи посылаютъ виноградъ въ Москву, и я въ томъ числѣ. Посылаю Вамъ 4 пуда чистаго винограда. Транспортъ отправляется въ середу, адресованъ я въ домъ Николая Тимоѳеевича, гдѣ Вы сдѣлайте должное распоряженіе. Его везутъ на тройкахъ, слѣдовательно, недѣли черезъ три онъ будетъ въ Москвѣ. Не знаю еще, что это будетъ стоить. Пудъ здѣсь никакъ не дороже пяти руб. ассигн. Если прикажете, такъ я и еще отправлю. Во Вторникъ и Середу праздникъ, и мы ѣдемъ въ Тюменю на пароходѣ (верстъ 70 отсюда). Компанія будетъ огромная; жаль, что и дамы ѣдутъ,—это насъ очень стѣснитъ. Дай Богъ только, чтобы погода перемѣнилась; вообразите, что произвелъ верховый вѣтеръ: въ Пятницу было по обыкновенію градуса 22 жару, въ Субботу не болѣе 15, ночью 5 и нынче только 10! Холодно ужасно, надо ходить въ теплой шинели. Разумѣется, съ перемѣною вѣтра будетъ опять жаркая погода, но если не перемѣнится, то холодно будетъ часовъ 10 провести на пароходѣ. Кстати, вмѣсто того, чтобы мнѣ пересылать къ Вамъ деньги, пожертвованныя въ пользу Далматскихъ церквей, потрудитесь выдать Панову 25 руб. 50 коп. ассигн., именно 10 р. отъ князя П. П. Гагарина, 10 р. 50 к. отъ князя Р. А. Оболенскаго, 5 р. отъ Барона Ѳед. Андр. Бюлера, а эти деньги останутся у меня; пусть Пановъ и пришлетъ сюда три экземпляра.

Астрахань. 3-го Сентября 1844 года. Воскресенье.

Съ нѣкотораго времени Вы стали баловать меня письмами, я получаю ихъ теперь два раза въ недѣлю; разумѣется, это для меня такъ пріятно, какъ Вы и представить себѣ не можете, хотя я вовсе и не претендую на сверхъ абонементныя письма. Только прошу покорно писать съ откровенностью: я написалъ Вамъ, что вслѣдствіе фруктовъ нехорошо чувствовалъ себя недѣли три тому назадъ, и вотъ Вы, милая Маменька, вообразили себѣ небывалое. Я *совершенно* здоровъ и прошу Васъ вѣрить. Но позвольте. Мнѣ

предстоитъ еще разсказъ о поѣздкѣ къ Тюменю. Тюменевка отстоитъ верстахъ въ 80-ти отъ Астрахани, и для поѣздки нанятъ былъ имъ одинъ изъ пароходовъ, Астрабадъ; Волга, глубокая въ этомъ мѣстѣ, подходитъ почти подъ самый домъ князя. Пароходъ этотъ, стыдъ и позоръ всѣхъ пароходовъ, безъ помощи парусовъ ходитъ только по 4 версты въ часъ; такъ что, по всей вѣроятности, такъ какъ здѣсь смеркается въ 7 часовъ, а ночью онъ не ходитъ, пароходъ долженъ былъ остановиться верстахъ въ 15-ти отъ Тюменя. Слѣдовательно, предстояло ночевать на пароходной палубѣ, что было бы очень скучно. Поэтому я рѣшился ѣхать сухимъ путемъ, вмѣстѣ съ Тундутовымъ, который отправлялся къ Тюменю и, разумѣется, былъ внѣ себѣ отъ чести, иною ему оказываемой. Въ 9 часовъ утра, во Вторникъ отправился я въ одно время съ пароходомъ, гдѣ было множество приглашенныхъ дамъ и мужчинъ. Къ счастію его подулъ попутный вѣтеръ и далъ ему возможность идти на всѣхъ парусахъ, что, въ соединеніи съ паровою силою, заставило его идти чрезвычайно быстро. Меня въ дорогѣ задержало то, что я долженъ былъ два раза переправляться черезъ Волгу, и Тундутовъ, большой трусъ, призывалъ на помощь содѣйствіе Калмыцкихъ маленькихъ образовъ, висѣвшихъ у него на шеѣ. Я пріѣхалъ къ Тюменю за полчаса до парохода, который величественно подошелъ къ самому берегу. Старикъ Тюмень и его братья стояли на берегу и принимали гостей; въ сторонѣ стояли Калмыки въ длинныхъ синихъ казакинахъ и въ національныхъ шапкахъ оранжеваго и желтаго цвѣта. Семейство Тюменей (или Тюменевыхъ, какъ называютъ ихъ русскіе) состоитъ изъ князя Сербеджаба, братьевъ его Церенъ-Дондока и Церенъ-Норбо и сына средняго брата, Церенджаба. Сербеджабъ, полковникъ лѣтъ 70-ти, владѣлецъ многочисленнаго улуса Хошоутовскаго, состоящаго, кажется, изъ трехъ тысячъ кибитокъ, былъ въ походѣ противъ Французовъ съ Калмыцкимъ полкомъ и даже прожилъ въ Парижѣ мѣсяцъ. Разумѣется, эта кампанія любимое его воспоминаніе, слабая сторона его, хотя онъ немногому научился во Франціи, развѣ только пить шампанское. *„Во Франціи былъ-съ, тою-съ, съ Блюхеромъ-съ* говорилъ, *въ Эперневъ-съ, Вел-*

миштона-съ зналь, тоге-са", говоритъ онъ всякому, когда вино развязываетъ его языкъ. Послѣ похода онъ вступилъ въ управленіе улусомъ и съ тѣхъ поръ, кажется, не покидалъ Астраханской губерніи. Онъ истый Калмыкъ въ душѣ и ревностный идолопоклонникъ, впрочемъ, добрый старикъ, пользующійся неограниченнымъ уваженіемъ и любовію своихъ подвластныхъ. У Калмыковъ старшій въ родѣ имѣетъ огромную силу. Сербеджабъ бодръ и свѣжъ и еще отлично ѣздитъ на лошади.. Церенъ-Дондокъ, братъ его лѣтъ 45-ти, гораздо грубѣе и необтесаннѣе; чиновникъ по особымъ порученіямъ при губернаторѣ, штабъ-ротмистръ гвардіи. Церенъ-Норбо, улусный судья, хитрѣе и умнѣе ихъ всѣхъ; онъ поручикъ казачій. Церенджабъ, воспитывавшійся въ Казанской гимназіи, мальчикъ лѣтъ 19-ти не больше, статный, ловкій; Европейская цивилизація однакожъ не мѣшаетъ ему, кажется, жить у дяди съ полнымъ удовольствіемъ. Еще братъ покойный Сербеджаба сталъ заводить осѣдлость въ своемъ улусѣ, построилъ домъ, развелъ садъ и приказалъ обработывать нѣсколько десятинъ земли. Братъ его продолжаетъ начатое имъ дѣло, ѣстъ и пьетъ по-европейски, построилъ еще нѣсколько домовъ и постоянно увеличиваетъ число десятинъ. Впрочемъ, лѣтомъ старикъ переходитъ жить въ бесѣдку, а братья живутъ въ великолѣпныхъ, изящныхъ кибиткахъ. Всѣ они чрезвычайно добры, ласковы и гостепріимны, любятъ русскихъ и не только не оскорбляются любопытствомъ, часто пустымъ и нескромнымъ, но охотно показываютъ свое Азіачество, какъ говорятъ они.—Кажется, я достаточно познакомилъ Васъ съ хозяевами, а потому продолжаю. Когда мы вошли въ домъ, то дамъ приняли двѣ княгини, жены Церенъ-Дондока и Норбо; послѣдняя довольно миловидная Калмычка. Трудно мнѣ описать Вамъ ихъ костюмъ: нѣсколько разноцвѣтныхъ халатовъ или капотовъ, надѣтыхъ одинъ на другой, что-то въ родѣ кучерской шапки на головѣ, по двѣ косы на каждой сторонѣ, вложенныя въ какіе-то футляры изъ черной тафты—вотъ что только я могъ замѣтить; остальныя принадлежности костюма требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія. Нельзя сказать, чтобы онѣ были застѣнчивы, но не слыхалъ ихъ говорящихъ. Военная музыка, привезенная на паро-

ходѣ, играла цѣлый вечеръ, продолжавшійся съ шести часовъ до часу пополуночи. Начались угощенія: то закуска, то варенья, то плоды, то разныя питья подавались вплоть до ужина. Этотъ вечеръ провелъ я очень скучно. Изъ мужчинъ почти всѣ сѣли играть въ карты, да, впрочемъ, изъ тѣхъ, съ кѣмъ бы можно было потолковать мнѣ охотно, никого не было; съ дамами я не знакомъ, да и не хотѣлъ знакомиться, ибо знакомства отнимаютъ много времени, и я избѣгаю ихъ. Но скучно находиться въ обществѣ людей, мало или совсѣмъ незнакомыхъ, и я съ радостью встрѣтилъ конецъ вечера. Насъ размѣстили спать по разнымъ комнатамъ; я спалъ во флигелѣ на сѣнѣ, и часовъ въ 7 мы были на ногахъ. Праздникъ собственно былъ въ этотъ день, т. е. 30-го Августа, въ Середу. Послѣ чаю дамы сѣли въ линейки, человѣкъ 20 мужчинъ сѣли на лошадей, остальные, въ томъ числѣ и я, размѣстились по тарантасамъ, коляскамъ и дѣдовскимъ рыдванамъ. Прежде всего отправились въ Хурулъ, калмыцкій храмъ, гдѣ въ это время совершалось идолослуженіе. Я увидалъ легкое бѣлое зданіе индійской архитектуры и долго, долго любовался имъ: я ничего не помню лучше и изящнѣе и привезу Вамъ рисунокъ. Я не могу Вамъ сказать: есть ли тутъ примѣсь китайской, но мнѣ казалось, будто на меня вѣетъ Азіей, только не Магометанской, а языческой, прекрасной. Жалко мнѣ, что Вы не можете видѣть самаго зданія; рисунокъ не передастъ Вамъ его легкости и красоты. Здѣсь я опять сдѣлаю маленькое отступленіе, чтобъ сообщить Вамъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о религіи Калмыковъ.

Калмыки происхожденія Монгольскаго, перекочевавшіе въ Россію въ 17-мъ столѣтіи, если не ошибаюсь (Калмыкъ на Монгольскомъ нарѣчіи значитъ: *бѣжавшій*, отпавшій), заняли свою религію у Тибета,—она называется Ламайскою или Буддійскою. Извините, если я сдѣлаю какую-нибудь ошибку, со мной нѣтъ Крейцера, чтобы справиться. Служеніе совершается на Тибетскомъ нарѣчіи, понятномъ только Гелюнчамъ и Ламамъ; хотя и есть переводъ нѣкоторыхъ книгъ, но переводъ древній, темный, а съ тѣхъ поръ языкъ калмыцкій чрезвычайно измѣнился. Когда Калмыки перешли въ Россію, то привезли съ собою и книги Тибетскія; съ тѣхъ поръ рѣдко сообща-

лись они съ родиною ихъ религіи, но Князь Тюмень, человѣкъ набожный, выписалъ уже давно тому назадъ всѣ принадлежности храма изъ Тибета и въ томъ числѣ разныя книги или письмена въ видѣ скрижалей. Главный богъ Калмыцкій является въ разныхъ видахъ и носитъ разныя названія, ибо, по ихъ понятіямъ, нѣсколько уже разъ совершалось его пришествіе на землю и нѣсколько разъ еще совершится въ извѣстные сроки. Второстепенныхъ боговъ много.

Я взошелъ во внутренность храма и такъ былъ пораженъ тѣмъ, что видѣлъ, такъ оглушенъ дикими, неистовыми звуками, что долго не могъ придти въ себя и приступить къ разсмотрѣнію. По стѣнамъ храма висѣли изображенія боговъ, тканыя и рисованныя, въ углубленіи стоялъ на алтарѣ литой истуканъ, Шекжемуни - Геге. Посерединѣ, отъ наружной двери до алтаря, вдоль сидѣли по обѣимъ сторонамъ на колдинахъ жрецы или служители храма въ странныхъ, необыкновенныхъ костюмахъ, неподвижно, молча, съ строгимъ и важнымъ выраженіемъ лица, съ глазами, потупленными внизъ. Одни держали въ рукахъ мѣдныя огромныя тарелки, другіе длинныя трубы (одна была въ сажень), третьи наконецъ держали въ рукахъ какія-то мѣдныя, кривыя палочки, а передъ ними стояли цимбалы. Одинъ, старшій изъ нихъ, стоялъ, а не сидѣлъ, въ длинномъ красномъ платьѣ. Сидящій посерединѣ дикимъ однообразнымъ голосомъ запѣлъ нѣсколько стиховъ молитвы и ударилъ тарелками, другой сталъ ему вторить, потомъ третій, наконецъ звуки инструментовъ, соединясь вмѣстѣ, произвели такую страшную, дикую, неистовую гармонію, что нервы потрясаются, и какое-то невольное внутреннее волненіе пробѣгаетъ по всему тѣлу; и при всемъ этомъ неподвижныя лица и медленныя, мѣрныя движенія. Простые Калмыки не имѣютъ права входить въ храмъ, но двери растворены, и звуки эти, вылетая, сильно дѣйствуютъ на ихъ воображеніе, наполняя ихъ смятеніемъ и страхомъ. Громче запѣвалъ жрецъ, когда умолкала музыка; громче становились звуки, сильнѣе, конвульсивнѣе ударялись цимбалы; странно начали жрецы подымать глаза къ небу и двигать губами, произнося невнятныя молитвы. Какой-то восторгъ сталъ овладѣвать ими, и вдругъ звуки затихли, и они опять стали не-

подвижны, но казались еще подъ вліяніемъ внутренняго восторга. Затѣмъ всѣ вышли изъ Хурула, спѣша на скачку. Но для меня это было самымъ интереснѣйшимъ предметомъ изо всего мною видѣннаго. Пріѣхавъ на мѣсто скачки, мы вышли изъ экипажей и расположились подъ открытою со всѣхъ сторонъ палаткой. Человѣкъ съ 50 Калмыковъ верхомъ ожидали знака, чтобы пуститься вскачь, и какъ только старикъ Тюмень подалъ этотъ знакъ, мгновенно съ крикомъ и визгомъ полетѣли они на быстрыхъ, неутомимыхъ коняхъ и скрылись изъ виду. Вообразите себѣ необъятную зеленую степь, пестроту и разнообразіе группъ, блестящіе дамскіе наряды и вдалекѣ пыль и гулъ отъ несущихся, какъ вихрь лошадей и притомъ ясное, свѣтлое, небо... Картина была прекрасная. Кругъ, который должны были объѣхать соревнователи, разстояніемъ былъ въ семь верстъ; они обязаны были сдѣлать его три раза и сдѣлали, какъ бы Вы думали, 21 версту въ 27 минутъ! Побѣдители получили призы: верблюда и двухъ лошадей, верблюда и одну лошадь, верблюда и корову и т. п. Потомъ скакали верблюды и проскакали кругъ, 7 верстъ въ 15 минутъ. Каково! Между тѣмъ въ палаткѣ старикъ Тюмень то и дѣло вспоминалъ про Францію и Эперней, т.-е. не щадилъ шампанскаго. Воротившись домой, мы скоро были свидѣтелями калмыцкой борьбы. Это очень любопытно, хотя я и небольшой охотникъ до такихъ потѣхъ, гдѣ для вашего удовольствія человѣкъ рискуетъ сломить себѣ шею. Приводятъ подъ покрываломъ одного борца, вслѣдъ за нимъ другаго; оба обнажены почти совсѣмъ, и когда снимутъ покрывала, то медленно начинаютъ они похаживать другъ около друга, вытягивая руки; потомъ вдругъ схватываются, переплетаются, падаютъ на землю, бьются въ пыли и стараются повалить на спину. Кто опрокинутъ на спину, тотъ побѣжденъ. Какая ловкость, какая сила, какое терпѣніе къ боли, ибо ни стона, ни крика не услышите вы, хотя часто тяжелое паденіе, сжатіе мускуловъ и членовъ въ мощныхъ рукахъ побѣдителя причиняютъ имъ большія страданія. Эти нагіе борцы часто принимали такія положенія, что, будь я скульпторъ, я бы изваялъ съ нихъ статуи. Эта забава на песчаной аренѣ имѣла что-то въ себѣ схожее съ съ играми Грековъ. Боролось много паръ всѣхъ возрастовъ.—

Послѣ обѣда отправились мы опять въ степь, гдѣ пасся табунъ дикихъ лошадей. Сначала позабавили насъ ястребиной охотой. Для меня это новость, и я съ любопытствомъ глядѣлъ, какъ ястребъ или балабанъ (здѣсь чаще употребляютъ балабановъ, особый родъ птицъ) догонялъ свою будущую жертву и, вцѣпившись въ нее когтями, спускался, вертясь, на земь. Потомъ глядѣли мы, какъ ловятъ и обучаютъ дикихъ лошадей. Калмыкъ съ длиннымъ арканомъ верхомъ вдругъ пускается въ табунъ, который въ испугѣ и смятеніи разбѣгается на всѣ стороны, и ловитъ арканомъ какую-нибудь лошадь. Чувствуя себя въ неволѣ, не знавъ никогда прежде ни узды, ни веревки, она ржетъ, пыхтитъ, роетъ землю, вскакиваетъ на дыбы, бьется, но человѣкъ пять или шесть сильныхъ Калмыковъ, повиснувъ у ней на шеѣ, не выпускаютъ ея до тѣхъ поръ, пока не вскочитъ къ ней на спину безъ сѣдла, безъ уздечки какой-нибудь маленькій калмыченокъ. Тогда снимаютъ арканъ и пускаютъ лошадь. Почуявъ свободу, она старается сбить сѣдока, но сѣдокъ, съ молокомъ наслѣдовавшій наѣздничество, крѣпко держится за гриву, и дикая лошадь, видя усилія свои тщетными, несется что вихрь по степи, мчится безъ оглядки. Тогда другіе Калмыки скачутъ вслѣдъ за нею и, догоняя ее при какомъ-нибудь поворотѣ, не отстаютъ отъ нея, и одинъ изъ нихъ подскакиваетъ такъ близко, что сидящій на дикой лошади въ мгновеніе ока, на всемъ скаку, ухватясь за руку Калмыка, перепрыгиваетъ къ нему на коня, а дикую лошадь загоняютъ въ табунъ. Это зрѣлище, исполненное удали и опасности, прекрасно, и мы часа два смотрѣли безъ устали. Потомъ вдругъ появилось красивое шествіе, будто на театрѣ. Впереди ѣхала верхомъ одна изъ калмыцкихъ княгинь, за нею тянулись верблюды, нагруженные всѣми кибиточными снарядами, и потомъ вслѣдъ шли Калмыки и Калмычки въ особенныхъ костюмахъ. Когда шествіе остановилось, тогда стали разбирать вьюки, бывшіе на верблюдахъ, и складывать кибитки, которыя менѣе чѣмъ въ полчаса были совсѣмъ готовы. Этотъ образчикъ перекочевки, разумѣется, не таковъ на самомъ дѣлѣ, но такъ милъ и красивъ, такъ театраленъ, что я долго имъ любовался.—Ввечеру были танцы, въ которыхъ, разумѣется, я не принималъ участія, потомъ

показали намъ танцы калмыцкіе. Ничего нѣтъ однообразнѣе, тише и спокойнѣе калмыцкаго танца. Калмычки, вытянувъ руки, медленно кружатся, дѣлаютъ какое-то движеніе кистями, потомъ сгибаютъ ихъ, подходятъ другъ къ другу, касаются руками, расходятся и т. п. Церенджабъ игралъ на скрипкѣ разныя калмыцкія аріи, но изъ нихъ ни одна мнѣ не понравилась. Старикъ Тюмень, внѣ себя отъ радости, что всѣ у него такъ веселы, поютъ, шумятъ, танцуютъ, захотѣлъ потѣшить гостей и проплясалъ самъ по-калмыцки. Дѣйствительно, вечеръ этотъ, несмотря на разнохарактерность компаніи, былъ довольно оживленъ, и веселіе было тѣмъ болѣе непринужденное, что дамы Астраханскія очень невзыскательны. Я ушелъ спать часу въ третьемъ, но многіе оставались пировать часовъ до пяти утра, и говорятъ что Тюмень, въ припадкѣ гостепріимнаго радушія, пѣлъ и плясалъ еще, только ужъ по-русски. Съ радостью всталъ я на другой день, зная, что это послѣдній день нашей праздности; нигдѣ такъ не хорошо, какъ дома; интересно видѣть что̀ видѣли мы у Тюменя, но жаль потерять трое сутокъ сряду. Въ половинѣ 10-го утра сѣли мы на пароходъ и пустились въ обратное плаваніе. Медленно подвигались мы, вѣтеръ былъ противный и холодный, и ночь, настигнувъ насъ верстахъ въ 10-ти отъ Астрахани, заставила остановиться. Дамы спали въ каютахъ, а мы всѣ на палубѣ, безъ постелей и подушекъ, что, несмотря на неудобство, было довольно смѣшно и забавно. На другое утро, въ Пятницу, часовъ въ 7, прибыли мы благополучно въ Астрахань. Я радъ былъ, что воротился хоть къ Астраханскимъ своимъ пенатамъ: скучно такъ долго быть въ кругу людей, такъ мало знакомыхъ.—Въ Субботу, т.-е. вчера, приступили мы общими силами къ Губернскому Правленію. Я взялъ себѣ самое трудное по отзыву всѣхъ отдѣленіе, IV. Дай Богъ справиться; много будетъ дѣла съ Губернскимъ Правленіемъ и едва-ли въ двѣ недѣли успѣетъ каждый изъ насъ кончить свое отдѣленіе. Опять теряется надежда воротиться въ Октябрѣ, что дѣлать! Хоть намъ и осталось одно Губернское Правленіе и всѣ прочія мѣста обревизованы, но трудно будетъ сводить концы, и это займетъ времени болѣе мѣсяца. Къ тому же и частные отчеты не всѣ написаны. Вы пи-

шете, что у Васъ холодная погода. Кажется, я писалъ Вамъ, что и у насъ были страшныя перемѣны. Теперь погода тепла, но сыра, а ночи просто холодноваты. Въ Середу отправился къ Вамъ виноградъ въ шести бочонкахъ, адресованный въ домъ Николая Тимоѳеевича. Пожалуйста, примите мѣры, чтобъ кто-нибудь былъ въ это время въ домѣ. А то постучатся, постучатся, не дозовутся дворника, и виноградъ и деньги пропадутъ.—Мнѣ же такъ хочется поскорѣе въ Москву, что, вѣроятно, по пріѣздѣ я не скоро покину ее опять. Мнѣ хочется опять пожить съ Вами, среди людей, съ которыми я могу сообщаться откровенно и свободно. Я намѣренъ совершенно иначе теперь распорядиться препровожденіемъ времени. Выпишу всѣ министерскіе журналы, чтобы слѣдить за развитіемъ законодательства во всѣхъ частяхъ, ближе ознакомиться съ статистикой и средствами финансовыми и матеріальными Россіи, изучу снова сводъ и буду жадно и пристально читать журналы и все то, что прежде пропускалъ безъ вниманія, т. е. то, что касается хозяйственной и промышленной стороны. Съ службою секретарскою я управлюсь такъ, что она не отниметъ у меня много времени; выѣзжать также мнѣ не хотѣлось бы. Если выѣзжать, такъ опять годъ у меня пропадетъ даромъ. Разумѣется, онъ во всякомъ случаѣ принесетъ мнѣ пользу, но я спѣшу обогатиться знаніемъ практическимъ Россіи, еще ближе ознакомиться, свыкнуться съ управленіемъ, чтобъ приготовить себя на будущее время, если буду занимать государственное мѣсто, или хоть губернаторомъ современемъ. Если жизнь въ губерніи и представляетъ мнѣ какую-нибудь выгоду, такъ именно ту, что у меня тамъ будетъ болѣе свободнаго времени.—Однакоже, написавъ въ одинъ присѣстъ два листа, которые стоятъ добрыхъ четырехъ, я усталъ, признаюсь Вамъ, и намѣренъ кончить. Прощайте, будьте здоровы и не увеличивайте своихъ хлопотъ безпокойствами на мой счетъ. Не забудьте написать мнѣ Вашего адреса, когда переѣдете въ Москву, и того, какъ надо подъѣхать къ дому, чтобъ шумъ колесъ не испугалъ Олиньку и видъ тарантаса не встревожилъ ея. Хоть мнѣ и совѣстно, но хочется попросить Васъ при наймѣ дома имѣть въ виду какую-нибудь отдѣльную, самостоятельную конурку для меня...

1844 года, 10-го Сентября. Воскресенье. Астрахань.

Вотъ и Сентябрь, праздничный мѣсяцъ. Поздравляю Васъ съ 14-мъ, милая Маменька и милый Отесинька, поздравляю и всѣхъ и въ особенности милую мою семнадцатилѣтнюю сестрицу. Письмо это получится если не 17-го числа, такъ по крайней мѣрѣ на другой день: возобновляю свои поздравленія и цѣлую заочно всѣхъ именинницъ. На этой недѣлѣ я получилъ отъ Васъ опять два письма. Изъ послѣдняго вижу я, что Отесинька отправился съ Гришей и Костей въ деревню, чтобъ поудить вмѣстѣ передъ прощаньемъ. Неужели Гриша не проведетъ вмѣстѣ съ Вами Сентября? Жалко мнѣ, что онъ ѣдетъ и что я не застану его въ Москвѣ. Одинъ братъ со двора, другой на дворъ, впрочемъ, промежутокъ времени будетъ великъ, по крайней мѣрѣ мѣсяца полтора, если не больше, потому что по послѣднимъ разсчетамъ нельзя будетъ намъ выѣхать прежде Ноября. Теперь сидимъ въ Губернскомъ Правленіи, которое слѣдовало бы обревизовать мѣсяца въ три, но оно находится въ такомъ запущеніи, что и ревизовать трудно и достаточно будетъ ограничиться указаніемъ главнѣйшихъ безпорядковъ, не входя во всѣ мелкія подробности. Если я окончу въ будущую Субботу IV Отдѣленіе, чего бы мнѣ очень хотѣлось, такъ мнѣ, вѣроятно, поручатъ еще первое, которое не должно меня задержать долго, такъ что къ 25-му Сентября я надѣюсь совсѣмъ окончить. Тогда, простясь съ присутственными мѣстами, я крѣпко засяду дома, стану писать отчеты. Несмотря на количество занятій, жизнь моя проходитъ такъ регулярно, что я не чувствую никакого утомленія и совершенно бодръ и свѣжъ. Никуда не ѣзжу я, и только приходъ почты составляетъ двѣ пріятныя эпохи въ недѣлѣ. Поэтому время проходитъ для меня довольно скоро и надѣюсь, что и предстоящіе мнѣ полтора мѣсяца пройдутъ такъ же. Послѣ ревизіи Губернскаго Правленія я буду занятъ отчетами; потомъ, кончивъ свои частные отчеты, я, вѣроятно, стану помогать Строеву въ сведеніи концовъ, но остальнымъ нашимъ молодымъ людямъ рѣшительно нечего будетъ дѣлать, и Оболенскій, можетъ быть, и не захочетъ дожидаться конца, а уѣдетъ одинъ, раньше. Но во всякомъ

случаѣ желанный брегъ скоро. Дурно только будетъ возвращаться позднею, холодною, грязною осенью, по сквернымъ дорогамъ, въ темныя ночи, но путь возвратный всегда хорошъ.

Нынче послѣ обѣда спускъ корабля купца Миръ-Багирова. Разумѣется, мы приглашены, и очень любопытно будетъ посмотрѣть это, но я еще не знаю, пойду ли, потому что Миръ-Багировъ ужаснѣйшій мошенникъ и имѣетъ много дѣлъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Конечно, это не можетъ имѣть никакого на дѣла вліянія, и мы ужъ это ему доказали, ревизія же почти окончена; тамъ будутъ всѣ губернскія власти и почти всѣ наши, и странно было бы не идти. Поэтому, можетъ быть, я и отправлюсь и потомъ пришлю Вамъ описаніе Персидскаго угощенія. — На дняхъ мы очень смѣялись за обѣдомъ, читая вслухъ стихи, присланные князю изъ Краснаго Яра. Я запомнилъ послѣдній куплетъ:

И пріѣздъ твой въ эти краи
Будутъ ввѣкъ потомки знать;
О тебѣ воспоминая,
Такъ и будутъ величать:
«Преразумнѣйшій бояринъ,
Павелъ Павловичъ Гагаринъ»!

Каково! Авторъ, Столоначальникъ Земскаго Суда, боясь, чтобъ стихи его не пропали на почтѣ, на конвертѣ подъ адресомъ подписалъ: со вложеніемъ акта. Можете себѣ вообразить, каково было изумленіе князя, нашедшаго вмѣсто акта стихи и письмо, въ которомъ авторъ проситъ, какъ милости, у князя позволить напечатать стихи эти въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но съ сохраненіемъ имъ расставленныхъ удареній!—Погода прекрасная, нѣсколько свѣжая, ясная и тихая. Письмо это пишу я на балконѣ и часто развлекаюсь прекраснымъ видомъ. Безпрестанно слышу выстрѣлы охотниковъ: дичи, особенно бекасовъ, здѣсь изобиліе. Тюмень приглашаетъ опять къ нему посмотрѣть охоту на волковъ: безо всякаго оружія, съ одною нагайкою Калмыки верхомъ нападаютъ на волка и часто сшибаютъ его съ одного удара. — Но пора кончить. Прощайте. Я намѣренъ здѣсь праздновать свое совершеннолѣтіе, т. е. созову

къ себѣ на верхъ двухъ, трехъ пріятелей и поужинаемъ. Давно не получалъ я никакихъ приказаній отъ милой моей Олиньки. Мнѣ было бы очень пріятно исполнить всякое ея порученіе; жду съ нетерпѣніемъ отзыва о виноградѣ.

Астрахань. 1844 года, Сентября 17-го. Воскресенье.

Нынче день именинъ, 17-е Сентября, поздравляю Васъ и всѣхъ именинницъ. Письмо это придетъ къ 25-му; поэтому я вновь поздравляю Васъ и съ 20-мъ, и съ 25-мъ числами и крѣпко обнимаю Васъ, милый Отесинька. Какъ скоро проходитъ Сентябрь! Только шесть недѣль осталось до Ноября, который мы полагали самымъ отдаленнымъ срокомъ, да и теперь во всякомъ случаѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ мы не проживемъ здѣсь. Вы пишете, милый Отесинька, про третью часть диссертаціи, про блестящіе и логическіе ея выводы. Выводъ этотъ мнѣ извѣстенъ, хотя диссертаціи знакомо мнѣ только начало, гдѣ говорится, если я не забылъ, что поэзія есть хранилище свободнаго слова и тамъ оно перестаетъ быть средствомъ. Впрочемъ, надо признаться, что всѣ эти вещи нельзя принимать обыкновеннымъ образомъ. Надо непремѣнно заводить голову, настроить ее такъ, чтобъ можно было дышать въ этомъ рѣдкомъ трудномъ воздухѣ мыслительной атмосферы. Для этого надобно время и особое расположеніе. Вотъ почему я и до сихъ поръ не отвѣчаю Константину на его письмо. Головѣ моей некогда уединяться въ отвлеченность, и я жду досуга, когда мнѣ можно будетъ спокойно пребывать въ состояніи мышленія и внутренняго созерцанія. Но вѣдь третья часть давно была кончена, стало, это ужъ обдѣланная, сглаженная? — Прошедшую недѣлю былъ я очень дѣятеленъ, надо признаться, и вчера, возвращаясь изъ Губернскаго Правленія, пѣлъ самому себѣ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ»! Я кончилъ IV отдѣленіе, между тѣмъ какъ другіе все копаются, кончилъ хорошо и доволенъ результатомъ. Но за то какъ же мы работали! Можетъ быть, съ будущею почтою я увѣдомлю Васъ, что хожденіе мое по присутственнымъ мѣстамъ прекратилось. Это будетъ мнѣ самымъ лучшимъ, пріятнѣйшимъ подаркомъ къ 26-му

числу; оставаться цѣлый день дома—большое наслажденіе, и въ двѣ, три недѣли я совершенно квитъ! Законно буду я пользоваться отдыхомъ. Вы пишете, милый Отесинька, что Вамъ страшно было бы неудовольствіе мое, когда бы я не нашелъ безпорядковъ. Я, конечно, радъ былъ бы душою, еслибъ все нашелъ въ должномъ, законномъ видѣ, но вѣдь вмѣстѣ съ этимъ существуетъ невольное убѣжденіе, что обманываешься, что подъ этою правильною, прекрасною наружностью таится зло и несправедливость. Вы не знаете еще, что такое это чиновническое понятіе, «письменная очистка», глубокій техническій терминъ! О, письменная очистка! о ней можно написать цѣлую книгу. Въ Россіи рѣдкій кто приноситъ къ служебному труду душевное участіе и истинное желаніе пользы, рѣдкій думаетъ о томъ, чтобы труднымъ путемъ служебнаго дѣла достигнуть настоящей благой цѣли. Механизмъ администраціи заставляетъ забывать о цѣли, и все служащее въ Россіи стремится къ одной лишь письменной очисткѣ. Для неслужившаго слово это не можетъ быть понятно во всемъ его объемѣ.—Въ прошедшее Воскресенье послѣ обѣда были мы на спускѣ корабля; здѣсь спускаютъ суда нехитрымъ образомъ. Корабль строится на отлогой покатости берега и удерживается отъ стремленія внизъ тремя или болѣе подпорками. Подъ тѣ мѣста, которыми корабль долженъ прикоснуться земли, спускаясь въ море, кладутъ доски, густо намазанныя рыбьимъ жиромъ. Видъ былъ чудесный. Впереди Волга и корабль, еще не дышавшій свободою, множество другихъ судовъ, опытныхъ, бывалыхъ, которыя стояли у береговъ и, казалось, готовились принять младенца отъ матери. (NB. богатое сравненіе!). Берегъ усѣянъ былъ народомъ, и пестрота Азіатскихъ одеждъ чрезвычайно красила этотъ видъ. Для гостей избранныхъ была раскинута большая палатка. Срубили одну подпорку за другой, тяжесть давленія напирала все болѣе и болѣе, оставалась одна, всѣ стояли съ трепетнымъ ожиданіемъ. Наконецъ срубили послѣднюю,—быстро и величественно спустился корабль по берегу и гордо, и красиво вступилъ въ воду, такъ и разрѣзалъ ее. Въ то же время раздалась музыка, пальба изъ пушекъ и крики привѣта. Я очень, очень былъ доволенъ этимъ зрѣлищемъ. Но у моряковъ дѣлаютъ это, говорятъ, еще искуснѣе и торжественнѣе.

Астрахань. 1844 года, 24-го Сентября. Воскресенье.

Сейчасъ получилъ Ваши письма отъ 16-го Сентября. Сколько у Васъ хлопотъ было! теперь, вѣроятно, все поуспокоилось. Это письмо пойдетъ уже по новому адресу. Вы пишете, что 16-го переѣзжаютъ деревенскіе жители, когда же переѣдутъ Башиловскіе? Да, пора переѣзжать: даже здѣсь, въ Астрахани, такая стужа, что трудно себѣ представить, и Астраханцы сердятся на насъ, что мы вмѣсто чудесной, роскошной осени привезли имъ холодную и сырую. Разница только въ томъ, что у Васъ, вѣроятно, опали всѣ листья, а здѣсь ни одного и все еще зелено. Впрочемъ, я радъ, что такая погода: легче оставаться дома. Увы! я писалъ Вамъ, что надѣюсь 23-го, т. е. въ Субботу, распроститься съ присутственными мѣстами. Не тутъ-то было. Въ прошедшее Воскресенье, занявшись пристально, часу въ 11-мъ вечера представилъ я князю отчетъ по Штабу. Разумѣется, онъ былъ очень радъ, но всего пріятнѣе для меня были его слова, какъ сожалѣетъ онъ, что Соляное Правленіе ревизуется не мною, что и для меня было бы полезно узнать еще лишнюю отрасль управленія, но главное сожалѣетъ потому, что этотъ источникъ богатства въ Россіи, соляная часть, находится въ такомъ еще младенческомъ состояніи, такъ мало для нея сдѣлано, такъ много остается сдѣлать, что можно было бы блистательно воспользоваться этимъ случаемъ, если не теперь, такъ въ остальное время служебной жизни. «Что П., говоритъ князь, труды его безплодны, ѣздилъ онъ на озера, все имѣлъ подъ рукою, а съ нимъ ни поговорить, ни извлечь изъ него какого-нибудь взгляда, мысли нельзя, и я очень жалѣю, что сдѣлалъ такую ошибку, не тебѣ, а ему поручивъ ревизію Соляного Правленія.» Вы, можетъ быть, удивитесь, что князь говорилъ это мнѣ, но, во-первыхъ, это съ нимъ случается рѣдко, во-вторыхъ, образованіе и воспитаніе кладутъ такую разницу между мною и этими господами, что мы на одной параллели стоять не можемъ, и это само собою разумѣется. Но мнѣ это очень пріятно, ибо доказываетъ, что не пошлыхъ трудовъ привыкли отъ меня ожидать. Дѣйствительно, сто соляныхъ озеръ Астраханской губерніи, изъ которыхъ одно Башунчатское заключаетъ въ себѣ соли больше, чѣмъ во

всей Европѣ, заслуживаютъ вниманія. Правда и то, что часть эта находится въ завѣдываніи ревниваго Министерства, не любящаго чужихъ распоряженій.—Съ Понедѣльника приступилъ я къ первому Отдѣленію, начальникъ котораго Вице-Губернаторъ, управляетъ теперь губерніей, и съ того же времени занялся новымъ отчетомъ, по Уголовной Палатѣ. Вчера, въ Субботу, объявилъ я князю, что кончилъ 1-е Отдѣленіе, и представилъ ему отчетъ по Палатѣ. Много, стало, было работы на той недѣлѣ, можете себѣ представить, хотя 1-е Отдѣленіе самое пустое. Я готовился ликовать, думалъ, что конецъ, но князь поручаетъ мнѣ 3-е Отдѣленіе, которое началъ было ревизовать П., но по случаю слѣдствія надъ Мартосомъ занятъ очень другими дѣлами. Это порученіе меня, какъ громомъ, поразило. Выходитъ, что я въ дуракахъ и, еслибъ не работалъ такъ усильно, то, протянувъ ревизію своихъ отдѣленій на нѣсколько времени, избавился бы, можетъ быть, отъ новой работы, которая по крайней мѣрѣ возьметъ дёнъ десять. Такимъ образомъ выйдетъ, что я одинъ, за исключеніемъ 2-го Отдѣленія, обревизую все Правленіе. Отчетовъ до сихъ поръ представлено мною восемь, остается еще три: по Рыбной Экспедиціи, Канцеляріи Губернатора и Губернскому Правленію. Съ завтрашняго числа приступаю къ 3-му Отдѣленію и къ отчету по Рыбной Экспедиціи. Опять въ виду мѣсяцъ безостановочной работы. Пора этому кончиться.—На дняхъ получилъ я съ оказіей письмо отъ Оболенскаго. Онъ правитъ должность Прокурора и теперь у Министра на счету первѣйшихъ юристовъ. Ему поручено между прочимъ просмотрѣть одно новое законодательное положеніе, такъ распорядились Шиповъ съ Шереметьевымъ. Я очень радъ успѣхамъ Оболенскаго, люблю его ото всей души, но не сознаю его юристомъ, надо признаться. Въ Казани ему очень весело, жизнью своею онъ вполнѣ доволенъ, но въ Декабрѣ хочетъ пріѣхать въ Москву, поэтому приглашаетъ меня на возвратномъ пути завернуть въ Казань, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать! Я ему не отвѣчалъ и всѣ отвѣты свои отлагаю до конца моего урока. Тогда я буду посвободнѣе, напишу и Оболенскому, Львову, и Сомову, который отчаянно просилъ у меня письма изъ Петербурга. Кстати о Петербургѣ. Неужели Сама-

ринъ не пишетъ къ Константину про впечатлѣнія Петербурга? Странно! — Завтра день Вашихъ именинъ, милый Отесинька, поздравляю Васъ и всѣхъ еще разъ, а послѣзавтра я именинникъ, также честь имѣю поздравить. Хотѣлось бы мнѣ позвать Вице-Губернатора праздновать совершеннолѣтіе ревизующаго его чиновника. Нѣтъ, я шучу, разумѣется, но хочу состряпать маленькій ужинъ для своихъ правовѣдовъ. Тарантасъ нашъ будетъ на дняхъ готовъ, просто чудо, широкій, легкій, съ разными удобствами. Онъ дѣлается подъ наблюденіемъ одного Шереметьевскаго крестьянина, славнаго, на все гораздаго мужика, который за это получаетъ мѣсто сзади нашего тарантаса. Онъ краснобай, знаетъ всевозможныя пѣсни и сказки и за живость свою прозванъ бѣшеннымъ. Я очень радъ буду ѣхать съ нимъ, потому что онъ и кузнецъ, и каретникъ вмѣстѣ, и можно будетъ у него поучиться руссицизмамъ. Удивительно, какъ простой народъ умѣетъ гнуть русскій языкъ и выражать на немъ ловко и вѣрно самые тонкіе оттѣнки мысли. Итакъ Гриша скоро ѣдетъ: Олинька, проводя одного брата, увидитъ скоро другаго. Я часто придумываю средства, какъ пріѣхать такимъ образомъ, чтобъ не произвесть особеннаго впечатлѣнія. Пусть она меня сама научитъ. Изъ газетъ вижу я, что магистръ Линовскій воротился и начинаетъ читать лекціи Сельскаго Хозяйства. Если судить по нѣкоторымъ его письмамъ, когда-то напечатаннымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», это должно быть очень важно и интересно. Только ему, послѣ путешествія по чужимъ краямъ, слѣдовало бы совершить путешествіе по Россіи, чтобы ближе познакомиться со всѣми источниками нашего сельскаго хозяйства, узнать, какія богатства должно и можно вызвать изъ нѣдръ Россіи. Вотъ напримѣръ предметъ этотъ, столь важный для государственнаго благосостоянія, вѣроятно, къ сожалѣнію, занимаетъ мало Константина по своей положительности. Это-то мнѣ и прискорбно. Что еслибы онъ хотѣлъ направить свою дѣятельность къ существенной пользѣ, къ цѣли уловимой! Мнѣ очень хотѣлось бы употребить будущій годъ на изученіе Россіи въ отношеніи къ ея матерьяльнымъ силамъ. Покуда эти господа будутъ думать и спорить, я хоть что-нибудь сдѣлаю, а потомъ вмѣстѣ съ дру-

гіяи приму отъ нихъ готовый плодъ умозаключеній, пользу отъ котораго они, по недостатку другихъ положительныхъ свѣдѣній, извлечь едва-ли будутъ въ состояніи. Разсчетъ, повидимому, эгоистическій, но въ сущности разумный и благой. Я не беру на себя ничего, не имѣю столько самонадѣянности, но по крайней мѣрѣ указываю путь. Поэтому-то мнѣ и хотѣлось бы призвать къ положительной дѣятельности... Я вполнѣ уважаю ихъ, люблю ихъ, но пойду своимъ путемъ и не желалъ бы отвлекаться будущей зимой отъ исполненія моего намѣренія и занятій посѣщеніями этихъ вечеровъ. Но я прекращаю этотъ разговоръ, который заочно можетъ быть понятъ и принятъ непріятно для меня. Прощайте, будьте здоровы. За дѣло, съ Богомъ, и мѣсяца чрезъ полтора или два я увижусь съ Вами. Время такъ скоро проходитъ, что, право, я не успѣваю ни обсудить, ни подумать ничего на недѣлѣ и сажусь за письмо, какъ будто вчера только что отправилъ прежнее.

Астрахань. 1844 года, 1-го Октября. Воскресенье.

Нарочно сажусь раньше за письмо къ Вамъ, чтобъ скорѣе его кончить. Хочется воспользоваться этимъ днемъ, чтобъ на досугѣ и при бѣломъ свѣтѣ поработать надъ отчетомъ по Рыбной Экспедиціи. До обѣда я бываю всегда занятъ въ Губернскомъ Правленіи, слѣдовательно могу писать отчетъ только при свѣчахъ, вечеромъ; это очень затруднительно, когда надо читать и соображать въ то же время разныя производства, дѣла, отдѣльныя записки, лоскутки, писанные всѣми возможными почерками. На прошедшей недѣлѣ, т. е. вчера, кончилъ я первый столъ IV Отдѣленія и отчетъ по экспедиціи въ отношеніи къ рыбному промыслу, листовъ 12. Нынче хочу все это повѣрить, сообразить и перечесть, чтобъ имѣть возможность отдать переписывать. А съ Понедѣльника примусь за второй столъ IV Отдѣленія и за послѣднюю часть отчета—по тюленьему промыслу, такъ чтобы въ будущую Субботу могъ я совсѣмъ окончить Губернское Правленіе и подать князю отчетъ по Рыбной Экспедиціи. Этотъ отчетъ самый трудный и многосложный. Теперь я весь полонъ своею работой, которая

всегда давитъ меня, пока я ея не окончилъ, но въ будущее Воскресенье, вѣроятно, я напишу къ Вамъ ликующее письмо. Въ Губернскомъ Правленіи я нашелъ гораздо больше работы, чѣмъ ожидалъ... Я не захотѣлъ удовольствоваться ревизіею и замѣчаніями П... и перервизовалъ все вновь, чему очень радъ, ибо нашелъ вдесятеро больше, чѣмъ онъ.

26-е Сентября, день моего рожденія, прошло, какъ и всѣ дни, за работой. Вы знаете, что для меня этотъ день всегда самый скучный и непріятный, не знаю, почему. Вотъ мнѣ и совершеннолѣтіе стукнуло. Какая у насъ холодная, сырая, вѣтренная и грязная осень, трудно себѣ представить; ничѣмъ не лучше Петербургской. А во время оно въ эту пору въ Астрахани росли цвѣты и воздухъ былъ самый благорастворенный до Ноября, когда начинались дожди. Теперь все измѣнилось. Мы вставили окна и начали топить.

Вотъ уже и 1-е Октября. 4-го будетъ ровно девять мѣсяцевъ, что мы выѣхали изъ Москвы. Десять проживемъ непремѣнно и, вѣроятно, захватимъ половину одиннадцатаго. Въ Октябрѣ многое имѣетъ быть сдѣлано. Теперь всѣ присутственныя мѣста почти кончены, остается писаніе отчета и предложеній. На нынѣшней недѣлѣ ѣдетъ къ Военному Министру отчетъ мой по Штабу, разумѣется, нѣсколько въ сокращенномъ видѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю будущей Субботы, т. е. конца ревизіи Губернскаго Правленія. По крайней мѣрѣ тогда я буду оставаться дома и дома, днемъ работать за отчетами. Все легче. Такъ и быть, въ будущее Воскресенье, на радости, сдѣлаю визитъ доброму Атаману! Но я знаю также, что какъ скоро я кончу свои работы, князь завалитъ меня другими, онъ уже проговаривался. Это всегдашняя участь тѣхъ, кто работаетъ много и скоро, такъ что остаешься въ дуракахъ передъ другими, которые работаютъ медленно, спокойно, не стѣсняясь нисколько, а потому и не обременяются новыми порученіями. Не придется ли мнѣ раскаяваться, что я заказалъ тарантасъ. Если мы должны будемъ возвращаться опять зимнимъ путемъ, то онъ едва-ли будетъ нуженъ, и въ немъ можно будетъ доѣхать только до Царицына.

Что сказать Вамъ еще интереснаго? Рѣшительно нечего. Я не существую настоящимъ образомъ и время летитъ въ

работѣ безъ отдыха, а содержаніе моего отчета нисколько незанимательно для Васъ, да и для меня мало, ибо, вслѣдствіе ревизіи, членны экспедиціи всѣ уже смѣнены, была назначена Коммиссія для повѣрки тюленя, производится слѣдствіе надъ Секретаремъ, Министру писано, сочинены проэкты новыхъ временныхъ правилъ до совершеннаго преобразованія Устава Экспедиціи, словомъ — отчетъ мой по ревизіи нѣсколько опоздалъ и принесетъ мало результатовъ, ибо всѣ они были вслѣдствіе самой моей ревизіи, о которой я докладывалъ ежедневно князю. Но теперь все это собирать во едино и приводить въ систему трудно.

1844 года, Октября 7-го, Суббота.

Тпрру, тпрру, тпрру, тпра, тпра... вообразите, что это труба... Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ! Я кончилъ Губернское Правленіе! Да, милый Отесинька и милая Маменька, наконецъ я распростился со всѣми присутственными мѣстами. Вчера кончилъ Губернское Правленіе и подалъ отчетъ по рыбной Экспедиціи. Стало теперь мнѣ остались только два отчета: по Гражданской Канцеляріи и по Губернскому Правленію. Послѣдній почти за все Губернское Правленіе, исключая только 2-го, и будетъ очень великъ: однихъ замѣчаній теперь листовъ 60; разумѣется, многое вычеркнется, сократится, но многое и прибавится. Къ 21-му Октября надѣюсь все окончить. Теперь я все свободнѣе, ибо буду сидѣть дома, а отчеты меня не затрудняютъ. Теперь довольно дѣятельно идетъ окончательная работа. 4 человѣка писцовъ ежедневно заняты перепиской отдѣльныхъ частей уже *общаго* отчета, и время отъѣзда яснѣе видится. Мы, вѣроятно, во всякомъ случаѣ поѣдемъ раньше Князя, ибо всѣмъ вдругъ нельзя же ѣхать. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ собираются ѣхать въ концѣ этого мѣсяца, по окончаніи своихъ отчетовъ. Во всякомъ случаѣ около 20-хъ чиселъ Ноября я надѣюсь быть въ Москвѣ. Князь поѣдетъ въ Петербургъ и не распуститъ насъ по должностямъ до Января мѣсяца, ибо намъ нельзя будетъ явиться на службу безъ бумаги или отношенія Князя. Такъ я надѣюсь мѣсяцъ пожить совершенно на свободѣ.

У насъ очень скверная осень. Сдѣлайте одолженіе, милый Отесинька, не отдавайте своего кабинета подъ мое помѣщеніе; это было бы забавно и неприлично, да и гдѣ же будемъ мы сходиться послѣ обѣда и курить? Мнѣ хотѣлось бы только имѣть уголокъ, гдѣ бы я могъ заниматься службой и чтеніемъ. Послѣднее, вѣроятно, по мнѣнію всѣхъ, кромѣ Васъ, сочтется болѣе уважительною причиной, ибо, кажется, до сихъ поръ не могутъ привыкнуть вѣрить важности исполненія служебныхъ обязанностей. Олинькино письмо было мнѣ такъ неожиданно-пріятно, что я долго всматривался въ буквы, ею начертанныя, чтобы судить о твердости или слабости ея руки.

На дняхъ я получилъ своего бурхана, очень искусно сдѣланнаго. Онъ скатывается на палку и потому дорогой не можетъ измяться. А Бюлеръ досталъ себѣ не только образъ, но даже литого мѣднаго идола. Онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Коммиссіей на Соляныя озера, верстъ за 200, такъ, не имѣя никакого особеннаго порученія. По дорогѣ заѣзжалъ онъ въ настоящіе улусы, видѣлъ кочевку, былъ вездѣ въ кибиткахъ, и въ Яндыко цахуровскомъ безъ жалости досталъ себѣ идола. Законъ Калмыковъ запрещаетъ имъ отдавать освященную вещь человѣку чуждому. Мѣдныхъ и позолоченыхъ идоловъ привозятъ они съ величайшимъ трудомъ (такъ говорятъ они по крайней мѣрѣ) изъ Тибета. Бюлеръ убѣдилъ Бакши, главнаго изъ духовныхъ въ томъ улусѣ, уступить ему одного изъ идоловъ. Тотъ, человѣкъ политичный, не смѣлъ отказать, а русскій улусный Попечитель просто приказалъ отдать бурхана. Съ великою печалью принесли Гелюнчи ему бурхана, съ подобострастіемъ держа его надъ головою. Впослѣдствіи оказалось однако, что они вынули изъ него то, что по понятіямъ ихъ дѣлаетъ его священнымъ и драгоцѣннымъ. Въ каждомъ мѣдномъ идолѣ есть пустота внутри сердца, куда влагаются драгоцѣнные камни, золото и т. п. Впрочемъ, такихъ идоловъ у него много. Изображеніе идола на бумагѣ Вы увидите у меня. Былъ онъ также на Калмыцкомъ обѣдѣ, за которымъ сытнѣе и лучше всѣхъ ѣли жирные Гелюнчи,—духовныя лица. Послѣ обѣда, съ позволенія сказать, начинаютъ всѣ... рыгать. Кто постарше и попочетнѣе, тотъ рыгаетъ громче, а Гелюнчи громче

всѣхъ. Это не выдумка. Русскіе чиновники такъ свыкаются съ этими Калмыками, что выучиваются ихъ языку и не брезгаютъ ихъ пищей. Есть одинъ отставной чиновникъ, который окрестилъ Калмычку, женился на ней, надѣлъ тулупъ и живетъ теперь въ кибиткѣ, между Калмыками, занимаясь скотоводствомъ. Этого я не могу понять.

По разсказамъ, Соляныя озера необыкновенно интересны. Вообразите себѣ въ степи огромное пространство, круглой формы, версты полторы или двѣ въ окружности, покрытое гладкою, какъ ледъ, бѣлою поверхностью. На берегу сложены бугры, пудовъ въ 200 тысячъ соли. И все это охраняется однимъ часовымъ, старымъ инвалидомъ. Вотъ богатство, которое ничего не стоитъ Казнѣ. Въ одной Астрахани ежегодно выламывается до трехъ милліоновъ пудовъ соли, а если выламывать соль изъ Баскунчатскаго озера и изъ горы Чипчачи, то это количество увеличилось бы вчетверо, если не больше. На другой годъ—опять садка соли и опять таже добыча. Весною вода ломаетъ этотъ соляной ледъ и потомъ застываетъ, а добывать соль надо во время садки. Процессъ этотъ мнѣ, не видавшему соляныхъ озеръ, нѣсколько теменъ. Лѣтомъ Калмыки въ кожаныхъ бахилахъ, при сильнѣйшихъ жарахъ, работаютъ такъ, какъ не сталъ бы работать русскій ни за какія деньги, поэтому-то всѣ соляные рабочіе—Калмыки, изъ которыхъ каждый за лѣто получаетъ рублей сто. При озерахъ есть смотрители, русскіе чиновники, которые живутъ съ семействомъ тамъ лѣтъ по десяти и болѣе. Кругомъ степь, ни души живой человѣческой, безчувственное смуглое лицо Калмыка, который ежедневно посѣщаетъ озеро и рапортуетъ, выставивъ голову въ окно: озеро менду, т.-е. озеро здорово... Какая жизнь! Лѣтомъ она оживляется нѣсколько. Смотритель занятъ, наблюдаетъ за рабочими, но съ Августа мѣсяца опять начинается то же однообразное существованіе въ этой глухой, песчаной степи. Самоваръ и вино—вотъ его занятія. Вообразите же себѣ жизнь его семейства, если оно есть, развитіе и существованіе молоденькой дѣвушки, которой взоръ встрѣчаетъ только или песчаную. или гладкую соленую поверхность и ни одного оживленнаго человѣческаго лица, кромѣ знакомаго образа старика-отца или подобострастнаго Калмыка? Почта рѣдко

закидываетъ сюда письма, пріѣздъ новаго чиновника—эпоха. Впрочемъ, при Гайдукскомъ озерѣ живетъ смотритель Хватковъ, который уже лѣтъ 30 въ этой должности, не покидая почти озеръ, но окруженный книгами и журналами. Чтеніе и одиночество сдѣлались для него привычкой. Когда-то служилъ онъ въ военной службѣ, дрался противъ Горцевъ и съ тѣхъ поръ—живетъ мирно, чистый, опрятный, добрый, умный старикъ! Какъ безконечно различны виды человѣческаго существованія! И это жизнь?

1844 года, Октября 15-го. Астрахань. Воскресенье.

Нѣтъ, видно мнѣ долго не будетъ отдыха. Эту недѣлю я такъ пристально работалъ, что рѣшительно не было ни минуты свободнаго времени. Вчера вечеромъ подалъ я свой отчетъ по Губернаторской Канцеляріи, десятое мое дѣтище. Отчетъ этотъ вышелъ гораздо труднѣе и обширнѣе; хотя я и могъ бы писать его дольше, потому что очередь до него дойдетъ нескоро, но Вы знаете, что я до тѣхъ поръ не бываю спокоенъ, пока не кончилъ своей задачи. Что всего болѣе затрудняетъ, это хаосъ бумагъ и замѣчаній, давно забытыхъ, которыя надо перечесть и привести въ порядокъ. Но навыкъ и нѣкоторая увѣренность, что выработается хорошо, какъ и въ другихъ случаяхъ, много способствуютъ. Я знаю, что къ концу недѣли всетаки подамъ отчетъ, какъ бы онъ труденъ ни былъ, такъ и случилось теперь. Осталось мнѣ одиннадцатое дѣтище—Губернское Правленіе, отчетъ по которому будетъ легче писать: все еще свѣжо въ памяти, да и замѣчанія писались не на лоскуткахъ, а въ тетрадяхъ, въ порядочномъ видѣ. При всемъ моемъ порядкѣ я довольно безпорядоченъ.—Курьеръ сказалъ Вамъ вздоръ, что я былъ серьезно боленъ. Я былъ боленъ одни сутки отъ разстройства желудка. Отъ слабости мнѣ спалось ежеминутно. Но благодаря моей крѣпкой природѣ, ночью выспался я превосходно и на другой день поутру принялся за работу и кончилъ отчетъ по Земскому Суду. Тогда я сошелъ къ Князю, чтобъ ему представить отчетъ; онъ предложилъ мнѣ, какъ лекарство, рюмку прекраснаго шато-лафита, я ее и выпилъ, но со мною сдѣлалась вдругъ

такая дурнота, что я чуть не упалъ и принужденъ былъ сѣсть. Черезъ нѣсколько минутъ это прошло, и я обѣдалъ вмѣстѣ со всѣми, соблюдая самую плохую діэту. Вотъ вамъ всѣ происшествія моей болѣзни. Правда, въ эти одни сутки я очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ, но дня черезъ четыре не осталось никакихъ слѣдовъ. Я уже писалъ Вамъ, что я совершенно, слава Богу, здоровъ, нисколько не похудѣлъ, и что не только у меня образовалось два подбородка, но даже проектируется фасадъ третьяго.—Вставая въ седьмомъ часу и начиная заниматься въ девятомъ, я успѣваю выкурить на ходу сигару, что почти составляетъ $^3/_4$ часа, и напиться чаю. Возвращаясь изъ присутственнаго мѣста, за полчаса до обѣда, я опять хожу по комнатѣ, и хотя это немного, но чувствую отъ этого большую пользу для пищеваренія. Всякій разъ, какъ я измѣняю этимъ правиламъ, я не чувствую себя такъ легко. Главное—не надо спать днемъ и не спать никакъ болѣе семи часовъ. За то, благодареніе Богу, аппетитъ у меня отличный и сонъ чудесный. Я сплю не останавливаясь, насквозь, будто упалъ въ пропасть, и просыпаюсь, когда достигаю дна. Впрочемъ, не надо имѣть никакихъ привычекъ, даже привычекъ регулярной жизни. Онѣ развиваютъ сильно эгоистическое начало, я это чувствую: многаго не захочетъ человѣкъ сдѣлать, если это нарушаетъ его привычки, здѣсь опять маскированная лѣнь, еслибъ привычки даже были нелѣниваго свойства.—Какая гнусная погода: сырость, холодъ, дожди. Несносно это потому, что почта опаздываетъ и вмѣсто того, чтобы получить письмо нынче, когда у меня болѣе свободнаго времени, получу его завтра, когда присяду за Губернское Правленіе. Общій отчетъ подвигается, но медленно и, вѣроятно (и то дай Богъ!), кончится не ближе 20-го Ноября. Но я дожидаться конца не буду, по разнымъ причинамъ: во первыхъ, къ 1-му Ноября я совсѣмъ окончу свою работу и мнѣ дѣлать будетъ нечего; во вторыхъ, Оболенскій былъ, да и теперь еще очень боленъ лихорадкой, и лучшимъ лекарствомъ ему будетъ, чуть онъ поправится, бѣжать Астраханскаго климата; но третья и самая главная причина, это тарантасъ. Если мы выѣдемъ 8-го, то и то едва ли можно будетъ доѣхать на колесахъ. Бросить 300 рублей на тарантасъ, чтобы оставить его въ Астрахани и покупать ки-

битку, безъ всякихъ уважительныхъ къ тому причинъ, было бы безразсудно. Князь самъ уговариваетъ насъ не упускать колеснаго пути. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ мы выѣдемъ не ближе 8-го или 9-го Ноября. Черезъ мѣсяцъ слишкомъ я въ Москвѣ!

Неужели Костя не сбрилъ бороды и не скинулъ зипуна? Право, это можетъ навлечь ему множество непріятностей, насмѣшекъ, которыя только раздражатъ его, и изъ чего все это, какая существенная отъ того польза? Я никогда не надѣну зипуна прежде времени; можетъ быть отъ малодушія, но болѣе изъ благоразумія; къ чему я подвергнусь столькимъ хлопотамъ, баснямъ и общему говору? Не черезъ смѣшное достигаютъ великія мысли исполненія, и зипунъ, подвергшійся осмѣянію, еще болѣе упадетъ въ общемъ мнѣніи. Свѣтъ такая дрянь, что и дѣйствовать въ немъ не привлекательно, по крайней мѣрѣ, сколько я могу судить по разнымъ свѣтскимъ фигурантамъ, мнѣ знакомымъ. Однако прощайте. Болѣе трехъ писемъ послѣ этого, я думаю, Вы отъ меня не получите. Надѣюсь обнять Костю русскимъ, въ Европейскомъ костюмѣ и безъ бороды.

22-го Октября, 1844 года. Воскресенье. Астрахань.

Весело и радостно пишу я теперь къ Вамъ. Я покончилъ всѣ свои труды, подалъ вчера послѣдній и самый большой отчетъ и теперь чувствую только усталость, законное право на отдыхъ. Я такъ работалъ эту недѣлю, что едва ли былъ бы въ состояніи протрудиться такъ еще одну, ибо, признаюсь, очень утомился; мнѣ непремѣнно хотѣлось поскорѣе развязаться съ своимъ отчетомъ, и развязался, хотя отчетъ очень великъ—листовъ въ 40. Я работалъ по 14-ти, 15-ти часовъ въ день и болѣе, почти не вставая съ мѣста, все въ склоненномъ положеніи, и окончилъ въ ночь на Пятницу весь отчетъ свой. Въ Пятницу я засадилъ четырехъ писцовъ за переписку, самъ написалъ листовъ 14, и отчетъ былъ совершенно готовъ въ ночь на Субботу. Надо было прочесть и свѣрить его, поправить ошибки, и въ Субботу поутру я послалъ за Бюлеромъ, который вызывался помочь мнѣ, т. е. вмѣстѣ считывать. Я былъ въ такомъ веселомъ

расположенія духа, что написалъ ему слѣдующую записку. Послѣ формулы Латинскаго поклона отъ таковаго-то къ барону Римской Имперіи и словъ: Veni, vide et audi (приди, посмотри и послушай) слѣдуютъ стихи:

Я полонъ умиленія
(О неба благодать!)
Губернскаго Правленія
Отчетъ спѣшу читать.
Онъ *operum corona*,
Онъ подвиговъ вѣнецъ,
И римскаго барона,
Плѣнителя сердецъ,
Я вызываю нынѣ,
Окончивъ долгій трудъ,
Цитатой по Латынѣ
Въ нагорній мой пріютъ,
Чтобъ вмѣстѣ свѣрить дружно,
Не промахнулся ль я?....
P. S. Сигаръ твоихъ не нужно,
Довольно у меня.

Я пишу Вамъ весь этотъ вздоръ потому, что малѣйшія подробности, знаю, Васъ интересуютъ. Окончивъ повѣрку часу въ третьемъ, я подалъ отчетъ и почувствовалъ, будто камень свалился у меня съ плечъ. Да лучше усиленно потрудиться и сдѣлаться свободнымъ, нежели растягивать трудъ на долгое время. По крайней мѣрѣ я до тѣхъ поръ не бываю покоенъ, пока я не выполнилъ лежащей на мнѣ обязанности, и впрягаюсь въ работу всѣми силами. Вчера вечеромъ я не писалъ къ Вамъ потому, что хотѣлъ отдохнуть, поболтать, полежать, не трудить глазъ... Теперь у меня почти нѣтъ никакого занятія. На будущей недѣлѣ я стану по утрамъ разсматривать одно большое дѣло, по порученію князя, а по вечерамъ займусь очищеніемъ недоимочныхъ писемъ, которыхъ накопилось много — Работа въ нашей канцеляріи подвигается довольно успѣшно, но боюсь, чтобъ мѣшкотность другихъ нашихъ чиновниковъ, П... и Р..., не задержала князя. Эти господа до сихъ поръ не представили

всѣхъ своихъ отчетовъ, между тѣмъ какъ у нихъ было не больше порученій, а у П... почти вдвое меньше, чѣмъ у меня. Къ тому же скверный Астраханскій климатъ имѣетъ вліяніе на Р..., и онъ все хвораетъ. А какая гнусная погода! Не вѣрю, будто въ Астрахани въ Октябрѣ даже обыкновенно «все цвѣтетъ и благоухаетъ». Вчера шелъ снѣгъ, нынче идетъ мелкій дождикъ. Холодно, сыро, грязно, мокро, склизко....

Каковы должны быть дороги! Мы, т. е. Оболенскій и я, располагаемъ выѣхать недѣли черезъ двѣ съ половиной или черезъ три, Ноября 9-го. Не знаю, доѣдемъ ли мы въ тарантасѣ, только, вѣрно, проѣдемъ долго. Видно, судьба хочетъ обогатить меня опытностью и, показавъ пріятныя стороны зимняго пути, познакомить съ осеннимъ безпутьемъ. Почта жестоко опаздываетъ, а я съ нетерпѣніемъ жду ея. Она должна привести мнѣ извѣстіе объ отъѣздѣ Гриши и о томъ, какъ Олинька это перенесла. — Въ послѣднихъ письмахъ Вашихъ отъ 7-го Октября, Вы пишете про хаосъ и безпорядокъ, царствующій въ домѣ. Вѣроятно, теперь все уже вошло въ свои предѣлы, и колесо обычной жизни пошло въ ходъ и обращается спокойно.

Съ любопытствомъ вернусь я въ Москву. Многое, вѣроятно, измѣнилось въ мое отсутствіе, нѣкоторые взгляды и мысли пошли въ отставку, а мѣсто ихъ заняли новые интересы, такъ что я буду нѣкоторое время отсталымъ.

Хотѣлъ было писать къ Вамъ еще, да нечего, и право не въ расположеніи. Не пишется, да и только. Вы знаете, что я не лѣнивъ, но время отъ прошедшаго Воскресенья до нынѣшняго дня пролетѣло безо всякой новой идеи для меня, какъ сонъ. Поэтому я, съ откровенностью высказавъ Вамъ нерасположеніе свое писать, заканчиваю свое письмо. Собираюсь на этой недѣлѣ предпринять трудъ: писать къ Константину.

Астрахань. 29 Октября 1844 года. Воскресенье.

По милости скверныхъ дорогъ письма Ваши отъ 14-го Октября получены мною 24-го. Очень благодарю Васъ за копію съ Гришина письма, которое даетъ вѣрное понятіе о

его впечатлѣніи и о той жизни, которая его ожидаетъ. По крайней мѣрѣ въ этой губерніи есть порядочные люди, да и жить онъ будетъ съ добрымъ товарищемъ; губернаторъ человѣкъ еще молодой и образованный. Не знаю, смыслитъ ли онъ много въ дѣлѣ, онъ служилъ когда-то кавалергардомъ. Здѣсь мы получили извѣстіе, что Дмитрій Оболенскій, отъ котораго Шереметевъ безъ ума, переводится Товарищемъ Предсѣдателя въ Калугу. Это повышеніе, сдѣланное безъ его вѣдома, должно быть ему очень пріятно: сближаетъ съ Москвою, да и мѣсто больше по немъ, не такъ самостоятельно. Князь, узнавши про это, объявилъ, что послѣ того мнѣ надо быть Оберъ-Предсѣдателемъ. Но я не намѣренъ до будущей зимы, т. е. зимы 1845 года, мѣнять мѣста и во всякомъ случаѣ не приму никакого другаго, кромѣ прокурорскаго. Вы знаете, что я кончилъ всѣ свои работы, на этой недѣлѣ еще отдѣлалъ нѣсколько порученій и теперь не имѣю никакихъ, а потому дѣлать нечего и мнѣ очень хочется ѣхать. Оболенскій, слава Богу, поправляется, и мы черезъ 10 дней непремѣнно ѣдемъ. Мы бы поѣхали и раньше, но удерживаютъ насъ еще разныя причины: тарантасъ нашъ еще не совсѣмъ готовъ; 8-го Ноября должны мы еще получить изъ здѣшней Казенной Палаты деньги (по 50 рублей каждый), кормовыя или иначе суточныя; къ тому времени наступятъ лунныя ночи, да и Оболенскій еще болѣе укрѣпится въ своемъ здоровьѣ. Судьба хочетъ, чтобы я узналъ осенній путь въ Россіи, и, кажется, знакомство будетъ короткое. Вѣроятно, мы проѣдемъ долго, тѣмъ болѣе что опять на сутки завернемъ къ Давыдову. Еслибы, паче чаянія, нельзя было продолжать путь на колесахъ, то, оставивъ тарантасъ у Давыдова, мы возьмемъ у него кибитку. Во всякомъ случаѣ 21-го, 22-го или 23-го Ноября мы будемъ въ Москвѣ. Еще долго, очень долго!—Вы негодуете, что меня заваливали работой, и маменька даже сравниваетъ меня съ воломъ или лошадью. Я и самъ былъ этому очень не радъ, но теперь доволенъ. Своею работою я много облегчилъ ревизію. Сдѣлавъ больше всѣхъ, я имѣю по крайней мѣрѣ законное право отдыха, заставляю тѣмъ молчать этихъ господъ, которые, я знаю, несмотря на мое ласковое обращеніе, меня не любятъ. Правда, я ихъ не жалую, и мнѣ такъ надоѣло

видѣть эти чиновническія фигуры ежедневно за обѣдомъ, не на службѣ, а въ домашнемъ быту, слышать ихъ остроты, желанія, мечтанія, восхищенія, что я поэтому-то и спѣшу освободиться отъ сей пріятной жизни. Признаюсь, скучно цѣлый годъ не быть дома, обѣдать не за своимъ столомъ, всякій день видѣться съ одними и тѣми же лицами....— Честь и слава настойчивости князя. Помните, милый Отесинька, Вы писали, что пронесся слухъ, будто князь представлялъ Строева за Оберъ-Прокурорскій столъ и получилъ отказъ? Дѣйствительно, это такъ и было. Графъ Панинъ отвѣчалъ, что онъ опредѣляетъ туда только чиновниковъ, въ способности которыхъ лично удостовѣрился, ибо нерѣдко чиновники эти правятъ трудную должность Оберъ-Прокурора, и что не лучше ли Строеву принять мѣсто Прокурора и современемъ уже удостоиться помѣщенія за Оберъ-Прокурорскій столъ. На это князь отвѣчалъ, рискуя поссориться съ Панинымъ, что онъ не оставляетъ своего ходатайства, что ему, князю, какъ человѣку съ сорокалѣтнею по службѣ опытностью и 10 лѣтъ правившему должность Оберъ-Прокурора, должно, кажется, быть извѣстнымъ не менѣе графа, что нужно для этой должности, что графъ можетъ положиться на него и что представленія ревизующихъ Сенаторовъ непремѣнно должны быть уважаемы, иначе они лишатся всѣхъ средствъ имѣть при себѣ хорошихъ помощниковъ. Вмѣстѣ съ симъ князь просилъ исходатайствовать ему у Государя дозволеніе по окончаніи ревизіи прибыть по дѣламъ службы въ Петербургъ. Я думалъ, что графъ Панинъ обидится и, какъ человѣкъ упрямый, ни за что не согласится. Напротивъ, графъ самымъ вѣжливымъ письмомъ отвѣчалъ, что непремѣнно исполнитъ требованія князя въ отношеніи къ Строеву по окончаніи ревизіи. Такимъ образомъ и въ другихъ случаяхъ, вовсе безнадежныхъ, князь всегда достигаетъ цѣли. Разумѣется, никогда онъ такъ не настойчивъ, какъ тогда, когда дѣло идетъ о другомъ. Поѣздкою въ Петербургъ поддержитъ онъ лично всѣ свои представленія. — Теперь я пользуюсь досугомъ, дѣлаю far niente. Хотѣлъ писать много писемъ, но отложилъ до личнаго свиданія. Чего же лучше? Впрочемъ, отъ нечего дѣлать я пишу стихи, но не скажу, чтобъ это было съ сильнымъ душевнымъ участіемъ, а такъ,

практикуюсь. Скоро, скоро опущусь я въ водоворотъ Московской жизни, когда я ничего не буду дѣлать и вѣчно не буду находить времени; такъ ужъ, видно, самимъ Господомъ Богомъ устроено. Впрочемъ, постараюсь избѣжать этого предопредѣленія, но трудно, знаю по опыту прэжняго времени.—Прощайте. Еще одно или два письма отъ меня къ Вамъ, еще два письма отъ Васъ, и переписка наша кончится.

Ноября 5-го, 1844 года. Воскресенье. Астрахань.

Вѣроятно, это письмо будетъ уже послѣднее. Впрочемъ, можно будетъ еще написать въ Середу, наканунѣ отъѣзда, если успѣю. Четверо сутокъ, не болѣе, остается жить намъ въ Астрахани! Тарантасъ готовъ; онъ не щеголеватъ, но чрезвычайно удобенъ и помѣстителенъ, и я боюсь только, не будетъ ли онъ тяжелъ. Богъ знаетъ, доѣдемъ ли мы до Москвы въ тарантасѣ. Говорятъ, отъ Царицына уже лежитъ снѣгъ. Хорошо было бы довезти его до Давыдова, у котораго мы могли бы взять повозку, да и въ той слухи о дорогѣ наводятъ сомнѣніе. Во всякомъ случаѣ придется ѣхать на пяти лошадяхъ. Какъ бы то ни было, но поскорѣе, поскорѣе въ путь.

Теперь постараюсь отвѣчать на Ваши письма. Признаюсь, негодованіе въ мою пользу и къ невыгодѣ Б—а и О—го, такъ рѣзко выраженное въ письмѣ Вашемъ, милая Маменька, произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Вы ослѣпляетесь на мой счетъ. Если бы дѣйствительно было такъ, какъ Вы говорите, т.-е. что меня почитаютъ *пошлымъ работникомъ, возвышеннымъ Акакіемъ Акакіевичемъ* и т. п. (чего, впрочемъ, нѣтъ), то пощадите мое самолюбіе, не говорите мнѣ этого. Горда моя душа и щекотится всякимъ негодованіемъ и сожалѣніемъ, касающимся моихъ внутреннихъ, личныхъ достоинствъ. Я готовъ вынести все, проглотить всякую обиду, но никогда не буду плакаться и говорить, что меня не понимаютъ, меня обидѣли. Всякій говоритъ это, всякая мать пристрастна и большею частію она несправедлива. Такъ не станемъ же мы въ пошлые ряды этихъ всякихъ, если сознаемъ свою справедливость и будемъ молчать объ этомъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что Вы нигдѣ и никому не выражали

КАЛУЖСКІЯ ПИСЬМА.

I.

По возвращеніи изъ Астрахани въ концѣ 44 года, Иванъ Сергѣевичъ провелъ зиму 45 года въ Москвѣ у своихъ родителей, но такъ какъ члены ревизіонной коммиссіи не были распущены кн. Гагаринымъ до окончательной сдачи его отчетовъ по ревизіи, то Иванъ Сергѣевичъ до весны не вступалъ на прежнюю свою должность въ Сенатѣ. За эту зиму онъ возобновилъ свою стихотворную дѣятельность, почти оставленную имъ во время Астраханской страды *). Въ продолженіе зимы Иваномъ Сергѣевичемъ было написано «Зимняя дорога» (licentia poetica) маленькая поэма, гдѣ въ полуфантастическихъ картинахъ изъ русскаго быта, проносящихся мимо дремлющаго путешественника, Иванъ Сергѣевичъ воспроизводитъ собственныя свои грезы и впечатлѣнія во время зимняго пути по Россіи; въ діалогѣ же между двумя пріятелями въ кибиткѣ, онъ намѣчаетъ тѣ воззрѣнія, которыя начинали занимать его мысль въ продолженіе этой зимы, подъ вліяніемъ Константина Сергѣевича и его друзей.

Ящеринъ говоритъ о Западной Европѣ:

«... Она рѣшитъ задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья!»

---

*) Онъ написалъ въ Астрахани только нѣсколько шуточныхъ стиховъ, изданныхъ послѣ его смерти барономъ Бюлеромъ, его товарищемъ по Училищу и по ревизіи, особенно брошюркою и *Хростофоръ Колумбъ съ товарищами*. См. Приложеніе.

Архиповъ же вѣритъ, что

…не проложеннымъ слѣдамъ
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ въ развитіи своемъ
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и русскимъ.»

Тотъ и другой развиваютъ свои основныя положенія, каждый со своей точки зрѣнія судитъ о русской природѣ, о путевыхъ картинахъ и встрѣчахъ, и по своему относится къ явленіямъ народной жизни, встрѣчаемымъ ими въ бѣдной избѣ, гдѣ они останавливаются для отдыха во время перепряжки лошадей.

Въ письмѣ къ кн. Оболенскому *) (7-го мая 1845) Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: Я послалъ тебѣ съ Давыдовымъ «Зимнюю дорогу». 16 Мая Самаринъ ѣдетъ въ Петербургъ и беретъ ее съ собою, чтобы отдать ее тамъ въ цензуру, менѣе строгую нашей Московской».

Послѣ Пасхи, Иванъ Сергѣевичъ занялъ опять въ Правительствующемъ Сенатѣ прежнюю должность секретаря 2-го отдѣленія 6 го департамента. Но въ немъ уже не видно того бодраго отношенія къ служебному дѣлу, которое одушевляло его въ Астрахани подъ умнымъ и возбуждающимъ руководствомъ кн. Гагарина. Онъ пишетъ къ Оболенскому: «Пока мы не выбьемся изъ тѣсной колеи служебнаго механизма, ничего толку не будетъ. Я рѣшительно убѣждаюсь, что на службѣ можно приносить только двѣ пользы: 1) отрицательную, т. е. не брать взятки, 2) частную, и то только тогда, когда позволишь себѣ нарушить законъ. Что проку, что законъ соблюдается, когда это соблюденіе закона не уничтожаетъ зла, не вознаграждаетъ невинность. Еслибъ ты зналъ, любезный другъ, съ какимъ отвращеніемъ, вступилъ я съ Ѳомина понедѣльника опять на службу. Несдержимый потокъ дѣлъ, гнусныя хари, недостатокъ писцевъ, безплодная и скучная дѣятельность, отнимающая время и всякое расположеніе къ другимъ занятіямъ, растраивающая духъ; съ дру-

*) Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, товарищъ Ивана Сергѣевича по Училищу Правовѣдѣнія.

гой стороны выѣзды, знакомые, вечера, мнѣ сильно надоѣвшіе, отсутствіе всякаго поэтическаго расположенія, все это наводитъ на меня сильную тоску. Рѣшительно не хочу мѣста прокурорскаго, хочу уединиться въ губерніи, (ибо службу оставить нельзя), къ тебѣ службою заниматься слегка, и заняться тѣмъ, что сильнѣе меня къ себѣ манитъ». Но предположеніе Ивана Сергѣевича получить мѣсто въ Тулѣ, гдѣ служилъ кн. Оболенскій, не исполнилось. 17 Августа 45 года онъ пишетъ опять своему пріятелю изъ Абрамцева: «Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ получилъ я изъ Москвы роковое извѣстіе о назначеніи меня Товарищемъ Председателя Калужской Уголовной Палаты. Ты не повѣришь въ какой степени мнѣ это досадно ѣхать въ Калугу, жить тамъ одному, обзаводиться, устроиться, познакомиться, подлежать претензіямъ многовѣднаго губернскаго общества—какое испытаніе!» Дальше—«не успѣлъ тебѣ писать о твоихъ и моихъ стихахъ. Виноватъ, каюсь, но въ деревнѣ я все ужу рыбу». *)

17 Сент. 45 года Иванъ Серг. пишетъ Оболенскому: «Я въ Калугѣ въ 90 верстахъ отъ тебя, живу здѣсь уже почти двѣ недѣли, жду ежедневно отъ тебя посланія. Утѣшь меня въ моемъ одиночествѣ. Я пріѣхалъ въ Калугу не зная ни души, познакомился сейчасъ съ У**кими; прекрасное семейство, особенно старикъ. Губернаторъ пріѣхалъ также за нѣсколько дней до меня, Н. М. Смирновъ, онъ также хорошій человѣкъ. Онъ объявилъ мнѣ, что жена его будетъ черезъ шесть недѣль и что тогда можно будетъ ѣздить почаще. Съ нетерпѣніемъ жду ея пріѣзда. Она интересуетъ меня особенно по тѣмъ отзывамъ, которые находятся въ письмахъ Гоголя о ней. По крайней мѣрѣ это женщина умная съ которой можно будетъ говорить о литературѣ и о стихахъ. **)

По этимъ строкамъ видно, что Иванъ Серг. ждалъ очень многаго отъ знакомства съ А. О. Смирновою, особенно въ

*) Это лѣто Иванъ Серг. написалъ только 4 стихотворенія: *Въ тихой комнатѣ моей*, *Не въ блескѣ пышнаго мечтанія*, *Среди удобныхъ и лѣнивыхъ Зачѣмъ опять тѣсняться въ науки*.

См. Приложеніе.

**) Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россети, была очень извѣстна своей красотою и блестящимъ умомъ. Она родилась въ 1809 году, была воспитана въ Екатер. Институтѣ и 17 лѣтъ поступила фрейлиною къ Императрицѣ

Калугѣ, гдѣ представилось такъ мало удовлетворенія для его умственныхъ потребностей. Но первая встрѣча съ ней не соотвѣтствовала ожиданію. Онъ пишетъ Оболенскому 17 Ноября 45 года: «Я ждалъ А. О. съ нетерпѣніемъ. Письма ея, которыя мнѣ удалось прочесть, привели меня въ восторгъ неописанный. Я никогда, ты знаешь, не мечталъ, не очаровывался, но тутъ вообразилъ себѣ, что все въ ней гармонія, все диво, все выше міра и страстей... повторялъ себѣ стихи: «Пусть въ ней душа какъ пламень ясный» и т. д. Думалъ, что одинъ видъ ея породитъ такія волненія въ душѣ, дастъ столько стиховъ, да какихъ, не прежнихъ. Все это было очень глупо, какъ ты видишь. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Алекс. Осип., было самое непріятное. Я засталъ ее въ самую дисгармоническую минуту, въ какомъ-то нервическомъ разстройствѣ, когда ее сердило все на свѣтѣ: и что лампа не такъ горитъ, и что дверь не довольно широка. Что она умна, какъ чортъ, какъ бѣсъ, это видно съ перваго взгляда; но она явилась мнѣ такою эгоисткою, такъ мало, казалось, въ ней любви и состраданія, что это меня огорчило и поразило очень непріятно. Впечатлѣніе это изгладилось; я у нея бываю почти каждый день, по ея настоятельному требованію, и хоть непріятно знать, что съ вами бесѣдуетъ отъ нечего дѣлать или за неимѣніемъ лучшаго (ты знаешь вѣдь, что я гораздо умнѣе на бумагѣ и въ стихахъ, чѣмъ въ разговорѣ, гдѣ я ни остроуменъ, ни краснорѣчивъ), но тѣмъ не менѣе общество ея имѣетъ необыкновенную прелесть. Она поставила меня прямо въ такія простыя, короткія отношенія, какъ будто я былъ съ ней знакомъ 20 лѣтъ; за это я ей очень благодаренъ, ибо мнѣ теперь такъ свободно съ ней, что я говорю вовсе не стѣсняясь. Впрочемъ, пока она не источникъ вдохновенія, и мнѣ даже непріятно думать, что я прочту ей всѣ мои стихи, особенно тѣ, гдѣ много грустной и скорбной думы».

Маріи Θеодоровнѣ и послѣ смерти ея къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. Она занимала при дворѣ очень выдающееся положеніе, была любимицей Императрицы и Государя, и въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями того времени; ее воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ, Хомяковъ; она была дружна съ Гоголемъ и Самаринымъ. Она вышла замужъ за Смирнова уже не въ первой молодости.

Отрывокъ этотъ характеризуетъ отношенія Ивана Сергѣевича къ Алек. Осип. за все время его пребыванія въ Калугѣ: то она увлекаетъ его необыкновенною прелестью ея обворожительнаго ума, ея чарующаго остроумія, глубокимъ и мѣткимъ знаніемъ жизни, свѣта и людей, пониманіемъ возвышенныхъ идеаловъ; то она отталкиваетъ его излишней свободой сужденій и рѣчей, въ которыхъ слышится жалкая опытность, пріобрѣтенная ею въ гнилой средѣ большого свѣта. Она постоянно смущаетъ его переливами своей многосторонней, но въ высшей степени сложной и своенравной природы. Онъ въ припадкѣ негодованія пишетъ ей извѣстные стихи: «Вы примиряесесь легко» *).... Алек. Осип. относится къ этимъ стихамъ весьма снисходительно, что опять смущаетъ молодого, искренняго поэта. Но, несмотря на всѣ столкновенія, Смирнова и Аксаковъ остались дружны: онъ не перестаетъ восхищаться высокой даровитостью этой замѣчательной женщины, она же въ глубинѣ души умѣетъ цѣнить цѣльность и правдивость его натуры; хорошія отношенія сохранялись между ними до самой кончины Алек. Осиповны въ 1882 **).

Поводомъ къ послѣдней ссорѣ между И. С. и А. О. въ Калугѣ служило появленіе новой книги Гоголя въ 46 году: «Выборныя мѣста изъ Переписки съ друзьями». По первому прочтенію Иванъ Сергѣевичъ отнесся къ этой книгѣ сочувственно, его поразилъ духовно-нравственный строй ея и онъ въ этомъ смыслѣ отозвался о ней въ письмѣ къ отцу. Но Сергѣй Тимоѳеевичъ судилъ о ней съ другой точки зрѣнія. Тонкимъ литературнымъ чутьемъ онъ понялъ сразу, что кающійся Гоголь, Гоголь аскетъ, убьетъ навѣки Гоголя художника, что не будетъ уже ни второй части «Мертвыхъ душъ», ни иныхъ художественныхъ произведеній. Съ этимъ онъ примириться не могъ: литераторъ заговорилъ въ немъ сильнѣе друга; онъ не умѣлъ отнестись вполнѣ безпристрастно къ настроенію Гоголя; онъ разсмотрѣлъ только недостатки книги, мѣстами неестественность Гоголя, его духовную гордость, нѣкоторыя погрѣшности слога, и вы-

*) Смотри Приложеніе. Стихи 46 года.

**) Смотри некрологъ ея Ивана Серг. Въ „Руси", Сент. 1882.

сказалъ очень рѣзко свое сужденіе въ письмѣ къ сыну. Тотъ имѣлъ неосторожность показать это письмо Алек. Осип., и такъ какъ она любила и цѣнила въ Гоголѣ еще больше человѣка, чѣмъ писателя, и искренно умилялась его духовнымъ настроеніемъ, то она очень оскорбилась и произошла сцена, весьма забавно описанная Иваномъ Сергѣевичемъ въ письмѣ къ отцу.

Два года, проведенные Иваномъ Сергѣевичемъ въ Калугѣ, были очень плодотворны для его стихотворной дѣятельности *). Онъ самъ описываетъ свое душевное настроеніе за это время въ письмѣ къ Оболенскому «Теперь о стихахъ: много принесло душѣ моей одиночество. Еще сосредоточеннѣе сдѣлался я, еще глубже проникъ въ душу, и подвинулось, я это чувствую, мое внутреннее развитіе. Я сталъ серіознѣе и мягче, и если я еще не исправился вполнѣ, такъ, какъ хотѣлъ, то это потому, что всякій человѣкъ дрянь и ложь; зато я много высказалъ себѣ. Я вышлю тебѣ стихи, они называются: 26 Сентября (день моего рожденія). Многіе скажутъ, что это повтореніе нравственныхъ истинъ, давно извѣстныхъ въ прописяхъ. Но надобно было вновь прожить всѣ эти истины. Много опошлилось вкругъ насъ, но если оно предстало намъ, зажило бы внутри со всею своей глубиною и серіозностью, обновило бы оно человѣка. Я такъ глубоко почувствовалъ свою дрянность, что испыталъ тяжелыя минуты, за которыя благодарю я Бога, и которыхъ пожелалъ бы почаще. Все это сдѣлало уединеніе, внутреннее созерцаніе, и созерцаніе жизни, постоянно меня занимающей, и Марія Египетская **). Да, Марія Египетская! Мнѣ предстоитъ высокій подвигъ, совершить который я едва ли буду въ силахъ; мнѣ предстоитъ изобразить святую, представить такую высоту, такое пространство духа, что самому страшно становится и сердце замираетъ. Надо еще много очиститься душою, избавиться отъ всякой мерзости тщеславія и пустоты. Я прошу у Бога этой благодати душевныхъ, часто безпри-

---

*) Онъ написалъ въ Калугѣ болѣе 30-ти стихотвореній.

**) Подъ именемъ „Марія Египетской, И. С. началъ въ 45 году поэму, никогда не оконченную, отрывки которой являются въ печати въ первый разъ здѣсь въ Приложеніи.

чинныхъ страданій. Ахъ, Боже мой, пріидетъ ли время, когда я въ состояніи буду выработать достойное зданіе изъ всѣхъ разнообразныхъ, странныхъ, еще неопредѣленныхъ матеріаловъ, которыми наполнена душа моя. Въ самомъ дѣлѣ, все что было мною писано — такъ блѣдно, вяло, ничтожно въ сравненіи съ моими внутренними запросами, что не даетъ мнѣ вовсе права говорить какъ я говорю. Неужели эти требованія всегда останутся втунѣ? Но много, много и много надо еще потрудиться, еще глубже надо погрузиться въ душу человѣческую, а поэтому такъ интересна для меня всякая чужая душа. Я написалъ здѣсь много стихотвореній, и еще много въ головѣ, а Марію Египетскую я пока оставилъ. — Ты говоришь, зачѣмъ я думаю оставить службу? Я тебѣ предлагаю другой вопросъ: признаешь ли ты во мнѣ хоть какое нибудь поэтическое дарованіе? Я себя вовсе не считаю поэтомъ и истинно говорю, что нѣтъ человѣка, который бы, какъ я, такъ глубоко сомнѣвался бы въ себѣ, такъ бы мало думалъ о себѣ, особенно въ нѣкоторыя минуты. Иногда все во мнѣ кажется мнѣ ложью — и мои стихи, и мои скорби, и мои убѣжденія — особенно убѣжденія. Если ты признаешь во мнѣ хоть что нибудь, то я не долженъ служить. Но отвѣчай мнѣ откровенно и не бойся задѣть мое самолюбіе. Я надѣлъ на него довольно крѣпкую узду, хотя правда еще не вполнѣ поборолъ его».

Эти отрывки писемъ Ивана Сергѣевича къ своему пріятелю даютъ общее понятіе о внутреннемъ состояніи его и объ интересахъ занимающихъ его за время, проведенное имъ въ Калугѣ. Письма къ родителямъ содержатъ подробныя описанія его ежедневной жизни тамъ.

1845 года, Сентября 7-го, 9 часовъ вечера. Гостинница Кіевъ. Калуга.

Пишу къ Вамъ изъ Калуги, милый Отесинька, милая Маменька, Костя и всѣ сестры. Перо прескверное, но дѣлать нечего. Я пріѣхалъ вчера вечеромъ, часу въ восьмомъ, слава Богу, совершенно здоровъ, нынче уже началъ отчасти свое Калужское поприще, но, слѣдуя Константиновой си-

стемѣ, разскажу Вамъ все по порядку, тѣмъ болѣе, что подробности, знаю, Васъ также интересуютъ.

Поповъ съ Мамоновымъ проводили меня до заставы. Отъ самой заставы началась ужаснѣйшая дорога: рытвины, ямы, овраги, горы, засохшая грязь и къ довершенію всего станціи ужасныя—до 35, 30 верстъ! На дорогѣ отъ Москвы къ Шарапову (35 верстъ) проѣхалъ я черезъ Микулино, откуда видѣлъ огонь въ Трепаревской церкви: была всенощная— по случаю престольнаго праздника. Въ Шараповѣ я пилъ чай, и жена смотрителя предупредила насъ, что за Быкасовымъ (второй станціей) шалятъ: бѣжало человѣкъ одиннадцать изъ острога, зарѣзали пять или шесть человѣкъ, да еще товарища своего, который, будучи хромъ, не могъ за ними быстро слѣдовать. Эти люди зашли въ домъ одного Боровскаго купца, котораго убили; другихъ, кого нашли, изувѣчили, но не тронули однако пятилѣтняго ребенка, спавшаго на постели; напротивъ, какъ разсказывала хозяйка, поцѣловали его, приласкали и дали баранокъ. Отъ Шарапова до Быкасова 29 верстъ, отъ Быкасова до Боровска слишкомъ 30. Въ Быкасовѣ я не выходилъ, постарался заснуть дорогой, но не было никакой возможности, дорога слишкомъ невыносима. Никакихъ разбойниковъ не встрѣтилъ, да я и забылъ о нихъ, ибо мнѣ все хотѣлось дремать. Но Порфиръ въ дорогѣ былъ очень хорошъ и все бодрствовалъ. На дорогѣ отъ Быкасова къ Боровску, часу въ третьемъ ночи, увидалъ я большіе освѣщенные дома и очень было удивился, но узналъ, что это бумажныя фабрики, на которыхъ живутъ тысячи по двѣ работниковъ и гдѣ работаютъ, смѣняясь, и день и ночь. Черный, пустой боръ сопровождаетъ васъ почти во всю эту станцію къ Боровску. Пріѣхавъ въ Боровскъ довольно рано по утру, я прождалъ тамъ часа три: лошади есть, а не даютъ, по приказанію городничаго, велѣвшаго задержать этихъ лошадей подъ проѣздъ Сенявина, который, не знаю для чего, проѣдетъ чрезъ Калугу. Посылалъ Порфира и смотрителя къ городничему, и наконецъ тотъ приказалъ дать мнѣ лошадей безъ всякаго вознагражденія съ моей стороны. Отъ Боровска до Малаго Ярославца 24 версты. Напившись въ Боровскѣ чаю, я не останавливался нигдѣ, проѣхалъ Малый Ярославецъ, Сеня-

кинскую и часовъ въ семь въѣхалъ въ Калугу, къ изумленію жителей, увидѣвшихъ новое лицо. Боровскъ довольно большой городъ; Ярославецъ, построенный на крутой горѣ, поменьше, но оба не представляютъ ничего особеннаго. Вездѣ на дорогѣ поражалъ меня костюмъ женщинъ: вообразите себѣ довольно высокій головной уборъ, четвероугольный спереди. Изъ подъ этого убора выпускаютъ онѣ — я думалъ сначала, что букли, мелкія, какія носили лѣтъ 12 тому назадъ, — нѣтъ, не букли, а черный, крупный бисеръ, что совсѣмъ некрасиво. Рубашку подвязываютъ на четверть ниже таліи (сарафановъ я не встрѣчалъ), да еще же выдергиваютъ ее, такъ что она виситъ еще ниже, а сверхъ рубашки надѣваютъ паневы, юбки, которыя подвязываютъ рубашку. Не знаю, какъ въ праздникъ, а будничный костюмъ слишкомъ небреженъ и не красивъ вовсе. Я видѣлъ женщинъ пашущихъ. На послѣдней станціи къ Калугѣ перебѣжалъ мнѣ дорогу... не заяцъ, а волкъ, мимо котораго мы проѣхали потомъ шагахъ въ тридцати, — такъ близко, что, кажется, будь у меня ружье, я застрѣлилъ бы его. Калуга довольно большой городъ, виденъ верстъ за пять. Наконецъ пріѣхалъ я въ Кіевскую гостинницу, меня повели во 2-й номеръ, довольно чистый, и тутъ я нашелъ Егора не пьянымъ, какъ ожидалъ, а больнымъ и серьезно больнымъ. Онъ и теперь лежитъ въ моемъ номерѣ за перегородкой. У него во всемъ тѣлѣ колотье, особенно подъ ложечкой, сильный кашель, онъ же не бодраго десятка, ежеминутно стонетъ, охаетъ, бредитъ и кричитъ, что умираетъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что болѣзнь сама по себѣ не большой важности, а онъ не бодро хвораетъ и слишкомъ трусить. Они съ Матюшкой пріѣхали еще во вторникъ вечеромъ, и онъ сей-часъ же и слегъ. Предсѣдатель Уголовной Палаты Я** присылалъ справляться, — пріѣхалъ ли я? ему сказали, что меня нѣтъ, а здѣсь люди и изъ нихъ одинъ боленъ; тогда онъ прислалъ своего лекаря, который былъ раза два у Егора, далъ ему лекарство, но лекарство это ему не очень помогло. Пріѣхавши, напился чаю и легъ спать довольно рано, но и всталъ рано, выбрился, умылся, одѣлся, натянулъ мундиръ и часу въ девятомъ отправился съ Матюшкой къ Губернатору, Николаю Михайловичу Смирнову. Онъ

принялъ меня чрезвычайно ласково, далъ мнѣ пахитоску, говорилъ про свои затрудненія, не очень доволенъ Калугою, видно, что онъ радъ мнѣ былъ, какъ не Калужскому жителю. Не знаю, что онъ будетъ, но, кажется, онъ такъ себѣ, ничего, и съ нимъ можно ладить. Сказалъ, что жена его будетъ черезъ шесть недѣль, что я могу тогда пріѣзжать хоть каждый день, потому что общества мало и выѣзжать ей некуда; Министръ, кажется, рекомендовалъ меня ему еще въ Петербургѣ. Онъ самъ пріѣхалъ до меня дня за 4, небольше.... Оттуда поѣхалъ къ Предсѣдателю Ал. Ив. Як**... Ограниченъ, дѣло смыслитъ плохо, но довольно, кажется, оборотливъ, картежникъ, сдѣлалъ себѣ состояніе женитьбой (что очень не нравится См**, какъ мнѣ См** же говорилъ). Въ Палатѣ, кажется, играетъ онъ пустую роль; я поставилъ себя, кажется, къ нему въ хорошія отношенія, выкурилъ у него сигару и, такъ какъ онъ сказалъ, что еще ничего не знаетъ о моемъ опредѣленіи оффиціально, то отправился вмѣстѣ съ нимъ же къ X**, Вице-Губернатору, который долженъ былъ знать,—есть ли въ Губернскомъ Правленіи указъ обо мнѣ. Пока справлялись, я выкурилъ у X** еще сигару. X** человѣкъ чрезвычайно *обходительный*, любезенъ, ловокъ, развязенъ, но онъ мнѣ не совсѣмъ нравится. Онъ со всякимъ за-панибрата, безъ разбора со всѣми играетъ въ карты, пустомелитъ и, кажется, не чувствуетъ потребности въ другомъ обществѣ; откровененъ со всѣми безъ нужды. Вся мелкопомѣстность Калуги его очень любитъ, потому что онъ дѣйствительно добрый малый и особенно дурной, т. е. положительно дурной arrière-pensée у него, чай, и быть не можетъ... Это особенный родъ людей, которыхъ много. Онъ женатъ и недавно помѣстилъ сына въ лицей; лицо его принадлежитъ къ такимъ пріятнымъ и мягко очертаннымъ лицамъ, которыя нескоро старѣютъ. Отъ него поѣхалъ въ Палату. Засѣдатель К** и Секретарь хорошіе люди и грамотные. Дѣлъ въ Палатѣ очень не много, дѣла идутъ исправно, арестантовъ почти нѣтъ.... Я ввелъ уже нѣкоторыя необходимыя исправленія, взялъ нѣсколько дѣлъ на домъ, современемъ постараюсь привести еще въ лучшій порядокъ и, кажется, Богъ дастъ, съ этой

стороны мнѣ будетъ мало хлопотъ и затрудненій. Пробывъ въ Палатѣ часа съ три, отправился домой, переодѣлся и отправился къ Ун**... Но я усталъ, такъ позвольте отложить до завтрашняго утра... Скажу только, что мнѣ покуда все это очень скучно...

Суббота. Утро.

Унк** не было дома, кромѣ старшаго сына, Михайлы, который сейчасъ меня узналъ и мнѣ очень обрадовался. Скоро пріѣхалъ самъ Унк** съ женою. Они меня оставили у себя обѣдать, были ласковы и внимательны какъ нельзя больше. Старикъ Унк** обѣщалъ сказать все про Калугу, что̀ необходимо мнѣ для руководства, и сыскать мнѣ квартиру. Въ самомъ дѣлѣ, это домъ довольно *пріятный*. Въ немъ вовсе не играютъ въ карты, но «занимаютъ гостей музыкой и разговорами». Главное, что тамъ могу я найти много книгъ для чтенія, а англійскихъ сколько угодно. Унк** самъ довольно интересный человѣкъ. Вмѣстѣ съ другими двадцатью кадетами былъ онъ посланъ Императоромъ Александромъ въ Англію для поступленія въ Англійскую морскую службу, гдѣ онъ прошелъ всѣ первые чины, носилъ Англійскій мундиръ; пробылъ въ Англіи слишкомъ 2 года. Слѣдовательно, онъ говоритъ и знаетъ по-англійски превосходно, страстный поклонникъ всего Англійскаго, страстный охотникъ разсказывать про Англію, страстный же почитатель Диккенса. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ онъ прекрасный, препочтенный, добрый, образованный, только мнѣ кажется, что онъ слишкомъ чувствуетъ свое почтеніе и говоритъ немножко дидактическимъ тономъ. Жена его женщина простая и добрая. Дочерей я видѣлъ только за обѣдомъ: онѣ недурны. Собственно въ Калугѣ превозносятъ барышень Т**, получившихъ самое *высшее* образованіе. Унк** обласкали меня Богъ знаетъ какъ, звали къ себѣ почаще... Послѣ обѣда отправился я съ Михайломъ Унк** смотрѣть квартиры — все безъ мебели, безо всего, просятъ 450 рублей и болѣе. Увѣряютъ, что можно найти и дешевле этого. Находившись, воротился я домой и

заѣхалъ къ Прокурору, который, пріѣхавъ часами двумя позже меня, остановился рядомъ со мною и нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ. Это человѣкъ лѣтъ 35-ти, низенькаго роста, жиденькій, съ гладко приглаженными, короткими волосами, физіономія смугло-лакейскаго цвѣта, не совсѣмъ пріятная. Учтивъ, говоритъ тихо, разборчиво, осторожно, словомъ, человѣкъ, воспитанный Петербургскою службою.

Вотъ и весь день. Городъ большой, чистый, мощеный, зданія есть прекрасныя, виды чудесные.

Какая погода! Если такая же у Васъ, то Вы вѣрно на пруду или на рѣкѣ, милый Отесинька. Письмъ, пожалуйста писемъ, напишите мнѣ, какъ чувствуютъ себя Олинька и Мишенька. Что новаго, что особеннаго? Поскорѣе бы мнѣ устроиться, а то очень скучно. Ходи, знакомься, приноравливайся, слушай вздоръ.

Сентября 9-го 1845 года. Воскресенье вечеромъ. Гостиница Кіевъ.

Времени свободнаго покуда такъ много, что я, при неустройствѣ моемъ, не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Почта отходитъ во Вторникъ, но я рѣшился начать къ Вамъ письмо нынче. Прежде всего скажу, что Егора нынче, по совѣту доктора, отправилъ я въ больницу. Матюшка сказывалъ Порфиру, что онъ во всю дорогу былъ пьянъ, да и лекаря приписываютъ отчасти болѣзнь его этому. Разумѣется, онъ боленъ и я не имѣлъ съ нимъ никакихъ по сему случаю объясненій: мнѣ жалко его, да и досадно. Какъ его отправили, нашли у его постели пиво, которое онъ тянулъ и въ болѣзни. Скажите, что дѣлать? Пока я продержу Порфира, который до сихъ поръ ведетъ себя хорошо и усердно, хотя къ камердинерской должности не совсѣмъ способенъ. Эти домашнія заботы нѣсколько развлекаютъ меня въ моей скукѣ. Вотъ Вамъ мой вчерашній день: Докончивши письмо къ Вамъ, отправился я къ обѣднѣ, въ церковь, гдѣ служилъ Архіерей. Не могъ почти пробраться въ нее, взглянулъ на Архіерея, который мнѣ не очень что-то понравился, и, встрѣтивъ Михайлу Унк**, отправился съ нимъ въ соборъ. Соборъ просторенъ и свѣтелъ, но выстроенъ лѣтъ 25 тому назадъ, по казенной архи-

тектурѣ, и мнѣ очень не понравился. Изъ собора прошли на бульваръ, на берегу Оки, откуда чудесные виды. Бульваръ очень хорошъ, не въ видѣ вытянутой линіи, а цѣлаго сада, и дѣйствительно, а не на смѣхъ, тѣнистаго и развѣсистаго. Унк** попались знакомыя «барышни», и я отправился домой, гдѣ нашелъ загнутыя визитныя карточки Як** и Прокурора. Посидѣвъ дома, отправился смотрѣть указанныя квартиры, ходилъ часа три и дошелъ пѣшкомъ до Унк**, которые звали и присылали звать меня обѣдать. Кромѣ старшаго сына и отца, я мало знакомъ съ семействомъ Унк**. Утѣшься, Костя, онъ рѣшительно тянетъ къ Москвѣ, и первымъ положеніемъ его мнѣній — то, что Петербургъ не долженъ, какъ столица и пр. Понимаешь? Статью Хомякова о путешествіяхъ онъ очень замѣтилъ и превозноситъ, говоря, впрочемъ, что не со всѣмъ согласенъ; но не любитъ Наполеона, раздѣляя Англійскія предубѣжденія! Человѣкъ прекраснѣйшій, строгой нравственности, религіозный, образованный. О стихахъ еще нѣтъ помину; ихъ, кажется, въ Калугѣ не жалуютъ. Унк** далъ мнѣ двѣ сочиненныя имъ записки о положеніи крестьянъ, далъ нѣсколько книгъ. Воротясь домой, занялся я дѣломъ Палатскимъ, потомъ легъ въ постель, взялъ въ руки свой Consulat et l'Empire, но мало читалъ, а такъ выкурилъ себѣ сигару въ раздумьѣ. Мнѣ все какъ-то не вѣрится, не ясно, что я въ Калугѣ! Поутру нынче опять занялся дѣлами, потомъ поѣхалъ съ визитами — къ тѣмъ, кого рекомендовалъ Унк**: Хрущова, Писарева, Чаплина не засталъ я дома, но Чаплинъ уже отдалъ визитъ мнѣ — и также не засталъ меня. Во время разъѣздовъ посмотрѣлъ я квартиру, которую прежде по моему приказанію осмотрѣлъ Порфиръ, и нанялъ. Переѣзжаю въ Середу или Четвергъ. Слава Богу! А то жить съ лошадьми въ гостинницѣ дорого. Адресъ: на *Дворянской* улицѣ, въ домѣ Поручицы Ивановой. Домикъ двухъэтажный, деревянный, со всѣми принадлежностями, даже съ чистенькою банею. Въ одной половинѣ хозяева, въ другой я. Хозяева люди прекрасные, комнаты невелики, но чисты; числомъ безъ передней 4; но одна должна быть отдана человѣку. Спальная и кабинетъ вмѣстѣ, гостинная и зала. Цѣна 350 рублей въ годъ. Дешевле, и даже не де-

дешевле, но чище и лучше нигдѣ не могъ найти. Сверхъ того, квартира съ мебелью, только мнѣ придется заказать письменный столъ, что сдѣлаетъ мнѣ столяръ, рекомендованный Унк**, за 12 рублей. Впрочемъ, я еще не заказывалъ. Переѣхать раньше нельзя потому, что еще комната одна не совсѣмъ починена. Всѣ говорятъ, что квартира теплая. Переѣду, разложусь, устроюсь, закуплю овесъ (пока онъ не вздорожалъ), дровъ, сѣна и тогда опредѣлю свой бюджетъ и пришлю Вамъ планъ. За три мѣсяца впередъ я уже заплатилъ. — Воротившись домой, послалъ я за докторомъ Эрхардомъ, который рѣшилъ, что Егора надо въ больницу; между тѣмъ пріѣхалъ Смирновъ съ визитомъ, потомъ Х**, о которомъ продолжаю слышать много скверняго, хотя все купечество Калуги его обожаетъ. Присылали отъ Унк** звать къ обѣду, но я отказался. Пообѣдавъ дома, почитавъ, отправился на бульваръ. Долго сидѣлъ я тамъ и курилъ сигару, до меня долетали пѣсни пѣсельниковъ съ Оки, по которой катались въ шлюпкѣ семейства Унк** и Хр**. Проходило мимо меня Калужское общество: много недурныхъ собою. Всѣ съ глупымъ любопытствомъ смотрѣли на меня, но ахъ и увы! какъ всѣ разочаруются, узнавъ, что я не танцоръ и не любезникъ! Вечеръ провелъ дома и сѣлъ писать къ Вамъ. Нынче, въ Понедѣльникъ, часу въ одиннадцатомъ (здѣсь ѣздятъ въ присутствіе не раньше 11-ти), поработавъ надъ дѣлами, отправился въ Палату, гдѣ просидѣлъ до третьяго часа. Съ предсѣдателемъ мы въ учтивыхъ, но холодныхъ отношеніяхъ. Онъ игрокъ и принадлежитъ совсѣмъ къ другому классу общества. Калуга такой городъ, въ которомъ много слоевъ и кружковъ общества, есть многочисленный кругъ купеческій, игроковъ и т. п. Многія семейства совсѣмъ незнакомы другъ съ другомъ. Мое вступленіе въ Калужское общество было такъ тихо и скромно, (такъ много новыхъ чиновниковъ вдругъ назначено), что едва ли было замѣтно. Одинъ экипажъ, великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ Калужскихъ, обращаетъ на себя вниманіе. Еслибъ у меня была пролетка съ верхомъ, я, можетъ быть, отослалъ бы одну лошадь. Парой слишкомъ великолѣпно. Воротившись изъ Палаты, узналъ я, что самъ старикъ Унк** пріѣзжалъ звать меня къ обѣду. Я и

отправился къ нему, обѣдалъ и потомъ ходилъ по бульвару съ сыномъ его, который зашелъ ко мнѣ, напился чаю и сейчасъ только ушелъ.

Посылалъ на почту,—но писемъ нѣтъ отъ Васъ! Пора бы получить мнѣ ихъ. Мнѣ такъ хочется знать, что у Васъ дѣлается, что Олинька? Письмо это придетъ, если не къ 14-му, то къ 17-му, поздравляю Васъ, милый мой Отесинька, и Васъ, милая Маменька, и въ особенности Наденьку и всѣхъ именинницъ.

Я предпочелъ писать скорымъ почеркомъ: гораздо скорѣе пишется, нежели тѣмъ мелкимъ и убористымъ, какимъ я писалъ въ Астрахани. Будущее письмо, надѣюсь, писать къ Вамъ съ новой квартиры. Завтра пробуду дома, несмотря на то, что и завтра звали меня обѣдать къ Ун***, но я не пойду, совѣстно, и безъ того я часто у нихъ обѣдаю, лучше придти вечеромъ.

Прощайте, напишите мнѣ правду о здоровьѣ Вашемъ и Олинькиномъ, обо всемъ и обо всѣхъ. Что дѣлаетъ Костя?

15-го Сентября 1845 года. Суббота.

Наконецъ получилъ я Ваши письма. Всѣ эти дни былъ я въ большихъ хлопотахъ, перевозился на квартиру, а главное... у меня умеръ Егоръ въ больницѣ—въ ночь съ Середы на Четвергъ, предварительно исповѣдавшись и пріобщившись. Я самъ не былъ въ больницѣ, а посылалъ объ немъ навѣдываться Порфира, но не ожидалъ этого. Нынче его будутъ хоронить: я съѣзжу въ церковь. Все оставшееся послѣ него имущество сложилъ я въ одинъ сундукъ, сдѣлалъ двѣ описи, заперъ и запечаталъ. Въ сундукѣ оказалось много моихъ вещей, которыя я считалъ потерянными: Костинькина рубашка голландская, Гришина салфетка, которыя я вынулъ, но много вещей, которыя я знаю, что наши, но не имѣютъ мѣтки, оставилъ въ сундукѣ. Можетъ быть, у него была страсть прибирать все къ мѣсту, потому что у него же нашелъ я билетъ на «Отечественныя Записки» 1845 года и отсылаю его къ Вамъ обратно,—нашелъ дробь... Денегъ ни копѣйки. Вотъ человѣкъ, который сорокъ лѣтъ отправлялъ одну должность, который

такъ сроднился съ этими обязанностями и привычками, что ничего не желалъ лучшаго и гордился, можетъ быть, своимъ званіемъ. Въ бреду горячки онъ часто вскакивалъ и говорилъ, что надо подавать чай или чистить сапоги, и, можетъ быть, цѣлый рядъ сорокалѣтнихъ услугъ, и служба молодости, и служба зрѣлыхъ лѣтъ, и служба старости — проносились передъ нимъ въ памяти... Молодость! И она была для него, полная надеждъ на будущность, на вольность... Пришла вольность, но все та же дѣйствительность, и время притупило другія желанія и сдружило съ обязанностями...

Въ то самое время, какъ это происходило въ отдаленной части города, давался шумный балъ, на которомъ бѣшенно подвизалась Калужская чиновная молодежь. Видите въ чемъ дѣло. Пріѣхалъ новый губернаторъ, должность котораго правилъ года два Х**, по этому поводу всѣ его друзья-пріятели вздумали дать ему балъ и ужинъ. Я, какъ пріѣзжій, разумѣется, не участвовалъ въ подпискѣ, но получилъ приглашеніе, и въ Середу, часу въ 10-мъ, заѣхавъ за Унк** (Михаиломъ) отправился на балъ. Очень хорошенькая зала подъ мраморъ въ два свѣта и нѣсколько частыхъ комнатъ уже наполнялись гостями. Я забылъ сказать, что домъ частный. Распорядителемъ Я**, хозяйкой — полицмейстерша, Катерина Ивановна, фамилію забылъ. Толстая и очень некрасивая баба, надѣвшая столько прозрачной кисеи и тюля, что складки пелеринокъ давали видъ крыльевъ, принимала гостей съ граціозными, по ея мнѣнію, движеніями. Я ей не представлялся, но весь городъ знаетъ Катерину Ивановну, потому что Катерина Ивановна держитъ въ рукахъ мужа своего, полицмейстера, и вмѣсто него управляетъ полиціей. Прежде она была городничихою въ Маломъ Ярославцѣ, учреждала налоги и собирала подати съ города, наконецъ мужа ея повысили въ полицмейстеры, а услышавъ о назначеніи новаго Губернатора, Катерина Ивановна съѣздила въ Петербургъ и заблаговременно выхлопотала мужу еще хлѣбнѣйшее мѣстечко. Гости пріѣзжали одинъ за другимъ. То губернскій механикъ, то дѣлопроизводитель Округа путей сообщенія, то Секретарь Строительной Коммиссіи, то чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Все служащіе! Молодежь, — подающая богатыя надежды Россіи! Такое стремленіе къ чинамъ, такое усердіе къ службѣ, такое прилежаніе...

Много будетъ штатскихъ генераловъ изъ предстоящихъ! Почему же теперь и не повеселиться? такъ разсуждали около меня, или, кажется, разсуждали нѣкоторые пожилые чиновники. Что касается до костюмовъ, то были и прилично одѣтые, были и въ пестрыхъ жилетахъ, пестрыхъ шарфахъ и даже въ пестрыхъ брюкахъ. Дамы... но признаюсь, я больше смотрѣлъ на мужчинъ, на молодежь, безпечную, равнодушную, не тревожимую никакимъ интересомъ національнымъ или хоть обще-человѣческимъ, годящуюся только на подтопку! Дамъ меньше, чѣмъ кавалеровъ, хорошенькихъ немного: двѣ Унковскія, Половцова, Чернова, — но хороша собою и глубоко хороша Толстая, брюнетка, которую Константину лучше и не показывать. Въ самомъ дѣлѣ столько спокойствія и глубины души въ ея глазахъ... Она меня заинтересовала особенно потому, что мнѣ извѣстны такіе секреты ея сердца, которые извѣстны только ей, да тому, кого касались. Вы знаете, я всегда эдакое депо чужихъ тайнъ. Впрочемъ, кромѣ Унк** я незнакомъ ни съ одной дамой. Наконецъ пріѣхалъ Х** потомъ Смирновъ. Заиграли маршъ и начался польскій, продолжавшійся около часа! Смирновъ прошелся съ купчихой, единственной, бывшей на балѣ, и уже старухой. Я любовался и совѣтникомъ Губернскаго Правленія жидомъ Т**, мошенникомъ страшнымъ, любезникомъ еще страшнѣйшимъ, и военнымъ чиновникомъ, присланнымъ изъ Петербурга для слѣдствія объ испорченномъ кулѣ муки казенной, давно уже употребленномъ въ дѣло, чиновникомъ, проживающимъ здѣсь уже давно, жандармскимъ Штабъ-Офицеромъ — также мошенникомъ и мерзавцемъ... Полюбовавшись, часу въ 12-мъ уѣхалъ я домой. Но балъ продолжался до 4-хъ часовъ, а въ 4 сѣли ужинать. За ужиномъ послѣдовали тосты о здоровьѣ и благополучіи Х**, и Х** обходилъ общество и благодарилъ, а тузы общества отвѣчаютъ *про себя* ему бранью...

Я уѣхалъ рано и хорошо выспался. На другой день, когда часу въ шестомъ пошелъ я бродить по бульвару, стало заходить солнце въ Оку, стало смеркаться и наконецъ за-

благовѣстили колокола ко всенощной, празднуя тысячелѣтнее торжество; мнѣ стало отраднѣе, легче послѣ непріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ дрянностою человѣка, дрянностою самыхъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Нынче 15-е, день Никиты и праздникъ Никитскаго Монастыря, послѣ — завтра 17-е, съ которымъ поздравлялъ и поздравляю еще разъ всѣхъ Васъ, а именинницъ въ особенности, а письмо это вѣрно придетъ не ближе 20-го, дня Вашего рожденія, милый мой Отесинька: поздравляю Васъ и крѣпко, крѣпко обнимаю. Поздравляю и всѣхъ.

Вчера переѣхалъ я на свою квартиру. Она еще не отдѣлана вполнѣ, но я поспѣшилъ переѣхать потому, что въ гостинницѣ дорого и неудобно. Въ будущій разъ пришлю Вамъ планъ.

Прощайте, пора на почту. Видите, я пишу къ Вамъ часто, да какъ много. Будьте здоровы и не безпокойтесь обо мнѣ.

18-го Сентября 1845 года. Вторникъ. Калуга.

Вчера въ Палатѣ получилъ я письмо Ваше отъ 13-го вечеромъ. Это уже третье, первыя же два я получилъ заразъ. Довольно странно показалось мнѣ, что Вы ничего не пишете о болѣзни Егора. Это обстоятельство, само по себѣ серьезное, и кончилось, какъ Вамъ уже извѣстно, серьезно. Въ Субботу его похоронили. Я пріѣзжалъ на нѣсколько времени, но всю тяжесть и всѣ хлопоты взвалилъ по этому случаю на Порфира, который въ этомъ отношеніи очень полезенъ. Не знаю, какъ будетъ дальше, а покуда Порфиръ такъ усерденъ, догадливъ, что и желать больше нечего. Вчера разобрали мы всѣ сундучки и ящички. По описи недостаетъ двухъ новыхъ подносовъ,—я знаю, было отпущено съ Егоромъ много банокъ варенья, ихъ нѣтъ ни одной. Кромѣ того, отпущено было, кажется, разныхъ крупъ и другихъ вещей и вещицъ, которыхъ теперь не упомню, которыхъ теперь нѣтъ и которыя не могли пропасть здѣсь въ Калугѣ, ибо я видѣлъ, сколько ящиковъ пріѣхало съ Егоромъ, а вѣрно оставлены имъ въ Москвѣ. Я не знаю, еслибъ Егоръ остался живъ, то съ какими глазами предсталъ бы онъ мнѣ. Мнѣ не денегъ жалко, разумѣется, но мнѣ было

очень досадно обмануться до такой степени въ человѣкѣ. Хотя я и переѣхалъ, но помѣщаюсь теперь въ гостиной, потому что спальная не готова. Впрочемъ, эти названія слишкомъ громки для такихъ клѣтушекъ. Тѣмъ не менѣе, долженъ былъ я заказать два дивана, простыхъ самыхъ, турецкихъ, и письменный столъ, но вижу необходимость въ двухъ шкафахъ: въ одномъ для платья, въ другомъ для буфета. Множество вещей уже куплено. Наконецъ я уже обѣдалъ дома, своею кухней. Обѣдъ состоялъ изъ супа съ курицею и соуса подъ морковью съ той-же курицей, которой (т. е. курицы), впрочемъ, я и не ѣлъ. Все это пойдетъ и на другой день, съ возобновленіемъ соуса. Впрочемъ, эти дни я ужиналъ всегда яичницей. — Право, смѣшно, до какихъ подробностей доходятъ мои письма! А знаете ли, что я въ Калугѣ написалъ уже кучу писемъ ко всѣмъ. Не писалъ только во Владиміръ, откуда также не получалъ ни строчки. Письмо къ Оболенскому началъ я эпиграфомъ:

Ахъ злодѣй — городъ Калуга
Разлучилъ отъ мила-друга!
Новѣйшій пѣсенникъ.

И написалъ къ нему почти что набѣло и экспромптомъ стихи, которые очень не хороши и не гладки и пусты, но всетаки я пропишу ихъ Вамъ *).

Впрочемъ, надо признаться, что это стихотвореніе написано было въ такую грустную минуту, и что, можетъ быть, здѣсь, когда я совсѣмъ устроюсь, примусь я за работу. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Знакомствъ новыхъ я не сдѣлалъ почти никакихъ; очень часто бываю у Унк**ихъ, раза два или три въ недѣлю у нихъ обѣдаю, — у нихъ очень пріятно, потому что безцеремонно, дочери прекрасно поютъ, а Семенъ Яковлевичъ очень интересный человѣкъ, тянетъ къ Москвѣ, говоритъ противъ благотворительности даже, сдѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта, очень меня полюбилъ, кажется... Мы съ нимъ бесѣдуемъ иногда часа по три. Вчерашній день, по случаю именинъ старшей дочери, Вѣры,

*) См. приложеніе „Нѣтъ, съ непреклонною судьбою"....

заѣхалъ я поздравить изъ Палаты, тамъ нашелъ почти всю Калугу, съѣхавшуюся съ тою же цѣлью. Выѣзжая оттуда, встрѣтился съ Губернаторомъ, который замахалъ рукою и, пока я останавливалъ стремленіе Матюшки, онъ уже соскочилъ съ пролетки и подбѣжалъ ко мнѣ, я также вышелъ. Онъ дѣлалъ мнѣ будто бы выговоръ за то, что я у него не бываю, сказалъ, что онъ всегда свободенъ съ 9-ти часовъ вечера, просилъ меня нынче къ себѣ, говоря, что ему нужно что-то мнѣ сообщить. Поѣду къ нему нынче!

Что это Костя кашляетъ. Стыдись, Святославово горло! Впрочемъ, я самъ постоянно кашляю, вслѣдствіе чего, по собственному соображенію, приставлялъ къ ногамъ самую свирѣпую горчицу. Прощайте, будьте здоровы и веселы! Съ имянинами Вашими я еще успѣю Васъ поздравить.

Понедѣльникъ. 1845 года, Сентября 24-го. Калуга.

Еще часъ времени остается до отправленія въ Палату; я всталъ рано, читалъ, читалъ, и для отдохновенія рѣшился писать къ Вамъ, хотя почта отходитъ собственно завтра. Начну съ описанія бала. Смирнову было много хлопотъ: хозяйки не было, и онъ долженъ былъ для оживленія самъ танцовать. Дамы были всѣ тѣ же,—мужское общество было немножко почище, а то на прошедшемъ балу я встрѣтилъ лица, которыя за мошенничество и взятки преданы суду нашей Уголовной Палаты! Въ гостинной, которую я увидѣлъ въ первый разъ, виситъ на стѣнѣ превосходный портретъ А. О. Смирновой, въ восточномъ платьѣ, чалмѣ, съ распущенными волосами. Я не такою воображалъ ее себѣ. Ея лицо гораздо спокойнѣе; глаза тихи, по крайней мѣрѣ такъ она на портретѣ. На другомъ портретѣ всѣ трое дѣтей его вмѣстѣ: три дѣвочки. Старшей, говорятъ уже 12 лѣтъ. См** кому-то сказывалъ, что жена его все больна, почему онъ и приготовилъ для нея комнаты наверху, гдѣ она будетъ принимать двухъ или трехъ человѣкъ, но не болѣе, а внизъ сходить только въ самые торжественные дни. Потолкавшись на балѣ, я воротился домой часовъ въ 12.—Стараніями См** учреждается Благородное Собраніе съ клубомъ, т.-е. игрою въ карты, буфетомъ и журналами. Собирается подписка, по

15 рублей серебромъ. Дѣлать нечего, хоть и жаль, а придется выложить изъ кармана 52 рубля. Признаюсь, мнѣ эти издержки очень не нравятся. Хорошо, что скоро 1-е число и что здѣсь жалованье выдается помѣсячно. — У Унк** я бываю довольно часто, раза два въ недѣлю обѣдаю; недавно, не заставъ отца и матери, я просидѣлъ цѣлый вечеръ съ дочерьми и меньшими братьями, потомъ еще нѣсколько разъ приходилось мнѣ одному сидѣть съ ними и разговаривать. Эти обѣ дѣвушки очень добры и милы, веселаго характера, любятъ танцовать и прыгать, совершенно просты въ обращеніи, а главное (качество рѣдкое въ провинціи) безо всякихъ претензій. Обѣ сестры прекрасно поютъ, но, къ моему сожалѣнію, больше любятъ Итальянскую музыку, нежели Нѣмецкую. Я въ свою очередь разсказывалъ имъ про Москву, Московское общество, Московскихъ дамъ, про Университетъ, публичныя лекціи, про Московское направленіе, про Константина, про костюмы, про сарафаны (при чемъ онѣ изъявили готовность надѣть сарафаны), про мурмолки, объявивъ при томъ свое намѣреніе носить зимой мурмолку. Да, Константинъ, ты долженъ быть мной доволенъ: я не пропускаю ни малѣйшаго случая, гдѣ могу, ввернуть доброе сѣмечко. Вотъ вчера сидѣлъ у меня часа два, если не больше, Б** Управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ, благородный и образованный человѣкъ, меценатъ. Онъ долженъ былъ подъ конецъ во многомъ согласиться, говоря, только, что еще не созрѣло время. Впрочемъ, во всякомъ городѣ найдешь двухъ или трехъ образованныхъ умныхъ людей, готовыхъ принять наши убѣжденія, но что касается, напримѣръ, до Калуги вообще, — то ей ни до чего нѣтъ дѣла, она ничего не читаетъ даже и рѣшительно игнорируетъ всякое Московское движеніе! — Нынче въ Палатѣ получилъ я два письма отъ Васъ. Съ какимъ удовольствіемъ получилъ я и прочелъ Ваши письма! Это оживило меня на цѣлый день! Очень, очень благодаренъ всѣмъ за поздравленіе День этотъ будетъ послѣ завтра; онъ неприсутственный, праздникъ, можетъ быть я отправлюсь въ соборъ. Вы знаете, впрочемъ, что это для меня самый непріятный день. Чувствительнѣе и явственнѣе становится для меня утекъ времени, прискорбнѣе эта ничѣмъ уже незамѣнимая потеря и

мучительнѣе вновь проснувшійся вопросъ жизни. Завтра именины Ваши, милый Отесинька. Поздравляю и обнимаю Васъ, поздравляю всѣхъ.

Квартирой вообще я недоволенъ. Дешево, да дрянно. Она имѣетъ видъ чистенькой, но стѣны пачкаютъ. Пахнетъ немножко кухней, нѣтъ ни одной форточки, ни одного замка, двери почти не затворяются, мебель состоитъ только изъ стульевъ, шести креселъ, двухъ или трехъ столовъ, простыхъ, крашеныхъ, даже лакомъ не покрытыхъ. Хозяйка безденежная, у ней самой нѣтъ никакого «обзаведенія», и она на постройки эти забрала у меня денегъ впередъ за 4 мѣсяца. Если-бъ не это обстоятельство, я бы, можетъ быть, съѣхалъ на другую квартиру. Впрочемъ, вездѣ мало мебели и нѣтъ существенной: шкафовъ, дивановъ, столовъ! Поэтому я долженъ былъ себѣ заказать. Письменный столъ я поставлю въ гостинную, къ внутренной стѣнкѣ. Тамъ будетъ мой кабинетъ и всѣ книги. А въ спальной, крошечной комнатѣ, будетъ стоять шкафъ съ посудой и разныя вещи. Стѣны въ гостинной завѣшу географическими картами, ибо на стѣнахъ ужасныя полосы и пятна; пришлите мнѣ съ оказіей бурхана. Я его забылъ, не знаю только гдѣ, въ Москвѣ или въ Абрамцовѣ. Впрочемъ, Вы очень ошибаетесь во мнѣ, если думаете, что я теперь полонъ fausse honte. Ничутъ не бывало. Я слишкомъ гордъ или слишкомъ равнодушенъ, но введу См** и всякаго къ себѣ безо всякой совѣстливости, только чтобъ было у меня опрятно, безъ претензій и безъ грубаго нарушенія вкуса въ выборѣ цвѣтовъ и т. п. — Впрочемъ, Вы хорошо сдѣлаете, милый Отесинька, если пришлете мнѣ денегъ немножко, ибо я получу скоро мѣсячное жалованье... Но мѣсячное жалованье само въ обрѣзъ, и всегда надо имѣть сколько-нибудь на непредвидѣнныя издержки. Впрочемъ, я прилагаю при семъ счетъ всѣхъ моихъ издержекъ главнѣйшихъ. Скучны хозяйскія заботы, нечего сказать. Разумѣется, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мнѣ нечего будетъ платить за квартиру, но придется заплатить 52 рубля въ Собраніе, заказать шкафы, заплатить подряженнымъ на мѣсяцъ кузнецу, прачкѣ и другимъ... Прежде истеченія мѣсяца не могу опредѣлить бюджета своихъ издержекъ.

29-го Сентября 1845 года. Калуга. Суббота.

Вотъ уже и Октябрь на дворѣ; если судить по здѣшней погодѣ, такъ у Васъ въ деревнѣ не должно быть очень пріятно. Здѣсь уже дня два, какъ лежитъ снѣгъ, разумѣется мокрый и грязный, поэтому погода самая сырая, такъ что не хочется и носу показывать изъ комнаты на дворъ, а дѣлать нечего, ступай. Въ промежутокъ отъ Вторника до Субботы ничего особеннаго не случилось. Во Вторникъ обѣдалъ я у Унк** и условился съ Семеномъ Яковлевичемъ ѣхать въ Среду къ Архіерею, для чего долженъ былъ я придти обѣдать опять къ нимъ же. Въ Среду (26-го Сентября) храмовой праздникъ здѣшняго теплаго собора (который ничто иное, какъ большая комнатная церковь въ домѣ Архіерея), пошелъ я къ обѣднѣ въ Соборъ. Тамъ служилъ самъ Архіерей. Онъ служилъ безо всякой торжественности, бороды у него почти нѣтъ, а есть что-то, чего даже нельзя назвать и козлиной бородой; низенькаго роста, худощавый, лицо ничего не внушающее; говорятъ, онъ здѣсь не играетъ никакой и недалекаго ума. Оттуда отправился къ Унк**, гдѣ обѣдалъ (впрочемъ, они не знали и не знаютъ, что это были мои именины), но къ Архіерею не поѣхалъ. Я взялъ у Унк** довольно интересную книгу: Истина Святой Соловецкой обители противъ челобитной Соловецкой. Я не зналъ, что Соловецкій монастырь посылалъ къ царю Алексѣю Михайловичу челобитную съ жалобою на исправленіе книгъ и съ объявленіемъ, что если ихъ прошенія не уважутъ, то они будутъ стоять за вѣру до послѣдней капли крови. Вслѣдъ затѣмъ онъ девять лѣтъ держался въ осадномъ положеніи, пока былъ взятъ военною рукою. Челобитная составляетъ главное основаніе догматовъ раскола; теперь, кто — неизвѣстно, но должно быть нѣкто изъ тамошнихъ жителей, написалъ современное оправданіе монастыря противъ неправды, называющейся его именемъ. Написано это такъ, съ такою искреннею и грубою досадой, такимъ слогомъ, даже съ бранью противъ раскольниковъ, что забываешь, что это написано въ наше время и пропущено въ духовной цензурѣ. Книга интересная, 1844 года, совѣтую посмотрѣть ее.

Вчера былъ я въ здѣшнемъ театрѣ, открытомъ въ первый разъ по возвращеніи труппы изъ лѣтнихъ вояжей по уѣзднымъ ярмаркамъ. Труппа немножко потерпѣла отъ путешествій: декораціи облупились многія, нѣкоторые члены труппы растерялись на дорогѣ, т. е. остались въ разныхъ городкахъ, задолжавъ трактирщику.

1845 года 2-го Октября. Калуга. Вторникъ.

Какъ обрадовался я неожиданно полученію Вашихъ писемъ отъ 25-го Сентября,—писемъ длинныхъ и интересныхъ. Вѣрочкино письмо писано въ третьемъ часу ночи: это напрасно. Сначала буду отвѣчать на Ваше письмо. Я, слава Богу, здоровъ, но все-таки держу діэту. Столъ мой состоитъ: чай (некрѣпкій) поутру и ввечеру,—обѣдъ: супъ съ курицей (приготовляемый на нѣсколько дней) и тарелка морковнаго соусу. Вечеромъ иногда, чувствуя потребность ужина, съѣдаю простую яичницу на маленькой сковородкѣ, яицъ изъ четырехъ или пяти; впрочемъ, и это невсегда бываетъ *). Неправда ли, умѣренно? Однако же я не думаю держать такую діэту больше мѣсяца, ибо чувствую неодолимое стремленіе къ говядинѣ... Хотя я обѣдаю иногда у Упк**, но у нихъ также обѣдъ очень скромный... Пріемъ, сдѣланный Костѣ, радуетъ меня за него, но нисколько за успѣхъ дѣла: интересна его личность, такъ явно нарушающая предразсудки общества, такая оригинальная, странная. А до убѣжденія никому нѣтъ дѣла; да и что толку въ этой блестящей дряни, которую называютъ высшимъ обществомъ? Разумѣется въ немъ нѣтъ никакого толку, да и насъ-то всѣхъ оно сбиваетъ съ толку. Мнѣ какъ-то непріятно вспомнить и вообразить себѣ опять эту пустоту и мелочь, которая такъ многихъ занимала прошедшую зиму: сколько градусовъ бла-

---

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ въ отвѣтъ, что при чтеніи этого письма „еффектъ былъ различный. Мать чуть не плакала, слушая описаніе твоего умѣреннаго стола и вообще нѣкоторыхъ нуждъ, а я хохоталъ. Все это весьма не худо и для твоего здоровія, и для пріобрѣтенія умѣнія себѣ отказывать и ограничивать себя. Забылъ написать, что Константинъ былъ особенно тронутъ отсутствіемъ пироговъ въ твоемъ обѣдѣ... Аксаковъ безъ пироговъ! этого до сихъ поръ не можетъ варить его желудокъ (Письмо отъ 7 Окт. 1845).

гонамѣренности въ этой или другой свѣтской дѣвушкѣ, что она сказала или какъ чаруется Пановъ. Вотъ этотъ юноша! Лучше бы подумать о средствахъ дѣйствовать съ большею пользою, о журналѣ, объ альманахѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я примкнулся жизнію своею къ одному убѣжденію, къ одному принципу, я сдѣлался гораздо серьезнѣе и нахожу, что смотрятъ не довольно съ серьезной стороны. Я не говорю про Константина, который смотритъ съ серьезной стороны, но какъ-то мало думаетъ о средствахъ, да и лѣнивъ невыносимо. Ему хочется вдругъ дать карамболя. Нѣтъ, мы сами не замѣчаемъ, какъ обаятеленъ, плѣнителенъ для нашего мерзкаго тщеславія блескъ свѣтскаго, аристократическаго общества, для насъ, не аристократовъ, не принадлежащихъ къ этому самозванному высшему кругу. Вѣдь эти господа ѣздятъ не изъ желанія наблюдать, проникнуть составъ душъ свѣтскихъ дѣвушекъ... Мы ихъ не переобразуемъ: дворъ, флигель-адъютантъ—и всѣ труды къ чорту, насъ онѣ портятъ и отвлекаютъ отъ дѣла. Удивительно въ самомъ дѣлѣ, какъ такіе умные люди въ состояніи заниматься такъ много такою дрянью... Ахъ, Господи, какъ бѣситъ меня это высшее общество и дрянь человѣка; самый опасный врагъ человѣку, самый неприметный: тщеславіе. Напрасно станете вы утверждать, что его нѣтъ въ васъ, будете обижаться этими словами. Я опять повторяю тоже, самъ сознаю себя виновнымъ, но по крайней мѣрѣ я крѣпко тружусь надъ собою и не обольщаюсь уже тщеславіемъ... Сдѣлайте одолженіе прочтите это все П—ву. Да что же въ самомъ дѣлѣ журналъ-то? Отдавалъ ли онъ Зимнюю Дорогу С*ву? Зачѣмъ онъ мнѣ ея не присылаетъ?—Благодарю Васъ, милый Отесинька, за сигары. Я ни сигаръ еще, ни повѣстки не получалъ, и право—это напрасныя издержки, когда ихъ такъ много. Повѣрите ли Вы, что, кромѣ прогонныхъ денегъ, со времени моего пріѣзда по 26-е Сентября (а теперь уже 2-е Октября) я издержалъ 477 рублей. Я самъ бы не повѣрилъ себѣ, еслибъ не велъ счета; какъ я сдѣлался аккуратенъ,—Вы бы удивились! Посылаю Вамъ копію со счета. Нѣтъ, обзаведеніе вновь хозяйствомъ незамѣтно дорого. Потрудитесь только велѣть себѣ прочесть мой счетъ. Гришѣ не приходилось вовсе этого

выдерживать. А ужь, вѣроятно, во всей вселенной не найдется другого молодого человѣка, который жилъ бы такъ умѣренно, такъ скромно, такъ монашески, какъ я. Одна только роскошь—сигары: но это еще Московская издержка. Нѣтъ, уничтоженіе такой большой суммы въ такое короткое время меня очень огорчило *).

Наконецъ спальная моя готова, но я еще не перешелъ въ нее. Вотъ былъ оселокъ моему терпѣнію: обѣщана была черезъ три дня, а поспѣла слишкомъ черезъ двѣ недѣли; за то съ хозяйкой я почти въ ссорѣ; причиной замедленія было между прочимъ то, что какой-то кирпичникъ ей долженъ, да не хочетъ платить долгу кирпичами, а я сидѣлъ трое сутокъ въ стужѣ, потому что печи были разломаны, нельзя было топить. Теперь печи готовы, но расположены самымъ дурацкимъ образомъ, какъ Вы увидите изъ плана: обѣ топки въ корридорѣ, а въ гостинную печь не выходитъ. Словомъ, еслибъ не задатокъ за три мѣсяца (контракта не было дѣлано) и еще за одинъ мѣсяцъ (данный потому, что у хозяйки не было денегъ для продолженія работъ), я бы переѣхалъ. Впрочемъ, домикъ такъ малъ, что когда истопятъ обѣ печи, то дѣлается ужь слишкомъ тепло. Прощайте, пора въ Палату. Удивительно, какъ я такъ много пишу и половины еще не успѣлъ написать. До слѣдующаго письма. Посылаю Вамъ счетъ и планъ.

6-го Октября 1845 года. Суббота. Калуга.

Вотъ уже нѣсколько дней стоитъ сухая и ясная погода, которою Вы, вѣроятно, воспользовались въ деревнѣ. Въ деревнѣ видъ поблекшей природы и ожиданіе зимы еще грустнѣе! И вдобавокъ знать, что дождешься тепла и зелени не ближе, какъ мѣсяцевъ черезъ восемь! — Послѣднее письмо Ваше отъ 25-го я получилъ въ Воскресенье, о чемъ уже и писалъ къ Вамъ во Вторникъ. Ожидаю письма завтра или

---

*) На это Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ: „Утѣшься милый другъ! При первоначальномъ обзаведеніи какимъ бы то ни было хозяйствомъ всегда выходитъ много денегъ, и у тебя были непредвидѣнные расходы. Прошедшей почтой я выслалъ тебѣ денегъ. Какъ скоро у тебя будетъ недостатокъ,—пиши безъ всякихъ оговорокъ, я тебѣ это приказываю (Eodem).

послѣ завтра. Вчера наконецъ получилъ я посылку: ящикъ colorada clara, великолѣпныхъ, величественныхъ сигаръ. Онѣ должны дорого стоить; гдѣ и у кого и за сколько Вы ихъ купили? Я запряталъ ихъ подальше и не рѣшился пробовать до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ устроюсь, а теперь у меня еще не готовъ письменный столъ и книги не разобраны. Мнѣ же хочется воздать должное гаванской сигарѣ на просторѣ и на досугѣ.—Въ Калугѣ увеселенія по прежнему продолжаютъ свирѣпствовать. Въ мою бытность здѣсь дано было три бала и два публичныхъ обѣда. Объ обѣдѣ купеческомъ, данномъ Х**, я Вамъ писалъ, кажется. На этотъ обѣдъ я приглашенъ не былъ. Были одни тузы Калужскіе и пріятели Х**. Въ прошедшую Середу купцы опять давали обѣдъ См**, на который я былъ приглашенъ, но не поѣхалъ. А 4-го Октября опять получилъ билетъ: «Калужское Дворянство покорнѣйше проситъ сдѣлать честь пожаловать на балъ и ужинъ, даваемый *въ знакъ признательности* А. Н. и Е. Н. Х**. Я поѣхалъ, пробылъ часа два и воротился домой. Особеннаго ничего не было: все тѣ же фигуранты, тѣ же шуты и мошенники. Впрочемъ, мнѣ надо будетъ объѣхать въ знакъ благодарности за приглашеніе хоть часть Калужскаго дворянства, да непремѣнно побывать у Почтмейстера, который медленно распоряжается присылкою мнѣ писемъ, мстя за то, что я у него до сихъ поръ не былъ. Вотъ скука! Непремѣнно будь знакомъ со всѣми этими чиновными созданіями, которыя всѣ не лучше; но въ десять разъ хуже Тр. Почтмейстера. Тр. Почтмейстеръ, согласенъ, человѣкъ очень хорошій, но каждый день съ нимъ видаться—признайтесь—скучно. Предвижу, что балы эти мнѣ скоро надоѣдятъ, ибо все одно и то же, все одни и тѣ же.

Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что въ прошедшее Воскресенье является ко мнѣ жандармъ съ приглашеніемъ на чашку чаю къ Николаю Михайловичу (т. е. См**.) Я потребовалъ у него листокъ, на которомъ написаны имена приглашаемыхъ; всего человѣкъ десять, въ томъ числѣ многія почтенныя Калужскія имена и даже штатскіе генералы, наконецъ я и... Н** Я не поѣхалъ, отговорившись будто бы нездоровьемъ. Въ самомъ дѣлѣ—какъ это

глупо, звать къ себѣ людей порядочныхъ и Н—а, извѣстнаго мошенника. Если это его *избранные*, такъ я не хочу быть въ числѣ ихъ. Разумѣется, всѣ прочіе были и большею частію всѣ играли въ карты; я же для подтвержденія своихъ словъ долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома. — Я давно собирался Вамъ разсказать исторію (если это можно назвать исторіей) съ Як***. Это было въ третье присутствіе мое въ Палатѣ. Як**, сдѣлавшись изъ поручиковъ Предсѣдателемъ, т. е. человѣкомъ, имѣющимъ право надѣвать, съ Вашего позволенія, бѣлые съ золотымъ галуномъ панталоны, чрезвычайно доволенъ и гордъ своею должностью. Являясь въ Палату поздно, онъ входитъ въ Присутствіе съ необыкновенною торжественностью. Сначала два сторожа бѣгутъ впередъ опрометью, толкая другъ друга и растворяютъ обѣ половинки двери, въ которыя входитъ Предсѣдатель. К** и другіе, зная его, встаютъ съ своихъ мѣстъ заранѣе и даже подходятъ къ дверямъ на встрѣчу. Что касается до меня, то не обращая вниманія на всю эту тревогу, я продолжалъ заниматься дѣломъ, и только когда Як** подходилъ къ столу, привставалъ съ мѣста, слегка кланялся и опять садился за работу. Такъ вотъ-съ, на третій день Присутствія Як**, усѣвшись въ свои кресла, вдругъ говоритъ Секретарю: «подайте мнѣ второй томъ Свода Законовъ». Подаютъ. Онъ роется въ немъ и, вдругъ, обращаясь ко мнѣ, очень учтиво, впрочемъ, проситъ меня «сдѣлать одолженіе прочитать такую-то статью». Въ этой статьѣ, извлеченной изъ регламента Петра Великаго, сказано: «при входѣ Предсѣдателя члены *встаютъ* съ своихъ мѣстъ». Видите *встаютъ*, а я только *привставалъ!* По настоящему слѣдовало бы только расхохотаться въ лицо Як** но въ ту минуту я такъ взбѣсился, что почувствовалъ, какъ кровь отхлынула отъ лица. Первою мыслью было: пустить въ него чернильницей, и надо было нѣсколько времени и много усилій, чтобы удержать себя. Собравшись съ духомъ, я сказалъ ему только: «я переговорю объ этомъ съ вами послѣ присутствія». «Нѣтъ, зачѣмъ, лучше уже теперь», сказалъ Як** чувствуя себя, разумѣется, безопаснѣе въ полномъ присутствіи другихъ членовъ. «Ну, хорошо, сказалъ я нѣсколько успокоившись, но тономъ довольно грознымъ,

чего вы хотите?»—«Да вы на меня совсѣмъ никакого вниманія не обращаете, не оказываете мнѣ должнаго уваженія».—«Хорошо, сказалъ я, вы указали статью, и довольно; только, если вы прибѣгаете къ статьямъ 2-го тома для снисканія уваженія, такъ жалкаго же уваженія вы добиваетесь, Александръ Иванычъ!»—Весь день я былъ взволнованъ, мнѣ казалось, что я мало отвѣтилъ Як** но исторія эта, случившаяся въ присутствіи всѣхъ другихъ членовъ, разнеслась въ одинъ мигъ по всему городу и самъ Як** вездѣ разсказывалъ, какъ *я* (т. е. Аксаковъ) *его* обидѣлъ. Я думалъ, что меня обидѣли, но вся Калуга почти рѣшила, что я оскорбилъ словами, и именно послѣдними, почтеннаго Александра Ивановича. Унк** которымъ я самъ разсказалъ, говорили мнѣ, что даже многія дамы, сказывая про это, обвиняли меня въ недостаткѣ чинопочитанія! Дошло до Губернатора, который говорилъ объ этомъ старику Унк** и о намѣреніи своемъ мирить меня съ оскорбленнымъ Предсѣдателемъ; мнѣ же Смирновъ о томъ не рѣшился сказать ни слова. Но Унк** отговорилъ его отъ этого глупаго намѣренія, увѣряя, что Як** самъ постарается загладить дѣло. И дѣйствительно такъ и было. Я продолжалъ обращаться по прежнему, точно такъ же кланялся, былъ учтивъ, какъ и прежде, словомъ, ни въ чемъ не измѣнилъ своего поведенія, ибо оно было хорошо. Но Як** сдѣлался гораздо учтивѣе, первый подходитъ ко мнѣ, подаетъ руку, вездѣ внимателенъ, услужливъ... Разумѣется, я, сколько могу, плачу ему тою же монетою, и мы теперь такіе пріятели, какихъ мало. Онъ дѣйствительно—доброватое созданіе, но глупенекъ. А на дняхъ въ Палатѣ произошелъ слѣдующій случай: по одному дѣлу былъ толкъ и Як** не согласился съ мнѣніемъ моимъ и прочихъ членовъ. Я сказалъ, что не уступаю ничего и подамъ, если нужно, особое мнѣніе; прочіе члены объявили, что они поступятъ, какъ и я... Як** далъ предложеніе, съ которымъ *никто* не согласился, и рѣшеніе исполняется по большинству голосовъ, т. е. наше... Я могу безъ хвастовства сказать, что этого бы не было безъ меня, я знаю изъ прежнихъ рѣчей гг. членовъ, въ какомъ они угодливомъ расположеніи были къ Предсѣдателю (дѣйствующему въ этомъ случаѣ согласно съ желаніемъ См**)... Я же

никого не уговаривалъ, но объявилъ велухъ, что я думаю такъ, вотъ причины, я ни для кого на свѣтѣ не измѣню своего мнѣнія. Тогда прочіе объявили, что думають, какъ я, и также намѣрены крѣпко держаться своего мнѣнія, несмотря на то, что Як** въ самыхъ хорошихъ теперь отношеніяхъ съ См** и бываетъ у него чуть ли не каждый вечеръ. Дѣло это пойдетъ еще къ См** на утвержденіе: не знаю, какъ онъ поступитъ.

На дняхъ жду къ себѣ Митю Оболенскаго. Для объясненія всего посылаю Вамъ письмо его. Прощайте.

P. S. Варенье нашлось въ книгахъ. Матюшкѣ куплена азбука, и я приказалъ Порфиру учить его грамотѣ, а то у него слишкомъ много досужаго времени.

9-го Октября 1845 года. Вторникъ. Калуга.

Письмо Ваше, писанное 1-го Октября, отправленное 4-го и мною полученное только 8-го, я перечелъ нѣсколько разъ. Если для Васъ интересны мои письма, то для меня, въ моемъ одиночествѣ, Ваши еще интереснѣе. Я очень благодаренъ Костѣ за письмо; еще прежде я хотѣлъ писать къ нему письмо большое и непремѣнно напишу съ слѣдующею почтою. Теперь только успокою его на счетъ Т—ой. Человѣкъ, ею интересующійся, молодой У—кій, добрый, честный, благородный малый. Что же касается до ея натуры, то Богъ вѣсть, какія у нея требованія. Я ея не знаю, а ужъ извѣстно, что женскіе глаза самая обманчивая вещь. Особенно черные! Думаешь, что и Богъ знаетъ, сколько глубины въ этомъ мракѣ, прикрываемомъ вдобавокъ черными, длинными рѣсницами... Ничуть не бывало, и часто дѣвушка нисколько не виновата, что у ней такія многозначительныя очи! И поэтому я не очень довѣряюсь наружности вообще, а въ особенности женской. Впрочемъ, когда Ук** воротится, то онъ познакомитъ меня съ Т**. Я очень радъ, что письма мои доставляютъ Вамъ развлеченіе; для меня писаніе писемъ не только не затруднительно, но и отнимаетъ очень немного времени. Я такъ привыкъ писать письма, что письма мои больше походятъ на разговоръ, но на бумагѣ я гораздо свободнѣе и умнѣе изъясняюсь, чѣмъ

на словахъ. Я въ прошедшій разъ сдѣлалъ большую глупость: послалъ письмо, не предувѣдомивъ, что его вслухъ могутъ прочесть Отесинька, да Костя.—Что касается до красоты Смирновой, то портретъ ея не поразилъ меня. Такъ мало рѣзкаго и блестящаго, что онъ (т. е. портретъ) не поражаетъ съ перваго взгляда, но, всмотрѣвшись, вы увидите, что это красота, и глаза, кажется, глубокаго качества; впрочемъ, костюмъ ли ея восточный и тюрбанъ тому причиной?—лицо ея, показалось мнѣ, носитъ еврейскій характеръ. Однако и теперь не могу сказать Вамъ ничего положительнаго объ этомъ портретѣ, потому что я разсматривалъ его вскользь, на балѣ, въ комнатѣ, наполненной дамами и кавалерами. Большую часть своего времени провожу я дома и читаю. Недавно прочелъ цѣлую книгу Стурдзы: Письма о должностяхъ священнаго сана. Книга очень интересная; вся жизнь священника, въ столкновеніи съ разными происшествіями и эпохами жизни, изложена въ письмахъ его къ одному монаху. По крайней мѣрѣ я прочелъ ее съ пользой, и были минуты, когда мнѣ хотѣлось быть священникомъ.—Одиночество приноситъ свои плоды и внутреннее развитіе совершается; я чувствую въ себѣ многое къ лучшему. Уединеніе это, Богъ дастъ, не будетъ безплодно. Я уже написалъ одно довольно длинное, серьезное и очень важное для меня стихотвореніе, которое, вѣроятно, покажется многимъ скучнымъ, непонятнымъ, даже смѣшнымъ... *) Въ скоромъ времени надѣюсь разрѣшиться еще нѣсколькими стихотвореніями. Когда всѣ эти стихотворенія будутъ написаны, тогда пришлю ихъ Вамъ цѣлой тетрадкой. Кстати, если Каролина Карловна будетъ у Васъ или Вы ее какъ-нибудь увидите,—спросите ее,—намѣрена ли она держать обѣщаніе, на которое сама вызвалась, т. е. прислать мнѣ свои новыя стихотворенія, съ тѣмъ, чтобъ я прислалъ ей свои? Если намѣрена, такъ я, пожалуй, пришлю ей также. Да напишите, сдѣлайте милость, П**, чтобъ онъ мнѣ прислалъ Зимнюю Дорогу и книгу моихъ стиховъ.

Хозяйка моя пресмѣшная женщина. Она вдова оберъ-офицера, слѣдовательно дворянка, очень этимъ гордится, задаетъ

*) См. Приложеніе: *26 Сентября.*

тоны и постоянно обличается грубѣйшимъ невѣжествомъ. Она имѣетъ все неприятности съ Матюшкой и жаловалась мнѣ, что Матюшка, которому она говорила очень ласково и называла даже его *душенькой*, въ отвѣтъ на эти ласки назвалъ ее *свиньею*. Отъ этихъ словъ Матюшка отрекался, но я все таки выбранилъ его хорошенько и приказалъ на крѣпко, чтобъ онъ впередъ не подавалъ повода ни къ какимъ на него жалобамъ. Въ другой разъ приходила жаловаться она же, что Матюшка двухъ ея мальчишекъ вымазалъ глиной, высѣкъ и заперъ. Впрочемъ, теперь этого болѣе не повторяется. Съ хозяйкой своей я вовсе не вижусь и только одинъ разъ пилъ у ней чай вечеромъ. Разговоръ, веденный очень серьезно съ моей стороны, внутренно очень забавлялъ меня. Особенно когда... Да чуть ли я не описывалъ Вамъ этого вечера. Если нѣтъ, такъ опишу въ будущемъ письмѣ, а теперь пора кончить.

13-го Октября 1845 года. Калуга. Суббота.

Я нынче пишу къ Вамъ не такое большое письмо. Пакетъ и безъ того толстъ. Я написалъ цѣлый листъ Костѣ и посылаю два моихъ стихотворенія *). Прошу Васъ всѣхъ сказать мнѣ объ нихъ искреннее мнѣніе, непремѣнно искреннее. Ничего не будетъ больнѣе для меня, если я послышу неискренность въ Вашемъ сужденіи. Особенно Васъ, милый Отесинька, прошу сообщить мнѣ всѣ нужныя поправки и замѣчанія.—Особеннаго на этой недѣлѣ почти ничего не случилось, я ни у кого почти не былъ и, кромѣ Палаты, большую часть времени провелъ дома. Изъ письма къ Костѣ Вы увидите, что Маріи Египетской я не продолжалъ, что въ скоромъ времени надѣюсь написать еще нѣсколько стихотвореній. Но труда побольше, поважнѣе еще не начиналъ, да и не придвидится. Бродитъ у меня въ головѣ повѣсть, но такъ неясно еще, что ничего не могу сказать про нее положительнаго. Да я еще не рѣшился,—прозой ли ее писать или стихами. Для вѣрнаго изображенія жизни и дѣй-

*) См. въ прил. *26 Сент.* и *Сонъ*. Письмо къ Конст. С—чу помѣщается на 275 стр.

ствительности—самое лучшее проза, где я совершенно должен устранить самого себя. Но иногда за то въ головѣ проносятся стихи съ такой соблазнительной гармонiей, что хотѣлось бы писать стихами, гдѣ тонъ самый, музыка стиховъ дополняютъ недостаточность образовъ и гдѣ я не вполнѣ отказываюсь отъ своихъ личныхъ правъ. Впрочемъ, это все разрѣшится современемъ.

Что Вы мнѣ ничего не пишете,—уѣхалъ ли Валуевъ въ чужiе края, прiѣхалъ ли Хомяковъ, что Елагины? Недавно прочелъ я еще романъ Вальтеръ-Скота здѣсь (бралъ у Унк**). Что это за удивительный человѣкъ! По прочтенiи каждаго романа кажется, что Вальтеръ-Скотъ только разсказывалъ вамъ истинное событiе и самъ не воленъ перемѣнить въ немъ ничего, а передаетъ, какъ есть, хоть радъ былъ бы самъ, чтобъ это было иначе. Даже при этихъ ненужныхъ свѣдѣнiяхъ, какъ будто бы ослабляющихъ впечатлѣнiе,—о дальнѣйшей участи лицъ (напримѣръ въ концѣ Сенронанскихъ водъ),—видно, что онъ по неволѣ будто бы исполняетъ долгъ добросовѣстнаго разсказчика. Личнаго его достоинства вы не видите почти, а между тѣмъ полная картина жизни развертывается передъ Вами. Можно созерцать жизнь въ Вальтеръ-Скотовыхъ романахъ. Я непремѣнно возьму еще какой-нибудь романъ. Помню я, что Le Pirate, котораго я прочелъ уже давно, произвелъ тогда на меня сильное впечатлѣнiе, хочу его прочесть.

1845 года, 16-го Октября. Вторникъ. Калуга.

Письмо Ваше отъ 9-го Октября получено мною 13-го. Очень благодарю Васъ за подробное описанiе препровожденiя времени, — но право я и не воображалъ, чтобъ описанiе издержекъ и пр. до такой степени Васъ встревожило, милая Маменька Ахъ, Боже мой, будьте покойны, умѣренный столъ былъ мнѣ очень полезенъ, но со временемъ я введу и пироги и котлеты и т. п. Неужели Вы думаете, что я изъ экономiи такъ мало ѣлъ? Ну да что объ этомъ говорить. Въ денежные счеты и хозяйственныя дѣла я вовсе не погруженъ, теперь деньги у меня есть и я вполнѣ обезпеченъ.—Теперь буду отвѣчать на Ваши письма. Мнѣ очень

досадно, что Вы получаете оба мои письма заразъ? зачѣмъ же я пишу два раза въ недѣлю? Именно для того, чтобы и Вамъ доставлять два раза въ недѣлю это развлеченіе. Нельзя ли Вамъ какъ-нибудь устроиться съ Пальчиковскимъ кучеромъ или съ Почтмейстеромъ? Вѣдь у него есть почтальоны, которые должны были бы развозить письма?.. Что касается до уженья, то мнѣ очень интересно знать вѣсъ окуня, который теперь сидитъ въ сажалкѣ.. Будетъ ли уженье продолжаться до снѣгу?—Вы спрашиваете, отчего не упоминаю я о Палатѣ? Да нечего упоминать: дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Особенно любопытныхъ дѣлъ не попадалось; съ Як** мы друзья совершенные... Въ Палатѣ при открытыхъ дверяхъ обыкновенно объявляютъ приговоры преступникамъ, часто присуждаемымъ въ Сибирь, въ каторгу... Тутъ происходятъ разныя сцены... Но при мнѣ таких приговоровъ еще не было объявлено, а объявляли нѣкоторымъ—наказаніе плетьми съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства. На вопросъ: «довольны ли вы?» всѣ они въ одинъ голосъ закричали: довольны, довольны! — Можетъ быть, они рады, что отдѣлались такъ дешево, потому что стоили большаго, а можетъ быть, они рады хоть какимъ-нибудь образомъ избавиться отъ суда, даже будучи невинными... Суду Уголовной Палаты предаются также, какъ чиновники, сдѣлавшіе преступленіе по должности,—бѣдные мужики Государственныхъ Имуществъ, головы, сборщики податей, засѣдатели Расправъ. Уѣдетъ кто-нибудь на рынокъ продавать, его сейчасъ обвиняютъ, что онъ отлучился отъ должности и предаютъ суду Палаты. Разумѣется, мы употребляемъ всѣ подьяческія уловки, чтобъ ихъ не подвергать суровому наказанію. Можетъ быть, иногда поступаемъ противозаконно, зная, что дѣло не пойдетъ въ Сенатъ... Къ чему законъ, когда соблюденіе его есть высшее нравственное беззаконіе? Пусть это веселитъ П** — дѣлать самыя жестокія вещи ради исполненія закона, буквы закона, несмотря на противозаконность нравственную и часто на собственное убѣжденіе... Впрочемъ, надо признаться, что всякую подобную благонамѣренную неправильность я достаточно умѣю оградить я всѣми судебными хитростями. Что интересно въ этой службѣ — такъ это самые преступники, арестанты, которыхъ видишь лицомъ къ

лицу. До сихъ поръ мало было важныхъ случаевъ. Съ Прокуроромъ ужъ мы оффиціально поссорились. Онъ далъ протестъ, съ которымъ,—по моему настоянію, признаться,—не согласились.

Я тоже раздѣляю общее мнѣніе на счетъ окончанія Вашего письма къ А. О., милый Отесенька, и вотъ почему. Потеря зрѣнія (чего Боже сохрани) такая вещь, что о ней не легко говорится. Это дѣло слишкомъ серьезно которагo — Богъ дастъ — не случится. Родъ комплимента, который Вы дѣлаете С**, или не комплиментъ, такъ самый родъ желанія видѣть ее — слишкомъ не важенъ въ сравненіи съ потерею глазъ. Это сочетаніе комплимента (или неважнаго желанія) съ угрозою такой важной перспективы производитъ непріятное впечатлѣніе, по крайней на меня— а на нее, можетъ быть, препріятное *).

На дняхъ былъ у меня См*въ, послѣ обѣда, часовъ въ 5, и просидѣлъ часа два. Началъ онъ бранить духъ и характеръ провинціальнаго общества, раскрывать намѣренія свои къ улучшенію, воспитанію и образованію его, напримѣръ посредствомъ театра, для котораго нужно сдѣлать особенный выборъ піэсъ хорошихъ... Все это еще ничего, это даже (не по нашему, а по чиновническому выраженія) «благонамѣренно!» Для этого устроилъ онъ дирекцію театра изъ Як**, Н** и М** (мерзавца и мошенника отъявленнаго, но ловкаго, говорящаго по Французски). — Я спросилъ его откровенно: Н** не тотъ ли самый, который съ братомъ пользуется такой скверной репутаціей? — Тотъ самый, отвѣчалъ онъ, но эта репутація несправедлива, будто бы онъ (См**) познакомился съ нимъ только здѣсь, нашелъ въ немъ человѣка образованнаго, по крайней мѣрѣ имѣющаго истинное образованіе, et c'est quelque chose en province! Да, сказалъ я, пожалуй, *что-нибудь* въ провинціи, но ужъ рѣшительно *ничего* само по себѣ...—Ну да общество должно быть вездѣ одинаково, сказалъ См**

*) Поводомъ къ этому сужденію послужило пересланное къ И. С—чу письмо См—ой къ его отцу, въ которомъ она выражаетъ между прочимъ желаніе, свидѣться съ Серг. Т—чемъ при проѣздѣ своемъ черезъ Москву въ Калугу. Отвѣчая ей, С. Т. говоритъ, что очень былъ бы счастливъ съ ней увидаться, добавляя: *я не смѣю откладывать возможности Васъ видѣть: я теряю глаза. Мнѣ хотѣлось бы сохранить образъ Вашъ въ числѣ отрадныхъ воспоминаній на темную можетъ быть, долгую старость...*

и началъ излагать свое мнѣніе, что высшее общество должно быть одного покроя и съ Французскимъ, и съ Англійскимъ, словомъ, чтобъ люди всѣхъ высшихъ сословій, всѣхъ націй были похожи другъ на друга и пр. Я засмѣялся и сказалъ, что у насъ въ Москвѣ думаютъ иначе...—«Да, я знаю, вы принадлежите къ этой партіи; о, у насъ будутъ съ вами долгіе споры. И тутъ онъ началъ говорить, что, по его замѣчаніямъ, всякій народъ имѣетъ какую-нибудь сторону, Жиды меркантильность, а русскіе — отважность или безпечность. Это главная черта русскаго народа, это свойство его духа. Поэтому напрасно говорятъ, что высшее общество отдалилось отъ народа, и въ немъ много отважности, такъ, напримѣръ, такой то сдѣлалъ такую-то отважность, слѣдовательно мы ничего не потеряли отъ реформы Петра Великаго; только, по его мнѣнію, столица должна быть въ Кіевѣ, для того, чтобы обрусить Поляковъ! Все это было сказано съ такимъ серьезнымъ видомъ человѣка убѣжденнаго и упрямаго въ своемъ мнѣніи, что я, разумѣется, спорить не сталъ, сказалъ, что несогласенъ, и перевелъ разговоръ на другой предметъ.—«Нѣтъ, говоритъ См**, Губернаторъ одинъ не можетъ воспитать общества, это дѣло Губернаторши: надо, чтобъ общество питалось de l'atmosphère, qu'une femme répand dans la société, и пр. «Мы составимъ общество: жена, вы, братъ ея, умный очень малый (вѣроятно, Россетти?»). Онъ очень гордится умомъ своей жены. О, говоритъ, ma femme leur tiendra tête à tous! Удивительный городъ Калуга. Общественное мнѣніе столь слабо, что мошенники, которыми она преизобилуетъ, играютъ наглую, важную роль. Я не знакомъ съ ними, но принужденъ буду часто встрѣчаться, обѣдать за однимъ столомъ, участвовать въ одномъ дѣлѣ! Дѣло честнаго человѣка—было бы открыто объявить, что это люди такіе-то, что онъ съ ними никакого сношенія имѣть не хочетъ... Но никто этого не объявитъ, и мошенники эти (именно М**) публично за ужиномъ (я не слыхалъ этого, но слышалъ Уик**) разсказываютъ о своихъ мошенничествахъ и подлостяхъ — при слѣдствіи, на службѣ и т. п. А?

Прощайте. До слѣдующаго письма. Поучительна и отвратительна Губернія! Почему я веду себя самимъ строгимъ,

осмотрительнымъ, холоднымъ образомъ въ отношеніи къ здѣшнему обществу.

1845 года, Октября 20-го. Калуга. Суббота.

Нынче или завтра надѣюсь получить письма отъ Васъ; я всегда съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю этихъ дней. Какъ досадно, что несмотря на близкое разстояніе, Вашъ отвѣтъ на письмо мое можетъ придти не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. Это хоть бы въ Астрахани.

Я все забываю разсказать Вамъ про вечеръ у хозяйки. Такъ какъ этому прошло болѣе мѣсяца и повторенія не было, то я многое перезабылъ... Вы знаете уже, что хозяйка моя вдова офицера армейскаго, Ивано̀ва, а не Ива́нова (въ губерніи всѣ Ивановы непремѣнно требуютъ, чтобъ ихъ фамилію произносили съ удареніемъ на *о*), ростовщица. Мужъ прозывался Кузьмою, накопилъ денегъ около ввѣренной ему роты и довольно рано, кажется, умеръ жертвою все таки усердной службы. Въ комнатѣ, куда я вошелъ, все общество состояло изъ самой хозяйки за самоваромъ, трехъ взрослыхъ дочерей, Николашки (мальчика, подававшаго чай: слугъ у ней нѣтъ) и двухъ собачекъ. Старшая дочь довольно хороша собой, т. е. высока, свѣжа, румяна и молода, — какъ дѣвица, бывавшая въ свѣтѣ, она вела разговоръ. При первомъ взглядѣ на это общество я почувствовалъ непріятное ощущеніе. Вездѣ проглядывало безпокойное чувство ложнаго стыда,—этой необходимой принадлежности полудворянской гордости. Еслибъ не было этого раздѣленія классовъ, тогда Ивано̀ва была бы, можетъ быть, купчихой или мѣщанкой, словомъ, женщиной, которая живетъ своими трудами и соотвѣтственно своимъ доходамъ. Нѣтъ ничего тяжелѣе, если видишь, что окружающіе подавлены чувствомъ стыда. Правда, это меньше слышалось въ матери, которая храбро и неустрашимо выказывала свою грубость и невѣжество,—за то дочери, понимавшія это, еще болѣе смущались этимъ и безпрестанно останавливали ее потихоньку... Такъ какъ я столичная штучка, то само собою предполагалось у нихъ, что я во всемъ знаю толкъ, все стану *критиковать*... «Вы, можетъ быть, не станете кушать нашего чаю, вы, конечно, въ Москвѣ пьете лучшій»... Въ опро-

верженіе выпилъ я три стакана чаю, былъ необыкновенно любезенъ и кормилъ обѣихъ собачекъ. Я сказалъ, что заказываю мебель... «Ахъ, закричала мать, — если вы еще не заказывали, то позвольте мнѣ вамъ рекомендовать столяра. Прекрасный столяръ, я его давно знаю, онъ всѣмъ, и батюшкѣ и матушкѣ и мужу моему дѣлалъ *гробы*»!.. Я очень серьезно поблагодарилъ и сказалъ, что у меня ужъ есть другой столяръ,—но что, можетъ быть, такъ какъ для обивки мебели надо кой-какой матеріи, я обращусь съ просьбою о покупкѣ къ ней, хозяйкѣ. — «Нѣтъ-съ, какъ можно-съ, вы Московскій житель, вы вѣрно это лучше насъ разумѣете»... Между прочимъ хозяйка сказала мнѣ, что я занимаю такое важное и выгодное мѣсто, 2500 рублей жалованья, да по крайней мѣрѣ тысячъ десять доходу!.. Я спросилъ, что она разумѣетъ подъ этимъ; она очень серьезно и наивно отвѣчала, что подарки, платы, словомъ, взятки. Я очень спокойно сталъ ее увѣрять, что я взятокъ не беру... «Да, помилуйте, да нѣтъ, вы это такъ изволите говорить»... или: «ну такъ поживете здѣсь, привыкнете... Вотъ такой-то сколько беретъ! А такой-то! Вотъ А. Н. прежде тоже не бралъ, ну а теперь, можетъ быть и беретъ».—Я перемѣнилъ разговоръ. Хозяйка стала жаловаться, что теперь въ воксалъ уже не ѣздятъ въ ситцевыхъ платьяхъ, что пошли дорогія и странныя моды, что M-me X—ва дурна собою и смѣшно одѣвается... Тутъ дочь вступилась за X—ву: «ахъ, маменька, какъ можно такъ говорить, она такая добрая. А по моему, сказала она, прекрасныя свойства души лучше красоты!»—О, я совершенно согласенъ, отвѣчалъ я.—Заговорилъ про Москву. Ни красота ея, ни древность не были замѣчены: дочь говорила про Благородное Собраніе, изъ котораго она никогда бы не вышла, а мать про многолюдный рынокъ на Москвѣ рѣкѣ на льду. «Какъ тамъ это ледъ крѣпокъ!»—«Да ужъ тамъ, вѣроятно, за этимъ хорошо смотрятъ», — объяснила дочь. — Посидѣвши довольно долго, я раскланялся и съ тѣхъ поръ не былъ у хозяйки ни разу, хотя живу рядомъ. Во первыхъ, скучно, а во вторыхъ, мое короткое знакомство гораздо болѣе повредило бы ей и ея дочерямъ, нежели мнѣ. Калуга и безъ того полна сплетней о тѣхъ, которые занимали эту квартиру прежде меня. По-

этому мнѣ и хочется съѣхать. — Нѣтъ ничего отвратительнѣе для меня — полудворянства и полудворянокъ — обыкновенно самыхъ дурныхъ женщинъ. Господи Боже мой, какъ выше ихъ — презираемый ими мужикъ! Но прощайте, пора на почту. Я написалъ еще стихотвореніе, не пошлю его къ Вамъ, когда получу отвѣтъ о посланныхъ письмахъ.

23-го Октября 1845 года. Калуга. Вторникъ.

Благодаря почтмейстеру, теперь письма Ваши получаются мною въ первый день пріѣзда почты, т. е. въ Субботу же. Я не вдругъ читаю письма, но кончу сначала нужныя дѣла, закурю хорошую сигару и потомъ ужь читаю медленно. Вы пишете мнѣ про прекрасное осеннее утро. Мнѣ захотѣлось при этомъ послать Вамъ свой очеркъ, гдѣ слегка набросанъ осенній вечоръ, но отлагаю это до Субботы, потому что стихи еще не переписаны. Какъ я радъ, что Вы, милый Отесинька, пишете книгу объ уженьѣ. Продолжайте и кончайте ее, сдѣлайте милость; да и журналу *) этому очень радъ: прекрасное упражненіе для сестеръ въ русскомъ языкѣ, да и диктованіе имъ ко мнѣ писемъ также полезно, и потому, ихъ пользы ради, надо эту диктовку продолжать постоянно. Костя пишетъ статью: стыдно, если онъ ея не напишетъ въ деревнѣ, гдѣ нельзя пожаловаться на недостатокъ времени... Статья очень нужная, гдѣ все, всѣ вопросы и profession de foi должны быть ясно выведены. Кстати объ этомъ. См** предложилъ мнѣ принять дѣятельное участіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которымъ онъ хочетъ придать большій объемъ и вѣсъ; прибавить отдѣлъ статистическій и историческій. Разумѣется, — онъ предложилъ мнѣ не редакторство, а участіе, такое, которое бы дало имъ направленіе и значеніе. Я принялъ вызовъ охотно; тѣмъ разговоръ и кончился. Для Губернскихъ Вѣдомостей нѣтъ другой цензуры, кромѣ Губернатора или Вице-губернатора, и у меня блеснула смѣлая, но благородная мысль: завладѣть Губернскими

---

*) См. въ прил. стихотв. „*Очеркъ*“.

*) Младшія сестры Ивана Сергѣевича издавали въ Абрамцевѣ свой домашній журналъ.

Вѣдомостями, издавать ихъ въ извѣстномъ духѣ, помѣщать въ нихъ статьи небольшія, какъ напримѣръ «сравнененіе между Петербургомъ и Москвою» и т. п... А? Но постой, постой, Костя, удержи порывы восторга и *предполагаемой* дѣятельности! Такъ какъ это можетъ компрометировать См**, то я долженъ буду объясниться съ нимъ откровенно и, разумѣется, онъ не согласится. Стиховъ помѣщать тамъ нечего: для большихъ—мало мѣста, а малые—не стоитъ. Разумѣется, иногда косвенно можно будетъ коечто сказать, но это такъ ничтожно, ибо Губернскихъ Вѣдомостей здѣсь никто не читаетъ... Можно говорить косвенно тамъ, гдѣ уже знаютъ—о чемъ рѣчь, и догадаются. А здѣсь, гдѣ рѣшительно ничего не знаютъ и ничѣмъ не интересуются, — намеки излишни. Надо бы вдругъ рѣзкою статьею всполошить всѣхъ и обратить на себя вниманіе. Но что будете вы, впрочемъ, дѣлать съ такими людьми, какъ мой Як** и ему подобными? Во всякомъ случаѣ я переговорю съ См**; на дняхъ у него побываю.

Вы пишете, милая Маменька, что у Васъ нѣтъ никакихъ моихъ стиховъ. И у меня также нѣтъ; все у этого Панова, который держитъ ихъ два мѣсяца по напрасну, ибо альманаха нѣтъ; да еслибъ и готовился, такъ можно было бы двадцать разъ списать. Между тѣмъ они мнѣ нужны. Видъ трудовъ малыхъ, но всетаки оконченныхъ въ нѣкоторыя минуты чрезвычайно ободрителенъ!—Неужели на будущій годъ не готовится ни журнала, ничего, никакого поприща для дѣятельности? Это очень грустно. Это значитъ—отложить все до 47-го года. Право, эти господа пропускаютъ цѣлые годы, такъ, ни почемъ! А меня всякое новое истеченіе года пугаетъ и переполняетъ тоской. По крайней мѣрѣ я тружусь надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ, и, если меня не обманываетъ внутренній голосъ, труды мои увѣнчаются успѣхомъ, и право—это не дерзость такъ думать: напротивъ—я убилъ въ себѣ самонадѣянность; какъ ни ничтожны, ни мелки всѣ мои произведенія, но внутреннія требованія кажутся иногда мнѣ залогомъ будущаго. Но потребенъ трудъ, трудъ и трудъ. Много труда и душевныхъ страданій стоитъ самый крошечный даръ! Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь поподробнѣе, а то странно покажется, что это говоритъ

человѣкъ, которому указать не на что, ибо все, что до сихъ поръ было мною писано, кажется мнѣ такой мелочью, что возбуждаетъ тоску и презрѣніе иногда до мнѣ самомъ....

24-го Октября 1845 года. Калуга. Суббота.

Какой чудный, роскошный день: морозъ несильный, довольно тихо и солнце! Вѣрно Вы гуляете? Впрочемъ, можетъ быть, теперь Отесинька съ Костей въ Москвѣ, потому что Смирнова теперь должна быть также въ Москвѣ. Ее ждутъ сюда чрезъ недѣлю. На дняхъ былъ я у См** вечеромъ, онъ былъ одинъ, и мы просидѣли съ нимъ вдвоемъ часа три, до полночи. Онъ говорилъ со мною съ полною откровенностью и внушилъ мнѣ къ себѣ и сожалѣніе и участіе. Онъ лучше Х** и въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей добросовѣстенъ до нельзя. Признаюсь, я удивился въ немъ этому постоянству, этой настойчивости, съ которою онъ работаетъ и день и ночь. Я неговорю о томъ, ведутъ ли всѣ эти средства къ цѣли, умно ли они выбраны, я говорю только объ искренности и добросовѣстности его трудовъ. Когда я сталъ ему говорить, что эти труды все равно что воду толочь, что надо добраться причины зла, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что пока нельзя трудиться иначе, надо трудиться въ тѣхъ предѣлахъ, которые существуютъ, что онъ знаетъ, что вся его работа принесетъ на одну копейку пользы, и что онъ этимъ уже награжденъ, что онъ смотритъ на назначеніе его въ Губернаторы, какъ на испытаніе, на жертву, на очистительное средство, которое доставитъ ему въ жизни случай сдѣлать много добра, въ жизни посвященной доселѣ однимъ удовольствіямъ, забавамъ, прихотямъ. Все это я извлекаю изъ его словъ, спутанныхъ и неясныхъ, и выраженій, часто смѣшныхъ. Онъ говоритъ, что имѣя въ виду такую почти *религіозную* цѣль въ службѣ, онъ надѣется не подпасть подъ рутину, не сдѣлаться пошлымъ чиновникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ весь проникнутъ своими обязанностями и каждый случай, каждый разговоръ въ свою пользу. Должно согласиться, что все это прекрасно и дѣлаетъ ему большую честь, можетъ быть, онъ, въ своей простотѣ, стоитъ многихъ и многихъ, но всякій, кто испыталъ

службу, изведалъ скудность пользы, не имѣетъ власти губернаторской и чувствуетъ въ душѣ другое стремленіе, тотъ не можетъ добровольно предаться службѣ. Что касается до меня, то я долженъ признаться, что не только *слабѣетъ нынѣ*, но уже ослабъ *высокій строй моей души*; вообще эти стихи служатъ гранью между прежнимъ и нынѣшнимъ мною и служатъ для многаго объясненіемъ. Впрочемъ, См**, не служившій почти никогда прежде и сдѣлавшійся вдругъ Губернаторомъ, не намѣренъ однакоже пробыть въ Калугѣ болѣе трехъ лѣтъ. Я думалъ прежде найти у него, какъ у столичнаго жителя, свѣтскаго человѣка и къ тому же придворнаго, нѣкоторое презрѣніе къ здѣшнимъ обитателямъ, но, къ удивленію моему, встрѣтилъ необыкновенное снисхожденіе: держитъ онъ себя съ ними совершенно просто, ласково, не задаетъ тона. Отъ него мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ клубъ; тамъ въ комнатѣ, наполненной дымомъ, играли на трехъ столахъ помѣщичьи усы, военные усы, отставные усы, принадлежавшіе болѣе или менѣе выразительнымъ лицамъ. «Вотъ видите, сказалъ мнѣ См**, отводя меня въ сторону,—фигуры ужасныя, это правда, но вступите съ ними въ разговоръ, и вы узнаете многое для службы и ея пользы. Въ прошедшій разъ я узналъ отъ нихъ кое-что о достопримѣчательностяхъ Калуги, всей губерніи, каждый можетъ разсказать о злоупотребленіяхъ своего уѣзда, каждый можетъ подать мысль, о какомъ-нибудь мѣстномъ улучшеніи. Il faut les faire parler, не подавая имъ виду». И въ самомъ дѣлѣ, скоро См** окружился нѣсколькими и, какъ онъ говоритъ, пріобрѣлъ многое для пользы службы.—Я вполнѣ съ нимъ согласенъ, что можно узнать многое, но не имѣю вовсе въ виду пользы службы; для меня интересенъ всякій человѣкъ, всякое лицо. Неисчерпаемы сокровища чужой души! Впрочемъ, соглашаюсь, что получилъ отъ См**, безъ его вѣдома, урокъ маленькій, готовъ имъ воспользоваться, т. е. что нужно болѣе снисхожденія и терпимости. Да, тогда не только духъ и характеръ человѣка будутъ ясны моему созерцанію, но онъ не лишится и личныхъ правъ своихъ и правъ человѣка на участь лучшую и на прискорбіе о настоящей его участи. — Я говорилъ съ См** о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, съ полною откровенностью. Онъ ра-

зумѣется, не можетъ на это согласиться и хочетъ ограничить Вѣдомости статистикой и исторіей Калужской губерніи собственно, говоря, и отчасти справедливо, что какому-нибудь Я** гораздо интереснѣе узнать что-нибудь про свой Медынскій уѣздъ, гдѣ онъ родился, нежели о Россіи вообще.— Итакъ нельзя не повторить съ чиновниками, что См** *человѣкъ благонамѣренный* и за добросовѣстность трудовъ своихъ заслуживаетъ уваженія, несмотря на простоту. Можетъ быть, хорошими сторонами своими—онъ обязанъ женѣ своей...—Съ нетерпѣніемъ жду Вашихъ писемъ; почта опаздываетъ два дня, но нынче или завтра надѣюсь получить ихъ;—Квартиры себѣ не нашелъ, но ищу постоянно.—Дѣло, о которомъ я писалъ Вамъ, еще не поступало къ С**. Свободный теперь отъ вліянія Х—ва (который уже уѣхалъ), С** дѣйствуетъ въ противномъ духѣ, и приверженцы Х** трепещутъ.—Что бишь я хотѣлъ еще Вамъ сообщить?— Забылъ, вспомню въ другой разъ.—Морозы ручаются за скорый санный путь, и я надѣюсь, что сани подоспѣютъ во время. Ноябрь и Декабрь—только два мѣсяца въ 1845 году, и какъ мало сдѣлано въ 1845 году, и какъ мало приготовлено для 1846 года. Эхъ, эхъ, господа!

Посылаю Вамъ *Очеркъ*; это также полусерьезная шутка, если хотите. Шутка въ концѣ, и я не знаю, какой она производитъ эффектъ. Сдѣлайте одолженіе, отмѣтьте мнѣ всѣ неправильности, все, что не годится. Это стихотвореніе очень неважное. Впрочемъ, у меня въ головѣ роятся многія стихотворенія, не знаю, когда придетъ ихъ чередъ.

30-го Октября 1845 года. Калуга. Вторникъ.

Что это значитъ, что я не получилъ отъ Васъ писемъ ни въ Субботу ни въ Понедѣльникъ? Буду ждать еще до Середы или Четверга; согласитесь, что это очень досадно и непріятно. Самъ пишешь два раза въ недѣлю, такъ постоянно и много, ждешь, не дождешься Субботы или того дня, когда приходитъ почта, и обмануться!—Надѣюсь, впрочемъ, что причина не полученія мною писемъ не заключается въ чьемъ-нибудь нездоровьѣ... Всѣ эти дни былъ я очень занятъ чтеніемъ новаго Уголовнаго Свода, который я взялъ у

Архіерея. Ему частнымъ образомъ прислали изъ Петербурга. Кажется я Вамъ писалъ про мое знакомство съ Архіереемъ. Я познакомился съ нимъ довольно поздно; онъ здѣсь лѣтъ уже тридцать, не очень старъ, низенькаго роста; рѣдкій сѣдой клокъ бороды производитъ очень неріятное впечатлѣніе. Человѣкъ хорошій, но, кажется, особеннаго ничего нѣтъ; обыкновенное семинарское образованіе всему основой. Я думалъ, что онъ по крайней мѣрѣ занимается, что у него найду множество книгъ, ничего не бывало, и въ этомъ отношеніи мнѣ отъ него никакой нѣтъ пользы. Впрочемъ, мы съ нимъ очень хороши, и онъ отдалъ мнѣ на время новый Уголовный Кодексъ, который я просмотрѣлъ въ эти дни съ большимъ любопытствомъ. Нельзя обнять вдругъ всю примѣнимость статей, но сколько можно судить такъ, я доволенъ; множество случаевъ, необозначенныхъ прежде, приводили насъ въ затрудненіе, и мы, для того, чтобы достигнуть самыхъ прекрасныхъ результатовъ, должны были прибѣгать къ разнымъ недобросовѣстнымъ натяжкамъ. Но теперь всѣ эти вопросы или большая часть предусмотрѣны. Наказанія очень строги, но за то судья имѣетъ право принимать въ соображеніе даже нравственныя побужденія преступника, какъ-то бѣдность, сильное оскорбленіе и множество другихъ. Конечно, это подастъ поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Между тѣмъ, какъ я радъ этому, ибо званіе судьи возвышается, отъ него требуется глубокое пониманіе человѣка, онъ не простой исполнитель буквы, по духу этихъ законовъ ему дается довольно большое поприще для толкованія обстоятельствъ,—вѣроятно, другой плутъ, Уѣздный Судья, начнетъ дѣлать такія толкованія и разсужденія, что невольно пожалѣешь о данномъ ему произволѣ. Но что прикажете дѣлать? Мы до такой степени привыкли дѣлать все по рутинѣ, не думая, такъ довольствуемся мирною нашею участью, что прежде всего начнемъ бранить то, что развязываетъ намъ руки.—Смертная казнь, какъ и прежде, только за извѣстныя преступленія. Кнута нѣтъ, вмѣсто него плети черезъ палача. Работа въ каторгѣ распредѣляется на нѣсколько разрядовъ по числу лѣтъ. Есть временная ссылка на житье въ Сибирь и въ нѣкоторыя губерніи, заключеніе въ тюрьмѣ и въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ и т. п. Число лѣтъ, срокъ—

составляютъ оттѣнки безчисленные. Можно упрекнуть составителей Свода въ этихъ излишнихъ подробностяхъ, въ этой претензіи обозначить всѣ тончайшіе оттѣнки характера преступленія... недостатокъ, общій всѣмъ отвлеченнымъ людямъ, работающимъ въ кабинетѣ и незнакомымъ съ практикой. Впрочемъ, нельзя и требовать многаго. Вполнѣ можетъ образоваться сужденіе объ этомъ Сводѣ только тогда, когда всякая статья перебываетъ въ дѣлѣ. Именно — въ немъ замѣтно направленіе Европейскаго гуманизма, но онъ все лучше, нежели прежій... Но все же и этому Своду — точкою отправленія служитъ еще Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, ибо Петръ Великій не сдѣлалъ почти никакого преобразованія въ Уголовныхъ законахъ, да и не нужно было ему; Царь Алексѣй Михайловичъ совѣтуетъ всегда *нещадно бить*, и сынъ любилъ эти отцовскіе совѣты. Признаюсь, я съ нетерпѣніемъ жду времени, когда можно будетъ привести въ дѣйствіе Сводъ; мнѣ пріятно будетъ смѣло напримѣръ оставить мать, не донесшую на дѣтей своихъ, безъ наказанія, между тѣмъ, какъ еще теперь (недавно у насъ былъ такой случай) я прибѣгаю ко всѣмъ подъяческимъ хитростямъ, чтобъ достигнуть человѣческаго результата. — Наказаніе за дуэль очень смягчено. Убійство на дуэли не разсматривается какъ обыкновенное смертоубійство; дѣлается различіе между обидѣвшимъ, убившимъ обиженнаго, — и между обиженнымъ, убившимъ обидѣвшаго. Первый наказывается строже. Многое однакожъ мнѣ очень не нравится, именно наказанія несовершеннолѣтнимъ. Они за тяжкія преступленія заключаются лѣтъ на пять или шесть въ тюрьму — на *одиночное* сидѣніе. Это ужасно и нелѣпо. Просидѣть молодому мальчику лѣтъ пять одному — есть съ чего съ ума сойти. Впрочемъ, въ тюрьму заключаются тамъ, гдѣ нѣтъ по близости монастырей. Редакція Свода — очень тяжела, языкъ такъ неповоротливъ у нихъ и теменъ, что будетъ часто затруднять въ дѣлѣ. Вообще въ немъ много улучшеній, но видна также смѣсь разнородныхъ началъ; горшокъ, въ которомъ сварены вмѣстѣ и Уложеніе Алексѣя Михайловича и Берлинскій Кодексъ и разныя Landrecht. Несмотря на это, за многія облегченія наказаній, за данное судьѣ право входить въ соображеніе побудительныхъ причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ дѣло, — я всетаки радъ ему.

Въ Воскресенье былъ я на актѣ въ Гимназіи. Говорили тутъ рѣчи: Боже мой, какія рѣчи! Здѣсь есть одинъ учитель Гимназіи, который искренно воображаетъ, что онъ поэтъ, и пишетъ такіе стихи, что трудно повѣрить; такихъ поэтовъ въ Калугѣ нѣсколько. Я нашелъ здѣсь одного, съ которымъ я вмѣстѣ держалъ экзаменъ въ Училище. Онъ не выдержалъ; потомъ года черезъ два встрѣтилъ я его на Невскомъ; онъ бѣжалъ. Я остановилъ его и спросилъ, что съ нимъ, куда онъ? Помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ: въ Невскій монастырь, на могилу Ломоносова, читать стихи. Этотъ шутъ здѣсь, служитъ и всѣмъ кричитъ про свои стихи.— Чай m-me Смирнова теперь въ Москвѣ и Вы съ нею видѣлись, милый Отесинька Нетерпѣливо желаю знать, какое она на Васъ произвела впечатлѣніе.

Прощайте, будьте здоровы. До слѣдующаго письма.

1845 года. Ноября 3-го. Калуга. Суббота.

Слава Богу, письма Ваши не затерялись, и во Вторникъ, послѣ отправленія письма къ Вамъ, получилъ ихъ. Это по оплошности почтальоновъ, которые продержали ихъ у себя три дня. Эти письма были для меня очень интересны; радъ, что стихи Вамъ понравились (Вообразите, что я уже часа полтора чиню перо и не могу очинить). Вы можете быть совершенно увѣрены въ томъ, что всѣ мои описанія и вопросы на счетъ себя были искренни, и изо всѣхъ Вашихъ похвалъ остается малая доля, столько, сколько допускаетъ мой собственный внутренній судъ. Однакожъ я недоволенъ своимъ бездѣйствіемъ, мелкія стихотворенія меня не удовлетворяютъ, а другаго ничего не пишется.—Александра Осиповна еще не пріѣзжала, но дѣти ея пріѣхали вчера, вѣроятно, она не замедлитъ теперь. Жаль, что Хомякова нѣтъ въ Москвѣ; а что касается до Васъ, милый Отесинька, то Вы вѣрно ее увидите потому что она въ Москвѣ должна была прожить довольно долго. Какъ я радъ, что альманахъ идетъ и Зимняя дорога пропущена. Но есть ли хоть одна повѣсть? Если нѣтъ, какъ это весьма глупо, здѣсь книгу и въ руки не возьмутъ, если нѣтъ повѣсти. Хоть и невыгодно въ первый разъ дебютировать обставленному то описаніемъ Чехіи, то

путешествіемъ въ Иллирію, ну да все равно. Если Вы поѣдете въ Москву, то я попрошу Васъ посмотрѣть корректурный листъ. Рукопись, бывшая у Панова полна ошибокъ, вставокъ и варіантовъ нельзя предоставить самому Панову. Я бы желалъ также, чтобы при напечатаніи Альманаха отпечатали мнѣ экземпляровъ Зимней Дороги хоть съ 15; разумѣется, я заплачу Панову за это. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ мнѣ возвратить, какъ рукопись, такъ и книгу.— Очень, очень благодаренъ Костѣ за письмо, знаю какой это для него подвигъ, и буду отвѣчать на дняхъ... Ахъ, какая тоска беретъ, когда посмотришь кругомъ на себя самихъ, на нашу дѣятельность, на лица, насъ окружающія... Такая тоска, что не знаешь, куда дѣваться. Часто здѣсь, среди разговора, меня интересующаго, напримѣръ, когда я стараюсь просвѣтить нѣсколько здѣшнихъ обитательницъ,—я вдругъ останавливаюсь на полусловѣ, и мнѣ все это представится вдругъ въ такой пустотѣ, въ такомъ блѣдномъ свѣтѣ, все, все, и я самъ, и слушательницы, и мое усердіе,—сдѣлается такъ грустно, что старается поскорѣе прекратить разговоръ и уѣхать. Признаюсь, тяжело бываетъ въ эти минуты, что нѣтъ ни одного короткаго человѣка, съ кѣмъ могъ бы я грустить и скучать вмѣстѣ. У Унк** я бываю очень часто, раза два въ недѣлю обѣдаю, раза два бываю вечеромъ. Всѣ мои знакомые ограничиваются ими, Т** (съ которыми, впрочемъ, я на дняхъ только познакомился), еще двумя, тремя лицами (офицерами и т. п. незначительными существами) и лицами оффиціальными, съ которыми я считаюсь визитами. Вѣроятно, меня здѣсь бранятъ всюду, но я не вижу нужды знакомиться съ Н** и т. подобными, которыхъ очень много. Я бываю вечеромъ только въ единственныхъ двухъ домахъ, гдѣ не играютъ въ карты. У Унк** мнѣ совершенно свободно, безцеремонно, мнѣ всегда рады, я почти какъ свой, и въ самомъ дѣлѣ трудно найти семейство болѣе русское и простодушное. Всѣ они, не исключая и сыновей, люди невозмутимо вѣрующіе, добрые, честные. Дочери славныя дѣвушки, я люблю въ нихъ всякое отсутствіе претензій, простоту и безграничную привязанность къ семейству, котораго имъ вовсе не хочется оставить. Мнѣ жалки они тѣмъ, что

живутъ въ провинціи, гдѣ нѣтъ никакихъ средствъ около нихъ для образованія, ни книгъ, ни людей; впрочемъ не думаю, чтобъ онѣ очень-то чувствовали въ себѣ стремленіе къ истинѣ; я насилу могъ уговорить ихъ, послѣ Вѣчнаго Жида, бросить читать глупаго Sue и начать Вальтера-Скотта. Но все это меня мало занимаетъ и интересуетъ; ужь я стѣсненъ тѣмъ, что не могу говорить свободно, а долженъ соображаться съ степенью понятій и образованія, толковать вещь, кот рая всякому изъ насъ, Москвичей, уже извѣстна, какъ 2×2=4..- Скучно дѣлается все это подчасъ; не знаю, что новаго повѣдаетъ мнѣ Смирнова.

Завтра я съѣзжаю съ своей квартиры на новую. Слава Богу! Я нанялъ новую; у самыхъ Присутственныхъ мѣстъ и Каменнаго моста, большой каменный домъ, который жители, читавшіе Вальтеръ-Скотта, прозвали *аббатствомъ.* Вы знаете, что прежде Калуга была вся на берегу рѣки, и только лѣтъ 60 тому назадъ, стали строиться дальше отъ берега. Но лучшіе кварталы въ древности были тамъ. Подлѣ этого дома, гдѣ я нанялъ, стоитъ домъ, которому считается болѣе 300 лѣтъ. Въ немъ еще живетъ то самое семейство, которому принадлежалъ онъ въ древности; недавно только умеръ старикъ, лѣтъ 105, въ полной памяти; онъ говорилъ, что и дѣдъ его, который былъ такъ же долговѣченъ, не былъ строителемъ дома. Этотъ домъ у меня справа, а налѣво виденъ изъ оконъ домъ Марины Мнишекъ. Видъ у меня на Оку—чудесный. Домъ этотъ принадлежитъ купчихѣ Борисовой, которая живетъ въ немъ сама уже лѣтъ 50; она одна, живетъ внизу, а верхъ отдавался въ наймы и только что опорожненъ однимъ постояльцемъ, который стоялъ въ немъ два года. Узорчатыя печи, какъ въ теремѣ, мебель старинная, въ готическомъ вкусѣ, краснаго дерева, старуха хозяйка и сосѣдство древностей—все это произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе, и я рѣшился немедленно, тѣмъ болѣе, что всѣ мои знакомые хвалятъ эту квартиру. За верхъ я плачу 400 рублей (у меня пять комнатъ, но въ моемъ же распоряженіи состоятъ еще три или четыре комнаты отдѣльныя, которыхъ мнѣ не нужно и которыя будутъ заперты), Впрочемъ, когда переѣду, опишу Вамъ въ подробности. Объяснялся съ Ивановой, хозяйкой, на счетъ

задатка, она отвѣчала, что не отдастъ; ну, Богъ, съ ней; у ней останется рублей около 50-ти. Досадно, хотѣлъ сначала на дешевое свести, а вышло все дороже. Принадлежности въ домѣ Борисовой въ обильномъ числѣ и видѣ. Я съ наслажденіемъ думаю о томъ, какъ я буду сидѣть по вечерамъ въ этихъ старинныхъ комнатахъ... Туда ко мнѣ всякій можетъ пріѣхать: помѣститься есть гдѣ.

Письмо къ Константину Сергѣевичу относящееся къ этому мѣсяцу.

Я самъ давно собирался писать къ тебѣ, милый другъ и братъ Константинъ, прежде, чѣмъ получилъ твое письмо. Изъ писемъ моихъ ты уже знаешь подробности моего житья; лучше поговорю о себѣ собственно. Калужская жизнь для меня очень, очень скучна и тяжела по непрестанному принужденію, скучна потому, что здѣсь нѣтъ ни души, которая могла бы хотя отчасти понять тебя. Во всемъ городѣ умнѣйшій—это старикъ Унк**, принадлежащій къ особенному разряду тѣхъ людей, которые любятъ и читаютъ вообще, но безъ большаго разбора все *умное* и *дѣльное*, въ какомъ бы родѣ ни было. Городъ ничѣмъ не интересуется, не подозрѣвалъ и не подозрѣваетъ (исключая однако Унк**) существованіе первыхъ трехъ книжекъ «Москвитянина», ничего не читаетъ, а если и читаетъ, такъ только Вѣчнаго Жида въ русскомъ переводѣ... Но за то я большую часть времени провожу дома и кажется мнѣ, что мое одиночество не безполезно для меня; я чувствую свое постоянное развитіе и созрѣваніе. Да, постоянно погружаясь въ самаго себя, въ постоянномъ созерцаніи жизни, всѣхъ ея мелочей и чужой природы, я чувствую, какъ серьезность (Ernst) и строгость проникаютъ мнѣ въ душу, и безумныя рѣчи, рѣчи на-вѣтеръ не такъ легко сходятъ съ языка, какъ бывало. Я еще строже слѣжу за собою и, по выраженію Священнаго Писанія, «распинаю въ себѣ ветхаго человѣка со страстьми и похотьми». Я пробовалъ здѣсь приняться вновь за Марію Египетскую и понялъ, что не даромъ мнѣ не писалось! Въ самомъ дѣлѣ, когда я сталъ себѣ воображать ее въ пустынѣ, постепенное отпаденіе всѣхъ скверностей человѣ-

ческой природы, тогда она явилась мнѣ столь очищенной, на такой высотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ высоко-поэтическомъ образѣ, что отъ одной мысли занимался духъ, трепетъ пробѣгалъ по тѣлу и мнѣ случалось почти молиться, чтобъ я въ состояніи былъ достичь этой высоты поэзіи и гармоніи, которыя мнѣ неясно виднѣлись. И я понялъ, что мнѣ нужна бо́льшая зрѣлость и многое нравственное улучшеніе. Да, Марія Египетская должна имѣть большое вліяніе на мое развитіе. Теперь еще предметъ мной владѣетъ; не знаю, когда Богъ дастъ мнѣ овладѣть предметомъ; — но послѣ тѣхъ минутъ я почувствовалъ живую потребность Евангельскаго слова, чтенія духовныхъ книгъ и въ особенности Четіихъ-Миней. Не то, чтобъ пробудилась во мнѣ вѣра... Нѣтъ, этого я не могу еще сказать, но я почувствовалъ и значеніе Церкви и важность церковныхъ обрядовъ, по крайней мѣрѣ уже языкъ мой не станетъ больше кощунствовать, и легкомысленное воззрѣніе замѣнилось уваженіемъ Не знаю, какъ это тебѣ все покажется, въ какую минуту прочтешь ты эти строки, но я пишу ихъ серьезно и, кажется, искренно. Эти ощущенія съ одной стороны, съ другой—впечатлѣнія жизни, плоды ея созерцанія, жизни, къ которой я до сихъ поръ не могу привыкнуть и на которую все смотрю, какъ на вещь отъ меня отдѣльную, такъ переполняютъ меня иногда, что мнѣ кажется, будто цѣлый міръ ношу въ себѣ и слышу призваніе писателя, но до сихъ поръ выходятъ отъ меня только такія мелочи, такія жалкія, ничтожныя вещи въ сравненіи съ внутренними требованіями! Но иногда мнѣ кажется, будто это все матеріалы вырабатываются сами во мнѣ, чтобъ современемъ выстроить прочное зданіе... Богъ знаетъ, но неужели все это разрѣшится ничѣмъ?—Посылаю тебѣ два стихотворенія, съ правомъ сдѣлать нѣкоторыя перестановки и поправки, только къ лучшему, разумѣется. Первое родъ длинной нравственной оды, точно ода «Богъ». Я думаю, многіе скажутъ, что это старое, смѣшное сожалѣніе о скверности человѣческой! Другіе, пожалуй, примутъ ее въ смыслѣ тѣсной благонамѣренности... Но я долженъ признаться, что она нравственнаго, не политическаго содержанія. Я самъ еще не увѣренъ,—хорошо ли это стихотвореніе. Другое—*Сонъ*, серьезная, благонамѣ-

ренная шутка. Въ немъ обращаюсь я къ тебѣ, какъ къ истолкователю сновъ. Напиши мнѣ настоящее твое мнѣніе и о содержаніи и о достоинствѣ стиха, особенно этой оды... Если я не могу достигнуть чистоты и искренности, то пусть по крайней мѣрѣ дѣла и поступки мои соглашаются съ понятіями ума обо всемъ честномъ, прямомъ и благородномъ. Мы вообще слишкомъ инконсеквентны, и въ этомъ смыслѣ я нахожу вопросъ Тургенева, сдѣланный Панову, очень дѣльнымъ. Ты читалъ письмо Оболенскаго. Онъ, всѣ другіе, даже M-me Св***, — всѣ поютъ, что я нахожусь подъ твоимъ вліяніемъ. Я вовсе не намѣренъ отрицать этого, какъ вообще вліянія всякой истины, но нельзя сказать, чтобъ оно не проходило во мнѣ сквозь путь самобытный, и хотятъ, чтобъ я не оставлялъ службу. Но, во-первыхъ, нечестно, по моему мнѣнію, дѣлать то, противу чего возстаешь, брать за это деньги... лучше жить въ бѣдности; во-вторыхъ, я спрашиваю не себя, а другихъ, вправѣ ли я играть роль моего же чиновника, которому было сказано:

Пусть свѣжестью души и чувствомъ дорожитъ
Подъ сѣнію искусства иль науки!

но который поступилъ иначе. Правда, когда я писалъ Чиновника, я и не думалъ обращать вопросъ этотъ къ себѣ, но теперь—могу ли я, какъ вы думаете? Признаете ли вы за мной хоть какое-нибудь дарованіе литературное, если не поэтическое? Если да, въ такомъ случаѣ мнѣ не должно служить,—но пусть скажутъ мнѣ откровенно свое мнѣніе. Что касается до благонамѣренныхъ дѣйствій, то кромѣ старика Унк** и дѣтей его, которыхъ по крайней мѣрѣ если не обратилъ, такъ познакомилъ съ Московскими мнѣніями, я воспитываю теперь въ этомъ духѣ Засѣдателя и Секретаря Уголовной Палаты. Оба они были въ Московскомъ Университетѣ: первый уже давно, а второй вышелъ Кандидатомъ въ 1841 году,—именно Д—ій, молодой человѣкъ, Калужанинъ, котораго бѣдность принудила вступить въ службу.

У меня готовятся еще стихотворенія въ родѣ легкихъ эскизовъ, очерковъ.—Прощай, милый другъ и братъ Костя.

Пиши ко мнѣ, что тебѣ дѣлать! Будь здоровъ. Я еще не все написалъ тебѣ.

P. S. Я перечелъ свое письмо и не совсѣмъ доволенъ. Оно какъ-то не такъ вышло, какъ бы мнѣ хотѣлось.

1845 года. Калуга. 6-го Ноября. Вторникъ.

Въ прошедшую Субботу, противъ ожиданія, получилъ я письма Ваши, милый Отесинька и милая Маменька: письма не очень утѣшительныя: Олинькино нездоровье, не здоровье другихъ, предстоящая поѣздка въ Петербургъ... Что касается до послѣдней, то я очень радъ, если это принесетъ пользу, хотя признаюсь, К—тъ какъ-то мало мнѣ внушаетъ довѣрія. Чего добраго, Вы, можетъ быть, уже уѣхали въ Петербургъ?—А. О. Смирнова до сихъ поръ не пріѣзжала и еще долго, говорятъ, не пріѣдетъ, а дѣти ея уже здѣсь. Впрочемъ, теперь она въ Москвѣ, возобновляетъ, вѣрно, старыя знакомства, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ хорошо съ ея стороны такъ долго не ѣхать къ мужу и не торопиться къ дѣтямъ. Дѣтей я еще не видалъ. Хотя и былъ третьяго дня у Губернатора вечеръ и будетъ таковой каждую Субботу, безъ приглашенія, но я не былъ и, вѣроятно, никогда и не буду, потому что вечера игрецкіе, гдѣ вся здѣшняя чиновничья знать въ родѣ Як**, Н** и т. п. (проигрываютъ и выигрываютъ довольно большія суммы для здѣшнихъ помѣщиковъ, особенно при предстоящей здѣсь дороговизнѣ хлѣба и преимущественно овса. Я же всячески удаляюсь отъ этого общества. Пусть меня бранятъ, называютъ чудакомъ, но я по крайней мѣрѣ дѣйствую самостоятельно, знакомлюсь, съ кѣмъ хочу, провожу время, какъ хочу. Между тѣмъ всѣ эти господа, отъ которыхъ я отклонился, такъ связаны другъ другомъ, что ужь непремѣнно они всегда вмѣстѣ, нынче въ клубѣ, завтра въ театрѣ, тамъ у Н** и пр. и пр. На меня очень дуется ихъ же всѣхъ пріятель, Жандармскій Штабсъ-Капитанъ А—о, у котораго я не былъ съ визитомъ, да и не вижу никакой нужды знакомиться съ его глупой особой; къ тому же онъ не женатый и не въ почтенныхъ лѣтахъ человѣкъ, слѣдовательно еще менѣе причинъ ѣздить мнѣ къ нему первому. Для управленія здѣшнимъ театромъ

и его дѣлами См** устроилъ Комитетъ изъ гг. Предсѣдателей Палатъ, которымъ вообще нечего дѣлать, и изъ Н**. Этотъ Комитетъ напечаталъ объявленіе, въ которомъ приглашаетъ всѣхъ абонироваться на 30 представленій до Великаго Поста. Ко мнѣ лично пристали съ этимъ два Предсѣдателя, но я, безъ церемоній, отказался. Что за охота платить мнѣ 25 рублей серебромъ, когда я много разъ, или два пойду въ театръ. Воскресенье Як** пригласилъ меня къ себѣ обѣдать: Вы видите, мы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но вовсе не короткихъ, потому что съ моей стороны я не дѣлаю шагу, чтобъ сблизиться. Пріѣзжаю къ нему часа въ два; у него были еще двое членовъ Палаты, Б—чъ, Предсѣдатель Палаты Государственныхъ Имуществъ, меценатъ, человѣкъ не глупый, но хвастунъ и дрянь. Познакомился съ женой Я** она гораздо бойчѣе мужа, но женщина мало образованная, умная и ловкая въ практическомъ быту, т. е. въ устройствѣ своихъ дѣлъ; по лицу ея видно, что она внѣ гостинной должна быть чрезвычайно крутаго нрава; высокаго о себѣ мнѣнія и когда говоритъ, то подымаетъ съ значительностью черныя свои брови и устремляетъ глаза, думаешь, что и Богъ знаетъ что, а выходитъ глупость. За обѣдомъ сказали, что Н** наканунѣ выигралъ 700 или 800 рублей серебромъ (и, кажется, у См**). «700 рублей серебромъ, сказала Анна Ефимовна,—это имѣетъ нѣкоторую прелесть!» Это было сказано съ такимъ видомъ, что мнѣ сдѣлалось гадко. Въ гостинной стѣны зеленыя, коверъ голубой, мебель красная! Что за народъ! Отобѣдали часу въ четвертомъ. Пробывъ полчаса послѣ обѣда, заѣхалъ домой, переодѣлся и отправился къ Унк**, у которыхъ я еще ни разу не былъ въ Воскресенье и у которыхъ въ этотъ день всегда бываетъ много гостей и танцы. Какъ скоро танцы начались и всѣмъ имъ сдѣлалось очень весело, мнѣ сдѣлалось ужасно скучно и грустно: такая пустота, такая ограниченность въ весельѣ, и я уѣхалъ потихоньку. Вчерашній день весь пробылъ дома; нынѣшній вечеръ, вмѣстѣ съ старикомъ Унк**, провожу у Архіерея. Къ тому же у меня перевозка. Письмо это пишу я еще изъ старой квартиры, все унесено, кругомъ безпорядокъ; но ночую нынѣшнюю ночь уже тамъ. Я не хотѣлъ переѣхать

въ Понедѣльникъ и презрѣніемъ къ этой примѣтѣ оскорбить и древности, межь которыхъ я пересляюсь, и мою старуху хозяйку, которая уже объявила мнѣ, что мастерица дѣлать блины и пироги, которая, право, такая добрая, славная женщина. такъ заботится о томъ, чтобъ у меня все было исправно... Когда я вознамѣрился переѣхать на другую квартиру, я пошелъ къ Ивановой объявить ей это. Она начала изъявленіемъ удовольствія. что видитъ меня, что я не былъ у нихъ почти два мѣсяца и пр. Но я приступилъ къ дѣлу, объявилъ ей все очень учтиво и наконецъ спросилъ, какъ она располагаетъ на счетъ задатка?—«Разумѣется, оставить его у себя», отвѣчала она. «Я только это и хотѣлъ знать», сказалъ я и ушелъ. Вчера, часовъ въ 5, присылаетъ она просить меня на чай. Я отправился. Ничего особеннаго не было. Она изъявляла все сожалѣніе, что теряетъ постояльца, удивлялась, что я такъ много сижу дома, что у нихъ былъ всего разъ и только въ началѣ и пр. и пр. Я имѣлъ терпѣніе однакожь просидѣть часа полтора, отвѣчая очень серьезно и какъ будто не понимая на всѣ эти вздоры. На подносѣ подали варенья и миндальныхъ орѣховъ. Мнѣ. какъ гостю, подаютъ первому. Я, видя, что блюдечекъ нѣтъ, что ложечка одна, и хотѣлъ было сказать, чтобы подали сначала дамамъ или барышнямъ, какъ здѣсь говорятъ, но отложилъ это, зная, что не поняли бы этого, пожалуй бы стали увѣрять, что *ничего*, *очень пріятно*. И потому я, рѣшившись, смѣло—ложечку въ варенье и въ ротъ. Потомъ всѣ дочери ту же ложечку въ варенье и въ ротъ, наконецъ сама хозяйка. Черезъ полчаса опять таже исторія. Наконецъ я расклaнялся и, слава Богу, развязался съ нею и такъ доволенъ, такъ радъ, что переѣзжаю въ эту древнюю квартиру.

Посылаю Вамъ стихи*). Такъ какъ эти стихи—такъ, ничего, то Вы и не судите ихъ строго и не обращайте на нихъ особеннаго вниманія. Я посылаю Вамъ это неровное стихотвореньице потому только, что все Вамъ посылаю.

---

*) См. Приложеніе „*Ночь*“.

Суббота. Калуга 10-го Ноября 1845 года.

Я чрезвычайно доволенъ этою недѣлей; во-первыхъ, я переселился на свою новую квартиру, во-вторыхъ, я вчера и нынче получилъ пять писемъ,—а Вы знаете, какъ я люблю получать письма. Ваши письма сейчасъ принесли, я сейчасъ ихъ прочелъ и спѣшу отвѣчать, потому что нынче почтовый день. Разстройство Олинькинаго здоровья и Ваша головная боль сильно меня огорчаютъ и нарушаютъ мирное теченіе и Вашей деревенской и моей Калужской жизни. Дай Богъ по крайней мѣрѣ, чтобъ все возстановилось хоть въ томъ видѣ, въ какомъ было недѣли за двѣ.—С—ва еще не пріѣзжала, по крайней мѣрѣ я еще объ этомъ не знаю; можетъ быть, она и пріѣхала вчера вечеромъ или нынче поутру. Мнѣ любопытно очень Ваше мнѣніе объ ней, напрасно Вы его не сказали, это бы не помѣшало моему впечатлѣнію *). А что-то сдается мнѣ, что въ ней мало истинной простоты, мало этой внезапной искренности въ движеніяхъ и поступкахъ и что многое участіе въ ней утрировано, не изъ какой-нибудь особенной цѣли, а изъ желанія сдѣлать пріятное человѣку. Это подробное распрашиваніе объ исторіи моей съ Я**, исторіи, которая не можетъ и не должна интересовать ее,—какъ-то мнѣ не понравилось. А впрочемъ,

---

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ передъ тѣмъ, какъ высказаться, ждалъ втораго свиданія съ А. О. Когда оно не состоялось, онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, и 11 Ноября пишетъ къ сыну въ Калугу:

Теперь, какъ я диктую это письмо, вѣроятно ты уже видѣлъ А. О. и знаешь отъ нея, что она не ѣздила къ Троицѣ. Вчера я получилъ отъ нея преумное и премилое письмецо, копію съ котораго я прилагаю. Константинъ этимъ письмомъ побѣжденъ и очень совѣстится, не былъ ли онъ грубъ въ своихъ съ ней разговорахъ?—Дни эти мы ожидали ее всякой день; и—вотъ каковъ человѣкъ—я огорчился, узнавъ, что А. О. у насъ не будетъ! Теперь Богъ знаетъ когда я ее увижу, а мнѣ необходимо было второе свиданье; я теперь остался съ впечатлѣніями перваго, которымъ я самъ не вѣрю, и которыя вѣроятно были бы уничтожены впечатлѣніями втораго. Я поговорю объ этомъ подробнѣе тогда, когда ты уже много разъ увидишься съ этой необыкновенною женщиною, необыкновенною уже потому, что взятая ко Двору 17 лѣтъ и прожившая тамъ такъ долго, она могла остаться такою, какою ты ее уже знаешь. Я увѣренъ, что твоя благодѣтельная звѣзда привела ее въ Калугу. Для тебя наступила настоящая пора для полнаго развитія и окончательнаго образованія. Только одна женщина можетъ это дѣлать, и трудно найдти въ мірѣ другую болѣе на

я говорю Вамъ, что почувствовалъ изъ Вашихъ писемъ; вѣроятно, я ошибусь и буду тому очень радъ. Объ исторіи моей съ Я** она, вѣроятно, знаетъ отъ Самарина или отъ Оболенскаго, который пишетъ мнѣ слѣдующее: «Исторія твоя съ Предсѣдателемъ, повидимому, произвела большой эффектъ на всю Калужскую губернію, потому что мнѣ разсказывалъ ее одинъ неизвѣстный господинъ, ѣхавшій со мною въ одномъ дилижансѣ, и, отзываясь о тебѣ съ выгодной стороны, онъ оправдывалъ вполнѣ твое дѣйствіе». Вы же пишете, что она, какъ кажется, была предупреждена не въ мою пользу; это все такъ, ничего. При этомъ, вѣроятно, сдвинулись нѣсколько брови, что должно выражать вниманіе, подвинулась головка... Каково, Костя уже наваляль повѣсть! Молодецъ! Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ объ этомъ такъ же коротко и равнодушно, какъ будто написалъ свою пятидесятую повѣсть! Пожалуйста сообщите мнѣ объ этомъ подробнѣе, мнѣ очень хочется прочесть ее. Я самъ давно собираюсь писать повѣсть, да еще не пишется, но еслибъ я написалъ повѣсть, такъ все-таки это была бы эпоха въ моей внутренней жизни. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! опять не пропущена Зимняя дорога! Это несносно. Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она или Чиновникъ были напечатаны. Это покажется, можетъ быть,

---

что способную. Твоя дикость, застѣнчивостью и неловкость разсыплются въ прахъ передъ ободрительною простотою ея обращенія и неподдѣльною искренностью.

При этомъ С. Т. пересылалъ сыну копію съ письма А. О. Смирновой 6 Ноября 45 г.—Не смотря на все желаніе быть у Троицы, мнѣ невозможно было исполнить мое намѣреніе, потому и отлагаю поѣздку къ Вамъ. Скажу просто, безъ фразъ, что посѣщеніе Ваше было одно изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего пребыванія въ Москвѣ, что Вы мнѣ пришлись по сердцу. Съ Вами говорилось какъ то откровенно, какъ будто я давно Васъ знала. Не знаю когда, зимою, весною, но я непремѣнно пріѣду къ Троицѣ къ Вамъ въ Ваше, говорятъ, прелестное помѣстье. Пріимите меня пожалуйста, какъ давно знакомую, такъ, какъ я желаю, чтобы Вашъ сынъ былъ у меня съ перваго дня въ Калугѣ. Съ Конст. Серг. мы еще не поладили, и мнѣ чувствуется, что мы будемъ другъ другу многое прощать, а современемъ сойдемся. Я впервые слышала такъ хорошо говорящаго по русски русскаго человѣка, не говоря уже о чувствѣ; на чувства не дѣлаютъ комплиментовъ. Я знаю, что онъ мною остался недоволенъ, а мнѣ онъ все таки полюбился; онъ же лучшій другъ Самарина, котораго люблю душевно: les amis de nos amis sont nos amis. Я вѣрю этому. А нельзя ли платье замѣнить фракомъ?

страннымъ, тщеславнымъ желаніемъ... Но это не совсѣмъ такъ. Всякій пишущій пишетъ не для себя только; есть потребность — не извѣстности или славы,—но пространнаго круга сочувствія или пониманія. Еслибъ, говоря обыкновеннымъ языкомъ, произведеніе мое имѣло успѣхъ, т. е. отозвалось бы не въ тѣсномъ кружкѣ людей избранныхъ, но въ душахъ. мнѣ неизвѣстныхъ, пробудило бы многое неясно, смутно,—это меня бы сильно ободрило.—Хомяковъ, я думаю, пріѣзжалъ столько же для Валуева, сколько для Смирновой.—Очень радъ, что Вамъ нравится «*Очеркъ*». Благодарю Костю очень за мнѣніе о варіантахъ; пожалуйста ужъ Вы и вставьте свои поправки. Само собою разумѣется, что *чмокъ* и послѣдующій разговоръ приписано такъ, объ этомъ и говорить не стоитъ, это ужъ я, такъ сказать, на словахъ Вамъ собственно досказываю картину, и Костя справедливо замѣчаетъ, что чмоканья не бываетъ въ большомъ свѣтѣ. Костя не долженъ быть на меня въ претензіи за то, что я не отвѣчаю ему. Предметъ писемъ моихъ къ нему—всегда серьезенъ, и такихъ многозначительныхъ для меня самого писемъ нельзя писать сряду. Я, впрочемъ, собираюсь написать къ нему еще. См** самого я не видалъ еще съ того вечера; все собираюсь къ нему, но почти увѣренъ, что встрѣчу у него этихъ игроковъ и вообще несносныхъ тузовъ Калужскихъ. Вчера, вознамѣрившись обѣдать у Унк*** приказалъ я пріѣхать за мной въ Палату и, по обыкновенію, привезти—какія есть записки и письма. Вручаютъ три письма, съ которыми и отправляюсь къ Унк*** и, поговоривъ немного, прошу позволенія распечатать и прочесть письма (ибо видѣлъ что нѣтъ письма отъ Васъ, которое я всегда читаю дома). Распечатываю первое и—вообразите мое удивленіе—стихи, смотрю: подписано: Языковъ *). Этотъ сюрпризъ былъ мнѣ, разумѣется, очень пріятенъ. Стихи хороши, особеннаго, впрочемъ, ничего нѣтъ; Вы, вѣроятно, ихъ знаете. Прекрасны послѣдніе два стиха:

И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни кошка—цензура, ни критикъ—оселъ!

---

*) См. вопр. стихотвореніе Языкова къ И. С—чу.

Не понимаю только, къ чему онъ все толкуетъ мнѣ про любовь и красавицу-розу, пѣвца соловья, ее воспѣвающаго *). Любовь меня не занимаетъ нисколько, я объ ней и не мечтаю и не думаю. Я могу ее себѣ представить отдѣльно отъ себя, какъ и всякое положеніе въ жизни; напримѣръ въ *Очеркѣ*, гдѣ я никого и не воображалъ на мѣстѣ этой дѣвушки. Разумѣется, я буду отвѣчать стихами же Языкову и очень ему благодаренъ; видно, что ему понравились мои послѣдніе стихи. А что Каролина Карловна, что ея романъ?

Нынче же поутру принесли мнѣ Ваше письмо и еще письмо отъ Оболенскаго и Попова съ припискою Самарина. Попова письмо очень грустно. Онъ рѣшается вступить на службу, обращается ко мнѣ съ вопросами, проситъ прислать стиховъ. Не хочется ему въ службу (не въ ученую, а Сенатскую); впрочемъ, говоритъ онъ, въ комъ есть что-нибудь живое и достойное жить, тотъ пронесетъ этотъ даръ сквозь долгій и тяжелый путь и не умретъ онъ; въ комъ нѣтъ или онъ не стоитъ жизни, объ чемъ же и хлопотать? Оболенскій пишетъ, что онъ у Самарина, который занятъ писаніемъ резолюцій, а подлѣ него сидитъ Поповъ. Самаринъ приписываетъ въ канцелярскомъ слогѣ, очень забавномъ: «Соображая обстоятельства, изложенныя въ письмѣ Оболенскаго, и находя оныя правильными, притомъ усматривая, что работа моя не доведена еще до окончанія, а время, продолжая свое теченіе до втораго часа, полагаю, прописавъ все сіе и обнимая васъ отъ всего сердца, притомъ пожелавъ вамъ здоровья, терпѣнія и всякаго добра, въ должности Секретаря Самаринъ».

Скоро 12—срокъ пріема писемъ. Мнѣ еще много слѣдуетъ написать къ Вамъ; отложу до Вторника. Я, слава Богу, совершенно здоровъ, истинно здоровъ и теперь на новой своей квартирѣ какъ-то тихо, счастливо доволенъ; какой-то особенный миръ пролился въ мою душу; впрочемъ, до слѣдующаго письма. Выздоравливайте всѣ пожалуйста.

---

*) Намёкъ Языкова относится къ стихамъ Хомякова Ал—дрѣ Ос—внѣ: *Отъ розъ ей прелесть и названье...*

13-го Ноября 1845 года. Калуга. Вторникъ.

По милости Смирновой всталъ я нынче очень поздно поутру, въ 11 часовъ надо въ Палату, и потому не ожидайте отъ меня длиннаго письма. Да я, впрочемъ, не въ состояніи ни о чемъ другомъ писать: я такъ огорченъ, такъ низко упалъ, съ такой высоты: я говорю о Смирновой. Вчера вечеромъ получаю записку отъ мужа, проситъ на чай. Я пріѣхалъ и пробылъ почти до двухъ часовъ ночи. Думалъ я прежде, что увижу чудо красоты, женщину, въ которой *все гармонія, все диво, все выше міра и страстей.* Въ первый разъ въ жизни я былъ, заранѣе впрочемъ, очарованъ, мечталъ Богъ знаетъ что... Я не въ силахъ высказать Вамъ того *непріятнаго, оскорбительнаго* впечатлѣнія, которое она на меня произвела. Она сейчасъ поставила меня въ свободныя отношенія, я ни разу не сконфузился, но часто вырывались у меня рѣзкія выраженія... «Я видѣла вашего батюшку и вашего братца въ его костюмѣ, онъ говоритъ порусски чудесно, но всетаки костюмъ не слѣдуетъ носить, я произвела на него пренепріятное впечатлѣніе, я это замѣтила»... и хохочетъ. Это показалось мнѣ обиднымъ; я спросилъ причину непріятнаго впечатлѣнія? Видите, — она все шутила съ Костей. «Напрасно, сказалъ я, вы шутили, онъ такъ искрененъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ чистосердечно готовъ ихъ защищать каждую минуту, не понимаетъ шутокъ и не любитъ». Она начала говорить про костюмъ, что кто-то шьетъ себѣ терликъ изъ старой занавѣски, и хохочетъ, вспоминая все это съ братомъ. «Прекрасно, сказалъ я, что онъ (Костя) носитъ русское платье, несмотря ни на какія шутки и насмѣшки, мы всѣ должны были бы поступить такъ, да дрянны слишкомъ»... С—ва, не церемонившаяся со мной, явилась мнѣ въ самомъ непріятномъ видѣ, ея капризный тонъ съ людьми, съ мужемъ, ея смѣшная досада на все, что она не такъ удобно окружена, какъ прежде, что ламповое масло не пріѣхало изъ Москвы, все это очень безобразило ее. Ничего пріятнаго не нашелъ я въ лицѣ ея. Стала она съ братомъ своимъ передразнивать Н. Н. Ш**; можно бранить Н. Н. за ея суетливость и хлопотливость, но смѣяться надъ недостаткомъ зубовъ, — все это какъ то

странно. Разъ пять въ продолженіе вечера принималась она передразнивать ее. Бранитъ Россію и все; но брань брани рознь, и я сказалъ ей, что «у васъ эгоистическое негодованіе, въ которомъ нѣтъ любви и скорби».—Помираетъ со смѣху надо всѣмъ, что видитъ и встрѣчаетъ, называетъ всѣхъ животными, уродами, удивляется, какъ можно дышать въ провинціи.... Я самъ въ провинціи не на мѣстѣ, но мнѣ все это было досадно слышать; я мужчина, но во мнѣ больше мягкости и вниманія ко всему человѣческому. Я сильнѣе ея ругаю мошенниковъ, но если въ комъ есть хорошія, добрыя движенія души, тотъ не подвергнется отъ меня ни брани, ни насмѣшкѣ, хотя я со вниманіемъ буду изслѣдовать весь его внутренній механизмъ.—Что Смирнова олицетворенный умъ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться, но въ томъ-то и бѣда. Какой тутъ источникъ вдохновенія; замретъ, напротивъ, всякая поэзія; моя душа была такъ внутренно оскорблена, что я не рѣшусь ни за что, мнѣ кажется, читать ей свои стихи, гдѣ есть хоть малѣйшій оттѣнокъ чувства, мечты... Она меня спрашивала о стихахъ, только я отвѣчалъ кратко.—Она находитъ, что *панталоны* у Кости слишкомъ узки, Французскіе. Читала мнѣ письмо Ростопчиной изъ чужихъ краевъ: слишкомъ тонко и умно, впрочемъ, умъ и истина Французскихъ фразъ.—Любезности и привѣтливости со стороны Смирновой особенной не было никакой; она обращалась со мною, какъ съ человѣкомъ, котораго знаетъ 20 лѣтъ; «приходите каждый день или вечеромъ или къ обѣду, завтра вы будете?» Нѣтъ, завтра не могу быть, отвѣчалъ я. «Гдѣ же вы будете?» Дома, я давно не сидѣлъ дома вечеромъ, сказалъ я, не спохватясь, и потомъ уже догадался, что это довольно неучтиво, познакомиться съ ней и не торопиться видѣть ее опять. Но мнѣ было бы тяжело и второй вечеръ провести такъ, мнѣ хотѣлось отдохнуть душою. Эта женщина внушаетъ такую недовѣрчивость, не знаешь, говоритъ ли она серьезно или шутитъ, боишься ей говорить серьезно и искренно, потому что она, можетъ быть, помираетъ надъ вами со смѣху и будетъ хохотать потомъ съ своимъ братомъ. Такія лица не вызываютъ откровенности. Вы заговорите серьезно, ей въ эту минуту приходитъ въ голову какой-то смѣшной анекдотъ; такъ, совсѣмъ не

кстати вспомнила она, что въ Петербургѣ есть одинъ *сумашедшій*, который ходитъ въ русскомъ платьѣ, un fou.— Нѣтъ, она слишкомъ умна для меня, я же авторитета не имѣю и, хоть буду стараться узнать покороче, разгадать эту женщину, но на меня уже повѣяло такимъ холодомъ отъ нея, что я самъ собственно сожмусь внутренно, сколько можно. Но я такъ былъ разочарованъ, такъ огорченъ, такъ все внутри меня поставлено вверхъ дномъ, такъ непріятно нарушенъ миръ, гармонія моей души, что я не въ силахъ Вамъ высказать своего впечатлѣнія. Сколько ожидалъ я отъ свиданія съ нею! *) Я совершенно разстроенъ. Не знаю, какъ будетъ дальше.

Калуга. 1845 года. 17-го Ноября. Суббота.

Нынче долженъ я получить письма Ваши и съ нетерпѣніемъ жду ихъ, потому что мнѣ что-то очень скучно и грустно по Васъ. Послѣднее письмо мое, написанное, впрочемъ, искренно, произвело, вѣроятно, на Васъ странное впечатлѣніе, можетъ быть, насмѣшило Васъ; я теперь вполнѣ успокоился, но не совсѣмъ еще перемѣнилъ свое мнѣніе.—Эта недѣля прошла очень глупо, ничего не принесла мнѣ и, признаюсь, мнѣ бываетъ досадно, что пріѣздъ Смирновой разстроилъ мое одиночество, нарушилъ мой образъ жизни. По ея настоятельному требованію, я бываю у ней почти каждый вечеръ, который начинается поздно и оканчивается поздно, вслѣдствіе чего и встается позже,—тамъ Палата тамъ отобѣдаешь, отдашь,

*) Въ Москвѣ при первой встрѣчи вынесли тоже впечатлѣніе. Сергѣй Тимофеевичъ пишетъ 17 Ноября. „Впечатлѣніе, произведенное надъ тобою свиданіемъ съ А. О. именно таково, какого, мы ожидали; да ты, потому такъ имъ пораженъ, что создалъ себѣ заранѣе совершенно другое существо; я нарочно не писалъ тебѣ ни слова и съ Константиномъ сдѣлалъ тоже; я повѣрялъ вами себя; вашими впечатлѣніями собственныя свои. Я не такъ самонадѣянъ, чтобы послѣ такихъ отзывовъ Гоголя и Самарина (особенно послѣдняго), повѣрить первому своему взгляду. Она приняла меня, лежа совсѣмъ въ постели. Еслибъ я былъ молодой человѣкъ, то истолковалъ бы такой пріемъ въ выгодную для себя сторону; но принимая въ первый разъ слѣпаго старика, нельзя было имѣть никакихъ особенныхъ намѣреній. И такъ это неуваженіе; я могъ бы сейчасъ уйдти, сказавъ что не хочу безпокоить ее больную; но я не догадался, да и любопытство вполнѣ владѣло мною разсмотрѣть эту женщину, которую такъ осуждаетъ общее мнѣніе,

кому-нибудь визитъ, и вотъ какъ прошла эта недѣля. Вечера же эти ничего особенно пріятнаго не имѣютъ.—Какъ я Вамъ писалъ, я отказался отъ приглашенія придти на другой день и остался дома, началъ посланіе къ Языкову, которое, вѣроятно, и пришлю Вамъ во Вторникъ. Въ Середу вечеромъ я былъ у нея; она явилась совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, была гораздо лучше. Много разсказывала мнѣ про Гоголя, котораго она искренно любитъ, повторяетъ изъ него цѣлыя сцены со всѣми выраженіями, все таки странными въ устахъ женщины, разсказывала про свою молодость, про Государя, говоритъ, что хочетъ въ Калугѣ на досугѣ писать свои мемуары и пр.; такъ какъ тутъ никого, кромѣ меня, брата ея и иногда мужа, не было, то, слѣдовательно, она была безъ церемоній. Что касается до меня, то я, разумѣется, выражался довольно рѣзкими, *благонамѣренными* словами, разсказывалъ много про Москву, раскольничьи споры и т. п., о чемъ она не знала. Она говоритъ, что разговоръ Самарина почти тоже, что колокольный звонъ, все объ одномъ и томъ же, о Москвѣ, Россіи, народѣ и пр. и пр.—Вотъ каковъ Самаринъ! Кажется, она съ нимъ въ перепискѣ; по крайней мѣрѣ я знаю, что она писала къ нему о Поповѣ, которому и я писалъ съ своей стороны. Предлагается ему мѣсто Старшаго Секретаря въ Губернскомъ Правленіи, гдѣ всетаки ему будетъ меньше дѣла, чѣмъ въ Сенатѣ, и 500 рублей жалованья серебромъ. Сверхъ того, я зову его жить со мною вмѣстѣ, у меня квартира огром-

---

и о которой Гоголь въ тоже время говоритъ: „едва ли найдется въ мірѣ душа способная понимать и оцѣнить ее“.

Два часа съ половиной, я заставлялъ говорить ее безпрестанно о томъ, о чемъ хотѣлъ... и чтоже? Я также, какъ и ты, не спалъ до 2 часовъ отъ изумленія. Я не вполнѣ довѣрялъ Гоголю и Самарину, я считалъ что они обольщены, очарованы (и мнѣ говорили многіе, что она сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видятъ. Но я увидѣлъ, что тутъ нѣтъ и тѣни ничего обольстительнаго, даже ни въ какомъ отношеніи: я не нашелъ въ ней женщины; это былъ мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ; очень умный, смѣло обо всемъ говорящій, но легкій, холодный; я покрайней мѣрѣ не замѣтилъ ни малѣйшей теплоты, ни даже признака эстетическаго и поэтическаго чувства.

Я рѣшительно признаю... Погожу признавать. Ты необходимо долженъ узнать ее близко. Преодолѣй себя и постарайся доискаться драгоцѣннаго камня, зарытаго въ хламѣ.

мная, гдѣ онъ можетъ жить, не увеличивая моихъ издержекъ нисколько и участвуя только въ раскладахъ на пищу и т. п.—На другой день я собирался опять идти къ Смирновой, но былъ предупрежденъ зовомъ, слѣдовательно опять отправился къ ней; у нея были гости уже, разныя Калужскія дамы, которыя однакожъ уѣхали часовъ въ 12. По ея требованію, прочелъ я ей «Чиновника», котораго братъ ея читалъ уже въ Петербургѣ, у какого-то графа Т*. Читалъ я очень скоро во-первыхъ, потому, что мнѣ какъ-то было скучно, во-вторыхъ потому, что было поздно, она была утомлена Калужскими дамами и лежала на диванѣ. Я бы и не сталъ ей читать и вообще самъ ни слова про свои стихи не говорилъ, но она взяла съ меня обѣщаніе, что я принесу ей «Чиновника». Не знаю, какъ онъ ей понравился, она мнѣ ничего не говорила, но сказала только, что я читаю прескверно, какъ дьячекъ. Когда я сталъ говорить про службу, про то, что внушило эту мистерію, она сказала мнѣ очень глупо: это все вашъ братъ васъ сбиваетъ съ толку, между тѣмъ какъ въ мистеріи вовсе нѣтъ *благонамѣреннаго* воззрѣнія и, хоть я ставлю ее довольно низко, но это произведеніе родилось во мнѣ совершенно искренно и самобытно. Впрочемъ, часто случается, когда разговоръ коснется Петербурга, Одоевскаго и т. п., и я не удержусь отъ энергическаго восклицанія, она хохочетъ и говоритъ, что начинаются московскія сцены съ Константиномъ. Другихъ стиховъ я ей еще не читалъ, хоть она и требовала. Мнѣ какъ-то непріятно было бы читать ей тѣ вещи, которыя для меня дороги, въ которыхъ много грустной мечты, которыя выражаютъ разныя эпохи моей внутренной жизни. «Душевныхъ смутъ разсказъ печальный» не займетъ ея или едва ей будетъ понятенъ. Она говорила мнѣ, что прожила слишкомъ 30 лѣтъ жизни безъ оглядки, безъ разсужденія и что теперь она ужъ знаетъ опытъ жизни, а я его не узналъ и т. п. Какой тутъ опытъ жизни! Я не сталъ распространяться объ этомъ предметѣ, потому что онъ для меня слишкомъ важенъ, а она одинаково и одинаково умно говоритъ про все на свѣтѣ, про всякій вздоръ и вещь серьезную.—Кстати у меня давно готовится и начато даже одно стихотвореніе, которое будетъ для меня также значительно...

Но въ этой умной, остроумной и колкой бесѣдѣ устаетъ моя душа до скуки и грусти,—такъ что мнѣ надоѣдаетъ уже это развлеченіе и опять хочется этой благодати безпричинныхъ душевныхъ страданій. — Она объѣхала весь городъ, у всѣхъ была съ визитомъ, поразила всѣхъ простотой своего обращенія, и весь этотъ народъ будетъ собираться у ней два раза въ недѣлю вечеромъ отъ 7 до 11 ти. Само собою разумѣется, это должно быть невыносимо скучно, особенно для ней.—Что касается до меня, то я провожу свою жизнь чрезвычайно однообразно, бываю у Унк** и у Смирновой только, въ Палатѣ и дома. Книгъ нѣтъ, къ Александрѣ Осиповнѣ книжный обозъ еще не пріѣхалъ, тогда она обѣщала устроить, разумѣется, только втроемъ, чтенія вслухъ.

Скажите Панову, чтобы прислалъ мнѣ экземпляровъ десять своего путешествія по Славянскимъ землямъ; я нашелъ ему сбытъ и, пожалуй, буду собирать. Теперь я принужденъ ѣздить на извощикахъ, потому что ходить пѣшкомъ при этой ужасной грязи нѣтъ возможности; причиною тому нездоровье коляски, въ которой что-то сломалось, и которая уже цѣлую недѣлю лечится, каковое леченіе ея стоитъ 30 рублей. Мостовыя такъ скверны, что всѣ возможные экипажы ломаются. Зимы, кажется, нынѣшній годъ не будетъ. Климатъ, нечего сказать.—Квартирой своей я продолжаю быть совершенно доволенъ, хозяйка такая добрая женщина, сама ходитъ на рынокъ покупать что мнѣ нужно; я, кажется, писалъ Вамъ, что на другой день моего переѣзда, она поднесла мнѣ цѣлое блюдо съ пирогами, кренделями и хлѣбомъ. Это были первые пироги, съѣденные мною дома,—въ Калугѣ. Съ будущею почтой пришлю Вамъ планъ своей квартиры. Калмыцкій богъ уже повѣшенъ. Но такъ какъ никого въ домѣ не живетъ, кромѣ хозяйки, дворъ огроменъ, и живу я въ концѣ двора и высоко, за каменными стѣнами и желѣзными дверьми, слѣдовательно ни я, ни Порфиръ не слышимъ и не видимъ, что дѣлается на дворѣ, которому зимой предстоитъ быть сильно занесенному снѣгомъ,—то я принужденъ былъ нанять дворника, рекомендованнаго унтеръ-офицера, которому плачу шесть рублей въ мѣсяцъ съ моими харчами. Послѣднее, впрочемъ, ничего не значитъ для меня, когда у меня двое людей ѣдятъ дома.

20-го Ноября 1845 года. Калуга. Вторникъ.

Нынче самый убійственный день: въ половинѣ 11-го въ мундирѣ къ губернатору, по случаю восшествія на престолъ. Оттуда въ соборъ. Потомъ въ три часа оффиціальный обѣдъ у губернатора, а вечеромъ балъ въ Собраніи, на который я, можетъ быть, и не поѣхалъ бы, но хочется взглянуть на Алекс. Осипов.: въ бальномъ костюмѣ и среди всего этого народа.—Отвѣчаю на письмо. Васъ, вѣроятно, поразило мое первое письмо о Смирновой. Чтожъ дѣлать? таково было первое впечатлѣніе. Теперь его нѣтъ и слѣда, но я всетаки мучусь желаніемъ разгадать эту непонятную женщину. Иногда, какъ нарочно, въ ту минуту, когда слова ея, полныя глубокаго и серьезнаго смысла, заставляютъ меня видѣть ее въ другомъ свѣтѣ, — вдругъ тривіальное, и очень, выраженіе обольетъ васъ холодомъ. Вы правы, я не долженъ никогда жаловаться на Провидѣніе, потому что все, что оно ни посылало, до сихъ поръ было къ лучшему. Такъ и это назначеніе въ Калугу, стоившее мнѣ столько досады, такъ устроилось, что я благодарю Бога за это и ничего лучше не желаю. Я у А. О. бываю каждый вечеръ рѣшительно, впрочемъ, по ея повторительнымъ требованіямъ. Я очень хорошо знаю, что для ней разговоръ со мной—мало представляетъ интереснаго, для ней, которая была дружна и бесѣдовала съ умнѣйшими и замѣчательнѣйшими людьми всѣхъ націй, я чувствую передъ ней свою скудность и ограниченность, и это, разумѣется, отравляетъ мнѣ всѣ пріятныя впечатлѣнія вечеровъ... Не знаю, что она обо мнѣ думаетъ, но она еще не являлась передо мною въ томъ тонѣ, какимъ говоритъ въ письмахъ. Прочелъ я ей «Марію Египетскую». Ей понравилось; она хочетъ, чтобъ я непремѣнно продолжалъ, но совѣтуетъ читать и читать побольше Славянскихъ книгъ и сдѣлала такія вѣрныя замѣчанія на нѣкоторые стихи мнѣ всегда нравившіеся, а прочихъ приводившіе въ восторгъ, что они вдругъ явились преглупыми и пренелѣпыми. Читалъ братъ ея, Арнольди. Она говоритъ, что не можетъ никакъ понять стихи съ перваго раза и не имѣетъ стихотворнаго уха, потому, при повтореніи стиховъ, всегда ошибается въ размѣрѣ. Она заставила себѣ перечитать нѣко-

торыя мѣста и говоритъ, правда, довольно равнодушно и продолжая работать: «это очень хорошо». Прочелъ ей также 26-е Сентября. Она заставила его прочесть еще разъ, потомъ сказала: «это очень хорошо; я оставлю это у себя; мнѣ нужно». И, ничего не объясняя, оставила эти стихи у себя. Получила она два письма отъ Гоголя изъ Рима, которыя мнѣ прочла. Онъ пишетъ, что ему лучше, что онъ бодрѣе. Требуетъ отъ нея подробнаго ежедневнаго описанія всего, что она дѣлаетъ, кѣмъ окружена, какія испытываетъ въ душѣ движенія, и все это проситъ и приказываетъ во имя Бога... Давала мнѣ читать и Ваше письмо, милый Отесинька. — Пришлите пожалуйста, если у Васъ есть, Даля «Ночь на распутьѣ». Она не читала и хочетъ прочесть. Вообразите, что она, будучи фрейлиной, еще въ 1829 году, читала Киршу Данилова! Ктобъ могъ это знать и замѣтить, особенно тогда!... Вы пишете, милый Отесинька, что высылаете мнѣ книжку моихъ стиховъ (это уже во второй разъ),—но я ничего не получалъ, равно и «Зимней Дороги». Скажите Языкову, что А. О. проситъ его написать къ ней посланіе, гдѣ бы онъ вспомнилъ про Римъ, про Віачеличи, про деньги, которыя онъ присылалъ ей въ займы и т. п. Я не зналъ, что Пушкина стихи: «*среди толпы холодной большаго свѣта и двора ты сохранила умъ свободный*» и пр., Костя помнитъ; также Лермонтова *безъ васъ хочу сказать* «*вамъ много, при васъ я слушать васъ хочу*» и пр.—относятся къ ней. Я написалъ отвѣтъ Языкову, но ещё не послалъ къ нему. Посылаю къ Вамъ *);—если найдете годнымъ то пошлите къ нему въ особомъ пакетѣ, потому что я адреса его хорошо не знаю; если найдете нужнымъ исправить, то отвѣчайте мнѣ поскорѣе и напишите адресъ.

Я теперь уже рѣшительно нигдѣ не бываю, только иногда у Унк**. Я ихъ предпочитаю всѣмъ другимъ потому, что это семейство очень доброе и простое, дочери будутъ прекрасными женами и матерьми, безъ всякихъ претензій... Я ихъ немножко попробовалъ, давъ имъ прочесть Гоголя «Тараса Бульбу». Имъ нравится. Мнѣ было интересно наблюдать въ нихъ провинціальныхъ барышень, которыя, какъ я

*) См. въ прилож.

уже писалъ, увлекаются больше формой поэзіи, нежели содержаніемъ, любятъ страстно всѣ стихи безъ разбора, переписываютъ ихъ по ночамъ, хотя можно и не переписывать, когда книга эта имъ же принадлежитъ...

Однако звонятъ къ обѣднѣ. Сейчасъ наряжаюсь въ мундиръ, ѣду къ губернатору... Какая тоска!

Коляска моя починена, но ея леченіе продолжалось цѣлую недѣлю, и лошади мои такъ потолстѣли, такъ поправились, что ихъ узнать трудно.

Для уразумѣнія отвѣта Языкову—надо вспомнить, что онъ говоритъ мнѣ: живи жизнью свободной поэта и разные комплименты.

1845 года. Калуга. 24-го Ноября. Суббота.

Нынче Екатерининъ день,—кажется, не съ кѣмъ поздравлять,—а въ Училищѣ у насъ**) праздникъ. Былъ нѣкогда праздникъ и въ цѣлой Россіи... Однакожъ на дворѣ 24-е и нѣтъ снѣга! Что это такое? Подобная безалаберщина погоды сильное имѣетъ на меня вліяніе, въ отношеніи не къ здоровью, а къ нравственному состоянію, и потому все это время я въ болѣе или менѣе дурномъ расположеніи духа. Сверхъ того, нынѣшняя недѣля была преглупая. Я писалъ во Вторникъ, что ѣду съ поздравленіемъ къ Губернатору. Въ самомъ дѣлѣ, эта несносная комедія разыгралась въ трехъ актахъ: сначала къ Губернатору и въ Соборъ,—потомъ въ три часа, въ мундирѣ же, обѣдъ у Губернатора (разумѣется, только мужской: было человѣкъ 50, играла музыка «Боже Царя храни» и т. п.); вечеромъ собраніе, куда я не поѣхалъ-бы, еслибъ не захотѣлъ видѣть А. О. въ бальномъ костюмѣ. Разумѣется, она не танцовала и сидѣла окруженная почтенными Калужскими матронами. Само-собою, вездѣ въ такихъ случаяхъ я соблюдаю должный церемоніалъ передъ достоинствомъ Губернаторши, т. е. ограничиваюсь почтительнымъ поклономъ. — Въ Середу былъ праздникъ, и пословица, что Введеніе съ леденьемъ, не оправдалась. Былъ я, по приглашенію А. О., въ Воскресенской

**) Екатерининъ день—храмовой праздникъ Училища Правовѣдѣнія.

церкви, гдѣ служилъ священникъ, рекомендованный ей ея духовникомъ, а ею мнѣ,—но его красная физіономія и бычачьи объемы мнѣ не нравятся. Впрочемъ, съ какимъ-нибудь изъ нихъ да надо познакомиться, хоть для того, чтобы взять нужныя церковныя книги.

Третьяго дня вечеромъ я не пошелъ къ А. О., а сидѣлъ дома и написалъ стихи, которые посылаю *). Не знаю, передаютъ ли они то впечатлѣніе, которое я испытывалъ при писаніи ихъ: мнѣ сдѣлалось такъ жутко и страшно, что холодный потъ выступилъ по тѣлу. Есть такія мысли, что если бы онѣ всѣмъ объемомъ своимъ вмѣстились въ сознаніе человѣка, то, кажется, разрушился бы человѣкъ. Но перечитывая стихи, опять вижу, что все это не то. Какъ ни глубоки мысли, но если нѣтъ дара воплотить ихъ въ соотвѣтствующую форму слова, все будетъ *недурно, такъ*, а ничего особеннаго, не поразитъ, не остановитъ ничьего вниманія.— Вчера вечеромъ былъ у А. О., нынче вечеромъ также долженъ буду отправиться, хотя мнѣ этого ужасно не хочется, потому что по Субботамъ у ней съѣздъ цѣлой Калуги, карты, танцы. Но такъ какъ я въ послѣднюю Субботу не пошелъ, отговорившись головною болью, такъ нынче нельзя проманкировать. Въ послѣднюю Субботу не было танцевъ и поэтому было, говорятъ, вяло и скучно, что и должно быть, потому что этого народа нельзя занять ничѣмъ другимъ. — На дняхъ осматривалъ я домъ Тушинскаго вора, который рядомъ со мною. Домъ этотъ принадлежитъ съ самаго основанія своего все одному и тому же семейству — Коробовымъ, нѣкогда богатому купеческому дому, а нынѣ обѣднѣвшимъ мѣщанамъ. Два брата и сестра, старая дѣвушка, вотъ все, что осталось. Недавно умеръ ихъ отецъ, 105 лѣтъ. Не знаю, на чемъ основано увѣреніе, что здѣсь жилъ Самозванецъ и Марина, — хозяева ничего о томъ не знаютъ и не понимаютъ, что̀ за Самозванецъ, что̀ за Марина. Живутъ въ двухъ комнаткахъ, уже передѣланныхъ;— остальное все комнаты со сводами, полуразрушенныя. Древности большею частью распропали, распроданы или употреблены инымъ образомъ, окна передѣланы, стѣны перекра-

---

*) *Вопросомъ дерзкимъ не пытай.* См. въ прил.

шены, печи переложены. Однако осталось много иконъ, черныхъ, пречерныхъ, гдѣ ничего нельзя разобрать и въ которыхъ я ничего не смыслю. Сохранились женскіе костюмы бабушки хозяйкиной, которая, вѣроятно, получила ихъ также по наслѣдству, потому что платья мало измѣнялись; богатый штофный сарафанъ съ пуговицами, парчевыя душегрѣйки, башмачки или, лучше сказать, какія-то туфли. Богато все, но грубо, безвкусно. Я люблю сарафанъ изъ матеріи легкой, которая бы ложилась складками, а не изъ парчи, которая торчитъ косыми линіями и углами. Хозяйка нарочно наряжалась для меня въ нихъ. Есть также старинныя вещи, сундуки, ящики. Хозяйка подарила мнѣ мѣдную чернильницу, песочницу и мѣдный футляръ для пера; не знаю, какъ это старинно, но я всетаки взялъ это, разумѣется, отдаривъ хозяйку деньгами, и велю эти вещи посеребрить, если не будетъ дорого. Бумаги (начиная съ царя Ивана Васильевича) были всѣ разобраны и разсмотрѣны въ Петербургѣ, кажется, въ Археографической Коммиссіи.

Завтра долженъ я получить Ваши письма. Привезутъ ли они лучшія новости объ Васъ и объ Олинькѣ? Дай Богъ; письма Ваши единственная для меня отрада, и я очень, очень благодаренъ Вамъ, милый Отесинька, за то, что Вы такъ постоянно и много пишете. Какъ я радъ, что Константинъ окончилъ этотъ водевиль *). Если онъ не очень поторопился и обработалъ его тщательно, то вѣдь это вещь прекрасная. Кажется, онъ очень понравился А. О. По крайней мѣрѣ братъ ея въ восторгѣ отъ Константина, отъ Москвы, отъ всего направленія. Такъ поразило его все это мысленное движеніе, добросовѣстныя убѣжденія и забвеніе всѣхъ предразсудочныхъ условій и понятій. Константинъ, по его словамъ, просто прелесть; онъ помнитъ всѣ его слова, движенія, жесты, въ восхищеніи отъ его дара слова, отъ обилія мыслей, отъ энергіи выраженій. Разумѣется, я еще пуще поддалъ жару, разсказавъ ему много про Константина, и онъ нарочно хочетъ ѣхать въ Январѣ въ Москву, чтобы познакомиться съ нимъ поближе и заставить насъ что-нибудь да дѣлать.

---

*) „Почтовая Карета“—водевиль съ куплетами К. С. Аксакова.

Къ Константину Сергѣевичу.

Калуга 1845 года, 24-го Ноября. Суббота.

Не знаю, успѣю ли я докончить это письмо нынче же къ отходу почты, милый другъ и братъ Костя, но во всякомъ случаѣ начну его и напишу: оно можетъ отправиться и во Вторникъ. Мнѣ все хандрится; я было уже успѣлъ настроить душу на мягкій тонъ, придти къ теплотѣ воззрѣнія, но А. Ѳ. какъ нѣкій злой демонъ, огорчивъ, оскорбивъ, смутивъ меня, растравивъ мое тщеславіе и самолюбіе, нарушила строй души. Я часто видаюсь съ нею, но постоянно выношу непріятное впечатлѣніе, такъ что она иногда мнѣ становится въ тягость. Я разскажу подробно о томъ, какъ она обращается со мною и что говоритъ. Ея простота и фамильярность имѣютъ что-то въ себѣ оскорбительное, какое-то пренебреженіе къ вашему мнѣнію и сужденію. Разговоръ почти всегда пустой, состоитъ изъ анекдотовъ, до которыхъ она большая охотница. Часто прихожу я въ серединѣ подобнаго разговора, который для меня нисколько не измѣняется, продолжаетъ идти тою же пустою колеей; наконецъ, часу въ 12-мъ я ухожу, мнѣ скажутъ: прощайте, до свиданія, и опять обращаются къ продолженію того же разговора. Я хотѣлъ бы потолковать о томъ, о другомъ, что̀ такъ серьезно, такъ важно для насъ, о поэзіи, о стихахъ, о человѣкѣ, но меня кормятъ такими вздорами, даромъ умными рѣчами, побасенками (разумѣется,—не Гоголевскими). Въ это можно было бы тогда, когда люди узнали другъ друга, высказали другъ другу завѣтныя убѣжденія, и тогда всякій, даже пустой разговоръ имѣлъ бы свой смыслъ и значеніе. Но что, конечно, обидно, — такъ это видѣть, что вовсе и не заботятся о томъ, чтобъ узнать васъ съ другой стороны, между тѣмъ, какъ я именно хотѣлъ бы ее видѣть въ другомъ свѣтѣ. Не принимая почти участія во всей этой болтовнѣ и внутренно досадуя на это, — я большею частію молчу или говорю также пустяки, ищу случая ввернуть свое словцо. Между тѣмъ она знаетъ или должна же знать по моимъ стихамъ, что во мнѣ лежатъ серьезные вопросы. Разъ, одинъ вечеръ она все время вслухъ читала

Гоголя «Мертвыя Души». Читаетъ она сама довольно хорошо и живо. Иногда сдѣлаешь серьезное замѣчаніе, скажешь не пошлую и не старую мысль, она или не дослушаетъ, или не захочетъ узнать ее пространнѣе, вникнуть подробнѣе, придраться къ этому, чтобы завести разговоръ поискреннѣе, поглубже, но прерветъ васъ анекдотомъ или перейдетъ съ такою же легкостью и одинаковымъ участіемъ къ другимъ, ничтожнымъ предметамъ. Разъ сказала она мнѣ, чтобъ я принесъ ей свои стихи (мелкіе, — Чиновника она слышала прежде). Я читалъ ей «26-е Сентября» и *Очеркъ*, не обратившій на себя ни малѣйшаго вниманія и сопровожденный затруднительнымъ и конфузнымъ молчаніемъ. Кажется, въ ней нѣтъ поэтическаго чувства, есть вещи, гдѣ много ума мѣшаетъ, гдѣ много слышитъ сердце изъ тона, изъ строя, изъ музыки стиховъ. — Я забылъ сказать, что всему этому предшествовала «Марія Египетская». Она сдѣлала очень умныя замѣчанія, сказала, что въ стихѣ:

Про недоступную *отважность*
Трудовъ и подвиговъ святыхъ,—

слово: отважность не годится, ибо означаетъ какой-то временный порывъ,—что справедливо, а мнѣ это прежде очень нравилось. Говорила часто: это очень хорошо; замѣтила, что она бы пространнѣе развила эту мысль: любить иначе не могла и пр., словомъ, характеръ ея съ этой стороны, не одно описаніе внѣшней красоты. Это также можетъ быть справедливо, хотя Марія въ первомъ своемъ состояніи мало, не сознательно, не глубоко является по характеру внутреннему, и внѣшняя красота составляла больше половины ея самой.—Сказала также, что у меня въ Маріи стихи неровные: одни сильны, другіе слабы... По крайней мѣрѣ это былъ одинъ вечеръ, въ который читались стихи и говорила она свое мнѣніе, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе недѣли, и она ни разу не помянула о стихахъ, не просила новыхъ, и обращается со мною, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ и говорить нельзя ни о чемъ. А ты знаешь, какъ много это на меня дѣйствуетъ при моей мнительности въ самомъ себѣ! Всетаки она критеріумъ въ сужденіи о людяхъ, умѣла

она оцѣнить Гоголя и Самарина, стало она меня также оцѣнила по достоинству, проникнувъ незамѣтно, но глубоко въ меня и не найдя тамъ ничего замѣчательнаго, живаго, оригинальнаго, самостоятельно-даровитаго!.. Я провелъ ужасные часы, когда вѣря авторитету Гоголя и Самарина, не смѣя сомнѣваться въ вѣрности ея сужденія, думалъ (да думаю и теперь), что она считаетъ меня мелкимъ, дюжиннымъ существомъ. Обращался къ самому себѣ и въ самомъ дѣлѣ находилъ въ себѣ способность все понять, но не находилъ этого цѣльнаго живаго пламени таланта: одни сомнѣнія, раздвоеніе, трусость, робость, тщеславіе и совершенную безотрадность въ прошедшемъ и будущемъ. Потому что нѣтъ для меня никакого веселья и радостей на землѣ (исключая семейныхъ), и моя скучная, суровая, утомительная жизнь мнѣ часто въ тягость. Во мнѣ нѣтъ молодаго человѣка, а что же во мнѣ есть: ничего. Творческихъ мыслей никакихъ, одинъ отголосокъ, и то недостойный, чужихъ мыслей; дара слова — также нѣтъ, а говорю заученными, давно, заранѣе придуманными выраженіями; изобрѣтательности нѣтъ; стихи мои... Но нѣтъ въ нихъ магическаго очарованія, на всѣхъ одинаково безъ авторитета дѣйствующаго; это какой-то мозаичный сборъ стиховъ, и когда вспомню, сколько каждые стихи стоятъ мнѣ заботы и времени, сколько, несмотря на труды и усилія, въ нихъ неровностей, недостатковъ, мнѣ дѣлается стыдно и совѣстно; не такъ пишутъ поэты, не такіе стихи внушаетъ истинное вдохновеніе... Но ужасно, ужасно чувствовать въ себѣ внутренніе требованія и сознавать въ то же время, что ты не въ силахъ ихъ исполнить, чувствовать себя бездарнымъ, когда самолюбіе имѣетъ притязаніе на дарованіе... А я все бы на свѣтѣ отдалъ за истинный пламень дарованія, за минуту искренняго вдохновенія... Если же во мнѣ нѣтъ ничего, никакого дара, то что же я? Право, лучше быть чиновникомъ. Я хорошій чиновникъ и шелъ бы себѣ да шелъ по этой колеѣ, еслибъ меня не сбили съ толку; но тутъ примѣшивается вопросъ политическій, и не далѣе, какъ вчера вечеромъ, мнѣ хотѣлось быть капустникомъ, сапожникомъ, далеко, далеко, въ Кременчугѣ, въ Алешкахъ, чортъ знаетъ гдѣ, туда, на край свѣта, въ Американскіе, дѣвственные

лѣса... Мнѣ хотѣлось бы совершеннаго ничтожества, обратиться въ прахъ, въ пыль, безо всякаго безсмертія души. Пожалуйста не пиши мнѣ въ отвѣтъ никакихъ утѣшеній и увѣреній, я совсѣмъ не для того пишу, но разбери мнѣ, что это все такое—раздраженное ли тщеславіе и самолюбіе, которыхъ не могу, не могу еще убить въ себѣ, или внутренній голосъ сознанія, котораго слѣдовало бы послушаться? Потому что мнѣ кажется, я могу прожить и безъ писанія стиховъ, это ужъ я такъ, сдѣлалъ себѣ привычку изъ этого труда и увѣрилъ, что это потребность. Но повторяю тебѣ, я испыталъ и испытываю ужасныя минуты! Давно, давно душа моя не знала никакихъ радостей. Послѣ стиховъ: 26-е Сентября я сталъ строже и строже, живу совершеннымъ монахомъ, т. е. согласую поступки свои съ тѣми словами, хоть я и не могу очистить себя духовно; за всякую минуту тщеславнаго удовольствія неумолимо разбираю и наказую себя... А тутъ является женщина, превосходство которой признаю совершенно и которая возбуждаетъ мое тщеславіе, оскорбляя его. Все это очень смѣшно, жалко, дѣтско, скажешь ты, но тѣмъ не менѣе никому не желай такихъ ощущеній.

Но довольно объ этомъ. Богъ знаетъ, когда буду я въ состояніи духа писать стихи въ тонѣ «Очерки» и «Ночи». Ваши письма много подкрѣпляютъ и ободряютъ меня. Я совсѣмъ не ожидалъ такого отзыва о «Ночи». Даже переписывая эти стихи въ книжку, я выключилъ тѣ строфы, которыя отмѣтилъ и въ посланномъ къ Вамъ экземплярѣ. Признаюсь, желалъ бы я напечатанія Зимней Дороги, чтобъ успокоиться внутренно хоть какимъ-нибудь авторитетомъ, а не увѣреніемъ родныхъ и пріятелей. Теперь, когда я понялъ, что посланіе Языкова ко мнѣ просто шутка, мнѣ очень досадно что я отвѣчалъ такъ важно и серьезно. Это смѣшно. Поэтому, если Вы не посылали отвѣта, такъ и не посылайте. Неужели Вы не знаете стиховъ Языкова? Не знаю, посылать ли Вамъ ихъ или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, если успѣю, перепишу и приложу ихъ.—Я очень радъ, что впечатлѣніе, произведенное на Васъ А. О., почти одинаково со мной, а то я думалъ, что я одинъ останусь съ нимъ. Часто видаю ее, но до сихъ поръ не разгадалъ этой женщины. Въ

ней много Хомяковскаго. Но неужели во всѣ эти свиданія она, хоть бы невзначай не явилась бы съ другой стороны? Можетъ быть Гоголь считаетъ ее идеаломъ русской женщины вотъ почему: она, не хлопоча объ эманципаціи, какъ женщина Запада, довольно свободна, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ, условій и приличій, давно признанныхъ ложными и смѣшными, но которыя еще сохраняютъ надъ нами властъ привычки, все можетъ понять, видѣть и говорить, не пачкаясь тѣмъ, что видитъ и говоритъ, оставаясь чистою, можетъ свободнымъ смѣхомъ смѣяться всему смѣшному и стать открытымъ, не жеманнымъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и природой. Вѣра въ ней искренна, безъ ханжества и суевѣрія; она проста и откровенна въ обращеніи, безъ аффектацій... Такъ, можетъ быть, понимаетъ ее Гоголь, но, чортъ знаетъ, это все какъ-то не такъ. Что касается до Самарина, то надо вспомнить, что онъ встрѣтилъ ее въ Петербургѣ, надо вообразить себѣ его изумленіе — найти свѣтскую женщину, чуждую предразсудковъ, все читавшую восхищающуюся тѣмъ, что большой свѣтъ, не понимая, находитъ неприличнымъ, умную такъ, какъ нѣтъ никого въ большомъ свѣтѣ... Этого уже довольно, чтобы плѣнить одиноко-безотраднаго Самарина въ Петербургѣ. А мы, мы все это уже знали за ней и искали еще высшаго и, можетъ быть, ошиблись. А можетъ быть, мы ея еще не разгадали...*) По по крайней мѣрѣ до сихъ поръ она продолжаетъ производить на меня непріятное ощущеніе, и благодѣтельнаго (какъ пишетъ Отесинька) въ звѣздѣ, приведшей меня къ ней, ничего не вижу. Вечера мои у ней скучны и мнѣ въ тягость;

---

*) На это письмо Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ 3 Декабря:

....Теперь поговоримъ о А.О. Я не обвиняю себя за первое впечатлѣніе; можетъ быть можно обвинить меня за малое уваженіе къ мнѣнію Гоголя и Самарина. Теперь, хотя я еще не видѣлъ ея въ другой разъ, я готовъ вполнѣ согласиться съ ними. Письма твои и еще больше стихи Пушкина меня въ томъ убѣждаютъ. Какъ чудесно выразилъ ее Пушкинъ: *я сохранила взоръ холодный*, *простое сердце*, *умъ свободный* и т д. Я признаю А. О. способною къ самымъ великимъ поступкамъ и презирающею оттого, какъ мелочь, всѣ условія, законы приличія, и дурную молву. Я готовъ ее признать Наполеономъ, но лучше соглашусь имѣть ее своимъ царемъ, чѣмъ женой. Стоя на такой высотѣ, она не могла остаться женщиной. Недоступная атмосфера цѣломудрія, скромности, это благоуханіе, окружающее

особенно теперь всегда сидитъ тамъ старуха-тетка или братъ ея (этотъ еще бы ничего), наконецъ мужъ. Вотъ и теперь оканчиваю мое длинное, предлинное письмо къ тебѣ, чтобы одѣться и съѣздить на полчаса къ ней на вечеръ: нынче у ней вся Калуга и балъ. Не поѣхать нельзя, но я только повернусь, покажусь и потомъ намѣреваюсь уѣхать потихоньку. Какъ радъ я, милый другъ и братъ Константинъ, что ты принялся заниматься. Вотъ тебѣ такъ грѣшно не заниматься, а у меня есть и время, и охота, и трудолюбіе, а все мыльный пузырь.

Прощай милый другъ и братъ Константинъ, очень благодарю тебя за твои письма.

Ноября 27-го. Вторникъ. Калуга 1845 года

Въ Субботу получилъ я письма Ваши, милый Отесинька и милая Маменька, долго читалъ ихъ, наконецъ рѣшился сейчасъ же отвѣчать Константину, написалъ ему цѣлыхъ два почтовыхъ листа кругомъ, запечаталъ и поѣхалъ на балъ къ А. О. Но какъ нарочно въ эти три дня и особенно вчера я имѣлъ съ нею такіе долгіе, длинные, серьезные разговоры, что я никакъ не могу отправить этихъ писемъ къ Константину, ибо они дышатъ досадой на нее за то, что до сихъ поръ кормитъ она меня побасенками... И поэтому Костя да извинитъ меня, если и въ этотъ разъ останется безъ писемъ; вчера воротился я въ два часа ночи, а теперь спѣшу въ Палату. Впрочемъ, мои Вторничныя письма никогда не могутъ становиться рядомъ съ Субботними: въ Субботу мнѣ больше времени.—Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я забылъ поздравить Васъ всѣхъ и въ особенности Любиньку со днемъ рожденія. Честь имѣю поздра-

прекрасную женщину, никогда ея не окружало даже въ цвѣтущей молодости: она родилась такою. Вотъ почему все нѣжное, умилительное, грустное, невъяснимо сладкое въ поэзіи—отъ нея ускользаетъ. Признаюсь, мнѣ даже грустно, что не могу узнать ее близко: не могу повѣрить своихъ предположеній... разумѣется, она такое существо, какого я не встрѣчалъ въ моей жизни; да я бы и не понялъ ее тогда, какъ былъ помоложе; я былъ слишкомъ страстенъ и не могъ бы судить вѣрно о такомъ необыкновенномъ существѣ.

вить теперь и обнимаю теперь милую новорожденную. Отвѣчаю на письма Ваши... Впрочемъ, знаете ли что, я пошлю письма свои къ Костѣ, съ тѣмъ однакоже, чтобъ онъ зналъ заранѣе о перемѣнѣ моихъ воззрѣній на многое, касающееся до А. О. Въ этихъ письмахъ, которыя у меня недостаетъ духа перечесть (что я предчувствуя, запечаталъ ихъ тогда же), много помнится всякаго глупаго вздору, дѣтской тщеславной досады и т. п. Господи, какъ мелокъ и подлъ человѣкъ! Вообще предметъ этотъ такъ важенъ, что я не стану болѣе говорить о немъ слегка въ письмахъ... Читая письма Ваши, я чрезвычайно обрадовался Вашему сужденію о А. О. ибо оно подкрѣпляло мои собственныя впечатлѣнія. Я было такъ обманулся въ своихъ надеждахъ, что хандрилъ и тосковалъ цѣлыя недѣли. Теперь она сдѣлалась для меня такимъ любопытнымъ предметомъ изученія и наблюденія, что я благодарю звѣзду мою, приведшую меня къ ней.—Я очень радъ, что Вамъ нравится моя «Ночь»,—а право, кромѣ нѣкоторыхъ стиховъ, я не ожидалъ этого; постараюсь поправить ее по замѣчаніямъ Вашимъ. У меня готовятся еще разныя стихотворенія, хотя мнѣ и очень грустно, что не могу написать ничего большаго, цѣлаго. Я послалъ Вамъ въ Субботу еще стихи, въ которыхъ, впрочемъ, многое надо бы поправить. Какъ мнѣ досадно, что не могу прочесть Вашего журнала; прошу Васъ прислать его мнѣ съ первою возможностью.

Я-то во всякомъ случаѣ къ 25-му Декабря буду у Васъ,—и съ нетерпѣніемъ жду этого времени. А какъ нарочно, теперь, когда въ головѣ моей толпятся разныя стихотворенія когда каждый вечеръ провожу я у А. О. въ Палатѣ къ концу года накопилось множество дѣла; единственнаго человѣка, раздѣлявшаго со мной пополамъ работу, отнимаютъ у насъ для одного важнаго порученія, и я остаюсь одинъ и долженъ работать изо всѣхъ силъ! Дѣлать нечего,—но я чувствовалъ вообще и теперь чувствую еще больше, что я съ каждымъ днемъ меньше гожусь для службы. Но потомъ я устроюсь иначе. Къ А. О. ѣдетъ цѣлый обозъ книгъ, изъ которыхъ большую часть мнѣ слѣдуетъ и слѣдовало бы давно прочесть,—и много мнѣ предстоитъ впереди разнаго чтенія; слѣдовательно, пребываніе въ Калугѣ

будетъ для меня въ этомъ отношеніи чрезвычайно полезно. Однако уже 11 часовъ; я долженъ кончить. Кажется, это первое письмо, въ которомъ не всѣ 4 страницы исписаны. Чтоже дѣлать: виноватъ Порфиръ, не разбудившій меня ранѣе. Но я все-таки посылаю письма къ Константину: слѣдовательно, чтенія Вамъ будетъ довольно.

1845 года. Калуга, Декабря 1-го. Суббота.

Вотъ и Декабрь мѣсяцъ на дворѣ, мѣсяцъ, въ концѣ котораго я поѣду въ Москву! Особенныхъ происшествій на этой недѣлѣ, кажется, никакихъ не было. Я досталъ себѣ Четію-Минею за Мартъ и Апрѣль и двѣ Библіи, одну на Славянскомъ, другую на Французскомъ языкахъ. Буду читать это, не торопясь. Каждый вечеръ провожу я у А. О. впрочемъ, иногда (какъ и на этой недѣлѣ) дѣлаю исключеніе, или потому, что мнѣ захочется посидѣть дома, или что послѣдній вечеръ оставилъ тяжелое, непріятное впечатлѣніе. На нынѣшней недѣлѣ прочли мы между прочимъ «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» и «Шинель». Читалъ ея братъ, не очень хорошо. И то и другое, кажется, читалъ А. О. «самъ Гоголь въ Римѣ». Впрочемъ, она говоритъ, что теперь только начинаетъ цѣнить Гоголя. Я объяснялъ ей и содержаніе Костиной брошюрки, толковалъ ей ту чудесную вещь, которая находится въ третьей части его диссертаціи о воззрѣніи на міръ древняго человѣка, о Гомерѣ, о значеніи юмора въ наше время... Но я до сихъ поръ не видѣлъ въ ней теплоты эстетическихъ ощущеній, никакого сердечнаго движенія... Какъ я бѣсился внутренно, когда, при чтеніи въ «Мертвыхъ Душахъ»—этихъ чортъ знаетъ какихъ чудныхъ страницъ о дорогѣ, ночи и пр. и пр.,—она вдругъ вспомнитъ про Жоржъ-Зандъ и скажетъ, что она также очень хорошо описываетъ впечатлѣнія путешествій!.. Въ этотъ разъ, впрочемъ, я ей это замѣтилъ.—Среди «Шинели», въ самыхъ чудесныхъ мѣстахъ, она вдругъ, по поводу какого-нибудь квартальнаго вспомнитъ какіе-нибудь глупые стихи Мятлева и скажетъ или пропоетъ: «напился, какъ *каналья*, пьянъ» и т. п., всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Теперь я вижу, что мы разыгрывали сами передъ

собой довольно смѣшную роль. Очертивъ эту женщину какимъ-то магическимъ кругомъ, мы подходимъ издалека, смотримъ съ одной стороны, потомъ съ другой, трудимся, потѣемъ... Все дѣло гораздо проще. Я убѣдился, что она не притворяется, не играетъ комедіи и гораздо менѣе замѣчательная женщина, нежели мы думали. Мнѣ случилось имѣть съ ней разговоръ съ глазу на глазъ, долгій, до двухъ часовъ ночи, разговоръ искренній съ ея стороны о Самаринѣ и отчасти о Гоголѣ; зная Самарина по себѣ, я разсказалъ ей всю цѣпь и послѣдовательность возникающихъ въ людяхъ нашего времени сомнѣній, безотрадныхъ стремленій, отсутствія убѣжденій и вѣры, съ признаніемъ религіи, съ желаніемъ убѣжденій, съ тайнымъ сознаніемъ своей неискренности и т. д. и т. д., что я понялъ и созналъ очень хорошо и что давно у меня просится въ стихотвореніе... Она это все поняла и всѣ мои заключенія о Самаринѣ нашла вѣрными; вообразите однако, что она имѣла духъ сказать ему, что у него нѣтъ никакого творчества идей, что онъ никогда не будетъ человѣкомъ истинно замѣчательнымъ (что неправда), что его удѣлъ настоящій быть homme de salon, и что всѣ усилія его идти по другой колеѣ—не искренни, не внушаютъ довѣренности. Я сказалъ, что усилія его искренни, намѣренія также, но что самыя убѣжденія привиты, приняты, а не составляютъ одинъ цѣльный камень съ нимъ... Этотъ вечеръ былъ самый интересный... На дняхъ получила она письмо отъ Самарина, которое прочла мнѣ, исключая нѣкоторыхъ фразъ, до Константина и меня относящихся и слѣдующихъ за словами: «въ Москвѣ всѣ вами довольны, исключая моего пріятеля Аксакова, который сердитъ на меня за то, что я не внушилъ вамъ фанатическаго жара». Впрочемъ, слѣдующія фразы не прочтены именно по просьбѣ Самарина, а то бы она ихъ прочла. Въ нихъ заключается, какъ она сказала, поклонъ мнѣ и просьба прислать «Марію Египетскую».—Тонъ письма не искренній, поддѣланный; видно усиліе сдержать сердечный языкъ тоски и грусти, которымъ бы, можетъ быть, онъ захотѣлъ бы говорить. Все письмо состоитъ изъ Петербургскихъ разныхъ новостей, о которыхъ сообщаетъ ей, по ея приказанію, изъ насмѣшекъ и остротъ надъ разными мужчинами и дамами

(отъ которыхъ, т. е. насмѣшекъ, она въ восторгѣ), -- но видно, что это какъ будто блюдо, по необходимости приготовленное. Потомъ онъ говоритъ, что проводитъ теперь почти всѣ вечера съ Поповымъ, что его бесѣда переноситъ его въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ, что онъ чувствуетъ, какъ онъ ото всего отсталъ, какъ въ немъ отяжелѣла мысль; что онъ сознаетъ въ себѣ возможность погибнуть на службѣ, сдѣлаться пошлымъ человѣкомъ; что онъ желаетъ оставить Петербургъ, что ему предлагаютъ два мѣста: Ригу и Пермь и что онъ предпочтетъ, вѣроятно, послѣднюю. Но все это самымъ обыкновеннымъ, холоднымъ, легкимъ тономъ, точно также, какъ онъ говоритъ. А. О. ужасная охотница переписываться. Съ кѣмъ она не въ перепискѣ! Всякій свѣтскій знакомый ея обязанъ къ ней писать и сообщать всѣ дѣла и сплетни большаго свѣта; она всѣмъ отвѣчаетъ; ведетъ, кто знаетъ, можетъ быть довольно свѣтскую переписку съ однимъ и въ тоже время пишетъ о псалмахъ къ Гоголю!... Она очень умна, но ея нравственное обращеніе—не жжетъ ее пламенемъ, не отнимаетъ у нея покоя, не даетъ ей силъ—отказаться ото всѣхъ привычекъ прежней жизни... Ну да объ этомъ послѣ и объ отношеніяхъ Гоголя къ ней также. Гоголь просто былъ ослѣпленъ, и, какъ ни пошло слово, неравнодушенъ, и она ему разъ это сама сказала, и онъ сего очень испугался и благодаритъ, что она его предувѣдомила и пр. и пр. Ну да объ этомъ подробно въ другое время, а, можетъ быть, при свиданіи.

Вторникъ. 4-го Декабря 1845 года. Калуга.

Кажется, ужъ совсѣмъ зима, и Никола едвали не будетъ съ гвоздемъ. Нынче Варваринъ день, кажется, у Васъ поздравлять некого, а мнѣ надо будетъ ѣхать поздравлять Унк** мать. Только что сѣлъ я за письмо, какъ является извощикъ съ санями. Слава Богу! Въ коляскѣ ѣздить становилось очень трудно и даже опасно при поворотахъ.—Воображаю, какъ Васъ теперь занесло снѣгомъ въ деревнѣ и нельзя гулять; право, должно быть скучно. Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ писемъ, чтобы узнать о послѣдствіяхъ поѣздки Костиной въ

Москву, о Маменькиномъ глазѣ, о томъ, получили ли Вы наконецъ мои письма и перестали ли безпокоиться? Третьяго дня вечеромъ прихожу къ А. О., она меня спрашиваетъ: знаю ли я la grande nouvelle? — «Я хотѣлъ объявить ее Вамъ,» отвѣчалъ я, подозрѣвая, въ чемъ дѣло. Ей пишетъ Скалонъ изъ Москвы, что Аксаковъ обрилъ бороду и надѣлъ фракъ. Забавно, что онъ сооообщаетъ это прежде, чѣмъ это случилось, потому что мы въ одно время получили письма, и мнѣ Вы пишете, что это имѣетъ случиться, а ей пишутъ, что уже случилось... Особеннаго въ эти дни, кажется, ничего не случилось... Досталъ я себѣ Четію Минею за Мартъ и Апрѣль и читаю понемногу. Что за языкъ, просто чудо! Я непремѣнно по пріѣздѣ въ Москву заставлю Костю многое прочесть. Напримѣръ въ житіи св. Евдокіи, бывшей прежде грѣшницею, какъ хороши эти слова, когда она проситъ Германа святаго докончить ея обращеніе: «*не отымай живописныхъ рукъ отъ доски уготованной*, дондеже въ образѣ моемъ Христа распятаго узриши». Или когда Филостратъ, одинъ изъ прежнихъ ея поклонниковъ одѣвшись монахомъ, пришелъ монастырь, чтобъ уговорить ее воротиться къ жизни, къ радости, онъ говоритъ ей, что стѣны палатъ ея плачутъ безъ нея; «зачѣмъ такую лѣпоту личную скрываешь во макѣ, толь *красное, юностное* тѣло изнуряешь печалью и голодомъ и пр. и пр.», наконецъ «гдѣ суть твои мvроварныя благовонія, *ими же воздухъ въ градѣ ходящи, облагоухала еси?*» Прелесть! Я разсказалъ про это А. О. и вчера, по ея требованію, принесъ ей книгу; она читала сама вслухъ, читая и понимая все по Славянски и, какъ кажется, чувствуя красоты языка, по крайней мѣрѣ любя его.—Наконецъ пріѣхалъ обозъ съ ея книгами: тутъ есть все, что слѣдуетъ, что должно быть прочтено, начиная съ Геродота, разумѣется на Французскомъ языкѣ. Теперь ужъ нѣкогда, но по возвращеніи изъ Москвы, я устрою себѣ послѣдовательный курсъ чтенія.—Стиховъ новыхъ я никакихъ неписалъ, да и жду отъ Васъ отзыва о прежнихъ. Теперь А. О. знаетъ всѣ мои стихи, кромѣ «*Зимней Дороги*». Я самъ ей не читалъ ихъ, но братъ ея взялъ у меня книгу и отдалъ ей. Что же Вы думаете, изо всѣхъ стиховъ, мною писанныхъ, обратило на себя вниманіе? «*Въ тихой*

комнатѣ моей мнѣ привольно и просторно». *Душевныхъ смутъ разсказъ печальный* не замѣченъ; *слабѣетъ нынѣ высокій строй моей души*—также мало почувствованъ и замѣченъ, даже въ отношеніи стиха, какъ какое-нибудь: подайте мнѣ котлетку. Она непремѣнно требовала, чтобы я вмѣсто: *комнатѣ* поставилъ: *комнаткѣ.* Но я на это не согласился, сказавъ ей, что это было бы слишкомъ мило; въ самомъ дѣлѣ походило бы на какую-то баюкальную пѣснь. Потомъ ей понравилась «Ночь,» но первая половина, до луны; между тѣмъ какъ во второй половинѣ, можетъ быть, гораздо болѣе истинной поэзіи, нежели въ первой, гдѣ много философствованія. Такъ напримѣръ мнѣ самому нравится этотъ полушутливый, полусерьезный и право граціозный образъ всѣхъ мечтательницъ, подъемлющихъ очи на луну въ чудесную ночь. Или:

И тихій говоръ и молчанье
Невольно прерванныхъ рѣчей!

Оставивъ книгу у себя, она списала собственноручно: «*Въ тихой комнатѣ моей*» и «*26-е Сентября*» и послала къ Самарину. Это однако большой недостатокъ—не понимать ни строя, ни склада, ни размѣра, ни музыки стиховъ. Не говоря ей ничего о своихъ стихахъ, я однакоже сказалъ ей это и спросилъ,—понимаетъ ли она возможность сказать, помните «*Въ Зимней Дорогѣ*»: «*затѣмъ, что столько есть прекрасныхъ*» и пр. Она откровенно призналась, что не понимаетъ и не раздѣляетъ этого, что ни чей стихъ, ни Пушкина, ни Лермонтова никогда не пробуждалъ въ ней никакого особеннаго ощущенія, никакого сердечнаго движенія, не производилъ ничего такого, что производятъ стихи на на насъ всѣхъ... но что все это у ней сосредоточилось въ музыкѣ, которую она понимаетъ, знаетъ и любитъ больше всего на свѣтѣ.—Слѣдовательно,—нѣтъ никакой особенной пріятности читать ей стихи, и я увѣренъ, что *Зимняя Дорога*, которую Пановъ, кажется, рѣшительно не намѣренъ возвратить мнѣ,—ей не понравится.

Суббота 1845 года Декабря 8-го. Калуга.

Вотъ что называется Никола съ гвоздемъ, такъ съ гвоздемъ! Не знаю, какъ у Васъ, а здѣсь по 18-ти градусовъ мороза. Ужасно, просто! Я каждый день топлю у себя всѣ три печи, и хоть квартира моя тепла, но уже отъ одной мысли, что па дворѣ такъ холодно, что столькимъ другимъ такъ холодно,—невольно зябнешь. Я впервые видѣлъ нынче днемъ столбы радужные на ясномъ безоблачномъ небѣ. Это, говорятъ, къ морозу! Нѣтъ, теперь путь установился хорошій, и не нужно крѣпкаго очень мороза для поддержанія. Я это все къ тому говорю, что черезъ двѣ недѣли въ это время буду я нестись по Московской дорогѣ или по крайней мѣрѣ буду готовъ выѣхать... Надѣюсь, что Вы мнѣ вышлете къ 23-му лошадей и повозку... Вотъ прошла цѣлая недѣля, а еще не получалъ отъ Васъ писемъ. Какъ ужасно теперь должно быть въ деревнѣ! Ходить нельзя по милости сугробовъ снѣжныхъ, гулять въ саняхъ нельзя по причинѣ невыносимаго холода, отъ котораго болятъ глаза и лобъ. Довольно ли по крайней мѣрѣ у Васъ тепелъ домъ?

У А. О. въ Середу и Четвергъ не былъ, но былъ вчера. Особенно интереснаго ничего не видалъ и не слыхалъ. Все разсказы про Петербургъ, про большой свѣтъ, про Дворъ. Все это очень любопытно, если хотите знать, до какой степени гнустно и гнило въ Петербургѣ. Но я такъ ужъ въ этомъ убѣжденъ a priori, что не нужно никакихъ подтвержденій. И подробности про Julie I., Babette B..., Sophie S... и пр. меня мало интересуютъ,—почему я едва ли пойду къ ней нынѣшній вечеръ, хоть она и звала, тѣмъ болѣе, что по вечерамъ такъ жестоко морозитъ! Впрочемъ, я самъ все въ скучномъ расположеніи духа. Книгъ у меня никакихъ нѣтъ, кромѣ Вивліоѳики, Четіи Миней и Библіи. Долго переходилъ я отъ Апокалипсиса къ чьей-нибудь жизни, но непонятность читаемаго, неразрѣшимость сомнѣній наводятъ такое грустное сознаніе о бѣдности и скудности ума человѣческаго, что невольно обыметъ васъ хандра. Такъ что я, не говоря впрочемъ ничего объ этомъ А. О., взялъ у нея прочесть одинъ Французскій старый романъ Benjamin Constant — Adolphe, который она ставитъ

превыше небесъ. Посмотримъ, что это такое. Надо замѣтить, что у ней нѣтъ требованій художественности и т. п. Нѣтъ, она съ наслажденіемъ прочтетъ и послѣ Гоголя какого-нибудь Француза, у котораго встрѣчаются, по ея же выраженію, de charmantes choses, de jolies pensées,—часто очень ограниченныя и мелкодонныя. Какъ будто въ наше время можно быть дуракомъ! Мы уже до того дошли, что эти остроумныя и глубокоумныя замѣчанія стали пошлы; по крайней мѣрѣ—отдѣльно, сами для себя... Намъ ужъ подавай такіе вопросы, такія мысли, въ которыхъ слышится неразрывная цѣпь со всей системой міра, такія мысли, что идя постепенно отъ одной къ другой, наконецъ погрузишься и съ головой и съ ногами въ бездонную пучину... Въ мірѣ искусства подавай намъ всю жизнь на сцену, да такъ, чтобъ совсѣмъ и обдало ею, не только жизнь, но все наше проживаніе жизни... Что же остается дѣлать намъ, получившимъ въ удѣлъ на пятакъ таланта?... Право, я думаю позабыть объ этомъ пятакѣ, надѣть русское платье и хоть на что-нибудь въ мірѣ быть годнымъ...

Я забылъ Вамъ написать, что недавно читалъ письмо Лермонтова, писанное имъ, когда онъ только что изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. Другой онъ былъ тогда, т. е. гораздо лучше. Какъ его испортилъ, отщеславилъ, исказилъ большой свѣтъ! Онъ пишетъ, что море его вовсе не поразило, и это его очень огорчаетъ. Вообще хандритъ, скучаетъ и пишетъ, что ищетъ впечатлѣній, и что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть своимъ собственнымъ шутомъ, съ обязанностью занимать себя... «Прежде, говоритъ онъ, я писалъ:

Что̀ безъ страданій жизнь поэта
И что̀ безъ бури океанъ!

Но настала буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но *замерзъ съ поднятыми волнами*, храня театральный видъ движеній, въ самомъ же дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда нибудь!»... Вообще очень замѣчательное письмо, которое я спишу,—оно теперь у А. О. Она достала здѣсь у одной старой дѣвушки Б—ой, къ которой письмо и было писано, и которой вѣроятно бы Лермонтовъ въ послѣднее время устыдился бы,

отрекся. Но письмо было писано тогда, когда хочешь высказаться на бумагу хоть по какому-нибудь поводу...

11-го Декабря 1845 года. Калуга. Вторникъ.

Дѣйствительно въ Субботу получилъ я Ваши письма. Прежде всего буду отвѣчать на нихъ. Вы пишете мнѣ о Валуевѣ,—и въ то же время отъ А. О. узналъ я о скоропостижной смерти А. И. Тургенева. Я думаю, Е. А. Свербѣева очень поражена этими двумя близкими ей кончинами. Ни отъ Попова, ни отъ Самарина, ни отъ Оболенскаго—никакихъ извѣстій нѣтъ.—Нынче 11-е Декабря: черезъ одиннадцать дней я буду въ дорогѣ!—Въ прошедшее Воскресенье былъ опять на завтракѣ-обѣдѣ у Як**, коего жена была именинница, ибо называется Анной. Вотъ охота давать пиры, обѣды, собирать у себя всю Калугу. Было пропасть народу, даже была А. О. Як** велъ ее къ столу! Я чуть чуть не расхохотался, но она шла такъ серьезно и важно, какъ будто и не замѣчаетъ всей комической стороны въ этомъ. Напрасно Вы думаете, что она не принудила себя для Калуги. Напротивъ, въ продолженіе трехъ недѣль, она постоянно объѣзжала всѣхъ женатыхъ Калужскихъ жителей, а для этого надобно имѣть, Богъ знаетъ, какое терпѣніе! Еслибъ Вы могли только вообразить себѣ, что это все за народъ, то Вамъ не казалось бы страннымъ, почему я до сихъ поръ ни съ кѣмъ, кромѣ Унк**, не познакомился и рѣшительно также чуждъ Калугѣ, ея жителямъ, ея интересамъ, какъ какому-нибудь Моршанску. Это совсѣмъ не отъ того, чтобъ я былъ дикъ и пр. Я вовсе не дикъ съ Калужскимъ обществомъ. Но необходимо вести себя такъ, какъ я и не привыкать къ провинціи и обществу, потому что привычка мало-по-малу примиритъ съ обществомъ, и подъ конецъ вы, пожалуй, удовлетворитесь жизнью! Вотъ что страшно! И страшнѣе всего сознавать въ душѣ эту подлую способность человѣка ко всему привыкнуть, обо все обтереться.—Впрочемъ, А. О. дѣлаетъ это все для мужа. Ея первоначальный планъ былъ—пріѣхать въ Калугу, запереться и никуда ни ногой. Когда же всѣ эти дамы, удивленныя ея добрымъ и простымъ обращеніемъ, стали ее бомбардировать

своими визитами, утромъ и вечеромъ, то она назначила вечеръ въ недѣлю, въ который съѣзжается вся Калуга—танцовать и разговаривать;—я всего разъ былъ у ней на такомъ вечерѣ. Бѣдная А. О. должна со всякимъ сказать слово, устроить, обласкать ихъ... Зато вся Калуга говоритъ, что эти вечера *необыкновенно, необыкновенно пріятны!*... Въ дѣла мужа она вовсе не вмѣшивается, т. е. въ дѣла губернаторскія, но для поддержанія расположенія къ нему города, ѣздитъ напримѣръ на обѣдъ по случаю именинъ жены Як** и т. п.—Недавно я имѣлъ съ нею очень долгій разговоръ,—она разсказала мнѣ всю, всю свою жизнь съ восьми лѣтъ, все свое развитіе до встрѣчи съ Гоголемъ, встрѣчу съ нимъ и т. д. до Калуги. И послѣ этого разсказа,—я повторяю объ ней тоже, что Самаринъ и Гоголь. И такъ мелки, и ограничены кажутся всѣ прежнія наши близорукія опредѣленія! Я такъ высоко уважаю эту женщину, такъ удивляюсь силѣ ея души, вынесшей ее доброю и *чистою* сквозь тьму темъ мерзостей, ее окружавшихъ, что невольно перестаешь замѣчать мелочи ея недостатковъ. Мнѣ очень досадно, что я послалъ свое письмо къ Костѣ. Вы какъ-то его не такъ поняли... Особенно Вѣра пишетъ совершенно не то... Вы еще мало меня знаете... Когда-нибудь я напишу Вамъ подробно, подробно всю исторію своего внутренняго развитія, которое въ 22 года дошло до того, что умерщвляетъ всю жизнь. Меня пугаетъ этотъ долгій, безотрадный, скучный путь, который мнѣ предстоитъ, и ноша жизни становится все тяжелѣе. Впрочемъ, объ этомъ обо всемъ или при свиданіи, или я напишу въ письмѣ особаго рода, чего мнѣ давно хочется.

Я спѣшу окончить письмо, потому что ѣду на похороны. У одного Инженернаго Маіора умерла скоропостижно, въ два дня, жена, которую я видалъ у Унк** и, зная нѣсколько мужа, былъ у ней съ визитомъ раза два. Дѣло въ томъ, что я всегда очень смѣялся надъ глупостью и претензіями этой женщины и еще очень недавно остроумничалъ на ея счетъ... Но вотъ и для нея наступила эта серьезная, для всѣхъ одинаково важная минута смерти, которая равняетъ не только богатаго и нищаго, но (чему прежде я никакъ не вѣрилъ) равняетъ умнаго и глупаго.

15-го Декабря 1845 года. Суббота. Калуга.

Только одна недѣля осталась, и это письмо предпослѣднее. Письмо это я получилъ или, лучше сказать, нашелъ у себя вчера вечеромъ, воротясь отъ А. О. Она и братъ ея при мнѣ получили довольно интересныя письма. Братъ ея Аркадій Россети въ Петербургѣ проситъ передать мнѣ, чтобъ я осторожнѣе отзывался въ письмахъ о своей Губернаторшѣ, что я писалъ къ Оболенскому, что она бѣсится на все на свѣтѣ, на лампу, на людей и проч.!. Это дѣйствительно такъ: на другой день перваго свиданія съ А. О. я писалъ къ О—му, который за нѣсколько дней предупредилъ меня вопросомъ, какъ мнѣ показалась А. О? Всего, что я пишу Вамъ объ А. О., не сталъ бы я ни говорить, ни писать кому-нибудь другому, но надо же было что-нибудь отвѣчать, и я написалъ, *что не могу дать ему никакого заключенія, ибо я видѣлъ ее въ самомъ дурномъ расположеніи духа, когда лампа, люди, чай, мужъ, все обращало на себя ея энергическія ругательства.* «Впрочемъ, пишетъ Россети, въ концѣ письма прибавлено нѣсколько лестныхъ выраженій». Когда А. О. прочла мнѣ это, я сказалъ ей всю правду, и она точно согласилась, что была въ ужасномъ расположеніи духа. Но такъ какъ въ Петербургѣ всѣ ея знакомые и въ особенности Карамзины (у которыхъ чуть ли не живетъ Митя Оболенскій) жаждутъ знать о ней всевозможныя новости, всѣ жалѣютъ, что она попала въ Калугу, то, по ея предположенію, по логической послѣдовательности сплетней, въ Петербургѣ станутъ говорить, что она въ страшномъ негодованіи на Калугу, что мужъ ея совершилъ преступленіе, заставивъ ее жить въ Калугѣ и пр. пр.! Вотъ оно куда пошло! Но разумѣется, она и не думаетъ сердиться за это, и мы только вмѣстѣ смѣялись. Она получила также письмо отъ Плетнева съ выпискою изъ письма Гоголя къ нему. Гоголь пишетъ, что онъ почти совсѣмъ оживаетъ, но еще чувствуетъ слабость и какую-то странную зябкость (нервическую), такъ что никакъ не можетъ согрѣться, и это мѣшаетъ ему работать, тогда какъ голова его и мысли довольно свѣжи, и онъ чувствуетъ въ себѣ силы приняться вновь за свой трудъ; что тя-

желое онъ испыталъ время, но благодаритъ Бога за посланные недуги и скорби, приготовившіе его къ продолженію его работы, которая должна быть «*жива, какъ сама жизнь, свята и вѣрна, какъ сама правда!*».. А Арнолди получилъ письмо отъ одного изъ своихъ товарищей, Петербургскаго студента или кандидата, Жоржъ-Зандиста (ихъ въ Петербургѣ цѣлое общество молодыхъ людей), который сообщаетъ ему обо всѣхъ литературныхъ новостяхъ. Какая дѣятельность! Множество альманаховъ должно выйти зимой, въ томъ числѣ одинъ, издаваемый Отечественными Записками съ компаніей, другой — собственно *молодымъ поколѣніемъ*, сочувствующимъ не Россіи, а цѣлому міру и человѣчеству! Онъ пишетъ, что вѣрно альманахъ этотъ будетъ имѣть благотворное вліяніе и пр. Видно, что это для него также горячія, безкорыстныя мечты!..... А мы въ Москвѣ ничего, ничего не дѣлаемъ! Насъ наводнятъ Петербуржцы своими произведеніями, смѣясь надъ нами, ложно толкуя наше направленіе... Или надо замолчать и покориться мысли, что честные, благородные и одни здравомыслящіе люди — всегда будутъ забиты, что голосъ истины не можетъ, не долженъ раздаваться, или будетъ вѣщать, какъ въ пустынѣ!... Онъ пишетъ между прочимъ, что Григорьевъ (поэтъ «Пантеона и Репертуара», другъ Калайдовича, кандидатъ Московскаго Университета, служащій въ Петербургѣ) въ десятой (или Декабрьской) книжкѣ Пантеона напечаталъ комедію, гдѣ очень хорошо выставленъ Аксаковъ подъ именемъ Баскакова, фурьеристъ Пѣушевскій *) (одинъ изъ Петербургскихъ) и Кабуловичъ (Калайдовичъ). Аксаковъ между прочимъ говоритъ, что истинное семейное начало лежитъ въ Славянскомъ народѣ и пр. и пр., и декламируетъ:

Мужъ можетъ бить жену, но убивать не смѣетъ!

Откуда это все взято, — не знаю. Но Григорьевъ не видалъ даже Константина, стало это все по слухамъ и разсказамъ К—ча, съ которымъ онъ видно поссорился, ибо вы-

*) Петрашевскій — глава открытаго въ 1848 г. общества, изъ за котораго такъ сильно пострадали Достоевскій, Плещеевъ и др. литераторы.

ставляетъ его говорящимъ безпрерывно: Матвѣй Михайловичъ! Каково же однако выставить К—ча, какъ будто онъ что-нибудь значитъ! Впрочемъ, Григорьевъ друженъ и съ «Отечественными Записками». Сіи послѣднія нашли новую звѣзду, какого-то Достоевскаго *), котораго ставятъ чуть ли не выше Гоголя, находя въ Гоголѣ много славянофильскаго духа!!!!.... Ахъ, Господи Боже мой, все такъ гнусно и скверно, а у насъ въ Москвѣ все такъ же пусто, бездѣйственно, что не знаешь, что дѣлать, куда приклонить голову въ Россіи!

Отвѣчаю теперь на Ваши письма:

Слава Богу, теперь снѣгу много и совсѣмъ не холодно, слѣдовательно, если погода эта простоитъ, то мнѣ будетъ прекрасно ѣхать. И черезъ недѣлю я поѣду! Очень радъ, что проведу это время съ Вами, милый Отесинька. О смерти Тургенева я уже зналъ отъ А. О.—Я непремѣнно возьму съ собою Порфира: онъ начинаетъ и здѣсь очень баловаться... Чтоже касается до стиховъ моихъ, то, право, они мнѣ кажутся избитымъ повтореніемъ чужихъ фразъ, даже и стихи въ нихъ есть чужіе. Я и теперь не понимаю, какой историческій смыслъ можетъ имѣть названіе зеленой книжки?... По нынѣшней же почтѣ посылаю къ Языкову передѣланное посланіе... Если бы пришлось когда печатать, такъ конецъ можно выключить, не разстроивъ цѣлаго... Стеганнаго одѣяла и «Зимней Дороги» я не получалъ, да онѣ мнѣ и не нужны теперь, потому что черезъ недѣлю я самъ пріѣду за ними.—Какъ ни уважаю я *Н. Н.*, но это выраженіе, «что А. О. не совсѣмъ на пути христіанскомъ» очень смѣшно. Точно будто бы путь христіанскій легкая вещь; да кто же на немъ? И какъ можно такъ легко говорить о пути христіанскомъ; лучше молчать объ этомъ, страшно серьезномъ дѣлѣ... Ради всего на свѣтѣ прошу Васъ ни Н. Н., ни Г—вымъ, никому, никому, особенно дамамъ, не сообщайте ни буквы изъ того, что я пишу Вамъ о А. О.... Если я не буду въ томъ увѣренъ, такъ я ничего объ ней и писать не буду.

---

*) Достоевскій былъ тогда страстный западникъ.

18 Декабря 1845 года. Калуга.

Даже вся листовая почтовая бумага вышла, осталась одна только маленькаго формата, которой я не люблю. Но все равно, это письмо должно быть послѣднее, оно заключается словами: „*до свиданія!*» Въ Пятницу надѣюсь, хотя не навѣрное, выѣхать часовъ въ пять послѣ обѣда. Но можетъ случиться, что дѣла по Палатѣ задержатъ меня до Субботы. Поѣду я на сдаточныхъ, по старой Калужской дорогѣ Остановлюсь или въ домѣ Николая Тимоѳеевича или Панова. Мнѣ надо будетъ около сутокъ провести въ Москвѣ, кое-что купить, заранѣе заказать, повидаться со всѣми... Такъ что въ Понедѣльникъ утромъ я долженъ быть у Васъ, въ самый Сочельникъ, а можетъ быть и раньше. Все будетъ зависѣть отъ того, какія Вы съ своей стороны сдѣлали распоряженія.

Теперь стану досказывать жизнь Калужскую. Съ Субботы ничего замѣчательнаго не произошло. Я былъ всего разъ у А. О. въ Воскресенье, и то просидѣлъ почти до 11-ти часовъ у брата ея, который читалъ мнѣ разные стихи и повести своего сочиненія... Вчера не былъ, нынче собираюсь. Не знаю, для чего А. О. потребовала отъ меня копію съ посланія къ Языкову. Видно опять хочетъ посылать Самарину. Я же Вамъ ничего не привезу новаго; начатаго много, но ничто не докончилось.

Больше писать нечего и не хочется, когда знаешь, что самъ черезъ сутки или двое послѣдуешь за письмомъ. А потому прощайте, до свиданія!

Затѣмъ слѣдуетъ въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ родителямъ 4-хъ мѣсячный перерывъ. Пріѣхавъ въ Москву на праздники 1845 года съ намѣреніемъ пробыть лишь до 9 Января, И. С. разболѣлся и пробылъ до конца Апрѣля съ семьей въ Абрамцевѣ.

Онъ не выходилъ еще изъ комнаты, когда 24 Апрѣля должно было состояться первое представленіе водевиля Константина Сергѣевича «Почтовая карета», и ему захотѣлось непремѣнно на немъ присутствовать. Не смотря на уговоры и увѣщанія родителей, И. С. уѣхалъ таки 24 утромъ

изъ Абрамцева, былъ въ театрѣ, пробылъ еще слѣдующіе два дня въ Москвѣ и 27 Апрѣля выѣхалъ въ Калугу.

Вся семья очень безпокоилась, боясь новой простуды. 29 Апр. С. Т. пишетъ сыну: «Много сдѣлалъ я въ жизни моей безразсудныхъ безумныхъ поступковъ. Но твой отъѣздъ—былъ безразсуднѣйшимъ и безумнѣйшимъ. Я никогда не отличался твердостью особенно къ волненіямъ моихъ дѣтей, а теперь, изнуренный болѣзнью и подавленный страшною будущностью*), я сталъ еще слабѣе. Ты поступилъ какъ дитя; не пожалѣлъ ни себя, ни насъ»...

Но эта выходка не причинила вреда здоровью Ивана Сергѣевича, о чемъ онъ и разсказываетъ въ одномъ письмѣ изъ Москвы и въ первыхъ письмахъ по возвращеніи въ Калугу.

1846 года Апрѣля 26-го, Суббота. Москва.

Теперь еще 9-й часъ утра, а я уже жестоко усталъ: сейчасъ воротился отъ Овера, для чего всталъ въ 6 часовъ утра, заснулъ въ 3. Хочу разсказать Вамъ все въ подробности и для этого начну сначала. Въ Москву пріѣхалъ я часовъ въ 5, слѣдовательно довольно рано и, обрившись и одѣвшись, отправился къ А. О. въ наемной каретѣ, безъ человѣка, ибо Ефима стараго не было дома. А. О. засталъ одну, читающею «Письма Плинія Младшаго» по французски, не совсѣмъ въ духѣ, какъ мнѣ показалось. Она очень удивилась, нашла, что я очень желтъ, предлагала водяное леченіе и цѣлый часъ разсказывала о своей болѣзни. Предложила мѣсто въ ложѣ. Такъ какъ давали сначала «Дугласа» въ пяти актахъ, то можно было и не торопиться. Я сказалъ, что Константинъ не знаетъ о моемъ пріѣздѣ, и на замѣчаніе, что пусть это ему будетъ сюрпризъ, объяснилъ, какая имѣетъ воспослѣдовать сцена: крикъ, обниманіе и пр., вслѣдствіе чего я постараюсь произвести все это въ корридорѣ. Пріѣхалъ Ал. Карамзинъ, и я съ Арнолди отправился въ театръ заранѣе, чтобъ не пропустить водевиля. А. О. сказала мнѣ, что Константинъ читалъ ей «Зимнюю Дорогу», что она узнала мѣста, слышанныя ею

---

*) Сергѣю Т-чу грозила слѣпота.

будто бы прежде, что Константинъ прекрасно читаетъ—и больше ни слова, ни о достоинствѣ стиховъ, ни о мысли! Я сказалъ, что когда Константинъ читаетъ, то не знаешь, что производитъ впечатлѣніе, стихи или чтеніе? и что читаетъ онъ повелительнымъ образомъ, какъ будто говоритъ: это мѣсто хорошо, извольте восхищаться, а не то—вы ничего не смыслите. Съ этимъ согласились. Арнолди же говорилъ мнѣ про свое восхищеніе только нѣкоторыми мѣстами. Пріѣхавъ въ театръ, увидѣлъ я Константина въ бенуарѣ Свербѣевой, но онъ меня не замѣтилъ, и я отправился къ нимъ. Осторожно растворивъ дверь и высунувъ голову, я предупредилъ крикъ Константина и ушелъ въ корридоръ, куда онъ за мной выскочилъ, гдѣ и состоялась предугаданная мною сцена. Водевиль самый просидѣлъ я у Свербѣевыхъ, подлѣ Константина. Подробности водевиля разскажетъ Вамъ Константинъ. Онъ можетъ быть вполнѣ доволенъ успѣхомъ, да ужъ и доволенъ. Такъ какъ у меня человѣка не было, а извощикъ былъ весьма глупъ, то мы и не могли добиться кареты и отправились на Константиновыхъ пролеткахъ: Константинъ къ Свербѣевымъ, а я домой, гдѣ не могъ заснуть до трехъ часовъ. На другой день заѣхали вечеромъ къ А. О. и, не заставъ ее дома (при чемъ Константинъ требовалъ Нѣмку-дѣвушку, о чемъ онъ самъ разскажетъ), отправились къ Свербѣевымъ, гдѣ Константинъ долженъ былъ читать свою драму, а Чижовъ огромнѣйшую статью о Нѣмцѣ-живописцѣ Овербекѣ; были и Хомяковы. Чтеніе окончилось въ два часа ночи. Мнѣ кругомъ скучно, а при такомъ разъѣздѣ и подавно; заснувъ въ три часа, всталъ я въ шесть и отправился къ Оверу. Оверъ сказалъ мнѣ, осмотрѣвъ меня, «что онъ считаетъ меня почти здоровымъ и разрѣшаетъ ѣхать въ Калугу». На бѣду погода нынче опять гнуснѣйшая. Ямщика нанялъ—за 60 рублей съ тарантасомъ (верхъ котораго, впрочемъ, сдѣланъ на подобіе кибитки), берутся доставить въ сутки съ половиной. Хотѣлъ ѣхать нынче, но отлагаю до завтрашняго утра, ибо хоть нынче и Пятница, но я не поѣду ни за что къ Свербѣевымъ и останусь дома, чтобъ раньше лечь и отдохнуть. Тарантасъ закрывается кожей. Нынче еще обязанъ заѣхать къ А. О., къ тетенькѣ, къ Горянинову и объ-

дать у Языкова. Прощайте, будьте здоровы. Нынче мы получили Ваши письма съ кучеромъ, которыя меня нѣсколько успокоили. Я, кажется, совершенно здоровъ, чувствую только усталость. Константинъ раньше Воскресенья не будетъ, ибо участвуетъ въ обѣдѣ въ честь Грановскаго вмѣстѣ съ Хомяковымъ и *всей* аудиторіей.

Вторникъ, 1846 года, Апрѣля 30-го, 8 часовъ утра. Калуга.

Не могу писать Вамъ теперь слишкомъ много, ибо очень занятъ домашними дѣлами и предстоящими визитами. Наконецъ, послѣ полуторасуточнаго пути, вечеромъ, часу въ седьмомъ прибылъ я въ Калугу, къ великой радости хозяйки и Матюшки. У меня все оказалось въ порядкѣ,— только домъ не топленъ, почему я и приказалъ было истопить всѣ печи, но долженъ былъ скоро потушить одну, потому что дымъ никакъ не хотѣлъ выходить черезъ трубку, какъ всегда водится, а непремѣнно черезъ заслонку и отдушникъ *). Нынче послалъ за печникомъ, и это обстоятельство поправится. Я такъ усталъ отъ гнусной, всякое ожиданіе превосходящей дороги, что рѣшился этотъ вечеръ и не выѣзжать, а послалъ сказать Унк**, что я пріѣхалъ; они (т. е. сыновья) сейчасъ и пріѣхали, и мы вмѣстѣ напились чаю. Теперь прежде всего хочу ввести Ефима въ управленіе имуществомъ по описи, отправить къ Вамъ письмо; потомъ побывать у См** и Як**, тамъ въ Палату, а послѣ присутствія, къ Унк**

---

*) *8 Мая 1846.* С. Т. писалъ на это: Какъ ты не догадался написать заранѣе чтобы протопили твою квартиру и за то догадался ночевать въ холодной квартирѣ; какъ будто ты не могъ провести ночь у добрыхъ и обязательныхъ твоихъ Унк**? Неимовѣрно ты глупъ! напрасно говоритъ о тебѣ А. О. въ прекрасномъ своемъ письмѣ ко мнѣ: „Иванъ Сергѣевичъ похудѣлъ, но лице его сдѣлалось еще выразительнѣе и строже, несмотря на то, что онъ жаловался на бездѣйствіе, я увѣрена что мысль его зрѣла, что и выразилось въ его чертахъ; лѣто и сильное движеніе ему помогутъ лучше всякаго лекарства“, мнѣ кажется умъ у тебя не зрѣлъ и сдѣлался еще болѣе ребяческимъ. Но шутки въ сторону; что за чудесная женщина А. О! Въ нѣсколькихъ строкахъ ея заключается иногда столько глубины ума, тонкости и простоты чувства, что я не одинъ разъ былъ очарованъ ея письмами.

обѣдать. Слава Богу, Палата, какъ слышно, возстановилась въ своемъ здоровьѣ, и дѣла приняли обычное теченіе, чему я очень радъ. Мнѣ ужъ успѣли разсказать множество казусныхъ случаевъ и дѣлъ, бывшихъ въ мое отсутствіе, кучу исторій, вражду См** съ X—вымъ и пр. и пр., даже стихи, сочиненные на разныя чиновныя и служащія лица въ Калугѣ—однимъ здѣшнимъ доморощеннымъ поэтомъ, служащимъ гдѣ то въ канцеляріи.—Вообразите, здѣсь всѣ увѣрены, что А. О. въ Петербургѣ, даже сказывали мнѣ число, въ которое она туда отправилась; по крайней мѣрѣ всѣ говорятъ, что она имѣла намѣреніе ѣхать въ Петербургъ. — Як** никогда ничѣмъ не былъ боленъ, но вдругъ, вообразивъ, что онъ скоро долженъ умереть, захотѣлъ лечиться, созывалъ консиліумы, лечился у всѣхъ здѣшнихъ докторовъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, почестнѣе, сказалъ ему, что онъ ничѣмъ не боленъ, а совершенно здоровъ, а для моціона — слѣдуетъ ему, Як**, завестись биллъярдомъ. И вотъ Як** теперь совершенно здоровъ, усердно играетъ на биллъярдѣ, для чего съѣзжается къ нему также нерѣдко и вся Калуга. Нынче день довольно ясный, хотя и вѣтрено. Все лучше дождливой сырости. Когда все высохнетъ и установится погода, буду посѣщать Калужскія окрестности. Только что я взошелъ въ свои комнаты, меня такъ и обдало всѣмъ тѣмъ, что происходило въ нихъ со мною, съ моей душой, и мнѣ было пріятно.—Что-то у Васъ дѣлается? Довольны ли Вы разсказомъ Кости? Я, слава Богу, чувствую себя совершенно хорошо, только лицо обвѣтрилось съ дороги, но это должно пройти въ нѣсколько дней. Въ Субботу напишу Вамъ подробное и большое письмо; къ этому времени я вездѣ побываю и устроюсь.

Калуга. 4-го Мая 1846 года. Суббота.

Вѣроятно, Вы очень удивитесь, когда, распечатавъ конвертъ, увидите письмо и—стихи *)! Что такъ скоро! Одно меня смущаетъ: Вамъ, можетъ быть, теперь и не до стиховъ, и стихи могутъ придти такъ не во время, такъ не кстати,

*) См. въ прил. *Andante*.

что даже страннымъ покажется, какъ это у человѣка достаетъ духа писать стихи... Гдѣ Вы теперь, какъ Вы теперь, я еще ничего не знаю и писемъ не получалъ: въ Москвѣ ли Вы, милый Отесинька, или въ деревнѣ, а Олинька въ Москвѣ, а Костя и здѣсь, и тамъ?... Однакожь пора начать разсказывать Вамъ все по порядку. На другой день своего пріѣзда, надѣвъ фракъ, отправился я къ См**, который мнѣ очень обрадовался и принялъ меня очень дружески. Палата теперь вся въ полномъ комплектѣ, исключая секретаря, который боленъ уже 4 мѣсяца. Потомъ былъ я у Як**, тамъ въ Палатѣ, гдѣ получилъ сполна все жалованье за 4 мѣсяца; обѣдалъ у Унк**. Унк** здѣсь, живетъ въ своемъ семействѣ, служитъ хорошо и, кажется, доволенъ своею жизнью. Я радъ, что онъ здѣсь; онъ такъ любитъ Гришу, что, кажется, весь домъ ихъ знаетъ о Гришѣ все, до подробности. Сестры все такія же добрыя, веселыя дѣвушки, поютъ и играютъ цѣлый день,—стоитъ только попросить.— Во мнѣніи отца Унк**, съ того времени, какъ онъ узналъ, что я пишу стихи,— повидимому, я много потерялъ. Всѣ эти дни я дѣлалъ по нѣскольку визитовъ, не находя почти никого дома,—нынче, какъ въ день неприсутственный, надо сдѣлать всѣ остальные.—Былъ балъ въ Собраніи 1-го Мая и гулянье на бульварѣ, но я, по случаю скверной погоды, не поѣхалъ, зато на другой день былъ въ театрѣ, откуда проѣхалъ къ См** на вечеръ. Вчера опять обѣдалъ у Унк** и остался очень доволенъ, потому что сыграли мнѣ Sonate pathétique Бетховена.—См** дѣйствуетъ по прежнему, нажилъ себѣ, кажется, много враговъ, сдѣлалъ нѣсколько промаховъ и вообще заведенный порядокъ службы часто нарушаетъ, часто горячится и даже нездоровъ. Жаль его, бѣднаго. Ему и спросить некого и посовѣтоваться не съ кѣмъ! Вездѣ интриги, партіи, вражда, зависть... Въ этомъ отношеніи повинція сквернѣе въ тысячу разъ столицы. Сколько, я могъ замѣтить и заключить изъ того, что мнѣ говорили А. О. не любятъ здѣсь: мужчины за то, что она ими брезгаетъ, а дамы, вѣроятно, по той же причинѣ, какъ и вездѣ, не могутъ простить ей ея нравственнаго превосходства. Мнѣ жаль и непріятно было это слышать... О водевилѣ Константиновомъ никто ничего не знаетъ и не слыхалъ, кромѣ См** и Унк**,

которому я разсказалъ. Статью о Москвѣ замѣтилъ только одинъ С. Я. Унк**; по крайней мѣрѣ отъ другихъ я не слыхалъ ничего. — Что второе представленіе Костина водевиля?—А я такъ надѣялся, что буду имѣть нынче отъ Васъ извѣстіе. — Однако пора, спѣшу кончить письмо и переписать Вамъ стихи. Я ихъ пошлю въ видѣ посланія къ Оболенскому, которому не отвѣчалъ уже 4 мѣсяца. Начало стиховъ этихъ Вамъ извѣстно. Хороши ли они, дурны ли— это другой вопросъ; мнѣ пріятно было писать ихъ послѣ долгаго молчанія. По крайней мѣрѣ брешь проломана.— Примѣненіе новаго Свода очень затруднительно, и съ нимъ много возни. Первая примѣненная мною статья изъ него была – о покушеніи на самоубійство!—Прощайте; дай Богъ, чтобы это письмо застало Васъ по возможности бодрыми и здоровыми; гдѣ-то Вы теперь? Я, слава Богу, здоровъ, но все еще берегусь; на счетъ меня прошу не безпокоиться.

Калуга. 7го Мая 1846 года, Вторникъ.

Вотъ уже третье письмо пишу къ Вамъ, а отъ Васъ до сихъ поръ нѣтъ писемъ! Что это значитъ? Вчера отправился къ См** обѣдать, потому что поутру получилъ отъ него записку съ приглашеніемъ. Видѣлъ дѣтей. Одна дочь становится чрезвычайно похожею на А. О., но бѣлокура. См** столько тратитъ своихъ денегъ на службу, столько дѣлаетъ добра бѣднымъ чиновникамъ, что его состояніе отъ этого должно разстроиться. Напримѣръ, если ему хочется выгнать чиновника безполезнаго и глупаго, а съ другой стороны—жаль и совѣстно, потому что онъ обремененъ семействомъ,—то онъ его таки выгоняетъ, но или единовременно или пенсіею даетъ ему деньги, да вѣдь не сто рублей, а тысячу и болѣе. Я знаю, что въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ онъ поступилъ съ казначеемъ, истратившимъ казенныя деньги: заплатилъ за него тысячу рублей серебромъ и прогналъ его. Но всѣ эти добрыя дѣла дѣлаются не гласно, и онъ объ нихъ никогда ни слова. Онъ расположенъ ко мнѣ необыкновенно дружески.—Ожидаютъ сюда Щепкина... Тогда можно будетъ сыграть водевиль. Мнѣ ужъ надоѣло таскаться по гостямъ Нынче пробуду дома; мнѣ хочется кое-чѣмъ

позаняться, можетъ быть, даже и стихи какіе-нибудь дадутся... Что вы скажете о тѣхъ стихахъ? Свѣдѣнія объ этомъ получу я не прежде, какъ недѣли черезъ двѣ... Дома у меня идетъ все очень хорошо. Ефимъ готовитъ всегда столъ очень вкусный, съ пирогами и хоть на три человѣка, такъ что мой обѣдъ идетъ на два раза.

1846 года Мая 10-го, Пятница. Калуга.

Наконецъ въ Середу получилъ я письмо отъ Васъ. Вы въ ужасномъ безпокойствѣ на мой счетъ. Я думаю, думаю и не могу придумать, какъ бы и чѣмъ бы Васъ увѣрить, что я *дѣйствительно совершенно* здоровъ. Хоть бы Вы написали кому-нибудь (да знакомыхъ-то у Васъ нѣтъ) въ Калугѣ, чтобъ сообщалъ Вамъ свѣдѣнія обо мнѣ, коли Вы мнѣ не вѣрите. Нѣтъ, милый Отесинька, безразсудство хорошо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и тотъ дрянь, кто не дѣлалъ бы въ жизни благороднаго безразсудства! И я увѣренъ, что такой поступокъ не можетъ обратиться во вредъ; смѣлымъ Богъ владѣетъ.—Теперь Вы уже получили отъ меня три письма; слѣдовательно, знаете всѣ подробности моего прибытія и пребыванія въ Калугѣ. Какъ мнѣ грустно читать Ваши письма: болѣзни, безпокойства, затрудненія на каждомъ шагу! Тѣмъ болѣе, что я здѣсь совершенно всему этому чуждъ; и хотя это не дѣлаетъ мнѣ чести, но признаюсь откровенно, что я много обрадовался, когда, воротясь въ Калугу, взошелъ въ свою комнату и сейчасъ же вспомнилъ стихи: *«миромъ, царствующимъ въ ней, я привѣтствуясь покорно!»* Меня вдругъ охватило все, что совершалось со мною въ уединеніи, и право я вдругъ сталъ и чище, и строже и трезвѣе!... Вѣдь налагаетъ же душа каждаго человѣка свои права на него?.

Ну, что еще? Да, давно собираюсь Константину сообщить, да все забывалъ. Унк** Ѳедоръ много разсказывалъ мнѣ про знаменитое село Иваново во Владимірской губерніи; онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мужикъ, снявъ шапку, надѣлъ ее на высокій шестъ, сталъ на улицѣ и кричалъ: «слушайте-послушайте, люди Государевы, люди посадскіе, люди торговые и пр., и пр., наконецъ и всѣ люди христіан-

скіе!» Немедленно собралась огромная толпа, и онъ сталъ передъ ними излагать свое дѣло, кажется, о покражѣ у него имущества... Это такъ дѣлается постоянно, и чуть ли другой расправы и нѣтъ. Вѣдь это стоитъ посмотрѣть! — Лѣтописями я покуда еще не занимался. Утромъ—небо такъ хорошо и голубо, что всего пріятнѣе сидѣть у окна и смотрѣть на противоположный берегъ Оки: вообразите себѣ отлогость, простирающуюся на нѣсколько верстъ, — по ней большая дорога и множество проселочныхъ, косогоръ въ одномъ мѣстѣ, овраги,—все это мнѣ видно, какъ на ладони! Даже деревни отдѣленныя, церкви и колокольни. И чувствую я, что не даромъ будетъ для меня это созерцаніе простой русской природы, но не хочу ничего обѣщать... А на дняхъ нанимаю я писца и заставляю его переписывать въ одну рукопись *Чиновника*, *Зимнюю Дорогу*, мелкія стихотворенія, можетъ быть, и введеніе въ Марію Египетскую,—и отправлю ее кому-нибудь изъ надежныхъ людей для отдачи Цензору Очкину. Мнѣ хотѣлось бы напечатать ее въ концѣ года и такимъ образомъ расквитаться, раздѣлаться съ этими стихотвореніями и съ этимъ періодомъ моего развитія... А потомъ дальше!

Посылаю Вамъ еще стихотвореніе *). Мысль старая и новая вмѣстѣ съ тѣмъ,—опроверженіе толковъ, выраженныхъ въ первыхъ трехъ строфахъ—о томъ, что искусство должно служить цѣли и пр. и пр. Что Вы скажете объ этихъ стихахъ? Напишите мнѣ подробно всѣ Ваши замѣчанія. Мнѣ кажется, есть хорошія мѣста. Чувствую, что надо овладѣть больше формою, тамъ что Константинъ ни говори о какофоніи! Ничто не должно мѣшать и смущать впечатлѣнія, а у меня—часто неясности, темноты, надо всякій разъ комментаріи... Но право, когда перечту послѣднія двѣ мои піэсы, мнѣ становится и смѣшно и совѣстно. Пишу я ихъ совершенно искренно, даже восторженно, но потомъ мнѣ кажется, что я надуваю и другихъ и себя. Многіе, прочтя эти стихи, быть можетъ скажутъ: какая душа, какая чистота! и пр. и пр., а выйдетъ вѣдь вздоръ, неправда!..

*) См. Прил. *Поэту-художнику*.

1846 года Мая 14-го. Вторникъ. Калуга.

Въ Воскресенье получилъ я письмо Ваше, посланное въ Пятницу изъ Москвы. Итакъ вы теперь въ Москвѣ. Грустно мнѣ было читать письмо Ваше: Вы пишете, милый Отесинька, что глаза Ваши приходили въ худшее положеніе, нежели при мнѣ: неужели хуже того дня, когда мы посылали за докторомъ? Видно, что у Васъ много другихъ больныхъ, потому что Вы употребляете выраженіе: *выздоравливающіе*. Хорошо по крайней мѣрѣ, что Вы въ Москвѣ; стало Вы рѣшились на этотъ мѣсяцъ переѣхать всѣмъ семействомъ? Чрезвычайно непріятно мнѣ также, что Вы такъ поспѣшно обо мнѣ безпокоитесь. Это меня стѣсняетъ, связываетъ; это мнѣ хуже всякихъ моихъ безпокойствъ... Помилуйте,—опоздала нѣсколько почта, и уже Вы отправляете Константина въ Калугу! Нѣтъ, пожалуйста, облегчите мнѣ существованіе, поменьше безпокоясь обо мнѣ и предоставьте меня судьбѣ моей. Я совершенно здоровъ.

Если мысль моя зрѣла и выразилась въ чемъ-нибудь, такъ ужь, конечно, выразилась она въ послѣднихъ двухъ моихъ стихотвореніяхъ. Они нравятся мнѣ больше всѣхъ моихъ прежнихъ, что еще не значитъ, чтобъ я ими былъ совершенно доволенъ. Замѣтятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонъ не выдержанъ; но, признаюсь, я даже люблю это, когда стихотвореніе соскакиваетъ съ своихъ рельсовъ, и человѣкъ заговоритъ такъ просто: «ахъ, чортъ возьми, да хорошо это и только!» Мнѣ кажется, что я уже больше владѣю формой, чѣмъ прежде, что я подвинулся впередъ, тамъ что ни говори Гоголь... Я еще не знаю Вашего мнѣнія, но чувствую самъ, что много въ этихъ стихахъ недостатковъ. За то мнѣ кажется, что эти недостатки я современемъ исправлю. Право, когда пишешь стихи, подобные этимъ, то думается, что стихотвореніе это само по себѣ существуетъ уже въ природѣ внѣ васъ, что даже не вы его авторъ, а вы только припоминаете и никакъ не можете припомнить инаго стиха, а онъ есть, непремѣнно есть. Точно древнюю статую, занесенную пескомъ и землею, расчищаешь, откапывая; показывается голова, шея, грудь, ноги и наконецъ является вся она во всей своей чудесной красотѣ, но отбита рука и еще

не найдена, а была она сдѣлана древнимъ художникомъ... И вотъ придѣлываешь по неволѣ гипсовую руку; но раскопавшій статую и вызвавшій ее на свѣтъ всякій разъ смущается и всякій разъ полонъ душевнаго огорченія, когда глаза его, пробѣгая по твердымъ и бѣлизной сверкающимъ очеркамъ мрамора, вдругъ переходятъ къ мягкой и матовой поверхности гипса... Но лѣнь, столь сродная русскому человѣку, недостойная поэта, несвойственная даже истинному художнику, постепенно овладѣваетъ имъ, и, вмѣсто того, чтобы отыскивать отбитую руку, онъ говоритъ: «ничего, живетъ и такъ, живетъ и съ гипсовой!»

Выбрился, сейчасъ приходилъ цирюльникъ. Удивительный цирюльникъ: брѣетъ, *вовсе* не дотрогиваясь до лица! Но обращаюсь къ порядку событій: въ Субботу, т. е. 11-го Мая, рано утромъ отправились мы въ Колышово, деревню Унк**, отстоящую отъ Калуги верстахъ въ 12-ти. Я съ Ѳедоромъ (что за коммиссія съ перьями!) на купеческой телѣжкѣ, Михаилъ Семеновичъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а нѣмецъ, у нихъ живущій, и еще одинъ товарищъ по службѣ старшаго сына въ дрожкахъ, въ которыя были запряжены мои лошади. Матюшка былъ внѣ себя отъ восхищенія. Погода была чудесная, и я самъ былъ доволенъ, какъ ребенокъ. Чудесно хороши окрестности Калуги! Хотя деревья еще мало одѣлись, но я люблю эту юную, нѣжную, еще прозрачную зелень. Долго ѣхали мы берегомъ Оки, потомъ лѣсомъ, потомъ проѣхали мимо впаденія Угры въ Оку... Мѣстоположеніе Калуги на крутомъ берегу такъ высоко, что она нерѣдко бѣлѣетъ или сверкаетъ въ отдаленіи. Наконецъ пріѣхали въ Колышово. Домъ построенъ на крутомъ берегу Угры, рѣки, почти столько же широкой, какъ и Москва... Съ этой стороны около дома тѣнь, но берега голы. Рѣка выступаетъ тутъ полукругомъ и потомъ оба конца ея уходятъ въ отдаленіе. Я люблю большія рѣки! Противоположный берегъ плоскій, и видъ открывается на безпредѣльное пространство. Луга, пасущіяся стада, деревни вдали, наконецъ на краю горизонта разнообразныя линіи лѣсовъ, тѣни, набрасываемыя солнцемъ, все это было такъ хорошо, что я долго не могъ оторваться отъ этого вида и сойти съ балкона. Представьте себѣ еще, что тутъ же,

очень недалеко отъ нихъ (съ балкона все видно до малѣйшей подробности) перевозъ чрезъ Угру на паромѣ. Это безпрестанное движеніе парома, медленное, отъ одного берега къ другому, то съ кибиткой и тарантасомъ, гдѣ сидятъ утомленные путники, то съ крестьянскими возами, очень хорошо. Вечеромъ, когда уже темно, и сидятъ на балконѣ, слышно только движеніе парома, иногда шумъ и крикъ перевозчиковъ.. Случается также, что когда на балконѣ поютъ какой-нибудь романсъ поздно ночью, вдругъ раздаются отвѣтные куплеты, и это проѣзжій, переѣзжающій чрезъ Угру на паромѣ и услыхавшій знакомую пѣсню, знакомый мотивъ... Вѣдь это чудесно!—Съ другой стороны небольшой дворъ и большой садъ, кругомъ рощи, луга и поля.—Пошелъ дождикъ, первый лѣтній и теплый, прогремѣлъ легонько громъ, и природа, нетерпѣливо ждавшая такого благодатнаго побужденія, быстро подвинулась. Тамъ провели мы цѣлый день и поздно вечеромъ тихо воротились въ Калугу... Въ Воскресенье вечеромъ ѣздилъ я съ Унк** въ Лаврентьевскую рощу, подлѣ Лаврентьева монастыря, въ двухъ верстахъ отъ Калуги. Что это за мѣста! Впрочемъ, я теперь радуюсь каждому дереву и еще сильнѣе чувствую свою связь съ природой и именно русской природой. Я ежедневно изумляюсь, видя, что начинаю весь окружаться зеленью. Все, что было голо и темно, покрылось травою, зеленѣетъ.. Видъ у меня изъ комнаты на противоположный берегъ Оки такъ хорошъ, что я по нѣскольку часовъ провожу у окна.

1846 года Мая 18-го, Суббота. Калуга.

Почта пришла вчера вечеромъ, но не привезла отъ Васъ писемъ. А. О. также не ѣдетъ, а пора, давно пора. Впрочемъ, если бы я началъ уже предполагаемый мною трудъ, тогда бы она мнѣ помѣшала. Такъ досадно мнѣ, что я ничего не знаю ни о состояніи здоровья Вашего, милый Отесинька, ни объ Олинькѣ, ни о томъ, что сказали Вамъ доктора! Завтра отправляюсь съ Унк** пѣшкомъ на *Калужку*: это богомолье, удостоившееся сдѣлаться partie de plaisir. Въ семи верстахъ отъ Калуги есть село, гдѣ въ церкви нахо-

дится чудотворный образъ Калужской Божіей Матери.—Теперь Вы ужъ вѣрно получили оба моихъ стихотворенія; на нынѣшней недѣлѣ ничего не написалъ: Ефимъ такъ меня сытно кормитъ, что я толстѣю и скотинѣю... Нанялъ нынче одного гимназиста для переписки *Чиновника* и пр., а самъ, впрочемъ, не теряю надежды поработать нынѣшнее лѣто. Почти ничѣмъ не занимаюсь «дѣльнымъ». Дни стоятъ ясные, виды отъ меня такіе чудные, что по утрамъ просиживаешь у окна и всматриваешься во всѣ тонкія линіи и очертанія ландшафта, да и просто глядишь, глядишь въ траву и, право, это не безплодно и полезнѣе многихъ трудовъ. Потомъ въ Палату, изъ Палаты или домой обѣдать или къ Унк**, гдѣ я долго подвизаюсь на билльярдѣ и выучился очень порядочно играть. Тамъ отправишься ходить или у нихъ по саду, или по бульвару, а вечеромъ къ себѣ домой, гдѣ опять я растворяю окно и до глубокой ночи сижу, слушая глухой гулъ города, лай собакъ и концертъ лягушекъ въ трясинѣ, прилежащей къ городу. Этотъ концертъ лягушекъ,—это ихъ дребезжащее кваканье въ водѣ, ночью,—просто чудо, какъ хорошо. Никогда не безплодны, никогда не пошлы подобныя впечатлѣнія, подобныя минуты, вообще подобное препровожденіе времени. Мнѣ кажется, что всякій разъ глубже и глубже западаетъ въ мою душу элементъ вѣчной красоты... На нынѣшней недѣлѣ особеннаго ничего не было. Як** въ Палату не ѣздитъ, обрадовавшись, что я пріѣхалъ; я тамъ работаю довольно старательно, но покуда все очень трудно и сбивчиво съ новымъ Сводомъ. Но наказанія, особенно для простаго народа, выходятъ гораздо легче; ссылка въ Сибирь для нихъ существуетъ только очень не во многихъ случаяхъ, отдача въ солдаты за преступленія по суду — уничтожена почти вовсе, и самое частое теперь наказаніе для крестьянъ въ высшей мѣрѣ—розги не болѣе 70-ти ударовъ и отдача на время—отъ одного года до шести лѣтъ— въ исправительныя гражданскія арестантскія роты на работу; по окончаніи срока они возвращаются на мѣсто жительства... Хотя въ этихъ ротахъ мужикъ едва-ли исправится, если не испортится пуще. На нынѣшней недѣлѣ было Вознесенье: праздникъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ и гулянье, на которомъ, впрочемъ, я не былъ. Вечеромъ въ

тотъ же день былъ у См**, у котораго по Четвергамъ собираются. Онъ намѣренъ ѣхать около 25-го числа въ Петербургъ по дѣламъ службы, а потому ужъ вѣрно къ этому числу А. О. воротится въ Калугу *).

21-го Мая 1846 года. Калуга. Вторникъ.

Позвольте сначала привести память въ порядокъ и припомнить весь ходъ событій отъ Субботы до Вторника; въ этотъ краткій промежутокъ получилъ я отъ Васъ два письма. Одно въ Субботу, которое мнѣ слѣдовало получить въ Пятницу, но Ефимъ не добился и принесъ мнѣ съ почты отвѣтъ, что писемъ нѣтъ, почему я и просилъ Васъ писать мнѣ по Четвергамъ. Другое отдала мнѣ вчера вечеромъ А. О.—Въ Воскресенье, въ семь часовъ утра, явился я къ Унк**, и мы отправились пѣшкомъ на Калужку: это будетъ верстъ семь или болѣе. На томъ мѣстѣ, гдѣ явился

---

*) Вотъ какъ описываетъ С. Т. это пребываніе А. О. въ Москвѣ:

Въ Воскресенье уѣхала отъ насъ А. О., а въ Понедѣльникъ вѣроятно ты ее уже видѣлъ, обо всемъ распросилъ и получилъ мое письмо. Чудное дѣло: десять дней были мы вмѣстѣ съ нею въ Москвѣ, въ продолженіи этого времени была она у насъ четыре раза, и только одинъ разъ безъ гостей, но я такъ привыкъ къ мысли, къ возможности ее всегда увидѣть, что мнѣ было странно, когда сказали, что она сѣла въ карету и уѣхала въ Калугу; не могу себя увѣрить, что я такъ недавно, такъ мало знаю эту женщину. Мнѣ кажется, что я всю жизнь свою было съ ней коротко знакомъ и даже друженъ, и еслибъ встрѣтилась необходимость въ важной дружеской услугѣ, я обратился бы къ ней безъ всякаго колебанія и увѣренъ, что она охотно бы и сдѣлала. Во всей ея особѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, нѣжнаго, обольстительнаго; напротивъ прекрасныя черты ея лица строги, даже нѣсколько сухи; часто говоритъ она съ не женскою рѣзкостью; слѣды 30 лѣтняго образа жизни, не смотря на высокую ея натуру, проявляются иногда внезапно и непріятнымъ образомъ поражаютъ; но не смотря на все это, я чувствую, что можно сильно привязаться къ бесѣдѣ съ ней; съ ней такъ легко, такъ свободно говорить, такъ увѣренъ, что она все пойметъ, все оцѣнитъ, что никакое слово, никакое истинное названіе предмета или чувства ея не остановятъ, не смутятъ—что говорить съ нею можно какъ съ самимъ собой, а это въ высшей степени пріятно. Свѣтлый умъ ея, глубоко проникшій натуру человѣческую и справедливо ее презирающій, ибо она мало встрѣтила людей истинно благородныхъ и честныхъ,—не сдѣлался однако невѣрующимъ ни во что доброе и высокое. По крайней мѣрѣ я такъ думаю. Здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, терзаютъ ея доброе имя и не вѣрятъ ничему, что она говоритъ; но я вѣрю ей болѣе, чѣмъ кому нибудь изъ ея порицателей.

образъ, построили церковь, довольно богатую. Мѣстоположеніе чудесное. Тутъ замѣчательны кругомъ курганы и довольно правильный, необыкновенно высокій валъ; преданіе гласитъ, что это былъ станъ знаменитаго разбойника Кудеяра, но подробностей никакихъ неизвѣстно. Купилъ Вамъ образъ Калужской Божіей Матери: она изображена безъ Спасителя и съ книгой въ рукахъ. Тамъ мы пили чай и завтракали, потомъ воротились домой, только уже не пѣшкомъ. Воротясь домой, заѣхалъ я къ Щепкину, который не зналъ, кажется, или забылъ, что я здѣсь служу; но онъ спалъ уже послѣ обѣда. Вечеромъ отправился я въ театръ. Цѣну подняли довольно высоко, и театръ былъ довольно пустъ. Впрочемъ, что жъ, за высоко? ложи въ бель-этажѣ—пять цѣлковыхъ, кресла въ первомъ ряду—три рубля, во второмъ два, а въ остальныхъ полтора рубля серебромъ. Но для Калуги это дорого. Давали «Ревизора»; Щепкинъ игралъ по обыкновенію очень хорошо, узналъ меня тотчасъ со сцены (я сидѣлъ въ первомъ ряду), но прочіе актеры были невыносимо дурны. Разумѣется, хлопанье было ужасное, производимое немногимъ количествомъ зрителей и продолжалось во все время представленія; очень глупо, да что прикажете дѣлать съ Калугой. См** позвалъ многихъ и меня изъ театра къ себѣ на ужинъ. Былъ Щепкинъ, который показалъ видъ, что очень обрадовался мнѣ, сказывалъ, что А. Н. трусить давать водевиль, много шутилъ, смѣялся, разсказывалъ анекдоты и, кажется, плѣнилъ Калужанъ. Я хотѣлъ было позвать его къ себѣ обѣдать, да онъ притащитъ Бѣлинскаго, а этого мнѣ не хочется; онъ хотѣлъ было придти ко мнѣ поутру пить чай, часовъ въ восемь, однако видно, не будетъ. Отъ См** разъѣхались часу въ четвертомъ. Проснувшись на другой день, смотрю на часы—семь! Я очень обрадовался, встаю, пью чай, дожидаюсь 11-го часа и въ 11 часовъ пріѣзжаю въ Палату; только что я вхожу, на часахъ Палаты бьетъ часъ! Какую штуку сыграли со мною часы: они остановились, а я, не замѣтивъ этого, завелъ ихъ двумя часами позже!—Потомъ, часа въ 4 отправился къ См**, который звалъ меня и Щепкина. Кромѣ меня, Щепкина и Бѣлинскаго, никого не было. Бѣлинскій ужасно перемѣнился, въ усахъ; всѣ увидавши такую фигуру, обратились

ко мнѣ съ вопросомъ: кто это? Я всѣмъ отвѣчалъ сначала, что не вѣдаю. Потомъ, когда узналъ его, объяснялъ, что это Бѣлинскій, но они въ свою очередь, не понимали, что это такое. Онъ разсказывалъ много про Соллогуба, Краевскаго и другихъ,—но вообще и онъ, и я въ разговорѣ, который былъ общій,—старались избѣгать вопросовъ, касавшихся до убѣжденій, хотя См**, самъ того не зная, безпрестанно поднималъ ихъ. О Константинѣ, о Москвѣ, о всѣхъ нашихъ вообще ни слова, но онъ спрашивалъ о Васъ, милый Отесинька... Нынче опять играетъ Щепкинъ; даютъ «Мирандолину». Такъ какъ цѣны сбавили, то, вѣроятно, въ театрѣ будетъ много. Вечеромъ вчера же былъ я у Унк**. Часу въ одиннадцатомъ возвращаюсь домой, какъ попадается мнѣ Матюшка съ письмомъ отъ Николая Михайловича, чтобы я пріѣхалъ къ А. О. Немедленно надѣвъ фракъ, я поѣхалъ, видѣлъ ее, но сидѣлъ недолго, потому что было поздно; всѣ эти ночи я спалъ мало, да и ей слѣдовало отдохнуть; поэтому-то, взявъ письмо и Сборникъ, воротился домой, прочелъ Ваше письмо, посмотрѣлъ Сборникъ и всетаки заснулъ во второмъ часу.

Теперь буду отвѣчать на Ваши письма. А. О. успѣла мнѣ разсказать про Ваши глаза, милый Отесинька, про то, какъ Вамъ было нехорошо, потомъ, какъ Вамъ сдѣлалось лучше, такъ что Вы сами даже читали ей мои стихи. Не понимаю, какъ послѣдніе стихи получились Вами такъ скоро: вѣдь они были адресованы въ Сергіевскій Посадъ. Всетаки Вамъ самому читать ихъ не слѣдуетъ; погодите, когда глаза укрѣпятся вполнѣ. Ахъ, дай-то Богъ, чтобы это случилось и поскорѣе! Но я очень радъ, что Вы теперь въ Москвѣ. Стихи мои Вамъ нравятся, и Вы говорите также, что я подвинулся впередъ. Я самъ это чувствую. И это развитіе совершилось не отъ упражненія, а внутри меня; Вы сами знаете, сколько мѣсяцевъ сряду не писалъ я ни строчки. Не знаю, когда буду опять писать; пріѣздъ Щепкина и А. О. мнѣ много помѣшаетъ, по крайней мѣрѣ сначала. Щепкинъ въ Воскресенье, кажется, ѣдетъ. Но вы мнѣ не сообщили никакихъ замѣчаній на стихи мои. А. О. и сама мнѣ сказала, что первые стихи *Andante* ей нравятся гораздо больше. Но это не-

справедливо, вторые лучше первыхъ, а тѣ какъ-то нѣжноватѣе и относятся болѣе къ моей личности. Теперь едва ли ужь будутъ у меня опять стихи, относящіеся прямо къ моей личности! Впрочемъ, я дамъ А. О. перечесть эти стихи. Кажется, она съ живымъ удовольствіемъ вспоминаетъ объ Васъ и вообще объ нашемъ семействѣ; разсказывала мнѣ въ подробности вечеръ у Васъ проведенный, разныя выходки Константина. Кажется, поѣздка въ Москву принесла ей пользу не только въ отношеніи здоровья. Она сдѣлалась какъ-то лучше и добрѣе. Вѣрно Вы ей разсказывали что-нибудь про меня: я замѣтилъ это изъ нѣкоторыхъ ея словъ.— Нынче день именинъ Константина. Поздравляю Васъ всѣхъ. Ему пишу особо. Что же сестры не напишутъ мнѣ ничего, какъ имъ понравилась А. О? Я, слава Богу, совершенно здоровъ.

Къ Константину Сергѣевичу.

21-го Мая 1846 года. Калуга.

Нынче день твоихъ именинъ, милый братъ и другъ Костя. Поздравляю тебя и желаю тебѣ его хорошо отпраздновать сигарой и виномъ, и всѣмъ, чѣмъ хочешь. Какой ты странный человѣкъ, Константинъ! Я никогда не имѣлъ и не имѣю притязаній на то, чтобъ ты писалъ мнѣ письма; знаю, какъ ты лѣнивъ, какъ многаго это тебѣ стоитъ. Но со времени моего отъѣзда получилъ я отъ тебя два письма, и о чемъ же послѣднее!.. Добро бы о стихахъ, которые послалъ я въ Москву, — но о стихахъ ни слова, а все о преимуществахъ Московской жены передъ Петербургской и К. А. предъ А. О. Согласись, что это предметъ мало интересный для рѣдкаго письма, какъ твое. Теперь семь часовъ утра; А. О. пріѣхала вчера уже поздно вечеромъ, однакожъ часувъ 11-мъ прислала за мной, отдала мнѣ письма Ваши и Сборникъ и успѣла кое-что разсказать... Вообще она, кажется, въ высшей степени довольна Москвою и временемъ, ею тамъ проведеннымъ; помнитъ всѣ мелочи и безпрерывно разсказываетъ мужу. Каковъ Сборникъ! Поблагодари Панова отъ меня за присылку экземпляра, но согласись, что очень непріятно читать цѣлый листъ опечатокъ въ стихахъ! Разу-

мѣется, Сборникъ пройдетъ незамѣтно, тѣмъ болѣе, что настаетъ лѣто... Я рѣшительно безо всякаго удовольствія глядѣлъ на свои печатные стихи; напротивъ, какъ-то тупо и глупо, и они мнѣ такими же показались. Ну да все равно; я всетаки буду продолжать писать, потому что послѣднія два моихъ стихотворенія заставили меня живѣе сознать въ себѣ эту способность. Скажи Ар** что я на него очень сержусь за то, что онъ не пріѣхалъ; высылай его изъ Москвы въ Калугу, а на іюль мѣсяцъ, пожалуй, можетъ опять ѣхать.— Я потому пишу къ тебѣ такъ несвязно, что очень спѣшу. Сію минуту долженъ придти Щепкинъ на утренній чай. Вчера я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ у Губернатора, третьяго дня вмѣстѣ съ нимъ ужинали послѣ спетакля «Ревизора» у Николая Михайловича же и разъѣхались часу въ четвертомъ. Вообще всѣ эти дни прошли очень безалаберно: поздно ложишься, рано встаешь. Щепкинъ всюду (даже безъ приглашенія) тащитъ за собою Бѣлинскаго, даже не рекомендуя его. Такъ привелъ онъ его къ Губернатору, гдѣ я съ нимъ встрѣтился. Долго не узнавалъ я его и не зналъ, кто это. Наконецъ, встрѣтившись съ нимъ лицомъ къ лицу, я при всѣхъ почти вскрикнулъ отъ удивленія. Онъ очень похудѣлъ, съ усами, безпрестанно кашляетъ, такъ что страшно на него глядѣть. Мы раскланялись, онъ старался завести разговоръ, но я обхожусь съ нимъ сухо и холодно. Впрочемъ, онъ не позволилъ себѣ ни одного намека не только на насъ, но даже на Москву; Петербургъ ругаетъ; спрашивалъ о здоровье Отесинькиномъ и тонкимъ образомъ давалъ мнѣ знать, что ему хотѣлось бы имѣть со мною искренній разговоръ и во многомъ оправдаться; но я не пускаюсь въ этотъ разговоръ.

26-го Мая 1846 года, Суббота. Калуга.

Какъ Вамъ нравится погода! Я право не знаю, чьи нервы не разстроятся при подобныхъ оскорбленіяхъ съ ея стороны! Какъ, въ концѣ Мая по 3, по 4 градуса тепла, холодъ, градъ, вѣтеръ... Да это хуже осени! А. О. эти дни чувствовала себя немножко хуже по этой самой причинѣ. Да право, это только мнѣ ничего, только я могу не просту-

жаться въ такую погоду, выѣзжая часто и бывая каждый вечеръ въ театрѣ. Кстати о театрѣ и Щепкинѣ. Во Вторникъ игралъ онъ въ «Мирандолинѣ». Піэса шла довольно хорошо, но театръ, хотя цѣны были назначены обыкновенныя, т. е. бель-этажъ – 10 рублей 50 копѣекъ ассигнаціями, кресла — 3 рубля 50 копѣекъ и 2 рубля 62½ копѣйки и т. п.,— былъ занятъ едва - едва въ половину. Въ Четвергъ игралъ онъ въ піэсахъ: «Поваръ и Секретарь» и «Филиппъ»; публики было не больше; вчера игралъ онъ въ піэсѣ «Два купца и два отца», и заняты были всего одинъ рядъ креселъ и одна ложа! Удивительный народъ! Такъ довольны Калужане собой и своею однообразною жизнью, что всякіе другіе интересы и потребности имъ чужды. См** бѣсился ужасно и вчера даже разсадилъ въ креслахъ всѣхъ актеровъ и прочихъ служителей театра—для виду! Нынче и завтра Щепкинъ не играетъ. Въ Понедѣльникъ и во Вторникъ играетъ, а въ Среду ѣдетъ: сначала въ Воронежъ, потомъ въ Харьковъ, потомъ въ Екатеринославль, Крымъ, и хочется ему, кажется, попасть къ Воронцову. За пребываніе свое въ Калугѣ получаетъ онъ 1200 рублей ассигнаціями. У меня Щепкинъ до сихъ поръ не былъ и умно сдѣлалъ, потому что онъ съ Бѣлинскимъ не разлучается нигдѣ и таскаетъ его всюду; нынче мы обѣдаемъ опять вмѣстѣ у См**, и Французу-повару заказаны вареники... Теперь объ А. О. Какъ Вамъ извѣстно, былъ я у ней въ Понедѣльникъ, во Вторникъ – видѣлъ ее въ театрѣ. Въ Среду вечеромъ былъ я опять у нея, сначала одинъ, потомъ вскорѣ пріѣхалъ Щепкинъ и Бѣлинскій. Я не успѣлъ хорошенько предупредить А. О., и потому она часто задавала ему подобные вопросы, напримѣръ, когда рѣчь зашла о Гоголѣ: «развѣ вы хвалите Гоголя, вѣдь вы его браните въ своемъ журналѣ?» и Бѣлинскій, сидѣвшій, впрочемъ, очень смирно, скромно и даже робко, кажется, этимъ очень обижался.—Сначала А. О. много разсказывала по своему обыкновенію о чужихъ краяхъ, о Гермаклеѣ (мѣсто ея родины), что, впрочемъ, мнѣ давно извѣстно, но что я всегда люблю отъ нея слышать. Я поддерживалъ всячески разговоръ въ этомъ родѣ, чтобъ не подать поводу къ спорамъ, однакожъ, подъ самый конецъ вечера, дошло дѣло до Жоржъ-Зандъ, и когда Бѣлинскій

сталъ объ ней говорить, какъ о нѣкоемъ божествѣ, которое, впрочемъ, начинаетъ портиться, ибо въ послѣднихъ романахъ ея видно признаніе раскаянія и другихъ добродѣтелей, то А. О. вспыхнула, да вѣдь какъ! Начала кричать на Бѣлинскаго довольно рѣзко и доказывать весь вредъ и всю степень разврата Жоржъ-Зандъ. Бѣлинскій возражалъ довольно горячо, но А. О. хотя и говорила умно, но по женски, т. е. доказывала анекдотами, случайными фактами и нападала между прочимъ на ея *плебейское сердце!* Я, впрочемъ, поправлялъ ея нѣкоторые ошибки и промахи и объяснилъ имъ, что она нападаетъ не на плебейское сердце, а на одностороннюю завистливую ненависть, которая преслѣдуетъ не принципъ, не начало... Почти всякій плебей на Западѣ готовъ сдѣлаться утѣснителемъ-аристократомъ, что и видно было въ комедіи, разыгранной Французской революціей... Видя однако, что А. О. очень раздражилась, я всталъ, простился и увелъ ея гостей... Слышалъ однако отъ Щепкина, что Бѣлинскому А. О. таки понравилась... Въ Четвергъ вечеромъ, послѣ театра посидѣлъ я опять у нея одинъ съ часъ времени; былъ также вчера до театра: она встрѣтила меня словами: «какое нѣжное и милое письмо пишетъ мнѣ вашъ батюшка, прочтите». Но такъ какъ у нея были гости, то я не долго и оставался... Вообще нынѣшняя недѣля была пресуматочная, — вечеромъ въ театрѣ, погода подлѣйшая, и я не имѣлъ случая хорошенько побесѣдовать съ А. О. Кажется, она Васъ очень любитъ... Сейчасъ былъ у меня Щепкинъ, но одинъ, напился чаю, много разсказывалъ интереснаго и въ восхищеніи отъ А. О. Еслибы Бѣлинскій не относился такъ къ Константину, я все-таки радъ былъ бы говорить съ нимъ, какъ все-таки съ человѣкомъ живымъ, — но когда онъ изъявилъ мнѣ желаніе побесѣдовать со мною о многомъ, я отвѣчалъ ему довольно сухо, что я считаю это лишнимъ, что его убѣжденія мнѣ извѣстны, и что мы другъ друга не переубѣдимъ. — Я очень радъ, если Сборникъ имѣетъ успѣхъ; нѣкоторыя ошибки я уже поправилъ вчера въ экземплярѣ А. О. — Ну, показались клочки голубаго неба и солнце; слава Богу! В. И. уѣхалъ вчера въ ночь. Каковъ Константинъ: уже третье письмо ко мнѣ! Онъ измѣняетъ себѣ. Нынче я ему отвѣчать не успѣю,

но благодарю его очень и очень, особенно за присылку стиховъ: первые, т. е. ко мнѣ, мнѣ больше нравятся,—въ нихъ больше поэзіи, болѣе слышится живой, человѣческій, трепещущій голосъ; а второе стихотвореніе сама мѣдь гудящая,—хотя и прекрасно. Только я принужденъ переписать ихъ, во-первыхъ для того, чтобы самому ясно и отчетливо *видѣть* ихъ, а во-вторыхъ и потому, чтобъ дать прочесть А. О. Очень благодарю Панова за письмецо и буду ему отвѣчать. Разумѣется, я участвую и во второй книжкѣ. На нынѣшней недѣлѣ я ничего не дѣлалъ и ничего не писалъ, хотя лежитъ во мнѣ зародышъ одного произведенія, въ которомъ, слава Богу, я не коснусь никакихъ политическихъ убѣжденій и вопросовъ.—Можетъ быть, завтра, если погода будетъ очень хороша, уѣду я въ деревню къ Унк**: у нихъ тамъ праздникъ и, говорятъ, соблюдаются какіе-то особенные обычаи...

Вторникъ. 1846 года, 28-го Мая. Калуга.

Я думаю, Вамъ будетъ очень непріятно ощущать тонкость пакета, и Вы удивитесь, что я въ этотъ пріѣздъ въ Калугу часто пишу полулистовыя письма. Но причина этому та, что я не совсѣмъ выспался и ужасно усталъ, а потому и писать много не хочется: вчера ѣздилъ я въ Колышово, на телѣжкѣ, съ Нѣмцемъ, живущимъ у Унк**; остальные всѣ, мать и отецъ въ линейкѣ. День былъ чудесный, лучше всѣхъ теплыхъ дней, которые до сихъ поръ были, было тихо и мягко въ воздухѣ. Въ деревнѣ ходилъ я ужасно много, почти цѣлый день былъ на ногахъ, ѣлъ, какъ извощикъ, потомъ въ шесть часовъ сѣлъ опять въ телѣжку и пріѣхалъ домой. Какъ хотите, а сдѣлавши верстъ 25 въ телѣжкѣ, по не совсѣмъ хорошей дорогѣ, устанешь. Но я долженъ былъ немедленно переодѣться и отправиться пѣшкомъ въ театръ (былъ бенефисъ Щепкина). Тамъ просидѣлъ до 11-ти часовъ и пѣшкомъ воротился. Слѣдовало бы сейчасъ лечь спать, но ночь была необыкновенно хороша и къ тому же я еще не пилъ, это послѣ обѣда, обычной своей порціи чаю; вслѣдствіе сего легъ спать въ часъ,—а теперь чувствую, что еще не выспался и усталъ.—Въ Ко-

лышовѣ я близко видѣлъ женскіе наряды. Богаты очень повойники, но некрасивы, а стоятъ по 25 рублей и больше. Почти всѣ были въ сарафанахъ или сарахванахъ, какъ онѣ говорятъ, надѣтыхъ точно такъ же, какъ и у насъ, слѣдовательно не совсѣмъ хорошо: главное, что перевязываются слишкомъ высоко. Хотя ни одной не было порядочной собой бабы, но все же онѣ лучше Московскихъ, не бѣлятся, не румянятся; поютъ не хорошо, но не визжатъ. Ихъ собрали по случаю праздника (Духова дня) подчивали виномъ и разными пряниками въ рощѣ; было только однѣ бабы; онѣ плясали между собою. Я въ первый разъ видѣлъ настоящую пляску: онѣ выдѣлывали разныя па, «говорили плечами», плясали довольно живо, и та, которая была за мужчину, присвистывала и гаркала по временамъ. Когда онѣ поютъ, то аккомпанируются кастаньетами, особаго рода трещетками, подъ ладъ пѣсни. Я у одной купилъ эти трещетки и привезъ сюда.—Кумованья не было, потому что оно бываетъ въ Троицынъ день, въ который цѣлый день былъ дождикъ. — Въ Воскресенье вечеромъ я просидѣлъ у А. О. до 12-ти часовъ, и мнѣ было очень пріятно; она играла на фортепьянахъ, выписанныхъ ею изъ Москвы, съ роальной механикой и превосходныхъ; взялъ у ней читать Мицкевича «Le Messianisme»... Какія интересныя вещи разсказала она мнѣ про мужика Сохранова, ихъ собственнаго, сдѣлавшагося разбойникомъ, и котораго она часто видала въ своей деревнѣ и даже разсуждала съ нимъ.

Суббота 1-го Іюня 1846 года. Калуга.

Вчера, когда уже я легъ въ постель, принесли мнѣ Ваши письма, писанныя *наканунѣ*, т. е. 30-го Мая. Я далъ почтальону хорошій двугривенный и велѣлъ ему тотчасъ принесть ко мнѣ письмо, какъ почта придетъ. Я прошу Васъ совершенно вѣрить всему тому, что я пишу о своемъ здоровьѣ; даю Вамъ честное слово, что я Вамъ сообщаю истинную правду. Вѣдь съ Вами бѣда: вотъ теперь я цѣлые полчаса чинилъ, чинилъ перья, съ полдюжины кинулъ на полъ, наконецъ успокоился на этомъ, хотя и довольно скверномъ: можетъ быть, испишется, будетъ; а Вы сейчасъ готовы Богъ

знаетъ что заключить по моему почерку! Это меня совершенно стѣсняетъ и связываетъ. Такъ напримѣръ, если бы мнѣ иногда захотѣлось полѣниться и не расположенъ я писать большое письмо, то, посылая маленькое, всегда боюсь, что подымутся въ домѣ безпокойства, толки и соображенія... Въ доказательство полной моей искренности, увѣдомляю Васъ, что въ Середу у меня сдѣлалась лихорадка. Я, должно быть, простудилъ себѣ голову наканунѣ, потому что, какъ шелъ въ театръ, меня настигъ на дорогѣ проливной дождикъ. На другой день я почувствовалъ ознобъ, сильную головную боль и боль въ глазахъ, т. е. въ яблокахъ, усталость во всемъ тѣлѣ; отправился въ Палату. Тамъ просидѣлъ часа три и, такъ какъ время было довольно хорошо, то, несмотря на нездоровье, отправился пѣшкомъ къ Унк**; тамъ сейчасъ весь домъ перетревожился, предлагали мнѣ и то и другое; я отъ всего отказался; за обѣдомъ, несмотря на то, что не было аппетита, старался ѣсть побольше, чтобъ задать жаркой работы желудку; однакожъ, боясь разнемочься, почти тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ домой.

Вчера проспалъ почти все время до трехъ часовъ. Это моя особенность; совершенно такъ было со мной и въ Астрахани; проснувшись и отрезвившись, почувствовалъ я себя совершенно легко и способность ходить, глаза свободны; часу въ шестомъ съѣлъ цыпленка, и такъ какъ день былъ чудесный, то я поѣхалъ къ Унк**, потомъ проѣхалъ на почту, думалъ найти письмо, но почта еще не приходила, проѣхалъ къ А. О. *); она уѣхала гулять съ дѣтьми; по-

---

*) На это письмо С. Т. пишетъ:

„Я получилъ письмо отъ А. О., которое поистинѣ можно назвать драгоцѣннымъ. Ея письмо доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, которое можно чувствовать только отъ художественнаго произведенія. Прилагаю тебѣ выписку изъ письма всего, что касается до тебя. Какъ бы я желалъ, чтобъ она написала статью для Сборника, что она обѣщала напримѣръ о знакомствѣ съ Пушкинымъ.

Копія письма А. О. Смирновой къ С. Т. Аксаковой.

„Иванъ Сергѣевичъ вчера немного хворалъ, и я его не видѣла; но всѣ прочіе дни онъ меня усердно навѣщалъ. При невозможности читать и заниматься, мое время очень медленно течетъ, не смотря на всѣ мои выдумки сократить его. Иванъ Сергѣевичъ не охотникъ говорить пустяки а я, признаюсь, до нихъ большая охотница. Безплодныя жалобы на порядокъ безпорядка общественнаго мнѣ надоѣли тоже и тяготятъ такъ мою душу, что я съ радостью хватаюсь за вся-

тому что эти два дни погода стоитъ превосходная; оттуда домой и легъ спать. Нынче я чувствую себя совершенно хорошо, т. е. еще слышу нѣкоторую слабость... Но, къ моему счастію, время прекрасное, а это сильно способствуетъ выздоровленію. Вотъ видите, я Вамъ все написалъ, и истинно не прибавилъ и не убавилъ ничего; Унк** прислали мнѣ доктора, но я заставилъ его лечить Матюшку, а самъ отказался отъ всякаго леченія.—Обращаюсь къ порядку событій. Во Вторникъ, какъ только что написалъ я письмо къ Вамъ; явился Щепкинъ, просидѣлъ у меня часъ; мнѣ даже было совѣстно, что я у него былъ всего разъ, на другой день пріѣзда, и то не видалъ его, потому что онъ спалъ. Хвалилъ онъ очень Константина, просилъ передать Вамъ его поклонъ и т. п., а Константину, — чтобъ онъ непремѣнно работалъ надъ тѣмъ, что хотѣлъ, должно быть, надъ драмой. Вечеромъ отправился я въ театръ; Щепкинъ былъ не очень хорошъ, хотя и очень понравился публикѣ и А. О.; даже Бѣлинскій, увидавши меня, сказалъ мнѣ на ухо: «ай, ай, какъ онъ нынче плоховатъ, вѣрно, вслѣдствіе хлопотливаго дня!» Послѣ спектакля, тутъ же въ театрѣ и См** и я простилися съ Щепкинымъ, а я отправился къ нимъ пить чай и просидѣлъ довольно долго.—Въ Четвергъ См** уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы, и А. О. его провожала.—Теперь отвѣчаю на Ваше письмо. Вы, кажется, ужасно оскорблены тѣмъ, что А. О. «допустила ихъ наравнѣ со мною въ свое общество, удостоила Бѣлинскаго разговора» и т. п. Мнѣ странны эти слова. Во-первыхъ,

---

кій пустякъ. У Ив. Серг. еще много жесткости въ сужденіяхъ, онъ не легко примиряется съ личностями, потому что онъ молодъ и не жилъ еще. Со временемъ это измѣнится непремѣнно, шероховатость пройдетъ. Вся жизнь учитъ насъ примиренью съ людьми: у каждаго изъ насъ есть своя больная и здоровая сторона; сперва мы любимъ здоровую и потомъ доходимъ до того, что любимъ всѣхъ и съ больными сторонами, и какъ будто ихъ не видимъ. У него есть много самостоятельности въ характерѣ, что его удержитъ отъ всякаго увлеченія и при укрощеніи его *жесткости* составитъ весьма замѣчательный характеръ.

Вашу статью я читала съ большимъ удовольствіемъ, она такъ живо переноситъ въ даль и старину".

Каково это выраженіе „въ даль и старину", тутъ такъ все сказано чудесно, что этихъ словъ ничего замѣнить не можетъ.

она властна допускать въ свое общество кого ей угодно и когда это хочется; съ какой стати, по какому праву могу я претендовать на это; сохрани меня Богъ налагать какія либо притязанія и требованія. Мнѣ не нравится ихъ общество, я ухожу. Деспотизмъ въ отношеніяхъ дружбы и знакомства, который играетъ такую важную роль у Константина, противенъ моей натурѣ. Я не люблю стѣснять ни чьей свободы, такъ какъ не люблю, чтобъ стѣсняли мою. Вы знаете, что я потому не допускаю ни ревности (которая, впрочемъ, есть ничто иное, какъ блестящій видъ зависти), ни любви, которая стѣсняетъ и связываетъ какъ личную свободу любящаго, такъ и чужую, къ кому она относится; разумѣется, я не говорю о любви — историческомъ чувствѣ. Это вовсе не эгоизмъ, и я свободнѣе за то могу сочувствовать всему истинно и вѣчно-прекрасному и всякому движенію добра. Но я отдалился отъ своего предмета. Во вторыхъ, почему не удостоить Бѣлинскаго разговоромъ, его, человѣка умнаго и талантливаго, когда она сплошь да рядомъ удостоиваетъ разговора графовъ Ш—выхъ, А—хъ, С—а, Н—ва, очень многихъ изъ нихъ любитъ; а Бѣлинскій согласитесь, стоитъ выше ихъ; по крайней мѣрѣ вся жизнь, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ. Убѣжденія свои мѣнялъ онъ часто, но всегда дѣйствовалъ по увлеченію и убѣжденію. Я не люблю Бѣлинскаго, но надо быть безпристрастнымъ. Къ тому же Бѣлинскій, по крайней мѣрѣ при мнѣ, не сказалъ ни одного дерзкаго слова, ни одного неприличнаго выраженія, ни одной цинической выходки или шутки. Къ тому же эта свобода, которою пользуешься въ разговорѣ съ А. О., которая, повидимому, даетъ всякому такъ много правъ, если не для всѣхъ, такъ для большей части, есть ничто иное, какъ: «привязанъ на полной свободѣ». Да развѣ можно что-либо предписывать А. О.? Когда я говорилъ ей, зачѣмъ она болтаетъ всякій вздоръ при Калужанахъ, при священникѣ, что объ ней вотъ что и вотъ что говорятъ здѣсь, то она отвѣчала, что не захочетъ ни для кого на свѣтѣ стѣснять свою свободу, что она такъ привыкла, что если ей остерегаться и останавливаться на каждомъ шагу, такъ и жить въ тягость и т. п. Ужъ такой характеръ! Она вотъ

какъ понимаетъ свободу; а я не въ этомъ ее вижу, я хлопочу о внутренней, нравственной свободѣ и нахожу, что въ сосредоточенности гораздо свободнѣе. Этотъ разговоръ былъ вечеромъ, именно въ тотъ вечеръ, когда должны были въ первый разъ придти къ ней Щепкинъ и Бѣлинскій. Приходятъ они, и она сейчасъ, видя Бѣлинскаго впервой (съ Щепкинымъ она видалась нѣсколько разъ въ Москвѣ), начинаетъ разговоръ тѣмъ, что вотъ Иванъ Сергѣевичъ очень смущается тѣмъ, что́ про меня ходитъ здѣсь въ Калугѣ и совѣтуетъ мнѣ быть нѣсколько осторожнѣе въ дѣйствіяхъ и словахъ, но я ужь такъ прожила цѣлый вѣкъ, и вотъ какія исторіи про меня разсказывались... И начинаетъ разсказывать разныя скандалезныя вещи, которыя распускались на ея счетъ! Наконецъ, упомянувъ о водевилѣ, начала разсказывать, какъ *приказано* было отъ нея всѣмъ хлопать у нея въ ложѣ Скалону, Рябинкѣ и другимъ. Этого вовсе не слѣдуетъ разсказывать, потому что это подрываетъ нѣсколько успѣхъ и важность этого явленія. Впрочемъ, я уже махнулъ рукою, беру ее, какова она есть (не русское выраженіе), понимаю ее вполнѣ и потому не оскорбляюсь уже никакими ея выраженіями, и самъ не стѣсняюсь и ея свободу не стѣсняю; къ тому же она больна, замѣчанія ее огорчаютъ, и ее надо щадить, ей надо разсѣяніе, пустяки, анекдоты. Потомъ я сказалъ ей свое мнѣніе о Бѣлинскомъ и о Щепкинѣ; она сказала мнѣ, что объявила Бѣлинскому, что вполнѣ раздѣляетъ убѣжденія Константина Сергѣевича. Ей очень весело, очень пріятно принадлежать къ какой-то партіи; тутъ, впрочемъ, слышится какое-то женское удовольствіе; впрочемъ, она рада была пріютиться подъ сѣнь сильныхъ убѣжденій.—Узнавъ, что Бѣлинскій женатъ, имѣетъ ребенка и что онъ атеистъ, она почувствовала къ нему сильное состраданіе; въ самомъ дѣлѣ онъ жалокъ да еще боленъ.

1846 года, 8-го Іюня. Калуга. Суббота.

На нынѣшней недѣлѣ получилъ я отъ Васъ три письма, но все больше отъ Васъ, милый Отесинька. Очень, очень благодарю Васъ, и удивляюсь, какъ при Вашей суматочной жизни успѣваете Вы писать ко мнѣ.—Я въ Воскресенье

прошедшее опять захворалъ было; тогда докторъ потребовалъ, чтобъ я лечился и сидѣлъ нѣсколько дней бызвыходно дома. Но теперь я *совершенно* здоровъ и никакого слѣда болѣзни не чувствую. Въ эти дни меня очень часто навѣщали Унк**, Арн** и другіе нѣкоторые мои знакомые; даже А. О. разъ, проѣзжая мимо, заѣхала ко мнѣ на дворъ и переговаривала со мною изъ окна. Вчера А. О. переѣхала наконецъ на свою дачу, въ загородный садъ. Это почти такъ же отъ меня близко, какъ и Губернаторскій домъ. Помѣщеніе довольно большое и удобное; съ одной стороны балконъ выходитъ на лугъ, позади котораго прекрасный лѣсъ; слѣва Ока, справа виднѣется другая рѣчка, монастырь и сады, видъ чудесный, тѣмъ болѣе, что съ этой стороны всегда заходитъ солнце. Съ другой стороны огромный садъ, съ темными, тѣнистыми аллеями, въ родѣ дворцоваго сада въ Москвѣ. Я былъ у нея вчера вечеромъ и по праву дачи, а отчасти и потому, что комната, въ которой сидятъ, преогромная и двери на балконъ часто отворяются, курилъ наконецъ сигары настоящія. Сидѣли и братья ея. Разговоръ былъ интересный, но пустой. А. О. получила письмо отъ Самарина, который пишетъ, что Гоголь въ Парижѣ.—Унк** уѣзжаютъ завтра въ деревню. Кстати о нихъ: довольно страннымъ можетъ показаться, что я такъ часто бываю у нихъ, хотя общихъ интересовъ съ ними мало. Но я очень люблю это семейство, и мнѣ всегда тамъ какъ-то хорошо; входя къ нимъ въ домъ, я совершенно забываю всѣ вопросы и интересы, меня волнующіе, и отдыхаю у нихъ отъ всякой внутренней работы. Это потому, что домъ ихъ дышетъ миромъ и счастіемъ. Въ самомъ дѣлѣ (въ добрый часъ будь сказано), я не видалъ семейства счастливѣе: никакихъ потерь, никакихъ неудачъ, никакихъ неумѣренныхъ желаній, никакихъ стремленій, у сыновей и дочерей никакихъ претензій, никакого самолюбія или честолюбія... Все ограниченно, все довольно, все любитъ другъ друга до нельзя, все равно... Каждый день проходитъ какъ другой. Но понятія, но взгляды, но мысли, но воспитаніе, но познанія — все это самое простое. Интересы сосредоточиваются или другъ на другѣ или на Калужскихъ событіяхъ, рѣдко на музыкѣ, хотя фортепьяно звенитъ цѣлый день,

еще рѣже на книгѣ. Умнѣе ихъ всѣхъ и добрѣе, если это только возможно въ этомъ семействѣ, — Ѳедоръ Унк**: участіе, принятое имъ въ моемъ нездоровьѣ, было самое живое. Дочери никогда ни о чемъ полминуты не задумываются, но всегда довольны, веселы, всегда смѣются, не знаютъ ни грусти, ни мечтательности (что — большая рѣдкость въ провинціи), живутъ au jour le jour, пляшутъ съ восторгомъ, хотя увѣряютъ, впрочемъ, что не любятъ танцевъ; кажется, знаніе музыки и умѣніе пѣть должны были бы внести серьезный элементъ въ ихъ душу... Ничуть не бывало; онѣ поютъ Шуберта, играютъ Бетховена и все это безо всякихъ послѣдствій... По вечерамъ работаютъ у себя въ комнатѣ, при сальной свѣчѣ, безовсякихъ церемоній. Всякое распоряженіе отца—кажется имъ заповѣдью такою, что онѣ и помыслить и пожелать другаго не могутъ, даже понять не въ состояніи. Но все это дышетъ такой простотой, такой добротой, такимъ тихимъ довольствомъ и счастіемъ, что по неволѣ отдыхаетъ душа, ничѣмъ не возмущаемая... И я съ удовольствіемъ разговариваю съ Варварой Михайловной о ея хозяйствѣ, пенькѣ, талькахъ и т. п. Такъ какъ меня тамъ очень любятъ, знаютъ всѣ привычки, то мнѣ тамъ совершенно свободно, и потому-то бываю я у нихъ такъ часто; а въ другихъ домахъ, гдѣ такъ мало простоты, столько претензій самыхъ грубыхъ, и самыхъ смѣшныхъ притязаній на умъ и образованность, — рѣдко. Я имѣю право читать почти всѣ письма, получаемыя въ домѣ, особенно дочерьми, отъ ихъ подругъ и пріятельницъ, и это мнѣ очень интересно: я стараюсь вникнуть въ устройство простыхъ женскихъ душъ, не тѣхъ многосложныхъ, высокихъ натуръ, а самыхъ обыкновенныхъ, но при молодости ихъ, всегда интересныхъ. Потому что въ молодости всякій человѣкъ хоть сколько нибудь имѣетъ въ себѣ тѣ непошлыя и искреннія движенія, тѣ невольныя впечатлѣнія, которыя большею частію потомъ пропадаютъ; въ молодости всякій человѣкъ — еще не дюжинный человѣкъ. Дюжиннымъ онъ сдѣлается непремѣнно, если только (но это немногимъ дано), не будетъ постоянно воспитывать себя и трудиться душевно. А такъ какъ живое общество скучно, то я очень люблю читать чужія письма и въ этомъ отношеніи извлекаю всю возможную пользу изъ Унк**.

Однако прощайте, милая моя Маменька и милый Отесинька. Пожалуйста, чтобъ Вамъ не было хуже, лечитесь гомеопатіей. Будьте бодры и здоровы, по возможности.

11-го Іюня 1846 года. Вторникъ. Калуга.

На нынѣшней недѣлѣ я до сихъ поръ безпрестанно на воздухѣ и пользуюсь лѣтомъ, хотя и плохимъ, сколько возможно. Въ Субботу вечеромъ отправился я къ А. О. Передалъ ей просьбу Панова о статьѣ. Она отвѣчала, что ничего не написала, что не напишетъ, потому что не умѣетъ, или напишетъ съ ошибками, что ничего не будетъ интересно и пр. тому подобныя неискреннія вещи, которыя человѣкъ говоритъ для contenance, а она особенно потому, что ей какъ-то ново, странно и дико вступать въ званіе литераторши. Слово за слово наконецъ я упросилъ ее написать статью о Гермаклеѣ, ея бабушкѣ и т. п. вещахъ, о которыхъ она такъ часто мнѣ разсказывала, и узналъ, что начало ея Записокъ (писанныхъ будто бы для дѣтей), съ пятилѣтняго возраста, уже готово. Разумѣется, я просилъ прочесть; написано немного, но очень хорошо, такъ же хорошо, какъ ея письма и изустные разсказы. Всѣ эти воспоминанія такого ранняго дѣтскаго возраста возстаютъ не связно, какъ тѣни, какъ-то отрывчато, безъ начала и конца, безъ послѣдствій, — и все это такъ живо... Она дала обѣщаніе, прямое, при братьяхъ, докончить эту главу, довести воспоминанія до поступленія въ Институтъ и отдать ее въ Сборникъ. Надо, чтобъ Пановъ написалъ мнѣ по этому поводу письмо, въ которомъ бы изъяснилъ свой восторгъ и вновь просилъ бы неотступно ходатайствовать у нея о статьѣ. Письмо это я покажу ей, потому что, увы! похвалы совершенно новаго рода, отъ Славянъ, ей очень лестны и пріятны, и она нѣсколько разъ сама подымала этотъ разговоръ, то говоря, что Славяне будутъ смѣяться, что мы ей льстимъ, что я говорю неправду, что она не хорошо выражается по русски. За всѣмъ этимъ слѣдовали съ моей стороны увѣренія въ противномъ, комплименты и т. п. Я ссылался на Васъ, милый Отесинька, говорилъ, что Вы очень любите ея письма и въ послѣднемъ ея письмѣ къ Вамъ хвалите очень выраженіе про даль и старину.

Прощайте. Я вчера прогулялъ Палату, но нынче хочу туда отправиться пораньше.

15-го Іюня 1846 года. Калуга. Суббота.

Итакъ Вы перемѣнили квартиру; гдѣ же этотъ Пименъ и его переулокъ? Я не знаю. Вы не пишете также: на долго ли наняли Вы этотъ домъ, съ какою цѣлію, съ какими дальнѣйшими видами? 15-е Іюня! Каково лѣто! Надо имѣть необыкновенное смиреніе, чтобы не лопнуть съ досады! До сихъ поръ ни одного, не говорю уже жаркаго, но даже настоящаго теплаго дня; если такъ продолжится, такъ не пожалѣешь и о деревнѣ; и осталось много ли времени: всего полтора мѣсяца: Августъ я не считаю, въ Россіи это мѣсяцъ осенній.

О выпискѣ изъ письма А. О. не написалъ ничего—не знаю почему. Все, что она пишетъ о Вашей статьѣ,—прекрасно, что обо мнѣ—преглупо. У ней есть конекъ: опытность, знаніе людей, учительскій тонъ; я ей это объявилъ вчера. Она меня вовсе не знаетъ, да я объ этомъ не хлопочу; для меня она постоянно очень интересный субъектъ, но совершенно мнѣ чуждый. Много есть вещей, которыхъ я не хочу писать въ письмѣ. Я бы желалъ, чтобы Вы ее видали также часто, какъ я, слѣдовательно во всѣ ея минуты. Она хороша, когда Вы съ ней разговариваете одни и серьезно, но дѣлается подчасъ очень непріятною, когда къ ней подсядетъ какой-нибудь товарищъ Петербургской жизни, и она становится въ прежнія калоши. Да къ тому же она хоть и смѣется надъ Славянскою pruderie, но не скажетъ въ Москвѣ и тысячной доли того, что говоритъ здѣсь; особенно подкрѣпляется братомъ своимъ Осипомъ. Ну да объ этомъ послѣ. Дѣло въ томъ, что вчера, при Ар**, я съ нею разбранился по поводу одного ея Петербургскаго пріятеля такъ, какъ только можно разбраниться съ одной А. О. Слово за слово, дѣло дошло до того что она на каждомъ шагу кричала: «вы, Милостивый Государь, то-то и то-то». Я Вамъ не пишу всего разговора; я ужасно взбѣсился и уже не сидѣлъ, а она безпрестанно вскакивала; досталось тутъ отъ нея и Москвѣ и всѣмъ. Про Васъ она говоритъ, впрочемъ, что вотъ Вы,

милый Отесинька, примирились съ порядкомъ вещей и не возмущаетесь ничьими подлостями, потому что свѣта перемѣнить нельзя! Софизмы на каждомъ шагу, христіанство постоянно за бока; я сказалъ, впрочемъ, что ея примиреніе, терпимость и снисхожденіе—вовсе не слѣдствіе христіанской любви, а слѣдствіе привычекъ и долговременнаго пребыванія въ Петербургѣ Наконецъ я уѣхалъ и теперь нескоро поѣду опять, пропущу нѣсколько вечеровъ. Я такъ былъ сердитъ, что воротившись въ часъ, не могъ заснуть до пятаго часа, всталъ въ восемь и сѣлъ писать къ Вамъ. Если бъ вчера не было поздно, и я не надѣялся скоро заснуть, то ужъ вѣрно бы написалъ стихи съ громомъ и трескомъ *). Кстати о стихахъ... Нѣтъ, лучше обратиться сначала къ порядку событій. Во вторникъ былъ пикникъ вечеромъ, въ Олопкиномъ саду. Хоть я и заплатилъ свои 25 рублей, но не поѣхалъ, потому что на дворѣ было всего пять градусовъ, да и охоты не было; Богъ съ ними совсѣмъ, мнѣ не веселиться. Давно ужь я не хохоталъ, а теперь вовсе разучился смѣяться отъ души! Я остался вчера дома и написалъ стихи: «Русскому поэту». На другой день утромъ написалъ еще стихи. Вечеромъ былъ у А. О.; братьевъ ея не было дома; я говорилъ довольно серьезно о томъ, что меня занимало въ эту минуту, т. е. о мысляхъ, внушившихъ мнѣ эти два стихотворенія. Но видѣлъ, что серьезные разговоры ей въ тягость, а она охотница до пустяковъ, поэтому я рѣшился на другой день не ѣхать, если братьевъ ея опять

---

*) Въ отвѣтъ на это С. Т. писалъ 20 Іюня:

Сдѣлай милость, разразись поскорѣе громомъ и молніей на ту высокую натуру, которая не умѣетъ стряхнуть съ себя болотной гнили, въ которой она выросла и созрѣла—*и успокойся*. Впрочемъ и я и Константинъ прочли съ огорченіемъ твое извѣщенье о Вашей ссорѣ.

Возвращаюсь къ Вашей ссорѣ: разумѣется Ты былъ ея причиной своими рѣзкими выходками, ибо сказать: вашъ другъ и пріятель подлецъ, а особенно женщинѣ, которая не можетъ за это ударить Васъ и вызвать на дуэль,—дѣло непозвительное; на все есть манера: можно сказать тоже, не оскорбивъ лице съ которымъ говоришь. Разумѣется А. О. сбѣсилась и наговорила тебѣ того, что она не думаетъ, не чувствуетъ и не признаетъ. Мнѣ самому не одинъ разъ случалось, въ пылу бѣшенства, то на себя наговаривать, исполненіе чего было для меня невозможно и нравственно и физически. Вотъ какимъ образомъ я объясняю и извиняю рѣчи А. О.

нѣтъ дома. На другой день, т. е. 13-го Іюня, написалъ я еще стихи: «Дождь», которые, впрочемъ, не докончилъ, но докончу на дняхъ. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ А—и; мы съ нимъ просидѣли вдвоемъ и поговорили довольно пріятно. Вчера, т. е. 14 го Іюня, двинулась впередъ моя «Марія Египетская». Я на дняхъ окончу главу, а вчера, кромѣ начала главы, написалъ еще пѣснь, которую поетъ спутникамъ на кораблѣ Марія Египетская *). Можетъ быть, пѣснь эта Вамъ не понравится, но надо вспомнить, что это принадлежитъ къ первой половинѣ жизни Маріи Египетской, и что такое была она въ это время. Надѣюсь окончить скоро всю главу. Впрочемъ, какъ стихами, не доволенъ я ни однимъ стихотвореніемъ. Точно будто разучился писать; развѣ въ послѣдствіи отдѣлаю форму. Хотя все это отвлекаетъ меня отъ главнаго моего предмета—повѣсти въ стихахъ, но я не отлагаю этого намѣренія и уже прикоснулся къ исполненію. Да, моя внутренняя гармонія опять разстроилась, и я чувствую, что долженъ еще написать гремучіе стихи противъ А. О. и примиренія.

Прощайте, милый Отесинька и милая Маменька; дай Богъ, чтобъ Ваше здоровье крѣпилось.

1846 Іюня 18-го, Калуга. Вторникъ.

Не успѣлъ оглянуться, какъ опять Вторникъ и опять почтовый день; это время прошло такъ скоро, что я не успѣлъ даже произвести никакой перемѣны въ своихъ стихахъ; впрочемъ, по обыкновенію обращаюсь къ порядку событій. Въ Субботу, отправивши письма къ Вамъ и къ Аннѣ Тимоѳеевнѣ съ извѣщеніемъ, что я уже не буду, я долженъ былъ остаться дома, потому что шелъ дождикъ. Стиховъ новыхъ никакихъ не написалъ; набросалъ было нѣсколько строфъ, да и оставилъ ихъ такъ, безъ отдѣлки и продолженія. Между прочимъ тамъ есть стихи:

Пошли свою мнѣ помощь Божью,
Мой духъ упадшій воскреси,

*) Смотри Приложеніе.

Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.

Или:

А Вы!... Вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!

Дождикъ шелъ до пятаго часа, и когда онъ пересталъ и небо прояснилось, я отправился къ Унк** въ деревню. Я Вамъ скажу по секрету, что я уже съ мѣсяцъ тому назадъ купилъ по случаю чудеснѣйшую купеческую телѣжку, на желѣзныхъ осяхъ, легкую, какъ перышко; въ моей коляскѣ слишкомъ тяжело ѣздить за городъ, а въ этой телѣжкѣ можно было бы ѣздить и на одной лошади, но я велѣлъ придѣлать крюкъ для пристяжки, и Матюшка едва можетъ сдержать лошадей. Впрочемъ, я ею самъ еще не столько пользовался, сколько другіе мои знакомые. Заплатилъ за нее 90 рублей ассигнаціями. Эта телѣжка всегда пригодится и Вамъ для поѣздокъ изъ Москвы въ Абрамцево. Она очень покойна. Разумѣется, мнѣ очень были рады, и я ночевалъ у нихъ и воротился въ Воскресенье домой часу въ одиннадцатомъ вечера. Какъ нарочно съ этого дня, кажется, вознамѣрилась установиться погода, и вечеръ въ Воскресенье—былъ очаровательный. Я ходилъ ужасно много, право, думаю, сдѣлалъ верстъ съ десять и, посидѣвъ надъ рѣкой нѣсколько времени, вдругъ почувствовалъ желаніе купаться и выкупался. Купанье прекрасное, но такъ какъ днемъ было довольно вѣтрено, то при быстромъ теченіи Угры, едва можно было устоять на ногахъ; вода довольно свѣжа. Пробовалъ удить, но ничего не поймалъ, да и трудно на большой рѣкѣ, безъ тѣни, не въ заливѣ, при волнахъ. Впрочемъ, Матюшка удилъ и поймалъ крошечныхъ окуньковъ, плотицъ и т. п. С. Я. Унк** съ сыномъ (Өедоромъ) до сихъ поръ не возвращался изъ Тамбова; они поѣхали въ моемъ тарантасѣ и не могутъ нахвалиться имъ. Вчера цѣлый день пробылъ я дома, ходилъ только прогуляться на бульваръ и на берегъ Оки; разумѣется, я былъ въ Палатѣ, гдѣ рабо-

таю необыкновенно прилежно; впрочемъ, и нельзя иначе. Секретарь боленъ, К—въ уѣхалъ, прочіе всѣ члены—только переписываютъ, больше ничего, и къ дѣламъ не прикасаются даже издали; Як** и подавно, даже рѣдко ѣздитъ, и я одинъ, какъ перстъ, даже посовѣтоваться не съ кѣмъ.— Нынче у А. О. праздникъ, день рожденія какой-то дочери, и она имъ дѣлаетъ слѣдующій подарокъ: велѣла выстроить для нихъ въ саду избу, немножко меньше настоящей, хорошенькую, какъ игрушечка, при ней хлѣвъ, курятникъ съ настоящей коровой и курами и разными подобными затѣями. Дѣти съ своей неразлучной Англичанкой будутъ тамъ играть и забавляться, болтая только по Французски, Нѣмецки и Англійски.—У ней ужь это намѣреніе было давно; она воображаетъ, что всѣ Славяне придутъ отъ этого въ умиленіе; я, впрочемъ, ее разувѣрилъ, сказавши, что у ней съ ея дѣтьми это выходитъ только забава. Я не люблю, когда изъ этого дѣлается потѣха. Такъ какъ я на праздникъ идти не хочу и тамъ, вѣроятно, будетъ вся Калуга,—то я воспользуюсь прекраснымъ днемъ и отправлюсь куда-нибудь за городъ, для того, чтобы приглашеніе, если оно будетъ, не застало меня дома. Въ Субботу послѣ моего отъѣзда, приходили, говорятъ, ко мнѣ Россети и Ар**; первый отдалъ визитъ... Завтра вечеромъ, можетъ быть, отправлюсь къ А. О., хотя уже безо всякой пріятности; а такъ, изъ приличія.

1846 года. Калуга. Іюня 21-го, Пятница.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо; оно меня очень оживило. Письмо это отъ Четверга, 20 го Іюня. На нынѣшней недѣлѣ въ Середу или во Вторникъ я получилъ также письмо отъ Васъ, отправленное въ Понедѣльникъ. Вы отгадали: я совершенно расклеился: руки дрожатъ отъ малѣйшаго волненія, и надо много усилій, чтобы писать не криво. Чортъ знаетъ, что дѣлается со мной, и какъ мнѣ хочется къ Вамъ, отдохнуть и тѣломъ и душой; я такъ утомленъ нравственно. Отложу лучше письмо до утра; утромъ обыкновенно я спокойнѣе. Въ будущую Субботу я выѣзжаю. Благодарю Васъ за письма, это моя единственная отрада. Вы хотите знать, что такое у меня? Должно быть скрытая лихорадка.—Я

переписалъ Вамъ стихи, которые посылаю. Но каждый день хожу я въ Палату, гдѣ нѣсколько часовъ сряду пишу, работаю, не вставая съ мѣста, и это меня очень утомляетъ, потому что голова дѣлаетъ страшныя напряженія, чтобъ не написать какого-нибудь вздора, тѣмъ болѣе, что я тамъ совершенно одинъ, мнѣ даже не съ кѣмъ посовѣтоваться, и все долженъ брать на свою отвѣтственность, на свою душу. Суббота и Воскресенье—два свободные дня, хотѣлось бы мнѣ отдохнуть, потому что мнѣ хотѣлось бы или совсѣмъ поправиться для отъѣзда къ Вамъ или по крайней мѣрѣ годиться для дороги въ Москву. Прошу Васъ не тревожиться, не безпокоиться и т. п. Если Вы проживете Іюль мѣсяцъ въ Москвѣ, то ужъ я, конечно, Оверомъ пользоваться не буду, а стану лечиться холодной водой.

Теперь объ А. О. Я не былъ у нея ни въ Понедѣльникъ, ни во Вторникъ; въ этотъ день былъ у нея фейерверкъ и дѣтскій балъ, на которомъ большіе кавалеры танцовали только съ маленькими дѣвочками. Праздникъ былъ пышный, и все это для дня рожденія двѣнадцатилѣтней дѣвочки. Наконецъ въ Середу опять пришелъ ко мнѣ Ар**, звалъ къ себѣ и къ ней, говорилъ, что она очень разсердилась за послѣдній нашъ разговоръ. Я и отправился къ нимъ вечеромъ; А. О. встрѣтила меня нѣкоторыми колкостями, на которыя я даже не отвѣчалъ; сказалъ ей, что Пановъ захлебнулся отъ радостной надежды имѣть ея статью; она отвѣчала, что не дастъ теперь статьи ни за что на свѣтѣ, что не хочетъ имѣть съ нами ничего общаго. — «Да чѣмъ же онъ виноватъ, къ тому же изъ насъ каждый на свой образецъ и за мнѣнія другаго не отвѣчаетъ».—«Нѣтъ, вы всѣ больше или меньше въ нѣкоторыхъ случаяхъ думаете одно и тоже». Вчера, т. е. въ Пятницу, пришелъ я къ ней опять, совсѣмъ больной почти. Она меня встрѣтила тѣмъ, что она пишетъ статью для Сборника и прочитала еще, что написала; братьевъ ея тутъ не было, и она стала оправдываться тихо, долго и долго. Я сказалъ ей, что остаюсь при прежнихъ убѣжденіяхъ, что теперь уже во многомъ и очень многомъ не могу сочувствовать ей, но что я на нее болѣе не взбѣшенъ и не сержусь; напротивъ, мнѣ жаль ея. Она говорила: „теперь я старѣю, жизнью живу другою, но мнѣ

нуженъ покой, милосердіе и снисхожденіе, и мое орудіе одно—молитва. Надо и мнѣ быть милосердной по мѣрѣ своихъ слабостей». Тутъ я не могъ не замѣтить ей, что это софизмъ, что это очень удобная теорія, которой нѣтъ границъ.— Она отвѣчала, что *то, противъ чего* я возмущаюсь, она, впрочемъ, не считаетъ важнымъ грѣхомъ, что это слабости, и что воздержаніе отъ нихъ, можетъ быть, совсѣмъ не нужно и добродѣтели особенной нѣтъ. Послѣ этого сознанія, я не рѣшаюсь говорить ей упреки и укоры; воззрѣніе мое совсѣмъ перемѣняется. Я не могу не признавать ея достоинствъ и даже въ стихахъ своихъ не имѣлъ духу укорять ее, но спорить, убѣждать и говорить съ ней о нравственности и т. п. не буду. Это безполезно.... Богъ съ ней, пусть доживаетъ вѣкъ въ мирѣ. Прощайте.

25-го Іюня 1846 года. Вторникъ. Калуга.

Слава Богу, я теперь почти совсѣмъ поправился. Вчера и нынче погода стоитъ такая великолѣпная, что Вы, вѣроятно, *большею частію* уѣхали въ деревню!.. Въ Субботу, написавши къ Вамъ письмо, я рѣшился ѣхать къ Аннѣ Тимоѳеевнѣ, несмотря на дождикъ и на головную боль. Взялъ тарантасъ у Б—а, нанялъ почтовыхъ лошадей и, несмотря на то, что мнѣ вовсе не хотѣлось ѣхать, поѣхалъ. Собираясь ѣхать, я удивлялся самъ себѣ, что рѣшаюсь на такой поступокъ, даже говорилъ Ефиму: согласись, что ты глупъ: видишь, что баринъ нездоровъ и хочетъ ѣхать, ты, вмѣсто того, чтобы отговаривать его и удерживать дома, еще такъ поспѣшно снаряжаешь. Выѣхалъ часа въ два; ѣхали проселками; дорога адская, но мѣста очаровательныя. Дождикъ пересталъ было совсѣмъ, но потомъ опять пошелъ сильный; и я пріѣхалъ къ тетенькѣ часовъ въ семь. Они меня вовсе не ждали, очень обрадовались, приняли ласково и радушно какъ нельзя больше. У нихъ очень хорошо, но гулять было нельзя, потому что дождь этотъ шелъ, не переставая, во всю ночь. Дорога и сырость не сдѣлали мнѣ никакого вреда. На другой день часа въ три выѣхалъ я отъ нихъ и поздно уже вечеромъ воротился въ Калугу. Нашелъ у себя записку отъ А. О. Надо Вамъ сказать,

что въ Пятницу, когда происходило это объясненіе, о которомъ я Вамъ писалъ, я между прочимъ прочелъ ей наизусть нѣкоторыя мѣста стиховъ, *до нея не относящіяся*, напримѣръ: «но я къ горячему моленью» и т. д., не говоря ничего о другихъ мѣстахъ и о томъ, что стихи эти написаны ей. Въ запискѣ своей А. О. проситъ прислать ей эти стихи *). Надо было послать все стихотвореніе, безъ пропусковъ, разумѣется, хоть это и неловко, почему я, вмѣсто отвѣта на записку, вчера поутру и отправилъ ей это посланіе при другихъ маленькихъ стишкахъ, которые напишу Вамъ внизу письма. Не надо было вовсе писать этихъ стиховъ, а ужь если написаны, то, право, неловко было бы пускать ихъ въ ходъ потихоньку отъ нея. Это дошло бы до нея со стороны. Потомъ ушелъ въ Палату. Воротясь, опять нашелъ записку, гдѣ она пишетъ, что это мои лучшіе стихи, зоветъ къ себѣ вечеромъ и проситъ написать Вамъ всѣмъ отъ нея дружескій поклонъ, «хоть и не хотите моихъ сочувствій». Вечеромъ былъ. Описаніе спора давно уже было послано ею Самарину; стихи переписываются ею и будутъ также посланы, какъ кажется, съ огромнѣйшими толкованіями и бранями на мой счетъ. Она очень хвалила стихи, перечла ихъ и говорила, что ихъ даже можно напечатать: «къ Петербургской Дамѣ», словомъ, какъ умная женщина, приняла видъ самый равнодушный, спросила, — послалъ ли я эти стихи къ Вамъ; я отвѣчалъ, что *да*. Кажется, ей это было досадно; она говорила, что, вѣрно, Константинъ Сергѣевичъ будетъ въ восторгѣ, «*что мнѣ такъ досталось*». — «Онъ найдетъ, вѣроятно, отвѣчалъ я, что въ стихахъ ничего не сказано, что все это какъ-то блѣдно»... «Помилуйте, да чего ужъ хуже, чего же больше!» вскрикнула она невольно, и я этимъ очень доволенъ, потому что это доказываетъ, что стихи не остались безъ впечатлѣнія, какъ она ни прикидывайся. Я оставался недолго и радъ, что по крайней мѣрѣ теперь я стану въ настоящія отношенія. Душа моя давно отъ нея отвратилась, тѣмъ болѣе, что вчера опять говорила она разныя вещи, которыя несовмѣстны ни съ какимъ раскаяніемъ и горечью души!

*) Стихи къ А. О. Смирновой. См. Приложеніе.

Къ тому же говоря съ вами наединѣ одно, смѣется на другой день объ этомъ же предметѣ, при другихъ, не вызываемая никѣмъ. Мнѣ все это такъ надоѣло, что сейчасъ становится скучно, тѣмъ болѣе, что и вчера почти все молчалъ, да и впередъ, хоть и намѣренъ бывать, какъ можно рѣже, но не намѣренъ, нѣтъ уже никакой охоты говорить.— Вяземскій въ письмѣ своемъ къ ней, гдѣ сначала долго толкуетъ о ея глазкахъ, шейкѣ, плечикахъ, пишетъ, что въ Петербургѣ холодно и вѣтрено, и онъ по поводу этого сказалъ острое словцо именно: что изъ прорубленнаго Петромъ въ Европу окна такъ несетъ и дуетъ такимъ холодомъ, что его надо поскорѣе заколотить и наглухо. Прочтите, говоритъ, это Московскому Аксакову.— Погода восхитительная. Нынче праздникъ (Царскій день). Но я ни въ Соборѣ, ни въ Воксалѣ не буду, хочу уѣхать куда-нибудь; можетъ быть, поѣду къ Унк** у которыхъ не былъ десять дней.

Больше писать не буду. Итакъ до свиданія! Можетъ быть, это письмо придетъ позже меня. Я теперь, благодаря водѣ, совершенно, кажется, здоровъ.

Вотъ стихи:

Въ порывѣ бѣшеной досады,
Въ тревожныхъ думахъ и мечтахъ,
Я утѣшительной отрады
Искалъ въ восторженныхъ стихахъ,
И все, что словомъ неразумно
Тогда сказалось ввечеру,
Повѣрилъ пылко и безумно
Неосторожному перу'
Велѣнью Вашему послушенъ,
Посланье шлю и каюсь въ немъ,
Хоть знаю, будетъ Вашъ пріемъ
И очень простъ и равнодушенъ!..
Но, право, мнѣ, въ мои стихи
Отнынѣ не внесутъ укоровъ
Ни рядъ обидныхъ разговоровъ,
Ни Ваши скудные грѣхи!

Тутъ перерывъ въ перепискѣ, потому что Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ на трехъ-недѣльный отпускъ въ Абрамцево къ родителямъ.

20-го Іюля. Калуга. Суббота. 10 часовъ утра.

Сію минуту пріѣхалъ, милый мой Отесинька, и, покуда Ефимъ выгружалъ тарантасъ, сѣлъ написать къ Вамъ, чтобъ сказать Вамъ, что я здоровъ и, несмотря на дорогу въ жаркое время, чувствую себя такъ же хорошо, какъ и въ первое время пребыванія у Васъ. Намѣренъ сейчасъ умыться, одѣться и ѣхать къ Як**, а потомъ, можетъ быть, и къ Губернатору. Вамъ, вѣроятно, уже описаны подробности моего отъѣзда и Оверовыхъ наставленій. Прощайте, до Вторника, будьте здоровы. Пишу и къ Маменькѣ.

1846 года Іюля 23-го. Вторникъ. Калуга.

Нынче 23-е Іюля, ровно 20 дней, какъ стоитъ хорошая погода: постоянство, необыкновенное въ нашемъ климатѣ. Что-то Вы теперь подѣлываете, милая Маменька, въ Москвѣ, и Вы, милый мой Отесинька, въ Абрамцовѣ? Вы уже, вѣроятно, знаете, что я пріѣхалъ въ Калугу совершенно благополучно и въ вожделѣнномъ здравіи, въ какомъ нахожусь и понынѣ. Написавши къ Вамъ письма, въ двухъ экземплярахъ, умывшись и одѣвшись, я отправился сначала къ Як**, который пришелъ въ восторгъ отъ моей аккуратности, сказалъ, что ждалъ меня именно 20-го числа, что сейчасъ бы воспользовался моимъ прибытіемъ, чтобъ ѣхать, но задерживаютъ его нѣкоторыя дѣла. Впрочемъ, онъ теперь уже не присутствуетъ въ Палатѣ. Я засталъ Як** въ ту самую минуту, какъ ему подали на просмотръ проэктъ афишки піэсъ, которыя должны были играть на другой день; тамъ сказано, что такая-то дѣвица въ антрактѣ будетъ пѣть балладу изъ трагедіи «Гамлетъ». Як** настаивалъ, чтобы было помѣщено—чьего сочиненія трагедія «Гамлетъ». Отъ него я узналъ, что См** очень неудачно съѣздилъ въ Петербургъ, бранитъ Петербургъ ужасно, ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и ему самому не дали чина; что большая часть здѣшнихъ чиновниковъ и лицъ, любящихъ Николая Михайловича, даютъ ему обѣдъ по случаю возвращенія его (Калугѣ только нужны предлоги), и съ сими словами подалъ мнѣ подписку: дѣлать нечего, я подписался. Я по-

ѣхалъ къ А. О. Она больна, похудѣла и перемѣнилась нѣсколько въ лицѣ, говоритъ, что ей никогда не было такъ дурно, какъ въ это время, что братъ ея, Россети, также боленъ и тѣмъ же, чѣмъ и она, разстройствомъ нервовъ или какою-то нервической лихорадкой... Поговоривъ о болѣзни, разспросивъ о здоровьѣ всего семейства, она перешла наконецъ къ тому, къ чему давно подбиралась. «Ну что, передали Вы Константину Сергѣевичу нашъ споръ?» — Передалъ. — „Ну что онъ, въ ужаснѣйшемъ на меня негодованіи?» — Онъ раздѣляетъ мои мысли. — «Т. е., что не должно примиряться съ личностями!» Я сказалъ, что о непримиреніи съ личностями никогда не было и помину, но вотъ и вотъ противъ чего нападалъ. Потомъ опять послѣ незначительнаго разговора, она вдругъ спросила: «что стихи Вашимъ нравятся?» —Нравятся, отвѣчалъ я и почти вскорѣ послѣ этого всталъ, чтобъ ѣхать, просидѣвъ у нея немного болѣе получасу. «Надѣюсь, до свиданія», сказала она, когда я уѣзжалъ. Воротившись домой и слегка пообѣдавъ, устроивъ свои дѣла по дому, взялъ я извощика и отправился къ Унк** въ деревню, гдѣ обрадовался деревенскому воздуху вновь. Матюшку и лошадей нашелъ въ наилучшемъ положеніи.

Пятница, 26 Іюля. Калуга.

Вчера прочелъ я письмо Гоголя объ Одиссеѣ. Многое чудесно хорошо; появленіе Одиссеи, можетъ быть, замѣчательно, какъ фактъ, въ XIX вѣкѣ, но появленіе ея въ Россіи не можетъ имѣть вліянія на современное общество, на Европейское. Одиссея не вылечитъ Запада, не уничтожитъ его исторіи, а насъ, русскихъ, не примиритъ съ порядкомъ вещей, а вліяніе ея на русскій народъ—мечта. Точно будто нашъ народъ читаетъ что-нибудь,—есть ему время! А Гоголь именно налегаетъ на простой русскій народъ. Нѣтъ, долго, слишкомъ долго зажился онъ за границей. Что и говорить, Одиссея подѣйствуетъ благотворно на душу отдѣльнаго человѣка, и не одного. Но какъ хороши эти незыблемыя, величавыя созданія искусства между нашей мелкой дѣятельностью, какъ нѣмѣетъ передъ ними наша кропотливая талантливость!

Прощайте, больше писать нечего, да и пора идти въ Палату.

3-го Августа 1846 года. Суббота. Калуга.

Вчера вечеромъ получилъ я два письма отъ Васъ, т. е. одно изъ Абрамцева, другое изъ Москвы. Итакъ вы выудили нѣсколько линей; есть по крайней мѣрѣ и въ нынѣшнемъ году выуженныя большія рыбы. Хоть Вы и говорите, милый Отесинька, что я сглазилъ было погоду, но надо признаться, что она уже мѣсяцъ болѣе или менѣе одинакова. Конечно, ночи стали холоднѣе, но небо почти все оставалось голубымъ; была маленькая перемежка, но въ эти послѣдніе дни было такъ же жарко и душно, какъ и въ Іюлѣ. Надо бы дождика, чтобы освѣжиться, а то просто не знаешь, куда дѣваться, и ничего не дѣлаешь. — Вы пишете мнѣ насчетъ сближенія съ А. О. Она больна и это только заставляетъ меня еще навѣщать ее; стихи мои не были какою-то дѣтскою вспышкой, я точно то же думаю и теперь, и потому не можетъ и не должно быть никакого сближенія. Въ Середу, часу въ третьемъ, былъ я у нея съ визитомъ, слѣдовательно черезъ десять дней послѣ перваго. Я нашелъ ее лучше, чѣмъ въ тотъ разъ: она бодрѣе, принимаетъ участіе въ окружающемъ ее, но находится въ какомъ-то дѣтскомъ состояніи, на которое ужасно непріятно и тяжело было смотрѣть: ей не возражаютъ, ее забавляютъ, обманываютъ, и она сама себя обманываетъ, говоритъ какимъ-то тихимъ голосомъ. Она познакомила меня съ Клементомъ, ея братомъ, вообще обрадовалась мнѣ очень; о стихахъ ни слова и сказала Ар**: „вотъ Иванъ Сергѣевичъ опять вернулся къ намъ; онъ потому не былъ, что ему тяжело на меня смотрѣть; я это вижу“. Я не счелъ нужнымъ выводить ее изъ заблужденія, потому что все боялся, что скажешь что-нибудь рѣзкое, а тутъ и запрыгаютъ нервы. Вообще я съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ смотрѣлъ не столько на нее, сколько на это нервическое состояніе, особенно зная, что нервы лгутъ и т. п. Просила очень не оставлять ее; потомъ пріѣхалъ мужъ ея, сталъ меня удерживать обѣдать, звать вечеромъ въ тотъ же день; потомъ, когда я уѣзжалъ, а онъ продолжалъ что-то говорить, то А. О. сказала мнѣ вслѣдъ: слышите, Николай Михайловичъ проситъ, чтобъ Вы меня навѣщали. — Всѣ эти отношенія

произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Въ тотъ день я къ нимъ не поѣхалъ, а былъ вечеромъ въ Четвергъ, потому что въ Пятницу предполагалъ ѣхать или къ В—мъ или къ Унк**. Пріѣхалъ, не засталъ никого дома, кромѣ Клемента: всѣ въ саду. Дача Губернаторская находится въ самомъ загородномъ саду, который есть общественное гулянье. Пошли въ садъ, по случаю Спаса набитый гуляющими, встрѣтили тамъ А. О. въ большой компаніи дамъ; она просила зайти къ ней опять въ домъ; я ходилъ по саду съ Клементомъ, у котораго умъ очень остроуменъ, но какъ-то безплоденъ, потомъ воротились въ домъ къ А. О.; тутъ явились опять гости, пришелъ мужъ ея, и А. О., которую я нашелъ очень лучше, пошла разсказывать анекдоты и про М. Н., и про Графа Д—ъ, и про герцога такого-то, и вдобавокъ анекдоты, мною давно слышанные. Всѣ приходятъ въ восторгъ и восхищеніе, а на меня это навѣяло такую скуку, что я, несмотря на все ея вниманіе ко мнѣ, ушелъ прежде всѣхъ и гораздо раньше того времени, въ которое она обыкновенно распускаетъ свою компанію. Странная вещь! А. О. производитъ иногда на меня то же впечатлѣніе, какое производитъ альбомъ съ дорогими картинами, который вы уже разъ двадцать пересмотрѣли и который, какъ только вы его опять хотите развернуть, съ перваго листа нагоняетъ на васъ зѣвоту. Или еще лучше— такое впечатлѣніе, которое производитъ мѣняльная лавка, набитая всякими драгоцѣнностями и всякою дрянью, гдѣ все разставлено по мѣстамъ, гдѣ вы бывали много разъ и знаете все почти наизусть. Вдругъ приходитъ охота посмотрѣть вновь лавку; приходишь: опять все знакомое, все также лежитъ на одномъ мѣстѣ, золото также безплодно и бездѣйственно, дрянь также тутъ; начнешь смотрѣть по порядку, но находитъ скука, и, не докончивъ, съ тоской и досадой на потраченное время, выходишь изъ лавки *).—Я слы-

*) С. Т. пишетъ на это 12 Августа т. г.

Сравненія твои очень хороши, но тѣмъ не менѣе твое отвращеніе отъ посѣщенія Ал. Ос. имѣетъ въ своемъ основаніи недовольство самимъ собою. Ты можетъ быть и не сознаешься въ этомъ, но я убѣжденъ, что это такъ. По крайней мѣрѣ, такая строгость, взыскательность и холодность къ ея болѣзненному

шалъ еще прежде стороною и теперь подтвердилъ мнѣ и Ар**, что А. О. получила огромнѣйшее, листахъ на четырехъ, письмо отъ Гоголя, наполненное совѣтами и разными христіанскими наставленіями ей. Говоритъ, что письмо превосходное и что въ немъ Гоголь, къ вящшему ихъ удивленію, пишетъ имъ про Калугу, какъ будто онъ въ ней бывалъ нѣсколько разъ, говоритъ про многихъ чиновниковъ и жителей, называя ихъ по именамъ, про то, какъ А. О. сначала повела себя въ Калугѣ, учитъ ее быть Губернаторшей, брать примѣръ съ бывшей здѣсь лѣтъ 20 тому назадъ Княгини Оболенской (матери Мити, отецъ его былъ здѣсь Губернаторомъ), дѣлать добро такъ-то и такъ-то,—а мужа ея—не гнать взяточниковъ: «Я все знаю, мнѣ извѣстно все, что вы дѣлаете», прибавляетъ Гоголь, но не пишетъ, какимъ образомъ ему это все извѣстно. Согласитесь, что это немножко смѣшно; добро бы это было въ шутку, а то Гоголь серьезно хочетъ являться какимъ-то всевѣдущимъ и постоянно о ней пекущимся Провидѣніемъ. Я думаю, что Самаринъ, который въ перепискѣ съ Гоголемъ, сообщаетъ ему всѣ еженедѣльныя письма А. О., въ которыхъ она подробно описываетъ ему и всякое новое лицо и всякое новое Калужское событіе; да къ тому же Самаринъ жилъ съ Оболенскимъ, который знаетъ въ Калугѣ всѣхъ. Да, Гоголь проситъ еще А. О. описать ему новое учрежденіе Губернскаго Правленія, всѣ отношенія Палатъ между собою и т. п. Все это раздѣлено по пунктамъ; впрочемъ, я самаго письма не читалъ, а мнѣ разсказывалъ это Ар**.

1846 года. Калуга. 5-го Августа. Понедѣльникъ.

Пишу нынче къ Вамъ потому, что послѣ обѣда ѣду къ Унк** и пробуду тамъ цѣлый день: завтра праздникъ, съ которымъ Васъ поздравляю, также съ окончаніемъ говѣнія и причащеніемъ, если кто говѣлъ. Я писалъ Вамъ въ Суб-

---

состоянію, по моему слишкомъ упорны. Я не могъ бы такъ поступать. Она сказала совершенную правду, что тебѣ тяжело на нее смотрѣть. Безъ всякаго сомнѣнія ты сильно разстроилъ ея нервы. Хотя изъ приличія, если нѣтъ сожалѣнія, ты долженъ бы бывать у нея чаще. Впрочемъ, поступай какъ самъ знаешь.

боту, отвѣчалъ на Ваши письма; съ того времени ничего особеннаго не произошло; я всѣ эти дни оставался совер шенно одинъ и никого почти не видалъ; пробовалъ заниматься, читалъ Польскую грамматику и другія книги, но вышло мало толку: дни такіе жаркіе, знойные, удушливые, а квартира моя такого фонарнаго устройства, что цѣлый день на солнцѣ; садика же при домѣ нѣтъ, такъ что не знаешь, куда дѣвать себя. Еслибы была гроза или пошелъ дождикъ, то какъ бы онъ освѣжилъ и землю и человѣка. Съ того времени, какъ я здѣсь, въ Калугѣ, я ничего еще не написалъ и ничего не сдѣлалъ; да оно, впрочемъ, и извинительно при такой погодѣ. Но я боюсь нравственно облѣниться и потому нарочно оставался эти праздничные дни въ городѣ, но не возбудилъ въ себѣ настоящей дѣятельности. Такъ какъ въ будущую Пятницу я ѣду въ Оптину пустынь, то и хочу отправиться на завтрашній день къ Унк**, потому что мнѣ, при ихъ внимательности и привязанности ко мнѣ, совѣстно не бывать у нихъ долго.—Что же мнѣ сказать Вамъ еще? Да, купилъ я здѣсь себѣ, потому что намѣренъ завести себѣ особую библіотеку, лишь только русскую,— Державина,—послѣднее компактное изданіе, въ одномъ томѣ, съ великолѣпнымъ портретомъ, очень хорошее и самое полное, полнѣе Смирдинскаго; тутъ есть и Читалагарскія оды, считавшіяся потерянными. Цѣна 10 рублей 50 копѣекъ ассигнаціями. Чрезвычайно дешево. Купилъ это я въ новой (уже второй) книжной лавкѣ, здѣсь открывшейся. Я спрашивалъ Московскій Сборникъ. Книгопродавецъ отвѣчалъ, что онъ его не выписывалъ, *потому что его въ Отечественныхъ Запискахъ и Библіотекѣ не очень хвалятъ*, а Петербургскій Сборникъ есть. Я Державина читалъ прежде очень мало и перечитываю его теперь всего вновь и прихожу просто въ восторгъ отъ нѣкоторыхъ мѣстъ: такая дерзость образовъ и оборотовъ! — Читали ли Вы разборъ Сборника въ Библіотекѣ для чтенія, писанный, вѣроятно, Никитенкой? Глупѣе ничего нельзя себѣ вообразить; на Москву, на ненависть ея къ Петербургу, о чемъ говоритъ онъ открыто, нападаетъ самымъ ослинымъ образомъ; разбираетъ не всѣ статьи, говоритъ только, что всѣ болѣе или менѣе проникнуты однимъ направленіемъ. Про меня говоритъ: «Стихо-

творенія г. Аксакова служатъ лучшимъ украшеніемъ Сборника по своему истинно Славянскому направленію, а потому имъ мѣсто тамъ, а не въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ». Видно только о Сборникѣ и отзовется опять хорошо одинъ Плетневъ и вообще тѣ люди, которые и безъ Сборника болѣе или менѣе сочувствуютъ нашему направленію и которыхъ Сборникъ ни на шагъ не подвинулъ. Здѣсь всѣ, кому я давалъ читать Сборникъ, прежде всего начинаютъ хвалить статью Линовскаго, а Славянскаго направленія почти не замѣчаютъ; надо ихъ взять за носъ и уткнуть въ нѣкоторыя мѣста, не иначе. Грустно, очень грустно. А между тѣмъ всѣ соединяются въ общемъ чувствѣ неудовольствія... Прощайте, будьте здоровы.

1846 года Августа 10-го. Суббота. Калуга.

Во Вторникъ отъ Унк** я рано воротился. Тамъ, по обыкновенію, ничего не дѣлалъ и скоро соскучился: вздумалъ было съ Э—мъ и Б—мъ наловить лягушекъ и попробовать ихъ вкусъ въ видѣ соуса и жаркого. По крайней мѣрѣ это имѣетъ привлекательность новаго, неиспытаннаго, и мы наловили лягушекъ съ полсотни; но намѣреніе наше произвело ужаснѣйшій скандалъ въ домѣ, и повару запретили готовить и осквернять очагъ подобными погаными блюдами; такимъ образомъ мы и не поѣли лягушекъ. Воротясь домой, нашелъ опять все тоже: ни писемъ, ни новостей, ни событій. Посидѣлъ, подумалъ, повертѣлъ въ рукахъ книгу, карандашъ и легъ спать: я теперь сплю безъ церемоній и безъ совѣсти!... Въ Середу поутру отправился въ Палату, гдѣ имѣлъ любопытный разговоръ съ однимъ священникомъ, говорятъ, еще умнѣйшимъ въ Калугѣ. Слушайте: по прежде принятому обыкновенію, въ дѣлахъ о покражѣ изъ церкви утвари, сосудовъ и другаго церковнаго имущества, въ случаѣ неоткрытія виновныхъ въ кражѣ, взысканіе денежное, по цѣнѣ похищеннаго, налагалось, безо всякаго закона, на церковнаго сторожа, виновнаго въ слабомъ охраненіи церкви. Вы знаете, что въ эти должности поступаютъ обыкновенно старики, отставные солдаты и люди самые бѣдные. Если съ нихъ взять нечего, то они,

по установленному порядку, отдавались въ казенныя работы и задѣльною платою взысканіе въ теченіе долгихъ лѣтъ постепенно уплачивалось. Мнѣ показалось это все очень нелѣпымъ; по закону обязанъ отвѣчать нанимающійся охранять что-либо по контракту, гдѣ помѣщено именно это условіе о вознагражденіи, и съ представленіемъ по себѣ поручителей; но въ этихъ личныхъ наймахъ ничего подобнаго не соблюдается. Къ тому же за кражу долженъ отвѣчать виновный въ кражѣ, а тотъ можетъ быть особо наказанъ, именно за оплошность. Да и странно какъ-то: церковь содержится добровольными, а не вынужденными взносами. Всѣмъ подобнымъ дѣламъ далъ я другое направленіе, мнѣніе нижнихъ инстанцій уничтожилъ и написалъ, чтобъ сторожей отъ взысканія освободить. По этимъ дѣламъ долженъ присутствовать депутатъ съ духовной стороны, священникъ какой-нибудь. Является онъ въ Середу и говоритъ, что не можетъ подписать нашего рѣшенія, что церковь не удовлетворяется, не соблюдены ея интересы, что такихъ рѣшеній прежде никогда не бывало и пр. Я отвѣчалъ ему, что я не уступлю ему ни ползапятой, что отнынѣ, покуда я здѣсь, въ Палатѣ, другихъ рѣшеній и не будетъ; наконецъ сталъ ему доказывать и спорить; онъ—не соглашаться. Я говорилъ ему, что выжимать послѣднюю каплю крови изъ старика—не только не въ христіанскомъ духѣ, но просто безбожно, наконецъ спросилъ: «что же, по вашему мнѣнію церковь?» — «церковь казна, отвѣчалъ онъ, и церковный интересъ долженъ быть соблюденъ».—Если церковь казна, сказалъ я, такъ вы чиновники! Депутатъ подалъ мнѣніе, съ которымъ, конечно, Палата не согласилась и которое онъ теперь представилъ къ Архіерею, а сей полѣзетъ въ Синодъ, откуда, вѣроятно, придетъ скоро законъ о соблюденіи *церковнаго интереса*, какъ казеннаго!—Я теперь веду по службѣ бранчливую переписку съ прокуроромъ, который надоѣлъ своими пустыми и подъяческими протестами... Я самъ пишу отвѣты, довольно эффектные и рѣзкіе, гдѣ вывожу на чистую воду, безъ подъяческихъ темныхъ фразъ, всю нелѣпость его замѣчаній. Такъ ужъ надоѣла мнѣ эта ложь и учтивость на бумагѣ! Прокуроръ покуда замолкъ, но взялъ копіи съ моихъ отвѣтовъ, вѣро-

ятно, для отсылки къ Министру, у котораго это существо департаментскаго происхожденія на отличномъ счету. Да чортъ съ ними! — Въ Середу вечеромъ былъ я у А. О., но болѣе пяти минутъ ея не видалъ, потому что встрѣтилъ ее готовою ѣхать, — такъ для прогулки, съ своею garde-malade; на вопросъ о здоровьѣ она отвѣчала, что дурненько и просила подождать ее. Я отправился въ садъ, гдѣ и былъ съ Клементомъ, который разсказывалъ мнѣ много любопытнаго про Юго Западной край Россіи. Воротилась А. О., но только что сѣла,—отколь ни возьмись Калужскія дамы, да вдобавокъ самыя скучныя и усидчивыя. Я опять съ Клементомъ сошелъ въ садъ и тамъ, поговоривши съ полчаса, не прощаясь съ А. О., уѣхалъ. Что ужъ я дѣлалъ въ Четвергъ, — право не помню. Былъ у Ѳедора Унк**, видѣлъ у него воротившагося изъ отпуска Предсѣдателя, П — ва. Узнавъ, что А. О. опять хуже, что она говоритъ про меня, что я не люблю больныхъ и потому у ней не бываю, я, предполагая еще уѣхать вечеромъ куда-нибудь на эти дни, въ Пятницу, часу во второмъ былъ у ней съ визитомъ, нашелъ ее лежащею въ постели и гораздо въ худшемъ состояніи. Я посидѣлъ у ней недолго, сколько она сама позволила. Самаринъ уѣхалъ въ Ригу. А. О., несмотря на свою слабость, спрашивала подробно о здоровьѣ каждаго изъ Васъ, и Отесиньки, и Маменьки, и Константина Сергѣевича, и Ольги Сергѣевны и другихъ. Такъ какъ въ этомъ искусственномъ вниманіи слышался какой-то упрекъ, то и скучно было мнѣ отвѣчать на это. Однако пора, пора! Прощайте.

1846 года. Калуга. 13-го Августа. Вторникъ

Пишу на маленькомъ листочкѣ нынче потому, что проспалъ и надобно будетъ скоро отправиться въ Палату.

Въ Субботу оставался я въ Калугѣ, и часовъ въ 9 вечера отправился я въ деревню къ Унк**, потому что соскучился оставаться въ городѣ, въ духотѣ, пыли и въ бездѣйствіи. Въ Воскресенье обѣдали тамъ Мухановы, сосѣдки ихъ по имѣнію, пріѣхавшія сюда на мѣсяцъ. Я ужъ, кажется, писалъ Вамъ, что познакомился съ ними. Старшая

изъ нихъ, Марья Сергѣевна, лѣтъ 45-ти, очень замѣчательная дѣвушка, не столько умомъ, сколько начитанностью. Далъ ей читать «Московскій Сборникъ». Я съ ней просидѣлъ часа три битыхъ послѣ обѣда и удивился огромной памяти. Вообразите, она изъ Гомера (въ переводѣ Гнѣдича) наизусть читаетъ себѣ цѣлыя страницы. Такъ какъ у нихъ хорошее очень состояніе, то все, что только новаго выходитъ по Нѣмецки, Французски и Англійски, получается ею и читается. Надо прибавить къ чести ея, что она не обыкновенно скромна, даже смиренна въ разговорѣ Никогда не позволитъ себѣ не только рѣзкаго слова, но и рѣшительнаго сужденія. Это, впрочемъ, послѣднее-то не въ моемъ вкусѣ... Кромѣ того,—съ какой стороны ее не тронь, всюду встрѣтишь религіозный, православный взглядъ, распространенный ею на все, point de départ.—Въ Воскресенье ввечеру я воротился и нашелъ Ваше письмо. Увѣдомьте меня, что пишетъ Самаринъ.—Вчера, часу въ третьемъ былъ у меня См**, но я его не принялъ, сказавшись не дома, ибо былъ совершенно раздѣтъ послѣ обѣда. Онъ велѣлъ просить вечеромъ къ себѣ. Я дѣйствительно поѣхалъ, нашелъ тамъ нѣсколько дамъ и мужчинъ Калужскихъ, также какого-то Т—го, пріѣхавшаго изъ Петербурга (чуть ли не Теофила). А. О. нашелъ въ прекрасномъ положеніи, она очень весела, пѣла и играла съ Т—мъ на фортопьяно, лечится гомеопатіей у него. Такъ какъ я пріѣхалъ довольно поздно, то всѣ эти господа скоро сѣли въ карты, и А. О. также играетъ очень ревностно въ пикетъ, а меня мужъ ея затащилъ къ себѣ въ кабинетъ, далъ сигаръ и два часа доказывалъ мнѣ необходимость служить. Этимъ разговоромъ, въ которомъ, впрочемъ вполнѣ обнаружилась его прекрасная душа, онъ меня утомилъ нѣсколько. Славный человѣкъ См**! Много еще про него дорогой разсказалъ мнѣ Ар**, чего я прежде не зналъ.

Съ нетерпѣніемъ жду письма отъ Плетнева и рукописи. Полученіе ея должно или дать новый толчекъ моей дѣятельности, нуждающейся въ немъ, или, такъ сказать, обезкуражить на нѣсколько времени. Стиховъ я не пишу вовсе. Занимаюсь плохо. Впрочемъ, до сихъ поръ было извиненіе—жаръ. Но вчера цѣлый день шелъ дождь и была гроза.

Нынче небо сѣрое, хотя день теплый, однакоже не жаркій, слава Богу. Можетъ быть, я и въ состояніи буду опять работать. Прощайте.

1846 года. Калуга. 16-го Августа. Пятница.

Я опять пишу къ Вамъ въ Пятницу, потому что предполагаю ѣхать или въ Перемышль, къ тетенькѣ, или въ Оптину пустынь съ Унк**: вдвоемъ пріятнѣе и дешевле. Вы, можетъ быть, живете теперь въ Москвѣ, милый мой Отесинька, потому что погода перемѣнилась: ненастно и прохладно. Впрочемъ, это подаетъ надежду на Сентябрь мѣсяцъ. Сентябрь! вотъ и осень на дворѣ, всего 4 мѣсяца осталось этого года... Этотъ годъ необыкновенно глупо пройдетъ для меня, если я и въ эти 4 мѣсяца ничего не сдѣлаю. А похоже на то. «Марію Египетскую» я совершенно отложилъ до тѣхъ поръ, пока не соберу всѣхъ свѣдѣній о Египтѣ христіанскомъ. Нельзя же мнѣ окружать ее воздухомъ, вѣдь она жила же въ дѣйствительности... Надо, чтобъ появленіе ея напоминало условія мѣстности и времени, особенно въ первой половинѣ. Во второй другое дѣло. Образъ святости такъ огроменъ, такъ пространенъ и пустыненъ, что эти условія мнѣ не нужны. Къ тому же надо признаться, что наша образованность такъ ограниченна, такъ жалка, что всякая фантазія историческая спотыкается. Еслибъ мнѣ попался по крайней мѣрѣ какой-нибудь ученый, проклятый Нѣмецъ, изъ котораго я бы выжалъ все, что мнѣ нужно!... Да не попадается.—Въ Понедѣльникъ получилъ я съ почты посылку. Думалъ, что рукопись... Нѣтъ, «Современникъ» за весь 1846 годъ. Въ послѣднемъ №, 8-мъ, за Августъ, нашъ «Московскій Сборникъ» превознесенъ до небесъ. Онъ не разбираетъ каждой статьи отдѣльно, но вотъ что говоритъ: «Но еще важнѣе то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатію или истины, или таланта, или глубокаго знанія. Его справедливѣе бы назвать не Сборникомъ, а избранникомъ. Статьи ученыя, статьи чисто литературныя и всѣ стихотворенія, здѣсь помѣщенныя, сохранятъ свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанетъ привлекать къ себѣ вниманіе свѣтскихъ людей...» Далѣе онъ заканчиваетъ такъ:

«Конечно нельзя не желать, чтобы осуществилась мысль издателя Сборника Историческихъ и Статистическихъ свѣдѣній о Россіи,—мысль о соединеніи однородныхъ изслѣдованій въ одно изданіе, безъ примѣси чуждаго ему. И особенно въ Москвѣ, гдѣ уже явился образецъ подобнаго изданія, можно привести эту мысль въ исполненіе и по другимъ отраслямъ вѣдѣнія. Тамъ не одни должностные литераторы и ученые; тамъ много лицъ, посвятившихъ музамъ свободную жизнь свою. Они, изъ сердца Россіи, обязаны дать примѣръ и въ этомъ дѣлѣ». Каковъ Плетневъ! Молодецъ, право! Надо, чтобъ Пановъ подарилъ ему Сборникъ. Мнѣ нравится то, что онъ какъ здѣсъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, говоритъ именно о Москвѣ, о сочувствіи своемъ *Московскому* направленію, такъ что даже участвуя въ его журналѣ, остаешься Москвичемъ, не смѣшиваешься съ Петербургомъ. Я бы рѣшился послать къ Плетневу какіе-нибудь стихи: совѣстно передъ его обязательностью, тѣмъ болѣе, что Языковъ и Чижовъ тамъ участвуютъ. Но меня остановило одно стихотвореніе, не подписанное, помѣщенное въ 8 №, подъ названіемъ: «Отвѣтъ». Преподлое. Я буду писать Плетневу, благодарить его за «Современникъ» и хочу сказать ему откровенно, что̀ именно меня смущаетъ въ его журналѣ, что̀ мѣшаетъ мнѣ свободно участвовать въ немъ. Надоѣло мнѣ, признаюсь, толковать о нашемъ скверномъ положеніи, о невозможности дѣятельности и т. п. Такъ все безплодно. Россети говоритъ, что результатомъ всѣхъ его стремленій и шатаній—выходитъ наконецъ преферансъ. Шутили объ этомъ. Ар** взялся написать о преферансѣ стихи, предложилъ мнѣ. Я отъ нечего дѣлать написалъ ихъ вчера и послалъ ему. Вотъ они. Они относятся собственно къ Россету *).

1846 года Августа 20-го. Вторникъ. Калуга.

Пахнетъ, пахнетъ осенью и ночи становятся все холоднѣе. Какъ ни надоѣли мнѣ жары, но грустно разставаться съ лѣтомъ и готовиться прожить долгую, скучную зиму.

---

*) См. въ Прилож. „О преферансѣ не тоскуя“.

Письма Ваши прочелъ я уже въ Воскресенье поздно вечеромъ и получилъ ихъ оба вдругъ, т. е. отъ 12-го и отъ 17-го Августа. Буду отвѣчать на нихъ. Итакъ, Вы въ Москвѣ, милый Отесинька, и лечитесь у Кауфмана, а можетъ быть, и опять уѣхали въ деревню, хотя свѣжесть воздуха и холодный вѣтеръ должны вредить глазамъ. Костя пишетъ, что Студицкому позволено издавать «Москвитянинъ». Немного утѣшенія! Когда-то будетъ издаваться другой журналъ? Вотъ и зима, а дѣло все не двигается. Къ 1-му Января объ изданіи журнала они переговорить не успѣютъ, отложатъ до 1848 года... Странные люди, имъ года ни почемъ. А что, неужели мечтатель Константинъ воображаетъ, что онъ будетъ защищать диссертацію зимою? Лучше, вмѣсто повѣстей, заняться ему ею, а то диспутъ его задержитъ мой отъѣздъ въ чужіе края... А когда-то это будетъ, Боже мой!.

Въ Пятницу, не дождавшись почты, часу въ седьмомъ вечера нанялъ я лошадей и отправился къ тетенькѣ въ Григорово. Ночь была темная, ѣхать надо было проселкомъ, ямщикъ сбился съ дороги, долго плуталъ, наконецъ, часовъ въ 12 ночи пріѣхалъ на мѣсто. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я узналъ, что никого нѣтъ дома, что Анна Тимоѳеевна уѣхала къ Аркадію Тимоѳеевичу, у котораго жена больна при смерти, а В. И. въ Оптиной пустыни и что за нимъ завтра, т. е. въ Субботу поутру, ѣдутъ лошади. Я переночевалъ въ домѣ и поутру запрягъ этихъ лошадей въ свой тарантасъ и отправился въ пустынь, которая отъ Григорова верстъ 30. Туда пріѣхалъ я часовъ въ 12 и пробылъ тамъ цѣлыя сутки. Пустынь въ трехъ верстахъ отъ Козельска, который виденъ изъ оконъ, и мѣстоположеніе, на берегу рѣки Жиздры, вообще чудесное. Мнѣ было очень интересно посмотрѣть эту пустынь. Въ историческомъ отношеніи она ничего замѣчательнаго не представляетъ. Всѣ зданія новыя. Этотъ монастырь былъ возобновленъ тому назадъ сорокъ лѣтъ. Но на одной изъ церквей верхъ сохранился тотъ же, т. е. пятиглавіе, которое лучше всѣхъ прочихъ зданій, и внутри церкви—верхняя часть иконостаса—старинная. О происхожденіи этой пустыни ничего достовѣрно неизвѣстно. Кто говоритъ, что назадъ тому 300 лѣтъ былъ какой-то разбойникъ Оптъ, впослѣдствіи покаяв-

шійся и поселившійся здѣсь въ лѣсу; кто говоритъ, что названіе *Оптина* произошло отъ оптовой продажи лѣсомъ, производившейся во время ὂно на берегахъ Жиздры. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что пустынь часто была совершенно оставляема, потомъ опять возникала вновь, и что въ 1812 году бумаги и вся ризница были вывезены, частію растеряны, частію оставлены въ какомъ-то монастырѣ, въ Бѣлевѣ. Въ настоящее положеніе приведена она теперешнимъ Игуменомъ, который здѣсь лѣтъ 20 слишкомъ. Я никогда не видалъ пустыни, общины монашеской, и нашелъ, что это гораздо лучше монастырей. Здѣсь 60 монаховъ по комплекту и человѣкъ болѣе ста послушниковъ. Всѣ они употребляются на работу; обработываютъ 60 десятинъ огороду, сажаютъ капусту, рубятъ, даже косятъ и убираютъ сѣно; Игуменъ впереди самъ подаетъ примѣръ. Всѣ, безъ различія, занимаются этимъ, а надо знать, что въ Оптиной пустыни человѣкъ 30 дворянъ. Отъ однихъ этихъ трудовъ пустынь получаетъ доходъ порядочный, кромѣ добровольныхъ пожертвованій, вкладовъ, благотвореній и т. п. Деньги, выручаемыя, не распредѣляются въ видѣ жалованья монахамъ, какъ въ монастыряхъ, но поступаютъ къ Игумемену, который употребляетъ ихъ на обстройку Пустыни, на пріемъ богомольцевъ и т. п. Каждый монахъ и послушникъ получаетъ *казенную* (увы! мы до такой степени развращены, что и тутъ встрѣчается это слово) власяницу, бѣлье, келью; всѣ одѣты одинаково, никто ничего болѣе другаго не имѣетъ. Нѣтъ ни одного толстаго, даже полнаго тѣломъ монаха. Порядокъ, чистота и благочиніе необыкновенное. Игумена всѣ они превозносятъ до небесъ. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что они живутъ не въ праздности, заняты, раздѣляя время между трудомъ и молитвою. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что на самыхъ лицахъ ихъ изображается миръ, покой, какое-то скромное довольство участью. Разумѣется, это не всякому годится, и еслибъ я пошелъ въ монахи, такъ сдѣлался бы схимникомъ, молчальникомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ, а такое мирное житіе не удовлетворило бы меня... Внѣ ограды выстроены двѣ прекрасныя гостинницы, чистыя и удобныя, гдѣ прислугу составляютъ послушники же, но пожилыхъ лѣтъ. Говорятъ, что это самое тяжелое послушаніе

Въ гостинницу не можетъ придти ни одинъ монахъ или послушникъ безъ позволенія Игумена. Лошадей вашихъ кормятъ овсомъ и сѣномъ. Вы сами, прислуга ваша получаете столъ, разумѣется постный, приготовляемый на кухнѣ Игумена, и прекрасный; вамъ доставляются всѣ удобства и за это съ васъ не берутъ ничего, никто даже вамъ не скажетъ ни слова, если вы сами не догадаетесь и не положите денегъ въ кружку. Но зато сколько бѣднаго народа кормятся этимъ монастыремъ; зато, впрочемъ, сколько купцовъ и особенно дамъ, которые, въ порывѣ удивленія и великодушія, жертвуютъ гостепріимному монастырю большія суммы!.. Въ Пустыни всякій братъ трудится или по прежнему ремеслу своему, или вновь выучивается какому-нибудь,—въ пользу общины. У нихъ все свое. Братъ столяръ, братъ слесарь, братъ серебреникъ, братъ переплетчикъ... Я заходилъ къ нѣкоторымъ въ кельи и видѣлъ ихъ работающихъ. Потомъ ихъ же всѣхъ увидалъ я у всенощной, которая продолжалась часа четыре! Впрочемъ, я не оставался все время, да къ тому же въ монастыряхъ тѣмъ хорошо, что во время чтеній садятся всѣ монахи и вся церковь, всѣ присутствующіе. Просто мнѣ это было отрадно видѣть, я сидѣлъ самъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Страннымъ мнѣ показалось то, что во время чтенія тушатся всѣ свѣчи въ церкви, исключая одной, которую держитъ въ рукѣ монахъ, читающій посерединѣ; потомъ опять зажигаются, потомъ вновь тушатся и такъ раза три... На другой день были мы у обѣдни, которая продолжалась, я думаю, около трехъ часовъ, и потомъ отправились съ В. И. домой. Въ Григоровѣ я остался не болѣе часу; мнѣ заложили другихъ лошадей, и я отправился въ Калугу, куда пріѣхалъ часу въ 11-мъ вечера и нашелъ Ваши письма. Въ 120-ти саженяхъ отъ обители находится скитъ. Но, впрочемъ, теперь некогда и нѣтъ мѣста о немъ распространятся, оставлю это до другаго раза...

1846 года Августа 24-го. Суббота. Калуга.

Проснулся сегодня поутру,—слышу гудѣнье дождика; посмотрѣлъ въ окно: сѣро; на градусы: всего 10. Пріѣхали мы домой, подумалъ я! Такъ вотъ она осень, дождливая,

холодная, сырая и туманная, съ насморками, катаррами, ревматизмами и прочими подлостями. А можетъ быть время еще и перемѣнится... Отвѣчаю теперь на Константиново письмо... Такъ, я это зналъ! Теперь меня же обвинятъ въ томъ, что я распустилъ стихи къ А. О., стихи съ клеветою, стихи опорачивающіе и пр. и пр. и станутъ обвинять въ грубомъ, неделикатномъ, даже подломъ поступкѣ. Но дѣло было не такъ. Нужно было очень читать ихъ постороннимъ П—у и Н—у. Я удивляюсь, что Константинъ пишетъ это такъ равнодушно; а меня это бѣситъ и оскорбляетъ. Стихи, которыми я дорожу, стихи самые горячіе и искренніе, которые когда-либо были написаны мною, эти стихи — вдругъ выпачканы и осквернены прикосновеніемъ лицъ, которыхъ не хотѣлъ бы я вовсе видѣть соучастниками моихъ внутреннихъ движеній. Въ странномъ свѣтѣ являюсь я, въ самомъ дѣлѣ: написавъ такіе стихи, поспѣшилъ подѣлиться ими Н—у и П—у и П—мъ. Конечно, еслибъ это я тогда сдѣлалъ, то былъ бы мерзавецъ. Дорого бы я далъ, чтобы этихъ стиховъ не существовало! Я говорю это совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ которомъ готовъ сейчасъ понять Константинъ;—гораздо лучше было бы послѣ ссоры удалиться просто, а не писать ихъ! Много принесли мнѣ они тайной досады и оскорбленія. Когда я писалъ эти стихи, то былъ полонъ глубокаго огорченія, писалъ такъ искренно и горячо, что долго не могъ понять, — что̀ тутъ обиднаго. Ибо не было у меня желанія обидѣть. Я забылъ всѣ условія и приличія, забылъ, что пишу *дамѣ*, а не просто женщинѣ, и долго, долго не могъ найти ихъ странною и оригинальною выходкою. Распустить ихъ у меня и въ виду не было. Вамъ послалъ я ихъ потому, что имѣю глупую привычку сообщать и писать Вамъ все, но не думалъ, что Вы рѣшились читать ихъ и кому же—П—у! Но Вы не могли понять всего значенія для меня этихъ стиховъ, этой сердечной, живой рѣчи, которая, можетъ быть, и не выразилась здѣсь вполнѣ. Я думалъ, что А. О. оцѣнитъ ихъ, пойметъ, что они были писаны серьезно, съ искреннимъ, огорченнымъ словомъ правды, за что нельзя обидѣться, не должно обижаться человѣческой душѣ! Я думалъ, что она огорчится, думалъ, что она бу-

детъ оправдываться, забудетъ о самолюбіи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чистотѣ души. Но зная ее, я всетаки не рѣшался посылать ихъ къ ней, ожидалъ случая и могъ уже предвидѣть оборотъ, какой примутъ дѣла. Этимъ объясняются мои вторые стихи, гдѣ слышна досада. А. О. дурно поступила со мной. На мою искренность она отвѣчала шуткой, насмѣшкой и похвалой и потомъ, какъ будто стоя на такой высотѣ, до которой брань не долетаетъ, читала ихъ всѣмъ. Вы не можете понять всей обиды такого поступка. Гнѣвъ вашъ не смущаетъ, брань не сердитъ, упрекъ не трогаетъ, жаръ не увлекаетъ, не вызываетъ на отвѣтъ, а васъ хвалятъ за прекрасный порывъ, смѣются оригинальной выходкѣ,—и вы наконецъ видите себя смѣшнымъ ребенкомъ или интереснымъ оригиналомъ, который, если говоритъ, то обращаетъ вниманіе всѣхъ на себя, а не на содержаніе и смыслъ рѣчи. Она при мнѣ читаетъ ихъ другимъ, которые во время чтенія смотрятъ на меня изъ подлобья, улыбаясь,—и потомъ говорятъ: «прелесть!» Чорта съ два, можете представить себѣ, что вытерпѣло мое самолюбіе въ эти минуты. Всякій разъ, когда эти стихи хвалятся, какъ стихи только (достоинства стиха я и въ виду не имѣлъ, когда писалъ), то мнѣ нестерпимо больно и досадно. Когда же А. О. прочла ихъ М—чу и послала въ Петербургъ, тогда я, до той поры никому ихъ не читавшій, пріѣхалъ въ Москву и прочелъ двумъ. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда, воротившись, увидалъ я, что вся эта исторія и стихи, по милости А. О., извѣстны многимъ и такимъ, которыхъ я вовсе не знаю, что я дѣлаюсь предметомъ какого-то любопытства, что меня она и братъ ея показываютъ другимъ, какъ оригинала, *эксцентричнаго человѣка*. Братъ ея всѣмъ своимъ знакомымъ, проѣзжавшимъ чрезъ Калугу, читалъ мои стихи, разумѣется, получивъ на это ея позволеніе! Забавно, братъ про сестру читаетъ! На все это я *имѣю доказательства*. Въ какихъ же дуракахъ остался я съ своимъ искреннимъ движеніемъ, съ своимъ горячимъ желаніемъ видѣть ее на другомъ пути, съ безпокойной мечтой—вызвать ее на другой путь! Нѣтъ, чортъ возьми!... Есть такія оскорбленія внутренняго самолюбія, которыя не прощаются, и ужь, конечно, впередъ я буду осторожнѣе и

такой глупой выходки не сдѣлаю. Тѣмъ болѣе что я, какъ Вы сами знаете, человѣкъ довольно сосредоточенный и скрытный и всегда проповѣдывалъ о необходимости сдерживать внутреннія движенія; стало моя выходка мнѣ еще больнѣе. Какъ же можно мнѣ послѣ того сойтись съ А. О. Конечно, я могу бывать у ней каждый день, вести разговоръ, какъ и прежде; да я этого не хочу и мнѣ это трудно. Стихи, которые теперь пущены въ ходъ (но которые однако едва ли я напечатаю, чтобъ защитить себя еще отъ упрека), положили бездну между нами. Уничтожить ихъ трудно, да и не могутъ они быть уничтожены, пока не уничтоженъ *поводъ* къ стихамъ. У нея мнѣ теперь просто скучно: только два разговора и могутъ быть: или о погодѣ, или такой, который разстроитъ нервы. Первый скученъ, втораго избѣгаю. Къ тому же она теперь всегда окружена Калужанами, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нѣкоторыя лица, прежде и подходить близко не смѣвшія, стали съ ней въ самыя короткія и дружескія отношенія; имъ также все сообщается и повѣряется и между прочимъ разсказаны и мои выходки и мои стихи. Такъ что когда я вхожу къ ней въ гостинную, то эти господа всегда улыбаются и слѣдятъ за каждымъ моимъ словомъ, воображая, что непремѣнно у меня изо рта вылетитъ что-нибудь отмѣнно забавное. Они такъ и должны думать, читая стихи мои, и называютъ меня или чудовищемъ или чудакомъ, сопровождая неотлучно А. О. и кадя ей немилосердно... Къ тому же и она теперь прекратила всякія свои настоянія и приглашенія... Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ ужъ такъ надоѣло слышать и видѣть здѣсь повсюду, что на меня смотрятъ какъ на оригинала, что я теперь сдѣлался гораздо воздержнѣе и умѣреннѣе въ своихъ словахъ и разсчетливѣе въ движеніяхъ.

Я хочу перемѣнить свою квартиру. Она беретъ слишкомъ много дровъ зимой и сыра. Къ тому же въ теченіе года многое такъ обрушилось въ этомъ старомъ строеніи, что требуетъ большихъ поправокъ,—да изъ оконъ дуетъ нестерпимо. Ищу квартиры. Предлагаетъ мнѣ С. Я. Унк** свой вновь отстроенный деревянный флигель, который будетъ отдаваться въ наймы съ перваго Октября. У него вѣдь здѣсь свой домъ, въ которомъ онъ и живетъ съ семействомъ. Квар-

тира чудесная: дубовыя рамы, суха, тепла, три комнаты (одна большая и съ каминомъ!), передняя, кухня. Флигель раздѣляется на двѣ половины; въ другой будутъ жить двое старшихъ сыновей его. Подъѣздъ особый. Квартиру предлагаетъ онъ нанять со столомъ для людей и отопленіемъ (у него свои дрова и своихъ людей съ 15 въ домѣ), даже со столомъ для меня (даромъ предложить обѣда онъ, конечно, не смѣетъ), т. е. мнѣ будутъ носить обѣдъ и ужинъ на домъ. О цѣнѣ еще не говорили, но онъ далъ обѣщаніе назначить цѣну по совѣсти, какъ бы человѣку чужому, пріѣхавшему только что изъ Новой Голландіи. Главнымъ условіемъ поставилъ я, чтобы мнѣ была совершенная свобода, чтобъ я могъ и по цѣлымъ днямъ не приходить къ нимъ въ домъ (который на томъ же дворѣ), чтобъ ко мнѣ ходили не часто... Впрочемъ, съ сыновьями я безъ церемоній, просто выгоню, когда захочу. Какъ Вы думаете, рѣшиться мнѣ или нѣтъ? Съ одной стороны, мнѣ все это чрезвычайно удобно, все втрое выйдетъ дешевле: я могу избавиться ото всякаго хозяйства, могу все у него же покупать, потому что къ нему все рѣшительно присылается изъ деревни; каминъ также соблазнителенъ. Съ другой стороны, что ни говори, а я ужъ не буду такъ независимъ и уединенъ, какъ прежде. За то, впрочемъ, не буду такъ и одинокъ, какъ бывалъ. Къ тому же я оставилъ всякую претензію на то, чтобъ написать что-нибудь большое и замѣчательное... Будутъ какіе стихи, пришлю ихъ Панову. Я здѣсь прожилъ уже годъ, имѣлъ досуга довольно и ничего не сдѣлалъ; нечего впередъ себя обманывать. Это всего хуже. Отвѣчайте мнѣ непремѣнно, совѣтуете ли Вы мнѣ брать эту квартиру? Она отдается помѣсячно. Мебель у меня есть.—Прощайте, до Вторника. Еще многаго не успѣлъ сказать.

1846 года. Калуга 27-го Августа. Вторникъ.

Я не получилъ писемъ отъ Васъ на прошедшей недѣлѣ, т. е. собственно отъ Васъ: отъ Константина и Олиньки я получилъ. Константинъ не долженъ пенять мнѣ за то, что я не отвѣчаю ему особо. Въ письмахъ моихъ ко всѣмъ заключается также отвѣтъ на всѣ письма. Какъ холодно!

Вѣтеръ сѣверный, дуетъ такъ сильно, что я принужденъ былъ въ нѣсколькихъ окнахъ вставить двойныя рамы. Пора Вамъ рѣшиться,—гдѣ проводите Вы зиму? Олинькѣ надо проводить ее въ Москвѣ,—это безспорно, а Вы какъ? Зимою трудно жить на два дома. Я самъ еще ни на что не рѣшился относительно себя. Вопросъ: служить или не служить,—все еще не разрѣшенъ. Если служить,—такъ служить, т. е. надо подыматься и мѣстомъ и (главное) жалованьемъ. Если Вы желаете, чтобъ это произошло въ Москвѣ, такъ ищите тамъ мѣста, на которое бы я могъ перейти. Тогда это можетъ случиться, кто знаетъ, и раньше 1-го Января. Если же Вы мѣста не найдете,—то выходить мнѣ въ отставку (что можетъ произойти въ Февралѣ, къ Марту) и поселиться въ Москвѣ?—Но поселиться въ Москвѣ, безъ особеннаго, постояннаго дѣла, мнѣ трудно. Я еще не готовъ къ такой осѣдлости; въ прежнихъ моихъ планахъ входило въ разсчетъ путешествіе, послѣ котораго, угомонившись, я бы могъ приняться за какой-нибудь постоянный трудъ, дѣло, хоть за изданіе журнала. Служа здѣсь, я все какъ будто живу на кочевьѣ. Надоѣла Калуга, могу перейти въ Тверь. По нашему Министерству едва ли возможно будетъ найти мѣсто въ Москвѣ собственно. Надо справиться въ другихъ Министерствахъ, въ Банкѣ, въ Удѣльной конторѣ, только не въ Дворцовомъ Вѣдомствѣ... Покуда же я живу и служу здѣсь, предоставляя зимѣ рѣшить мою будущую участь и не смѣя строить никакихъ плановъ и предположеній.—Прощайте, будьте здоровы.

1846 года. Калуга. Августа 30-го. Пятница.

Я пишу къ Вамъ нынче потому, что обѣщалъ послѣ обѣда ѣхать въ деревню къ Унк**, въ послѣдній разъ: въ Воскресенье они сами переѣзжаютъ. Хочу дождаться однако прихода нынѣшней экстра-почты, не будетъ ли отъ Васъ писемъ. На той недѣлѣ, кромѣ писемъ Константина и Оли, другихъ никакихъ не получалъ. Во Вторникъ я послалъ Вамъ стихи *). Не подумайте по нимъ, что я нахожусь въ

*) „Бываетъ такъ, что зодчій". См. Приложеніе.

мрачномъ расположеніи духа. Ничуть. Напротивъ, по написаніи этихъ стиховъ, всякое соотвѣтствовавшее (что за слово, Господи, чуть не сбился писавши) имъ настроеніе духа исчезло, и я провелъ эти дни въ занятіяхъ—незамѣтно. Даже чувствую себя расположеннымъ писать стихи, хотя новыхъ никакихъ не написалъ. Нынѣшній разъ хроника моя очень бѣдна. Во Вторникъ оставался я цѣлый день дома, только вечеромъ сходилъ къ Ѳедѣ Унк**, поиграть на билліардѣ; Въ Середу онъ съ братомъ своимъ и Бокаромъ случайно собрались у меня и отобѣдали, причемъ Ефимъ мгновенно увеличилъ объемъ кушанья, потому что я его не предупреждалъ. Ввечеру зашелъ ко мнѣ Сальницкій, принесъ книгу для перевода, Польскую Церковную Исторію. Вчера цѣлый день сидѣлъ дома и переводилъ ее. Послѣ обѣда, часу въ шестомъ, вдругъ получаю записку отъ Юши Оболенскаго, проситъ меня къ себѣ. Я чрезвычайно ему обрадовался. Вообразите, что онъ теперь путешествуетъ пѣшкомъ по Россіи, и сдѣлалъ до 700 верстъ. Былъ въ Ростовѣ, въ Орлѣ, въ Тулѣ; теперь пришелъ пѣшкомъ изъ Смоленской деревни своей сестры прямо въ Лаврентьевскій монастырь, гдѣ похоронены его мать и сестра, оттуда въ гостинницу, куда, и пріѣхалъ я къ нему. Изъ Калуги онъ пѣшкомъ же отправляется въ Москву. Ходитъ себѣ одинъ, съ котомкой за плечьми... Молодецъ! Онъ сейчасъ долженъ быть ко мнѣ и просидѣть у меня часовъ до двухъ, потомъ сдѣлаетъ визитъ А. О. и, можетъ быть, отобѣдаетъ у меня. Поэтому я и спѣшу окончить письмо до его прихода. По настоящему, такъ какъ нынче Царскій день, должно бы мнѣ надѣть мундиръ, отправиться съ поздравленіемъ къ Губернатору, какъ дѣлаетъ все служащее сословіе, начиная съ Вицегубернатора, и оттуда съ ними—въ соборъ. Но я уже давно принялъ обыкновеніе этого не дѣлать, и 22-го числа, какъ и нынче, сижу дома.—Вчера вечеромъ, когда я воротился отъ Оболенскаго, вдругъ озарилъ мою комнату огромный пожаръ. Горѣла деревня на горѣ, на другомъ берегу Оки. Шумъ, крикъ, тревога—были явственно слышны у меня. Къ счастію, не было вѣтра, и пожаръ кончился уже ночью. Прощайте, больше писать нечего.

1846 года. Вторникъ, 3-го Сентября. Калуга.

Вы, вѣрно, подосадуете на меня за такое маленькое письмо, уже въ третій разъ. Пожалуйста, не вообразите, что это вслѣдствіе какого-нибудь нездоровья. Дѣло въ томъ, что вчера вечеромъ, невдалекѣ отъ меня, былъ огромный пожаръ, на которомъ и я былъ; тамъ встрѣтился съ однимъ моимъ знакомымъ, Яковлевымъ Семеномъ Павловичемъ, только что пріѣхавшимъ изъ деревни, и проговорилъ съ нимъ на улицѣ до втораго часа. Воротился домой, легъ въ постель,—приходитъ Оболенскій Юша (онъ еще не ушелъ, но собирался идти отъ меня пѣшкомъ ночью—въ Москву). Я уговорилъ его не идти эту ночь, а переночевать у меня, что онъ и сдѣлалъ. Теперь онъ у меня, и поэтому я тороплюсь окончить письмо, тѣмъ болѣе, что въ 10 часовъ мнѣ надо ѣхать къ Губернатору—объясниться по дѣламъ службы, а оттуда въ Палату. Зато ужъ я напишу Вамъ огромное письмо съ слѣдующей почтой. Поздравляю Васъ съ Сентябремъ. Становится очень холодно, такъ что я принужденъ былъ вставить кой-гдѣ двойныя рамы. Въ Пятницу, предъ отъѣздомъ въ деревню къ Унк**, получилъ я письмо отъ Васъ изъ Абрамцова и письмо пополнительное—отъ милой Олиньки, которую не знаю какъ и благодарить за это. Боюсь, что это ее утомляетъ. Что происходило у Васъ, все ли благополучно? Думаю только, что стихи мои пришли не въ пору... Глубоко огорчаетъ меня все то, что Вы пишете о Гоголѣ... *) Правда ли это? Съ А. О. я не говорилъ о немъ, потому что не былъ у нея на этой недѣлѣ. Хочу совсѣмъ перестать къ ней ѣздить.

---

*) С. Т. писалъ 26 Августа:

Вы получили вѣрное и секретное извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ печатается цѣлая книга, присланная отъ Гоголя: „Отрывки изъ писемъ или переписка съ друзьями.“ Названія хорошенько не помню. Вѣроятно тамъ помѣщено многое изъ его писемъ къ А. О., къ Языкову, ко мнѣ. Между прочимъ Гоголь признаетъ совершенную ничтожность всего имъ написаннаго и говоритъ, что изорвалъ продолженіе „Мертвыхъ душъ“, объявляетъ, что ѣдетъ въ Іерусалимъ и дѣлаетъ какое то завѣщаніе Россіи. Увы, исполняется мое дальнѣйшее опасеніе: религіозная восторженность убила великаго художника и даже сдѣлала его сумашедшимъ. Это истинное несчастіе, истинное горе.

1846 года. Калуга. 7-го Сентября. Суббота.

Вчерашняя почта не привезла мнѣ писемъ отъ Васъ, а привезла письмецо отъ Панова, который проситъ стиховъ. Я посылаю ему введеніе въ «Марію Египетскую», *) какъ не помѣщенную въ рукописи. Не знаю, отчего Плетневъ не возвращаетъ мнѣ ее: почти два мѣсяца какъ она отослана... Напомнить совѣстно. Неужели Цензора могутъ такъ долго держать у себя представляемыя рукописи, особенно же такія маленькія? Вы пишете, милый Отесинька, чтобъ послать Плетневу стихи. Я и самъ готовъ былъ участвовать въ Современникѣ и меня не остановило бы то, что онъ издается въ Петербургѣ, но меня остановило то, что буду участвовать тамъ вмѣстѣ съ К—мъ, авторомъ подлѣйшихъ стихотвореній, что легко могутъ подумать, увидя стихи мои рядомъ съ его стихами, что мы одной стороны, однихъ мнѣній, отъ чего одного морозъ подираетъ по кожѣ. Еще прежде полученія Вашихъ писемъ я отвѣчалъ Плетневу откровенно, благодарилъ его очень за «Современникъ», высказалъ ему непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня такими - то стихами, и объяснилъ, что я не только не сочувствую этому господину, но даже боюсь, чтобы другіе не подумали этого и пр. Право нельзя иначе! И безъ того трудно уберечь чистоту своихъ мыслей и убѣжденій. Лучше я никогда ничего не напечатаю! Впрочемъ, еслибы въ «Современникѣ» не было К - хъ стиховъ, я бы охотно послалъ Плетневу стихи.. Можетъ быть, онъ обидѣлся моимъ письмомъ, мнѣ это очень жалко и досадно, мнѣ бы этого очень не хотѣлось, да что же дѣлать. Я долго не рѣшался писать. Наконецъ перечелъ опять стихи и подъ впечатлѣніемъ ихъ написалъ Плетневу.— Какова погода! У меня вставлены окна, теперь топится печка, а на дворѣ холодно и дождикъ, грязно, сѣро и сыро. Неужели Вы еще остаетесь въ деревнѣ? Я думалъ о Вашемъ житьѣ въ Москвѣ и нашелъ, что Вамъ уже потому надобно жить въ Москвѣ, чтобы привести къ концу печатаніе Константиновой диссертаціи, Пора, пора это кончить; если онъ самъ этого не чувствуетъ, такъ Вамъ должно за

---

*) См. Прил.

него принять рѣшительныя мѣры. Помилуйте, вѣдь ужъ ему 30-й годъ. Вы очень хорошо знаете, что если будете сами жить въ деревнѣ, такъ не удержитс Константина въ Москвѣ, а коли будутъ поѣздки, подобныя прошлогоднимъ такъ никакого толку не будетъ. Къ 1-му Октября я переѣду на новую квартиру. Флигель еще не готовъ, но поспѣетъ къ тому времени. У меня будетъ теперь деревянная, теплая, сухая, устроенная и ухиченная на зиму квартира.. Она теперь отдѣлывается, съ разными удобствами для меня собственно. Рамы свѣтлыя, чистыя, дубовыя, каминъ... Я очень радъ этой квартирѣ. Еще болѣе радъ тому, что у меня не будетъ никакого хозяйства, кромѣ чая, а здѣсь я долженъ нанимать даже водовоза и прикидываться хозяиномъ, т. е. смотрѣть достоинство сѣна, дровъ, овса, сапоговъ Матюшкиныхъ и пр. Переѣду я къ Унк**, и вся Калуга заговоритъ, разумѣется, разные вздоры, будутъ дѣлать соображенія, толки... Да мнѣ все равно! Я въ Калугѣ долго не останусь, а эту зиму проведу по крайней мѣрѣ тепло, уютно, покойно, съ людьми, которыхъ я могу уважать, съ честными людьми. Но такъ какъ это не мое же семейство и съ людьми этими я не могу толковать обо многомъ, то я остаюсь уединенъ внутри себя, не растрачиваюсь по пустому и всегда могу провести вечеръ у себя съ каминомъ, одинъ одинехонекъ!.. Меня что то очень начинаютъ не любить многіе въ Калугѣ; кромѣ тѣхъ непріятелей, которыхъ я надѣлалъ себѣ по службѣ, напримѣръ Прокуроръ, Полицеймейстеръ и т. п... Былъ я во Вторникъ поутру у См** съ объясненіемъ по дѣламъ. Такъ какъ его собственно я очень люблю и уважаю, то объясненіе это кончилось тихо, онъ взялъ бумагу съ разными замѣчаніями на Палату назадъ. Спрашивалъ, почему я не бываю у его жены уже почти мѣсяцъ. Я сказалъ ему, что жена его окружается теперь такимъ обществомъ, отъ котораго мнѣ не только нѣтъ пріятностей, но даже невыносимо скучно, что ему очень хорошо извѣстны мои отношенія къ Калугѣ. Больше я не сталъ говорить и уѣхалъ...—Юша Оболенскій прожилъ здѣсь почти всю недѣлю и послѣдніе дни жилъ у меня. Вотъ оригиналъ въ своемъ родѣ! Отправился въ Москву пѣшкомъ; здѣсь переписалъ онъ рѣшительно всѣ мои стихи, которые только здѣсь, даже

«Зимнюю Дорогу». Вообразите, что онъ сдѣлалъ разъ безъ моего вѣдома. Проходя изъ Смоленской губерніи въ Калугу, пришелъ онъ вечеромъ въ сельцо помѣщицы Луниной и просилъ ночлега. Его впустили; онъ увидалъ бѣдную и грязную, ограниченную жизнь, старую помѣщицу въ засаленномъ капотѣ, вѣкъ свой живущую въ деревнѣ; подлѣ нея—племянница ея, красавица, говоритъ Юша, необыкновенная, молодая дѣвушка, которая осуждена, не знаю почему, на житье съ старой теткой, въ глуши, въ бѣдности, безъ книгъ и безъ общества. А между тѣмъ эта молодая дѣвушка воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. Положеніе ужасное! Она обрадовалась Юшѣ, какъ человѣку, съ которымъ можетъ хоть о чемъ-нибудь поговорить... Оболенскій былъ такъ растроганъ ея положеніемъ, что на другое утро рѣшился уйти не простясь, и ушелъ. Придя въ Калугу, онъ выписалъ изъ «Зимней Дороги» стихи: «Жаль мнѣ и грустно, что ты молодая», и другіе вслѣдъ за этимъ, подписалъ: «И. А. Отрывки изъ поэмы» и, не прибавляя больше ни слова, безо всякаго объясненія, отправилъ по почтѣ на имя этой дѣвушки, которой фамилія *Фридбургъ*. Но какая ужасная флегма! Онъ лѣнится говорить даже! Однако, несмотря на это, онъ скорѣе насъ рѣшился на такое дѣло, къ которому мы, толкующіе о народѣ, приступить не можемъ. Именно — путешествіе пѣшкомъ по Россіи подъ видомъ богомольца. Если я не поѣду въ чужіе края, то на будущій годъ отправляюсь пѣшкомъ въ Кіевъ, разумѣется, не для богомолья, но такъ, ради путешествія и любознательности. Оболенскій даже можетъ Вамъ разсказать теперь много замѣчательныхъ вещей про народъ и бытъ народный.

10-го Сентября 1846 года. Калуга. Вторникъ.

Письмо это придетъ за день или два до 14-го Сентября. Поздравляю Васъ со днемъ рожденія Надички. — Въ Субботу получилъ я наконецъ письмо отъ Плетнева, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, что посылаетъ рукопись (но рукопись еще не приходила въ Калугу), возвращенную отъ Цензора. Онъ пишетъ, что радуется уже и тому, что рукопись возвращена, что Цензоръ перепачкалъ ее ужасно, но что

всякій другой Цензоръ поступилъ бы еще хуже. Совѣтуетъ мнѣ, «если я не захочу явиться въ публику въ такомъ *израненномъ* видѣ», попытать современемъ счастья въ Одесской Цензурѣ или даже хоть въ Рижской.—Какъ досадно, что я не получилъ рукописи! Не знаю даже, когда она придетъ: неужели опять ждать Субботы, дня прихода изъ Москвы тяжелой почты?—Оправдывается между прочимъ Плетневъ въ отношеніи стиховъ, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», и распространяется очень много о своемъ журналѣ, о себѣ, благодаритъ меня за отзывъ о «Современникѣ» и т. п. Что же теперь дѣлать? Всегда мои планы чѣмъ-нибудь разстроиваются. Впрочемъ, теперь, не видавъ рукописи, не могу я ничего предположить. Послать въ Одессу — опять скучная и долгая возня; положимъ, я могъ бы это сдѣлать: у Ар** всѣ профессора тамошняго Лицея знакомые ему и пріятели, и рукопись не запретятъ по крайней мѣрѣ, но ее надобно вновь отдать переписывать, вновь ждать....

Погода въ Москвѣ, вѣрно, такая же, какая и здѣсь: одинъ день дождикъ и сыро, другой день (нынче, напримѣръ) солнце и морозъ. У себя я вставилъ окошки и топлю, потому что боюсь сырости. Гуляю очень мало; дома читаю Revue des deux Mondes, сообщенный мнѣ чрезъ Унк** отъ Мухановой, которая все еще живетъ въ деревнѣ. Въ немъ много очень интересныхъ статей о современномъ положеніи Запада, обо всѣхъ вопросахъ, его теперь занимающихъ, особенно религіозныхъ,—болѣе или менѣе отражающихся и на нашемъ образованномъ обществѣ.

1846 года. Суббота. 14-го Сентября. Калуга.

Я, слава Богу, чувствую себя хорошо: нарочно не прибавляю *очень* или *совершенно*, чтобы Вы скорѣе повѣрили положительному тону. Вотъ какая суматоха была у Васъ, милая Маменька, и какъ благодарю я Васъ за то, что Вы, несмотря на хлопоты, нашли всетаки время написать мнѣ большія письма!... Итакъ, Вы остаетесь на зиму въ деревнѣ.— Извѣстіе, сообщенное Вами,—о мундирахъ для штатскихъ, подтверждается: какой-то чиновникъ пріѣзжалъ къ Губернатору и сказывалъ это съ дополненіемъ, что даны будутъ мундиры

и всѣмъ отставнымъ, что будетъ Штабъ Гражданскихъ Чиновниковъ, начальникомъ котораго будетъ Статсъ-Секретарь Т—въ, извѣстный дуракъ! Эта вещь такъ краснорѣчиво говоритъ сама за себя, что и прибавлять нечего.—Теперь отвѣчаю на письма отъ 9-го Сентября... Меня все безпокоитъ участь Константина зимой... Жить въ Москвѣ онъ не станетъ и диссертація не напечатается!—Къ 1-му Октября я переѣду во флигель къ Унк**; мнѣ тамъ будетъ теплѣе, покойнѣе и выгоднѣе.—Вамъ не нравятся, милый Отесинька, стихи: «бываетъ такъ, что зодчій» и пр. Я не знаю, почему нельзя сравнить зодчаго съ человѣчествомъ, вѣчно созидающимъ зданія, которыя рушатся. Они не идутъ къ Сборнику, и я пошлю ихъ къ Плетневу, о чемъ надобно увѣдомить Панова, который могъ успѣть уже взять ихъ у Оболенскаго для напечатанія... Объ А. О., конечно, нечего распространяться въ письмахъ. Я уже не видалъ ея мѣсяца полтора; говорятъ, здоровье ея все также плохо. Самаринъ находится рѣшительно подъ ея вліяніемъ. Къ А. О. я не ѣзжу, потому что не люблю оставаться въ такомъ фальшивомъ положеніи, и я гораздо покойнѣе духомъ съ тѣхъ поръ, какъ не бываю у ней. Она, впрочемъ, говорила многимъ, что не понимаетъ, почему я ее оставилъ! Гоголя и Самарина довольно съ нея; слѣдовательно, мое пренебреженіе ничего не значитъ, а мнѣ гораздо удобнѣе не бывать у нея. . Посланія къ Константину, написаннаго въ Астрахани, всего на всего имѣется одинъ экземпляръ, который находился у Самарина. Стихи этого длиннаго посланія очень, очень плохи, и поэтому я его и не сохранилъ у себя. «Зимнюю Дорогу,» конечно, Вы можете оставить у себя. Теперь—историческая хроника. Она очень коротка. Недѣлю эту прожилъ я, какъ и прежнюю; занимался Польскимъ языкомъ, познакомился съ нѣкоторыми стихотвореніями Мицкевича. Что за прелесть! Я даже чувствую гармонію его польскихъ стиховъ.—Вчера вечеромъ, безъ меня, приходилъ человѣкъ отъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго—сказать, что онъ здѣсь, проѣздомъ, и остановился въ гостинницѣ. Какъ скоро окончу письма, отправлюсь къ нему: надѣюсь застать его еще здѣсь. Въ Четвергъ получилъ я наконецъ рукопись свою. «Чиновникъ» весь, сначала до конца, зачеркнутъ; не пропущены

также стихотворенія: «Зачѣмъ опять тѣснятся въ звуки» и пр. и «Сонъ»: Въ нѣкоторыхъ другихъ піэсахъ также не пропущены нѣкоторые стихи, напр. въ Посланіи къ Языкову: «И стонъ молитвъ, и громъ проклятій, и звуки страшные оковъ», но не такъ однакожъ, чтобъ нельзя было ихъ печатать. «Съ преступной гордостью обидныхъ» пропущено все, какъ было помѣщено, т. е. «чтобъ въ прахъ разсыпался Содомъ». Но главное, что меня радуетъ, такъ это то, что «Зимняя Дорога» пропущена почти вся: окончаніе о наборѣ пропущено совершенно, какъ было! Перечеркнуто только то, что я прибавилъ при перепискѣ: когда Архиповъ говоритъ Ящерину: «слышалъ, видѣлъ, а?» и пр. Но это безделица. Слава Богу, я и этому радъ. Нынче же отдаю писцу списывать «Чиновника», котораго пошлю въ Одессу, а остальныя стихотворенія, прибавивъ къ нимъ новыя, можетъ быть, даже отрывки изъ «Маріи Египетской», хочу или, лучше сказать, хотѣлъ бы издать нынѣшней зимой. Обращаюсь къ Константину съ просьбой принять въ этомъ живое и аккуратное участіе. Прошу его исполнить это порученіе не между Свербѣевой и Ховриной, не возвращаясь отъ одной и спѣша къ другой... Если-же когда-нибудь Вы, милый Отесинька, поѣдете въ Москву, то не можете ли Вы тогда узнать, кому изъ книгопродавцевъ можно будетъ выгоднѣе сбыть... Не возьметъ ли даже и теперь кто-нибудь изъ нихъ на себя издержки, т. е. не купитъ ли рукопись?... Рукопись пошлю Вамъ во Вторникъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ печататься, я могу спосылать въ Петербургскую цензуру дополненіе. Увѣдомьте меня, какъ все это дѣлается.— Прощайте, до Вторника.

1846 года. Калуга. 17-го Сентября. Вторникъ.

«Веселый праздникъ именинъ!»—вспомнилось мнѣ нынче поутру, когда я проснулся и увидѣлъ яркое солнце и голубое небо. Опять поздравляю Васъ и всѣхъ милыхъ именинницъ. Здѣсь мнѣ поздравлять придется только одну изъ Укн**... Пожалуй, слѣдовало бы поздравить А. О., у которой двѣ дочери именинницы, но онѣ еще малы, именъ ихъ я знать не обязанъ, и онѣ никакого права гражданства въ глазахъ моихъ не имѣютъ. Письмо это придетъ къ

20-му. Поздравляю Васъ, мой милый Отесинька; дай Богъ, чтобъ этотъ годъ прошелъ для Васъ покойно и безъ страданій... Поздравляю и Васъ, милая Маменька, и всю семью. Не знаю, какъ у Васъ въ деревнѣ, а здѣсь эти послѣдніе дни погода стояла довольно теплая и пріятная, хотя осенняя. Я къ Константину съ просьбой, на которую, естественно, если онъ и согласится, такъ неохотно. Я теперь занимаюсь Польскимъ языкомъ, и мнѣ нужно бы имѣть Мицкевича; здѣсь его нѣтъ ни у кого, кромѣ одной маленькой книжонки стихотвореній: у Константина онъ есть и въ настоящее время ему не нуженъ. Если онъ согласится переслать его ко мнѣ, такъ вотъ способъ: завернуть въ бумагу или положить въ ящикъ, надписать на имя Ивана Францовича Сальницкаго и отвезти или отослать въ Шевалдышеву гостинницу, къ нѣкоторой М-ше Мироновой, его знакомой, которая на дняхъ уѣхала въ Москву и должна скоро воротиться. — Эта посылка отъ Сальницкаго прямо будетъ доставлена ко мнѣ, слѣдовательно, туда можетъ быть вложено и письмо Самарина, но ничего больше, т. е. никакихъ *вареній* и т. п. Въ Субботу, по написаніи писемъ къ Вамъ, отправился я къ Кирѣевскому, который мнѣ очень обрадовался. Просидѣлъ у него часовъ до трехъ, потомъ отправился къ Унк**, а вечеромъ былъ опять у Кирѣевскаго и проговорилъ съ нимъ до втораго часа ночи. На другое утро онъ уѣхалъ. Читалъ я ему многіе свои стихи, которые ему были неизвѣстны. Онъ сдѣлалъ мнѣ много очень умныхъ замѣчаній —Прощайте, до Субботы.

1846 года. 21-го Сентября. Калуга. Суббота.

Вчера былъ день Вашего рожденія, милый мой Отесинька, еще разъ поздравляю Васъ и милую Маменьку и всѣхъ нашихъ... Не знаю, какъ въ Москвѣ, но здѣсь день былъ чудесный, воздухъ теплый и мягкій, что особенно дѣйствуетъ на душу при видѣ осенней природы. А ночь, что за ночь,— теплая, мѣсячная, ясная! Я много ходилъ и гулялъ вчера. Письмо это придетъ, вѣроятно, въ Абрамцово ко дню Вашихъ именинъ; поздравляю Васъ и съ этимъ праздникомъ. Вѣрно, къ Вамъ пріѣдутъ гости, дядя Аркадій (котораго

кстати обнимите за меня), и сами Вы не поѣдете ли къ Троицѣ? Готовясь на долгую и суровую зиму, съ тяжелыми шубами, мѣховыми воротниками, шапками, зябленіемъ ушей и затмѣніемъ очковъ при входѣ со двора въ комнату, я съ жадностью пользуюсь хорошею погодою, легкостью одеждъ, свободою движеній на воздухѣ и много хожу пѣшкомъ.— Вчерашняя экстра-почта не привезла мнѣ писемъ, авось будутъ они завтра, если посѣщеніе дяди Аркадія не помѣшало Вамъ вовсе написать ихъ. Что Вамъ сказать?—Вотъ Вамъ новость, для меня въ особенности важная. Министръ Юстиціи присылаетъ сюда чиновника своего ревизовать Калужскую Уголовную Палату, т. е. собственно «уголовное судопроизводство въ Калужской губерніи.» Намъ онъ объ этомъ ничего не пишетъ, но Губернаторъ получилъ отъ него о томъ оффиціальную бумагу. Чиновникъ этотъ—Начальникъ Отдѣленія въ Департаментѣ, Касторъ Л—въ. Служа весь вѣкъ въ Петербургѣ, онъ не можетъ судить никакъ о практическомъ примѣненіи законовъ и о возможности исполненія предписанныхъ обрядовъ и формъ въ Палатахъ,—но чтобъ проѣхаться не даромъ и придать себѣ значенія, вѣроятно, будетъ придираться ко всему. Объявивъ эту новость въ Канцеляріи, я однакоже не сдѣлалъ никакихъ распоряженій для приготовленія къ ревизіи: тутъ все будетъ такъ, какъ есть. Я очень хорошо знаю, что главное, разрѣшеніе дѣлъ, производится мною самымъ добросовѣстнымъ образомъ и между тѣмъ довольно быстро. Чтò не исполняется, такъ это или по глупости законовъ, или по недостатку средствъ и времени. Скучно однакоже мнѣ будетъ возиться съ этимъ Петербургскимъ господиномъ, особенно теперь, къ концу года, когда дѣлъ поступаетъ такое огромное количество, къ тому же совершенно одному, безъ помощниковъ. Очень можетъ быть, что эта ревизія окончательно выживетъ меня изъ Калуги. Еслибъ Вы знали, какъ подъ часъ бываетъ мнѣ тяжело нести на своихъ плечахъ всю Палату. Секретарь у насъ все еще боленъ, члены остальные только подписываютъ и неспособны помогать мнѣ, некому даже поручить написать бумагу,—а между тѣмъ дѣлъ много, дѣлъ, требующихъ большаго соображенія при примѣненіи новаго Уложенія. Часто приходится изъ пяти и шести томовъ выбирать статьи

для какого нибудь незначительнаго рѣшенія. . Я учетверяюсь въ Палатѣ и работаю такъ быстро и безъ отдыха въ продолженіе этихъ четырехъ часовъ, что, право, иногда чуть чуть дурно не дѣлается. Всякій разъ изъ Палаты возвращаешься какъ шальной, какъ угорѣлый, ничего не понимая. Впрочемъ, и то сказать: за неимѣніемъ другой живой дѣятельности, поневолѣ всѣ дѣятельныя силы устремляются на эту, а дѣятельность, хоть какая-нибудь нужна человѣку. Дѣло въ томъ, что дѣятельность эта подлаго свойства, имѣетъ вліяніе на душу и умъ человѣка... А у насъ, въ Россіи, кромѣ этой дѣятельности, нѣтъ другой. Изданіе журнала почти невозможно, говорить страшно, писать стихи — не дѣятельность, а занятіе случайное, временное... Сидячій трудъ, кабинетный, *для потомства*, какъ дѣлаютъ Нѣмцы, работающіе по двадцати лѣтъ надъ изысканіемъ смысла какихъ-нибудь крючковъ,—намъ невозможенъ; нужна болѣе живая, общественная дѣятельность. Поэтому-то пугаетъ меня, привыкшаго къ дѣятельности служебной, хоть и подлой, при выходѣ въ отставку отсутствіе всякой дѣятельности... Поэтому-то и думалъ я прямо изъ службы да въ путешествіе: это своего рода живая, разнообразная дѣятельность. Ну да я не охотникъ до мечтаній, и лучше объ этомъ пока не говорить... Прощайте.

24-го Сентября 1846 года. Калуга. Вторникъ.

Въ Воскресенье принесли мнѣ Ваши письма отъ 18-го. Слава Богу, что у Васъ все идетъ хорошо, и дай Богъ, чтобъ Олинькѣ опять было лучше, по прежнему. — Завтра торжественный праздникъ всего Радонежья, поздравляю Васъ, милый Отесинька, и всѣхъ нашихъ. А послѣ завтра и мой скучный день рожденія! Мнѣ уже наступитъ 24-й годъ! Что ни говорите, а пора первой молодости прошла, и прошла довольно глупо. Мы слишкомъ расточительно обращаемся съ временемъ, особенно въ молодости, и года самые лучшіе уходятъ незамѣтно въ надеждѣ будущихъ благъ. Невольно станешь скупѣе и бережливѣе... Съ Октября мѣсяца, переѣхавъ на новую квартиру, я устрою иначе образъ жизни. Поменьше бездѣйственной и безплодной мечтательности, по-

меньше словъ, побольше дѣла—вотъ что нужно. Хотя этотъ годъ и не прошелъ для меня совсѣмъ даромъ, но всетаки мало принесъ пользы, и я ничего не сдѣлалъ... Какъ-то поведетъ меня новый годъ?. Право не знаю куда дѣться отъ непріятной грусти, которую наводитъ всегда на меня день моего рожденія!... Осень дѣлаетъ большіе успѣхи, и, хоть на дворѣ нехолодно, но деревья уже очень пожелтѣли, а многія почти совсѣмъ обнажились.—Въ Субботу, часовъ въ 12, поѣхалъ я къ А. О., у которой были въ то время гости. Она приняла меня очень хорошо, но ни слова о томъ, что я такъ давно не былъ. Я нахожу, что ей гораздо лучше. Она крѣпче теперь и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи, очень бодра, весела и не скучаетъ; ухватилась за внѣшность Христіанства и очень самодовольно опирается на нее, совершенно по-женски. Ѣздитъ на Калужку, заставила людей ѣсть постное, читаетъ Иннокентія, говоритъ, что Иннокентій и Филаретъ гораздо снисходительнѣе меня, и вообще теперь она, кажется, вполнѣ довольна мѣркой своего обращенія. Я посидѣлъ у нея съ часъ времени; особеннаго разговора не было и не могло быть, потому что она на всякое слово—сейчасъ отвѣчаетъ Евангеліемъ, Богомъ, вѣрой или какимъ-нибудь нравоученіемъ. Къ тому же я вовсе не имѣю намѣренія смущать ея чувство вѣры, потому что это для нея такъ, какъ она его понимаетъ,—единственная отрада. Между тѣмъ, по моимъ понятіямъ, вѣрующій можетъ найти отраду только въ самой *безотрадной жизни*. Впрочемъ, это вопросъ очень долгій, о немъ послѣ.—Смѣшно то, что въ тотъ же день весь городъ почти зналъ, что я былъ у А. О....

1846 года 28-го Сентября. Калуга. Суббота.

Вотъ и мнѣ минуло 23 года и пошелъ 24-й! Непріятно, а Богъ знаетъ почему! Какъ бы человѣкъ ни холодилъ себя, какъ бы ни старался разоблачать дѣйствительность, всетаки молодость обманываетъ его, всетаки ожидаетъ онъ отъ нея больше, чѣмъ она принесетъ ему. Добро бы еще пролетѣла она быстро, шумно, незамѣтно. Нѣтъ, мы живемъ день за днемъ, очень скучно и сознательно и говоримъ себѣ: это

мы живемъ молодые годы!... Писемъ отъ Васъ со вчерашней экстра-почтой не получалъ; должно быть, Вы не успѣваете отсылать ихъ въ Четвергъ. Впрочемъ, на нынѣшней недѣлѣ у Васъ, вѣрно, была большая суматоха, и къ Середѣ съѣхались чай и родные и знакомые, такъ что, вѣроятно, я и вовсе писемъ не получу. Что Вамъ сказать новаго? Въ Четвергъ заходилъ я въ соборъ, гдѣ былъ храмовой праздникъ, потомъ пришли поздравить меня кой-кто, т. е. Бокаръ, Сальницкій, полсемейства Унк** и еще нѣкоторые. Знавши напередъ, что всѣ они непремѣнно придутъ, я велѣлъ Ефиму приготовить пирогъ, и всѣ покушали очень исправно. День провалился въ вѣчность по обыкновенному. Ни грусти, ни тоски, ни досады, ничего не чувствовалъ я въ этотъ день, а такъ, какое-то тупое чувство... — Квартира моя еще не готова, но къ 3-му Октября можно будетъ переѣзжать. Весь городъ давнымъ давно знаетъ, что я переѣзжаю. Что за глупая жизнь въ провинціи! Никакой другой жизни, никакого другаго интереса, кромѣ злословія, сплетней взаимныхъ и анекдотовъ другъ о другѣ, простирающихся на такія мелочи, что узнаешь немедленно о новой собачкѣ, пріобрѣтенной такою-то и т. п. Эти люди осуждены на ужасную муку — видѣть почти каждый день другъ друга и никого больше. Не быть знакомымъ — нельзя, да и скучно; поэтому всѣ знакомы, всѣ знаютъ другъ друга отъ головы до пятъ и смѣются другъ надъ другомъ... Впрочемъ, людей добрыхъ больше, чѣмъ умныхъ, отъ того еще скучнѣе. Такъ какъ я мало имѣю здѣсь знакомыхъ, то узнаю всѣ городскія новости отъ Унк**. — Читаю я теперь все путешествія по Египту, Муравьева, Норова, Исторію первыхъ вѣковъ Христіанства. Кромѣ отношенія, которое имѣютъ эти чтенія къ «Маріи Египетской», они занимаютъ меня сами по себѣ. Только доставать здѣсь книги необыкновенно трудно. Я все собираюсь писать къ Константину, да все какъ-то не соберуся. Меня все это время ужасно тревожилъ и мучилъ вопросъ о примиреніи искусства съ религіею и наводилъ тоску, тягостную и неимовѣрную... Вопроса этого, разумѣется, я не разрѣшилъ, но какъ-то теперь пересталъ о немъ думать такъ много; этотъ вопросъ есть вопросъ о примиреніи язычества съ Христіанствомъ, религіи съ жизнью,

словомъ, завлекаетъ далеко.—Стиховъ никакихъ не писалъ, а когда примешься за стихи, такъ бросишь писать съ досадой и поневолѣ вспомнишь стихи Баратынскаго.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова,
О жрецъ ея, тебѣ спасенья нѣтъ!

Кажется, такъ, сколько я помню. Прощайте. Письмо мое какъ-то глупо, чувствую. Должно быть, я тупѣю съ наступленіемъ 24-го года. Ревизоръ еще не пріѣзжалъ.

1846 года Октября 1-го, Вторникъ. Калуга.

Какова погода! Холодная, но ясная, настоящая осенняя... Въ Субботу ѣздилъ я на свеклосахарный заводъ Унк**, осмотрѣлъ все производство, весь процессъ превращенія свеклы въ сахаръ Дѣло не очень мудреное, но свекловичный сахаръ гораздо хуже настоящаго, всегда чѣмъ-то отзывается. Заводъ небольшой, но приноситъ доходъ. Въ Воскресенье поутру стрѣлялъ изъ пистолета въ саду у Бокара, который живетъ въ отдаленной части города и упражняется въ стрѣльбѣ. Разъ попалъ въ цѣль, т. е. въ бумагу, а не въ кружокъ, остальные раза все промахъ! Впрочемъ, и разстояніе довольно велико: 30 шаговъ. Хочу упражняться въ этомъ искусствѣ, оно всегда можетъ пригодиться, да и какъ-то воинственнѣе себя чувствуешь, а то я совершенный инвалидъ: верхомъ не ѣзжу, изъ ружья не стрѣляю, ловкости физической не имѣю... Вчера вечеромъ былъ я въ клубѣ, чтобъ поиграть на билльярдѣ... Вотъ Вамъ всѣ событія моей внѣшней жизни. а въ жизни внутренней не было никакихъ событій. Нынче праздникъ и первый балъ въ Собраніи. Ѣхать и одѣваться мнѣ лѣнь, а потому не знаю, буду ли тамъ. Въ Четвергъ перетаскиваюсь на новую квартиру, слѣдовательно, будущее письмо напишется уже не отсюда. Ревизоръ нашъ еще не пріѣзжалъ. Як** трусилъ ужасно, но я воспротивился всякимъ подготовкамъ и надуваніямъ и оставляю все въ томъ видѣ, въ какомъ оно было всегда... Луи-Филиппъ ссорится съ Викторіей: это меня занимаетъ, авось подерутся наконецъ. Давно уже человѣчество утопаетъ въ бездѣйственной мечтательности отъ отсутствія громкихъ, страшныхъ и отрезвляющихъ событій дѣйствительности.

1846 года. Калуга. Октября 5-го, Суббота.

Пишу къ Вамъ уже не изъ стараго своего жилища, а на новой своей квартирѣ. Я переѣхалъ вчера. Все наканунѣ было уложено и приготовлено; въ Пятницу поутру Ефимъ сталъ перевозиться, и я изъ Палаты прiѣхалъ прямо во флигель, гдѣ все уже было разставлено Ефимомъ согласно моему вкусу и привычкамъ. Квартирой своей я совершенно доволенъ. Я уже отвыкъ отъ такого ровнаго воздуха въ комнатѣ, чтобы нигдѣ не дуло, нигдѣ не было сыро, и чувствую теперь, какая разница жить въ каменномъ или деревянномъ домѣ. Такъ какъ флигель этотъ только что отстроенъ, то онъ находится еще въ дѣвственной чистотѣ: нигдѣ ни пятнышка, клопы и блохи ему еще чужды; двери, перегородка въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ подъ руки столяра, т. е. некрашеныя, не бѣленыя, а гладко строганыя... У меня, съ передней, 4 комнаты, изъ которыхъ одна большая, съ каминомъ—мой кабинетъ. Дай Богъ, чтобы эта квартира была счатливѣе той. Наканунѣ переѣзда я пересмотрѣлъ однако все, что было написано тамъ мною: всѣхъ стихотворенiй около 14-ти. Я думалъ, что чинъ природы побезпокоится для меня и пошлетъ мнѣ въ послѣднiй разъ, передъ оставленiемъ стараго жилища, какой-нибудь знаменательный сонъ: ничуть не бывало; проспалъ всю ночь очень крѣпко и во снѣ ничего не видалъ. Городъ Калуга уже узналъ, вѣроятно, о моемъ переѣздѣ. Недавно я купилъ у Итальянца, носящаго бюсты и статуи (явленiе въ Калугѣ небывалое) два бюстика Гете и Шиллера и приказываю ему принести на дняхъ Наполеона. Хорошо, отвѣчалъ онъ мнѣ ломанымъ Французскимъ языкомъ, когда же? лучше послѣ завтра, когда вы переѣдете вотъ туда, въ этотъ домъ... Проклятый Итальянецъ, подумалъ я,—давно ли ты въ Калугѣ?—12 дней!.. Наконецъ въ Середу я получилъ отъ Васъ письма, также отъ Панова. Благодарю Васъ за поздравленiя, а теперь буду отвѣчать на письма. Я думаю, тысячи за двѣ на полгода, Вы легко найдете квартиру: я бы желалъ этого и для Васъ всѣхъ и для Константина. Я думалъ, что Панову достаточно будетъ введенiя въ «Марiю Египетскую», «Совѣтъ» и «Бываетъ такъ» и пр. я послалъ

Плетневу, а «Дождикъ» и Capriccio нечего печатать въ «Сборникѣ». Они могутъ быть напечатаны въ общемъ собраніи стихотвореній, а такъ, отдѣльно выступать съ ними смѣшно. Вамъ нравятся послѣдніе стихи мои; надо, однако, признаться, что начало и конецъ немного пошлаго тона, т. е. мотивъ ихъ, музыка какъ-то очень обыкновенна. «Маріи Египетской» помѣщать не хочу.—Я слышалъ, что Митя Оболенскій уже женился... Дай Богъ ему счастія. Посланіе къ нему какъ-то не написалось, да, признаюсь, пускать посланія въ большой свѣтъ мнѣ уже и не хочется. Во Вторникъ былъ балъ въ Собраніи; я тамъ былъ, но дамъ почти не было никого. Встрѣтился тамъ съ См**, который опять обратился ко мнѣ съ разными изъявленіями дружбы и требовалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему собственно. Я обѣщалъ быть у него въ четвергъ. Такъ и сдѣлалъ; отправился къ нему вечеромъ, но онъ еще не возвращался изъ Думы, гдѣ онъ былъ, не знаю по какой причинѣ, и я прошелъ къ А. О., у которой никого не было, кромѣ, разумѣется, Б—ой. Я нашелъ А. О. въ отношеніи ея здоровья еще лучше. Она, какъ кажется, теперь совсѣмъ здорова, но мы съ нею расходимся все болѣе и болѣе, невольно наговорили непріятностей другъ другу и разстались очень сухо. Мы не горячились, и тѣмъ хуже.—Прощайте до Вторника.

12-го Октября 1846 года. Калуга. Суббота.

Въ Середу получилъ я письмо отъ Васъ отъ 2-го Октября изъ Радонежья, милый мой Отесинька. Ар**, заѣхавшій вчера на пять минутъ, еще ничего не успѣлъ сообщить мнѣ о Москвѣ. Онъ будетъ у меня нынче вечеромъ. Онъ говоритъ, что Дмитрій Оболенскій нынче или завтра долженъ быть въ Калугѣ съ женой. Какъ радъ я буду его увидѣть.—Вотъ уже недѣля, какъ я живу на новой своей квартирѣ и совершенно ею доволенъ. Я пользуюсь рѣшительно всѣми удобствами безхозяйства и тишины. Неожиданнымъ образомъ получилъ я здѣсь книги изъ Москвы отъ Мухановой, также отъ Кирѣевскаго,—и все это для моей Маріи Египетской. Мнѣ, право, и смѣшно и совѣстно. Муханова (Марья Сергѣевна) присылаетъ мнѣ книгу въ подарокъ, на память

встрѣчи: De l'école d'Alexandrie, новѣйшее ученое сочиненіе. Ей проѣздомъ сообщилъ Ѳедоръ Унк** бывшее у него введеніе, и она теперь пишетъ къ нему цѣлое письмо объ этомъ, которое я Вамъ сообщу въ слѣдующій разъ, и совѣтуетъ даже съѣздить мнѣ въ Египетъ. Я не чувствую въ себѣ такого призванія, чтобъ сталъ очень безпокоиться для «Маріи Египетской», и готовъ даже отказаться отъ этого труда, отъ претензій на христіанскую эпопею; для этого надо быть лучшимъ христіаниномъ... Я написалъ ей вчера маленькое посланьице. Мнѣ все приходится писать къ женщинамъ, которыя меня въ полтора раза старше. Вѣроятно, у насъ завяжется переписка, чему я буду очень радъ. — Нынче я уже успѣлъ написать письмо и къ ней и къ Панову, которому давно не отвѣчалъ.—Прощайте, право, некогда, во Вторникъ буду писать Вамъ обстоятельно.

1846 гада. Калуга, 15-го Октября. Вторникъ.

Въ Воскресенье я получилъ письмо отъ Васъ, милая Маменька, и отъ Олиньки, которая убѣдительно меня проситъ не безпокоиться и не ждать писемъ отъ Отесиньки... Само собою разумѣется, что не должно Вамъ, милый Отесинька, ни диктовать, ни писать письма, покуда глазныя и головныя боли не пройдутъ совсѣмъ; пожалуйста берегитесь, прошу Васъ. Я вообще теперь не очень жду отъ Васъ аккуратныхъ писемъ, потому что знаю, въ какой суматохѣ и безпокойствѣ Вы находитесь. Въ противоположность Вашей, моя жизнь течетъ совершенно мирно и покойно. Когда мнѣ сдѣлается скучно одному, я отправляюсь въ домъ, посмотрю гостей, поразсѣюсь и отправляюсь опять къ себѣ, гдѣ никто мнѣ не мѣшаетъ... Конечно, здѣсь въ домѣ нѣтъ никого, съ кѣмъ бы можно было имѣть свободный обмѣнъ мыслей, не стѣсняясь и не заботясь о пониманіи; нѣтъ въ головахъ широкихъ подъѣздовъ и распахнутыхъ дверей, въ которыхъ входи всякій: мѣсто будетъ;—нѣтъ такого великолѣпія, а есть или узенькія или низенькія калитки, гдѣ всячески изворачиваешься, чтобы пролѣзть. За то нѣтъ никакихъ претензій, но столько кротости и доброты, что, право, иногда мнѣ совѣстно становится передъ ними. Удивляясь ровному теченію ихъ жизни,

я въ тоже время ставлю ихъ выше себя въ нравственномъ отношеніи... Всего этого, конечно, не поймутъ здѣсь многіе, но должна бы понять А. О. Конечно, въ Калугѣ мы болѣе всѣхъ понимаемъ и знаемъ другъ друга, болѣе всѣхъ способны оцѣнить другъ друга и въ тоже время расходимся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Я пріютился въ домѣ Унк**, она окружилась Б—ми.—Вы знаете, здѣсь въ Субботу былъ Митя Оболенскій съ женою. Въ Калугѣ нѣкогда отецъ его былъ Губернаторомъ, и здѣсь жила и скончалась мать его, Княгиня Оболенская, урожденная Нелединская, память которой и теперь еще жива и боготворится всѣми въ Калугѣ, несмотря на то, что со смерти ея минуло лѣтъ 17 или 18. Здѣсь же, въ Калугѣ, похоронена Графиня Зубова. Всѣ Оболенскіе почти ежегодно ѣздятъ въ Калугу поклониться праху матери и сестры. Митя Оболенскій съ женою своею прямо проѣхалъ въ монастырь и потомъ уже поѣхалъ дѣлать нѣкоторые визиты: здѣсь живетъ его родной дядя Нелединскій и старинные знакомые его отца. Вечеромъ Оболенскій былъ съ женою у Унк**. Въ этомъ домѣ всѣ они нѣкогда воспитывались, по смерти матери,—потомъ, когда Унк** сдѣланъ былъ Директоромъ Института благороднаго въ Москвѣ, то и они поступили туда и жили у него. Я познакомился съ женой его. Она, кажется, хорошая, добрая женщина, безъ всякихъ претензій и съ сердцемъ довольно простымъ. Кажется, они покуда совершенно счастливы. Дай Богъ, чтобъ это продолжалось. Впрочемъ, съ такимъ человѣкомъ, какъ Оболенскій, трудно не быть счастливымъ. Потомъ я отправился къ нему пить чай. Часу въ десятомъ онъ отправилъ ее спать, а самъ просидѣлъ съ нами до перваго часа. На другое утро онъ уже уѣхалъ, пробывъ въ Калугѣ не болѣе сутокъ.— Что Вамъ сказать еще? Ничего нѣтъ. На этой недѣлѣ хочу хорошенько заняться чтеніемъ книгъ, которыхъ теперь у меня довольно. Благодаря Мухановой, я снабженъ теперь почти всѣмъ, что мнѣ было нужно для свѣдѣнія о Египтѣ. Только она пишетъ: «не опасно ли раму дѣлать болѣе картины?» И права въ этомъ отношеніи. Но я ни рамы, ни картины никакой еще не дѣлалъ и никакой задачей себя не обязывалъ, и мнѣ смѣшно видѣть и слышать такія хлопоты о томъ, о чемъ, признаюсь, я мало хлопочу въ лѣнивой душѣ своей.

1846 года. Калуга. Октября 20-го. Суббота.

Вчерашняя экстра-почта не привезла мнѣ писемъ отъ Васъ, хотя я и не очень ждалъ ихъ, зная въ какихъ Вы теперь хлопотахъ, но хотѣлъ бы знать по крайней мѣрѣ о состояніи здоровья Отесиньки. Я живу по прежнему мирно и спокойно. Тишина и доброта, вытѣсненныя на время отношеніями къ А. О. и всѣми ихъ послѣдствіями, возвращаются въ мою душу. Я почти не вижу Калуги, кромѣ улицъ, ведущихъ въ Палату. А. О. недавно получила письмо отъ Гоголя. Ар** сказывалъ мнѣ, что онъ пишетъ, будто въ Январѣ отправляется въ Іерусалимъ, куда зоветъ и А. О. Онъ написалъ сочиненіе, въ видѣ двухъ писемъ, о Русскомъ Духовенствѣ, которое Цензура сначала не пропустила, но Государь, по ходатайству Протасова, разрѣшилъ печатаніе, и оно выйдетъ особою книжкою. Вотъ еще новость: говорятъ, Плетневъ продалъ «Современникъ» Бѣлинскому и Панаеву.

Я написалъ еще стихи небольшіе, къ себѣ, но назвалъ ихъ «Къ портрету».

1846 года. Калуга. Октября 26-го. Суббота.

Вчера получилъ я небольшое письмецо отъ Вѣры, очень благодарю ее за эту догадливость.—Вѣра пишетъ, что мои послѣдніе стихи очень забавны; право не понимаю, что она нашла въ нихъ забавнаго: они такъ же относятся ко мнѣ, какъ и къ Константину и ко всему современному молодому поколѣнію. Не знаю, сообщилъ ли я Вамъ посланіе къ Мухановой? Кажется, сообщилъ. Въ суматохѣ и хлопотахъ, которыя теперь у Васъ въ домѣ, часы и дни летятъ, чай, напопыхахъ, а время безъ церемоній обращаетъ эти часы и дни въ цѣлые мѣсяцы. А потому я опять повторяю: мечтатель Константинъ, вообразившій окончить диссертацію въ нынѣшнемъ году и отлагавшій печатаніе до зимы, какъ удобнѣйшаго времени! Все это я ему предсказывалъ.

Что Вамъ сказать новаго? Читали ли Вы или видѣли ли Октябрьскую книжку «Библіотеки для Чтенія»? Вообразите,

тамъ по поводу разбора какой-то книжонки Сенковскій объявляетъ публикѣ, что Гоголь боленъ, вдался въ *мистицизмъ*, не хочетъ продолжать «Мертвыхъ Душъ» и такъ самолюбиво замечтался, что всѣхъ учитъ, даетъ наставленія. Все это сказано съ ругательствами и насмѣшками. Онъ не называетъ его Гоголемъ, но *Гомеромъ, написавшимъ «Мертвыя Души.»* Названіе *Гомеръ* повторилъ онъ разъ двадцать на одной страничкѣ. Какой мерзавецъ! Въ этомъ же № есть новый разборъ «Московскаго Сборника», Никитенко. Это по крайней мѣрѣ написано вѣжливо. Онъ разбираетъ только нѣкоторыя статьи и преимущественно Хомяковскую. Но какіе всѣ они подлецы: Никитенко, почитатель Гоголя и рядомъ съ его статьей ругательство на Гоголя. Пріѣхалъ новый Предсѣдатель Казенной Палаты Кобринъ, переведенный сюда изъ Перми, гдѣ онъ въ таковой же должности находился лѣтъ 15. Вдовецъ, Генералъ со звѣздой и тремя дочерьми, изъ которыхъ младшей лѣтъ 13, а старшія двѣ взрослыя. Дочерей его почти никто не видалъ; говорятъ, впрочемъ, довольно милыя и развязныя Пермячки. Онъ только нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ и очаровалъ уже тѣхъ, кому дѣлалъ визиты, ловкостью и пріятностью своего обращенія: надобно прибавить, что онъ Генералъ, т. е. Дѣйствительный Статскій, а въ Калугѣ, кромѣ, Тимирязева нѣтъ другихъ генераловъ, ни статскихъ ни военныхъ. У меня онъ еще не былъ, а я, разумѣется, къ нему не поѣду. Такъ какъ Казенная Палата въ губерніи мѣсто совершенно отдѣльное и самостоятельное, и Предсѣдатель полный хозяинъ и господинъ ея, то здѣшняя Палата или, лучше сказать, Совѣтникъ, исправлявшій должность его, приготовитъ новому Предсѣдателю такую встрѣчу, о которой—если разсказать, такъ не повѣрятъ. Былъ посланъ чиновникъ навстрѣчу: хотѣли заставить дожидаться его на границѣ, но рѣшили наконецъ послать его въ пограничный городъ, въ Боровскъ. Домъ для Кобрина былъ нанятъ, вычищенъ, вымытъ, и чиновники въ мундирахъ должны были дежурить въ пустомъ домѣ, въ ожиданіи Его Превосходительства. Наконецъ я достовѣрно знаю, что въ Присутствіи, въ Палатѣ между двумя старшими Совѣтниками происходили толки о томъ, все ли предусмотрѣно и заготовлено ими для Начальника и

его семейства. Вспомнили, что недостаетъ нѣкотораго рода необходимыхъ посудинъ, почему и отправились они покупать эти посудины, причемъ принято было въ соображеніе число, возрастъ, полъ и пр. Представленіе чиновниковъ Флеровымъ, т. е. этимъ Старшимъ совѣтникомъ, было презанимательное также. Не зная уже, о чемъ говорить, Кобринъ спросилъ наконецъ, чей это домъ такой-то, отъ его дома недалеко? На что Флеровъ отвѣчалъ: «это домъ барышенъ Бахметевыхъ, *многоуважаемыхъ и любимыхъ Ея Превосходительствомъ А. О.*, супругой Его Превосходительства, состоящаго въ должности Гражданскаго Губернатора, Николая Михайловича См**». Мнѣ все это потому извѣстно, что старшій Унк** служитъ Чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Казенной Палатѣ и находился при представленіи.

1846 года 29-го Октября. Калуга. Вторникъ.

Нынче на дворѣ такой морозъ, что я, проснувшись по утру, сейчасъ приказалъ топить каминъ. Онъ такъ трещитъ теперь, что весело слышать. Умывшись и обрившись, сѣлъ я писать къ Вамъ, сѣлъ и не знаю, что писать: такъ мало достопримѣчательнаго совершилось въ эти дни! Для города Калуги недѣля эта замѣчательна тѣмъ, что была именинница 28-го числа Прасковья Сергѣевна Теличеева, дѣвушка лѣтъ сорока, которой Вы не знаете, которую весь городъ съѣзжался поздравить, окончивъ присутственное засѣданіе часомъ раньше, но у которой я не былъ, потому что не счелъ нужнымъ знакомиться съ нею и ея сестрами, хотя и встрѣчаюсь съ ней въ обществѣ. У нея былъ пирогъ съ капустой. На будущей недѣлѣ городу предстоитъ въ перспективѣ дней пріятная суматоха, надѣваніе мундировъ, скакотня въ соборъ поутру и вечеромъ въ Собраніе — 8-го Ноября. Всетаки маленькое развлеченіе, варіація въ однообразной губернской жизни! Виноватъ: будетъ большая варіація, говорятъ; именно балъ у Губернатора по случаю пріѣзда (еще ожидаемаго) молодыхъ, Осипа Россети съ супругой. Слѣдовательно, жители уже обезпечены на недѣлю: о балѣ будутъ говорить долго, сообщать другъ другу свои наблюденія,

и не ускользнетъ отъ ихъ досужнаго вниманія и привычной примѣчательности ни одна булавка, выскочившая изъ галстуха, ни одинъ жестъ Губернаторши!... Впрочемъ, злословіе, правда, вовсе не ядовитое, единственная пища, единственная умственная дѣятельность этого добраго народа. Ревизоръ нашъ еще не пріѣзжалъ. Очень дурно онъ сдѣлаетъ, если пріѣдетъ поздно, къ самому концу года. Я съ нѣкотораго времени все думаю о будущемъ и занятъ мыслью о разсадкѣ хмѣля. Одна десятина хмѣля, хорошо обработанная, можетъ приносить тысячъ пять доходу. Хочу написать объ этомъ Гришѣ. Если я на будущій годъ не поѣду въ чужіе края, то и не выйду въ отставку, но постараюсь перейти въ Москву, если можно, такъ на мѣсто Оберъ-Секретаря въ Уголовномъ Департаментѣ. Мѣсто въ восьмомъ классѣ, и мой товарищъ Розенбаумъ уже занимаетъ его въ 8-мъ Департаментѣ, но жалованья 4 тысячи. Тогда я, можетъ быть, попрошу у Васъ одну десятину и займусь разсадкой хмѣля. Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго: независимое существованіе (особенно независимое отъ службы) лучше всего, а независимость дается только деньгами, обезпечивающимъ доходомъ. Можетъ быть, я буду сѣять также свекловичныя сѣмена и скоро примусь за изученіе этихъ предметовъ.

1846 года, Ноября 2-го, Суббота. Калуга.

Вотъ и еще недѣля прошла, и еще получилъ я еженедѣльную порцію извѣстій о Васъ, но все мало утѣшительныхъ: Вы все еще не уладились, не устроились, и Отесинька все также еще страдаетъ! Хотя милый Отесинька и диктуетъ мнѣ письмо, но всетаки видно, что это больше по собственному принужденію, что диктовать, т. е. утомляться диктовкой не слѣдовало бы... Вчера неожиданно обрадовалъ и оживилъ меня пріѣздъ добраго В. А. Панова. Онъ пріѣхалъ часовъ въ 9 утра и уѣхалъ отъ меня въ первомъ часу ночи въ Тулу. Слѣдовательно, онъ сдѣлалъ большой крюкъ для того, чтобы видѣться со мною и Елагиными, отъ которыхъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я не поѣхалъ въ Палату, и цѣлый день провели мы вмѣстѣ. Что за чудесный человѣкъ этотъ Пановъ! Онъ разскажетъ Вамъ про мое житье-бытье, но

его семейства. Вспомнили, что недостаетъ нѣкотораго рода необходимыхъ посудинъ, почему и отправились они покупать эти посудины, причемъ принято было въ соображеніе число, возрастъ, полъ и пр. Представленіе чиновниковъ Флеровымъ, т. е. этимъ Старшимъ совѣтникомъ, было презанимательное также. Не зная уже, о чемъ говорить, Кобринъ спросилъ наконецъ, чей это домъ такой-то, отъ его дома недалеко? На что Флеровъ отвѣчалъ: «это домъ барышенъ Бахметевыхъ, *многоуважаемыхъ и любимыхъ Ея Превосходительствомъ А. О.*, супругой Его Превосходительства, состоящаго въ должности Гражданскаго Губернатора, Николая Михайловича См**». Мнѣ все это потому извѣстно, что старшій Унк** служитъ Чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Казенной Палатѣ и находился при представленіи.

1846 года 29-го Октября. Калуга. Вторникъ.

Нынче на дворѣ такой морозъ, что я, проснувшись по утру, сейчасъ приказалъ топить каминъ. Онъ такъ трещитъ теперь, что весело слышать. Умывшись и обрившись, сѣлъ я писать къ Вамъ, сѣлъ и не знаю, что писать: такъ мало достопримѣчательнаго совершилось въ эти дни! Для города Калуги недѣля эта замѣчательна тѣмъ, что была именинница 28-го числа Прасковья Сергѣевна Теличеева, дѣвушка лѣтъ сорока, которой Вы не знаете, которую весь городъ съѣзжался поздравить, окончивъ присутственное засѣданіе часомъ раньше, но у которой я не былъ, потому что не счелъ нужнымъ знакомиться съ нею и ея сестрами, хотя и встрѣчаюсь съ ней въ обществѣ. У нея былъ пирогъ съ капустой. На будущей недѣлѣ городу предстоитъ въ перспективѣ дней пріятная суматоха, надѣваніе мундировъ, скакотня въ соборъ поутру и вечеромъ въ Собраніе — 8-го Ноября. Всетаки маленькое развлеченіе, варіація въ однообразной губернской жизни! Виноватъ: будетъ большая варіація, говорятъ; именно балъ у Губернатора по случаю пріѣзда (еще ожидаемаго) молодыхъ, Осипа Россети съ супругой. Слѣдовательно, жители уже обезпечены на недѣлю: о балѣ будутъ говорить долго, сообщать другъ другу свои наблюденія,

и не ускользнетъ отъ ихъ досужнаго вниманія и привычной примѣчательности ни одна булавка, выскочившая изъ галстуха, ни одинъ жестъ Губернаторши!... Впрочемъ, злословіе, правда, вовсе не ядовитое, единственная пища, единственная умственная дѣятельность этого добраго народа. Ревизоръ нашъ еще не пріѣзжалъ. Очень дурно онъ сдѣлаетъ, если пріѣдетъ поздно, къ самому концу года. Я съ нѣкотораго времени все думаю о будущемъ и занятъ мыслью о разсадкѣ хмѣля. Одна десятина хмѣля, хорошо обработанная, можетъ приносить тысячъ пять доходу. Хочу написать объ этомъ Гришѣ. Если я на будущій годъ не поѣду въ чужіе края, то и не выйду въ отставку, но постараюсь перейти въ Москву, если можно, такъ на мѣсто Оберъ-Секретаря въ Уголовномъ Департаментѣ. Мѣсто въ восьмомъ классѣ, и мой товарищъ Розенбаумъ уже занимаетъ его въ 8-мъ Департаментѣ, но жалованья 4 тысячи. Тогда я, можетъ быть, попрошу у Васъ одну десятину и займусь разсадкой хмѣля. Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго: независимое существованіе (особенно независимое отъ службы) лучше всего, а независимость дается только деньгами, обезпечивающимъ доходомъ. Можетъ быть, я буду сѣять также свекловичныя сѣмена и скоро примусь за изученіе этихъ предметовъ.

1846 года, Ноября 2-го, Суббота. Калуга.

Вотъ и еще недѣля прошла, и еще получилъ я еженедѣльную порцію извѣстій о Васъ, но все мало утѣшительныхъ: Вы все еще не уладились, не устроились, и Отесинька все также еще страдаетъ! Хотя милый Отесинька и диктуетъ мнѣ письмо, но всетаки видно, что это больше по собственному принужденію, что диктовать, т. е. утомляться диктовкой не слѣдовало бы... Вчера неожиданно обрадовалъ и оживилъ меня пріѣздъ добраго В. А. Панова. Онъ пріѣхалъ часовъ въ 9 утра и уѣхалъ отъ меня въ первомъ часу ночи въ Тулу. Слѣдовательно, онъ сдѣлалъ большой крюкъ для того, чтобы видѣться со мною и Елагиными, отъ которыхъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я не поѣхалъ въ Палату, и цѣлый день провели мы вмѣстѣ. Что за чудесный человѣкъ этотъ Пановъ! Онъ разскажетъ Вамъ про мое житье-бытье, но

посылать мнѣ съ нимъ было нечего. Стиховъ нѣтъ. Онъ поѣхалъ въ Тулу, чтобы видѣться опять съ Хомяковымъ и Елагиной. Я взялъ у него вторую часть Лекцій Шевырева, съ обѣщаніемъ возвратить въ самомъ скоромъ времени, что я, разумѣется, и исполню. Онъ оживилъ меня, пахнулъ на меня живостью умственной дѣятельности и интересовъ, которые въ здѣшней одинокой жизни невольно клонятся ко сну. Надобно признаться, что тяжело бываетъ подъ часъ возиться съ ограниченными людьми. Правда, я уже къ этому привыкъ; всѣ мои товарищи большею частію люди, съ которыми у меня не можетъ быть ни полнаго сочувствія, ни свободнаго размѣна мыслей; впрочемъ, хотя обо мнѣ судятъ совсѣмъ иначе нѣкоторые люди,—я нравственное сочувствіе ставлю выше свободнаго размѣна и сочувствія мыслей. Я изворачиваю всячески свой умъ, примѣняясь безпрерывно къ понятливости людей, болѣе меня ограниченныхъ, но я по крайней мѣрѣ не таю про себя, не дѣлаю уступокъ, не измѣняю ни въ чемъ своихъ нравственныхъ привычекъ воззрѣнія... Я написалъ бы къ Вамъ гораздо больше, но 1) Пановъ лично разскажетъ Вамъ про меня, 2) я хочу писать къ Оболенскому и Погуляеву и просить ихъ увѣдомить меня, нѣтъ ли какого мѣста въ Москвѣ по нашему Министерству или есть по чужому. Я хочу перейти служить въ Москву.

1846 года Ноября 15-го. Калуга. Пятница.

Я думаю, Вы очень удивились, что не получили отъ меня письма во Вторникъ. Причиною тому — не что иное, какъ 1) рѣшительный недостатокъ—о чемъ писать; 2) мнѣ что-то помѣшало. Я всегда пишу письма до отъѣзда въ Палату и употребляю на это часъ времени; къ тому же отъ Васъ уже очень давно не имѣю я никакихъ писемъ, кромѣ краткихъ увѣдомленій о нездоровьѣ; слѣдовательно, разговоръ живой въ письмахъ невольно останавливается. Нынче же я пишу потому, что нынче же, послѣ присутствія сажусь въ повозку и ѣду къ Елагинымъ за сто верстъ отсюда. Въ Воскресенье вечеромъ или въ ночь на Понедѣльникъ я ворочусь сюда. Скажите это Панову, которому я далъ слово

непремѣнно съѣздить въ Петрищево. Мнѣ это тѣмъ удобнѣе сдѣлать теперь, что и все семейство Унк** уѣзжаетъ на эти дни верстъ за 30 отсюда въ деревню къ Храповицкой, ихъ родственницѣ. Я очень радъ этой поѣздкѣ. Авось она меня освѣжитъ нѣсколько, потому что мнѣ часто приходится хандрить; ничего путнаго я не дѣлаю, ничего не пишу; мало читаю. Да и читать нечего. Нестора? Право, должно признаться, что мало тянетъ къ этому труду, хотя я всѣмъ другимъ и самому проповѣдую, что тянетъ, что должно тянуть. Перечитываю Гоголя и еще грустнѣе становится, потому что вспомнишь о самомъ Гоголѣ, потому что послѣ чтенія Гоголя по крайней мѣрѣ сутки двое не смѣешь не только взяться за перо, но даже подумать о какой-нибудь литературной дѣятельности. А время идетъ! Третьяго дня получилъ я вторую книжку «Современника», гдѣ помѣщены два мои стихотворенія: «Совѣтъ» и Andante 2-е. Вчера получилъ письмо отъ Погуляева, который пишетъ мнѣ, что Иванъ Яковлевичъ Соколовъ съ 1-го Января подаетъ просьбу въ отставку, что, слѣдовательно, открывается вакансія Уголовнаго Оберъ-Секретаря. Совѣтуетъ мнѣ или написать письмо къ Панину или ѣхать самому въ Петербургъ. Но ни того ни другаго я дѣлать не хочу. Пусть Оболенскій скажетъ объ этомъ Панину.—Въ городѣ все благополучно. Въ Воскресенье былъ я въ церкви на свадьбѣ Прокурора, который въ вѣнцѣ чрезвычайно похожъ на одного изъ моихъ Калмыцкихъ божковъ. Все было очень великолѣпно; всѣ губернскіе тузы были въ мундирахъ; вся губернская аристократія участвовала въ свадьбѣ, какъ-то Губернаторъ, Вице-губернаторъ и пр. и пр. А. О. была посаженою матерью. Ну что же? свадьба, кажется, веселое явленіе и счастливое событіе. Но на свѣтѣ все какъ-то выходитъ уродливо. Хорошенькая дѣвушка выходитъ за малообразованнаго, удивительно невзрачнаго душою и тѣломъ чиновника. Мать съ дочерью, прощаясь, падали попеременно въ обморокъ,—но дочь оттого и выходитъ замужъ, что терпѣла отъ матери побои и невыносимыя угнетенія. За нѣсколько дней передъ этимъ совершилась другая свадьба: тихая, скромная, простая... Молодые любятъ другъ друга и другъ по другу оба,— но на другой день свадьбы, вѣрно, задумались о томъ, что

же они будутъ ѣсть, особенно если Богъ захочетъ благословить ихъ большимъ семействомъ. У нея нѣтъ ничего. Очень поэтически, кажется. Но молодой, добрый и чудесный малый, офицеръ Путей Сообщенія, приноситъ въ даръ свое будущее назначеніе на Динабургское шоссе, гдѣ лѣнивый можетъ легко получить въ годъ тысячъ шесть дохода, что взято во вниманіе при отдачѣ за него невѣсты.

1846 года, 19-го Ноября. Калуга. Вторникъ.

Вчера воротился я отъ Елагиныхъ часовъ въ 12, въ полдень. Надо же было случиться такому несчастію, что въ промежутокъ двухъ дней пошелъ проливной дождикъ, и ледъ разошелся, а мнѣ приходилось два раза переѣзжать Оку, не говоря о мелкихъ рѣченкахъ. Туда я доѣхалъ благополучно, но оттуда приходилось мнѣ возвращаться то въ телѣгѣ, то въ саняхъ. Черезъ ледъ не пускали, и я рѣшился ѣхать въ объѣздъ. Это лишняго верстъ 20. Такъ какъ Оку приходится переѣзжать два раза, стало можно попасть въ Калугу, минуя рѣку. Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ къ Елагинымъ получилъ я письмо отъ Васъ, милая Маменька, письмо длинное и очень интересное. Хотя Вамъ бы не слѣдовало писать, милая Маменька, потому что у Васъ руки отекаютъ отъ этого, но я Вамъ очень благодаренъ, потому что давно не получалъ писемъ обстоятельныхъ. Я не зналъ, что Юрій Самаринъ въ Москвѣ. Не пріѣдетъ ли онъ въ Калугу? Елагины живутъ очень скромно, но хорошо и мирно. Выписываютъ много книгъ и журналовъ, много работаютъ въ пяльцахъ. Разумѣется, Авдотья Петровна чрезвычайно мнѣ обрадовалась и была нѣжна въ высшей степени. Я прожилъ у нихъ Субботу и уѣхалъ въ Воскресенье, снабженный большимъ количествомъ книгъ. Николай Елагинъ пишетъ повѣсть; его заставили прочесть мнѣ начало: очень хорошо. Мнѣ нравится это отсутствіе всякой восторженности и лиризма, всякихъ мудрствованій и философствованій о предметѣ своей повѣсти; напротивъ, у него разсказъ самый простой, не поспѣшный, безпристрастный... Не знаю, что будетъ дальше, но пріемъ самый уже хорошъ. А писать повѣсть труднѣе всякихъ стихотворныхъ произведеній!

23-го Ноября 1846 года. Калуга. Суббота.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Вѣры. Вамъ еще нѣтъ положительно лучше! Долго же это продолжается; для меня это тѣмъ тяжелѣе, что я не вѣрю прочности леченія какими то сиропами. Но дай Богъ, чтобы этотъ сиропъ не только избавилъ Васъ теперь отъ страданій, но и уничтожилъ бы возможность возвращенія болей.—На дняхъ, т. е. въ Четвергъ, А. О. уѣхала въ Воронежъ — недѣли на три. Я уже ея не видалъ болѣе шести недѣль. Она беременна!... Я не описывалъ Вамъ подробно моего пребыванія у Елагиныхъ. Пріемъ ихъ былъ самый ласковый. Авдотья Петровна была въ постоянномъ умиленіи. Они дали мнѣ всѣ «Чтенія Московскаго Общества Древностей», гдѣ столько интересныхъ статей и «Наль и Дамаянти» Жуковскаго. Далъ слово прочесть, а тяжело! Лила, Марья Васильевна и Авдотья Петровна работаютъ на свою церковь, вышиваютъ святыхъ по канвѣ. Довольно хорошо выходитъ. Носъ четвероугольникомъ, ну да это ничего. Въ домикѣ у нихъ чисто, опрятно, уютно, тепло, мирно, очень хорошо. Я уже писалъ Вамъ, кажется, о повѣсти, начатой Николаемъ Елагинымъ, которую онъ рѣшился наконецъ мнѣ прочесть, послѣ долгихъ убѣжденій матери, которая, разумѣется, въ восторгѣ... Мнѣ даже понравилась эта слабость, это движеніе искреннее въ Авдотьѣ Петровнѣ. Точно также вѣдь и Вы дома бываете въ восторгѣ отъ моихъ стиховъ. Повѣсть съ рѣшительнымъ достоинствомъ. Я также пришелъ въ восторгъ, но будто совершенно искренній, правдивый, безпристрастный, нѣкоторыя мѣста побранилъ откровенно; повѣсть хотя и съ достоинствомъ положительнымъ и оригинальна, но я всетаки равнодушенъ болѣе или менѣе къ ней.— Лжешь и врешь на каждомъ шагу; право, я иногда ужаснѣйшій подлецъ и такъ часто это вижу, что даже пересталъ этимъ огорчаться.—Передайте Панову о повѣсти Елагина. Это будетъ истиннымъ подаркомъ, если только продолженіе будетъ соотвѣтствовать началу. Съ моими стихами пусть онъ дѣлаетъ, что ему угодно. Цѣль печатанія отдѣльной книжкой была не извѣстность, а деньги. А такъ какъ я, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, убѣдился, что денегъ я не получу или получу слишкомъ мало, а между тѣмъ всетаки рискую, печатая

отдѣльно стихотворенія, то и не хочу печатать. Вообще занятія литературой не даютъ денегъ, и, перейдя въ Москву, я безъ шутокъ хочу заняться разсадкой хмѣля. Да, о переводѣ въ Москву. Оберъ-Секретарской вакансіи покуда нѣтъ. Иванъ Яковлевичъ Соколовъ съ 1-го Января подаетъ, говорятъ, будто бы въ отставку. Слѣдовательно, переводъ можетъ случиться не прежде этого времени. Быть Оберъ-Секретаремъ, на мѣстѣ Ивана Яковлевича, я не хотѣлъ бы, мнѣ совѣстно было бы и непріятно имѣть подъ своимъ начальствомъ Порѣцкаго, Полякова, людей, съ которыми я служилъ прежде, какъ товарищъ, людей семейныхъ, которые по десяти лѣтъ ждутъ, не дождутся Оберъ-Секретарской вакансіи. Богъ съ ними. Великодушничать очень пріятно къ тому же.

На нынѣшней недѣлѣ было 4 бала, два праздника, отъ присутствія свободныхъ, выѣздъ первый дочерей Предсѣдателя Казенной Палаты Кобрина. Одинъ мой губернскій знакомый говоритъ про нихъ: «Кобриночки», другой мой губернскій знакомый говоритъ: «Казенныя Палаточки». Сверхъ того, во многихъ уѣздныхъ городахъ открыты собранія, въ Середу—Царскій день, и можно вообразить себѣ минуту, когда вся губернія была въ движеніи па.

1846 года Ноября 30-го. Калуга. Суббота.

На нынѣшней недѣлѣ получилъ я два письма отъ Васъ: одно съ Лопухиной, другое съ почтой, вчера. Очень благодарю Константина за письмо и за то, что онъ не считается письмами. Костя удивляется, что я ничего не писалъ о письмѣ Самарина. О немъ надо было писать или много или ничего. Письмо вообще мнѣ нравится. Его сдержанность, спокойное разложеніе вопроса, все это я люблю, но служба имѣетъ надувательный характеръ, и Самаринъ, кажется, ею отчасти надувается. Какой-то политическій мнимый характеръ, ей сообщенный, дѣлаетъ то, что отъ этой дѣятельности трудно перейти къ дѣятельности отвлеченно-ученой; послѣдняя кажется мертвою... Я сужу по собственному опыту.—Ради Бога, Константинъ, умѣрь твои выраженія о - А - О. Я не хочу, чтобы вообразили въ этомъ случаѣ меня за одно съ тобою. Я никогда не позволяю себѣ этихъ выраженій открыто и

не перестаю цѣнить хорошихъ сторонъ этой женщины. Мнѣ больше жаль ее, но въ душѣ у меня нѣтъ нисколько ни злобы, ни ненависти, и даже негодованіе затихло. Это, впрочемъ, отъ того вѣроятно, что я уже мѣсяца два какъ ея не видалъ. Она еще не возвращалась.—Радуюсь сближенію Грановскаго, воображаю, какъ ты шумѣлъ и кричалъ весь ужинъ и потому очень пріятно провелъ время.—Благодарю Васъ за подробное сообщеніе извѣстій о Гоголѣ. Это изъ рукъ вонъ и грустно, и тяжело невыносимо. Одинъ геніальный художникъ въ наше бѣдное время, на котораго съ надеждою обращались глаза, отъ котораго ждалъ свѣжаго, отраднаго слова,—и тотъ гибнетъ! Наконецъ, послѣ долгаго промежутка, и Вы стали диктовать мнѣ, милый Отесинька; благодарю Васъ, если это неутомительно Вамъ: въ такомъ случаѣ, пожалуйста, не диктуйте.—Обращаюсь къ событіямъ недѣли: въ Четвергъ былъ концертъ, на которомъ былъ и я. Какой-то Делушъ, ученикъ Листа, игралъ на фортепьяно. Слава Богу, продолжалось недолго. Оркестръ былъ очень хорошъ, но я не могъ имъ восхищаться, зная, что это оркестръ богатаго барина изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, барина, который, если эти орудія духовнаго наслажденія не вполнѣ хорошо удовлетворяютъ его, сѣчетъ ихъ немилосердно. На будущей недѣлѣ опять какой-то концертъ. Какая-то Cantatrice de Paris будетъ пѣть. Завтра пикникъ—почти всего города—за городомъ, верстахъ въ десяти отсюда, въ которомъ и я по необходимости участвую, т. е. заплатилъ деньги. Ѣду же самъ при Унк**. Мало того, 4-го Декабря, въ Варваринъ день, балъ у Унк**, по случаю именинъ матери; 6-го Декабря Николинъ день; 9-го Декабря Анны именинницы, въ томъ числѣ жена нашего Предсѣдателя; будетъ, вѣрно, кулебячка. По справедливости заключаютъ, что въ Калугѣ веселятся. Вы говорите, что я все хандрю. Я не то что хандрю, а такъ, ни веселъ, ни пасмуренъ,—хандрю, шутя, и нахожу, что это самое истинное состояніе души вообще въ этой жизни и въ наше время въ особенности.—Порывы, исключенія рѣдки. Недавно какъ-то, прокатясь въ саняхъ, я почувствовалъ что-то другое и написалъ стихи, которые, если успѣю, приложу. Стихотвореніе довольно пустое и не вполнѣ удавшееся, потому что размѣръ этотъ мнѣ

совершенно новъ, и я имъ еще не владѣю вполнѣ *). Образъ жизни моей такъ тихъ, простъ, однообразенъ, что мало вдохновительныхъ толчковъ для поэзіи лирической. Встаю я часовъ въ 8, иногда раньше. Пью чай, курю, займусь чѣмъ-нибудь или съ просителями; — 10-й часъ, пора ѣхать въ Палату; одѣваюсь и отправляюсь въ домъ, гдѣ всѣ попеременно являются въ это время на чай. Беру Унк** и ѣду въ Палату. Часу въ третьемъ возвращаюсь прямо въ домъ и тамъ обѣдаю въ три часа. Послѣ обѣда выслушиваю порцію музыки или пѣнія (ужъ я такъ завелъ) и отправляюсь домой. Дома или читаю или просто хожу по комнатѣ, начну заниматься Польскимъ языкомъ или чѣмъ-нибудь другимъ, — является кто-нибудь изъ моихъ Калужскихъ пріятелей: рѣдко случается вполнѣ свободный вечеръ. Пью чай. Проходитъ время. Передъ ужиномъ, часу въ 12-мъ, опять отправляюсь въ домъ, послѣ ужина домой—и въ постель. Жизнь прездоровая и препокойная. Я, право, какъ-то сдѣлался добрѣе, или, лучше сказать, какая-то грустная доброта, грустное снисхожденіе къ людямъ наполняетъ мнѣ душу. Тяжело видѣть людей насквозь и видѣть, что они не стоятъ ни сильной любви, ни ненависти. Всѣ—такъ себѣ, ничего, и хороши и дурны, неглупы и неумны... Я, впрочемъ, принимаю участіе во всѣхъ событіяхъ дома, повѣренный тайнъ всѣхъ членовъ семейства, — знаю о всѣхъ приготовляемыхъ платьяхъ и нарядахъ, которые показываются мнѣ всѣ предварительно. Я даже написалъ одно посланіе къ Унк**—дѣвицамъ, которое давно бы послалъ къ Вамъ, еслибъ не скучно было переписывать. Написано оно вотъ по какому случаю. Сочинены были голубыя платья и показаны мнѣ. Разумѣется, я хвалилъ, и очень серьезно, и даже наморщилъ лобъ, одни платья предпочиталъ другимъ и пр., даже обѣщалъ, когда платья эти надѣнутся въ первый разъ, непремѣнно воспѣть ихъ. Платья эти должны были надѣться въ первый разъ на Губернаторскій балъ, какъ наиважнѣйшій въ губерніи. Я уѣхалъ къ Елагинымъ; возвращаюсь въ Понедѣльникъ къ обѣду, узнаю, что былъ уже балъ въ Воскресенье, на которомъ надѣты были эти платья, произведшія эффектъ,

*) См. Приложеніе: *Санный бытъ*.

и что вечеромъ опять балъ, на который они поѣхали, а я не поѣхалъ. По требованію сейчасъ сѣлъ писать стихи и тутъ же имъ написалъ. Само собою, что онѣ преосчастливлены, тѣмъ болѣе что никому не обидно: обѣимъ сестрамъ по серьгамъ. Я Вамъ пишу это для того, чтобы объяснить à propos, а самый à propos посылаю единственно для того, чтобъ Васъ потѣшить *).

1846 года, Декабря 3-го. Вторникъ. Калуга.

Вотъ и Декабрь мѣсяцъ, послѣдній мѣсяцъ 1846 года, въ концѣ котораго надѣюсь быть у Васъ хоть на десять дней... Что за погода! Таетъ немилосердно; въ воздухѣ сыро, мокро, туманно. Я забылъ, кажется, написать Вамъ въ послѣдній разъ, что ревизоръ былъ уже у насъ и окончилъ свою ревизію. Это было въ Пятницу. Пріѣхалъ онъ къ намъ въ два часа, просидѣлъ полчаса и уѣхалъ, потребовавъ къ себѣ на домъ Секретаря съ приговорами, рѣшенными по уложенію, просмотрѣлъ ихъ, потребовалъ какую-то вѣдомость и этимъ окончилъ ревизію. Ревизоръ типъ Петербургскаго чиновника, физіономіи самой скверной, въ бѣлыхъ перчаткахъ,— въ обращеніи съ чиновниками, даже Предсѣдателемъ, дервокъ. Разумѣется, я въ этомъ случаѣ, какъ Правовѣдъ, составлялъ для него исключеніе. Пока онъ объяснялся съ Як** и толковалъ имъ о докладномъ регистрѣ, я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ Присутствія. Только тогда, когда я услыхалъ, что Як** на спросъ его о порядкѣ дѣлопроизводства, сталъ отвѣчать какой-то вздоръ и лгать, я подошелъ и сказалъ, что этого нѣтъ, того не исполняется, и вообще порядокъ, закономъ

*) Стихи не сохранились, но вотъ что пишетъ о нихъ С. Т. въ письмѣ отъ 5 Декабря 1846 года.

Вчера мы получили письмо твое, милый другъ Иванъ, отъ 30 Ноября съ приложеніемъ стиховъ, которыми ты меня удивилъ: ты умѣлъ соединить достоинство стиха, не смотря на пошлость предмета съ искусныкъ лавированіемъ между подводными камнями.... Если ты меня спросишь, что это за подводные камни? Я тебѣ скажу въ отвѣтъ, что подводными камнями называю я ту степень любезности и короткости, которыя человѣкъ твоихъ свойствъ могъ себѣ позволить, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи; воистину я не ожидалъ отъ тебя такой ловкости.

предписанный, не наблюдается, а дѣлаемъ мы такъ-то. На что ревизоръ, прикусивъ языкъ, ничего не отвѣчалъ.—Что Вамъ сказать еще? Да, въ Воскресенье, 1-го Декабря былъ пикникъ. Дамъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, было 16 или 18. Мужчинъ втрое болѣе. Все обошлось хорошо, чинно, и дамы въ восхищеніи. Но я утомился ужасно. Мнѣ нельзя было не ѣхать, не ѣхали почти одни тѣ, которые составляютъ глупую и грязную оппозицію противъ См**, вродѣ моего Предсѣдателя, а я ни за что на свѣтѣ не хочу быть въ числѣ ихъ. Я ѣхалъ въ большихъ саняхъ, разумѣется, тройкой, съ одной изъ Унк**, старшей, и одной Казенной Палатой, т. е. Кобриной, съ которою въ первый разъ тутъ же познакомился. Сзади насъ ѣхала мать съ другою дочерью и съ Сальницкимъ. Сначала, по программѣ всѣ отправились на квартиру Вицегубернатора, гдѣ собрались, устроились, позавтракали и отправились въ Городню, имѣніе Князя Димитрія Васильевича Голицына, верстахъ въ десяти отъ города. Погода была хороша и туда домчались мигомъ, т. е. часа въ два пополудни. Немедленно начались танцы и танцовали 4 часа сряду, т. е. до шести часовъ. Вотъ это было для меня настоящей пыткой. Я не танцую, въ карты не играю, другихъ игръ не было. Однако же прожилъ и эти 4 часа. Въ шесть часовъ сѣли за столъ, въ семь встали изъ-за стола, протанцовали еще мазурку и потомъ отправились домой, въ томъ же порядкѣ. Дамы всѣ въ восторгѣ, что могли хоть на мигъ выдти изъ обычной, чинной колеи удовольствій. Мнѣ, болѣе всѣхъ, вѣроятно, скучавшему на пикникѣ, было искренно пріятно смотрѣть на ихъ веселье, тѣмъ болѣе, что здѣсь были все добронравныя дѣвушки, l'élite de la société. Гоголь правду сказалъ, что ни одинъ губернскій балъ не обходится безъ стиховъ. Они всегда есть, но не всегда мнѣ попадаются. На пикникъ также какимъ-то старичкомъ-чиновникомъ были написаны стихи: прелесть что такое. Онъ говоритъ, что это торжество.

Чего бъ не выразилъ и Цицеронъ-ораторъ
Составилъ, произвелъ... самъ Вицегубернаторъ!

котораго онъ потомъ сравниваетъ съ солнцемъ, лѣтней зарей и Ангеломъ.

Кстати посылаю Вамъ и мои стихи, которые не успѣлъ послать въ послѣдній разъ.

7-го Декабря 1846 года, Суббота. Калуга.

Вчера я не получилъ Вашихъ писемъ, но еще не отказываюсь отъ надежды получить ихъ, потому что вчера Почтмейстеръ былъ имянинникъ, и, вѣроятно, вся почта была пьяна. Что же это за суматошное время! Надѣюсь, что съ 9-мъ, т. е. съ Аннами, все кончится. На нынѣшней недѣлѣ, 4-го Декабря, Унк** мать была именинница; у нихъ былъ большой балъ, на которомъ было человѣкъ сто, если не больше, и на которомъ я пробылъ отъ начала до конца. Сдѣлалъ надъ собою усиліе, былъ необыкновенно любезенъ, только что не танцовалъ, но это было такъ безучастно, что я утомился до нельзя.—Вчера, 6-го ѣздилъ поутру къ См** и въ Соборъ; къ См** потому, что онъ началъ уже обижаться, тѣмъ болѣе, что противъ него существуетъ большая, грязная оппозиція, къ которой я принадлежать ни въ какомъ случаѣ не хочу, ибо хотя мы и ссорились по службѣ съ С—вымъ, но личнаго мнѣнія никогда другъ о другѣ не мѣняли. Въ три часа былъ у него обѣдъ въ мундирахъ, а вечеромъ былъ балъ въ Собраніи, въ мундирахъ же. Хоть для меня мундиръ привычнѣе сюртука, такъ какъ я каждый день въ немъ 4 часа работаю, но я не поѣхалъ. Богъ съ ними, я ужь такъ давно не оставался одинъ... Вечеромъ, 5-го Декабря, воротилась А. О. изъ Воронежа, въ вожделѣнномъ здравіи; впрочемъ, я ея еще не видалъ.—Сейчасъ принесли мнѣ Ваши письма *). А. О., какъ сказывалъ мнѣ вчера Ар**, получила письмо отъ Самарина съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ Гоголевыхъ дѣйствій, но ничѣмъ

---

*) Въ этомъ письмѣ С. Т. пишетъ: Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя, о которой ты пишешь и которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ и въ которой точно есть завѣщаніе къ цѣлой Россіи, гдѣ Гоголя проситъ, чтобъ она не ставила надъ нимъ никакого памятника и увѣдомляетъ, что онъ сжегъ всѣ свои бумаги. Требую также, чтобы не печатать предувѣдомленія къ 5-му изданію „Ревизора“. Ибо все это сначала до конца ложь, дичь и нелѣпость, и если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи. Тоже самое объявилъ

нисколько не смутилась и не огорчилась, а говоритъ только, что онъ исписался. Я пріѣду къ Вамъ на праздники, разумѣется, не надолго, собственно для того, чтобъ устроить свой переходъ въ Москву, повидаться съ Вами, прочесть романъ Павловой и Константинову драму. Итакъ я, стало, могу надѣяться попасть въ преемники Ивана Яковлевича Соколова. Впрочемъ, Погуляевъ писалъ мнѣ, что при свиданіи, въ Москвѣ онъ объяснитъ мнѣ возможность перевода въ другой Уголовный Департаментъ, къ Графу Толстому. Это было бы для меня еще лучше. Но вакансія ни въ какомъ случаѣ не можетъ открыться раньше 1-го Января. Сомнительно, чтобъ лекціи Шевырева имѣли интересъ истинный; да и будутъ ли онѣ много посѣщаемы, при отсутствіи щекотливыхъ вопросовъ о Востокѣ и Западѣ. Я досталъ себѣ здѣсь стихотворенія Жадовской и обрадовался имъ чрезвычайно. Такъ все свѣжо, чисто, граціозно... Право, въ наше время, когда нѣтъ стихотворенія безъ вопроса, мысли или цѣли, готовъ писать снова стихи къ мотыльку; но для насъ это невозможно и было бы искусственно, а для женскаго нетронутаго сердца— это еще, слава Богу, такъ возможно—ей еще доступна *безкорыстная* поэзія. Разумѣется, ужъ и книгу эту вы берете въ руки иначе, съ какою-то снисходительной улыбкой.

я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю, съ совершенной откровенностью, что они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду. Очень жаль, что диктовка этого письма меня сильно волнуя, увеличиваетъ мои страданія и заставляетъ диктовать понемногу. Оно потеряетъ свою цѣльность и энергію. Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Пл. и Шев. отказаться отъ исполненія его порученія. Пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей... Нѣсколько дней спустя, 8 Дек. того же года, С. Т. пишетъ опять: Я увѣдомилъ тебя, что писалъ Плетневу; вчера получилъ отъ него неудовлетворительный отвѣтъ. Письмо къ Гоголю лежало тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ; наконецъ въ нѣсколько пріемовъ я написалъ его. Я довольно пострадалъ за то, но согласился бы вытерпѣть въ десятеро болѣе мученія, только бы оно было полезно, въ чемъ я сомнѣваюсь. Болѣзнь укоренилась и лѣкарство будетъ недѣйствительно или даже вредно; нужды нѣтъ, я исполнилъ свой долгъ какъ другъ, какъ русскій и какъ человѣкъ.

Калуга. 14-го Декабря 1846 года. Суббота.

Вчера получилъ я письмо Ваше. Вѣроятно, это покуда послѣднее, потому что я думаю выѣхать въ будущую Пятницу, т. е. 20-го числа послѣ обѣда. Впрочемъ, я это только думаю: можетъ быть, дѣла потребуютъ, чтобъ я оставался дольше. Отпуска я не возьму, потому что Губернаторъ не имѣетъ права давать мнѣ отпускъ, а просить Губернское Правленіе скучно и хлопотно. Это нисколько не помѣшаетъ мнѣ быть у Рюмина и послать просьбу изъ Москвы: я могу и не обозначать, гдѣ писана просьба; только я не знаю, куда подавать просьбу. Я сдѣланъ Товарищемъ по указу Сената, и теперь, съ 1-го Января, перемѣщеніе въ должности VI класса, назначеніе Оберъ-Секретарей, Товарищей и т. п. будетъ зависѣть отъ Инспекторскаго Департамента. Я не писалъ къ Вамъ во Вторникъ, потому что самъ скоро буду, да и писать особеннаго было нечего. Скучно писать о пустякахъ, когда знаешь, что ихъ разсказать можно. Въ Воскресенье былъ я въ театрѣ вечеромъ; тамъ видѣлъ Арнольди, который передалъ мнѣ порученіе, данное ему А. О., просить меня пріѣхать къ ней вечеромъ, когда нибудь, и сказать, что если я не хочу быть съ нею въ прежнихъ отношеніяхъ, то по крайней мѣрѣ вѣжливость требуетъ хотя изрѣдка посѣщеній. Вслѣдствіе сего, чрезвычайно довольный собою, что выдержалъ характеръ, я былъ у нея въ Понедѣльникъ вечеромъ; объясненій никакихъ не было, все было какъ слѣдуетъ я ни разу не горячился, былъ очень соненъ и вялъ, потому что у меня голова болѣла и что ничего болѣе меня не влечетъ къ А. О. Говорили про Гоголя; она раздѣляетъ мысль Плетнева, что все слѣдуетъ печатать. Сидѣлъ я недолго; въ Середу поутру заѣзжалъ я къ Николаю Михайловичу по дѣламъ службы, былъ призванъ къ А. О. въ кабинетъ, гдѣ она прочла мнѣ письмо, полученное ею наканунѣ отъ Гоголя: письмо очень бодрое и свѣтлое, безо всякихъ особенныхъ выходокъ. Живетъ онъ въ Неаполѣ, подъ *крылышкомъ* С. Петр. Апраксиной, собирается ѣхать въ Іерусалимъ, чтобъ испросить благословеніе на новые подвиги.—Въ Четвергъ былъ бальный вечеръ у См**, гдѣ и я былъ. — Прощайте, особеннаго сообщить нечего. Если успѣю, то напишу во Вторникъ: теперь, къ концу года, много дѣлъ по Палатѣ.

1847 года Января 7-го, Вторникъ. Калуга.

Вставши поздно и спѣша въ Палату, едва успѣваю написать къ Вамъ. Я доѣхалъ очень благополучно и скоро, хотя и дожидался часа полтора лошадей въ Маломъ Ярославцѣ. Дорога теперь обходится дороже: за двѣ станціи отъ Москвы, по праву вольныхъ почтъ, платите вы двойные прогоны, потомъ съ Подольска сворачиваете на Брестъ-Литовское шоссе, гдѣ, на пространствѣ отъ Подольска до Малоярославца, двѣ заставы, берутъ съ васъ довольно большія деньги за шоссе. Ѣзда по шоссе новому зимой прескверная: оно не укатано и щебень такъ и деретъ сани сквозь снѣгъ. Я успѣлъ пріѣхать къ обѣду. Къ Унк** пріѣхалъ безъ меня братъ ихъ Иванъ, морякъ. Нынче даютъ обѣдъ См** по случаю утвержденія его Губернаторомъ; человѣкъ 250 подписалось, даютъ отъ полтинника; я подписалъ три рубля серебромъ. Вечеромъ былъ балъ въ Собраніи, куда я поѣхалъ на полчаса, чтобы видѣть А. О. и Ар**. Окончаніемъ диссертаціи и приближеніемъ диспута я такъ поразилъ ихъ, что просто смѣшно было видѣть: въ Московскихъ газетахъ они и не прочли этого. А. О. думаетъ сама къ этому времени быть въ Москвѣ. Оставляю всѣ подробности до слѣдующаго письма, а мнѣ пора, пора въ Палату. Я пріѣхалъ сюда и обдавшее меня одиночество внутреннее было мнѣ грустно, но человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ.

Суббота, 1847 года, 11-го Января. Калуга.

Сейчасъ получилъ письмо Ваше. Благодарю Васъ за подробное извѣщеніе объ участи, постигшей диссертацію. Я не думалъ, чтобы Графъ могъ поступить такъ? *) Дѣло главно и наступаетъ серьезная развязка, такъ что не диспутъ и участь книги меня занимаетъ, а судьба автора. Можетъ быть, мой отъѣздъ отлагается только до нѣкотораго времени; во всякомъ случаѣ извѣстите меня, когда будетъ диспутъ, если диспутъ только будетъ: я пріѣду. Графа вѣрно кто-нибудь

---

*) Тогдашній Попечитель учебнаго округа Графъ С. Г. Строгановъ потребовалъ нѣкоторыхъ измѣненій въ диссертаціи К. С—ча о Ломоносовѣ до допущенія публичнаго диспута.

подучиваетъ. Мнѣ бы въ Москву надо было съѣздить по многимъ причинамъ, хотя бы для того, чтобы взять свое платье у Сатьяса.—Пишу къ Вамъ немного потому, что легъ нынче въ три часа и занятъ—чѣмъ бы Вы думали? А. О., съ которою мы теперь въ дружескихъ отношеніяхъ, у которой я въ теченіе этой недѣли, по ея зову, былъ уже нѣсколько разъ и обѣдалъ; вчера послѣ обѣда вдругъ присылаетъ за мной. Я явился и нашелъ у нея только что полученную ею изъ Петербурга книгу Гоголя. Мы сѣли читать ее, потомъ, когда наѣхали разные гости, ушли съ Арнольди наверхъ и тамъ читали до половины втораго, но все не прочли всей книги, и А. О. уступила мнѣ книгу на ночь и на нынѣшній день до вечера. А мнѣ еще надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ. Книгу Гоголя надо читать не разъ и не два, а 20 тысячъ разъ! Я примирился съ нимъ вполнѣ и вижу, что все взводимое на него—вздоръ и что не погибъ онъ для насъ, какъ юмористическій писатель. Откинемъ всякій ложный стыдъ, мѣшающій намъ поклоняться тому, во что вѣруемъ, и говорить тѣмъ языкомъ, которымъ невольно заговоритъ душа, когда проникнется серьезнымъ значеніемъ жизни, когда все станетъ въ ней важно и торжественно. Гоголь правъ и является въ этой книгѣ какъ идеалъ художника-христіанина, котораго не пойметъ Западъ, такъ же, какъ и не пойметъ этой книги. Что за языкъ, Господи Боже мой, что за языкъ! Упиваться можно этимъ языкомъ, лучшимъ всякихъ стиховъ. Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многихъ. Совѣстно становится передъ этою торжественною, важною тишиною, когда вспомнишь о нашихъ скороспѣлыхъ трудахъ, крикливыхъ восторгахъ и всякой мелочной душевной вознѣ. Мнѣ страшно было вчера взяться за книгу, когда я почуялъ, что̀ въ ней заключается, боялся проснуться другимъ, боялся излеченія... Презрительная суета и пустота такъ овладѣваютъ человѣкомъ, что ему хочется непремѣнно сдѣлать смѣшнымъ строгій голосъ правды, чтобъ избавиться отъ ея неумолимаго преслѣдованія: такъ будетъ и съ этой книгой... *) Въ слѣдующій разъ буду писать по-

*) Въ тотъ же самый день С. Т. писалъ сыну по тому же поводу: Наконецъ третьяго дня получили мы новую книгу Гоголя. Александра Осиповна вѣрно ее

дробнѣе. Теперь же даже совѣстно послѣ книги сообщать Вамъ, что я былъ на обѣдѣ, на двухъ балахъ и т. п. А. О. не ожидала подарка диссертаціи, и это ей было очень пріятно. Она такъ присмирѣла (чему причиною, вѣроятно, ея положеніе), что это замѣчаютъ всѣ въ обществѣ. Прощайте.

1847 года Января 14-го. Калуга. Вторникъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ Васъ. Что диссертація, будетъ ли диспутъ? Не получу ли я писемъ отъ Васъ съ нынѣшней почтой, по крайней мѣрѣ книги Гоголя? Едва ли Вы успѣете это сдѣлать. Въ Субботу уѣхали отсюда студенты, т. е. Яковъ Семеновичъ Унк** и Богданъ Ивановичъ Маринскій. Они хотятъ непремѣнно явиться къ Вамъ: сдѣлайте одолженіе, примите ихъ безъ церемоніи и самымъ дружескимъ образомъ. Это еще юноши въ полномъ смыслѣ слова, но славные юноши и типичные студенты. Поручаю ихъ въ особенности Маменькѣ и Вѣрѣ, которыя умѣютъ занять и приласкать всякаго. Константина же прошу не выругать ихъ съ перваго раза, какъ нѣкогда онъ сдѣлалъ это съ Ѳедоромъ Семеновичемъ Унк**, обѣдавшимъ у насъ по просьбѣ Гриши, раздраживщись тѣмъ, что Унк** никакъ не могъ вдругъ понять, отчего у Віардо, пріѣхавшей изъ Петербурга, и голосъ долженъ быть скверенъ и сама она подлецъ!... Старшій, высокій есть Унк**, низенькій Маринскій, воспи-

---

имѣетъ и дастъ тебѣ прочесть. Увы! она превзошла всѣ радостныя надежды враговъ Гоголя и всѣ горестныя опасенія его друзей. Самое лучшее, что можно сказать о ней—назвать Гоголя сумасшедшимъ. Мы прочли только половину: читать ее долго сряду слишкомъ тяжело, да времени какъ-то нѣтъ.

Но получивъ письмо И—на С—ча, Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчаетъ 28 Янв. 47 года: О книгѣ Гоголя надо говорить много и долго, я читаю ее во второй разъ и очень медленно. Благодаря Бога, я уже совершенно убѣжденъ въ полной искренности сочинителя и его духовное состояніе объясняется для меня: онъ находится въ состояніи перехода, всегда исполненнаго излишествъ, заблужденій, ослѣпленія. Мнѣ блещетъ лучъ надежды, что Гоголь выйдетъ побѣдоносно изъ этого положенія, но книга его чрезвычайно вредна: въ ней все ложно, слѣдственно и впечатлѣнія будутъ ложны. Самымъ близкимъ и живымъ доказательствомъ тому служишь ты самъ. Сегодня я ожидаю твоего отвѣта на мое послѣднее письмо и потому не стану распространяться въ возраженіяхъ тебѣ о книгѣ Гоголя, скажу только, что говоря о примиреніи искусства съ религіей, онъ всѣми словами и дѣйствіями своими доказываетъ, что художникъ погибъ въ немъ, дай

танный въ ихъ домѣ съ первыхъ лѣтъ младенчества. Впрочемъ, лучше было бы Константину самому заѣхать къ нимъ и пригласить ихъ отъ имени Вашего. Сами они, можетъ быть, не вдругъ и отважатся.

Что Вамъ разсказать еще? Написалъ я стихи, которые у сего прилагаю. О книгѣ Гоголя не пишу Вамъ потому, что хочу ее перечесть еще разъ и ожидаю ея прибытія. Я Вамъ въ числѣ тѣхъ писемъ послалъ одинъ толстый пакетъ со стихами къ Языкову; также послалъ и другіе свои стихи: «Вопросомъ дерзкимъ не пытай». Не знаю, получите ли Вы это все?...

Я забылъ написать къ Костѣ по порученію А. О., 1) что онъ непремѣнно долженъ побывать здѣсь въ Калугѣ: «мы его перемѣнимъ, сдѣлаемъ терпимѣе и снимемъ съ него русское платье», говоритъ она съ необыкновенною дерзостью самонадѣянности, не смотря на всѣ мои увѣренія въ противномъ; 2) что когда онъ кончитъ совсѣмъ диссертацію, напечатаетъ ее, хорошо защититъ, обрѣетъ бороду и надѣнетъ фракъ, то получитъ сюрпризъ, очень пріятный подарокъ. Я просилъ выкинуть послѣднее условіе, прибавивъ, впрочемъ, что это можетъ случиться и случится вслѣдствіе диспута, на который нельзя явиться въ русскомъ платьѣ. Подарокъ этотъ (только это по секрету, прошу меня не выдать) состоитъ въ портретѣ рельефномъ Ломоносова, сдѣ-

---

Богъ, чтобы это было только на время. Ты, видно, позабылъ мое письмо къ нему и мои слова о новой развязкѣ Ревизора. Вчера вечеромъ мнѣ перечли письмо „О значеніи женщины въ свѣтѣ". Большую статью надо написать на это письмо. Боже мой, до какой степени оно противно духу христіанскому; это письмо не только католическое, но языческое, нигдѣ такъ ярко не изобличается ложность направленія Гоголя. Гоголь не отвѣчаетъ мнѣ и если будетъ отвѣчать, то не скоро: онъ станетъ ожидать моего мнѣнія о книгѣ; онъ вѣроятно думаетъ, что она сниметъ пелену, застилающую глаза мои. Я еще не рѣшилъ, писать къ нему или нѣтъ. Многіе пишутъ или собираются писать къ нему. Свербѣевъ написалъ письмо ко мнѣ, въ которомъ очень умно и очень зло разбираетъ его книгу; уже четыре дня я держу его въ своихъ рукахъ и не имѣю духу послать: боюсь не оскорбится ли онъ? Вѣра думаетъ со мною одинаково, а Костя строже насъ обоихъ къ Гоголю. Мать находится еще въ волненіи, слѣдовательно предается излишеству. Загоскинъ говоритъ, что надо ѣхать въ Неаполь и расцѣловать Гоголя. Филаретъ сказалъ, что хотя Гоголь во многомъ заблуждается, но надо радоваться его христіанскому направленію. Понятно, что другаго сказать онъ ничего не можетъ.

ланномъ изъ кости, превосходная, драгоцѣнная рѣдкость.— Посылаю Вамъ еще стихи, написанные мною, но эти стихи— такъ, не войдутъ даже въ мою зеленую книжку... Эти стихи написаны были вслѣдствіе негодованія, возбужденнаго во мнѣ Петербургскими воспоминаніями А. О. Не даромъ прожила она 20 лѣтъ въ этомъ вонючемъ мѣстѣ. Я не вѣрю никакимъ клеветамъ на ея счетъ, но отъ нея иногда вѣетъ атмосферою разврата, посреди котораго она жила. Она показывала мнѣ свой портфель, гдѣ лежатъ письма, начиная отъ Государя до всѣхъ почти извѣстностей включительно. Есть такія письма, писанныя къ ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которыя она даже посовѣстилась читать вслухъ... Столько мерзостей и непристойностей. Много разсказывала она про всѣхъ своихъ знакомыхъ, про Петербургъ, объ ихъ образѣ жизни и толковала про ихъ гнусный развратъ и подлую жизнь такимъ равнодушнымъ тономъ привычки, вовсе не возмущаясь этимъ. Признаюсь, я подъ конецъ вечера ругнулъ всѣхъ ея пріятелей довольно энергически... Написавъ стихи, принесъ ей, сказавъ, впрочемъ, что мои стихи въ этомъ родѣ—просто дрянь, безсильность въ сравненіи съ Константиновыми. И въ самомъ дѣлѣ, я написалъ эти стихи такъ, чтобы лучше высказать ей свое мнѣніе *). Она мнѣ замѣтила, что это не похристіански.

1847 года, Января 18-го, Калуга, Суббота.

Я получилъ письмо Ваше отъ Понедѣльника, а потому и не ждалъ на этой недѣлѣ писемъ съ экстра-почтой. Слава Богу, что съ диссертаціей все покуда кончилось благополучно. Стало еще три недѣли осталось до диспута.—Теперь о книгѣ Гоголя. Я думаю Васъ немало удивитъ такая разность впечатлѣній нашихъ. Мнѣ кажется, я свободнѣе Васъ. Я судилъ по однимъ впечатлѣніямъ, которыя на меня производила эта книга, по тому, какъ говоритъ Князь Урусовъ, пробѣгали ли мурашки по кожѣ или нѣтъ. Забудьте, что это писалъ Гоголь, и признайте за каждымъ человѣкомъ

---

*) См. въ Приложеніи. *„Съ преступной гордостью обидныхъ"*.

право вѣщать такое серьезное, опытомъ жизни запечатлѣнное слово. Вы чувствуете, что Гоголь не лжетъ, не надуваетъ васъ, но истинно борется, возится и страждетъ и искренно молится и искренно умиляется при словѣ: молитва, Христосъ. Отчего же одному Филарету или Иннокентію можно писать проповѣди, которыми всякій восхищается, но которымъ не всегда вѣрятъ и не всегда слѣдуютъ, потому что проповѣди ихъ слово не пріобрѣтенное жизнью, не выстраданное, не выведенное какъ результатъ долгаго душевнаго воспитанія. Гоголь мнѣ ближе. Онъ дѣйствуетъ не ex officio, онъ въ такомъ же былъ положеніи, какъ и я. Что и говорить, и въ этой книгѣ есть много вещей, которыя показываютъ, что Гоголь еще не вполнѣ установился *), много такихъ, которыхъ я переварить не могу, напр., письмо о семи кучкахъ денегъ, предувѣдомленіе къ Ревизору и т. п. Хотя, надобно признаться, здѣсь проявляется болѣе странность личнаго характера Гоголя, всегда у него бывшая, какая-то педантская систематичность (которая есть отчасти и у Константина), нежели странность вообще свойственная этому направленію. Меня что радуетъ? То, что онъ миритъ искусство съ религіей, что онъ продолжаетъ «Мертвыя Души», что даже и здѣсь, съ высоты чуднаго своего языка, прикасаясь къ какому-нибудь предмету, онъ вдругъ заговоритъ его языкомъ, не брезгуя выраженіями. Это меня радуетъ. И какой высокій, чудный образъ художника предстаетъ передъ глазами! На какую неизмѣримую высоту возноситъ онъ съ собою искусство и служителей искусства, и какое благоговѣніе слышно у него всюду передъ нашей дивной душой, передъ святымъ призваніемъ поэта! Господи! кажется, всѣ

---

*) С. Т. Соглашался съ этимъ и писалъ 25 Января 47 г.

Обращаюсь къ твоему письму, я живо понимаю твое смущеніе. Я самъ, медленно перечитывая въ другой разъ, а иной и въ третій, не рѣдко впадаю въ смущеніе: неужели это одинъ и тотъ же человѣкъ? Но для меня много объясняется временемъ, когда писаны его статьи. Все то, гдѣ является еще поэтическій, ясный и вѣрный взглядъ, иногда выражаемый чудными словами, писано не позже 44 года. Къ тому же нельзя, чтобы слѣпота его направленія могла затмить со всѣхъ сторонъ сіяніе его лучезарнаго таланта. Я становлюсь спокойнѣе и даже допускаю иногда отрадную мысль, что Гоголь выйдетъ побѣдоносно изъ ложнаго своего направленія.

блага міра отдалъ бы я, отъ всѣхъ радостей отказался бы, только чтобъ подышать мнѣ хоть часъ воздухомъ этихъ горнихъ обителей искусства! Впрочемъ, для меня всегда и во всякое время, какъ и сами Вы знаете, имѣла сильное значеніе душа человѣческая. Мнѣ дѣла нѣтъ до того впечатлѣнія, которое Гоголь произведетъ на публику. На меня онъ подѣйствовалъ, точно будто новое поприще дѣятельности открылось для моей души. Вчера вечеромъ и на ночь написалъ я стихи, которыхъ еще и не перечитывалъ нынче. Ихъ надобно отдѣлать, и во Вторникъ я ихъ пришлю къ Вамъ. Я чувствую себя другимъ и лучше. Вѣра пишетъ, что языкъ слабъ и вялъ. Это такой языкъ, который, какъ стихи, невольно удерживается въ памяти. Какъ, это слабо и вяло: «стонетъ весь умирающій составъ мой!» Это просто музыка. А женщина въ свѣтѣ. Перечтите это со вниманіемъ. «Увы! на всѣхъ углахъ міра ждутъ и не дождутся ничего другаго, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ, того самаго голоса, который у васъ уже есть». «Благоухающими устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властію». А въ письмѣ къ Языкову о лиризмѣ вспомните 119-ю страницу, мѣсто, начинающееся такъ: «ублажи гимнамъ того исполина» и пр., возьмите 284-ю страницу съ третьей строки сверху. Что Константинъ? пусть серьезно занявшись чтеніемъ этой книги, забывъ на время Мининъ-Пожарскаго, дастъ онъ свободу душевному голосу, и я увѣренъ, онъ во многомъ со мной согласится. Ожидаю Вашихъ послѣдующихъ впечатлѣній при второмъ чтеніи книги.—Прощайте, дай Богъ, чтобъ у Васъ было все благополучно. Скажите Костѣ, что одна барышня здѣсь, съ которою я никогда про него и не говорилъ, не Унк**, а Казенная Палаточка, видѣла его во снѣ и разсказывала мнѣ сонъ, говоря, что онъ былъ въ русскомъ кафтанѣ, безъ бороды, съ черными волосами, красавецъ собой, но что она его ужасно боялась...

25 Января, 1847 года. Калуга.

Получилъ я Вашу посылку изъ Москвы: перекрашенныя платья и книгу Гоголя. Книгу Гоголя немедленно по полученіи отослалъ къ А. О., которая просила меня о томъ,

раздавши всѣ свои экземпляры по чужимъ рукамъ. Что Вамъ разсказать про эту недѣлю? Въ Понедѣльникъ былъ я у А. О., читалъ ей Ваше письмо и Вѣрочкино... Ей, равно какъ и мнѣ, интересны всѣ впечатлѣнія. Я не могу не согласиться съ Вами во многомъ; я самъ при чтеніи книги сильно смущался выходками на Погодина, раздѣленіемъ на семь кучъ и т. п., и говорилъ все это еще прежде А. О. Распоряженія насчетъ портрета тоже мнѣ были не по сердцу. Но мнѣ кажется, что Гоголь искрененъ, что онъ дѣйствуетъ такъ по обязанности, налагаемой на него убѣжденіемъ, что все это можетъ быть полезно людямъ. Слышится иногда истинный, пронзительный голосъ душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убѣжденъ, впрочемъ, что все это направленіе не помѣшаетъ ему окончить Мертвыхъ Душъ. Что если Мертвыя Души явятся, если просвѣтленный художникъ уразумѣетъ всю жизнь, какъ она есть, со всѣми ея особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнетъ въ ея тайны, не одностороние, не увлекаясь досадой или насмѣшкой,—вѣдь это должно быть что-то исполински-страшное. Второй томъ долженъ разрѣшить задачу, которой не разрѣшили всѣ 1847 лѣтъ христіанства. Признайтесь однако, что много есть хорошаго въ письмахъ! Меня увлекало и увлекаетъ благоуханіе той сферы духа, въ которой обрѣтается и къ которой зоветъ Гоголь. Впрочемъ, я собираюсь вновь перечесть всю книгу. Нынѣшняя недѣля такъ скоро прошла, что я не успѣлъ ничего сдѣлать. А. О. вся за Гоголя, но не споритъ противъ Вашихъ возраженій, говоря, что указываемое Вами—слабости и крайности, отъ которыхъ онъ не вполнѣ очистился и т. п. Она убѣждена, впрочемъ, что Гоголь не въ состояніи болѣе написать «Мертвыхъ Душъ». А интересно знать, что скажетъ судъ публики, судъ, выражающійся не въ журналахъ? Любопытно знать впечатлѣнія, производимыя книгою на души, неприготовленныя, свѣжія *). Потому что мы всѣ отъ без-

*) Но С. Т. не согласился ни въ чемъ съ сыномъ. 30 Января т. г. онъ отвѣчаетъ ему и на мысль о просвѣтленномъ художникѣ и на мнѣніе А. О. Смирновой, и о сужденіи публики... Онъ пишетъ: Что касается до книги Гоголя, то я самъ часто смущаюсь не менѣе твоего: въ послѣднемъ письмѣ къ тебѣ я былъ гораздо спокойнѣе, но прочитавъ въ другой разъ статью: *О лиризмѣ нашихъ по-*

престанныхъ толковъ, размышленій, предупреждая впечатлѣнія другъ въ другѣ предварительными разговорами, съ нашими неразъясненными намъ самимъ вполнѣ системами, доктринами,—мы несвободны, мы какъ-то *перетерли* наши души. Ахъ, какъ мнѣ хочется встрѣтить иногда человѣка совершенно свѣжаго, новаго, простаго, отъ котораго бы не-вѣяло ограниченностью нашего просвѣщеннаго ума, пустотою нашего образованія, чѣмъ всѣмъ мы такъ гордимся. Повторяю, мнѣ кажется, что нѣтъ ничего пошлѣе *умнаго* человѣка въ наше время. При своемъ нравственномъ растлѣніи, при нецѣльности своего ума, онъ не способенъ къ откровенію новыхъ истинъ. Впрочемъ, это вовсе не идетъ сюда.— Въ Середу вечеромъ сидѣлъ дома, читалъ новый романъ Жоржъ-Зандъ. Въ Четвергъ былъ у А. О., гдѣ познакомился съ Нарышкинымъ, бывшимъ 12 лѣтъ на каторгѣ! Человѣкъ этотъ, видно, такъ сдѣлался мягокъ и кротокъ и тихъ, такъ проникнутъ вѣрою и любовью, что хоть онъ меня не убѣдилъ (мы разсуждали о вѣрѣ), но мнѣ отрадно было на него смотрѣть. Не имѣя самъ много вѣры, я люблю смотрѣть на людей вѣрующихъ, но вѣрующихъ безъ ханжества. Вчера отказался отъ приглашенія на вечеръ къ Писареву, остался дома и написалъ новые стихи, которые, впрочемъ, имѣютъ болѣе политическій смыслъ. Началъ я было съ цѣлью адресовать ихъ къ Ар**, но конецъ не приходится къ Ар**. Окончивъ ихъ въ полночь, я легъ спать, но, разгорячившись или отъ другой причины, никакъ не могъ заснуть раньше половины третьяго, а всталъ въ восьмомъ, обрился и сѣлъ за письмо къ Вамъ. Сейчасъ принесли мнѣ Ваше письмо. Прочту его. Вы на меня сердитесь за то, что я мало пишу.

этовъ, я впалъ въ такое ожесточеніе, что, отправляя къ Гоголю письмо Свербѣева, вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ хотѣлъ сказать, что не буду писать къ нему письма объ его книгѣ до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта на мое письмо отъ 9-го Декабря,—написалъ цѣлое письмо горячее и рѣзкое, о чемъ очень жалѣю. Вчера прочли мы, едва-ли не въ третій разъ, письмо объ Ивановѣ, которое понравилось мнѣ гораздо менѣе прежняго. Они оба погибаютъ отъ лукаваго мудрствованія: вѣрить же надобно въ простотѣ сердца. Это ужасная ошибка и даже дерзость, по моему, мѣшать имя Бога во всѣ наши дѣла. Разумѣется, всякій талантъ отъ Бога; но мысль, что прежде надобно сдѣлаться святымъ, чтобъ изобразить святое—нелѣпость. Изъ этого выйдетъ, что Ивановъ не кончитъ картину „Богоявленія Господня“ и Гоголь „Мертвыхъ душъ“. Кто мо-

Я не могу теперь писать много потому, что не успѣваю обдумывать ничего. Когда у меня есть свободное время, мысли и вопросы вдругъ нахлынутъ со всѣхъ сторонъ такъ, что едва можно сладить съ ними. Къ тому-же я пользуюсь досужнымъ временемъ Пятницы и Субботы, чтобъ писать стихи. Я написалъ три стихотворенія: третье Вы получите съ слѣдующей почтой. Оно крѣпко, сильно, зернисто... Такъ мнѣ показалось вчера, когда я его писалъ. Нынче еще не читалъ его: боюсь, что оно вдругъ мнѣ покажется вялымъ и риторическимъ. Мнѣ самому смѣшно бываетъ, до какой степени стихи мои чужды сферы моей внѣшней жизни. Какъ розны эти два міра! Жизнь внѣшняя не даетъ мнѣ ни одного вдохновительнаго толчка, и все содержаніе, все воодушевленіе долженъ я черпать изъ себя одного. Мало того. Кромѣ Ар**, нѣтъ ни одной души, способной понять стихи мои и оцѣнить ихъ, какъ выраженіе отвлеченной мысли. Я мало къ Вамъ пишу потому, что жизнь, которую я веду по необходимости, такъ мало занимаетъ меня собственно, что не остается ни одного воспоминанія, ни одного впечатлѣнія; я выѣзжаю, знаю теперь почти всѣхъ здѣсь и все, и всѣ мнѣ такъ приглядѣлись, что мой внутренній міръ не соприкасается вовсе съ ними. (Важнѣе писемъ для Васъ стихи мои). По той же причинѣ не писалъ я ничего и объ А. О. Такъ мало она меня занимаетъ, что, право, говорю Вамъ, и въ голову не приходитъ мнѣ объ ней никогда дома. Когда я бываю у ней, то я говорю, спорю, нахожусь

жетъ осмѣлиться сказать самому себѣ, я теперь готовъ, я добродѣтеленъ, я святъ? Много, много надобно говорить объ этомъ. Я хочу переплесть книгу Гоголя съ бѣлыми листами, вновь перечитать ее и записать всѣ мои замѣчанія; эту книгу я отошлю къ нему разумѣется съ оказіей. Я сдѣлаю все, что можетъ сдѣлать другъ для друга, братъ для брата и человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ—теряющій великаго поэта. До тѣхъ поръ я не успокоюсь совершенно. Какъ мнѣ больно слышать твои слова: *„все это можетъ быть полезно людямъ... Просвѣтленный художникъ уразумѣетъ всю жизнь“*. Какая мечта! Мы сходимся въ одномъ съ Александрою Осиповною, что Гоголь не въ состояніи кончить „Мертвыя души“. Ты говоришь о судѣ публики; но вѣдь большинство публики—публика Калужская; итакъ, мало интереса знать ея судъ. Ты кидаешься въ ужасныя крайности: для пониманія необходима образованность ума. Мужики наши свѣжи, новы, просты и умны, но въ нихъ нѣтъ слуха, чтобы услышать напримѣръ хоть Гоголя; этотъ слухъ—образованность.

съ ней въ совершенно простыхъ отношеніяхъ, никогда не вспоминая прежняго, не касаясь этихъ вопросовъ. Она уже не прежняя для меня А. О., она вдругъ постарѣла для меня десятью годами; я вижу въ ней умную, занимательную женщину, беременную вдобавокъ, мать дѣтей, довольно взрослыхъ, женщину, которой ошибки и заблужденія неспособны болѣе возбудить во мнѣ никакого негодованія, вниманіемъ и мнѣніемъ которой я не дорожу, и потому-то мнѣ теперь съ нею такъ свободно и ловко. Въ Четвергъ я ея не видалъ, она нездорова и сидѣла наверху. Вѣра думаетъ, что я примирюсь съ ея воззрѣніемъ! Послѣдніе, вотъ эти стихи мои докажутъ противное.*) Я вовсе не хлопочу о ея воззрѣніи и не спорю съ нимъ. Искренно-серьезныхъ и важныхъ для меня разговоровъ болѣе съ нею не бываетъ. Я даже радъ, когда она уходитъ, или когда я могу остаться одинъ съ ея братьями. Нѣтъ, не примириться могъ бы я! Напротивъ, я чувствую въ себѣ ежеминутную возможность или стать безбожникомъ или сдѣлаться отчаяннымъ аскетомъ; противно мнѣ это равнодушное, ничего не разрѣшающее примиреніе, этотъ нравственный комфортъ! Стихи Константина прекрасны, особенно вторая половина и особенно оборотъ или складъ послѣднихъ трехъ стиховъ.

1-го Февраля 1847 года. Суббота. Калуга.

Я не писалъ къ Вамъ во Вторникъ, потому что не успѣлъ. На этой глупой недѣлѣ столько суеты, что рѣшительно некогда одуматься, и нить стихотвореній, кажется, прервана. Хотѣлъ было послать Вамъ стихи во Вторникъ, но раздумалъ, вообразивъ себѣ живо, что стихи придутъ въ самый развалъ масленицы, когда человѣкъ, наѣвшись блиновъ, дѣлается скотиной; клонитъ его ко сну, а жизнь духа отложена до Великаго поста. Необыкновенно гадка мнѣ масленица, особенно когда представлю себѣ, что 60 милліоновъ человѣкъ ѣдятъ въ одно время блины съ икрой, масломъ, сметаной, и 60 милліоновъ подбородковъ засалены жиромъ и лоснятся. Грустна мнѣ также эта дѣтская черта человѣче-

*) См. Приложеніе: Къ А. О. См. неоконченное посланіе.

ства, устроившаго себѣ подобное обжорливое пиршество и безумное грѣшное веселье—предъ Великимъ постомъ. Церковь не такъ смотритъ на это, и жизнь здѣсь опять врозь съ религіей. Мнѣ это, пожалуй, все равно, но міръ, называющій себя христіанскимъ, не долженъ былъ бы узаконять подобнаго учрежденія... Я очень мало ѣлъ блиновъ, обыкновенно не болѣе двухъ.—Ну-съ, что Вамъ разсказать про эту недѣлю?

Въ Середу вечеромъ были у меня гости, друзья, надоѣвшіе своей дружбой; въ Четвергъ вечеромъ на балѣ у См**. Въ Пятницу—сидѣлъ весь день дома, принималъ съ визитами. Нынче на блинахъ у Клушина, Вицегубернатора, завтра въ Собраніи блины. Впрочемъ, большая часть городскихъ увеселеній: катанья, театръ, вольные маскарады въ театрѣ, все это совершается безъ меня. Слава Богу, и въ этомъ прошу мнѣ вѣрить, я совершенно здоровъ; одно только, что плохо спится мнѣ, и все это время я страдаю безсонницей. Тоска! Тоска, которую не развлечетъ и Москва: напротивъ, я увѣренъ, что нигдѣ не будетъ мнѣ такъ грустно и тяжело, какъ въ Москвѣ. А. О. нездорова и все кашляетъ, а потому во время бала сверху не сходила; впрочемъ, я былъ допущенъ наверхъ и сидѣлъ тамъ часа съ полтора и, признаюсь, мнѣ у нея было очень скучно. Говорить не о чемъ, да и охоты нѣтъ, когда не ждешь и не ищешь болѣе словамъ никакого сочувствія. Она читала мнѣ письмо Самарина. Осторожный Самаринъ, не имѣя еще свѣдѣній, какого мнѣнія о книгѣ Гоголя А. О., пишетъ о книгѣ чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого рѣшительнаго приговора; однакоже видно, что онъ ею очень недоволенъ. Въ письмѣ его есть что-то обо мнѣ, сказывалъ мнѣ Ар**, чего однакожъ она мнѣ не прочла, остановясь на третьей страничкѣ. Я, впрочемъ, и не любопытствовалъ.—Письма Ваши получены мною вчера, почти оба въ одно время: оплошность относительно доставленія перваго письма извинительна по блинному времени.—Стихи Константина къ Соловьеву прекрасны, очень хороши. Письмо также, должно быть, искусно написано, хотя, признаюсь, какъ то въ немъ мало толку. Книги Гоголя, полученной мною отъ Васъ изъ Москвы, у меня нѣтъ теперь; я ее читалъ или, лучше сказать, прогло-

тилъ въ одинъ разъ и съ тѣхъ поръ не повѣрялъ своего сужденія новымъ чтеніемъ. А. О., раздарившая свои экземпляры, взяла у меня мой и отдала кому-то читать. Когда я говорю объ образованности, то вовсе не значитъ, чтобъ въ противоположность ей я поставлялъ другую крайность, мужика. Я не раздѣляю мечты Константина, что можно намъ, уже выскочившимъ изъ сферы чистой національности, сочувствовать вполнѣ народу. Я сошелъ бы съ ума, еслибъ мнѣ пришлось жить постоянно съ мужикомъ,—и мысль, которую Константинъ развиваетъ въ своей повѣсти, есть Жоржъ-Зандовская утопія. Есть степень выше... *).

Когда опять примусь за стихи, не знаю. Надоѣло мнѣ это отвлеченное, не всѣмъ доступное содержаніе. Холодомъ вѣетъ отъ этихъ высокихъ мыслей, и ничьей души не грѣютъ эти порывы безприкладнаго благородства, все равно, какъ не грѣютъ они и моей.—Прощайте. Поздравляю Васъ съ Великимъ постомъ. Я ему несказанно радъ.

4-го Февраля 1847 года, Вторникъ. Калуга.

Слава Богу, вотъ и Великій постъ! Здѣсь онъ еще не такъ замѣтенъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ на каждомъ шагу церковь и на улицѣ безпрестанно попадаются цѣлыя толпы тихо идущихъ въ церковь говѣльщиковъ. Посылаю Вамъ стихи. Для того, чтобы Вы не терялись въ напрасныхъ догадкахъ, для чего и о комъ писаны эти стихи, скажу Вамъ, что они написаны по поводу одного случая, разсказаннаго мнѣ Ѳедоромъ Унк** въ прошедшую Субботу, вечеромъ, когда мы

---

*) На это С. Т. писалъ въ письмѣ отъ 6 Февраля 1847:

Книгу Гоголя мы прочли окончательно, иныя статьи даже по три раза; беру назадъ прежнія мои похвалы нѣкоторымъ письмамъ или правильнѣе сказать нѣкоторымъ мѣстамъ: нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи, или въ зернѣ.—Я также не раздѣляю мечты Константина и вполнѣ раздѣляю твои мысли насчетъ національности; но не вполнѣ понимаю недописанныя слова *„есть степень выше“*. Ты правъ, что содержаніе твоихъ стиховъ не всѣмъ доступно, но зачѣмъ тебѣ всѣхъ, зачѣмъ толпа? Неправда, чтобъ холодомъ вѣяло отъ этихъ высокихъ мыслей и чтобы онѣ не грѣли ничьей и даже твоей души; но долженъ признаться, что высокіе порывы благородства, безприкладны въ строгомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе они волнуютъ хотя на время духъ человѣка и не безплодно.

вмѣстѣ воротились отъ Клушина и до поздняго времени толковали. У меня вѣдь, какъ извѣстно, душа пресострадательная, и я такъ заинтересовался положеніемъ дѣвушки, мнѣ неизвѣстной, о которой шла рѣчь, вспомнилъ живо положеніе другихъ, мнѣ извѣстныхъ, вспомнилъ и Sophie, судьба которой меня постоянно занимаетъ, и написалъ поутру же на другой день стихи. Стихи безъ особеннаго достоинства, но при болѣе тщательной отдѣлкѣ могли бы быть лучше. Есть тутъ, впрочемъ, одинъ стихъ, который мнѣ очень нравится *).

8-го Февраля 1847 года. Калуга. Суббота.

Нынче Вы, милая Маменька, Вѣра и Люба причащаетесь: поздравляю Васъ заочно. На нынѣшней недѣлѣ я получилъ два письма отъ Васъ. Кажется, почта въ Калугу отходитъ по Пятницамъ, а не по Субботамъ, и потому сомнѣваюсь, чтобы Вы успѣли извѣстить меня о диспутѣ. Теперь уже поздно предупреждать Васъ, но, написавъ въ Понедѣльникъ, Вы бы успѣли увѣдомить меня: я получилъ бы письмо въ Середу поутру и могъ бы пріѣхать къ Пятницѣ. Не зная ничего, я не могу рѣшиться ѣхать.—На этой недѣлѣ совершились здѣсь двѣ помолвки: дочь Писарева помолвлена за одного инженернаго офицера, вдовца, жену котораго я хоронилъ годъ тому назадъ. Писарева замѣчательна тѣмъ, что у нея косы, впрочемъ не черныя, ниже колѣнъ: она была разъ въ такомъ костюмѣ на маскарадѣ, гдѣ могла выказать красоту своихъ волосъ. Другая помолвка мнѣ ближе извѣстна. Унк** старшій, Михаилъ, женился на младшей Кобриной, семнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Все это совершалось на моихъ глазахъ, и я даже разыгрывалъ роль нѣкую, какъ другъ семейства и повѣренный тайнъ (Сей послѣдній бракъ будетъ, вѣроятно, пресчастливый, но, должно признаться, нисколько не умилительный, а прѣсный). Много очень думъ родилъ во мнѣ этотъ случай: страшно вдругъ увидѣть всю жизнь свою опредѣленною до конца, или по крайней мѣрѣ хоть одну ея сторону, и отказаться въ этомъ отношеніи ото

*) См. Приложеніе. *При кликахъ дерзостно побѣдныхъ.*

всякой неизвѣстности будущаго! Нѣтъ, никуда не годится Константиново воззрѣніе на бракъ! Бракъ тогда является чѣмъ-то такимъ обыденно пошлымъ, что трудно на него и рѣшиться *). Нельзя ли сохранить поэзію любви и жизни въ бракѣ? Я мирнаго счастія, опошливающаго человѣка, не хотѣлъ бы себѣ; боюсь дѣйствія привычки и, еслибъ долженъ былъ смотрѣть на жену, какъ на работницу или хозяйку, то сошелъ бы съ ума отъ тоски. Впрочемъ, объ этомъ нужно писать много, да и я вѣдь самъ знаю, что черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, и созрѣю для брака, стану мудрѣе (иными словами, пошлѣе, трусливѣе и смирнѣе). Таковъ законъ природы!

1847 года, Февраля 11-го, Вторникъ. Калуга.

Я сегодня вовсе не располагалъ писать къ Вамъ, потому что непремѣнно жду отъ Васъ писемъ завтра. Вы хотѣли увѣдомить меня о диспутѣ, но не увѣдомили, и я нахожусь въ затруднительномъ положеніи: если получу письмо завтра, что диспутъ въ Пятницу, то я пріѣду скорѣе, чѣмъ это письмо, и письмо это будетъ лишнее. Въ Четвергъ выѣду, въ Субботу вечеромъ назадъ изъ Москвы. Если же я не получу письма, то, значитъ, диспута не будетъ, и я не могу отважиться ѣхать по одному предположенію, что онъ состоится на этой недѣлѣ. Кстати, на этой недѣлѣ выѣзжаетъ изъ Калуги Унк**.

Что Вамъ сказать покуда? Ничего нѣтъ особеннаго. На этихъ дняхъ прочли мы съ Ар** романъ Герцена. Это не художественное произведеніе, если хотите,—но, не говоря о болѣзненномъ желаніи всюду острить, въ немъ много чудесныхъ вещей! Такъ тяжело и тоскливо стало у меня

---

*) На это С. Т—чъ отвѣчалъ 13 Февр.: Твое воззрѣніе на бракъ очень одностороннее. Все равно по разсудку или по страсти совершается бракъ, въ обоихъ случаяхъ *жизнь опредѣляется до конца и должно отказаться въ этомъ отношеніи отъ всякой неизвѣстности*; говоря твоими словами, трудно тебѣ понять мое ощущеніе и невольную улыбку при чтеніи послѣднихъ строкъ твоего письма. Я вспомнилъ, что точно такъ говорилъ во дни моей молодости, но будучи гораздо моложе тебя. Когда-же я задумалъ жениться, то проповѣдывалъ совершенно противное ученіе; женился—и вышло совсѣмъ другое.

на сердцѣ, когда я прочелъ его, тѣмъ болѣе, что это произведеніе современное, 19-го вѣка, болѣзнямъ котораго мы всѣ болѣе или менѣе сочувствуемъ. Въ Калугѣ беретъ меня тоска; чувствую, что и въ Москвѣ будетъ тоже послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ, когда уже достаточно утомитъ меня эта многосторонняя поверхность всѣхъ вопросовъ и умственныхъ интересовъ. Но у меня впереди два рессурса: лѣтомъ я беру отпускъ на два мѣсяца и отправляюсь ходить пѣшкомъ по Россіи, въ Кіевъ и т. п. А на будущій годъ въ чужіе края, несмотря на всѣ доводы Константина.

1847 года, Калуга, Февраля 15-го. Суббота.

На нынѣшней недѣлѣ получилъ я два письма отъ Васъ. Очень радъ я, что Вамъ нравятся стихи и гораздо болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я думалъ, признаюсь, получить больше похвалъ за предыдущіе мои стихи, которые мнѣ самому нравятся: «Зачѣмъ душа твоя смирна?» Въ нихъ есть какая-то подъемлющая стремительность. «Отечественныхъ Записокъ» еще не видалъ, а потому и не знаю еще разбора «Зимней Дороги». Я, впрочемъ, ничего другаго и не ожидалъ; въ ней можно похвалить развѣ нѣкоторыя мѣста.—Я непремѣнно хочу быть на диспутѣ, ибо покуда мнѣ, слава Богу, ничто не мѣшаетъ ѣхать, особенно если диспутъ будетъ въ Пятницу или Субботу. Когда же выйдетъ «Московскій Сборникъ»?—Вчера, послѣ долгихъ сборовъ, двинулось отсюда полсемьи Унк** въ Москву на недѣлю: M-me Унк** съ дочерью, двумя сыновьями и невѣстою. На моихъ рукахъ остались отецъ, одна дочь и остальная мелюзга.—Дѣятельность Константина меня необыкновенно радуетъ: скачетъ, ѣздитъ, рыскаетъ, говоритъ, читаетъ, пишетъ драму и мимоходомъ статейки въ газетахъ *).

---

*) Серг. Т—чъ извѣщалъ объ этой статьѣ К—на С—ча въ слѣд. выраж.: Ты вѣрно прочтешь въ 20-мъ номерѣ Московской газеты статью „общественной благотворительности нашихъ дней". Эта статья начинаетъ поднимать и безъ сомнѣнія подниметъ ужасный шумъ. Знатнѣйшія дамы, попечительницы и благотворительницы рвутъ на себѣ волосы отъ гнѣва, а мужья и большая часть мужчинъ ихъ подразднивають. Быть великому шатанью! Я опасаюсь, чтобъ сочинитель и редакторъ не подверглись жестокому гоненію прекраснаго пола.

Славно! — Я же ничего не дѣлаю. Первую недѣлю ѣлъ постное, теперь ѣмъ скоромное; стиховъ не пишу. Представилъ себя къ чину Надворнаго Совѣтника. Третьяго дня я былъ у С** и опять поссорился съ А. О. Впрочемъ, это рано или поздно должно было непремѣнно случиться. Когда я, по требованію мужа, зашелъ къ ней въ Понедѣльникъ вечеромъ, то едва высидѣлъ полчаса: она, окруженная только священными книгами, говорила такія грубыя и неделикатныя вещи про нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, что я едва могъ удержаться, но смолчалъ и сказалъ только, что во мнѣ болѣе кротости, чѣмъ въ ней. По Четвергамъ обыкновенно бываютъ у мужа ея мужскіе вечера. Мнѣ надо было видѣть Ар**; я пріѣхалъ сначала къ Николаю Михайловичу, съ которымъ мы на самой короткой и дружеской ногѣ (доказательствомъ служатъ отличныя сигары, которыми я пользуюсь предпочтительно передъ всѣми другими), потомъ прошелъ на верхъ къ Ар**, который въ это время былъ у сестры и игралъ въ карты съ нею и Тимирязевымъ. Черезъ полчаса они кончили, и я ушелъ съ Ар** въ его комнату, гдѣ сидѣлъ до 12-го часа, потомъ сошелъ внизъ и прошелъ въ гостинную, гдѣ сидѣли дамы, чтобъ проститься съ одной изъ нихъ, которая на другой день уѣзжала изъ города, именно съ Храповицкой. Дамы эти играли въ карты, и подлѣ нихъ сидѣла А. О., къ удивленію моему, сошедшая внизъ. А. О. задержала меня разспросами о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, о Гоголѣ. У меня въ карманѣ было Ваше письмо, и я ей хотѣлъ сообщить извѣстіе о письмѣ Гоголя къ Щепкину и, добираясь до этого мѣста, прочитывалъ про себя, однакоже вслухъ, Ваши, правда, жесткія разсужденія о сумашествіи Гоголя и о плутовствѣ въ его сумашествіи *).

---

*) Письмо С. Т—ча было отъ 8 Февраля 1847 года, и вотъ какъ онъ гововоритъ о Гоголѣ: Гоголь не перестаетъ занимать меня съ утра до вечера: онъ точно помѣшался, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но въ самомъ помѣшательствѣ много плутовства—долженъ въ этомъ признаться. Сумашедшія бываютъ плуты и надуватели: это я видѣлъ не одинъ разъ и помѣшательство ихъ дѣлается и жалко и гадко. Мнѣ пришла странная и вмѣстѣ утѣшительная мысль въ голову, что Гоголь, получивъ множество печатныхъ и письменныхъ отзывовъ, скажетъ: „я вижу, что мои читатели еще не въ состояніи понять втораго тома „Мертвыхъ душъ“; да я еще не созрѣлъ для написанія его въ настоящемъ видѣ, а потому оставляю

Поднявъ случайно глаза, я ужаснулся. А. О. вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки кверху, и пошла потѣха. Я вовсе этого не хотѣлъ, сталъ извиняться, успокоивать ее, сказалъ, что не буду ей возражать... Не тутъ-то было. Она оскорбилась Вашими выраженіями о Гоголѣ. Это бы еще ничего, но, по свойственной женщинамъ манерѣ, заѣхала Богъ знаетъ куда, такъ что я подъ конецъ разсердился. Начала съ того, что Гоголь ошибался въ *«вашей»* семьѣ: онъ думалъ найти друзей и нашелъ вмѣсто того людей, которые дорожатъ только его талантомъ, что *«вы»* его надули и надуваете, но ея не надуете, и что она откроетъ глаза Гоголю и т. п. Потомъ стала ругать всю Москву, Васъ вообще и меня въ особенности. Вы (т. е. Москва и Вы), которые съ утра до ночи твердите о христіанствѣ и любви христіанской... Тутъ я не выдержалъ. Прошу покорно оставить христіанство въ покоѣ въ теперешнемъ разговорѣ, сказалъ я и ушелъ изъ комнаты, не простясь. Дамы, сидѣвшія подлѣ нея, были ни живы, ни мертвы, а двери были отворены въ залу, гдѣ играли на четырехъ столахъ *). Я вовсе не расположенъ былъ горячиться и всетаки не высказалъ ей и сотой части изъ уваженія къ ея положенію. Какъ я ушелъ, такъ, говорятъ, она

этотъ трудъ до времени и начинаю писать прежнія побасенки",—и напишетъ намъ чудныя побасенки.

А въ слѣдующемъ письмѣ отъ 17 Февраля С. Т—чъ добавляетъ, что „желалъ бы, чтобъ ты показалъ или прочелъ А—дрѣ Ос—внѣ все, что я писалъ о Гоголѣ. Я желалъ бы, чтобы все, мною написанное и сказанное о немъ, было тогда же напечатано. Ибо теперь, послѣ его отвѣта на мое письмо я уже не могу ни говорить, ни писать о немъ. Ты не знаешь этого письма. Я перенесъ его спокойно, равнодушно. Но самые кроткіе люди, которые его прочли, пришли въ бѣшенство.

*) Получивъ это письмо, С. Т. отвѣчалъ на него: Ты не можешь себѣ представить, милый мой другъ Иванъ, какъ потѣшило меня твое письмо отъ 15-го Февраля, вчера мною полученное! Эта горячая схватка съ А. О. посреди изумленнаго Калужскаго общества меня восхитила; „вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки кверху и пошла потѣха"... Эти слова, такъ живо рисующія всю сцену, внезапно перенесли меня на мѣсто дѣйствія, откуда я сегодня еще не совсѣмъ удалился. За эту сцену, я даже съ А. О. почти помирился; еслибъ она была здѣсь, то я сейчасъ-бы къ ней поѣхалъ. Я вижу, что она любитъ Гоголя, какъ человѣка. Она не совсѣмъ поняла мои слова: *„плутовство въ самомъ сумашествіи"*, и ты могъ бы ихъ и не читать

обратилась къ присутствующимъ и долго еще изливала желчь свою на меня. Впрочемъ, я къ этому равнодушенъ, ибо рѣшительно ничего не теряю. Это не то, что было прежде.

1847 года. Февраля 22-го. Суббота. Калуга.

На этой недѣлѣ получилъ я также два письма отъ Васъ. Самъ я во Вторникъ не писалъ, потому что по Вторникамъ нахожусь въ томъ предположеніи, что самъ отправлюсь въ Четвергъ. Отвѣчаю Вамъ на Ваши письма. Статью объ общественной благотворительности я прочелъ, и она мнѣ очень нравится: она такъ жива, такъ мѣтка, такъ ловка, такъ егоиста, что я никакъ не ожидалъ этого отъ Константина. Статей Мельгунова и Шевырева еще не читалъ. Увы! Огромныя «С.-Петербургскія Вѣдомости» начинаютъ здѣсь мало по малу вытѣснять Московскія. Статью эту здѣсь едва ли кто замѣтилъ, исключая старика У**, который мнѣ ее и указалъ, изъявивъ въ тоже время предположеніе, что это должна быть или моя статья или кого-нибудь изъ братьевъ моихъ. Купцы Калужскіе, читающіе Вѣдомости, обратили болѣе всего любопытное вниманіе на рожденіе какого-то жеребенка.— Я очень радъ ѣхать въ Симбирскъ; но вѣдь я, какъ Вамъ извѣстно, скептикъ, какъ скоро что-либо затѣвается или предполагается у насъ въ домѣ, и потому не совсѣмъ вѣрю сбыточности этой поѣздки. Но для этого мнѣ надобно сначала перейти въ Москву и по переходѣ въ Москву взять отпускъ чрезъ Инспекторскій Департаментъ почти вслѣдъ за переводомъ (коли предполагаютъ ѣхать въ Маѣ). Да чтожъ это наконецъ, переведутъ ли меня? Очень будетъ скверно, если меня не переведутъ до 1-го Мая; тогда я опять останусь въ распоряженіи полномъ Графа Панина до Января 1848 года. Я

ей, если не имѣлъ намѣренія прочесть ихъ. Но я радъ тому и другому. Я долженъ по совѣсти сказать, что А. О. даже отчасти права: мы, надувая самихъ себя Гоголемъ, надували и его, и поистинѣ я не знаю ни одного человѣка, который бы любилъ Гоголя, какъ другъ, независимо отъ его таланта. Надо мною смѣялись, когда я говаривалъ, что для меня не существуетъ личность Гоголя, что я благоговѣйно, съ любовію смотрю на тотъ драгоцѣнный сосудъ, въ которомъ заключенъ великій даръ творчества, хотя форма этого сосуда мнѣ совсѣмъ не нравится.

даже удивляюсь, какъ Вы не пошлете справиться, выбыли ли старые Оберъ-Секретари въ Сенатѣ? Зачѣмъ дѣло стало? Мнѣ ужъ, признаюсь, надоѣло обрѣтаться въ этой неизвѣстности: ничемъ не могу положительно заняться, предполагая скорый отъѣздъ; живу день за день, въ странномъ ожиданіи... Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ! Ольденбургскій приходитъ отъ меня въ умиленіе, Пинскій обѣщаетъ много, а ужъ два мѣсяца никакого исполненія по просьбѣ! Неужели они думаютъ, что это такой важный постъ, который хорошо получить и черезъ годъ, только чтобъ его получить? Ничуть не бывало. Черезъ годъ я его не приму, а просто выйду въ отставку, чтобы ѣхать въ чужіе края.—Получилъ я небольшую записку отъ Мамонова: онъ пишетъ мнѣ про свою картину Павла Препростаго. Я бы ему отвѣчалъ, да не помню его адреса. Трудна задача. Онъ толкуетъ о нашей непростотѣ... Но нельзя уже намъ упроститься, растравивъ душу сознаніемъ, нельзя сдѣлать пылкимъ человѣка холоднаго; для насъ почти нѣтъ исправленія, и въ насъ живетъ полное, безнадежное сознаніе своего безсилія. Мы съ самаго начала чувствуемъ, что для всѣхъ сознаваемыхъ и признаваемыхъ нами истинъ нужны мѣхи новые, а мы мѣхи старые, и съ этой пріятной увѣренностью должны проходить, можетъ быть, еще длинный, длинный путь: весело! Потомъ, никто изъ насъ почти не извѣдалъ жизни, но она должна имѣть свои права, и я не хочу такъ легко отъ нихъ отказываться. Ну да все равно! Въ настоящую минуту меня не тревожатъ никакіе міровые и религіозные вопросы. Занимаетъ меня очень положеніе женщины въ обществѣ. Какъ однако же вѣрны себѣ издатели «Современника». Всѣ повѣсти, весь журналъ проникнутъ одной идеей. Читали ли Вы тамъ переписку двухъ барышень? Только живущій въ губернскомъ городѣ можетъ понять, до какой степени это вѣрно; торжество пошлости заставляетъ невольно задумываться.—Мамоновъ пишетъ о поѣздкѣ въ Симбирскъ, говоря, что они ѣдутъ за невѣстами. Если я поѣду, такъ не за невѣстой, потому что не чувствую себя довольно созрѣвшимъ для женитьбы, какъ дѣла покойнаго разсчета, а всякая иная женитьба также вздоръ.— Ар** затѣваетъ издать къ Августу мѣсяцу литературный альманахъ въ Москвѣ. Онъ будетъ доступнѣе, легче, эле-

гантнѣе почтеннаго друга моего, полновѣснаго «Сборника». Изъ Петербургскихъ литераторовъ участвують въ немъ Соллогубъ, Вяземскій, Майковъ, которымъ всѣмъ уже о томъ и писано. Разумѣется, ничего подлаго или могущаго оскорбить насъ, Москвичей, допущено не будетъ. Пожалуйста, похлопочите о содѣйствіи всѣхъ нашихъ Московскихъ литераторовъ, которыхъ впрочемъ такъ немного! Я даю ему стихи, на выборъ, и очень радъ этой затѣѣ: чѣмъ больше будетъ у насъ въ Москвѣ дѣятельности такого рода, тѣмъ лучше. Впрочемъ, я самъ скоро пріѣду забирать статьи. Тугое рожденіе на свѣтъ «Сборника» заставляетъ предполагать, что родится какое-нибудь диво...—Блеснуло солнце! И сѣрый, свинцовый цвѣтъ неба вдругъ освѣтился. Облачный слой еще не разсѣялся, но посинѣлъ, и отчетливѣе, яснѣе стали видны мнѣ въ окошко столбы отдаленные дыма, прежде незамѣтнаго, слившагося съ небомъ. О, какъ я люблю свѣтлые дни и солнце! Какъ утѣшаетъ меня приближеніе Марта, хотя по календарю *весенняго* мѣсяца. Какъ освѣжаетъ меня всякій, нежданно блеснувшій яркій лучъ.

Суббота, 1-го Марта, 1847 года. Калуга.

Я совершенно забылъ, что въ Февралѣ только 28 дней, и никакъ не предполагалъ во Вторникъ, что 1-е Марта будетъ въ Субботу, а то бы непремѣнно написалъ. Впрочемъ, Ваши письма отъ Понедѣльника приходятъ сюда послѣ написанія мною писемъ утромъ во Вторникъ, а такъ какъ я безпрестанно жду отъ Васъ положительнаго зова на диспутъ, то и отлагалъ Вторничное писаніе до Субботняго.—Въ Понедѣльникъ воротился Ѳедоръ Ун**, привезъ мнѣ свѣжія вѣсти о Васъ, о Константинѣ, разсказалъ мнѣ про дурацкія шарады, про дамское негодованіе на статью о благотворительности... Отвѣчаю на Ваши письма. О Пановѣ: не мало поразился я, прочитавъ извѣстіе о его свадьбѣ. Грустно и жаль будетъ, если онъ дорого поплатится за свое добродушіе; покуда есть время, надо было бы навести вѣрныя справки, въ состояніи ли эта дѣвушка, жениховъ приступомъ берущая, сдѣлать счастіе Василія Алексѣевича. Вы ему разъясните, что бракъ «это не такое дѣло, что взялъ извощика

и поѣхалъ, а совсѣмъ другое». Нѣтъ, я не такъ чувствителенъ. Готовъ дать скорѣе всевозможные обѣты другаго рода, дать клятву никогда не жениться, еслибъ это было нужно для ревниваго счастія дѣвушки, но жениться самому изъ великодушнаго порыва — сохрани Богъ. Еслибъ видѣлъ со стороны дѣвушки малѣйшее желаніе выйти за меня замужъ, немедленно бы отшатнулся. Извольте довольствоваться безкорыстною любовью; въ противномъ случаѣ вамъ нѣтъ никакого отвѣта. Такъ я думаю.—Благодарю Васъ за присылку письма Гоголя. Да, признаюсь, въ немъ столько высокомѣрной нѣжности, что это даже оскорбительно. Мнѣ было ужасно досадно, когда я читалъ его. А. О. съ тѣхъ поръ и не видалъ.—Вся Калуга полна разныхъ толковъ объ уничтоженіи чиновъ и т. п. Не знаю, въ какой степени всѣ эти слухи справедливы. Полтораста лѣтъ уродовали наши понятія и сдѣлали наконецъ такъ, что табель о рангахъ вошла какъ-то въ составъ нашихъ дѣтскихъ вѣрованій, такъ что теперь трудно будетъ вдругъ разстаться съ ними. Возьмите положеніе мелкаго слоя чиновниковъ. 40 лѣтъ человѣкъ привыкъ считать себя Титулярнымъ Совѣтникомъ и въ этихъ звукахъ слышитъ свое опредѣленіе и назначеніе и цѣль жизни... вдругъ онъ не Титулярный Совѣтникъ, а мечта, миѳъ! Но для нашего брата это очень выгодно. Кстати, Вы, вѣрно, слышали также, что увеличиваются оклады жалованья по Министерству Юстиціи. Прокуроры сравниваются съ Предсѣдателями Палатъ, будутъ считаться въ V классѣ и получатъ жалованья тысячъ семь, Предсѣдатели Уголовныхъ и Гражданскихъ Палатъ — равное съ ними, а Товарищи Предсѣдателей пять тысячъ... Но все это только слухи. Унк** сказывалъ мнѣ, что Оберъ-Секретари Московскіе и не думаютъ выходить въ отставку; можетъ быть, они и не имѣютъ на то права до окончаніи ревизіи въ Сенатѣ?.. Какъ бы то ни было, но это все очень скверно. До 1-го Мая остается всего два мѣсяца, и если въ эти два мѣсяца я ничего не сдѣлаю, такъ мнѣ придется высиживать опять въ Калугѣ до 1848-го года. Но я ни подъ какимъ видомъ не хочу оставаться въ Калугѣ; къ тому же и флигель, въ которомъ я живу, съ Апрѣля мѣсяца будетъ передѣлываться и украшаться, ибо отдается для проживанія будущимъ мо-

лодымъ; слѣдовательно, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось бы нанимать новую квартиру и вновь устраиваться, что все очень скучно. Къ тому же, и это вѣрно, теперь назначена ревизія Министерства Юстиціи по всей Имперіи, съ огромными правами ревизорамъ. Въ Калужскую губернію назначенъ Членъ Консультаціи, графъ С—въ, надменнѣйшее, напыщеннѣйшее и глупѣйшее созданіе, какъ увѣряютъ. Когда онъ прибудетъ, это неизвѣстно. Боюсь одного, чтобы не состоялось Высочайшаго повелѣнія: до окончанія ревизіи не выходить въ отставку, не переходить съ мѣста. Соображая все это, я думаю, что если до Апрѣля мѣсяца не будетъ никакого дѣйствія по моей просьбѣ, то послать просьбу объ отставкѣ и искать службы по другому вѣдомству... Тѣмъ болѣе, что если слухи объ уничтоженіи чиновъ справедливы, то я въ такомъ случаѣ по службѣ собственно ничего не теряю.

Стиховъ новыхъ нѣтъ. Правда есть небольшіе, отвѣтъ Ар**. Дѣло въ томъ, что разсказавъ ему объ одной дѣвушкѣ, проживающей не въ здѣшнихъ мѣстахъ, я привелъ его воспріимчивую душу въ такой восторгъ, что онъ, постоянно бредящій по юности лѣтъ объ идеалѣ женщины и дѣвы, сшелъ съ ума на нѣсколько дней, въ состояніи былъ ѣхать ее отыскивать и написалъ мнѣ о ней пребольшіе стихи, за которые я былъ ему очень благодаренъ, какъ за все, что высказывается прямо отъ души, отъ сердца, какъ бы даже это высказано ни было. Въ этихъ стихахъ, гдѣ много хорошихъ очень стиховъ, онъ спрашиваетъ, неужели дѣвушка эта примирится съ жизнью и страданіемъ, сдѣлается барыней уѣздной, и зачѣмъ все это такъ на свѣтѣ и т. п. Я отвѣчалъ на это слѣдующими стихами, которые, впрочемъ, написать можно было только въ сердитую минуту расположенія духа; вотъ они:

Что мнѣ сказать ей въ утѣшенье,
Чѣмъ облегчить ярмо судьбы?
Она отвергнетъ примиренье,
Она не вынесетъ борьбы!
Ея ли чувство не глубоко!
А сколько зла судили ей

Такъ простодушно, такъ жестоко
Законы мудрые людей?....
Пускай же, міромъ позабыта,
Она страдаетъ до конца,
Живой упрекъ земнаго быта
И обличеніе Творца!..

Такимъ образомъ, создавъ себѣ, можетъ быть, одну мечту, мы тѣшимъ другъ друга стихотворными сожалѣніями и негодованіями. — Для меня было бы лучше, еслибы диспутъ происходилъ въ концѣ шестой недѣли, тогда бы я могъ пріѣхать и остаться седьмую (Страстную) и Святую... Странно однакоже, что отъ Васъ нѣтъ писемъ нынче.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ былъ перерывъ до 15 Марта. Въ это время И. С. ѣздилъ въ Москву присутствовать на публичной защитѣ Конст-мъ Серг-мъ своей магистерской диссертаціи о Ломоносовѣ.

Письма возобновляются съ 15 Марта, послѣ возвращенія И. С. въ Калугу.

1847 года. Марта 15-го. Калуга. Суббота.

Состояніе дорогъ должно быть такъ скверно, что вмѣсто однихъ сутокъ рискуешь проѣхать двое. Экстра-почта, которой слѣдовало быть вчера въ полдень, опоздала болѣе чѣмъ полу-сутками. Да и теперь не знаю, пришла ли она еще: послалъ на почту. Ожидаю непремѣнно отъ Васъ увѣдомленія: не пріѣхалъ ли Гриша? Унк** еще не воротился, а я его жду съ нетерпѣніемъ, чтобы узнать о положеніи дорогъ. По старой Калужской дорогѣ, по которой мнѣ придется ѣхать, если не возьму подорожную, такая грязь и топь, что, говорятъ, почти проѣзда нѣтъ... Сейчасъ принесли мнѣ Ваше письмо. Не понимаю, отчего Вы не получили моего письма: я писалъ во Вторникъ. Раньше Вторника или Середы будущей недѣли я выѣхать не могу: дѣлъ очень много, и я рѣшился важнѣйшія закончить при себѣ, ибо распутица и другія причины могли бы меня задержать на Ѳоминой. Такъ что взялъ нѣкоторыя дѣла на домъ и дома работаю, что со мной почти никогда не случается. — Значитъ,

я не буду говѣть и на этой недѣлѣ: тогда выйдетъ, что я болѣе четырехъ лѣтъ не говѣлъ. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, какъ я рѣшился: ждать до 1-го Мая, потомъ взять отпускъ на 4 мѣсяца. Въ эти 4 мѣсяца я могу самъ пріискать себѣ мѣсто по другому вѣдомству и перейти и, если уже вовсе не найду, такъ ворочусь въ Калугу послѣ четырехмѣсячной отлучки совсѣмъ новый и свѣжій, съ запасами на цѣлую зиму.

18-го Марта 1847 года. Вторникъ. Калуга.

Послѣ многихъ соображеній и разсужденій, я рѣшился не ѣхать въ Москву на Святую. За это посердится на меня только Костя, а Вы, вѣрно, согласитесь со мной, что ѣхать *теперь* на полторы недѣли въ Москву—просто безразсудство. Погода сквернѣйшая, но еще хуже ея—дорога. Ѣзда продолжается гораздо болѣе сутокъ и съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе, но еще затруднительнѣе будетъ возвращеніе: тогда можно будетъ проѣхать только на одной телѣгѣ. По почтовому тракту нельзя ѣздить безъ подорожной, а по старому тракту (на Тарутино) могутъ остановить рѣки Протва и Дема. Главное, я боюсь за дурной дорогой или за простудой (которая есть почти непремѣнное слѣдствіе дороги) засѣсть въ Москвѣ послѣ Святой, когда мнѣ хочется непремѣнно взять отпускъ къ 1-му Мая. Да кромѣ того, пріѣхать въ Москву на Святую—значитъ пріѣхать на визитное, суетное, тревожное скаканье съ Дѣвичьяго поля на Басманную и т. п. Съ Вами же я точно такъ же мало увижусь, какъ и въ послѣдній разъ. Ахъ, нѣтъ, Богъ съ ней и съ Москвой и со всѣми Московскими знакомыми: только бы лѣтомъ я былъ свободенъ! Если бъ Вы знали, съ какимъ томленіемъ жду я лѣта, то поняли бы, почему такъ мало тянетъ меня теперь собственно въ Москву. Живи Вы еще въ деревнѣ—другое дѣло. Рѣшась не ѣхать на Святую и сберечь здоровья и денегъ на лѣто, я началъ говѣть, ибо не говѣлъ уже 4 года. Церковь отъ меня недалеко, а всенощную служатъ здѣсь на дому.—Писалъ ли я Вамъ, что получилъ письмо отъ Погуляева: Рюминъ объявилъ ему, что у него въ скоромъ времени откроется вакансія Оберъ-

Секретаря, и онъ очень будетъ радъ, если я займу это мѣсто. Я не поздравлю Васъ теперь съ праздникомъ: какъ-то странно, когда еще онъ не наступилъ. Что это тамъ въ Москвѣ у Константина дѣлается: ночныя катанья съ горъ! Попросите Мамонова, чтобы онъ истребовалъ отъ Полонскаго нѣсколько стихотвореній для альманаха.

22-го Марта 1847 года. Калуга. Суббота.

Поздравляю Васъ съ наступающимъ праздникомъ. Христосъ Воскресе и Воистину Воскресе всѣмъ! Жаль, что погода не совсѣмъ весенняя: на дворѣ мѣстами снѣгъ, мѣстами камень, на саняхъ нѣтъ возможности ѣздить, да и на колесахъ нехорошо. На этой недѣлѣ я говѣлъ и въ Четвергъ пріобщился. Заутреню слушалъ здѣсь на дому. Говѣнье мое было самое обыкновенное. Человѣкъ такая дрянь и такое дитя, что дай ему глубокое содержаніе съ внѣшними формами, онъ сейчасъ ухватится за однѣ формы, а внутренній смыслъ убѣжитъ. Поэтому-то я такъ и боюсь всякихъ опредѣленныхъ, условныхъ формъ и не люблю пока монашескихъ уставовъ, которые назначаютъ человѣку способы, виды и формы покаянія, напр. прочти *150* разъ акаѳистъ и т. п. Грустно видѣть, что въ церкви вамъ читаютъ правило такъ, что ни читающій, ни слушающіе ничего понять не должны и не могутъ, но всѣ расходятся предовольные сами собой и другъ другомъ: *отстоялъ* правило, ну и совѣсть спокойна. А какая чудесная служба! Весь послѣдовательный историческій ходъ событія повторяется предъ глазами чрезъ 18 вѣковъ! Свѣтлое Воскресенье, вѣроятно, я встрѣчу въ своемъ приходѣ, обѣдню прослушаю въ соборѣ, а оттуда, въ мундирѣ, къ Архіерею и См**. Потомъ, воротясь домой, разговѣюсь, сдѣлаю нѣкоторые визиты; можетъ быть, даже заѣду къ А. О. Кажется, здѣсь на Святой не готовится никакихъ особенныхъ увеселеній, и слава Богу!.. Вообразите, что на нынѣшней недѣлѣ я не ѣлъ рыбы, а вчера весь столъ былъ изготовленъ безъ масла!.. Я, разумѣется, очень охотно подчинился всему этому и ѣлъ грибы. Вообразите также, что въ Калугѣ нѣтъ обычая дѣлать Четверговую соль! Неправда ли, какой глупый городъ! Я

заказалъ Ефиму соль. Съ нынѣшней экстра-почтой я не получилъ письма отъ Васъ, а потому и не знаю, пріѣхалъ ли Гриша, и когда онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Гриша долженъ хлопотать для меня о мѣстѣ Оберъ-Секретаря въ Уголовномъ Департаментѣ или Товарища Предсѣдателя въ Уголовной Палатѣ въ Москвѣ, также о чинѣ Надворнаго Совѣтника. Что Вамъ сказать еще про себя? Я, можетъ быть, скоро разрѣшусь стихами, потому что много мыслей приходитъ въ голову. Я мало дѣлаю, мало читаю, мало занимаюсь, это правда,—но я много подвинулся въ знаніи жизни, много, очень много передумано, прожито, пріобрѣтено и утрачено въ эти полтора года, проведенные мною въ Калугѣ. Впрочемъ, тутъ не сама Калуга играетъ роль, а 23-й и 24-й года жизни. Всякое мѣсто важно, всякое обстоятельство, всякая обстановка при развитіи человѣка въ эти годы... Лѣтомъ мнѣ хочется работать и писать. А теперь больше писать нечего.

1847 года, Вторникъ, 25-е Марта. Калуга.

Сейчасъ воротился отъ ранней обѣдни. Поздравляю Васъ опять съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенья и съ нынѣшнимъ днемъ. Странно немного праздновать Благовѣщеніе на Святой. Это вовсе выскакиваетъ изъ послѣдовательнаго порядка событій, празднуемыхъ Церковью. Католики въ подобныхъ случаяхъ не празднуютъ Благовѣщенія. Поздравляю Васъ также съ пріѣздомъ Гриши, съ наступающимъ 29-мъ числомъ Марта, т. е. со днемъ Константинова рожденья, а также и съ семисотлѣтіемъ (неоффиціальнымъ) Москвы. Крѣпко обнимаю Костю и поздравляю его. 30-й годъ его жизни не прошелъ для него даромъ и въ бездѣйствіи! И чѣмъ далѣе подвигается онъ въ жизнь, тѣмъ дѣятельнѣе становится онъ, тѣмъ опредѣленнѣе самая его дѣятельность. Онъ еще много надѣлаетъ и, разумѣется, вдесятеро болѣе каждаго изъ насъ, порицателей бездѣйствія и суетности. Чтобъ исключительнѣе еще предаться своей дѣятельности и отогнать отъ себя рой постороннихъ, подчасъ налетающихъ на него мечтаній, слѣдовало бы ему оградить себя и съ этой стороны, опредѣлить навсегда этотъ бокъ жизни, словомъ, —

жениться... Но я знаю, что это очень трудно и для него труднѣе, чѣмъ для кого-либо.

Свѣтлое Воскресенье встрѣчается въ Калугѣ не очень торжественно: всему мѣшаетъ чиновническій характеръ, какъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ. Въ 12 часовъ отправился я въ церковь, противъ дома стоящую, со всѣми Унк**, кромѣ старика, который боленъ. Заутреня продолжалась почти три часа, по милости священно и церковно-служителей, которые то и дѣло что обходили церковь и собирали деньги то въ руку, то въ кружку. Воротившись въ три часа, легли спать; въ шесть опять встали и отправились мы, служащіе, въ мундирахъ въ соборъ къ ранней обѣднѣ, а прочіе въ свой приходъ. Безрасходныхъ заутрень и обѣденъ въ Калугѣ нѣтъ. Въ соборѣ служба продолжалась очень долго; изъ собора всѣ отправились къ Архіерею; тамъ все чиновничество перехристосовалось между собою и разгавливалось; оттуда всѣ къ Губернатору, гдѣ было тоже самое.

А. О. не видалъ и, вѣроятно, не увижу, потому что ѣхать къ ней не хочу. Въ первый день праздника получила она сказывалъ мнѣ Ар**, письмо отъ Гоголя; *) говоритъ, самое утѣшительное. Онъ увѣряетъ ее, что будетъ второй томъ Мертвыхъ Душъ, будетъ непремѣнно; что книгу свою издалъ онъ для того, чтобы посудить и себя и публику; что онъ твердо убѣжденъ, что можно выставить такіе идеалы добра,

---

*) Одновременно съ этимъ и въ Москвѣ было получено нѣсколько писемъ отъ Гоголя, что мы узнаемъ изъ письма С. Т. отъ 28 марта 1847 г.

Незнаю, писалъ-ли я тебѣ о самой радостной новости о письмахъ Гоголя? Вотъ уже теперь четыре письма, написанныя имъ съ 4-го Марта: два къ Шевыреву, а одно ко мнѣ и одно къ Погодину и всѣ эти письма писаны уже другимъ человѣкомъ! уже нѣтъ ни высокомѣрнаго спокойствія, ни лицемѣрнаго смиренія; но положеніе его ужасно. Кипятокъ послѣдняго моего письма и ледяной холодъ письма Свербѣева, обрушившіеся на него въ одно и тоже время, образумили и оскорбили его душу. Онъ благодаритъ меня, но въ тоже время негодуетъ. Письмо его начинается такъ: „благодарю Васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки! хотя мнѣ и чихнулось отъ вашего письма, но чихнулось во здравіе!“ Зато вся его нѣжность обратилась на Щепкина и Погодина; къ послѣднему онъ пишетъ даже страстное письмо, что показываетъ еще продолжающееся болѣзненное состояніе духа—пусть онъ никогда ко мнѣ не обратится, для меня это все равно. Для спасенія Гоголя я готовъ сдѣлаться и презрѣннымъ орудіемъ казни, и отвратительнѣйшимъ палачемъ.

передъ которыми содрогнутся всѣ, и *Петербургскія львицы пожелаютъ попасть въ львицы иного рода!* Послѣднее мнѣ не нравится: все же это будутъ идеалы, а не живыя, грѣшныя души человѣческія, не дѣйствительныя лица. Тутъ же онъ спрашиваетъ ее, впрочемъ, не знаетъ ли она какого-нибудь честнаго взяточника; если знаетъ, такъ описала бы. Благодаритъ ее за любовь и говоритъ: съ моими Московскими пріятелями не разсуждайте обо мнѣ: они люди умные, но многословы и...... Тутъ еще нѣкоторые эпитеты, которые Ар**, разсказывая письмо, не могъ припомнить. Мнѣ же дать прочесть это письмо А. О, несмотря на всѣ просьбы Ар**, отказала.

1847 года, Апрѣля 5-го. Суббота. Калуга.

Послѣднее письмо Ваше отъ 28-го Марта я получилъ въ Воскресенье вечеромъ. Статья Хомякова не нравится и А. О., а мнѣ очень нравится. Все, что онъ говоритъ объ анализѣ, его безсиліи, о разсудочности безъ живаго начала, прекрасно, современно и можетъ служить темою для повѣсти, по крайней мѣрѣ совпадаетъ вполнѣ съ задуманною мною повѣстью.

Къ 1-му Мая я хочу быть въ Москвѣ. Я предполагалъ такъ: Май провести съ Вами, Іюнь и Іюль употребить на путешествіе, Августъ опять съ Вами въ деревнѣ, а съ Сентября на службу, гдѣ бы она ни была, а она, вѣроятно, будетъ въ Москвѣ. Я получилъ на дняхъ письмо отъ Николая Елагина: онъ зоветъ меня ѣхать съ нимъ лѣтомъ въ Кіевъ, приглашаетъ и Мамонова. Это было бы очень хорошо и весело. Можно изъ подъ Орла вплоть до Кіева доѣхать на Мальцевскомъ пароходѣ. Но я еще ни на что не могу рѣшиться. Брать отпускъ немедленно не стоитъ, потому что тогда онъ кончится не къ осени, а еще лѣтомъ, да я обѣщалъ присутствовать на свадьбѣ Унк**, которая будетъ 21-го Апрѣля, кажется.

Калуга. Апрѣля 12-го, 1847 года. Суббота.

Вообразите, что экстра-почта еще до сихъ поръ не пришла, экстра-почта, которой слѣдовало придти еще вчера въ

полдень! Значитъ, дороги очень скверны. Не нынче, такъ завтра или послѣ завтра ожидаю письма отъ Гриши; я нетерпѣливо хочу выйти изъ этого состоянія неизвѣстности, которое парализуетъ всѣ мои силы. Нѣкто, пріѣхавшій изъ Москвы, сказывалъ мнѣ, что двумъ Оберъ-Секретарямъ 6-го (Уголовнаго) Департамента велѣно подать въ отставку. Не знаю, въ какой степени это справедливо... Не помню, писалъ ли я Вамъ, что получилъ отъ Елагина приглашеніе ѣхать въ Кіевъ и очень радъ принять это предложеніе, только опять не могу еще дать положительнаго отвѣта. Преглупое состояніе! Впрочемъ, состояніе это тяготитъ меня, когда я о немъ вспоминаю. Въ самомъ же дѣлѣ я весь преданъ наслажденію, производимому во мнѣ возвратомъ весны. Не знаю, какъ у Васъ, а здѣсь на этой недѣлѣ погода была чудесная: до 15-ти градусовъ въ тѣни. Нынче только ненастье, но первое, теплое ненастье. Стало сухо, долой калоши, ваточныя шинели, мѣховыя шапки! Одѣтый совершенно по лѣтнему положенію, въ лѣтнемъ пальто и фуражкѣ, я много ходилъ и гулялъ и всѣми порами своими впивалъ въ себя весеннюю благодать! Мнѣ такъ легко, хорошо. Слава Богу, что я не обремененъ животомъ древняго русскаго боярина и, подобно ему, не обязанъ въ лѣтній зной носить горлатную шапку! Путешествіе пѣшкомъ составляетъ для меня самое пріятное предположеніе: такъ и хочется взять палку и съ котомкой за плечьми отправиться бродить одному, далеко ото всѣхъ, далеко отъ знакомыхъ лицъ, бродить по новымъ мѣстамъ и пѣть или «der Wanderer» Шуберта или «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной!...» Хочется испытать эту сторону жизни, сторону, которая, конечно, окажется вдесятеро менѣе поэтической, но все хочется!—Что за чудное мѣстоположеніе Калуги, особенно теперь, при разливѣ Оки! прелесть! Сдѣлаютъ ли меня Оберъ-Секретаремъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ 4 лѣтнихъ мѣсяца я гуляю.—Въ городѣ новаго ничего нѣтъ, кромѣ ссоръ и столкновеній между властями, служебныхъ мерзостей, раздѣленія на партіи и т. п... Читали ли Вы въ «Отечественныхъ Запискахъ», 3-мъ №, повѣсть «Кукольную Комедію?» Очень, очень недурно, хотя и есть выходки противъ Константина. Тономъ своимъ она напоминаетъ Теп-

фера, nouvelles genèvoises, которыя, по пріѣздѣ въ Москву, немедленно достану и дамъ прочесть Вѣрѣ и сестрамъ.

Апрѣля 19-го 1847 года. Калуга. Суббота.

Пишу письмо это на всякій случай, потому что самъ надѣюсь пріѣхать не позже этого письма. Отпускъ на 28 дней я взялъ: считаться будетъ онъ съ 23-го Апрѣля. Грустно подумать, что лѣто проведу я на службѣ! Очень, очень грустно! 23-го Апрѣля свадьба Ун**. Я обѣщалъ давно ему присутствовать на свадьбѣ и сдержу слово, поэтому выѣхать могу не раньше 24-го. Вы, пожалуйста, не удивляйтесь, что я такъ медлю. Во первыхъ, я вовсе не медлю, во-вторыхъ, нельзя же оставить мѣсто, гдѣ прожилъ почти два года, такъ, не простившись ни съ кѣмъ, не оказавъ на прощаньѣ никакого вниманія, не закончивъ, такъ сказать, своихъ отношеній. На этой недѣлѣ покончилъ почти всѣ важнѣйшія дѣла въ Палатѣ: я твердо рѣшился не уѣзжать, пока не рѣшу этихъ дѣлъ при себѣ; этого требовала совѣсть. Вамъ или, лучше сказать, Константину и Вѣрѣ, все это дико, а между тѣмъ въ теченіе одной недѣли я рѣшилъ участь 40 арестантовъ, изъ которыхъ человѣкъ 12 ссылаются въ каторгу (въ томъ числѣ 9 молодыхъ бабъ), остальные въ Сибирь или въ солдаты, или въ арестантскія роты,—и всѣ резолюціи писалъ самъ.—Деньги я получилъ,—теперь окончательно укладываюсь и въ Четвергъ выѣзжаю: не знаю, будетъ ли это ввечеру или утромъ. Не выпускайте Гриши изъ Москвы раньше 26-го.

Въ концѣ Апрѣля 1847 года Иванъ Сергѣевичъ возвратился въ Москву и его переписка съ родителями прекращается на цѣлый годъ. Онъ пишетъ Кн. Д. А. Оболенскому отъ 30-го Апрѣля 1847 г.:

«Я теперь въ Москвѣ, куда окончательно переѣхалъ въ пятницу, 25 Апрѣля,—но еще не устроился. Пока пользуюсь отпускомъ, которому срокъ 23 Мая: въ это время надѣюсь придетъ бумага о моемъ перемѣщеніи. Очень тебѣ благодаренъ за письмо. Право, такъ весело знать, что есть такіе

люди, какъ ты и Багратіонъ, которыхъ я такъ люблю и на дружбу которыхъ могу положиться. Каковъ К*! Какъ это хорошо! Какъ неплодно провелъ онъ свое время—не то, что я! Я много времени потерялъ даромъ въ безплодныхъ исканіяхъ, въ отвлеченномъ раздумьѣ, самоуслаждаясь въ разныхъ душевныхъ страданіяхъ, сомнѣніяхъ, погружаясь въ вопросы, ни къ чему не ведущіе — и усталъ. Пытливый, докучливый анализъ умертвилъ во мнѣ много жизни, и потому теперь, переѣхавъ въ Москву, хочу заниматься хоть какимъ нибудь трудомъ. Константинъ, который между прочимъ въ восторгѣ отъ твоей жены, хочетъ непремѣнно окунуть меня въ «Земскомъ Дѣлѣ». Но я хочу прежде пополнить хоть отчасти тѣ невѣжественные пробѣли, которыми полны наши познанія, особенно мои, словомъ—хочу читать и заниматься, оставя преслѣдованіе поэзіи.—О Гоголѣ я совсѣмъ не такого мнѣнія, какъ ты думаешь. Я его никогда не бранилъ, напротивъ былъ пораженъ многимъ, что и прежде лежало въ душѣ моей и написалъ по поводу того стихотворенія о душѣ человѣческой, которыя тебѣ пришлю вмѣстѣ съ прочими. Но долженъ признаться, что въ книгѣ Гоголя много лжи и нелѣпицы, много скрытой гордости и самолюбія—словомъ, умъ за разумъ зашелъ. Меня же впрочемъ поражаетъ не это собственно, а то, что побудило его поднять тѣ страшные вопросы о примиреніи религіи съ жизнью, вопросы, кажется, не разрѣшимые. Прощай!»

Въ концѣ Мая послѣдовало назначеніе Ивана Сергѣевича Оберъ-Секретаремъ 2-го Отдѣленія 6-го Департамента Пр. Сената въ Москвѣ, и онъ предался службѣ съ свойственною ему настойчивостью. Онъ провелъ лѣто въ Москвѣ, посѣщая только изрѣдка родителей въ Абрамцевѣ. При отправкѣ списка прежнихъ стиховъ Д. А. Оболенскому, онъ пишетъ: «Вотъ тетрадь моихъ стиховъ; я не имѣлъ духа, или, лучше сказать, терпѣнія пересмотрѣть ихъ—стиховъ новыхъ нѣтъ; теперь уже мѣсяцевъ шесть, какъ я не пишу стиховъ, да, кажется, ужъ и вовсе писать не буду. Я дѣлаюсь все болѣе и болѣе положительнымъ. Право!

Безъ шутокъ, я служу теперь Оберъ-Секретаремъ и чрезвычайно усердно. Потребность дѣятельности общественной

и общеполезной не чѣмъ удовлетворять у насъ въ Россіи..... Призваній другихъ къ наукѣ или поэзіи я не имѣю (да поэзія еще не дѣятельность), а потому остается одна служба, какъ ни ограничена эта сфера, но приходится довольствоваться тѣми размѣрами дѣятельности, какіе представляетъ дѣйствительность. Нечего дѣлать и я служу, служу, правда съ затаенной тоскою несбывшихся ожиданій.

Въ тетради я отмѣтилъ карандашемъ стихи, писанные вслѣдствіе Гоголевой книги, или, лучше сказать, вслѣдствіе мыслей, ею возбужденныхъ *).

И въ другомъ письмѣ отъ 12 Дек. 1847 г.:

«Я думаю нѣтъ нигдѣ такой работы, какъ въ должности Оберъ-Секретаря! Я конечно не лѣнивъ, но иногда выбиваешься изъ силъ, особенно теперь къ концу года и вообще съ нашими добросовѣстными требованіями. Впрочемъ я умудрился таки найдти время, чтобы написать одно стихотвореніе подъ названіемъ «*отдыхъ*» *) (само собою разумѣется — «*отдыхъ*» чиновника), которое перешлю тебѣ на праздникахъ». Въ стихотвореніи «*Отдыхъ*» сказалась та внутренняя борьба, которая совершалась тогда въ душѣ Ивана Сергѣевича. Онъ самъ впослѣдствіи писалъ (въ 66 году): «Стихи эти относятся къ тѣмъ годамъ службы, гдѣ я заставлялъ себя работать, дабы не обольщаясь праздными мечтами, быть полезнымъ. Тутъ и сказалась внутренняя борьба, борьба поэтическаго и художественнаго призванія съ сознаніемъ долга гражданскаго. Надо вспомнить, что я тогда служилъ, заставлялъ себя служить, считалъ себя не вправѣ сложить руки, сказать — я-де поэтъ, и потому-то бездѣйствую».

Политическія событія, наступившія въ Европѣ въ началѣ 48 года (провозглашеніе республики во Франціи, повсемѣстное революціонерное броженіе), сильно подѣйствовали на умъ передовыхъ мыслящихъ людей въ Россіи. Яснѣе обозначилось для нихъ міровое призваніе Россіи, высокіе политическіе, религіозные и нравственные идеалы, осуществленіе

---

*) *Твой строгій судъ остановивъ,... Зачѣмъ душа твоя смирна.... Не дай душѣ твоей забыть.*

*) См. приложеніе.

которыхъ ея историческая, всемірная задача. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ Оболенскому:

«Ну вотъ и настали событія, отъ которыхъ духъ захватываетъ! Въ какое время живемъ мы: въ очію совершается исторія, ощупью слышишь великія судьбы міра! и кто бы могъ ожидать этого! Теперь-то, когда весь западъ отрекается ото всѣхъ началъ, которыми управлялся во всю свою исторію, когда онъ такъ запутался въ лабиринтѣ своихъ умствованій, что и выйти не можетъ, теперь-то выростаетъ огромное значеніе Россіи, и всякій пойметъ, что одно спасеніе намъ въ нашей самостоятельности. Теперь дѣло обращенія къ самимъ себѣ будетъ гораздо легче: не за что ухватиться на Западѣ, все кругомъ раскачалось и качается.

Великое время для насъ. Уничтожили они тамъ себѣ аристократовъ и вообще праздный богатый классъ, а теперь, я самъ читалъ въ одной газетѣ, взываютъ къ богатымъ, чтобы они продолжали свою роскошную, развратную жизнь, ибо иначе сотни тысячъ работниковъ останутся безъ хлѣба. Тамъ, при развитіи промышленности мануфактурной, нельзя иначе. Отвратительно сердятся нѣмцы и въ тоже время смѣшны. Говорятъ, что въ княжествѣ Рейсъ смущеніе и что Правительство увеличило войско 8 человѣками. Правда ли?

Прошу покорно теперь заниматься Сенатомъ и писать стихи! Въ Москвѣ думаютъ, что Государь надѣнетъ скоро, или позволитъ носить русское платье. Манифестъ его былъ здѣсь принятъ очень хорошо».

Весною 48 года, Иванъ Сергѣевичъ былъ очень озабоченъ судьбою по цензурнымъ мытарствамъ драмы его Константина Серг. «Освобожденіе Москвы». Онъ пишетъ Оболенскому: «Вчера братъ Константинъ отправилъ къ тебѣ драму, а я хочу просить тебя поспѣшить этимъ дѣломъ, во 1-хъ потому, что съ высылкой билета, конецъ всѣмъ хлопотамъ о ней, и во 2-хъ потому, что 29 Марта день рожденія Константина, и я желалъ бы, чтобы драма могла получиться въ этотъ день, или къ этому дню. Сдѣлай одолженіе, любезный другъ Митя, хлопочи». Но драма Константина Сергѣевича промаялась еще нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурныхъ тискахъ.

Въ началѣ лѣта 48 года Иванъ Сергѣевичъ отправился для леченія на Сѣрныя воды въ Самарскую губ. Тутъ возобно-

вляется его переписка съ родителями, которые жили тогда въ Абрамцовѣ, и по случаю сильно свирѣпствующей холеры въ Москвѣ, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ общества и знакомыхъ. По письмамъ Ивана Сергѣевича видно, съ какой радостію, съ какимъ юношескимъ восторгомъ онъ вырвался изъ служебной неволи на свободу и просторъ русской природы.

ПИСЬМА СЪ СѢРНЫХЪ ВОДЪ КЪ РОДИТЕЛЯМЪ.

Съ 2 Іюня 1848 г. до 9 Іюля 1848 г.

Владиміръ. 2-го Іюня 1848.

Я пріѣхалъ сюда по нестерпимому жару въ третьемъ часу (пополудни), милые мои Отесинька и Маменька.—Здоровы ли Вы и что у Васъ дѣлается? Я же совершеено здоровъ и былъ бы совершенно счастливъ и доволенъ, еслибъ могъ быть спокоенъ на Вашъ счетъ. Когда я сѣлъ въ тарантасъ и тарантасъ двинулся за заставу, зазвенѣлъ колокольчикъ и я почувствовалъ себя въ дорогѣ, то у меня слезы прошибли отъ силы впечатлѣнія. Какая была чудная, восхитительная ночь! Съ какою любовью останавливались глаза мои на каждомъ предметѣ! Какимъ миромъ вѣялъ этотъ видъ природы и весь деревенскій бытъ; мнѣ кажется, будто я получилъ съ нѣкотораго времени болѣе правъ на родство съ нимъ, и черезъ всѣ эти мѣста въ головѣ моей проходитъ будто бы вмѣстѣ со мною и «*Бродяга*». Какъ легко забываетъ человѣкъ, и мнѣ казалось, что я и не оберъ-секретарь, и не служилъ, и служить въ перспективѣ не имѣю. Чѣмъ ближе къ Владиміру, тѣмъ народъ крѣпче, рослѣе и бодрѣе. Да и женщины лучше и сарафаны носятъ не по-московски. По всей дорогѣ стоятъ богатѣйшія промышленныя села.—Въ Горенкахъ я напился чаю. Тамъ, по милости Н. А. В—ва, учредившаго въ домѣ бумажную фабрику съ

двумя тысячами фабричныхъ, заведенъ трактиръ съ бильярдомъ и т. п.—Оттуда, безостановочно, ѣхалъ я до самаго Владиміра, гдѣ, вмѣсто утренняго чая, заразъ пообѣдалъ.— О холерѣ по дорогѣ нигдѣ не слышно. Во Владимірѣ съ недѣлю тому назадъ былъ сильный пожаръ, отъ котораго сгорѣло 32 дома, въ томъ числѣ много хорошихъ купеческихъ. Тарантасъ мой чрезвычайно покоенъ, легокъ и нигдѣ не ломался, только здѣсь во Владимірѣ оказалась надобность перетянуть шины на переднихъ колесахъ. Впрочемъ, ѣхали мы не шибко: сначала потому, что лошади были плохи, а потомъ потому, что черезъ-чуръ было жарко, хотя лошади были и отличныя. Здѣсь я умылся, перемѣнилъ бѣлье и освѣжился молокомъ, по обыкновенію.

Приключеній со мной никакихъ не случилось, но Вы не повѣрите, съ какимъ чувствомъ благодарности и восторга принимаю я каждое новое впечатлѣніе, и, слава Богу, воспріимчивость къ впечатлѣніямъ природы все еще жива во мнѣ. Прощайте, пора. Будьте здоровы и бодры, цѣлую Ваши ручки, обнимаю и цѣлую братьевъ и сестеръ.

1848 года. Іюня 10-го. Четвергъ. Сѣрныя воды.

Наконецъ я здѣсь, милые мои Отесинька и Маменька! Въ теченіе этихъ десяти дней я столько проѣхалъ, столько, разнородныхъ впечатлѣній смѣнилось, одно за другимъ, что не вдругъ приведешь ихъ въ порядокъ, и я не знаю еще, съумѣю ли разсказать Вамъ все послѣдовательно.—Получили ли Вы мое письмецо изъ Владиміра? Въ этотъ день было такъ жарко, что я долженъ былъ выждать во Владимірѣ нѣсколько часовъ; видѣлъ проѣздомъ Золотые Ворота, но осматривать городъ не ходилъ; во Владимірѣ я ничѣмъ особенно не поразился, видѣлъ только пепелище послѣ пожара, отъ котораго сгорѣло 32 дома, самыхъ лучшихъ. Тутъ же кстати скажу, что выгорѣла Корсунь, вся; сгорѣлъ Алатырь, и въ Самарѣ сгорѣло также около ста, или болѣе, богатѣйшихъ купеческихъ домовъ. Во время моего пребыванія въ Симбирскѣ было подкинуто письмо о томъ, что и ему придется испытать тоже. Съ кѣмъ я ни говорилъ объ этомъ дорогою, всѣ убѣждены, что это—Поляки.—Но тѣмъ не менѣе я

вполнѣ наслаждался дорогою. Чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ богаче природа и лучше мужикъ; что за народъ во Владимірской губерніи! Живой, бодрый, великорослый, умный, дѣятельный, промышленный; богатыя, чистыя села, красивые наряды... Чудо, что такое! Черезъ Оку переправился я совершенно благополучно, такъ что это и нейдетъ къ такой большой рѣкѣ. Потомъ потянулись пески и пески, черезъ которые везли меня довольно плохо. Подъ Муромомъ встрѣтилъ я (какъ узналъ послѣ) Ѳ. В. Самарина, ѣдущаго въ каретѣ на девяти лошадяхъ. Наконецъ пришлось ѣхать мнѣ Муромскимъ лѣсомъ. Съ особеннымъ чувствомъ въѣхалъ я въ этотъ лѣсъ, всматривался въ него, оживлялъ его въ своей памяти. Все тихо и мирно. Миръ одолѣлъ всю русскую землю, и трудно вообразить себѣ здѣсь воинственную дѣятельность. Нельзя передать того впечатлѣнія, того чувства мира и простора (какъ счастливо выразился Константинъ, поставивъ рядомъ эти слова), тишины, безопасности, довѣрчивости и силы. Такое лишь положеніе лицомъ къ лицу съ этою природою, съ этимъ величіемъ простора и торжественностью мира, съ этою неистощимою, непреходящею красотою,—могло образовать человѣка, каковъ русскій крестьянинъ. Ни одна природа не можетъ быть такъ хороша, какъ наша. Горы хороши, но какъ-то односторонни; въ нихъ тѣсно. Та природа слишкомъ ярка и горда, другая черезъчуръ роскошна, страстна и сладостна и подчиняетъ себѣ человѣка,—но нигдѣ не носитъ она такого мирнаго характера; гдѣ найти такой простой красоты, такого безконечнаго простора, съ сознаніемъ, что все это наше, родное, что вездѣ дома, вездѣ Русь!.. Что и говорить! Бѣдный Нѣмецъ, живущій въ тѣснотѣ и лишенный этихъ впечатлѣній, въ тоже время лишенъ главнаго элемента, вошедшаго въ составъ русской души. Въ русскомъ полѣ трудно запѣть другую пѣсню, кромѣ русской: таже простота, таже безконечность, и даль, и ширина, тотъ же миръ и та же тихо и легко разнообразимая однообразность. И ни съ чѣмъ сравнить нельзя впечатлѣнія дороги, когда (правда, въ сухую погоду) вы легко катитесь по живой, мягкой дорогѣ (а здѣсь такъ почти по лугу), то спуститесь въ оврагъ, то взъѣдете на горы, и блестятъ вдали полосы, извивающіяся

рѣки, и природа развертываетъ ежеминутно свои неистощимыя красоты, и даль, сизая даль, открываетъ передъ вами свои таинства, по мѣрѣ вашего приближенія отодвигаясь и застилая новую даль. И посреди всего этого сидитъ на козлахъ, въ одной рубахѣ, царь и господинъ всего этого, русскій крестьянинъ; душа его свободно вмѣщаетъ въ себѣ эту природу... Въ Муромскихъ лѣсахъ везли меня пятерикомъ или, лучше сказать, шестерикомъ, я же платилъ за пять, и послѣднюю станцію, слишкомъ 30 верстъ, ѣхалъ я не песками, а объѣздомъ. Ямщикъ мой снялъ загородку, сдѣланную въ лѣсу, и поѣхалъ лѣсомъ такой дорогой, по которой ѣздитъ только телѣга полѣсовщика или порубщика. Объѣздомъ ѣхать гораздо дальше, но легче и скорѣе; быстро везли они меня черезъ бугры, кочки и пни, потомъ, выѣхавъ изъ лѣса и заложивъ снова перегородку, провезли нѣсколько верстъ по пескамъ и потомъ опять взяли въ сторону и поѣхали лугомъ. Но песками я уже поѣхалъ не такъ. Въ Нижегородской губерніи и въ Симбирской везутъ превосходно, за самую малую водку; лошади сытыя и сильныя, и народъ хоть не такъ промышленъ, но проще и, кажется, еще лучше Владимірскаго. Я ѣхалъ, не останавливаясь, развѣ только для того, чтобы похлебать молока и щей или напиться (разъ въ сутки) чаю. Чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ васъ это богатство даровъ природы. Огромныя нивы, луга не кошенные, тучность земли неунавоживаемой, многолюдныя села, такія, какихъ я не видалъ и во Владимірѣ, просторныя, немануфактурныя, но хлѣбныя, напримѣръ Промзино и т. п. Въ Промзинѣ я долженъ былъ остановиться часа на два: ночью пошелъ (и въ первый разъ дорогою) сильнѣйшій дождикъ; испортилась отъ него чудесная черноземная дорога, поднялся сильный и холодный вѣтеръ, колеса облѣпились землею и забрызгивали насъ грязью. Александръ, сидѣвшій въ это время подлѣ меня въ тарантасѣ, не знаю на что, смотрѣлъ въ оба глаза, и въ эту самую минуту ему ихъ залѣпило грязью до такой степени, что ни протереть, ни раскрыть глазъ не было возможности. Въ Промзинѣ какая-то лекарка вылизала ему глаза; а я межъ тѣмъ переодѣлся, умылся и перемѣнилъ бѣлье.—Уже въ Нижегородской губерніи начинаются горы

или, лучше сказать, постоянно сопровождаетъ васъ синяя окраина неба. Остроконечныхъ горъ нѣтъ, но огромныя покатости, на нѣсколько десятковъ верстъ, видныя отъ подошвы доверху, становятся въ дали прямой, отвѣсной линіей и кажутся сизою полосою на небосклонѣ,—но по мѣрѣ вашего приближенія взоръ усматриваетъ неясные очерки селъ, одного надъ другимъ, лѣсовъ и т. д.—Еслибъ не дождь съ Пятницы на Субботу и не остановка во Владимірѣ, то я бы пріѣхалъ въ Симбирскъ гораздо раньше; увидѣлъ его я за 18 верстъ и пріѣхалъ часу въ седьмомъ. Городъ очень опрятный; такимъ показался онъ мнѣ потому, что на дворѣ было очень сухо, но пыльный, не мощенный, не большой; наружности довольно обыкновенной, ничѣмъ ярко не отличающійся, не оживленный никакою особенною торговою дѣятельностью и только скрашенный чудеснымъ видомъ Волги, которая сверху вовсе не кажется такъ широка. Скоро я отыскалъ квартиру прокурора и зазвонилъ въ колокольчикъ, но Гриша самъ услыхалъ, какъ подъѣхалъ мой тарантасъ. Сергѣй всплеснулъ руками и чуть не заплакалъ отъ радости, увидавъ меня. Софья въ это время спала, но проснулась отъ шума и также съ крикомъ встрѣтила меня. Очень пріятно имѣть у себя на дорогѣ радостную встрѣчу!—Въ Симбирскѣ остался я не сутки, а двое; отговориться нельзя было никакъ, впрочемъ, едва ли бы и перевезли въ Воскресенье, потому что дулъ сильный вѣтеръ.—А я, ѣдучи по Симбирской губерніи, думалъ, что хорошо бы Вамъ пріѣхать сюда, милый Отесинька! Здѣсь-то, посреди мѣстъ, родныхъ Вашей душѣ, посреди этого богатства природы и благодатнаго простора, вдали отъ Москвы, можно успокоиться душою. Когда я ѣхалъ, мнѣ такъ хотѣлось перенесть Васъ всѣхъ съ собою въ эти чудные края. Я не помню, отчего Вы оставили намѣреніе переѣхать въ Троицкое, гдѣ бы Вы могли платить конторѣ за все забираемое. Убѣжденъ, что не только Вы, но и сестры порадовались бы переѣзду сюда на годъ или полтора. - Проведя двое сутокъ въ Симбирскѣ, въ Понедѣльникъ вечеромъ отправился я далѣе. Спустился съ этой ужасной горы, мѣшающей благосостоянію Симбирска (здѣсь въ грязную погоду берутъ для взвоза на гору до 50-ти рублей!), и съ Гришей, Набоковымъ и Гирсомъ сѣлъ въ лодку и такимъ обра-

зомъ мы переѣхали Волгу, которая, къ сожалѣнію, къ вечеру очень утихла. Подъ горою совсѣмъ другая жизнь.

Тутъ бурлаки и народъ барочный, удалой и разгульный... Хороша Волга! Въ Симбирскѣ самомъ нѣтъ холеры, но подъ горою она продолжаетъ гнѣздиться. Дорогою же я нигдѣ не встрѣчалъ ее.—Простившись съ Гришей, сѣлъ я опять въ тарантасъ, и лихой ямщикъ въ два часа ѣзды доставилъ меня въ Черданки. Знакомыя Вамъ мѣста, милый Отесинька? Ночью шелъ сильный дождикъ, который продолжался, съ перемежками, и на другой день. Отъ Черданковъ до Сѣрныхъ водъ везли очень плохо. Настоящихъ ямщиковъ и почтоваго тракта здѣсь нѣтъ, а ѣздятъ на вольныхъ, которые возятъ за тѣже прогоны. Отъ Черданковъ до Урзовы, отъ Урзовы до Шапталы, отъ Шапталы до Мелекесскаго завода (нынѣшній годъ уничтоженнаго), отъ завода еще куда-то и т. д. до Липовки, отъ Липовки до Сѣрныхъ водъ станціи пребольшія, такъ что я предполагаю разстояніе болѣе 200 верстъ; по случаю дождя, дорога была скользкая и трудная, лошади дрянныя, и я, какъ ни торопился, а пріѣхалъ на Сѣрныя воды въ ночь со Вторника на Среду, часу во второмъ. Было ясно, лунно и холодно, и запахъ сѣры еще издали охватилъ меня.—Здѣсь нѣтъ ни гостинницы, ни постоялыхъ дворовъ, а нанимаютъ квартиры или заранѣе, или же днемъ, въ сухую погоду; оставивъ тарантасъ на улицѣ, отправляются въ поиски. Но ямщикъ мой зналъ какого-то мѣщанина, который согласился впустить меня въ избу, а самъ, такъ какъ уже свѣтало, пустился съ Александромъ искать мнѣ квартиры. Порядочныхъ домовъ очень мало, а все больше избы, довольно чистенькія и небольшія. Скоро и самъ я отправился искать квартиру: та сквозитъ, та черезъ-чуръ тѣсна, въ той нѣтъ печки и ванника, тамъ хозяинъ больно не зажиточенъ, а для меня, какъ бездомовнаго, это обстоятельство очень важно. Наконецъ, нашелъ я Воейковыхъ, которые нанимаютъ порядочную квартиру, обклеенную бѣлою бумагой, съ двумя ваннами и платятъ за это 300 рублей. Съ ними бочка, лошадь, поваръ, люди и всякіе припасы. У ихъ хозяина на томъ же дворѣ, но совершенно особо, нашелъ я флигелечекъ, который и нанялъ за 115 рублей. Три перегороженныя комнатки: одна кабинетъ, другая спальня,

третья моего человѣка, четвертая ванникъ. Столъ—діэтный—будетъ у меня общій съ ними, за что я и буду платить третью часть; въ этомъ отношеніи для меня много удобствъ. Если, въ случаѣ сырой погоды, мнѣ нельзя брать ванны въ казенномъ заведеніи, ибо не позволяютъ тогда и выходить изъ комнаты, то мнѣ за бездѣлицу кучеръ привезетъ воды, котлы есть, и нагрѣть ее не трудно.—Я очень доволенъ своею квартиркой, хотя она, можетъ быть, и покажется Вамъ дорога. Деревянные стулья и лавки, голыя стѣны, кой-гдѣ облепленныя лубочными картинками,—все это очень скромно и хорошо. Вчера же видѣлся съ докторомъ, Пупыревымъ,—говорятъ, лучшимъ здѣсь. Онъ сказалъ, что необходимо мнѣ успокоиться и отдохнуть съ дороги, и съ завтрашняго дня велѣлъ начать воды.—Покуда я пребываніемъ своимъ на Сѣрныхъ водахъ доволенъ до чрезвычайности. Этотъ запахъ мнѣ очень пріятенъ, и весело глядѣть на чистые, холодные ключи, бьющіе изъ горы съ такою силою, по бѣлому дну; Вы знаете ихъ устройство, милый Отесинька, я Вамъ слегка его напомню. Сама деревня лежитъ на холмахъ и между горъ.

Кругомъ горы. Вверху садъ и разныя каменныя зданія, казармы, квартиры докторовъ и т. п. Тутъ же на горѣ, надъ самымъ сѣрнымъ прудомъ—каменный домъ—или лучше одна зала, назначенная для Собранія, которое еще не начиналось. Направо въ саду еще какое-то зданіе съ книжною лавкою, гостинницею (безъ нумеровъ), бильярдомъ и т. п., что все еще не открывалось. — Видъ оттуда превосходный. Внизу лѣстница, сходящая уступами къ ключамъ, терраса,—ниже ихъ прудъ, образуемый сѣрными ключами, прудъ, изъ котораго вытекаетъ такъ называемая *молочная рѣка*. По обѣимъ сторонамъ пруда казенныя строенія для ваннъ; за прудомъ паркъ, довольно большой и тѣнистый, въ немъ протекаетъ эта молочная рѣка и, кажется, соединяется съ Сургутомъ. За паркомъ—луговина, горы и вдали извивается многоводный Сургутъ. Мѣстоположеніе очень хорошо. — Странное дѣло! Эти мѣста уже не русскія: всѣ названія татарскія, да и заволжскій мужикъ не то, что приволжскій, просто дрянь, въ сравненіи съ нимъ. Вы чувствуете, что онъ переселился сюда какъ-то наскоро и не пускаетъ самобытнаго роста. Де-

ревни устроены кое-какъ, безо всякихъ рѣзныхъ украшеній русской деревни, языкъ его не такъ бодръ и чистъ, онъ признаетъ бойкое превосходство надъ собою мужика *верховаго*; спрашиваю я возчика своего: сколько верстъ до станціи?—Не знаетъ.—Сколько тебѣ нужно прогоновъ? не знаетъ.—Какая рѣка?—А Богъ ее знаетъ, я здѣсь всего два раза; ѣздитъ плохо и не чувствуетъ услажденія въ лихой ѣздѣ, какъ верховой ямщикъ. По крайней мѣрѣ этимъ поражался я, переѣхавши черезъ Волгу и ѣдучи на Сѣрныя воды... Но несмотря на то, всѣ эти мѣста живутъ русскимъ умомъ, русскою мыслью, и русскій характеръ болѣе или менѣе сообщается и природѣ. По крайней мѣрѣ эта природа, несмотря на сознаніе отдаленности ея отъ центра Россіи, не чужда мнѣ нисколько и не чужда русскому мужику, русской жизни и русской пѣснѣ. Востокъ, видно, намъ болѣе сродни, нежели Западъ.—Простора здѣсь еще больше. Какъ хороши эти мягкія, зеленыя степи, этотъ ковыль съ такимъ живописнымъ названіемъ, наконецъ мною увиданный, этотъ черноземъ, тучный и жирный, эти многоводныя рѣки... Да, милый Отесинька, вспомнилъ я Ваше описаніе: вѣрно и живо передаетъ оно этотъ край. Въ этомъ можно убѣдиться, посѣтивъ его. Не видалъ только я ни Башкиръ, ни Калмыковъ, ни Татаръ. Проѣзжалъ я черезъ Черемшанъ! Хотѣлось бы мнѣ побывать здѣсь вездѣ съ Вами.—Сѣрныя воды—мѣсто преоригинальное. Это не деревня: крестьянъ почти нѣтъ, они не пашутъ, не сѣютъ; не городъ, ибо здѣсь нѣтъ ни присутственныхъ мѣстъ, нѣтъ торговли и купечества постояннаго, не мѣстечко,—а имѣетъ однакоже полицеймейстера съ двадцатью человѣками команды; — 157 домовъ (кромѣ флигелей),—людей разнаго сословія,—и ни одного инструмента пожарнаго, ни старосты, ни гражданскаго чиновника. — Теперь съѣхалось до 50-ти семействъ; тутъ считается и всякій, тутъ и я иду за семью. Но изъ нихъ ни одного замѣчательнаго или порядочнаго. Знакомиться покуда не видно необходимости, и я, да и Воейковы даже рѣшительно незнакомы еще ни съ кѣмъ. Впрочемъ, прошлаго года было здѣсь до 300 семействъ, съѣхавшихся изъ Казани, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Пензы, Челябинска, Мензелинска и другихъ знаменитыхъ мѣстъ.—Музыку (ра-

зумѣется, крѣпостную) доставляетъ Дмитрій Путиловъ, еще не пріѣхавшій. Собраніе устроивается по подпискѣ, съ которою обходитъ, вѣроятно, полицеймейстеръ. Разгаръ весь начинается съ Іюля. — Здѣсь московскій Ал... съ женою (музыкантъ), наружности препустой; доволенъ, какъ мѣдный грошъ, тѣмъ, что примируетъ здѣсь; какіе-то Ру—вы изъ Нижегородской губерніи, съ молодымъ человѣкомъ въ очкахъ, говорящимъ по-Французски и по-Нѣмецки; какіе-то Кр—вы; все это рожа на рожѣ, и, если уже держаться законовъ общества, т. е. если не ходить съ бородой и въ зипунѣ,— то придется сказать съ Хлестаковымъ, что «ужасный моветонъ». Всѣ они проходятъ мимо меня церемоніальнымъ маршемъ, подвергаясь со всѣхъ сторонъ моему покуда сгоряча— жадному наблюденію. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удобнѣе: я пользуюсь совершеннымъ уединеніемъ, ибо ничего не имѣю общаго съ этими людьми, когда же захочу разсѣяться, то сотни людей фиглярятъ и фигурируютъ предо мною, раскрывая всѣ свои стороны. — Здѣсь какая-то старуха Тахтарова, узнавъ, что Воейковы здѣсь, прислала за ними, объявивъ себя нашею родственницею, называя Тимоѳея Степановича дядюшкою и т. д. Ей сказали, что и я здѣсь, она пожелала и меня видѣть. Вотъ я и зашелъ нынче къ ней: грязная, болтливая и, разумѣется, добрая старушонка, съ нашлепкой на носу, пустилась называть всѣхъ насъ и всю нашу родню по именамъ.—Здѣсь до сихъ поръ стоитъ домъ, въ которомъ живала бабинька и въ которомъ, вѣроятно, и Вы бывали не разъ, милый Отесинька. Не знаю, была ли маменька на Сѣрныхъ водахъ?—Мнѣ нравится республиканскій видъ этого сборища, въ которомъ можно быть совершенно независиму и самостоятельну и уединенну, и въ тоже время не одному. За стихи покуда не принимался, но все устроивался, знакомился съ мѣстностью, ходилъ на горы: змѣй не видалъ.—Нынче принялся я пить сѣрныя воды; ванну беру завтра. Вода показалась мнѣ такъ вкусна, что я готовъ бы пить ее изъ одного удовольствія; съ ваннами скучно то, что надобно болѣе или менѣе беречься, а погода не совсѣмъ хороша. Вчера, въ то время, какъ я вамъ писалъ, лилъ ливень и бушевала сильная гроза. Грозы здѣсь всегда сильны; еще слышнѣе сталъ запахъ; гроза прошла,

къ вечеру разъяснилось, и нынче ясный, но прохладный день. Надобно еще съѣздить на Нефтяное и Голубое озера... Каждый день пріѣзжаютъ новыя лица, помѣщики съ отчаянными фигурами, изъ мѣстъ, звучащихъ свирѣпо-татарскими названіями... Ни одной живой, умной, человѣческой физіономіи! Впрочемъ, есть нѣсколько Казанскихъ студентовъ.—Право, глядя на эти лица, есть надъ чѣмъ задуматься. Вѣдь это все люди же, съ душою человѣческой, или по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ же матерьяломъ, и въ этой пошлости, плоскости, грязи повторяются тѣ же законы человѣческой природы, не въ одномъ физическомъ отношеніи. Но, кажется, есть одно время или одна минута, не пошлая среди этой жизни: это молодость, ранняя молодость. И для меня особенно интересна эта минута въ каждомъ изъ нихъ, а еще болѣе въ дѣвушкѣ, какимъ бы пошлымъ уродомъ она теперь ни смотрѣла. Была же въ ней минута, когда—вращаясь въ дичи, повторяя дичь, она была хороша уже тѣмъ, что носила въ себѣ молодую душу.—Тогда слышится какая-то искренность въ самой этой пошлости, по крайней мѣрѣ искреннее стремленіе, хотѣніе, рвеніе души. Прощайте! Когда-то я получу отъ Васъ извѣстіе.

17-го Іюня 1848 года. Четвергъ. Сѣрныя воды.

Пишу къ вамъ наканунѣ, милые мои Отесинька и Маменька, потому что завтра поутру ѣду съ Воейковыми осматривать Нефтяное и Голубое озера. Вчера поутру получилъ я Ваше письмо, посланное изъ Москвы 5-го Іюня: слѣдовательно, оно пришло ко мнѣ въ одиннадцатый день. Это гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ; не знаю только, такъ же ли скоро ходитъ почта отсюда. Получили ли Вы мое большое письмо? Гдѣ-то Вы теперь? Спокойно ли все у Васъ?... Какъ часто думаю я объ Васъ, милый Отесинька, именно въ этой сторонѣ! Хотѣлось бы мнѣ хоть на мигъ перенесть сюда всѣхъ нашихъ, показать имъ этотъ просторъ и луговое приволье, о которомъ они и понятія не имѣютъ!... Теперь обращусь къ своему житью-бытью. Время здѣсь проходитъ такъ однообразно, такъ тихо и мирно, что мало особенностей оставляетъ въ памяти. На этой недѣлѣ съѣхалось до-

вольно много: полиція считаетъ 105 семействъ, но семействъ дворянскихъ не болѣе тридцати. Тутъ Чемадуровы, Чагодаевы, Куроѣдовы, Кропотовы, Щербаковы, Пальчиковы и пр. и пр., все это, большею частію, изъ Елабуги, Стерлитамака, Малмыжа и т. п. мѣстъ. Много молодыхъ людей изъ Казани, одѣтыхъ по послѣдней модѣ; почти не слышишь другаго языка, кромѣ Французскаго. Дамы наряжаются въ запуски, мѣняя платья поутру и ввечеру, но Собранія еще не открывались. Все еще мало съѣзда, но дѣло въ томъ, что все это общество какъ-то врозь, туго знакомится и, какъ вездѣ почти у насъ, *выглядитъ* медвѣдемъ. Я самъ ни съ кѣмъ не познакомился, да и не вижу надобности, и не съ кѣмъ. Встаю въ шестомъ часу утра, одѣваюсь, отправляюсь на воды, черпаю стаканомъ, своимъ собственнымъ, поставленнымъ въ кружокъ съ палочкой, воды изъ источника и отправляюсь ходить по аллеямъ. Гуляющихъ еще мало, постепенно они собираются,—но садъ великъ, и хоть и встрѣчаюсь со всѣми непремѣнно разъ въ день, но проходимъ мимо другъ друга не кланяясь, а я не знаю даже и одной трети фамилій, пребывающихъ здѣсь. Походивъ четверть часа, опять на помостъ, устроенный около источника, который самъ обдѣланъ камнемъ и подъ помостомъ протекаетъ въ прудъ. Такимъ образомъ выпиваю я поутру 4 стакана и потомъ отправляюсь въ ванники, тутъ же, около саду, гдѣ беру ванну въ 29 градусовъ и сижу въ ней полчаса, послѣ чего опять подымаюсь на гору и прихожу домой или къ Воейковымъ пить чай. Послѣ чаю мы расходимся и сходимся опять въ часъ, къ обѣду. Въ этотъ промежутокъ времени я сижу дома; окошко открыто, но на улицѣ никого не видно; пишу, читаю, думаю, бездѣйствую... Въ часъ обѣдаемъ. Обѣдъ самый умѣренный и діэтный, безъ приправъ. Послѣ обѣда я опять ухожу къ себѣ, а въ пятомъ часу отправляюсь опять на источникъ, гдѣ повторяю тоже, что поутру, выпиваю 4 стакана, но ванну беру градусомъ слабѣе и четверть часа. Послѣ того опять чай; послѣ чаю гуляю до поздняго времени,—въ одиннадцатомъ часу ложусь въ постель и читаю. Видите, какъ проходитъ время. Изъ пріѣзжихъ нѣтъ никого, кто бы возбудилъ во мнѣ охоту познакомиться съ нимъ. Не только нѣтъ красавицы, но даже

ни одной въ полномъ смыслѣ хорошенькой. Есть двѣ, три искреннихъ дѣвичьихъ физіономіи, очень и очень молодыхъ; видно, что это ихъ первый выѣздъ, и Сѣрныя воды кажутся имъ Богъ знаетъ какимъ большимъ свѣтомъ. Искреннее удовольствіе блеститъ въ глазахъ, а это всегда пріятно видѣть, хотя самъ и не раздѣляешь этого и хотя это и указываетъ на нѣкоторую пустоту души и кривое направленіе. Вообще я люблю видѣть всякую искреннюю радость и чужое счастіе, удивляясь этой способности и зная, что скоро миновать этому, и кривое направленіе выпрямитъ жизнь своими строгими уроками. Можетъ быть, эта пустая барышня, которая такъ пошло выражается, что душа выворачивается,—которая всегда такъ же пошло будетъ разсуждать и вести разговоръ,—явится героиней въ домашней жизни, осуждена на тяжкія испытанія, возвеличивающія человѣка. Чудное дѣло—совокупность жизней отдѣльныхъ лицъ, съ ихъ началомъ и концомъ въ общей жизни человѣчества. Человѣчество! Признаюсь, произнося это слово, я нерѣдко представляю себѣ вдругъ все собирательное количество, выражаемое этимъ именемъ, стараясь вывести хоръ общей жизни изъ всѣхъ этихъ жизней... Можетъ быть, и теперь, въ какой-нибудь квартиренкѣ на Сѣрныхъ водахъ (онѣ не заслуживаютъ названія дома) совершается мудрая драма,—но мнѣ это до сихъ невѣдомо и покуда наблюденію моему не было особенной пищи, тѣмъ болѣе что я не новичекъ и многое видѣлъ. Все это очень порядочно, скромно,—фраки, сюртуки и пальто безукоризненны; конечно, есть нѣкоторыя проруxи, являются кое-какіе спенсеры особеннаго вида, ну да этого немного... Мнѣ даже это грустно, даже досадно, что всѣ здѣсь хорошо одѣваются (хоть и не совсѣмъ изящно, но это даръ, не всѣмъ принадлежащій), вопервыхъ, потому, что не надъ чѣмъ добродушно посмѣяться, вовторыхъ, потому, что уязвленные насмѣшками писателей надъ ихъ костюмомъ, провинціалы выписываютъ себѣ платья и шляпки изъ Москвы, Петербурга и Парижа и тратятъ огромныя деньги, наконецъ, потому, что всѣ они почли себя вполнѣ удовлетворенными по части просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что всѣ говорятъ, хорошо или дурно, по Французски. Пустота и тщеславіе пустаго, малоцѣннаго разбора, выражаются почти на всѣхъ лицахъ,

особенно у дамъ. Самое лучшее доказательство, что здѣсь 4 модныхъ магазина!!! Но скверно ѣдятъ, нельзя найти ни зелени, ни порядочной телятины, ни книгъ, ни журналовъ. Я живу совершенно скромно и тихо, никто меня не посѣщаетъ и вообще не произвожу никакого эффекта, за то и самъ, среди этого незнакомства, совершенно свободенъ и безцеремоненъ. Пальто мой одинъ и тотъ же, сигарка во рту, палка въ рукахъ, и мнѣ рѣшительно все равно, какое бы они обо мнѣ заключеніе ни сдѣлали. Впрочемъ, Воейковы живутъ точно такъ же и ни съ кѣмъ не знакомятся и съ Пу—вымъ рѣдко видятся. Да! вотъ я и забылъ сказать Вамъ про слона здѣшняго. Сюда пріѣхалъ Д. А. Пу—въ. Вы про него, конечно, слыхали? У него здѣсь нѣсколько домовъ, все обзаведеніе и даже оркестръ (впрочемъ, очень плохой) изъ собственныхъ людей. Онъ богатѣйшій помѣщикъ и тузъ Самарскаго уѣзда, холостъ, лѣтъ 50-ти, дюжій, широкоплечій, толстый, черный, складомъ похожъ на Собакевича, служитъ по коннозаводству, имѣетъ въ распоряженіи своемъ всѣ казенныя конюшни уѣзда и по этому случаю носитъ военный сюртукъ и бакенбарды посреди щеки отъ виска до верхней губы. Кстати тутъ сказать, что изобиліе усовъ въ здѣшнемъ краю приводитъ меня просто въ отчаяніе. Носятся слухи, что онъ былъ подъ судомъ за то, что убилъ крѣпостнаго своего человѣка до смерти и оставленъ по этому предмету въ подозрѣніи; былъ подъ судомъ и за то, что въ молодости еще, собравъ всѣхъ горбатыхъ по уѣзду, пріискавъ имъ горбатыхъ невѣстъ, обвѣнчалъ ихъ въ церкви и потомъ сдѣлалъ имъ балъ. Теперь онъ покровитель мелкопомѣстныхъ, предъ нимъ раболѣпствующихъ, отчаянный либералъ, тузъ и лихой баринъ; имѣетъ сверхъ того репутацію остроумнаго насмѣшника и злаго языка; пишетъ стишки. Вотъ свѣдѣнія, какія я объ немъ имѣю; самъ я его видѣлъ раза три въ саду или на улицѣ, но съ нимъ незнакомъ. На лицѣ выражается самодовольство и холодная увѣренность, самодовольно же острящая на счетъ другихъ, разумѣется, не всякихъ. Острота холодная, спокойная и глупая! Хорошъ гусь? Раза два или три угощалъ онъ въ саду музыкой. Онъ и Ал—въ два хозяина и распорядителя Сѣрныхъ водъ. Нынѣшній годъ не совсѣмъ удаченъ для нихъ,

но прошлаго или третьяго, года, когда весь Симбирскъ перенесся сюда на лѣто, сезонъ былъ, говорятъ, блистательный. За то зимой—скука смертная, все занесено снѣгомъ, тишина гробовая. Здѣсь до 300 домовъ, и хозяева, немилосердно грабящіе, наживаются лѣтомъ и всѣ очень богаты, а между тѣмъ деревянная церковь въ такомъ плачевномъ состояніи, что Вы и представить себѣ не можете. Стыдъ жителямъ, стыдъ сосѣднимъ помѣщикамъ!... Въ Воскресенье я заходилъ къ обѣднѣ: изъ пріѣзжихъ никого! Скоты! Надобно признаться, что какъ ни хороша окрестная природа, но чувствуешь, что это нерусская сторона; по крайней мѣрѣ такъ здѣсь на Сѣрныхъ водахъ. Мужикъ прилежнѣе и честнѣе, да глупъ и размазня; не услышишь ни русской бодрой рѣчи, ни русской пѣсни, не видишь бодраго русскаго лица... Хотѣлось бы видѣть Башкиръ, Киргизовъ и даже Калмыковъ, но ихъ никого уже здѣсь нѣтъ.—Я продолжаю писать *Бродягу;* листъ стиховъ написалъ, но этого мало. Мнѣ хотѣлось бы очень, да едвали, кончить здѣсь первую часть. Казалось бы ничто не мѣшало!. Читаю и перечитываю здѣсь разныя книги, Донъ-Кихота, Гомера, Тысячу и одну ночь... Нѣсколько дней стоитъ чудная погода. Вѣтеръ самый теплый, удушливый, въ сумерки стихаетъ, и нынче рѣдко хорошій вечеръ. Я пересталъ писать письмо и пошелъ походить: кой-кто гуляетъ по улицамъ,—пришелъ къ саду,—никого! Внизу прудъ—какъ зеркало, отражаетъ деревья и зданія и небо, а шумъ паденія сѣрной воды, проведенной черезъ желоба, непрерывенъ. Мѣсто это чудесное, я хотѣлъ бы срисовать его. Теперь бы музыку, пѣніе и изъ здѣшнихъ никто о томъ и не думаетъ, никто и не навѣститъ сѣрныхъ ключей поздно вечеромъ, въ тишину. При теплотѣ запахъ очень силенъ всюду, циферблатъ моихъ часовъ почернѣлъ, но золото, благородный металлъ, не чернѣетъ!—Я себя очень хорошо чувствую и ожидаю отъ водъ непремѣнной пользы. Еслибъ только мнѣ знать, что все у Васъ хорошо! Дай-то Богъ! Прощайте, милая моя Маменька и милый Отесинька!

1848 года. Іюня 25-го. Пятница. Сѣрныя воды.

Хотя послѣдняя почта и не привезла мнѣ отъ Васъ писемъ, но на этой недѣлѣ Гриша переслалъ мнѣ съ оказіей письмо Ваше къ нему отъ 7-го Іюня, наканунѣ Вашего переѣзда въ деревню. Вѣрно этотъ переѣздъ совершился, иначе бы я получилъ письмо. Чтò Вы, какъ Вы провели эти дни? Такая ли же у Васъ жаркая погода? Здѣсь погода чудесная: по 29-ти градусовъ въ тѣни, а по вечерамъ часто бываютъ сильныя грозы и теплые лѣтніе дожди. Какъ я счастливъ, что это еще все Іюнь, что впереди еще цѣлый мѣсяцъ тепла. Ахъ, лѣто, лѣто! Нынѣшняя недѣля во многомъ разстроила мой образъ жизни и мое уединеніе. Пріѣхалъ Соллогубъ. Онъ встрѣтилъ меня на источникѣ, узналъ меня и аттаковалъ. Мы пустились съ нимъ въ споры и разговоры. Онъ въ восторгѣ отъ пятаго акта драмы Константина, но утверждаетъ, что это не драма. Драма или не драма, это споръ въ словахъ, ибо надо знать, чтò разумѣютъ подъ словомъ драма; я считаю, что это драма, но Соллогубу однакожъ многое въ ней осталось недоступно; онъ говоритъ также, что Константинъ взялъ только одну хорошую сторону русскаго народа, а не всѣ, и поэтому драма немного блѣдна и пр. и пр. Когда я спросилъ его о его драмѣ, такъ онъ отвѣчалъ, что бьется надъ нею почти уже два года, но что ему страшно выдти съ нею на судъ Славянофиловъ, которые уже до такой степени обругали его «и подѣломъ», прибавляетъ онъ, что рѣшительно его обезкуражили. Я сказалъ ему много правды въ глаза, сказалъ, что всѣ его прежнія произведенія нисколько не художественныя, а *галантерейныя;* что въ драмѣ его не будетъ доставать бездѣлицы: любви къ Руси и искренности.—Онъ вполнѣ согласился со всѣмъ, что касается до прежнихъ его сочиненій, говоритъ, что ему бы хотѣлось наконецъ оставить за собой трудъ добросовѣстный, прочный, что хотя его повѣсти и доставили ему успѣхъ, но внутри себя онъ имъ дорожить не можетъ, и признаетъ справедливость нашихъ упрековъ, хотя не раздѣляетъ политическихъ убѣжденій (какъ будто политическія убѣжденія у насъ могутъ быть независимо ото всего взгляда на жизнь, и это не одно и тоже!).

Дѣло въ томъ, что онъ никакъ не можетъ совлечь съ себя аристократа и человѣка большаго свѣта. Видно однакожъ по всему, что онъ ничѣмъ такъ не дорожитъ, какъ мнѣніемъ Москвы, и очень огорченъ нашими отзывами. Онъ оправдывался такъ, что просто было смѣшно! Я ему сказалъ, что покуда онъ хоть сколько-нибудь будетъ тянуть къ Петербургу, онъ ничего порядочнаго не сдѣлаетъ, а жаль, потому что онъ съ талантомъ, который теперь... «пустой и испорченнаго направленія». «Правда!» перебилъ онъ, «что дѣлать, чувствую самъ, да не могу сладить!»—Божится и клянется, что онъ не подлецъ, какъ мы думаемъ въ Москвѣ; а я ему доказывалъ, что въ Петербургскомъ свѣтѣ камеръ-юнкеру, какъ ему, трудно обойтись безъ маленькой подлости, и указывалъ ему на нѣкоторыя его сочиненія и дѣйствія. Обстоятельства его разстроены очень и онъ хочетъ зиму съ семействомъ провести въ Москвѣ, но боится. Вообще я скажу, что онъ умный человѣкъ и все же нѣсколько до сихъ поръ «Дерптскій Студентъ,» такъ что съ нимъ очень безцеремонно и какъ-то трудно не высказать ему правды. Я попросилъ его прочесть драму,—онъ долго не рѣшался, требуя снисхожденія, дѣлалъ по крайней мѣрѣ часъ оговорки противъ разныхъ недостатковъ его драмы и просилъ меня придти къ нему завтра и разбудить его часовъ въ восемь утра, вмѣсто двѣнадцати. Я такъ и сдѣлалъ, и онъ прочелъ мнѣ два акта своей драмы—первый и четвертый. Невѣрностей историческихъ (больше фактическихъ) много, но онъ удачно выбралъ время: при царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ, когда бытъ боярскій гнилъ и былъ испорченъ до нельзя, весь проникнутый гордостью, кичливостью и въ тоже время принявшій нѣкоторые элементы уже чужіе. Дѣйствительно, гнусность этого боярскаго быта и привела переворотъ Петра. Такую вещь изобразить было ему сподручнѣе и она у него довольно хороша. Онъ такъ уменъ, что не рѣшился во всей драмѣ выставить ни одного русскаго мужика; крестьянина, народа у него нѣтъ. Вся драма происходитъ въ верхнемъ наплывѣ. Кромѣ бояръ—въ драмѣ дѣйствуютъ стрѣльцы, бунтующіе противъ бояръ, расхищавшихъ царскую казну и бравшихъ съ нихъ взятки. Стрѣльцы у него просто разбойники, и какъ разбойники, они удачно, хорошо изображены. Ихъ шутки,

слова, прибаутки, ихъ какъ-то самъ собою возникающій бунтъ, все это стоило ему многихъ, долгихъ трудовъ. Славныя есть тутъ у него пословицы. Напримѣръ: «Не всякъ злодѣй,кто часомъ лихъ!» Или: «на крѣпкій сукъ точи топоръ!" Хорошо!—Но стрѣльцы вовсе не освѣщены настоящимъ свѣтомъ своего значенія,—даже не видно въ нихъ привязанности къ старинѣ, къ старообрядчеству. Просто балованный народъ, вродѣ царской дворни, между тѣмъ какъ они имѣли и другой смыслъ. Впрочемъ, не надо забывать, что это дѣйствительно было не *земское* войско. Эффекты на каждомъ шагу и, при его знаніи сцены, они дѣйствуютъ удачно и сильно, особенно четвертый актъ, который онъ читалъ въ источный голосъ, просто раздражаетъ нервы, такъ что, кончивъ его, онъ самъ такъ и повалился на кровать. Но завязка битая, старая, французская! Онъ самъ это чувствуетъ, хотя и не такъ ощутительно, какъ я, но говоритъ, что не хватаетъ таланта и силъ; онъ постоянно поправляетъ, обдѣлываетъ, записалъ многія мои замѣчанія, особенно относительно языка, потому что слухъ мой всегда оскорблялся выраженіями, встрѣчающимися у него не въ духѣ того времени. Словомъ, есть хорошія мѣста, много психологической вѣрности въ отношеніи характеровъ, отдѣльно взятыхъ, много труда, и при всемъ томъ цѣлое—плохо и пропасть французскаго «шику», т. е. эффектной дряни, но при всемъ томъ умно. Право, и смѣшно и жалко было видѣть, какъ человѣкъ этотъ, будучи слишкомъ уменъ и самолюбивъ для того, чтобъ довольствоваться настоящимъ своимъ пустымъ значеніемъ, бьется, какъ рыба, объ ледъ, стараясь создать что-нибудь прочное и на русской почвѣ. Константина онъ такъ боится, что, кажется, и не очень его долюбливаетъ, хотя твердитъ о своемъ уваженіи къ нему. Я высказалъ ему всю правду, но за то, впрочемъ, всегда хвалилъ его талантъ, браня его произведенія и пустое, ложное направленіе.—Послѣ обѣда явился онъ ко мнѣ слушать бродягу, которымъ, а въ особенности сценою бурмистра въ деревнѣ, такъ восхитился, что заставилъ перечесть нѣсколько разъ, выучилъ почти наизусть, обнималъ и на другой день написалъ мнѣ посланіе въ стихахъ. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ первыхъ его восклицаній было: «батюшка, спасите себя

отъ односторонности славянофильской, отъ вліянія Хомякова и Константина Сергѣевича!“ Я ему сказалъ, что если есть что хорошее, такъ этимъ я обязанъ московскому направленію, но что тѣмъ не менѣе я совершенно независимъ, и не надѣлъ бы русскаго платья, да и къ жизни нахожусь въ другихъ отношеніяхъ. Въ посланіи довольно плохомъ, впрочемъ, онъ пишетъ о томъ, чтобы не было у меня исключительной привязанности къ Руси, что поэтъ долженъ любить всю вселенную и вѣщать міру не вражду, а сокровенные голоса природы и пр. и пр. и вообще не безъ чепухи. Онъ говоритъ между прочимъ: *„души святаго зеркала враждою не тумань“*.—На это я ему отвѣчалъ также посланіемъ, насильно написаннымъ, также немножко старымъ, избитымъ. Первыя строфы очень натянуты и холодны. Сначала я говорю ему, что хороша природа, красиво бѣгутъ рѣки на землѣ, но Волга красивѣе ихъ, и я по неволѣ люблю ее больше; такъ и Русь, которую люблю преимущественно по той же причинѣ, не только, какъ русскій. Говоря про созерцаніе природы, я объясняю, что покойное созерцаніе природы, такъ ясно отражающееся въ русской пѣснѣ, мудрено для насъ, разорвавшихъ связь съ народомъ, и что вообще слишкомъ скверно кругомъ насъ,—тутъ и ему досталось въ этой строфѣ, вотъ она:

И негодуетъ духъ поэта,
Тѣснимый горестно кругомъ
Всей этой челядью паркета,
Несущей мракъ, съ названьемъ *„свѣта*,
На нашу Русь, на Божій домъ!—

Обращаясь къ нему, я говорю и кончаю такъ:

. . . .
. . . .
Къ тебѣ же рѣчь теперь иная:
Зачѣмъ, ошибку сознавая,
Такъ малодушна жизнь твоя?
Зачѣмъ, подъ властью чужестранной,
Тщеславной, мелкой красоты,
Досель талантъ, отъ Бога данный,

Растить на почвѣ бездыханной
Недолговѣчные цвѣты?
Пора! Мы ждемъ опроверженья
Упрековъ горькихъ...

И этимъ закончилъ. Согласитесь, что не совсѣмъ льстивые стихи. «Что-жъ это вы ругаетесь», сказалъ онъ мнѣ и, хотя и объяснилъ мнѣ, что видитъ въ этомъ знакъ уваженія и расположенія къ себѣ, однакоже не показалъ этого отвѣта никому, даже изъ тѣхъ своихъ здѣшнихъ знакомыхъ, которымъ онъ читалъ свое посланіе ко мнѣ и разные мои стихи. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, онъ уѣхалъ въ свою деревню, взявъ съ меня слово заѣхать къ нему на обратномъ пути, потому что это совершенно по дорогѣ и не составляетъ ни малѣйшаго крюка, какъ онъ увѣряетъ, именно, вмѣсто Мелекесъ, на которые я ѣхалъ, надо ѣхать на Новую Майну. Я, впрочемъ, еще недоумѣваю,—сдержать ли слово или нѣтъ; деревня же его всего 120 верстъ отсюда. Онъ познакомилъ меня здѣсь съ Ал—вымъ и Пу—вымъ. Ал—въ явился ко мнѣ съ нимъ и, слышавъ нѣкоторыя мѣста изъ бродяги, повторяетъ ихъ кстати и не кстати и перевираетъ ужасно. Соллогубъ хвалитъ очень его неизданную оперу Амалатъ-Бекъ. Я познакомился также и съ его женою. Ал—въ—артистъ стараго обтёса; практическаго знанія жизни никакого, образованія плохаго и вообще, кромѣ таланта, пустой человѣкъ, также какъ и жена его, и оба ума довольно ограниченнаго. Впрочемъ, жену я еще мало знаю. Въ молодости онъ былъ, какъ и всѣ тогдашніе артисты, горячій кутила, любитель пирушекъ и попоекъ. Теперь ему за 50 лѣтъ,—лѣта, болѣзни и несчастія остепенили ого и сдѣлали добрымъ и мягкимъ. Это я видѣлъ изъ обращенія его съ людьми и вообще съ бѣднымъ классомъ народа. Здѣсь добылъ онъ гдѣ-то рояль и много занимается музыкой: въ домѣ ни одной книги, а все ноты. Жена его все проситъ меня, чтобы я ей прочелъ *Бродягу* и другіе свои стихи, собираясь заранѣе придти въ восторгъ, подъ вліяніемъ авторитета Соллогубова, но я еще не исполнилъ ея желанія. Охоты нѣтъ, тяжело и совѣстно, да и непріятно читать, когда чувствуешь, что̀ слово отскакиваетъ отъ

души, какъ горохъ отъ стѣны. Пу — въ же въ десять разъ любопытнѣе Ал — ва. Вообразите, что этотъ человѣкъ не только не глупый, но даже умный и чрезвычайно начитанный. Пропасть знаетъ и все слѣдитъ, но избалованный помѣщичьимъ самовластіемъ и раболѣпствомъ Самарскихъ жителей донельзя, доволенъ тѣмъ, что есть; всѣхъ богаче и всѣхъ умнѣе, онъ потѣшается надъ ними, ругаетъ ихъ всѣхъ въ глаза, особенно же чиновниковъ, которые въ отмщеніе сочиняютъ на него доносы, никого не боится, пишетъ на ихъ счетъ стишки (а стихомъ онъ владѣетъ довольно хорошо) и живетъ однакоже съ ними! Слава Богу, онъ холостъ; братца своего Аристарха, кажется, не очень высоко цѣнитъ, Николая Тимоѳеевича и Гришу превозноситъ всюду до небесъ. Я узналъ, и со стороны, что всѣ бѣдные помѣщики находятъ будто бы въ немъ опору и защиту, и что онъ постоянный, громкій обличитель служебнаго мошенничества. Не знаю, въ какой степени это правда, но самъ онъ ораторствуетъ о правосудіи и добрѣ и ругаетъ мошенниковъ съ большимъ, большимъ чувствомъ; впрочемъ, и Гоголевскій городничій тоже! Кто ихъ разберетъ! Дрянеиъ человѣкъ. Либеральничаетъ отчаянно, а необыкновенно радъ, что имѣетъ возможность надѣть мундиръ, и счастливъ тѣмъ, что Николай Тимоѳеевичъ представилъ его къ кресту!.. Во всякомъ случаѣ этотъ субъектъ любопытенъ для изученія.—Познакомился по неволѣ, отъ закуриванія сигаръ и т. п. съ нѣкоторыми мужчинами,—вотъ и все мое знакомство. Дамъ, кромѣ Ал — вой, никого не знаю. — Начались собранія, т. е. каждый вечеръ въ галлереѣ играетъ музыка и охотники танцовать танцуютъ. Съѣздъ довольно великъ, но въ половину менѣе прошлогодняго; изъ дамъ ни одной хорошенькой, а о дѣвушкахъ и говорить нечего. Пріѣхали было сюда родственники, какъ сказали мнѣ Воейковы, какіе-то Самойловы, и дрогнуло мое сердце, но, слава Богу, почему-то черезъ нѣсколько дней уѣхали, не успѣвъ познакомиться съ нами; но вотъ отчего беретъ страхъ: скоро должны ринуться ко мнѣ съ распростертыми объятіями Ногаткины. Говорятъ, что скоро пріѣдутъ сюда. Да, я и забылъ. Третьяго дня былъ здѣсь Аркадій Тимоѳеевичъ, на обратномъ пути въ Москву. Пробылъ здѣсь всего часъ и, перемѣнивъ лошадей, отпра-

вился въ Симбирскъ. Онъ здоровъ, торопится къ своимъ и проѣдетъ прямо въ Пущино, говоря, что увидится съ Вами, можетъ быть, не ближе Сентября, почему и отдалъ мнѣ лесу, сработанную Ногаткинымъ. — До сихъ поръ не удалось мнѣ поудить.—То дождикъ, то вѣтеръ, а главное расположеніе часовъ мѣшаетъ. У меня же намѣреніе наудить здѣсь рыбы, высушить ее и привезти къ Вамъ.—Вообще я недоволенъ препровожденіемъ времени, какъ-то мало успѣваешь дѣлать; жаръ, ванны два раза въ день... Но мнѣ удалось сдѣлать таки чудесную поѣздку. Нанявъ дроги, отправился я съ Воейковыми на Голубое Озеро. Хозяинъ нашъ, который насъ и везъ, сначала показалъ намъ пещеру, верстахъ въ восьми отъ Сѣрныхъ водъ. Пещера эта вся алебастровая; до дна ея или конца никогда не доходилъ. Вообразите: подлѣ нея жаръ страшный, отъ солнца; полшага впередъ, подъ пещеру: тамъ нѣсколько градусовъ холоду, сосульки ледяныя и даже снѣгъ. У насъ есть намѣреніе одѣться потеплѣе и спуститься туда на веревкахъ, съ факелами, да врядъ ли это состоится, потому что докторъ не позволитъ. Оттуда проѣхали на нефтяные ключи и видѣли черную нефть, плавающую по водѣ, а оттуда на Голубое Озеро. Что за красота! Я ничего подобнаго и представить себѣ не могъ! Оно голубо отъ преломленія лучей въ этой свѣтлой, сѣрной водѣ. Озеро или озерцо —глубоко, говорятъ, до 20-ти саженей и идетъ внизъ воронкой. Мы бросали камни, и по крайней мѣрѣ вы цѣлую минуту можете прослѣдить паденіе камня, постепенно голубѣющаго, до тѣхъ поръ, пока его не станетъ видно. Но еще краше сама степь, и горы и ковыль! Что за роскошь! Дикое вишенье, дикіе персики, сухія и сѣдыя болота, камышъ по Тунгуту, журавли, утки, разная дичь, пространство, видное на 40 верстъ кругомъ, мѣстами дубнякъ, ковыль въ цвѣту... Зачѣмъ Васъ нѣтъ съ нами, милый Отесинька. Я не могу безъ слезъ подумать о томъ, каковы были бы Ваши впечатлѣнія и ощущенія!... Надо, надо еще разъ съѣздить въ Оренбургскую губернію. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я буду у Васъ. Прощайте, второй часъ, скоро обѣдать. Будьте только здоровы; я совершенно здоровъ вообще.

Пятница, 2-го Іюля, 1848 года. Сѣрныя воды.

Въ Середу получилъ я письма Ваши отъ 14-го Іюня изъ Амбрамцова. Слава Богу! У васъ, кажется, все идетъ довольно хорошо. Здѣсь же, послѣ этой жаркой погоды (въ продолженіе которой по вечерамъ были частыя и сильныя грозы), наступило было холодное и ненастное время; однакоже черезъ три дня подулъ вновь сѣверный или ведринный вѣтеръ, и теперь стоитъ красное, хотя не жаркое ведро. Вотъ и еще недѣля прошла! Это письмо мое предпослѣднее, и скоро, скоро я опять буду съ Вами. Пробовалъ удить; но удятъ здѣсь на поддонную, а я къ этому не привыкъ; къ тому же отправились мы удить вечеромъ, передъ грозою (такъ что насъ самихъ помочилъ дождикъ) и ничего не поймали, а клюютъ здѣсь сомы и лещи. — Вы пишете, милая маменька, что боитесь, чтобы я не вздумалъ жениться. Не бойтесь, милая маменька. Здѣсь десятокъ, два дѣвицъ, но ни одной физіономіи привлекательной нѣтъ. Есть нѣсколько казанскихъ институтокъ, одна съ шифромъ, Чоколова, Челокова, хорошенько не знаю... Все это прыгаетъ до упаду. Два раза въ недѣлю балъ, и ни одна никогда не появится въ томъ же платьѣ, въ которомъ была въ прошедшій разъ. Вообще, кажется, нѣтъ ничего въ мірѣ тщеславнѣе женщины. Еще скажу Вамъ въ утѣшеніе, что я здѣсь знакомъ только съ двумя дамами: старухой Ал—вой и старухой полковницею St. Martin, пріѣхавшей съ мужемъ изъ Сибири и встрѣченной мною у Ал — вой. Больше не знакомъ ни съ одной. Да, вчера на балѣ, послѣ одной исторіи, которую разскажу послѣ, я сгоряча сталъ неосторожно близко одной родственницы, которую доселѣ постоянно ловко избѣгалъ, ибо мнѣ Воейковы, также съ нею незнакомые, сказали, что она какъ-то съ родни. Тутъ она меня поймала, подошла ко мнѣ, спросила мою фамилію и сказала: «честь имѣю рекомендоваться, я ваша дальняя родственница С.» Что-то дома я отъ Васъ этой фамиліи не слыхалъ. Проситъ къ себѣ: придется сдѣлать визитъ. Разумѣется, знала батюшку, матушку, дядюшку, бабушку, дѣдушку. тетушку... такъ и засыпала! Дочка у нея уже не молодая дѣвушка, съ лицомъ болѣзненно толстымъ, Сынъ—огромнѣйшій верзила,

дворянскій недоросль. А исторія, о которой я Вамъ упомянулъ, состояла въ слѣдующемъ: здѣшнее собраніе состоитъ изъ добровольно подписавшихся и внесшихъ деньги, на которыя нанимается музыка, освѣщается зала и т. п. Въ числѣ вкладчиковъ или членовъ много есть и купцовъ, которые, къ сожалѣнію, здѣсь большею частію одѣты совершенно по-Европейски и ни манерами, ни образованіемъ нисколько съ нами не разнятся, тѣмъ болѣе, что дѣти все первыхъ двухъ гильдій. Вчера на балѣ вдругъ узнаю я, что двухъ изъ нихъ, молодыхъ людей, принудили оставить собраніе потому, что Ш—ва изволила оскорбиться тѣмъ, что на одномъ балѣ съ нею танцуютъ купцы, изъ которыхъ одного (кончившаго курсъ въ казанскомъ университетѣ) она видѣла гдѣ-то и когда-то за прилавкомъ, и которые оба ведутъ себя очень скромно и благопристойно и даже робко. Она шепнула объ этомъ одному Ю—ву. Ю—въ съ братомъ, два помѣщика-кавалера, отчаянные франты и здѣшніе Ловеласы (можете представить каковы!). Этотъ господинъ сію минуту распорядился въ угодность дамъ. Ал—въ сейчасъ разсказалъ мнѣ объ этомъ и я такъ взбѣсился, какъ давно уже не бѣсился. Можетъ быть, издали оно и не кажется Вамъ такъ возмутительнымъ, но на мѣстѣ, когда въ глазахъ Вашихъ оскорбляютъ человѣка въ силу аристократическаго чувства, это—невыносимо. Я бросился къ этому господину и вступилъ съ нимъ въ громкій и крупный разговоръ. Тутъ присоединилось много мужчинъ, много молодыхъ людей, которые раздѣляли мое мнѣніе и горячо вступились, въ особенности одинъ Тургеневъ, студентъ Дерптскаго Университета. Даму эту, не называя ея по имени, прилично выругалъ; кромѣ того, что не имѣли права выгонять ихъ, ибо они подписались, я, разумѣется, возставалъ противъ того, что могли обидѣться ихъ присутствіемъ, противъ чувства аристократическаго.

Разумѣется, рѣчь сію же минуту дошла и до мужика, со словами: эдакъ и мужикъ и т. п., на что я отвѣчалъ ему, что всякій мужикъ въ тысячу разъ достойнѣе уваженія, чѣмъ всѣ эти бездѣйствующіе помѣщики и чиновники-взяточники, и высказалъ нѣчто и о дворянахъ.

Гвалтъ и шумъ былъ страшный. Разумѣется, купцовъ

этихъ просили остаться. Я предлагалъ этому господину обойти со мною всѣхъ дамъ и спросить у каждой ея мнѣніе, но онъ уклонился, и, слава Богу, я увѣренъ, что ни одна изъ нихъ не сказала бы нѣтъ. Надо знать, что въ провинціяхъ всѣ дамы танцуютъ съ незнакомыми и отыскались нѣкоторыя дѣвушки, очень порядочныя, не помню ихъ фамилій, чуть ли не какія-то генеральскія дочери, которыя сейчасъ пошли танцовать съ этими купцами. Кучка раздробилась на нѣсколько кучекъ, гдѣ вездѣ преслѣдовали этотъ вопросъ. Тутъ же мнѣ рекомендовался старикъ, отставной полковникъ, свѣжій и бодрый, знавшій Васъ, Аристовъ. Я зарядилъ его всѣмъ своимъ сердцемъ и онъ таки порядочно отподчивалъ всѣхъ этихъ голубчиковъ словами. Досталось этой Ш—ой. Никто не произносилъ ея имени, говорили «какая-то дама» и вступиться было нельзя. Мужу ея, съ которымъ я, впрочемъ, незнакомъ, но съ которымъ тутъ столкнулся, высказалъ также все, что было на душѣ. Я не думалъ, чтобъ я еще въ состояніи былъ такъ бѣситься: я просто задыхался и колѣни подо мною такъ и дрожали. Мужское общество здѣсь мало между собою знакомо, но въ эту минуту все это мгновенно сблизилось, и весело было все-таки видѣть, что ни одинъ почти не имѣлъ духу сказать, что-либо прямо въ защиту аристократства... Я радъ этой исторіи въ томъ отношеніи, что все же это былъ урокъ обществу, что все же громко и не мною однимъ были высказаны смѣлыя вещи (смѣлыя относительно предразсудковъ) и выдвинуты впередъ человѣческія права. Конечно, это буря въ стаканѣ воды, и всѣ эти танцы и балы и свѣтъ все это само по себѣ слѣдуетъ къ чорту, но тѣмъ не менѣе хорошо уже и то, что дѣвушки, бывшія тутъ, вѣрно не осмѣлятся впредь и подумать что-либо подобное. Вотъ тутъ-то, послѣ этого, когда уже я не обращалъ ни на что вниманія, и подцѣпила меня родственница, но я поспѣшилъ съ нею раскланяться и ушелъ домой спать.—Здѣсь познакомился я и коротко сошелся съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Соловьевымъ. Онъ шесть лѣтъ тому назадъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ Университетѣ и былъ товарищемъ и пріятелемъ покойнаго Шишкова. Замѣчательный человѣкъ, съ которымъ я непремѣнно Васъ познакомлю: онъ зиму эту будетъ жить въ Москвѣ. Меня

давно поразила его прекрасная, добрая, кроткая и умная физіономія. Случай насъ свелъ, и мы, вотъ уже почти недѣля, постоянно вмѣстѣ. Эти шесть лѣтъ онъ служилъ при кадастрѣ въ разныхъ губерніяхъ и пришелъ къ тихому, строго-нравственному, христіанскому направленію и къ религіознымъ убѣжденіямъ, постоянно трудясь надъ собой, но безъ порывовъ и унынія. Онъ уже знакомъ нѣсколько съ московскими мыслями, въ проѣзды чрезъ Москву слышалъ разные анекдоты про Константина, и я его окончательно посвятилъ въ наши таинства. Все это онъ принялъ душой, впрочемъ, еще болѣе потому, что оно согласно съ его религіознымъ взглядомъ. Я увѣренъ, что онъ понравится Вамъ съ перваго раза. Лицомъ онъ нѣсколько, только не такъ грубо, похожъ на Сашу Карташевскаго,—ниже его и свѣтлѣе.—Зовутъ обѣдать. Прощайте.

9-го Іюля 1848 года. Сѣрныя воды.

На этой недѣлѣ почта не привезла мнѣ Вашихъ писемъ. Что это значитъ? Здоровы ли Вы? Это письмо мое последнее, потому что на будущей недѣлѣ, дождавшись Вашихъ писемъ, въ Середу, я ѣду. Теперь заканчиваю питье воды и холодныя ванны. Самъ я совершенно здоровъ, бодръ тѣломъ и духомъ. Но вижу самъ, что слѣдовало бы выдержать второй курсъ леченія, но что дѣлать! Не могу оставаться! Служба меня еще не такъ связываетъ, но я далъ честное слово Оголину воротиться къ концу Іюля и дать ему возможность уѣхать также въ отпускъ... Всѣ единогласно говорятъ о необходимости продолжительной діэты и всякаго береженія по крайней мѣрѣ недѣль шесть. Но Сѣрныя воды во многихъ случаяхъ дѣлаютъ просто чудеса, особенно въ отношеніи ревматизмовъ. Я самъ видѣлъ безногихъ, которые начали ходить, разбитыхъ параличемъ, которые теперь танцуютъ, покрытыхъ золотушною корью и шапкою на головѣ,—которые облупились теперь, какъ яичко, и стали почти красавцами; впрочемъ, большая часть изъ нихъ пріѣхали на второй годъ или взяли болѣе шестидесяти ваннъ. Итакъ на будущей недѣлѣ въ путь! Хочу пригнать такъ, чтобъ до вступленія на службу мнѣ было нѣсколько дней свободныхъ,

чтобъ я могъ успѣть съѣздить въ Абрамцово. Какъ ни хочется мнѣ видѣть и обнять Васъ, признаюсь, всякій разъ, какъ вспомню о Сенатѣ, о работѣ, о службѣ лѣтомъ,—меня такъ и подеретъ по кожѣ. Я уѣзжаю съ Сѣрныхъ водъ съ пріятнымъ воспоминаніемъ мира и отдыха. Дѣйствіе ли это холодной сѣрной воды или другая причина, только здѣсь невозможно уныніе. Для меня, если хотите, здѣсь должно быть очень скучно: я знакомъ съ мужчинами и то съ немногими и большею частію не интересными (Соловьевъ съ недѣлю какъ уѣхалъ); съ «барышнями» незнакомъ, и такихъ, которыя бы стоили особеннаго вниманія, нѣтъ вовсе, брюнетки ни одной; написалъ я даже здѣсь вчетверо меньше противъ того, сколько предполагалъ,—но мнѣ какъ-то хорошо. Изъ моего окна видъ на горы, тутъ довольно высокія: на горѣ стоитъ лошадь и рѣзко обозначается на горизонтѣ, отчетливо выдаваясь; день красный... Ахъ, Боже мой, что можетъ быть лучше лѣта, лѣта, этого святаго времени!... Дорого бы, дорого далъ я, чтобъ перенести Васъ сюда. И какъ бы всѣмъ Вамъ это было полезно!.. Мнѣ кажется, что у Васъ все должно быть хорошо, слава Богу, потому что нѣтъ у меня что-то страху. Здѣсь кругомъ холера, и поэтому вновь начался съѣздъ; всѣ бѣгутъ отъ холеры сюда, но здѣсь все благополучно и у меня въ душѣ также нѣтъ за себя ни малѣйшаго страха. Нынче будетъ опять концертъ, въ которомъ, кромѣ скрипача Париса, будетъ участвовать M-me Кропотова, Саратовская помѣщица, которая здѣсь съ мужемъ. Она будетъ пѣть серенаду Шуберта, съ акомпаниментомъ А—ва... Но я убѣдился, что всѣ дамы, какъ ни пусты здѣсь, а лучше мужчинъ, здѣшнихъ помѣщиковъ. Эхъ! вчера насмотрѣлся на нихъ въ собраніи, они какъ-то особенно ярко выдались, зудилъ у меня языкъ. Впрочемъ, всѣмъ, кто только подходили ко мнѣ говорить, всѣмъ высказывалъ я свое впечатлѣніе и мысли... Подлецы, трусы, развратники, пьяницы, торгаши, невѣжды... И рѣдко, рѣдко кто не говоритъ по-Французски (т. е. коверкаетъ). Но это негодованіе питательное. Оно даетъ пищу духу, живитъ мои силы, крѣпитъ убѣжденія, подталкиваетъ въ направленіи. Прощайте.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Стихотворенія за періодъ времени отъ 1843 до 1848 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Ивана Сергѣевича Аксакова

за 1843—1848 годы.

Жизнь чиновника. (*)

Мистерія въ трехъ періодахъ.—Дѣйствующіе: Чиновникъ будущій въ 1-мъ періодѣ, настоящій во 2-мъ и старикъ въ 3-мъ. Демонъ службы, Таинственный голосъ, Хоръ добрыхъ геніевъ, Курьеръ, Канцелярія присутственнаго мѣста.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Комната, скромно убранная; въ ней тихо и уединенно; будущій чиновникъ сидитъ за столомъ, на которомъ лежатъ книги, журналы и бумаги да еще не разрѣзанные томы Свода Законовъ.

Будущій чиновникъ.

Служить? иль не служить? да, вотъ вопросъ!
Какъ сильно онъ мою тревожитъ душу!
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обѣтъ нарушу?
Но службою достигну-ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя
Найдутъ-ли въ ней себѣ вознагражденье?
Отраду-ли пошлетъ въ моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоитъ-ли стремленіе души?
Въ груди моей всегда такъ много билось!

(*) Эта лирическая шутка написана авторомъ, когда ему было 19 лѣтъ; представляя образчикъ самыхъ раннихъ его стихотвореній, она свидѣтельствуетъ еще, какъ рано авторъ—едва сойдя со школьной скамьи и наканунѣ собственнаго поступленія на службу—уже смущался чиновною карьерою, чувствовалъ иное призваніе и предназначалъ себѣ иной путь. Печатается съ рукописи, которая не готовилась для печати; годъ сочиненій на ней обозначенъ 1843-й.

Демонъ службы.

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордаго мирная олива!
Пылкія и смѣлыя рушатся мечты,
Такъ съ судьбой заранѣе примирися ты.
Самъ достопочтенный, ревностный чиновникъ,
Подчиненныхъ счастья будешь ты виновникъ.
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой!
Не ища Фортуны милости случайной,
Будешь ты Дѣйствительный, будешь ты и Тайный!

Не толкуя о вещахъ превратно
И любя приличіе и миръ,
Приходи на службу аккуратно,
Надѣвай зеленый виц-мундиръ.
Лишь войдешь въ Присутствіе,—учтиво
Всѣхъ привѣтствуй, прочь отбросивъ спѣсь;
А взойдетъ начальникъ,—торопливо
Ты почтительный поклонъ отвѣсь....
На столѣ реэстры и таблицы
Взоръ привычный манятъ на себя;
Буквъ чернильныхъ бѣлыя страницы
Просятъ жадно-жадно у тебя!
Благородной службою довольный,
На бумагахъ нумера отмѣть,
Свой реэстръ перебери настольный:
Надо всюду зоркій глазъ имѣть!
Вечеромъ съ супругою достойной,
Чуждый всѣхъ безсмысленныхъ тревогъ,
Будешь чай вкушать съ душой спокойной,—
А малютки рѣзвятся у ногъ!...
Годъ за годомъ такъ промчится мимо,
Чинъ за чиномъ станетъ приходить,
И начальствомъ и судьбой хранимый,
Будешь долго въ лонѣ мира жить!
И когда наступитъ срокъ урочный,
Въ сердцѣ той-же ревностью горя,
Обрѣтешь знакъ службы безпорочной,
Пенсіонъ по милости царя.
Да! повѣрь! Сатурномъ убѣленный,
Жизнь свою на службу посвятивъ,

Гражданинъ полезный и почтенный,
Будешь ты уваженъ и счастливъ.

Будущій чиновникъ *(въ раздумьи и какъ бы вспоминая).*

Не буйная радость,
Веселье и шумъ
Тревожили младость,
Плѣняли мой умъ:
Силъ юныхъ отвага,
Думъ гордыхъ полетъ,
Цѣль — общее благо —
Высокихъ заботъ!...
И грудь воздымалась,
Ждалъ пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя!
Мнѣ грустно: ужели
Изъ сердца изгнать,
О чемъ съ колыбели
Привыкъ я мечтать?

Таинственный голосъ.

Прекраснаго въ тебѣ таится много:
Ты Божьей искрой свыше надѣленъ,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удѣлъ: къ иному ты сужденъ!
Да, съ раннихъ лѣтъ жила въ тебѣ тревога,
Стремленіе твой волновало сонъ,
Иную цѣль, цѣль высшихъ наслажденій
Тебѣ давно предназначалъ твой геній!
Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей:
Чтобъ не внушило поздней укоризны
Сознаніе ничтожности твоей!
На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы:
Ужель на нихъ надѣнешь ты оковы?
О вѣрь же мнѣ! грядущее богато
Вознаградитъ тревожные года!
Ничтожныхъ выгодъ мелкая утрата
Раскаянья не вызоветъ слѣда!

Смѣлѣй же въ путь, съ надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
И ты придешь, стремяся безвозвратно,
И къ лучшимъ днямъ, и къ цѣли благодатной!

Будущій чиновникъ.

Голосъ плѣнительный, голосъ лукавый,
Много сулишь ты мнѣ чести и славы!
Было-бъ отрадно мнѣ вѣрить тебѣ,
Что предназначенъ иной я судьбѣ!
Кто же мнѣ вѣрною будетъ порукой,
Что не окончу безславьемъ и мукой?
Чѣмъ за мечтою гоняться пустой,
Въ жизни не лучше-ль безстрастный покой?

Демонъ службы.

Оставь тревожныя мечты,
Услышь совѣтъ благоразумный,
Признайся самъ мнѣ: въ правѣ-ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?
   Полнó самолюбивыхъ думъ,
Волнуется младое племя,
Кипитъ свободный, гордый умъ,
И мыслитъ: будетъ наше время:
Узнаемъ мы народный плескъ,
И громъ похвалъ и славы блескъ!
   Но время твердою стопой
Наружу истину выводитъ,
И свѣтъ ея мечтаній рой
Отгонитъ прочь. Туманъ проходитъ,
И съ настоящимъ примирясь,
Ватага прежняя безумцевъ
Нисходитъ въ жизненную грязь,
Въ ханжей, въ рабовъ изъ вольнодумцевъ!
Поглотитъ ихъ толпа людей
Обычной пошлостью своей!
Къ Превосходительнымъ чинамъ
Стремятся Бруты, Александры!...
Внемли же ты моимъ словамъ;
Услышь пророчество Кассандры!
Немного я въ тебѣ нашелъ:
Ты не изъ яркихъ исключеній,

Ни слишкомъ добръ, ни слишкомъ золъ,
Не то, чтобъ глупъ, не то, чтобъ геній!
Такъ избери солидный бытъ,
Гдѣ былъ бы счастливъ ты и сытъ!

Будущій чиновникъ *(хватая себя за голову).*

Горе мнѣ! какіе звуки!
Въ душу голосъ твой проникъ,
И ужъ вижу я въ туманѣ,
Свой Чиновническій ликъ!

(Придвигается къ столу и пишетъ просьбу о принятіи его на службу).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ перваго).

Канцелярія Присутственнаго мѣста. Обширная грязная комната, уставленная столами и шкафами и наполненная чиновниками. Одни сидятъ и занимаются, другіе хлопочатъ, суетятся, безпрестанно входятъ и выходятъ. Шумъ. Всѣ говорятъ вслухъ и въ одно время. Среди этого гула слышится:

Хоръ *(на голосъ духовъ изъ* **Роберта Діавола**).

Намъ любо и мило
Средь грязныхъ палатъ,
Гдѣ брызжатъ чернила,
Гдѣ перья скрипятъ!
Согнувши гдѣ спины,
Мы вѣчно сидимъ.
Огромной машины
Колеса вертимъ!
Здѣсь нашему брату
Раздольный пріютъ,
И добрую плату
Беремъ мы за трудъ!
Богачъ-ли спѣсивый,
Бѣднякъ-ли зайдетъ,
Отъ всѣхъ намъ пожива
И дань и почетъ!
И казнь и прощенье,
И радость и страхъ,

Все въ нашемъ владѣньи,
Все въ нашихъ рукахъ!

Два чиновника *(встрѣчаясь)*.

1-й.

Петръ Карпычъ! будьте мнѣ полезны.

2-й.

Въ чемъ-съ? радъ служить, дозволитъ лишь законъ...
Чего-же?—

1-й.

Табачку, любезный!

2-й *(вынимаетъ табакерку, 1-й нюхаетъ и кланяясь)*.
Въ знакъ благодарности усердный мой поклонъ.

Одинъ столоначальникъ *(своему помощнику)*.

Скажите, Маркъ Ильичъ, ну кто тамъ скверно пишетъ?
Все думаете вы: сойдетъ и такъ авось!
Нѣтъ-съ, Секретарь у насъ все видитъ и все слышитъ,
И этотъ приговоръ теперь хоть даромъ брось!

Другой столоначальникъ

(принимая бумаги отъ регистраторскаго помощника и отдавая ихъ писцу).

Отмѣтьте здѣсь регистратуры номеръ,
Бумаги всѣ сложите къ сорту сортъ.

(Обращаясь къ регистраторскому чиновнику).

Скажи, правда-ли, что Маркъ Терентьевъ померъ?
Есть, говорятъ, изъ Грузіи рапортъ?

Регистраторскій помощникъ *(указывая на одну изъ бумагъ)*.

Да, вотъ онъ на-лицо. —

Столоначальникъ.

Благодарю, мой Боже!
Такъ дѣло кончено. Доложимъ для сего-же!

Чиновникъ *(въ очкахъ).*

Что это! новыя таблицы,
Плоды глубокаго ума,
Для арестантовъ! Эки птицы!
Да намъ-то каково: вѣдь ихъ такая тьма!
Объ нихъ строжайшихъ повелѣній
Мы удостоились въ Апрѣлѣ до трех-сотъ!
Мошенники не стоятъ попеченій,
А здѣсь за нихъ трудись, потѣй честной народъ!

Одинъ секретарь *(проходя черезъ комнату съ другимъ).*

Его превосходительство,
Вотъ видишь, опомнясь,
Про чье-то покровительство
Просить изволилъ князь.
А нашъ Его Сіятельству
На это говоритъ,
Что въ жертву онъ пріятельству
Душой не покривитъ.
Однако нынче *мнѣніе*
Велѣлъ мнѣ сочинить,
Чтобъ это преступленіе
Законно извинить!
Да все, братъ, недосужливо....

Другой.

Mon cher, что много врать?
Законъ у насъ услужливый,
Такъ долго-ль написать!

Еще Секретарь *(Столоначальнику подавая черную резолюцію).*

Смотрите: Демина они велѣли высѣчь!
Вотъ вздоръ подчасъ изволятъ городить!
И слушать не хотятъ! да этакъ сотни тысячъ
И скоро насъ самихъ придется имъ судить.
То строги черезъ-чуръ, то черезъ-чуръ ужъ слабы,
Какой на нихъ найдетъ, извольте видѣть, часъ!
Эхъ, будь-ка я Министръ, Лука Ильичъ, такъ я-бы....
(махая рукой и со вздохомъ)
Пиши, братъ, приговоръ! да заготовь указъ!

Столоначальникъ старикъ

Ребята! за дѣло,
Пишите дружнѣй!
Что только поспѣло,
Давайте скорѣй.
Готовы-ли перья?

Писцы.

Готовы.

Столоначальникъ старикъ.

Вонми:

(диктуя)

Крестьянка Лукерья
Сѣчется плетьми!

4-й Століначчльникъ *(читая просьбу).*

Ахъ, бестія Будылгинъ,—снова съ просьбой!
Побили дурака, и подѣломъ. А онъ
Безчестія просить изволитъ; видишь,
Обиженъ, говоритъ, честь страждетъ; впрочемъ что-жъ?
Кажись не все по формѣ. Дай-ка справлюсь.
(роется въ X томъ)
И впрямь, вотъ тутъ четырнадцатый пунктъ
Не соблюденъ,—такъ съ надписью, пріятель,
Назадъ ее получишь! Но сперва
Ты подождешь за это въ наказанье.

Главный начальникъ

(входитъ въ комнату; всѣ опрометью вскакиваютъ съ мѣстъ; онъ подзываетъ къ себѣ одного изъ Секретарей).

У васъ какія неисправности—
Съ прискорбіемъ замѣчу вамъ:
Писцы безъ всякой благонравности,
Безъ уваженія къ чинамъ!
Признайтесь мнѣ,—не отмѣчаете
Настольный вовсе вы регистръ?
Вы такъ по службѣ потеряете:
Что ежели-бъ узналъ Министръ?

По высшимъ строгимъ повелѣніямъ
Небрежный шлете вы указъ!
Да,—повторяю съ сожалѣніемъ,—
Не ждалъ я этого отъ васъ!

Секретарь.

Заваленъ, право, я работою:
Дѣла въ три тысячи листовъ!
Повѣрьте мнѣ: со всей охотою,—
А не могу быть въ срокъ готовъ.

Главный начальникъ *(пожимая плечами)*.

Мнѣ дѣла нѣтъ,—начальство требуетъ,
Чтобъ только полонъ былъ итогъ!
Я предварилъ васъ, такъ какъ слѣдуетъ.
Я сдѣлалъ все, что только могъ!...

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Комната настоящаго чиновника, установленная кипами бумагъ и томами Свода Законовъ. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ.

Таинственный голосъ.

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь, какъ прежде, я.
Это-ль дѣятельность духа,
Это-ль цѣль была твоя?
Гдѣ-жъ движенье, гдѣ-же благо,
Сердца искренній призывъ,
Благородныхъ думъ отвага,
Прежнихъ лѣтъ твоихъ порывъ?
Ты не тотъ, какимъ былъ прежде,
Съ строго-честною душой
Довѣрявшійся надеждѣ,
Обольщавшійся мечтой!
Нѣтъ души той въ прежнемъ тѣлѣ,
Пламень свѣтлый въ ней погасъ:
Ты растратилъ въ мертвомъ дѣлѣ
Свѣжихъ силъ своихъ запасъ!
Ты отвергнулъ путь спасенья,
Былъ ты глухъ на голосъ мой:
Прозябай же безъ стремленья
И коснѣй своей душой!

Чиновникъ

(не слышитъ таинственнаго голоса, кладетъ перо, зѣваетъ на креслахъ, придвигается къ окошку и задумывается).

Пятнадцать лѣтъ служу я; каждый день
Хожу въ Присутствіе; и съ совѣстью спокойной
Могу сказать, что долгъ служебный свой
Я исполнялъ усердно и достойно!
И счастливъ я: моя прекрасная жена
Толпой рѣзвящихся дѣтей окружена!
Лишь орденъ-бы еще мнѣ дали для почёта,
Да денегъ отъ казны, да генеральскій чинъ—
Тогда-бъ, Иванъ Ильичъ! служилъ бы безъ разсчета,
Чиновникъ ревностный и добрый семьянинъ!
А праздникъ нынѣ! всѣ толпятся на гулянье:
Туда и модники, туда бородачи!
Вотъ сколько молодыхъ въ курьезномъ одѣяньи,
Спѣсивый все народъ и вѣрно богачи!
Я ихъ не жалую: они народъ ученый,
И смотрятъ все на насъ, какъ будто, право, мы
Здѣсь безполезный классъ, на плутни лишь смышленый.
Что-жъ ихъ работаютъ великіе умы?
Болтаютъ цѣлый день, да ни объ чемъ не тужатъ,
А между тѣмъ, туда-жъ, о пользѣ говорятъ.
Служить не такъ легко: за то они не служатъ,
А нашу братію безжалостно бранятъ!—

Демонъ службы.

Они кружатся въ вихрѣ свѣта
Толпою жалкою невѣждъ,
И полны ихъ младыя лѣта
Пустыхъ рѣчей, пустыхъ надеждъ!
Любовь къ отчизнѣ производитъ
И въ сердцахъ ихъ какой-то жаръ.
Но ихъ безъ пользы жизнь проходитъ,
Но ихъ любви безплоденъ даръ!
Они отчизнѣ стали чужды,
Не постигая межъ собой
Ея дѣйствительныя нужды!
Привычно имъ—страны родной,—

Среди поверхностныхъ сужденій
О томъ, что стыдно имъ не знать,—
Ткань многосложныхъ учрежденій
Безумной рѣчью порицать!
И расточая даромъ время,
Все осмѣянью обреча̀,
Трудовъ правительственныхъ бремя
Не возлагаютъ на плеча̀!
Но если грозный часъ настанетъ,
Раздвинетъ мракъ, разсѣетъ сонъ,
И надъ безумцами прогрянетъ
Словами вѣщими законъ:
Передъ тобой тогда во прахѣ,
Понявъ ничтожество свое,
Сознаютъ въ трепетѣ и страхѣ,
Законъ, могущество твое!
Да, въ нихъ сердца надменны, души гнилы....
Чиновникъ выше ихъ, блуждающихъ во мглѣ,
Орудіе правительственной силы
И правосудія служитель на землѣ!
Гражданское ты вѣдаешь устройство,
И тщательно тобой изучены
Законодательства всѣ стороны и свойства,
Ихъ приложеніе къ обычаямъ страны!
Жрецъ истины, въ томъ словѣ проявленной,
Покоренъ духъ въ тебѣ, но веселится онъ,
Когда гремитъ, на благо устремленный,
Съ неотразимой силою законъ!

Чиновникъ.

Да, это такъ; служа по части судной,
Могу сказать аминь, но что-то я
Работой утомился многотрудной,
И отдыхъ вѣрно подкрѣпитъ меня.

(протягивается въ креслахъ).

Эхъ, хорошо-бъ теперь на мигъ забыться
Отъ дѣловыхъ бумагъ, въ пріятномъ легкомъ снѣ...
Теперь, Иванъ Ильичъ, ты можешь полѣниться,
Не къ спѣху, кажется, онѣ!

(Мало-по-малу засыпаетъ).

Таинственный голосъ.

Нѣтъ! не помыслъ благородный
Движетъ весь чиновный людъ,
Вызываетъ умъ холодный
На полезный мнимо трудъ!
Мысль о славѣ, о безславьѣ,
Не волнуетъ вашу кровь,
Въ васъ живетъ одно тщеславье,
Мелкихъ почестей любовь!

Хоръ добрыхъ геніевъ

(витающихъ около спящаго чиновника).

О тебѣ мы пожалѣемъ,
Ты работой утомленъ,
Поласкаемъ, полелѣемъ,
И пошлемъ пріятный сонъ!

1-й.

Что тебѣ пророчить смѣю,
Примешь къ сердцу горячо:
Анны крестъ тебѣ на шею,
Станиславъ черезъ плечо!

2-й.

И другаго жди патента,
Только службѣ вѣренъ будь:
Ляжетъ Аннинская лента
Широко тебѣ на грудь.

3-й.

Будь Ѳемиды обороной
И получишь знакъ иной:
Съ бриліантовой короной,
Съ осьмигранною звѣздой.

(Чиновникъ сквозь сонъ улыбается и простираетъ руки).

Всѣ вмѣстѣ.

Простираетъ онъ объятья,
Лентъ и звѣздъ желаетъ онъ!

Мы ему послали, братья,
Улыбающійся сонъ!

(Входитъ курьеръ).

Курьеръ.

Его Сіятельство прислалъ меня съ пакетомъ.

Иванъ Ильичъ *(вскакивая).*

Его Сіятельство? съ пакетомъ? дай сюда...

(Беретъ пакетъ въ руки и какъ бы взвѣшивая его)

Что можетъ заключаться въ этомъ?
Награда-ль моего недавняго труда,—
Иль приказанье? иль выговоръ, быть можетъ?
Послѣднее меня чувствительно тревожитъ!
Что, если выговоръ?... Вотъ будетъ мнѣ тоска!
За что-бы, кажется? дрожитъ моя рука!

(Распечатываетъ, изъ пакета выпадаетъ крестъ Анны 2-й степени, Иванъ Ильичъ поспѣшно подхватываетъ его).

Что это! Боже мой! глазамъ своимъ не вѣрю!
На шею? Анны крестъ! Давай-же я примѣрю!
Вотъ радостный сюрпризъ! какъ благодаренъ я
Его Сіятельству и вся моя семья!

(передъ зеркаломъ)

Надѣть его... вотъ такъ... чтобъ былъ онъ виденъ цѣлый
На черномъ галстухѣ и на манишкѣ бѣлой!...

Курьеръ.

Съ монаршей милостью...

Иванъ Ильичъ.

Спасибо, братъ курьеръ!
Вотъ красная тебѣ: пей за мое здоровье,

(отдаетъ курьеру ассигнацію, тотъ кланяется и уходитъ).

Ну! зависть Трухмина теперь не знаетъ мѣръ:
Онъ все безъ ордена: терпѣнье воловье!
Однако написать къ Суханову скорѣй,
Чтобы прислалъ аршинъ онъ орденской мнѣ ленты.

А полученные сегодня мной патенты
Пойду и принесу туда, къ женѣ моей!...
Нѣтъ, что-жъ это, дуракъ, я даромъ время трачу?
Къ Его Сіятельству скорѣй, скорѣй на дачу
Благодарить его.... Я будто бы во снѣ
Все вижу.... Прошка, эй! поди сюда ко мнѣ!
Ты эту отнесешь къ Суханову бумагу
И приготовишь мнѣ мундиръ, жилетъ и шпагу.

(Уходитъ).

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

(тридцать лѣтъ спустя послѣ втораго).

Чиновникъ старикъ, дряхлый и больной лежитъ въ креслахъ; подлѣ креселъ столикъ, уставленный лѣкарствами; на диванѣ кинутъ мундиръ съ нѣсколькими звѣздами.

Чиновникъ.

Мой путь свершенъ. И на краю могилы
Я вспоминаю все, о чемъ давно забылъ!
Куда бывалыя свои растратилъ силы,
Съ какою цѣлію и для чего я жилъ?
Когда назадъ я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взоромъ я,
Скорблю тогда и духомъ я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!
Безцвѣтной я и ровною тропою
Шелъ за другими вслѣдъ и также, какъ они,
Съ лѣтами дождался, чего по службѣ стôю:
Пустыя, мертвыя лишь почести однѣ!
Да! Счастье пошлое судьба мнѣ даровала,
Занятья дѣльныя мой изсушили умъ,
И грудь чиновника ничто не волновало:
Лишь служба—вотъ предметъ моихъ привычныхъ думъ.
А памятны мнѣ прежніе тѣ годы,
Когда былъ молодъ я и на своемъ пути
Такъ смѣло выжидалъ житейскія невзгоды...
Но жизнь прожить—не поле перейти!
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мнѣ волновали грудь!
Но жизнь бумажная въ ней свѣжесть погубила,
И охватилъ меня избранный мною путь.

И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я,
Что тружеником здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія!
Что отъ моей усердной долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда!
О, тяжело! во мнѣ проснулись снова
Всѣ прежнія движенія души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня въ ночной тиши!

Таинственный голосъ.

Да! вновь къ тебѣ я слово обращаю,
И въ грудь твою проникнетъ рѣчь моя,
Поймешь теперь, что я тебѣ вѣщаю
И что тебѣ вѣщалъ, бывало, я!

Еще не весь ты очерствѣлъ въ покоѣ
Убійственно-однообразныхъ лѣтъ!
Въ тебѣ опять проснулося живое,
И я опять найду себѣ отвѣтъ!

Называютъ люди счастьемъ
Жизнь подобную твоей,
Не смущенную ненастьемъ,
Не знававшую страстей!

По плечу имъ счастье это,
Любятъ души ихъ покой,
И сердца не жаждутъ свѣта
Истинъ мудрости живой!

Но губительно вліянье
Той счастливой слѣпоты;
Но опасно обаянье
Безмятежной пустоты!

Въ комъ она—тотъ голосъ шумный
Заглушитъ въ груди своей,
Умертвитъ, благоразумный,
Все трепещущее въ ней!

Отдалъ ты за горькій опытъ
Жизни лучшія лѣта,
И теперь невольный ропотъ
Издаютъ твои уста!

Ты къ иному былъ назначенъ;
Жребій тотъ тобой утраченъ!
И постигнуть не умѣлъ
Ты свой истинный удѣлъ!

Помню я: живое чувство,
И науки и искусства,
Безкорыстная любовь
Волновали сильно кровь!

Еслибъ перваго призванья
Ты послушался вліянья,
Можетъ быть, твои труды
Дали-бъ вѣчные плоды.

Не терзался бы сознаньемъ,
Что ничтожнымъ ты созданьемъ,
Чадомъ пошлой суеты
На землѣ явился ты!

И, быть можетъ, вмѣсто муки,
Службы тягостной науки,
Здѣсь на поприщѣ другомъ
Славнымъ шелъ бы ты путемъ!

Много сладостныхъ мгновеній,
Много чистыхъ наслажденій,
Съ чувствомъ легкимъ бытія
Испытала-бъ жизнь твоя!

Поздно все, передъ собою
Видишь даромъ прожитою
Жизнь свою! Отрады нѣтъ,
Не воротишь прежнихъ лѣтъ!

(Чиновникъ въ ужасъ содрогается).

Демонъ службы.

Въ обширномъ поприщѣ служебнаго труда
Есть много отраслей и дѣятелей много...

Но къ достиженію великаго плода
Ведетъ различная дорога.
Одни (и много ихъ)—правительственныхъ думъ
Орудья вѣрныя, смиренныя пружины:
Полезенъ ихъ всегда покорный умъ
Для государственной, въ движеніи, машины!...
Такъ, если Божій храмъ художникъ создаетъ,
Потребенъ каменщикъ съ испытаннымъ терпѣньемъ:
Онъ жизнь творенію художника даетъ
Работы мертвой исполненьемъ!...
И счастье мирное ихъ наполняетъ грудь,
Внѣ гордыхъ помысловъ, волненія и страсти;
Но не для нихъ иной, богатый славой путь,
Не имъ удѣлъ правленія и власти!
Тотъ удѣлъ—удѣлъ немногихъ,
Свыше избранныхъ людей!
Духомъ твердыхъ, духомъ строгихъ,
Цѣли преданныхъ своей.
Благородной страсти жаромъ
Сердце въ нихъ воспалено,
И чело высокимъ даромъ
Отъ небесъ озарено!
Много въ нихъ судьба вмѣстила,
Вознесла ихъ высоко;
Имъ привычны власть и сила,
Двигать массой имъ легко.

Доступны имъ труды большаго
Объёма числъ.
Законодательнаго слова
Глубокій смыслъ!
Ихъ подвигъ тяжкій, но полезный,
Всегда даетъ,
Добытый волею желѣзной,
Великій плодъ.
Имъ чужды легкія забавы,
Ихъ труденъ путь;
Для блага общаго и славы
Ихъ бьется грудь.
За то, лишившись личныхъ въ жизни
Утѣхъ, они
Всѣ на алтарь своей отчизны
Приносятъ дни!...

Но если не горитъ въ груди тотъ дивный даръ,
Но если въ сердцѣ нѣтъ призванья,
И пылъ стремленія—лишь юной крови жаръ,
Хладѣющій отъ испытанья...
То пусть служебнаго тотъ поприща бѣжитъ
Далеко отъ его однообразной муки,
Пусть наслажденіемъ высокимъ дорожитъ
На поприщѣ другомъ—искусства иль науки!

Чиновникъ.

Да! ясно мнѣ теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничѣмъ ужъ на землѣ!
Я, съ чувствомъ пламеннымъ, съ тревожною душою
Призванью чуждому пожертвовалъ собою,
Самъ проволочилъ всю жизнь въ какой-то жалкой мглѣ;
Теперь ужасное свершилось пробужденье,
И правды поздній блескъ мнѣ очи просвѣтилъ:
Благоразумія слѣпаго заблужденье
Я дорогой цѣною искупилъ....
Я даромъ жилъ! я даромъ жилъ!

(Умираетъ).

ЭПИЛОГЪ.

Великолѣпныя похороны. Народъ останавливается и смотритъ.

Одинъ.

Э! какъ знатно! должно быть важный!

Другой.

На подушкахъ несутъ звѣзды... вѣрно чиновный...

Третій.

А вѣдь, говорятъ, былъ такъ, простой дворянчикъ, дослужился. Ну, да не всякому такое счастье!

(Проходятъ).

ЕЩЕ ДВОЕ.

Первый.

Кто покойникъ, какъ слышно?

Второй.

Не знаю; по приходу хвалятъ.

Первый.

Ну, Царство ему небесное!

(Уходятъ).

ДВА ЧИНОВНИКА.

Молодой чиновникъ.

Покойный Его Превосходительство намъ всѣмъ примѣръ. Служилъ, работалъ, трудился и чтожъ? до всего дошелъ, всего достигъ, счастіе узналъ полное.

Пожилой чиновникъ.

Намъ всѣмъ примѣръ! тебѣ, братъ, хорошо такъ говорить. Ты молодъ, впереди еще хоть лѣтъ сорокъ службы, всего можешь надѣяться; а я, что я?...

Молодой чиновникъ.

Благородный человѣкъ покойникъ. Сколько лѣтъ, съ какимъ усердіемъ послужилъ Отечеству! и какъ добръ и вѣжливъ былъ: придутъ, бывало, просители, оборванные, грязные, нищіе... чтожъ, выйдетъ бывало, говоритъ, бывало, со всякимъ: радъ былъ бы, говоритъ, душевно радъ сдѣлать доброе дѣло, да нельзя, не могу, долгъ службы не позволяетъ, законъ препятствуетъ. Да, всякаго, бывало, обласкаетъ!...

Пожилой чиновникъ.

Добрый былъ генералъ. Впрочемъ, унывать не надо. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

(Проходятъ).

Женщина.

А скажите, батюшка, кто былъ покойный?

Баринъ.

Чортъ его знаетъ; такъ себѣ, какой-нибудь!...

Купецъ.

Нѣтъ-съ. Почетъ великъ. Понимать должно, что важный чиновникъ.

Голосъ изъ толпы.

Чиновникъ, точно. А что, если правду сказать, вѣдь вѣрно былъ такой же мошенникъ!... Впрочемъ, бываютъ всякіе...

Москва 1843 г.

XI.

Астраханскій beau monde.

Въ многочисленномъ собраньѣ
Я губернское вниманье
Отъ себя отстоpонилъ,
И на дамъ и ихъ уборы
Испытующіе взоры
Съ любопытствомъ устремилъ.

Другъ за другомъ вереницы
Кажутъ новыя все лица
Астраханскаго beau monde...
То чиновничія жены
Разодѣты, набѣлены,
Въ полномъ блескѣ лентъ и блондъ.

Мнѣ знакомы лишь мужчины
И судебныя лощины,
Гдѣ сражался съ ними я,
Гдѣ оправдывалась нами,
Воздвигалася съ правами
Свода каждая статья.

Да, хоть женщинъ я не знаю,
Но я ихъ преображаю,
Отмѣчаю по мѣстамъ,
Гдѣ мужья теперь ихъ служатъ,
Но о службѣ и не тужатъ.
Предаюсь своимъ мечтамъ....

Вотъ Сальянская опека
Въ видѣ рыбы-человѣка
Или матки-тюленя;
Густо, щедро наложила
И румяна, и бѣлила,
Но не скрасила себя.

Вотъ купчиха не простая:
Это дума городская,
Хочетъ пыль въ глаза пустить!
Не къ лицу ей астраханскихъ
Силъ гильдейскихъ и мѣщанскихъ
Представительницей быть!

Баба ловкая купчиха,
Не дурна и смотритъ лихо;
Но морщинъ закрыть нельзя!
Ридикюль ея хоть полонъ...
Да для города онъ солонъ...
Такъ повсюду слышалъ я!

Пусть себѣ гуляетъ дума!...
Это кто глядитъ угрюмо,—
Не добьешься пары словъ?
Хоть она не изъ смиренныхъ,
Экспедиція тюленныхъ
И всѣхъ рыбныхъ промысловъ.

Астрахань.
Сентября 1844 г.

Христофоръ Колумбъ съ пріятелями.

Первый пріятель.

Я знаю замыслъ твой глубокій,
Мечту завѣтную твою;
И вздохъ груди твоей широкой
Волнуетъ также грудь мою!
Но время, другъ! передъ тобою
Я сны твои разоблачу
И къ жизни съ бодрою душою
Тебя я вновь воззвать хочу.
Ты рано жизни наслажденья
Отвергъ далеко отъ себя
И въ грудь вложилъ одно стремленье,
Однимъ дыша, одно любя!
Но если цѣль твоя напрасна,
Но если ложенъ выводъ твой,
Чего ты ищешь ежечасно—
Ввѣкъ не достигнется тобой!
Но если ты нигдѣ привѣта,
Нигдѣ участья не найдешь,
И отъ судей надменныхъ свѣта
Одно презрѣнье обрѣтешь?
Тогда пройдетъ очарованье,
Надежда минетъ долгихъ лѣтъ;

Глядишь назадъ: одно мечтанье!
Глядишь впередъ: отрады нѣтъ!
Такъ гдѣ же цѣль суровой жизни?
Служенье праздное мечты!...
Но для себя, но для отчизны,
Но для другихъ что сдѣлалъ ты?

Другой пріятель.

Еще не поздно. Небо чисто;
Не вѣетъ въ воздухѣ грозой,
Многостороння и цвѣтиста
Дорога жизни предъ тобой!
Съ высотъ мечты своей безумной
Къ намъ въ міръ дѣйствительный явись,
Бесѣдой легкою и шумной
Среди друзей одушевись!
Живи какъ всѣ, сдержи волненье,
Гляди на міръ не съ высока̀,
И ты найдешь успокоенье,
И станетъ жизнь тебѣ легка!
Но если будетъ цѣль стремленья
Всегда безумна и дерзка,
Ты не найдешь успокоенья
И станетъ жизнь тебѣ тяжка.

Колумбъ.

Лицемъ къ лицу я встрѣчусь съ нею
И смѣлый взоръ не опущу;
Не отступлю, не оробѣю,
Судьбѣ упорствомъ отомщу.
Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,
Исторгну помыслъ изъ глуши,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннимъ души!
И вѣрю я: наступитъ время,
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,
Но долетитъ благое сѣмя
До почвы избранной своей.
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,
И далеко отгрянетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ.

Крикъ близорукаго участья
Меня не тронетъ, не смутитъ.
Я жду заранѣе несчастья;
Мнѣ тайный голосъ говоритъ:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай,
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣнчаешься побѣдой!...

Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

(LICENTIA POËTICA).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Петръ Семеновичъ Архиповъ.
Андрей Владимировичъ Ящеринъ. } Молодые люди, ѣдущіе изъ Москвы на именины одного помѣщика, родственника Ящерина.

Иванъ—слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ новозкѣ, а частію и на станціяхъ.

Зимняя дорога.

Деревня на большой дорогѣ. Подлѣ станціонной избы стоитъ повозка, запряженная тройкой. Архиповъ и Ящеринъ выходятъ изъ избы.

Ящеринъ.

Ну чтó, готово ли?

Иванъ.

Готово-съ.

Архиповъ.

Ну, такъ съ Богомъ... (*Подходитъ ямщикъ*).

Ямщикъ.

Старому, баринъ, ямщику на водку... (*Архиповъ даетъ ему*).

Ящеринъ.

Вѣдь мы должны будемъ своротить на проселочную дорогу; намъ уже теперь до мѣста недалеко... (*Усаживаются въ повозку*).

Архиповъ (*ямщику*).

А сколько до этой станціи будетъ?

Ямщикъ.

Да верстъ тридцать считаютъ.

Ящеринъ.

Какая скука! А мнѣ еще и спать не хочется, на той станціи выспался славно. Выкурить развѣ сигару... (*Подходитъ другой ямщикъ*).

Ямщикъ.

Старостѣ, баринъ, за хлопоты...

Ящеринъ.

Поди ты прочь! довольно и того, что ямщику на водку даютъ. Какія тутъ хлопоты?... Да что-жъ это нашъ ямщикъ копается такъ долго?—Ну, усѣлся чтò-ли?—валяй!...

Ямщикъ (*трогая лошадей*).

Эхъ, вы!... (*Колокольчикъ звенитъ. Иванъ подпрыгиваетъ на облучкѣ. Повозка выѣзжаетъ изъ деревни на большую дорогу*).

Архиповъ.

А вѣдь не холодно?

Ящеринъ.

Не холодно, конечно,
Да, не мѣшало-бъ и теплѣй!

Архиповъ.

Ты, братъ Андрей, все зябнешь вѣчно;
А мнѣ на холодкѣ какъ будто веселѣй!

Ящеринъ.

Да знаю я твое веселье!
Прошедшею зимой случилось ѣхать мнѣ
Въ Москву, къ сестрѣ на новоселье:
Во-первыхъ—отъ толчковъ тогда моей спинѣ
Досталось крѣпко; не забуду
Ухабовъ зимняго, привольнаго пути!
Да во-вторыхъ—ужъ вѣчно помнить буду,
Что я себя насилу могъ спасти
Отъ стужи,—а слуга мой съ козелъ
Во всю дорогу не сходилъ,—
Такъ, кажется, себѣ онъ ноги отморозилъ!
Вотъ какъ твой холодокъ надъ нами подшутилъ!

Архиповъ.

Ну, кто и говоритъ про этакую стужу!
А кстати, что̀ твоя семья?
Твоя сестра на дняхъ поѣдетъ къ мужу?
Не знаю отъ кого, но только слышалъ я...

Ящеринъ.

Да, мужъ ея живетъ въ деревнѣ постоянно;
Хозяйствомъ занятъ онъ, повѣришь, день и ночь,
И умножаетъ безпрестанно
Онъ годовой доходъ; однако дочь,
Мою племянницу, въ Москву на воспитанье,
Отцовскій капиталъ туда жъ на проживанье
Со всей семьей онъ скоро повезетъ!...

Нѣсколько времени продолжаютъ ѣхать молча. Наконецъ ямщикъ гонитъ лошадей шибче и они проѣзжаютъ мимо небольшой деревушки. Мальчишки, игравшіе на дорогѣ, съ визгомъ разбѣгаются. Одна баба останавливается и смотритъ. Мужикъ толкаетъ ее:

Ну, что̀ глядишь, чего не видала?

Баба.

Экъ,—шубъ-то, шубъ-то на нихъ! вишь, какъ господа-то себя грѣютъ!

Мужикъ.

На то они и господа! А ямщикъ-то никакъ изъ Семеновки?...

Баба.

Изъ Семеновки. Онъ еще давича, ранехонько по утру, провезъ туды барина, а теперь оттоль домой съ попутчикомъ.

Мужикъ.

Пойдемъ! Вишь, баринъ глядитъ на насъ и смѣется... (*Повозка проѣзжаетъ далѣе*).

Ящеринъ.

Ну, не красива, нечего сказать;
Какой костюмъ, какая стать!

(*Запѣваетъ мотивъ изъ Нормы*).

Архиповъ.

Фальшивишь, братъ. Никакъ не можешь ты
Пропѣть порядочно и вѣрно ни полслова!

Ящеринъ.

Тебѣ такъ кажется,—обманъ твоей мечты...
Не вникъ ты въ пѣніе, а критика готова...
Ты, впрочемъ, оцѣнить достойно голосъ мой
Теперь не могъ бы и внимая:
Мѣшаетъ мнѣ вотъ этотъ «*даръ Валдая*
«*Гудитъ уныло подъ дугой!*»
А кстати—спѣть: «Вотъ мчится тройка удалая».

(*Запѣваетъ. Архиповъ подтягиваетъ сначала тихо, потомъ мало-по-малу громче, и такимъ образомъ поютъ всю пѣсню.*)

Ящеринъ (*ямщику*).

Стой!—Дай зажечь спичку. Да помоги, Петръ, отъ вѣтра оборониться...

Архиповъ.

Изволь, изволь, (*Останавливается. Подъ полой шубы зажигаютъ огонь и закуриваютъ сигары*).

Архиповъ.

Ну, пошелъ! (*ѣдутъ*).

Архиповъ.

Люблю я зимній, красный день:
Онъ гонитъ прочь покой и нѣгу,
Люблю глядѣть, когда по дѣвственному снѣгу,
По ярко-бѣлому слегка ложится тѣнь!
Смотри, какъ на краю дороги, здѣсь на правомъ,
Насъ отражаетъ солнца свѣтъ,
И наша тѣнь, въ размѣрѣ величавомъ,
Съ повозкой, съ ямщикомъ за нами скачетъ вслѣдъ.
Деревья снѣжною опушены одеждой,
И синева прозрачна и ясна́,
И воздухъ чистъ,—и грудь надеждой
И чувствомъ юныхъ силъ полна̀!
По ровному пути несешься; вмѣсто крылій
Полозья гладкіе скользятъ
Легко, подвижно, безъ усилій,
И искры снѣжныя по сторонамъ летятъ,
Блестя на солнцѣ. Подъ ногою
Хруститъ морозъ. А тамъ, недалеко,
Надъ каждою избой, надъ каждою трубою,
Синѣетъ дымный столбъ: сначала высоко,
Все прямо, прямо подымаясь,
Потомъ мѣняя стройный ходъ,
Ложится косвенно и, въ облако сливаясь,
Теряется. Роскошный неба сводъ,
И въ бѣломъ образѣ прекрасная природа,
И лица свѣжія и бодрыя народа,
Все веселитъ меня. Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей,
Могу прибѣжище, свободнѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!

Ящеринъ.

Ты фантазируешь не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю порой
Природу и стихи; но занятъ я покуда
Все той-же думою одной.
Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь,—

Я не съ одной хочу сочувствовать страною,—
Во мнѣ пространнѣе любовь!
Природой Русскою и Русскимъ человѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ!

Архиповъ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ аршиномъ мѣрить,
И пировать въ пиру чужомъ,
Кому ненужны мы—о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому—вновь
Воздать все прежнее значенье,—

Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ
Идти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья,—

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе онъ допуститъ къ сердцу,
Чтб отзывъ въ немъ родной найдетъ,
Чтб чужестранецъ не пойметъ,
Чтб будетъ дико иновѣрцу!

Пусть онъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу....
Но не проложеннымъ слѣдомъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало!

Ящеринъ.

Смѣшно твое негодованье,
Безумны дѣтскія мечты!
Уже-ли думать смѣешь ты,
Твое свершится ожиданье?

Скажи: что дѣлалъ нашъ народъ,
Когда тяжелыми трудами
Другіе собирали плодъ,
Взращенный долгими вѣками?

Они собою движутъ міръ,
Гордяся опытомъ и славой;
Богатъ ихъ жизни, шуменъ пиръ,
Ихъ достоянье величаво!

Они рѣшатъ задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья....
А гдѣ же ты своимъ мечтамъ
Нашелъ основу? Гдѣ спасенье?

Нѣтъ! обольщаться не спѣши
Одной потѣхою гремучей!
Гдѣ тѣ сокровища—могучей
Народа Русскаго души?

И я не чувствую ни мало
Въ себѣ пристрастья твоего:
Гдѣ, въ чемъ лежитъ *его* начало?
Что намъ порукой за *него?*

Архиповъ.

Кто имѣетъ слухъ—да слышитъ,
Кто имѣетъ очи—зритъ;
Въ комъ живое чувство дышитъ,—
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я:
Блескомъ внутренняго свѣта,
Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня!

Раздаются звуки русской пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»... Ѣдутъ большія розвальни, запряженныя тройкой, въ

которыхъ сидятъ человѣкъ до 10-ти мужиковъ и поютъ. Поровнявшись, они обмѣниваются съ ямщикомъ поклонами.

Ящеринъ.

Что за народъ, откуда?

Ямщикъ.

Да съ работы изъ города, къ празднику домой торопятся. Эвъ ихъ тамъ насѣло! Любо, весело ѣдутъ.

Ящеринъ.

Ну, ну, пошелъ!

Ямщикъ *(погоняя).*

Эй, вы, залетныя!

Архиповъ.

Какая пѣсня!... что?

Ящеринъ.

Ну хороша, конечно,
Готовъ признаться я. Но развѣ тутъ и все?
Позволь теперь чистосердечно
Сказать мнѣ про тебя сужденіе мое:
Хоть есть въ тебѣ и искреннее чувство,
Но пользы отъ того не вижу никакой!
Напротивъ, ты живешь одной своей мечтой,
Отъ дѣла ты отвыкъ и бредишь про искусство,
Насиліе творя душѣ своей,
Національное ты ставишь ей кумиромъ.
Напрасенъ трудъ: ей жить привольнѣй съ цѣлымъ міромъ,
Ей тамъ отраднѣй и свѣтлѣй!
Затѣмъ-то полонъ ты вопросовъ и сомнѣній,
И поэтическимъ мечтамъ
Не хочется, въ среду дѣйствительныхъ явленій
Сойдя, разрушиться.... вѣдь правда, знаешь самъ!

Архиповъ.

Отчасти, долженъ я признаться,
Что правда есть въ твоихъ словахъ:

Еще не могъ вполнѣ я съ жизнью уравняться,
Быть цѣльнымъ существомъ, хоть въ молодыхъ годахъ!
Но я тебѣ во всемъ другомъ противорѣчу....

Ящеринъ.

Постой, кто это къ намъ катитъ теперь навстрѣчу?

Ѣдетъ кибитка: въ ней лежитъ старый отставной офицеръ и куритъ трубку.

На городничаго Бѣловскаго похожъ,
Не правда-ль? Сходство этихъ рожъ
Разительно!...

Архиповъ.

Да ужъ не онъ ли самый:
Такіе же усы, и видъ такой упрямый?

Ящеринъ.

О нѣтъ! того я знаю коротко...

Въ это время сильный порывъ вѣтра выметываетъ нѣсколько искръ изъ трубки офицера и доноситъ отдаленный отзывъ пѣнія мужиковъ: «ужъ я въ три косы косила». Офицеръ поспѣшно накрываетъ трубку, ложится опять и запѣваетъ въ полголоса: «ужъ я въ три косы косила».

День вечерѣетъ. Повозка несется дальше. Иванъ давно уже спитъ, качаясь на облучкѣ; но по временамъ, ударяясь о ямщика, кричитъ ему: «пошелъ!» Ящеринъ лежитъ долго молча и потомъ мало-по-малу засыпаетъ.— **Архиповъ** *впадаетъ въ дремотное раздумье. Передъ нимъ, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ, носятся его собственныя, разнообразныя думы, и слышится ему ихъ звучный шопотъ.*

Голосъ.

Кто слезы льетъ, простерши руки,
Отъ скорбной сердца полноты?
Чьи грусть тяжелая разлуки
Печалитъ нѣжныя черты?

Она стоитъ передъ иконой,
На ней дрожитъ лампады свѣтъ,

Ея молитва—обороной
Тебѣ отъ горести и бѣдъ!

То мчится въ даль она мечтою,
Покинувъ спящую семью,
То смотритъ съ тихою тоскою
На опустѣвшую скамью,—

Гдѣ ты всегда сидѣлъ, бывало,
Скучалъ покойною судьбою:
Она съ прискорбіемъ внимала
И говорила: Богъ съ тобой!

И силѣ той молитвы вѣря,
Ты бодрый духъ несешь въ себѣ...
Готовъ идти, не лицемѣря,
На встрѣчу жизни и борьбѣ...

О, что бы ни могло случиться,
Но знать отрадно каждый часъ,
Что есть кому за насъ молиться,
Кому любить и помнить насъ!...

Другой голосъ (*перебивая*).

Жизнь общественная мчится,
И безъ устали, всегда,
Колесо ея вертится
Безъ замѣтнаго слѣда!
И одно другимъ смѣняя
Жизни каждый мигъ, она,
Непрерывно отживая,
Новой жизнію полна!

Отъѣзжающему странно
Воротиться будетъ къ ней:
Все, что онъ носилъ сохранно
Въ глубинѣ души своей,
Все, что онъ живымъ оставилъ,
Всѣ вопросы, всякій споръ,
Что любилъ, на что направилъ
Любопытства полный взоръ;

Все, что въ немъ въ опредѣленность,
Въ образъ твердый перешло,

Вся былая современность—
Все забыто, все прошло!
Все звучитъ воспоминаньемъ
Неумѣстнымъ и глухимъ,
Уступивъ мечтамъ, желаньямъ
И событіямъ другимъ!

* *
*

Будетъ-ли такъ и съ тобою?
Грустью душа облеклась,
Думою волнуясь простою.
Что ты найдешь, воротясь?
Все начатое—свершится,
Многаго слѣдъ пропадетъ,
Много должно измѣниться,
Много воды утечетъ!...

Надъ Архиповымъ пролетаютъ и нѣсколько разъ повторяются звуки стиховъ:

„Тебѣ; но голосъ музы томной
„Коснется-ль слуха твоего,
„Поймешь-ли ты душою скромной
„Стремленье сердца моего“?... *(перестаютъ).*

Еще разъ:

„Тебѣ; но голосъ музы томной“... *(умолкаютъ на время).*

Опять:

„Тебѣ; но голосъ музы томной
„Коснется-ль слуха твоего“...
. . . .
Зачѣмъ, откуда, безотвязно,
Безъ умолку звучите вы,
Такъ упоительно, несвязно,
Былые пробуждая сны?
„Поймешь ли ты душою скромной“...

Какъ сладко, въ часъ успокоенья,
Когда вся жизнь кругомъ уныла и тиха,
Внимать гармоніи стиха,
Иль слышать издали несущееся пѣнье!

„Для береговъ отчизны дальной“
Блаженъ, кто могъ здѣсь вдохновенья
Святой поэзіи узнать,
Всю безконечность упоенья
И всю восторговъ благодать!
Тотъ много жизни дней ненастныхъ
И грозъ и бурь простить готовъ
Затѣмъ, что столько есть прекрасныхъ
Волшебныхъ звуковъ и стиховъ!
Что многое стихомъ открыться
Намъ лучше всякихъ можетъ книгъ,
Что есть съ чѣмъ въ мірѣ позабыться,
Хоть на единый только мигъ!

Хоръ невидимыхъ.

Нѣтъ, напрасно, погоди!
Жизнь повсюду, впереди,
И кругомъ тебя несется;
Впечатлѣньями сполна
Надѣлитъ тебя она,
И нерѣдко содрогнется
Все въ тебѣ... но погоди!
Кто-то ѣдетъ впереди!

Ѣдетъ старый тарантасъ, поставленный на полозья и запряженный 6-ю лошадьми, съ форейторомъ.

Тарантасъ *(поетъ).*

Все живу я въ службѣ, да въ отвѣтѣ,
На своемъ помаялся вѣку;
Сколькихъ я возилъ на этомъ свѣтѣ,
Видѣлъ Волгу—матушку рѣку!

Помню день, какъ вышелъ я впервые
Изъ родной просторной мастерской;
Братья были у меня родные,
Всѣ они разсѣяны ѣздой!

Лѣто былъ я всякое въ дорогѣ,
А зимой по праву отдыхалъ;
Но увы! мои хозяинъ дроги
На полозья сдвинуть приказалъ!

И моихъ встревожили пенатовъ,
Беззаконно снарядили въ путь!
И теперь тащуся я въ Саратовъ:
Старъ ужъ я, пора мнѣ отдохнуть.

Мнѣ житье давно уже постыло;
Все на смерть здѣсь осудилъ Творецъ!
Я скриплю, скриплю теперь уныло,
Скоро я разрушуся въ конецъ!

Тарантасъ подъѣзжаетъ ближе. Въ немъ сидитъ подлѣ старой помѣщицы молодая дѣвушка прекрасной наружности и дремлетъ. Передъ нею также носятся разнообразные видѣнія и звуки.

Голосъ (*напѣвая Архипову*).

Жаль мнѣ и грустно, что ты, молодая,
Будешь томиться въ глуши;
Жаль, что исчезнетъ въ тебѣ, увядая,
Свѣжесть прекрасной души!

Будешь подъ гнетомъ пустой и безплодной
Мелкихъ заботъ суеты,
Будешь подавлена жизнью холодной,—
Бѣдная дѣвушка, ты!

Другой голосъ (*напѣвая молодой дѣвушкѣ*).

Въ замѣнъ разлуки и печали,
Что̀ впереди тебѣ дано,
Что̀ въ безотрадно-грустной дали
Тебѣ судьбой обречено?

Зачѣмъ возможность понимала
Ты жизни лучшей и другой;
Зачѣмъ ты душу воспитала,
Зачѣмъ стремилась въ міръ иной?

И знай: должна уединенно
Твоя поблекнуть красота,
Промчаться юность постепенно,
Разбиться свѣтлая мечта!

Но заживетъ съ годами рана,
Съ своимъ ты свыкнешься житьемъ!

И всѣ мы, поздно, или рано,
Себя самихъ переживемъ!..

Экипажи разъѣзжаются. Передъ Архиповымъ возникаетъ образъ Бѣловскаго городничаго.

Городничій.

Прочесть я долженъ паспортъ вашъ;
Не то другимъ повадка.
Законовъ аккуратный стражъ,
Блюститель я порядка.
Давно служить имѣю честь,
Такъ у меня, повѣрьте, есть
Проворная приглядка!..
Своею властью могъ бы я
Вамъ способъ дать уѣхать,
Но... *(Исчезаетъ.)*

Повозка проѣзжаетъ мимо обширнаго, стараго барскаго дома, который видится издали Архипову, даже сквозь дремоту.

Голосъ.

Глядитъ онъ, мраченъ и угрюмъ,
Пустой, холодный и старинный!
Какъ много, много грустныхъ думъ
Встаютъ во мнѣ чредою длинной!

Была здѣсь нѣкогда семья,
Знавала счастіе и радость;
Подъ сѣнью тихаго житья
Росла, воспитывалась младость!

И былъ въ кругу домашнемъ ихъ
Свой міръ отдѣльный, міръ завѣтный;
Отвсюду вѣяло на нихъ
Знакомствомъ, дружбою привѣтной!

И этотъ паркъ, и этотъ садъ,
Для птицъ узорчатая клѣтка,
Столовъ, скамей зеленыхъ рядъ
И отдаленная бесѣдка,

И сходъ къ тѣнистымъ берегамъ
Рѣки излучистой, плотина,

И прудъ, и мельница, а тамъ
За рощей скрытая равнина...

Чего свидѣтелями вы
Въ былое время не бывали?
Какихъ забавъ, какой игры,
Какихъ тревогъ, какой печали?..

Когда-жъ для всѣхъ наступитъ сонъ,
Одна, быть-можетъ, оставалась,
Съ тебя, возвышенный балконъ,
Безмолвьемъ ночи любовалась...

О чемъ тогда ея мечты,
О комъ была ея забота?.,
Зачѣмъ такъ поздно съ высоты
Стремилась вдаль, ждала кого-то?...
И все промчалось...

(Домъ скрывается изъ глазъ).

Другой голосъ.

Съ юныхъ лѣтъ въ тебѣ бывало,
Все раздумью отдано,
Беззаботному мѣшало
Наслажденію оно!
Все вездѣ тогда носило
Для тебя въ себѣ вопросъ...
Развилась младая сила,
Возмужалъ ты и возросъ!..
Но и нынѣ среди шумной
Разговорной суеты,
Легкомысленной, иль умной,
Погружаться любишь ты
Въ тѣ нѣмыя созерцанья
Лицъ, явленій,—каждый часъ
Безъ слѣда и замѣчанья
Проходящихъ мимо насъ!
Все иначе представало
Взорамъ внутреннимъ твоимъ,
Въ образъ новый возрастало,
Міромъ вѣяло своимъ!
Всѣ отдѣльныя явленья
Обрѣтали, расширясь,

Въ хорѣ царственномъ творенья
Гармоническую связь!

Но неопытной душою
Возмущался сильно ты,
Видя наглою бѣдою
Погубленные цвѣты!
Видя много золъ напрасныхъ,
Много горестей нѣмыхъ,
Слыша жалобы несчастныхъ
И тщету моленій ихъ!
Какъ развитію, движенью
Въ человѣческой семьѣ
Служатъ первою ступенью
Плачъ и слезы на землѣ!
И пока затихнуть можетъ
Безполезная борьба,
Сколько жертвъ она положитъ!
Какъ безжалостна судьба,
По законамъ властелинскимъ
Непреложности своей,
Давитъ ходомъ исполинскимъ
Жизнь отдѣльную людей!..

Такъ въ нѣмыя созерцанья
Погружаться любишь ты,
Пробуждать въ себѣ желанья
И высокія мечты!
И носиться въ мірѣ сложномъ
Чувства грусти и любви,
И въ участіи тревожномъ
Проводить младые дни!

Другой голосъ.

Окрѣпни духъ! воскресни сила!
Гони бездѣйствіе мечты!
Все то, что̀ грудь въ себѣ носила,
Осуществить не можешь ты!

Откинь же ложное стремленье
И чувствъ восторженныхъ порывъ:
Они приносятъ разслабленье,
Всѣ силы духа умертвивъ!

Твои безплодныя страданья,
Лишь даромъ возмущая кровь,
Твои безцѣльныя исканья
И безполезная любовь

Не разрѣшатъ тебѣ задачи,
Не измѣнятъ земли суда:
Все также горести и плачи,
Какъ были, будутъ и всегда!

Ты уносился въ міръ нездѣшній,
Ты отдалъ юности почетъ:
Пусть міръ дѣйствительный и внѣшній
Всего теперь тебя займетъ!

Его дѣла пробудятъ въ тѣлѣ
И бодрый духъ и силы вновь;
Но на одномъ высокомъ дѣлѣ
Сосредоточь свою любовь!

Первый голосъ *(прерывая)*.

Кто изъ насъ въ былое время,
Полонъ скорби, не хотѣлъ
Облегчить чужое бремя,
Усладить чужой удѣлъ!
И бѣду и грусть лихую
Отогнать далеко прочь!
Утолить печаль чужую,
Горю всякому помочь!

И хоть знаешь: скорбь и муки
Все равно должны мы несть,
Знаешь ты, что здѣсь разлуки
Неминуемыя есть!
Что для всѣхъ таятся въ жизни
Неизбѣжные труды,
Что печаль и укоризны
Не защита отъ бѣды!

Но для мертваго воззрѣнья
Ты себя не воспиталъ;
Чувствъ живыхъ ограниченья
Ты душѣ не налагалъ!
Пусть живутъ въ тебѣ достойно
Заблужденья и мечты...

Но законность жертвъ спокойно
Признавать не можешь ты!

Другой голосъ.

Зачѣмъ же чувства въ васъ, прекрасныя, всегда
Работъ дѣйствительныхъ боятся?
Вамъ, видно, легче жить безъ всякаго труда,
Да въ отвлеченности скитаться!
Тотъ эгоистъ холодный и пустой,
Кто жизнь свою не посвятилъ народу,
Чтобъ онъ ни говорилъ про долгъ любви святой,
Про человѣчество, свободу,
Спадетъ твоихъ сомнѣній шелуха,
Сильнѣй восторжествуетъ чувство
И смѣло ты...

(Попадаютъ въ ухабъ. Ящеринъ и Архиповъ привскакиваютъ оба съ своихъ мѣстъ и смѣются).

Ящеринъ.

Вотъ ровный зимній путь! онъ разбудилъ меня!
Ну, кстати выкурить! Иванъ, подай огня!
Не нужно, нѣтъ: заснуть попробую я снова!
Да ты что? спалъ иль нѣтъ, не скажешь мнѣ ни слова!

Архиповъ.

Не знаю, спалъ ли я, дремалъ,
Но много, много, мнѣ казалось,
Я видѣлъ образовъ, яснѣе понималъ,
Что прежде мнѣ неяснымъ представлялось!
Вопросы разные, сужденья зрѣлыхъ лѣтъ,
И чувства юности, внутри противорѣчья,
Желаніе найдти себѣ отвѣтъ,
Вездѣ всегда со мной. Ихъ отъ себя отвлечь я,
Какъ ты, не въ силахъ; твоего
Я бъ не хотѣлъ холоднаго покоя:
Онъ разрушаетъ то, что для меня всего
Святѣе: чувство гонитъ онъ родное!

Ящеринъ.

Желаю я тебѣ найти
Себѣ по нраву разрѣшенье;
А я уже давно нашелъ успокоенье!
Пріятныхъ сновъ тебѣ, прости!...

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Черная, бѣдная изба, освѣщенная двумя горящими лучинами. Подъ образами, за столомъ сидитъ человѣкъ пять мужиковъ-извощиковъ, подлѣ нихъ хозяинъ-старикъ. Двѣ бабы: одна старуха, сидитъ въ углу; другая, молодая, съ добрымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, сидитъ подлѣ огня, прядетъ и безпрестанно вставляетъ новыя лучинки въ свѣтецъ. Ребятишки всѣхъ возрастовъ, въ изорванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ, лежатъ частію на полатяхъ, частію на печкѣ, частію сидятъ на полу. За перегородкой слышатся хрюканье свиней, мычанье телятъ и т. п. Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь замерзшее окно.

Одинъ изъ извощиковъ.

Дай квасу, бабушка!

Старуха (*подавая квасъ*)

На, родимый, пей!

Другой извощикъ.

Эхъ, мѣсяцъ свѣтитъ! теперь бы и быть въ дорогѣ! А мы заплошали, ночку должны переждать...

Хозяинъ.

А какъ дорога-то, ухабиста?...

Извощикъ.

Всяко случалось: гдѣ ухабиста, гдѣ какъ шаромъ покати. (*Слышенъ колокольчикъ; подъѣзжаетъ повозка*).
Да что, никакъ къ вамъ проѣзжіе?

Отворяется дверь; холодный воздухъ клубами врывается въ избу; входятъ Архиповъ, Ящеринъ и Иванъ, съ замерзшимъ мѣхомъ на воротникахъ.

Архиповъ.

Ухъ, холодно! Дай намъ мѣстечко, хозяинъ. Да принеси, Иванъ, изъ повозки погребецъ и все нужное. (*Иванъ уходитъ*).

Ящеринъ.

Пф! Что, хозяинъ, нѣтъ у тебя другой избы, — попросторнѣе, по... чище?

Хозяинъ.

Нѣтъ, нѣту. Да мѣсто-то мы вотъ сейчасъ опростаемъ. Ну, ребята, поужинали, что ли?

Извощики встаютъ и крестятся на образа. Ящеринъ и Архиповъ, скинувъ шубы и мѣховые сапоги, располагаются въ углу. Иванъ приноситъ погребецъ, складной самоваръ и ставитъ на столъ чайный приборъ, ложки и пр.

Ящеринъ.

Да у тебя тамъ были восковые огарки. Зажги ихъ. (*Иванъ исполняетъ приказаніе*). Съ этими лучинками ничего не видать! Да поставь самоваръ!

Одинъ изъ ямщиковъ (*другому*).

Господа-то запасливы.

Другой.

Не малаго и стоитъ...

Ящеринъ (*Архипову*).

Какая скверная изба! Ну есть-ли возможность жить въ такомъ хлѣву?

Архиповъ (*тихо*).

Полно! услышатъ!

Ящеринъ.

Diable! voilà une triste existence! On aurait peine à se faire idèe d'une pareille misere!

Подаютъ самоваръ. Паръ бьетъ вверхъ и распространяется по избѣ. Ящеринъ и Архиповъ приготовляютъ чай. Мужики всѣ вмѣстѣ стоятъ въ углубленіи молча и смотрятъ.

Ящеринъ.

Voyez comme ces drôles-là nous regardent! je n'ai rien vu de plus niais! Ха, ха, ха (*смѣется*). (*Архиповъ пожимаетъ плечьми*).

Одинъ изъ извощиковъ (*другому тихо*).

Это про насъ!

Ящеринъ.

А сливокъ нѣтъ у васъ?

Старуха.

Нѣтъ, батюшка, все на сметану къ разговѣнью пошло. Вѣдь вотъ уже посту 6-я недѣля идетъ.

Ящеринъ.

Да, бишь, я и забылъ! Чтò намъ лошадей?...

Хозяинъ.

Сейчасъ запрягутъ. Дорога проселочная; лошадей мало; мужички всѣ въ городъ поѣхали, а оттоль еще не возвращались...

Молодая баба.

Мужу-то пора бы быть домой....

Ящеринъ (*Архипову шепотомъ*).

Посмотри, вѣдь очень недурна!... Какъ странно видѣть такія лица и въ этомъ классѣ, да еще въ добавокъ съ грустнымъ выраженіемъ?

Архиповъ (*также*).

Да, доброе лицо! и вести такую бѣдную, скучную жизнь!

Въ это время раздается плачъ ребенка. Молодая женщина кладетъ веретено и качаетъ люльку. Маленькая дѣвочка подходитъ къ столу и смотритъ.

Архиповъ.

Ты чтò, дѣвочка, такъ на насъ уставилась? хочешь чаю, чтò ли?

Старуха *(отводя ее)*.

Пошла, глупая, прочь! Вы, батюшка, не взыщите! Ей въ диковинку, вотъ что свѣчки горятъ.... Мы все лучину жжемъ.

Архиповъ.

А зачѣмъ же?

Старуха.

Куда намъ, батюшка! И съ хворостомъ-то, слава те Господи, еще справляемся.

Другой ребенокъ, возясь на лавкѣ, стукается объ стѣну и реветъ.

Ящеринъ.

Ну!...

Молодая женщина *(подбѣгая къ ребенку)*.

Чтò, убился? Ничего, ничего, не плачь, родимый, не плачь, поди ко мнѣ...

Беретъ ребенка на руки, онъ перестаетъ плакать.—Мужики садятся молча на лавку.

Ящеринъ.

Чортъ знаетъ, какъ мы долго ѣдемъ! А завтра именины у Чечиныхъ! Пожалуй, не поспѣемъ. Надоѣло... Какой-ты, братъ, Архиповъ, скучный нынче!—Иванъ! допивай чай, а потомъ прибери все хорошенько, да оботри стаканы и серебро.

Иванъ прибираетъ чай, садится въ уголъ и пьетъ, говоря сидящему подлѣ него извощику.

Экой глупый мужикъ, гдѣ усѣлся, на барскомъ сапогу... пошелъ прочь, болванъ! *(Мужикъ сходитъ)*.

Архиповъ.

Чтò вы, господскіе?

(Входитъ ямщикъ).

Ямщикъ.

Старому, баринъ, ямщику на водку.

Ящеринъ.

Плохо ѣхалъ... на! (*Дастъ ему денегъ*).

Ямщикъ. (*Кланяется и подходитъ къ мужикамъ*).

Э, замерзъ совсѣмъ! Дайте, ребята, погрѣться у печки. (*Мужики даютъ ему мѣсто*). Вы отколь ѣдете?

Одинъ изъ мужиковъ.

А изъ-подъ Саратова. Еще съ Миколина дня...

Ямщикъ.

Съ своимъ товаромъ, аль съ чужимъ?

Мужикъ.

Съ чужимъ, купцовскимъ.

Ямщикъ.

Да ужъ не на ярманку ли, что въ селѣ Ростовѣ?

Мужикъ.

Нѣту, мы на Воронежъ....

Ямщикъ.

А у насъ-то мужички всѣ на ярманку собираются.

Мужикъ.

А далече отсель?

Ямщикъ.

Верстъ двадцать будетъ. А и у васъ ярманка водится?

Мужикъ.

Бываетъ и у насъ. Вотъ и въ Михайловъ день было, товаровъ навезли и не вѣсть что́ изо всѣхъ земель... такая народная была... (*Продолжаютъ разговаривать между собою*).

Ящеринъ.

Хозяинъ, сколько тебѣ?

Хозяинъ.

Что̀ пожалуете.

Ящеринъ.

Ну, добро, говори... Мы у тебя ничего не брали....

Хозяинъ.

Да хоть пяти-алтынный съ вашей милости....

Ящеринъ.

На! *(Бросаетъ ему деньги на столъ, потомъ, насвистывая, ходитъ по избѣ).* Чье это село мы проѣзжали, здѣсь недалеко, по проселочной дорогѣ, съ домомъ?

Хозяинъ.

Помѣщичье....

Ящеринъ.

Что̀, богатое село?...

Хозяинъ.

Да, прежде крестьяне жили изрядочно, а теперича жаловаться стали... управитель изъ Нѣмцевъ и не вѣсть что̀ творитъ!...

Ящеринъ.

А господа-то гдѣ?

Хозяинъ.

А Богъ знаетъ, ужъ они въ отчинѣ давно не бывали, годовъ съ десятокъ....

Ящеринъ.

Да гдѣ они живутъ-то, въ Москвѣ что-ли?

Хозяинъ.

Нѣтъ, не на Москвѣ, а сказывалъ мнѣ намеднясь мужикъ оттоль, что, говоритъ, должны быть или въ Питерѣ, или въ чужихъ сторонахъ.... Денегъ, говоритъ, и Богъ вѣсть что̀ посылаютъ. Господа-то далеко, говоритъ, такъ на Нѣмца и управы нѣтъ!

Иванъ *(который между тѣмъ, прибравъ все, выходилъ къ повозкѣ, возвращается).*

Готово-съ.

Ящеринъ.

А! одѣваться. *(Оба одѣваются).*

Ящеринъ.

На той станціи я все спалъ, теперь напился чаю и вѣрно спать не буду, что̀ мнѣ очень досадно...

Архиповъ.

Это всегда такъ кажется... Поѣдешь, подремлешь и заснешь! Особенно ты...

Ящеринъ.

Ну, а ваша милость что̀? Будете опять разнымъ видѣніямъ, думамъ и мечтамъ предаваться?...

Архиповъ.

Нѣтъ, ужъ теперь не разнымъ, а одной. Ты помнишь, что̀ я тебѣ говорилъ въ началѣ той станціи?

Ящеринъ.

Что̀ это, о народѣ?

Архиповъ.

Да, и я еще живѣе убѣждаюсь въ этомъ. Какъ въ эту минуту, передъ дѣйствительностію всѣ остальныя и отвлеченныя думы блѣднѣютъ!...

Ящеринъ.

Смотри братъ, ты, кажется, на ложномъ пути. Nous parlons en énigmes et je crois que ces gens là ne nous comprennent pas...

Архиповъ.

Пусть и понимаютъ...

Ящеринъ.

Какой ты сердитый! Пойдемъ...

Въ это время входитъ Петръ, сынъ хозяина, мужикъ лѣтъ 25, молится на образа, потомъ кланяется всѣмъ присутствующимъ.

Хозяинъ.

Здорово, Петрушка! Ну, чтò? какія вѣсти?

Петръ.

Да плохо-ста!

Хозяинъ.

Ну?...

Петръ *(вѣшая кушакъ и тулупъ на перекладину).*

Да не хорошо дѣло. Былъ я въ городѣ и ходилъ съ гостинцемъ, какъ ты приказывалъ. Вотъ онъ и сказалъ мнѣ: ладно, говоритъ, это ты хорошо сдѣлалъ, что принесъ; а вотъ пришла изъ Петербурга вѣсть вѣрная: черезъ мѣсяцъ, говоритъ, по пяти душъ съ тысячи, наборъ!

(Всѣ мужики приподнимаются съ мѣстъ).

Бабы.

Съ нами крестная сила!
Царица Небесная!

Ящеринъ *(схватывая Архипова за руку)*

Partons, partons!

(Уходятъ и садятся въ повозку. Въ избѣ слышенъ женскій вопль).

Архиповъ *(Ящерину).*

Слышалъ? видѣлъ, а?

Ящеринъ.

Да, братъ, видѣлъ; ну, чтò говорить! *(Машетъ рукой).* Ѣдемъ. *(Усаживаются).*

Иванъ *(скороговоркой).*

Ну, валяй скорѣе, господа нескупые, ѣдутъ на праздникъ, будетъ тебѣ и водка.

Ямщикъ *(трогая лошадей).*

Ну вы, голубчики, съ Богомъ!...

Колокольчикъ звенитъ; они ѣдутъ. Мѣсяцъ освѣщаетъ дорогу.

Въ тихой комнатѣ моей.

Въ тихой комнатѣ моей
Мнѣ привольно и просторно,
Міромъ, царствующимъ въ ней,
Я привѣтствуюсь покорно.
Объ чужое—въ ней мое
Не граничитъ бытіе.....
Все, что тамъ определенно
И понятно и ясно́,
Что забыто, несомнѣнно,
Что давно разрѣшено,—
Изъ оковъ опредѣленья,
Въ образъ смутнаго видѣнья
Здѣсь выходитъ и растетъ,
Безъ границъ освобожденье!
Всѣ былыя впечатлѣнья
Выдвигаются впередъ,
Изъ пучинъ бездонныхъ духа,
Тихо носятся по ней,
Не боясь чужаго слуха,
Не стыдясь чужихъ очей!
Въ безвучной тишинѣ
Все поетъ и шепчетъ мнѣ!
Отъ того-то мнѣ просторно
Въ тихой комнатѣ моей,
Гдѣ привѣтствуюсь покорно
Міромъ, царствующимъ въ ней.

1845 г.

Не въ блескѣ пышнаго мечтанья.

Не въ блескѣ пышнаго мечтанья,
Не въ ложномъ сладкомъ полуснѣ,
Не съ красотой очарованья,
Бывало, жизнь являлась мнѣ.
Но преданъ юному усердью
Къ трудамъ суровымъ бытія,
Казалось мнѣ—съ землей и твердью

Не прочь бы былъ сразиться я!
И для потѣхи оборонной
Готовилъ я, на всякій часъ,
Такъ много воли непреклонной,
Да сколько мужества въ запасъ!
Сначала бодро и упруго
Кипѣла дѣятельность силъ,
И душу—вреднаго досуга,
А сердце—голоса лишилъ.
И радъ я былъ въ своей гордынѣ
Жить безъ отрады и въ тиши,
Да все идти!... Слабѣетъ нынѣ
Высокій строй моей души!
Когда напѣвъ забытыхъ пѣсенъ
Вдругъ пронесется надо мной,
То мнится мнѣ, что міръ мой тѣсенъ,
Но что прекрасенъ міръ иной!
Что много въ жизни упоенья
Даруетъ образъ красоты,
Что есть возможность увлеченья,
Что власти много у мечты!
Что тяжко иго силъ желѣзныхъ,
И что бездѣйствіе иныхъ
Полезнѣй всѣхъ трудовъ полезныхъ,
Отраднѣй всѣхъ даровъ земныхъ!
Что ты, высокое искусство,
Противно жизни трудовой:
Всегда съ тобой риемуетъ чувство,
Какъ неразлучный путникъ твой!

1845 г.

Голосъ вѣка.

Много силъ и твердой воли,
Раннихъ лѣтъ твоихъ въ бреду,
Обрекалъ ты низкой доли,
Въ жертву ложному труду!
Съ бодрымъ чувствомъ юной мочи
Подвизался ты.... но вѣрь,
Что сознаньемъ наши очи
Просвѣтилися теперь!

Ваше царство пасть готово,
Ваше благо—вредъ и ложь,
Вашъ законъ—пустое слово,
Ваша̀ дѣятельность—тожъ!
Но иной теперь стремится
Міръ достигнуть высоты,
И грозятъ осуществиться
Наши давнія мечты!

Но вижу я, печальный и смущенный,
Свои глаза ты обращаешь вновь
Къ той области, отъ міра отрѣшенной,
Гдѣ властвуютъ искусство и любовь!
Но берегись, чтобы въ избыткѣ чувства,
Не ослабѣла крѣпкая душа:
Блаженство дастъ тебѣ искусство,
Но силъ не дастъ для доли боевой...

Не время вамъ теперь скитаться,
Въ садахъ Аркадіи златой,
Гражданскій бытъ готовъ распасться,
Грозитъ вамъ близкою бѣдой!
Въ изящномъ, сладостномъ забвеньѣ,
Ужели станешь ты дремать,
Когда на славное служенье
Мы собираемся возстать!
Для насъ искусство стало средствомъ,
Науки путь избрали мы:
Грядущей радостью и бѣдствомъ
Да преисполнятся умы!
Услышь мой зовъ! ужели руки
Теперь ты сложишь навсегда?
Нѣтъ, въ пользу дѣла и науки
Ты принесешь мечты и звуки
И жаръ обильнаго труда!

1845 г.

Среди удобныхъ и лѣнивыхъ.

«Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно—медленныхъ работъ,
Негодованій говорливыхъ,
Привычныхъ золъ и терпѣливыхъ
Надеждъ, волненій и заботъ,—

Живемъ, довольные судьбою,
Браня судьбу. Досуга нѣтъ,
Ни сладить съ внутренней борьбою,
Ни дать взывающему къ бою
Вопросу жизненный отвѣтъ.

Но жизни нашей ложь и бремя
Сознали мы;—чего-жъ мы ждемъ?
Ужели не приспѣло время,
Ужели мы, бросая сѣмя,
Его плодовъ не соберемъ?»

И мнѣ въ отвѣтъ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно не слыханно и ново,
Всей силой пламеннаго зова
Въ моей груди отозвалось!

И вѣрѣ уступая жгучей,
Сталъ также вѣровать и я
И современности могучей
И близости еще за тучей
Отъ насъ таящагося дня.

Но время мчится, жизнь старѣетъ,
Все также свѣта не видать:
Такъ незамѣтно дѣло зрѣетъ,
Такъ мало васъ, которыхъ грѣетъ
Любви и скорби благодать!

И дней былыхъ не даромъ, мнится,
Тяжелый опытъ учитъ насъ,
Что много лѣтъ еще промчится,
Пока лучемъ не озарится
Давно предчувствуемый часъ!

Пока роскошный и достойный,
Завѣтный не созрѣетъ плодъ;
Пока неумолимо стройный,
Тяжелый, твердый и спокойный
Событій не свершится ходъ!

А сколько прежде поколѣній
Ждетъ вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремленій,
И оскорбительность явленій,
И безутѣшныя борьбы!

1845 г.

Зачѣмъ опять тѣснятся въ звуки.

Зачѣмъ опять тѣснятся въ звуки
Вопросы, спавшіе въ тиши,
Всѣ тѣже образы и муки
Сосредоточенной души?
Зачѣмъ стиха волшебной чарой
Я не могу облечь сполна́
Всю скорбь души, еще не старой,
Всю глубину ея до дна?

Когда кругомъ себя, тоскуя,
Гляжу на юность нашихъ дней,
Былое время памятуя,
Теперь иное вижу въ ней:
Ей веселится неохотно,
Ей слышенъ громъ издалека́,
И не живется беззаботно,
И ноша жизни нелегка!

Но не обманы, не мечтанья,
Не жажда счастья и надеждъ,
Самолюбивыя страданья
Разочарованныхъ невѣждъ
Волнуютъ насъ. Иное время.
Теперь инымъ полны умы,—
Зачѣмъ неправедное бремя
Условій ложныхъ терпимъ мы?

И быстро ходитъ молодая
Великодушная молва,

Что человѣчество, страдая,
Кладетъ на всѣхъ свои права,
И что напрасно въ жизни нашей
Мы скорби тяжкія несемъ,
И пьемъ отраву полной чашей,
А чаши той не разобьемъ!

Что грѣхъ искать намъ наслажденій,
Когда теперь сознали мы
Многозначительность стремленій
На Божій свѣтъ—изъ мрака тьмы,
На животворную свободу....
Когда сказалися слова,
Провозгласившія—народу
Принадлежащія права!

Но гдѣ звѣзда? Кто путь укажетъ?
Кто прорицать событій ходъ
Дерзнетъ—и жертвой смѣло ляжетъ,
Готовя намъ богатый плодъ?
За опрометчиво—прекрасный
Порывъ,—ужель Господь судилъ
Пасть не одной младой и страстной,
Высокой жертвѣ въ цвѣтѣ силъ?

Къ чему? быть можетъ, мы избрали
Не путь, назначенной судьбой:
Еще таясь въ туманной дали,
Онъ проложился-бъ самъ собой?
И то, чего мы такъ хотѣли,
Придется поздно позабыть:
Всю жизнь стремимъ къ единой цѣли
И къ цѣли ложной можетъ быть?

Но легче-ль ждать, влача оковы—
Ихъ бремя вздорная мечта,—
Пока громадные засовы
Падутъ—и двинутся врата?
О нѣтъ! смотрю, въ часы раздумья,
Я съ негодующей тоской
На эгоизмъ благоразумья,
На возмутительный покой!

О нѣтъ! страданье благодатно
Пусть нашъ воспитываетъ вѣкъ;

Пусть безпрерывно, безвозвратно,
Стремится къ цѣли человѣкъ!
Пусть сторожитъ тревожнымъ слухомъ
Движенье всякое добра!
Блаженны алчущіе духомъ:
Наступитъ жданная пора!

1845 г.

Марія Египетская.

Отрывки изъ неоконченной поэмы.

Глава I-я.

Всегда нуждой или заботой,
Иль—дѣломъ собственной вины,
Мы равнодушною дремотой
Отъ строгихъ думъ отвлечены.
Но если дѣлъ и свойствъ презрѣнныхъ
Придетъ сознанья грустный мигъ,
Отраденъ видъ благословенныхъ
Тѣхъ непреложныхъ древнихъ книгъ.
Онѣ другое намъ вѣщаютъ,
Онѣ уносятъ въ міръ иной:
Языкъ и буквы отрываютъ
Насъ отъ случайности земной.
Изъ нихъ люблю я описанья
Мужей святителей судьбы,
Годовъ тяжелыхъ испытанья,
Надеждъ, печали и борьбы.
Люблю спокойствіе и важность,
Особый складъ разсказа ихъ
Про недоступную отважность
Трудовъ и подвиговъ святыхъ.
Люблю я ихъ живое слово
Про сокровенный міръ небесъ
И прелесть тихую простаго
Повѣствованія чудесъ.
Мнѣ вразумительнѣе сила,
Яснѣе стали времена,
Когда отъ новаго свѣтила
Заколыхались племена.
Когда они съ безумнымъ плескомъ

Помчались страшною волной,
И древній міръ ломился съ трескомъ
И воцарялся міръ иной.
А между тѣмъ повсюду странникъ
Живому слову поучалъ
И силъ невидимыхъ посланникъ
Земныя силы покорялъ.
И совершались всюду дивной
Могучей вѣры чудеса:
Казалось, въ связи непрерывной,
Съ землею были небеса.

Понятенъ мнѣ въ то время каждый,
Кто, вызванъ Истины лучемъ,
Томился внутреннею жаждой,
Горѣлъ мучительнымъ огнемъ,
Высокой тайной благостыни
Былъ осѣняемъ—и опять,
Объятый ужасомъ святыни,
Оставя міръ, бѣжалъ въ пустыни,
Одинъ, молиться и страдать!

Другіе дивные примѣры
Тѣ книги древнія хранятъ.
Какую власть и силу вѣры
Явилъ намъ мучениковъ рядъ,
Когда съ отвагою чудесной,
Душой далеко отъ земли,
Исполнясь силою небесной,
Они на казнь и муку шли,
Хвалой и пѣснями святыми
Судьбу привѣтствуя свою....
Благоговѣю передъ ними
И нашу слабость познаю.

Но падшій духомъ и возставшій,
Но, тотъ, который, въ цвѣтѣ силъ
Сей грѣшный міръ, его плѣнявшій,
Такъ человѣчески любилъ.
Кто много суетныхъ волненій,
Кто много благъ земли вкушалъ,
Пока со страхомъ не познаналъ
Всю лесть порочныхъ заблужденій,

И мучимъ жаждою святой,
Палимъ огнемъ воспоминанья,
Въ пучинѣ страшной покаянья
Обрѣлъ спасенье и покой,—
Тотъ ближе къ намъ. Его паденье,
Страданьемъ выкупленный грѣхъ
И милость Божія—для всѣхъ
Животворящее явленье.

Такъ, объ одной изъ этихъ женъ,
Издревле чествуемыхъ нами,
Тамъ есть разсказъ. Повѣданъ онъ
Благочестивыми устами.

Глава II-я.

Жила въ томъ городѣ одна,
Далеко славимая, дѣва,
Но страстныхъ помысловъ полна,
Не чая Божескаго гнѣва;
Она бѣжала строгихъ думъ,
Любила грѣшное веселье,
Любила жизни блескъ и шумъ,
Пировъ разгульное похмѣлье;
Своей роскошной красоты
Дары свободно расточала;
Но не корыстныя мечты,
Не звонъ блестящаго металла
Ее плѣнялъ; казалось, мгла
Ей душу странная одѣла:
Любить иначе не могла,
Иначе жизнь не разумѣла.
Она дала себя вести
Ей непонятному влеченью
И шла по грѣшному пути
Отъ наслажденья къ наслажденью;
Но подъ личиной красоты
Коварныхъ мыслей не хранилось,
И въ сердцѣ злобы не таилось,
А было много теплоты!

—

А какъ чудесно хороша
Была Египетская дѣва,
Когда она, едва дыша,
Подъ звуки страстнаго напѣва,
Тимпанъ вертя надъ головой,
И станомъ косвенно склоняясь,
Кружилась рѣзвою ногой,
Огнемъ веселья разгараясь!
Или когда, закинувъ вдругъ
Назадъ съ тимпаномъ обѣ руки,
Подъ ускоряемые звуки
Неслась, неслась она вокругъ;
И очи вспыхивали ярче,
И страстнымъ пурпуромъ облитъ,
Тогда роскошнѣе и жарче
Былъ смуглый цвѣтъ ея ланитъ!

—

Но дѣвы царственная власть
Неотразимо познавалась,
Когда томительная страсть
Въ ея чертахъ не отражалась,
Когда лишь просто весела,
Не въ вихрѣ шумныхъ увлеченій,
Она плѣнительна была
Въ прелестной тихости движеній;
Когда на берегу морскомъ
Отъ всѣхъ подругъ сидѣла тайно,
Или задумалась случайно,
Сама не вѣдая о чемъ:
Быть можетъ, на душу укора
Ей чувство смутное легло....
И низко, низко пали взоры,
Склонилось смуглое чело....
Но, будто ночью блескъ зарницы
Такъ озарялась красота,
Когда подымутся рѣсницы,
Смѣются тихія уста!

—

За то предъ этимъ многогласнымъ,
Предъ этимъ взоромъ молодымъ,
То нѣжнымъ и глубоко яснымъ,

То упоительно живымъ,
Могучей силы впечатлѣнья
Никто досель не избѣгалъ,
Но весь исполненный смятенья,
Какъ очарованный стоялъ!
Недобрый слухъ объ ней носился,
Былъ явенъ всѣмъ ея позоръ,
Но ей никто бы не рѣшался
Тяжелый высказать укоръ!
Нѣтъ, гибли всѣ стезею зыбкой
Суровой твердости мечты
Передъ чарующей улыбкой,
Предъ этой бездной красоты!
И не одинъ изъ темныхъ келій,
Забывши стыдъ и Божій страхъ,
За нею въ бѣшенство веселій
Бѣжалъ измученный монахъ!
И Гностикъ былъ Александрійскій
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Когда, убравшися въ Нубійскій
Простой и легкій свой нарядъ,
Она предъ Гностикомъ стояла
Съ огнемъ губительныхъ очей,
И строгій доводъ разрушала
Внезапной рѣзвостью рѣчей!

—

„Скажи, зачѣмъ несутся шумно
Народа волны къ берегамъ?
Не для потѣхи-ли безумной?
Бѣда-ли вновь случилась тамъ?»
—Нѣтъ, ихъ не праздная затѣя
Влечетъ, не новая бѣда.
Ты видишь, тамъ стоятъ, чернѣя
Остроконечныя суда;
Они, при свѣжемъ вѣтрѣ, въ морѣ
У насъ быстрѣйшими слывутъ:
На нихъ толпы народа вскорѣ
На брегъ Сирійскій отплывутъ,
Чтобъ свѣтлый праздникъ Воскресенья
Въ землѣ священной провождать,
Чтобъ въ храмѣ чинъ Богослуженья

Іерусалимскомъ увидать.
Тамъ, тамъ, по общему разсказу,
Творятся чудныя дѣла...
—Я не видала, я ни разу
Въ томъ храмѣ славномъ не была!...
Но я пойду на праздникъ нынѣ,
Увижу я Іерусалимъ,
Я поклонюсь его святынѣ,
Пройдусь по всѣмъ мѣстамъ святымъ!
Туда ближайшая дорога
Съ остроконечнымъ кораблемъ,
Тамъ богомольцевъ будетъ много,
Мнѣ будетъ весело на немъ!
—Но корабельщикъ, знай, Марія,
Того лишь приметъ, кто за-трудъ
Заплатитъ деньги золотыя,
А ты.... тебѣ не мѣсто тутъ!
—Зачѣмъ ему такая плата!
Приду на пристань и скажу:
Возьми меня къ себѣ безъ злата,
И все, чѣмъ, бѣдная, богата,
Тебѣ я щедро предложу!»

1845 г.

Пѣсня Маріи Египетской.

«Тамъ, вблизи святаго кедра,
Гдѣ палящій солнца лучъ
Прожигалъ земныя нѣдра,
По камнямъ струился ключъ
И манилъ къ себѣ отрадой;
И къ нему въ полдневный зной
Приходила за прохладой
Дѣва странная порой.
Веселилась, молодая,
Ноги въ воду опустя
Беззаботная, живая
И красавица.... какъ я!...

У ручья сидя на плитѣ,
Видитъ разъ, что Фараонъ,
Грозный царь, что на гранитѣ

Обелиска изсѣченъ,—
По тропинкѣ къ ней подходитъ,
И, огонь смиривъ въ крови,
Рѣчь смущенную заводитъ
О богатствѣ и любви!

Тонкій станъ, какъ пальма гибкой,
Гордо выпрямивши свой,
Говоритъ она съ улыбкой,
Вся блистая красотой:
„Матерь общую Изиду
„Я въ свидѣтели зову:
„Про дворецъ и пирамиду
„Ни во снѣ, ни на яву
„Не мечтала, не мечтаю
„Ни про злато, ни парчу;
„Жизнью весело играю
„И люблю кого хочу!

„Видишь тамъ,—толпа мелькаетъ,
„Страстью пылкою дыша?
„Но по сердцу выбираетъ
„Прихотливая душа!
„Тотъ, кого теперь люблю я,
„И забавенъ и уменъ;
„Будетъ съ нихъ и поцѣлуя,
„А счастливцемъ будетъ—онъ!"
Говорятъ, что дѣва много
Веселяся прожила;
Отъ красавца полу-бога
Трехъ красавицъ родила;
И съ бойцемъ краевъ далекихъ
Уходя въ страну лѣсовъ,
Трехъ красавицъ одинокихъ
Вдоль священныхъ береговъ
Положила; молвятъ слухи,
Будто мнѣ онѣ родня...
Говорили мнѣ старухи,
Воспитавшія меня.—

1845 г.

Нѣтъ, съ непреклонною судьбою.

Нѣтъ, съ непреклонною судьбою
Не могъ я сладить, милый мой!
Я взять ее пытался съ бою,
Но кончилъ тщетною борьбой
Съ упрямой П... башкой.

И вотъ теперь одинъ единый
Брожу по улицѣ моей:
Еще не спущены гардины,—
Вездѣ семейныя картины
При блескѣ трепетномъ свѣчей!

А дома пусто, безотрадно,
И, будто въ ссылкѣ, дни мои
Проходятъ вяло и досадно,
Такъ утомительно нещадны,
Безъ пѣсенъ, дружбы и любви!

И мой досугъ проходитъ даромъ,
Тоска меня лишаетъ силъ,
Съ бывалымъ я простился жаромъ,—
Я поэтическимъ товаромъ
Давно портфель не богатилъ!

Нѣтъ, полно другъ, закроемъ лавку;
Придетъ ли день, о мой Творецъ,
Когда включивъ *законъ и справку*,
Пошлю къ П*** отставку
И буду воленъ наконецъ.

1845 г. Сентябрь. Калуга.

26-е Сентября.

Всякъ человѣкъ ложь.
Псаломъ 14.

Я не всегда обычной жизни
Бываю вихремъ увлеченъ;
Смущаютъ сердца укоризны;
Нерѣдко ими пробужденъ

От чаду жизненной тревоги,
От мелкихъ, суетныхъ заботъ:—
Какъ бѣдный путникъ, средь дороги
Свой останавливая ходъ,
На землю съ плечъ слагаетъ бремя
И, погруженъ въ свою печаль,
Глядитъ назадъ, считаетъ время,
Усталымъ окомъ мѣритъ даль,—

Такъ вызываю безпристрастно
На судъ изъ мрака и тиши,
Что̀ тамъ звучитъ, живетъ неясно,—
Движенья тайныя души;
Такъ мысли я, труда и дѣла
Причины скрытыя слѣжу,
И, въ глубь души взглянувши смѣло,
Я много плевелъ нахожу!
Не то, чтобъ даръ моей свободы
Я жизни робко уступилъ,
И сѣмя доброе природы
Страстями рано заглушилъ:
Сознанье бодрое не дремлетъ,
Неумолкаемо зоветъ...
Но сердце слышитъ и не внемлетъ,
И жизнью прежнею живетъ!

И истребить—не знаю власти,
И силы нѣтъ и недосугъ—
Мной презираемыя страсти,
Мной сознаваемый недугъ!
Вступаю-ль въ споръ, бросаюсь въ битву—
Терзаюсь тщетною борьбой,
Творю несвязную молитву,—
Но вѣры нѣтъ въ молитвѣ той!....

Въ чаду тщеславныхъ искушеній,
Какъ душу ты ни сторожи,
Въ ней мало чистыхъ побужденій,
Въ ней мало правды, много лжи!
Такъ мало въ насъ любви и вѣры,
Такъ въ сердцѣ мало теплоты,
Такъ мы умны, умны безъ мѣры,
Такъ мы боимся простоты!

Такъ часто громкими рѣчами
Клянемъ мы иго свѣтскихъ узъ;
Но между словомъ и дѣлами
Такъ нашъ неискрененъ союзъ!
Какъ быть!—Покойно и лѣниво,
Удобно, вяло и легко,
Полу-строга, полу-шутлива,
Не заносяся далеко,

Жизнь наша тянется... „Уже ли
„Тревожить мирный нашъ очагъ?
„Зачѣмъ искать суровой цѣли
„При дешевизнѣ нашихъ благъ?
„Добры, но слабы мы, и, право,
„Излишенъ строгій намъ упрекъ!..."
Такъ извиняемъ мы лукаво
Межъ насъ гнѣздящійся порокъ!

Мнѣ ясны лживые порывы
И тайна помысловъ въ тиши,
Хитросплетенные извивы
Моей испорченной души.
Привычкамъ вреднаго влеченья
Хотѣлъ бы я противустать;
Но, устрашася исцѣленья,
Спѣшу во слѣдъ другимъ опять!

И безполезно мнѣ сознанье
Душевныхъ немощей моихъ;
Мгновенный жаръ негодованья
Не властенъ свергнуть бремя ихъ.
Въ борьбахъ тяжелыхъ и безплодныхъ
Я много жизни пережилъ:
Движеній нѣтъ во мнѣ свободныхъ,
Нѣтъ первобытныхъ, свѣжихъ силъ!...

Сентября 26 1845 г. Кулуга.

Сонъ.

(посвящается К. С. АК.)

Я видѣлъ странный, дивный сонъ,
Какой не видывалъ отъ вѣка.
Повѣдай мнѣ, Мартынъ Задека,
Ужъ не пророческій-ли онъ?..,

Мнѣ снилась грозная Царица
Съ державнымъ скипетромъ въ рукахъ;
Ей ликъ скрывала багряница,
Ее везила колесница
На исполинскихъ колесахъ;

И въ дышлѣ разные народы
Идутъ подъ крѣпкою уздой,
Гордяся призракомъ свободы!
Но гдѣ Судьба, стезей крутой,
Проходитъ время и пространство,—

Тамъ всѣ дрожатъ ея оковъ,
Высокой мудрости тиранства,
Ея тяжелаго убранства,
Ея увѣсистыхъ даровъ!

Гдѣ ни пройдетъ,—глубоко вдавитъ
Неизгладимый, яркій слѣдъ,
И часто путь ея кровавитъ
Трофей безжалостныхъ побѣдъ!...

Но вкругъ тяжелой колесницы
Тамъ суетятся и кричатъ?...
И хохотъ слышится царицы,
Какъ грома дальняго раскатъ:

„Что это тамъ? какая туча?
„Откуда страшная взялась?
„Какъ суетлива и гремуча!
„Вотъ я тебя, земная куча,
„Не въ добрый мигъ ты поднялась!
„Они шумятъ, они бормочатъ,
„Они кишатъ, какъ муравьи,
„Меня съ привычной колеи

„Долой свести—они хлопочатъ!
„Хотятъ маршрутъ мнѣ обновить!
„Хотятъ щедушные пигмеи,
„Въ пылу мечтательной затѣи,
„Мой твердый ходъ остановить!
„Прочь, прочь, что лѣзете вы смѣло,
„Куда нелегкая несетъ?
„Не за свое взялись вы дѣло,
„Мое желанье не приспѣло,
„Моя рука васъ поведетъ!
„Прочь, прочь!...“ И внявъ такому слову,
Благоразумные спѣшатъ,
Чтобъ подобру да поздорову
Скорѣй убраться имъ назадъ.
Толпа рѣдѣетъ. Но иные,
Хоть и смутясь отъ словъ такихъ,
Еще стоятъ: все молодые,
Да старцы добліи, прямые...
Но вотъ одинъ, ловчѣй другихъ,
Не слыша словъ, впередъ несется,
Глядитъ, не видя ничего,
Но такъ и мѣтитъ, такъ и рвется,
Чтобъ угодить подъ колесо!...

Проснулся я; мной овладѣла
Тоска, и долго думалъ я...
Пора пришла-ль, иль не созрѣла,
Не знаемъ мы... но вы, друзья,
Во мнѣ не встрѣтите сновѣрца:
Ужели внутренній призывъ,
И скорбь души и голосъ сердца—
Одна мечта, простой порывъ?
О, прочь тяжелыя сомнѣнья,
Въ груди возникшія моей!
Пора, иль нѣтъ, безъ убѣжденья,
Безъ благороднаго стремленья,
Что-жъ будетъ жизнь? Что пользы въ ней!
Нѣтъ! дѣлу доброму ужели
Не лучше въ даръ принесть ее,
Чѣмъ такъ, безъ толку и безъ цѣли,
Влачить пустое бытіе?...

1845 г. Калуга.

Очеркъ.

Ужъ вѣетъ все зимой могучею и грозной,
Холодной ясностью сверкаетъ синева;
Октябрьской осени день пышный и морозный,
Готовясь сумраку отдать свои права,
Склонялся къ западу... Прощальные, наводятъ
Тоску, предшествуя медлительной ночи,
И косвеннымъ столбомъ по комнатѣ проходятъ—
Отъ солнца пыльные лучи!..
Но вдругъ природа вся какъ будто встрепенулась
И свѣтомъ розовымъ подернулась... Тогда
По небу далеко и быстро растянулась
Волнистыхъ облаковъ румяная гряда;
Зарей багровою край неба обложился,
И солнца—ярко золотой,
Невыносимый блескъ въ доступный измѣнился,
Въ шарообразно-огневой!
Мгновенно вспыхнули и жарко погорѣли
И стекла, и дома, и куполы церквей...
А тѣни, падая, ложились вкось, чернѣли,
Все безобразнѣй и длиннѣй!...
Но закатился шаръ... Средь быстрыхъ измѣненій
Заря потухла... Свѣтъ погасъ;
Стемнѣло. Сумерки... раздумья грустный часъ,
Надеждъ несбыточныхъ и горькихъ сожалѣній!...

И сумерки любя, она одна сидитъ
Въ пустынной комнатѣ и темной,
А устремленный взоръ ея полу-сокрытъ
Рѣсницей длинною и томной.
Чело, склоненное подъ бременемъ мечты,
И простота и прелесть положенья,
Ея прекрасныя и строгія черты,
Нѣмая музыка движенья,
Все дышетъ скукою, печалью и тоской:
Опять зимы чередъ исправный!
Пора рабочая для жизни городской,
Для суеты ея тщеславной,
Для свѣтскихъ радостей и мелочей пустыхъ!
Пора веселостей обычныхъ,

Гдѣ все—подъ тяжестью искусственно-простыхъ
Условій, ложныхъ и приличныхъ!...
Такъ вотъ что бѣдной ей грядущее сулитъ:
Рядъ баловъ и знакомствъ, да женскія работы!
Потомъ, быть можетъ... Чтожъ?... потомъ ей предстоитъ
Опять смиреніе, покорность и заботы!...
Но женской участи послушаться она
Всегда безъ ропота готова;
Лишь изрѣдка, когда въ мечты погружена,—
Ея душа стремится снова...
И дѣтство прежнее воскресло передъ ней:
Ей вспомнились—деревня, лѣто,
И роскошь зелени, и золото полей,
Цвѣты, которыми по прихоти одѣта.—
По мягкой свѣжести некошенныхъ луговъ
Такъ часто бѣгала... Тѣ молодые годы,
Когда росла она среди веселыхъ сновъ,
Подъ сѣнью мирною природы!...
И неподвижность водъ при тишинѣ ночной:
Деревья спятъ; не дрогнетъ колосъ;
И слышится напѣвъ унылый и простой,
И чей-то тихій, тихій голосъ!...
И часто... Но звонятъ?... Еще... Она встаетъ;
По милому челу промчалось нетерпѣнье.
Нарушенъ строй души!... Вздохнувъ, она идетъ,
Готовя рукъ привѣтное движенье...
Какъ въ эти сумерки отрадно было ей!
Когда-жъ свободное опять настанетъ время?
Когда?... Но ближе шумъ, дверь настежь,—и гостей
Идетъ докучливое племя!

1845 г. Калуга.

Ночь.

Въ заботахъ жизни многосложной,
Въ ея шумливой пустотѣ,
Далече мысль—о непреложной
Природы дивной красотѣ!
Такъ охлажденныхъ и привычныхъ
Насъ не смущаетъ видъ небесъ,
Ни повтореніе обычныхъ,
Всегда торжественныхъ чудесъ!

Но въ часъ внезапный пробужденья
Душѣ послышится опять
Восторга тихаго смятенье,
Мгновеній чистыхъ благодать!...

Полны чудесъ неистощимыхъ
Природы вѣчныя дѣла!
Полны пространствъ неизмѣримыхъ
Всѣ эти звѣзды безъ числа!
Идутъ чредой несмѣтной годы,
Одинъ другимъ тѣснится вѣкъ;
Смѣнялись царства и народы,
Преобразился человѣкъ!..,
А ты стоишь неизмѣнимо,
Не увядаешь ты одна;
Твое убранство нерушимо,—
Все тѣ же солнце и луна!
Твое безмолвіе ночное
Все то же таинство хранитъ;
Все также небо голубое
Насъ неизвѣстностью манитъ!...

А ты, которая воспѣта
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвѣта
Какъ много думъ ты родила,
Какъ много грезъ и вздоровъ милыхъ!
Повсюду, блескъ твой возлюбя,
Толпы мечтательницъ унылыхъ
Подъемлютъ взоры на тебя!...

О, помню я твое сіянье
И цѣлый рядъ такихъ ночей,
И тихій говоръ, и молчанье
Невольно прерванныхъ рѣчей!
Рѣка, блестя, струилась мимо,
Шумѣли листья въ вышинѣ...
Проснулось все, что недвижимо
Въ душевной спало глубинѣ!...

И многихъ тѣхъ, кто въ эти ночи
Пытали думой міръ иной,
Давнымъ-давно закрылись очи,
Давнымъ-давно ихъ нѣтъ со мной!

Такъ мнѣ теперь предстали ясно
Однѣ забытыя черты...
И нынѣ также ты прекрасно,
И также тихо свѣтишь ты!

1845 г. Калуга.

Съ преступной гордостью.

Съ преступной гордостью—обидныхъ,
Тупыхъ желаній и надеждъ,
Рѣчей безъ смысла, думъ постыдныхъ,
И остроумія невѣждъ;
Въ весельяхъ наглыхъ и безбожныхъ,
Средь возмутительныхъ забавъ
Гніете вы,—условій ложныхъ
Надменно вытвердя уставъ!
Блестящей свѣтской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы вашихъ помысловъ тщету?
Того, что вамъ судьба готовитъ,
Еще-ли страхъ васъ не проникъ?
Все также лжетъ и срамословитъ
И раболѣпствуетъ языкъ!
Не стыдно вамъ пустыхъ занятій,
Богатствъ и прихотей своихъ,
Вамъ ни почёмъ страданья братій,
И стоны праведные ихъ!...
Господь! Господь! вонми моленью,
Да прогремитъ бѣдами громъ
Земли гнилому поколѣнью,
И впрахъ разсыплется Содомъ!...

1845 г. Калуга.

Языкову.

Мнѣ неожиданъ былъ и новъ
Твой отзывъ дружески пристрастный,
Ты, міра звуковъ и стиховъ
Распорядитель полновластный!
Благодарю тебя, поэтъ!

Мнѣ руку подалъ ты, какъ другу,
Твой одобрительный привѣтъ
Разсѣялъ въ мигъ тяжелый бредъ,
Моей души печаль и тугу!....
И радъ бы былъ повѣрить я
Призывамъ опыта и дружбы!....
Но знаешь самъ: въ заботахъ службы
Тянулась долго жизнь моя!
Потративъ годы золотые
Въ дѣлахъ усердныхъ и пустыхъ,
Уже-ль для подвиговъ иныхъ
Назначенъ я?.... Когда впервые,
Средь утомительныхъ трудовъ,
Мое раздалось пѣснопѣнье,
Мнѣ страненъ былъ моихъ стиховъ
Языкъ, и ново—вдохновенье!...

Такъ указать свою судьбу
Дерзнетъ-ли воля молодая,
Вопросовъ внутреннихъ борьбу
Самонадѣянно рѣшая?...
Но если смутно и темно̀
Въ груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будетъ міръ души моей
Высокой думою настроенъ,
Да не угаснетъ пламень сей,
Да буду въ вѣкъ его достоинъ!
Да тяжесть нашего грѣха
И поклоненіе обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!...
Пускай-же юности моей
Не возмущаютъ дѣвы—розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свѣжительныя гро̀зы!
Но всюду намъ среди пировъ
И всякихъ суетныхъ занятій
Да будутъ слышны вопли братій,
И стонъ молитвъ, и громъ проклятій,
И звуки страшные оковъ!....

1845 г. Калуга.

Вопросомъ дерзкимъ не пытай.

Вопросомъ дерзкимъ не пытай
Судьбы таинственныхъ велѣній,
Поднять завѣсы не мечтай,
Не разрѣшай своихъ сомнѣній
И не тревожь въ тиши ночной
Видѣній злыхъ готовый рой!....
Оставь, забудь, не трогай ихъ,
Тамъ нѣтъ отрады и спасенья....
Въ борьбахъ измученный пустыхъ,
Ты пожелаешь разрушенья....
Такъ пусть въ сердечной глубинѣ
Всегда безмолвствуютъ онѣ!...
Что если—страшныя мечты!—
Все безпредѣльное созданье
И міръ бы цѣлый понялъ ты
И перенесъ въ свое сознанье?...
Но, мнится, духъ, напоромъ силъ,
Земныя узы-бъ сокрушилъ!
Моли, чтобъ вѣчно не могла
Раскрыться истины пучина,
Заговорить съ тобою мгла,
На зовъ откликнуться темнина
И дать властительный отвѣтъ,
Гдѣ дышетъ смерть и жизни нѣтъ!

Калуга. 1845.

Панову.

Хотѣлъ я прозой и стихами
Вамъ изготовить цѣлый листъ,
Но срокъ прошелъ и передъ вами
Винюсь я, милый журналистъ!
И приношу чистосердечно
Вамъ покаяніе мое,
Вы сами знаете, конечно,
Какъ здѣсь промчалось скоротечно.
Лѣниво, сонно и безпечно
Мое домашнее житье!

Привычкой сладостной покоя
Тревогу мысли заглуша́,
Отъ строгихъ думъ, труда и боя
Отстала мирная душа.
Вопросы спятъ, и стихли звуки
И поэтическій призывъ,
И очистительныя муки,
И освѣжительный порывъ!
Среди плѣнительнаго круга
Семьи домашней и друзей,
Не разъ суроваго досуга
Я пожелалъ душѣ моей!
И полонъ тайнаго стремленья,
Въ бесѣдѣ шумной и живой,
Нерѣдко рвусь, съ своей мечтой,
Я на просторъ уединенья,
И мнится, въ звучной тишинѣ
Знакомый міръ предстанетъ мнѣ!....

1846 г. Москва.

ANDANTE.

Когда съ боязнью и тревогой,
Съ сознаньемъ робкимъ тайныхъ силъ,
Впервые жизненной дорогой
Я самобытно поспѣшилъ;—
Тогда надеждъ и вѣры сладкой,
И многихъ юности прикрасъ
Чуждался я, хотя украдкой
И мнѣ мечталося не разъ,
И мысль таилась одиноко
И ободрительно въ груди:
Что молодъ я, что такъ далеко,
Такъ много, много впереди!

За днями дни промчались мимо,
И годы—быстрой чередой;
Давно отвергъ я, что любимо
Такъ прежде пылко было мной.
Хвалой—не разъ смѣнился ропотъ,
Тоской—веселья шумный часъ....
Чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ строже опытъ.

Тѣмъ онъ суровѣй учитъ насъ;
Такъ, много мнѣ, въ борьбѣ и дѣлѣ,
Не въ очарованномъ кругу,
Повѣдалъ онъ.... Но я доселѣ
Привыкнуть къ жизни не могу.

Когда, смиривъ огонь кичливый
И гордость пылкую въ крови,
Направишь взоръ неторопливый,
Вниманье, полное любви,
На все, что такъ Творцомъ обильно
Тебя кругомъ расточено,
Что дышетъ пламенно и сильно,
Что жизнью медленной полно,
Что тихимъ здѣсь согрѣто жаромъ,
Чѣмъ жизнь богата и бѣдна...
Тогда въ душѣ твоей не даромъ
Напечатлѣется она!

Тогда душа послышитъ звуки,
Досель неслыханные ей;
Подастъ отвѣтъ на скорбь и муки
И радость всякую людей,
На зовъ и кличъ во имя братства;
Провидитъ мыслей глубину,
Свои безвѣстныя богатства,
Чужаго сердца тишину!...

Такъ пусть душа не унываетъ
И лѣни вкрадчивой бѣжитъ,
Повсюду взоромъ вопрошаетъ,
Пытливымъ слухомъ сторожитъ
Тѣ вѣковѣчныя явленья,
Тѣ жизни тайныя черты
Недостижимой высоты,
Неистощимаго значенья,
Непреходящей красоты?

1846 г. Калуга.

Поэту-художнику.

„Твой даръ высокъ и благороденъ,
„Но безполезенъ и безплоденъ
„Для бѣдъ и горестей людскихъ;
„Поэту міръ юдольный тѣсенъ,
„А намъ, страдальцамъ, не до пѣсенъ
„Свободныхъ, сладкихъ и живыхъ!
„Отъ пышныхъ залъ до темной хаты,
„Всѣ думой страшною объяты;
„Но о себѣ поэтъ твердитъ!
„Поэтъ блаженствуетъ, страдая"....
Ревнуя пользѣ, молодая
Толпа безумцевъ говоритъ!

И пользы ищетъ близорукой
Она искусствомъ и наукой,
Волнуясь пылко и спѣша;—
Нерѣдко судъ ея превратенъ...
Но скорбный кличъ ея понятенъ,
Ему сочувствуетъ душа!...

Но ты, поэтъ, толпы призывамъ
Не вѣрь послушно и сполна́:
Морскимъ отливамъ и приливамъ
Подобна въ мнѣніяхъ она!
Не мысли подвигъ благородный
Разсчетамъ мелкимъ подчинять;
Страшись, поэтъ, твой даръ свободный
Къ случайной цѣли приковать!...
Блаженъ, кто чистъ и неизмѣненъ
Искусству вѣчному служилъ,
Онъ постоянно современенъ,
Онъ для людей полезенъ былъ!

Полезны намъ его мечтанья,
Его надежда—хороша!
По нимъ путемъ образованья
Проходитъ юная душа!
Нерѣдко стихъ его летучій
Даетъ святой отрады часъ,

И прелесть тайная созвучій
Перевоспитываетъ насъ!

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству—дали небеса,
Кому чрезъ трудъ и откровенье
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ дивно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!....

Трудись, поэтъ, трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія твои!
И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ.
Твой тихій трудъ и одинокій
И трезвость думъ и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій
И благодать твоихъ страданій
И бурь душевныхъ красоту!....

1846 г. Калуга.

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ.

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ,
Съ утра до вечера толкуемъ
И ждемъ счастливѣйшей поры.
Мы негодуемъ, мы пророчимъ,
Мы суетимся, мы хлопочемъ...
Куда ни взглянешь—всѣ добры!

Обманъ и ложь! Работы черной
Намъ ненавистенъ трудъ упорный;
Не жжетъ насъ пламя нашихъ думъ,
Не разрушительны страданья!...
Умомъ ослаблены мечтанья,
Мечтаньемъ обезсиленъ умъ!

Въ нашъ вѣкъ—вѣкъ умственныхъ занятій
Мы утончились до понятій
Движеній внутреннихъ души,—
И сбились съ толку! и блуждаемъ,
Порывовъ искреннихъ не знаемъ,
Не слышимъ голоса въ тиши!

Въ замѣну собственныхъ движеній,
Спѣшимъ, набравшись убѣжденій,
Души наполнить пустоту:
Твердимъ, кричимъ и лжемъ отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!

И предовольные собою,
Гремучей тѣшимся борьбою,
Себя увѣривъ безъ труда,
Что прямодушно, не безплодно,
Приносимъ „мысли“ благородно
Мы въ жертву лучшіе года!

Но свыкшись съ скорбью ожиданья,
Давно мы сдѣлали „страданья“
Житейской роскошью для насъ:
Безъ нихъ тоска! а съ ними можно
Разсѣять скуку—такъ тревожно
Такъ усладительно подчасъ!

Тоска!... Исполненный томленья,
Міръ жаждетъ, жаждетъ обновленья....
Его не тѣшитъ жизни пиръ!
Дряхлѣя, мучится и стынетъ....
Когда-жъ спасеніе нахлынетъ
И ветхій освѣжится міръ?....

Калуга. 1846.

Дождь.

Тепло и тихо; ливень крупный
Гудитъ, стуча по мостовой.
Скорѣй, скорѣй! Пріютъ доступный
Еще далекъ передо мной!
По желобамъ вода струится,
Шумящимъ падаетъ ручьемъ;

По скатамъ бѣшено катится
Потокомъ грязи въ водоемъ.
На крыльца, подъ навѣсъ, тревожно
Досужій прячется народъ;
Кой-гдѣ по камнямъ, осторожно,
Ступаетъ мокрый пѣшеходъ;
Да шляпу завернувъ въ бумажный
Широкій клѣтчатый платокъ,
Закинувъ голову, отважный,
Спѣшитъ купеческій сынокъ.
Порой чрезъ улицу мелькаетъ
Огромный зонтикъ иногда,
Тяжелый, синій; и вода
По прутьямъ звонко ниспадаетъ.
Да въ лужѣ цѣлою ступней
Походкой пьяной и кривой,
Мужикъ шагаетъ, распѣвая...
Порой мѣщанка молодая,
Подолъ забравши безъ затѣй,
Красуясь бѣлыми чулками,
Проходитъ ловкими ногами
По ребрамъ вымытыхъ камней!
Но вотъ, блестящая карета
Несется шумно. Въ ней сидитъ,
Съ лорнетомъ, сморщенъ и сердитъ,
Какой-то франтъ большаго свѣта;
Небрежно смотритъ, развалясь,
На дождикъ; золъ и полонъ гнѣва..
Кругомъ направо и налѣво
Колеса вскидываютъ грязь!...

Но дальше, дальше. Мчатся кони
То мимо лавокъ и рядовъ,
То мимо разныхъ благовоній
И ветхихъ, низменныхъ домовъ.
Пестрѣетъ все въ движеньи скоромъ...
Вотъ домъ огромный за заборомъ.
Я мимо дома проскакалъ,
И мнѣ, сквозь рядъ окошекъ длинной,
Мелькнули быстро: желтый залъ,
Двѣ печи въ голубой гостинной,
Да у послѣдняго окна
Сидитъ красавица, одна...

И вотъ уносится и скачетъ
Моя досужная мечта:
О чемъ грустить и будто плачетъ,
О чемъ тоскуетъ красота?
Предъ нею даль; окно открыто;
Тепло и тихо; дождикъ льетъ...
Все настоящее забыто,
Одно минувшее живетъ!
Зачѣмъ она поникла взоромъ?...
Иль смущена теперь инымъ?
Заботой мелкой, женскимъ вздоромъ,
Тщеславьемъ жалкимъ и смѣшнымъ?...
А между тѣмъ пріютъ доступный
Ужъ мнѣ мелькнулъ издалека...
Не продолжится ливень крупный,
И разойдутся облака!
И воздухъ чистый и прекрасный
Благоуханіемъ пахнетъ,
И въ вечеръ теплый, тихій, ясный
Душою каждый отдохнетъ!

1846 г. Калуга.

А. О. Смирновой.

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру,
И вашу мудрость, вашу вѣру
Теперь я понялъ глубоко.
Вчера восторженной и шумной,
Тревожной рѣчью порицалъ
Я вашъ отвѣтъ благоразумный
И примиренье отвергалъ.
Я былъ смѣшонъ! признайтесь, вами
Мой страшный гнѣвъ осмѣянъ былъ;
Вы гордо думали: „съ годами
Остынетъ юношескій пылъ!
И выгодъ власти и разврата,
Какъ всѣ мы, будетъ онъ искать,
И равнодушно созерцать
Паденье нравственное брата!

Поймет и жизнь, и род людской,
Безплодность съ нимъ борьбы и стычекъ,
Блаженство тихое привычекъ,
И успокоится душой".

Но я, къ горячему моленью
Прибѣгнувъ, Бога смѣлъ просить:
Не дай мнѣ опытомъ и лѣнью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мнѣ силъ и помощь Божью,
Мой духъ усталый воскреси,
Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.
Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,—
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!
Пускай, не старѣя съ годами,
Мой духъ тяжелыми трудами
Мужаетъ, крѣпнетъ и ростетъ,
И закалясь въ борьбѣ суровой,
И окрылившись силой новой,
Направитъ выше свой полетъ!

А вы? вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущаютъ вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье—
Не христіанская любовь!
И вы къ покою и прощенью
Пришли въ развитіи своемъ
Не сокрушенія путемъ,
Но... равнодушіемъ и лѣнью!
А много, много дивныхъ силъ
Господь вамъ въ душу положилъ!
И тяжело и грустно видѣть,
Что вами все соглашено,
Что неспособны вы давно
Негодовать и ненавидѣть!...

Отнынѣ, всякій свой порывъ
Глубоко въ душу затаивъ,
Я неумѣстными рѣчами
Покоя вамъ не возмущу.
Сочувствій вашихъ не ищу!
Живите счàстливо, Богъ съ вами.
1846 г. 15 Іюня. Калуга.

А. О. Смирновой.

Когда-то я порывъ негодованья
Сдержать не могъ, и въ пламенныхъ стихахъ
Вамъ высказалъ души моей роптанья,
Мою тоску, смятеніе и страхъ!
Я былъ водимъ надеждой безпокойной,
Вашъ путь къ добру я строго порицалъ,
Затѣмъ, что я такъ искренно желалъ
Увидѣть Васъ на высотѣ достойной,
Въ сіяніи чистѣйшей красоты....
Безумный бредъ, безумныя мечты!

И этотъ бредъ горячаго стремленья,—
Чтó Вамъ однимъ я въ тайнѣ назначалъ,—
Съ холодностью разсчитанной движенья
И съ дерзостью обидною похвалъ,
Вы предали толпѣ на судъ безплодный:
Ей страненъ былъ отважный и свободный
Мой искренній, восторженный языкъ,
И понялъ я, хоть поздно, въ этотъ мигъ,
Что ждать нельзя инаго мнѣ отвѣта,
Что дама Вы, блистательная, свѣта!....
1846 г. Калуга.

Къ ***

О преферансѣ не тоскуя,
Не утруждая головы,
Одинъ мечтаніемъ живу я,
Одинъ бездѣйствую.... но Вы,

Ссылаясь съ важностью на опытъ,
Смирясь предъ наглостью судьбы,
Избрали родъ иной борьбы,
Гдѣ мысль нѣма, гдѣ дремлетъ ропотъ,
Гдѣ, въ боевые вечера,
Васъ тѣшитъ жаръ ея безплодный
И счастья прихоти свободной
Волнообразная игра!
Вы правы, такъ. Живѣй и краше
Стократъ, чѣмъ бальный contredanse;
Отводъ дѣятельности нашей
Долгоживучій Преферансъ!

Какъ быть? жизнь тянется сурово,
Такъ всюду скучно, все одно:
Стѣсненъ порывъ, робѣетъ слово,
Перу свободы не дано!
Куда идти? и гдѣ дорога?
Куда дѣвать богатство силъ?
Я долго ждалъ, я слишкомъ много
Въ мечтѣ досуговъ погубилъ!
Не лучше-ль съ Васъ мнѣ брать примѣры?
Завиденъ жребій, чертъ возьми:
Вы примиряетесь съ людьми,
Всѣ люди годны Вамъ въ партнэры!
Быть такъ; рѣшаюсь наконецъ.
Хочу—моимъ досугомъ править
Отнынѣ картамъ предоставить....
Но нѣтъ, спаси меня, Творецъ,
Отъ безнадежности покорной,
Отъ сна лѣниваго души,
Отъ жизни долгой, скучной, вздорной,
Отъ прозябанія въ тиши!

1846 г. Калуга

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ.

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ
Надъ зданіемъ трудится терпѣливо
И, постарѣвъ отъ горестей и бѣдъ,
Къ концу его подводитъ горделиво.

Доволенъ онъ упрямою душой,
Веселый взоръ на зданіе наводитъ...
Но куполъ кривъ! Но трещиной большой
Разсѣлся онъ, и дождь въ него проходитъ!

Ломаетъ все, что выстроено имъ...
Но новый трудъ его опять безплоденъ,
Затѣмъ, что планъ его неисполнимъ,
И зодчій плохъ, и матерьялъ негоденъ!

Не такъ-ли ты трудишься, человѣкъ,
Надъ зданіемъ общественнаго быта?
Оконченъ трудъ... Идетъ за вѣкомъ вѣкъ,
И истина могучая разбита!

И всякій разъ какъ много съ ней падетъ
Безвинныхъ жертвъ рабочаго движенья!...
Ужель твое развитіе идетъ,
Какъ колесо, путемъ круговращенья?

О, родъ людской! Не разъ въ судьбѣ своей
Ты мнилъ найти и истину, и вѣру,
Затѣмъ, чтобъ вновь разувѣряться въ ней
И строить храмъ по новому размѣру.

Какимъ путемъ ты цѣли не искалъ!
Къ какимъ богамъ не возсылалъ моленья!
Но много-ль ты вопросовъ разгадалъ,
Но тайный смыслъ ты понялъ-ли творенья?

Къ чему-же насъ ты нынѣ привела,
Судебъ мірскихъ живая скоротечность?
Все та же власть враждующаго зла,
Все также намъ непостижима вѣчность.

Но опытомъ смирилися умы,
Исчезли съ нимъ надежды и утѣхи;
И жизнь теперь, какъ бремя, носимъ мы,
И вѣры нѣтъ въ грядущіе успѣхи.

Калуга. 1846.

СОВѢТЪ.

(К. С. А.)

Храни уставъ приличій строгихъ свѣта,
Волненья думъ глубоко затаивъ.
Ихъ назовутъ горячностью поэта,
Почтутъ хвалой твой искренній порывъ!

Но похвала горячему движенью,
Какъ ядъ крови, опасна и вредна:
Она ведетъ къ вопросу и сомнѣнью,
Свободу чувствъ смутитъ въ тебѣ она...

И чистота внезапнаго порыва
Затмится вдругъ тщеславною мечтой.
О, бойся ихъ хвалебнаго отзыва,
Не щеголяй душевной красотой,

Чтобъ гордый свѣтъ улыбкой снисхожденья
Не оскорбилъ восторженную рѣчь:
Безсильныхъ душъ порывомъ не увлечь!
Своей души растратишь ты движенья,
Остынетъ жаръ и притупится мечъ.

Калуга. 1846.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!

Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И, толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой.

Калуга. 1846.

С. Мухановой.

Смущенъ и тронутъ и согрѣтъ,
Прочелъ я отзывъ Вашъ похвальный,
И Вашей прозѣ музыкальной
Пишу риѳмованный отвѣтъ.
Съ какою смѣлостью живою,
Путь достославный на земли
Вы ободряющей рукою
Мнѣ указуете вдали!
Боюсь—не та моя дорога!
И въ простодушной слѣпотѣ,
Боюсь судить себя не строго,
Боюсь повѣрить слишкомъ много
Самонадѣянной мечтѣ!

Когда-бъ, какъ Вы, душою нѣжной,
И я душѣ упрочить могъ
Отраду вѣры скоробѣжной,
И усмирить порывъ мятежный
Сомнѣній дерзкихъ и тревогъ;
Когда-бы точно величавый
Въ моей груди таился даръ,
Не самозванный, не лукавый
Не просто молодости жаръ,—
Тогда принесъ бы я,—напрасной
Себя борьбою не губя,
На подвигъ чистый и прекрасный,
Высокій, стройный, сладкогласный,
Всю жизнь свою, всего себя!
Но я, я грустнаго сознанья
Въ пустыхъ мечтахъ не заглушу:
Я Богомъ даннаго призванья
Въ груди бездарной не ношу.
Стремясь достигнуть идеала,
Гонясь за творчествомъ живымъ,
Безсильной мукою томимъ,
Казнюсь я казнію Тантала!

1846 г. Калуга.

Блаженны тѣ.

Блаженны тѣ, кто съ юношескихъ лѣтъ
Заботой думъ себя не отравили,
Но радостей сорвали полный цвѣтъ,
Но на землѣ для жизни только жили!

И наконецъ, подъ старость, въ добрый часъ,
Когда грѣшить имъ стало не подъ силу,
Покаялись на случай, про запасъ,
И спать легли въ холодную могилу!...

1846 г. Калуга.

CAPRICCIO.

Законы осуждають
Предметъ моей любви.
(Старинный романсъ).

Напѣвъ, давно забытый мною,
Опять преслѣдуетъ меня!..
Знакомецъ старый, гдѣ съ тобою,
Когда и какъ сдружился я?
Въ часы-ли тягостные скуки,
Въ минуты-ль радости живой,
Я подъ твои простые звуки
Носился вольною мечтой?...
Какъ часто мнѣ, въ дали туманной,
Сквозь дѣлъ и думъ докучный рядъ,
Вдругъ звуки памятью нежданной
Былое время озарятъ!...

Теперь конечно,—я не скрою,
Романсы прежніе смѣшны,—
Но я люблю внимать порою
Романсъ унылый старины!
Подъ ладъ мотива старомодный
Слѣжу фантазіей свободной
Его бывалую судьбу:
Какъ много разъ его, въ печали,
Уста красавицы пѣвали,
Любви, упреки и борьбу
Чужою рѣчью выражали!
Его чувствительный напѣвъ

Свидѣтель многихъ былъ мученій
Въ домашней драмѣ приключеній
Влюбленныхъ юношей и дѣвъ!

Старушки съ прелестью былою,
Ко мнѣ! я дряхлыя черты
Одѣну свѣжей красотою,
Всесильной властію мечты!
Я пудрой волосы сѣдые
Украшу снова. Я отдамъ
Улыбку яркую устамъ
И въ душу чувства молодыя
Движенью легкость, томный взглядъ,
И обольстительный нарядъ!
Поставлю тѣсной вереницей
За своенравною пѣвицей
Кругомъ открытыхъ клавикордъ;
Предъ ней лежатъ, пестрѣя, ноты,
На нотахъ Нимфы и Эроты
Вездѣ красуются... Аккордъ
Беретъ она рукой небрежной,
И вотъ чувствительный и нѣжный
Романса слышится куплетъ.
Она поетъ его не даромъ
Кому-то въ немъ лежитъ отвѣтъ!
Вздыхатель страстный...
Но довольно!

Временъ отжитыя черты,
Съ какою улыбкою невольной
Рисуютъ васъ мои мечты!
Смѣшны теперь намъ эти нравы
И простодушныя забавы!
Презрѣньемъ къ прошлому дыша,
Иначе любитъ и страдаетъ,
И не о томъ уже мечтаетъ
Въ насъ безпокойная душа.
Всегда готовы мы къ отпору,
И красоты не вѣримъ взору,
Суровой твердостью гордясь...
Но иногда борьбой сомнѣній
Безплодной мукою стремленій
И думъ высокихъ—утомясь,
Я, какъ теперь, въ отраду скуки,

Люблю, вечернею порой,
Подъ гармоническія звуки
Забыться вольною мечтой!...

1846 г. Калуга.

Въ альбомъ В. А. Х.......ой.

Люблю я свѣтлыя мечты
И Ваши рѣзвыя желанья:
Въ нихъ много милаго незнанья,
Невинной много простоты.
Вы такъ довѣрчиво—спокойны,
Такъ непорочно—хороши,
Такъ дѣтской ясностью души
Вы счастья всякаго достойны,
Такъ неиспытаны судьбой,
Что я,—на рѣзвость Вашу глядя,
Любуюсь ей, какъ старый дядя,
Съ тревожной тайною мольбой:

Чтобъ былъ безоблаченъ и ясенъ,
Веселой пѣснью оглашенъ,
Всегда спокоенъ и прекрасенъ
Для Васъ житейскій небосклонъ;
Чтобъ Ваши чувства не старѣли,
Но расцвѣтали вновь и вновь,
Чтобъ дружба, вѣра и любовь
Въ Васъ постоянно пламенѣли;
Чтобъ также помнили о томъ,
Кто, въ память краткаго знакомства,
Простосердечнымъ языкомъ
Вамъ написалъ стихи въ альбомъ,
Кто преданъ Вамъ безъ вѣроломства!

1846 г. Калуга.

N. N. N-ой при полученіи отъ нея рукодѣлья.

Средь вьюгъ житейскихъ и мятелицъ
Суровыхъ жизненныхъ путей,
Люблю я память свѣтлыхъ дней,
Значенье бѣглое бездѣлицъ

И прелесть милыхъ мелочей!...
Была бы жизнь, съ тоскою знанья,
Безъ нихъ печальна и суха;
Примите-жъ нынѣ, на прощанье,
Мое шутливое посланье
И шалость рѣзвую стиха.
И знайте: будутъ мнѣ работы
Всегда отъ Васъ въ одной цѣнѣ,
Какъ память Вашей обо мнѣ
Не долговременной заботы,
Покуда дѣлались онѣ!...

1846 г. Калуга.

При посылкѣ стихотвореній Ю. Жадовской.

Въ нашъ вѣкъ пересуда, страдальческій вѣкъ
Вопросовъ, сомнѣній, раздумья,
Сталъ скуденъ душой и бѣжитъ человѣкъ
Порывовъ святаго безумья!

Въ немъ умъ, изощренный трудами вѣковъ,
Такъ зорокъ, разборчивъ и гибокъ;
Въ немъ чувство стыдится обманчивыхъ сновъ
И сердце боится ошибокъ!

И міръ обнаженный сталъ грустенъ и пустъ
Для бѣднаго, празднаго чувства;
Не слышно вѣщаній пророческихъ устъ,
Святыхъ откровеній искусства!

Рой свѣтлыхъ видѣній и грезъ отлетѣлъ,
Пытливыхъ очей убѣгая;
Намъ думы и думы достались въ удѣлъ,
Тяжелымъ ярмомъ налегая!

Но я красотою мечтанья и сна
Любуюсь и радуюсь вчужѣ!
Мнѣ вѣетъ отрадой и нѣгой она,
Мнѣ такъ непривычна къ тому-же!

Былые напѣвы, преданья отцевъ,
Люблю я душой старовѣрца,
Люблю я и прелесть сихъ женскихъ стиховъ,
Поэзію чистую сердца!

Отраднѣй, доступнѣй, привѣтнѣй для Васъ
Тѣ сладкіе, тихіе звуки,
Чѣмъ мой непрерывный, тяжелый разсказъ
О страшныхъ вопросахъ, волнующихъ насъ,
Чѣмъ всѣ современныя муки!

1846 г. Калуга.

Санный бѣгъ, вечеромъ, въ городѣ.

Бѣжитъ стрѣлой неудержимо
Озябшій конь;
Дома, столбы несутся мимо,
Дрожитъ огонь.
Тѣней бродящихъ вереница
Во тьмѣ ночной
Скользитъ поспѣшно; въ окнахъ лица
Мелькнутъ порой;
И брань и шумъ внезапной встрѣчи
На краткій мигъ,
И недослышанныя рѣчи
И смѣхъ и крикъ!....
Отрадно мнѣ! люблю хрустливый
Морозный снѣгъ,—
По немъ тревожно торопливый
Лихой набѣгъ!
Когда зима здоровьемъ пышетъ
Въ лицо, и грудь
Смѣлѣй, вольнѣй, бодрѣе дышетъ,—
Мнѣ веселъ путь!
Мнѣ благодатенъ зимній холодъ,
И полюбилъ
Я снова жизнь, и добръ и молодъ
И полонъ силъ!
И вновь стремлюсь, и не послушенъ
Своей судьбѣ,
Отваженъ, гордъ, великодушенъ,
Готовъ къ борьбѣ!
И вновь я слышу вдохновенья
Святой призывъ:
Тѣснятся въ душу пѣснопѣнья
Наперерывъ!

Такъ много, много силъ свободныхъ
Въ груди моей
Для всякихъ чистыхъ, благородныхъ
Живыхъ страстей!....
Отрадно мнѣ! Порывъ мятеженъ,
Подумалъ я,
Но кратокъ онъ и скоробѣженъ,
Какъ бѣгъ коня!
Исчезнетъ міръ мечты свободной
И съ нею, вновь,
Въ трудѣ пустомъ, въ тоскѣ холодной
Смирится кровь.
Пусть такъ! я радъ, когда, усталый,
Въ заботахъ дня,
На сладкій мигъ, хотя и малый,
Забудусь я!

Дек. 1846 г. Калуга.

Свой строгій судъ остановивъ.

Свой строгій судъ остановивъ,
Сдержавъ готовые укоры,
Гордыню духа усмиривъ,
Вперять внимательные взоры
Въ чужую душу полюби...
Вѣрь: въ каждой презрѣнной и пошлой,
Въ ея невѣдомой глуби,
И въ каждой молодости прошлой,
Отыщешь много струнъ живыхъ,
Мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ,
Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ,
И тайну помысловъ святыхъ!

Благія въ жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелѣять сѣмена;
Когда мечты роами вьются
И чутко сердце къ красотѣ,
И сердце онъ другое любитъ,—
Пока въ житейской суетѣ
Себя напрасно не погубитъ;

И постепенно, день за день,
Окаменѣетъ онъ лѣниво...
Бери-жъ надежное огниво,
Ударь въ заржавленный кремéнь!...

Да не смутитъ же соръ и хламъ,
На сердце жизнью наносимый,
Твоихъ очей! пусть смѣло тамъ
Они провидятъ міръ незримый.
Любовью кроткою дыша,
Вглядись въ него: и предъ очами
Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами.
Повѣрь: нетлѣнной красоты
Душа не губитъ безъ возврата;
И въ каждомъ ты послышишь брата,
И Бога въ немъ почуешь ты!

1847 г. Калуга.

Зачѣмъ душа твоя смирна.

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ,
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!
Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позоръ, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но предъ святыней убѣжденья
Ничтожны міра оскорбленья
И прелесть жизненныхъ утѣхъ!
О, въ этой душной нашей нόчи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?...
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!...

1847 г. Калуга.

(Посвящено Л. И. Арнольди).

При кликахъ, дерзостно-побѣдныхъ,
Торжествъ блестящей суеты,
О, сколько разъ, красавицъ бѣдныхъ
Встрѣчалъ я грустныя черты!
И въ нихъ, приличію послушныхъ,—
Сквозь блескъ и шумъ читалось мнѣ
Такъ много жертвъ великодушныхъ,
Такъ много горя въ тишинѣ!...

Легла на васъ—условій разныхъ,
Неумолима и тяжка,
Приличій свѣта безобразныхъ,
Житейской мудрости рука!
Должны вы стонъ многострадальный
Отъ всѣхъ далеко затаить...
Хотѣлъ бы я душой печальной
Всѣ ваши скорби раздѣлить!

Хотѣлъ бы я лампадой ночи
Свѣтить предъ ней въ завѣтный часъ,
Когда подъемлетъ къ небу очи
Одна страдалица изъ васъ,
Чтобъ видѣть пылъ душевной битвы
Передъ Творцомъ, на-единѣ,
Чтобъ слышать мнѣ полетъ молитвы
Въ благоуханной тишинѣ!...

Я святость тайны не нарушу:
О, дай понять мечты твои
И врачевать больную душу
Словами мира и любви!
Пускай теперь мой стихъ летучій,
Какъ дань участья моего,
Волшебной властію созвучій
Дойдетъ до сердца твоего!...

1847 г. Калуга.

СТРАННЫМЪ ЧУВСТВОМЪ.

Страннымъ чувствомъ объята душа,
Будто хочетъ проститься съ землею,
Будто все, чѣмъ земля хороша,—
Съ безконечной и пестрой семьею,
Все покинуть ей должно, спѣша!...
И съ порывомъ тоскливо больнымъ
Проситъ воли,—на мигъ позабыться,
Все вмѣстить, полюбить, всѣмъ земнымъ,
Всѣмъ дыханіемъ жизни упиться,
Всѣмъ блаженствомъ ея молодымъ!...

1847 г. Калуга.

ОТДЫХЪ.

Въ жизни путь предназначивъ себѣ,
На него я безъ страха гляжу,
И скупой покорившись судьбѣ,
Твердо цѣль я простую слѣжу.

Много было вопросовъ въ груди,
Всякихъ смѣлыхъ порывовъ и грезъ,

И надеждъ предо мной впереди,
И ненужныхъ страданій и слезъ.

Всѣ мечты обличить я умѣлъ,
Не пришлось имъ меня обмануть,
И понявъ ежедневный удѣлъ,
Я побрелъ въ незаманчивый путь...

Нынче цѣлый трудился я день,
Утомленный, сижу безъ огня,—
И покой, и законная лѣнь
Сладкой нѣгой объемлютъ меня.

Тихо. Ночь. На просторъ голубой
Изъ-за тучъ выплываетъ луна,
Бѣлый свѣтъ пробѣжитъ полосой,
Въ тучи снова уходитъ она.

И смѣнило заботливый шумъ
Безпокойной дневной суеты—
Время стройныхъ и медленныхъ думъ,
Время легкихъ видѣній мечты...

Все, что въ сердцѣ давно улеглось,
Что таила души тишина,
Все нежданно съ глуби поднялось,
Всколебалось до самаго дна!

Всѣ вопросы моей старины,
Неоконченныхъ пѣсенъ слова,
Всѣ мои позабытые сны,
Всѣ забытыя жизни права!

Стаю думъ поднимая собой,
Шепчетъ голосъ лукавый въ тиши,
И слабѣютъ—трудомъ и борьбой
Напряженныя силы души!...

О, вернись, утомительный день!
Пристыди молодушную ночь,
Яркимъ свѣтомъ природу одѣнь,
Отгони все невѣрное прочь!

Снова жизнь, безъ прикрасъ и затѣй,
Въ ежедневныхъ размѣрахъ яви,
И насмѣшкою бодрой разсѣй
Полунощныя грезы мои.

1847 г. Москва.

Въ альбомъ невѣстѣ брата.

Душою чистой и прекрасной,
Глубокой, свѣтлой и живой,
Вступаешь ты въ союзъ согласный
Съ другою чистою душой!...
Съ тоскою дѣвической и нѣжной
Съ тревожной робостью мечты,
Ждала ты встрѣчи неизбѣжной,
Опоры твердой и надежной,
Мужскаго сердца красоты!...

И ты достойно оцѣнила,
Кого судьба тебѣ нашла;
Его свободно полюбила,
Его на—вѣки избралà,
Не дѣтской страсти увлеченьемъ,
Не чувствъ внезапныхъ слѣпотой:
Души любовнымъ разумѣньемъ
И сердца мудростью простой!

Изъ всѣхъ минутъ,—одну особо
Моя мечта рисуетъ мнѣ:
Когда сказалося вполнѣ,
Чтò такъ давно таили оба!...
Кто-бъ сердце женское проникъ?...
Она задумчиво сидѣла,
Ей внятенъ былъ его языкъ,
И на нее, въ тотъ строгій мигъ,
Нѣмая будущность глядѣла!...

Что нужды вамъ до неминучей
Судьбы, грозящей вдалекѣ!...
Полнò любовію могучей,
Не дрогнетъ сердце передъ тучей,
Довѣрясь дружеской рукѣ!
Такъ смѣло въ путь! Веселымъ пиромъ
Встрѣчайте праздникъ Вашихъ узъ...
Мнѣ вѣетъ счастіемъ и миромъ
Вашъ гармоническій союзъ.

1847 г. Москва.

А. П. Елагиной.

(Отвѣтъ на письмо, при которомъ было прислано изваяніе распятаго Спасителя).

Душевныхъ тайнъ не прозрѣвая,
Ея не вѣдая путей,
Не разъ одинъ—хвала людская
Взмутила глубь души моей.
Больнѣй хулы, больнѣй упрека
Звучитъ, увы! мнѣ съ давнихъ поръ
Обидной колкостью намека
Хвалебный каждый приговоръ!

Мнѣ вѣдомъ міръ, никѣмъ незримый,
Души и сердца моего,
Весь этотъ трудъ и подвигъ мнимый,
Весь этотъ дрязгъ неуловимый
Со всѣми тайнами его!...
Съ какимъ-же страхомъ и волненьемъ
Я даръ завѣтный увидалъ
И предъ святымъ изображеньемъ,
Какъ передъ грознымъ обличеньемъ,
Съ главой поникшею стоялъ.

Но я съ болѣзненной тоскою,
Съ сознаньемъ немощей земныхъ,
Я не гонюсь за чистотою
Всѣхъ тайныхъ помысловъ моихъ!
Стыжусь бодрить примѣромъ Бога
Себя, бродящаго во мглѣ!...
Пусть приведетъ меня дорога
Хоть до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ.

Москва. 1848.

Не дай душѣ твоей забыть.

Не дай душѣ твоей забыть,
Чѣмъ силы въ юности кипѣли,
И вмѣсто блага, вмѣсто цѣли,
Одно стремленье полюбить.
Привычка—зло: Однимъ усталымъ
Отраденъ даръ ея пустой...
Стремясь, не будь доволенъ малымъ
И не мирись своей душой!....

Хоть грезимъ мы, что цѣли ясны,
Что крѣпокъ духъ и проченъ пылъ,
Но для души лѣнивыхъ силъ
Пути нескорые опасны!
Но стынетъ жаръ съ теченьемъ лѣтъ,
Но каждый подвигъ нашъ душевный,
Прожитый жизнью ежедневной,
Готовъ утратить прежній цвѣтъ!

Москва. 1848.

Гр. В. А. Соллогубу.

Отвѣтъ на посланіе его по приглашенію посѣтить его въ деревнѣ.

Увы! пространство скользкое
Взъерошили дожди,
И ты меня въ Никольское,
Писатель мой, не жди!
Затѣмъ, что здѣсь леченіе
Едва окончилъ я,
Откинувъ попеченіе
О выдержкѣ себя,—
Спѣшу, не медля долѣе,
Не мѣшкая въ пути;
Хоть день въ Москвѣ, не болѣе,
Желалъ-бы провести,
Покуда службой тяжкою
Не занятъ каждый часъ...
Лети-жъ, съ тройной упряжкою,

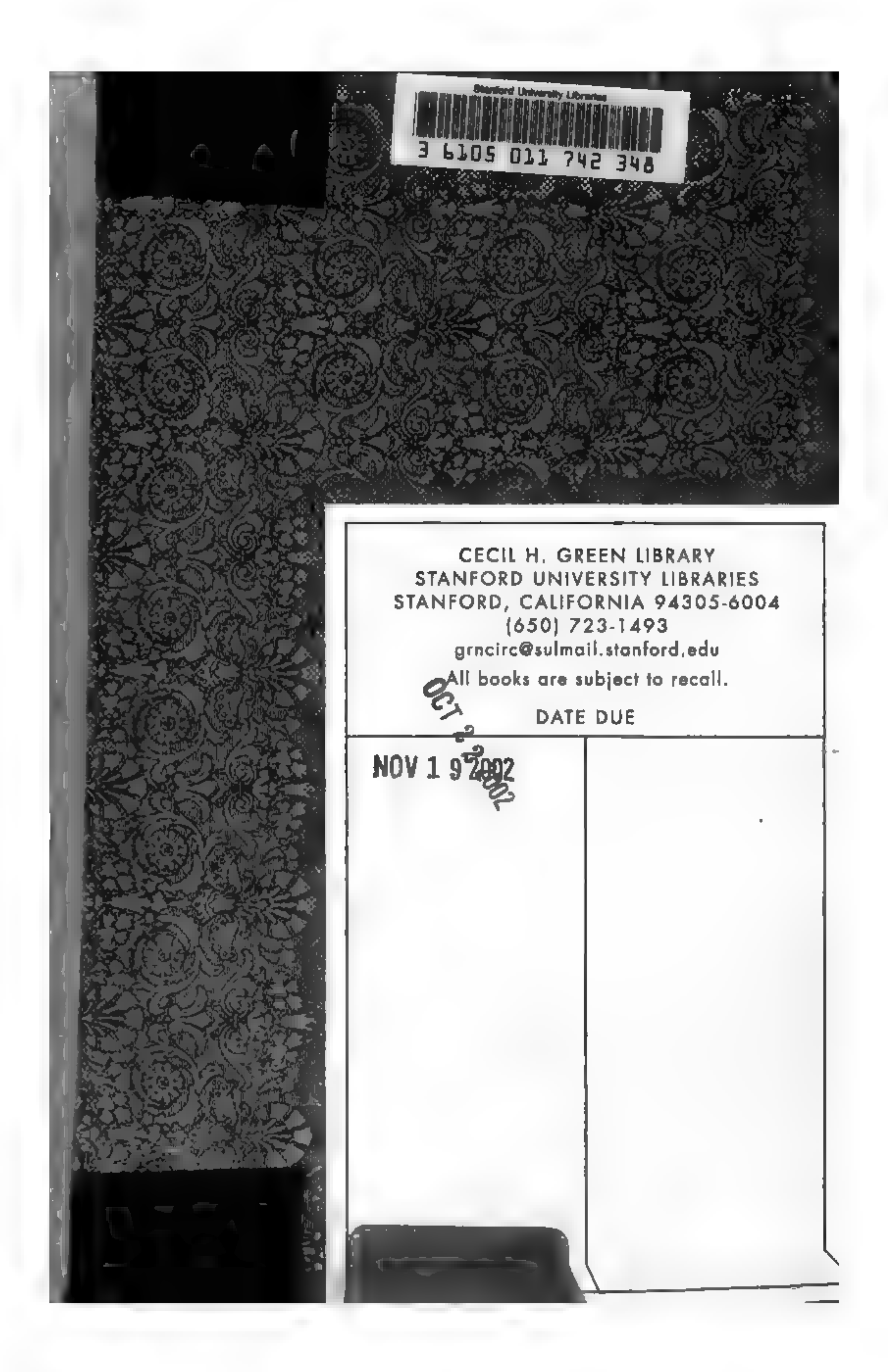
Мой легкій тарантасъ!
И *вправо* не сворачивай,
Пыли себѣ, пыли,
Качай себѣ, укачивай,
Видѣній мнѣ пошли!
Твой скрипъ съ дорожной тряскою,
Я знаю, даровитъ,
Устроенъ ты коляскою
И баринъ не лежитъ
Помѣщикомъ, съ прислугою
Подушекъ и перинъ!...
Хорошъ и зимней вьюгою
Онъ, мерзлою бѣлугою
Лежащій Дворянинъ!
А отъ тебя, я думаю,
Нельзя мнѣ не попасть
Туда, гдѣ на бѣду мою
Холера просто страсть,
Тамъ, въ Вишенкахъ!... Но съ шутками
Довольно, и повѣрь:
Нельзя мнѣ даже сутками
Пожертвовать теперь;
Къ тому-жъ и время скверное,
Частехонько дожди,
А у тебя навѣрное
Денекъ-другой пожди!...
Прощай-же ты, цѣлебная,
Холодная струя!
Забота здѣсь служебная
Не мучила меня,
И многое отрадное
Мнѣ въ память залегло,
И наблюденья жадное,
Спокойно ты могло,
Души живое зеркало,
Все отразить извнѣ...
Любовью-жъ не коверкало
Ума и сердца мнѣ!...
А письма что̀? а драма-то? *)
Пускай о томъ твоя

*) Степныя письма и драма—произведенія Гр. Соллогуба.

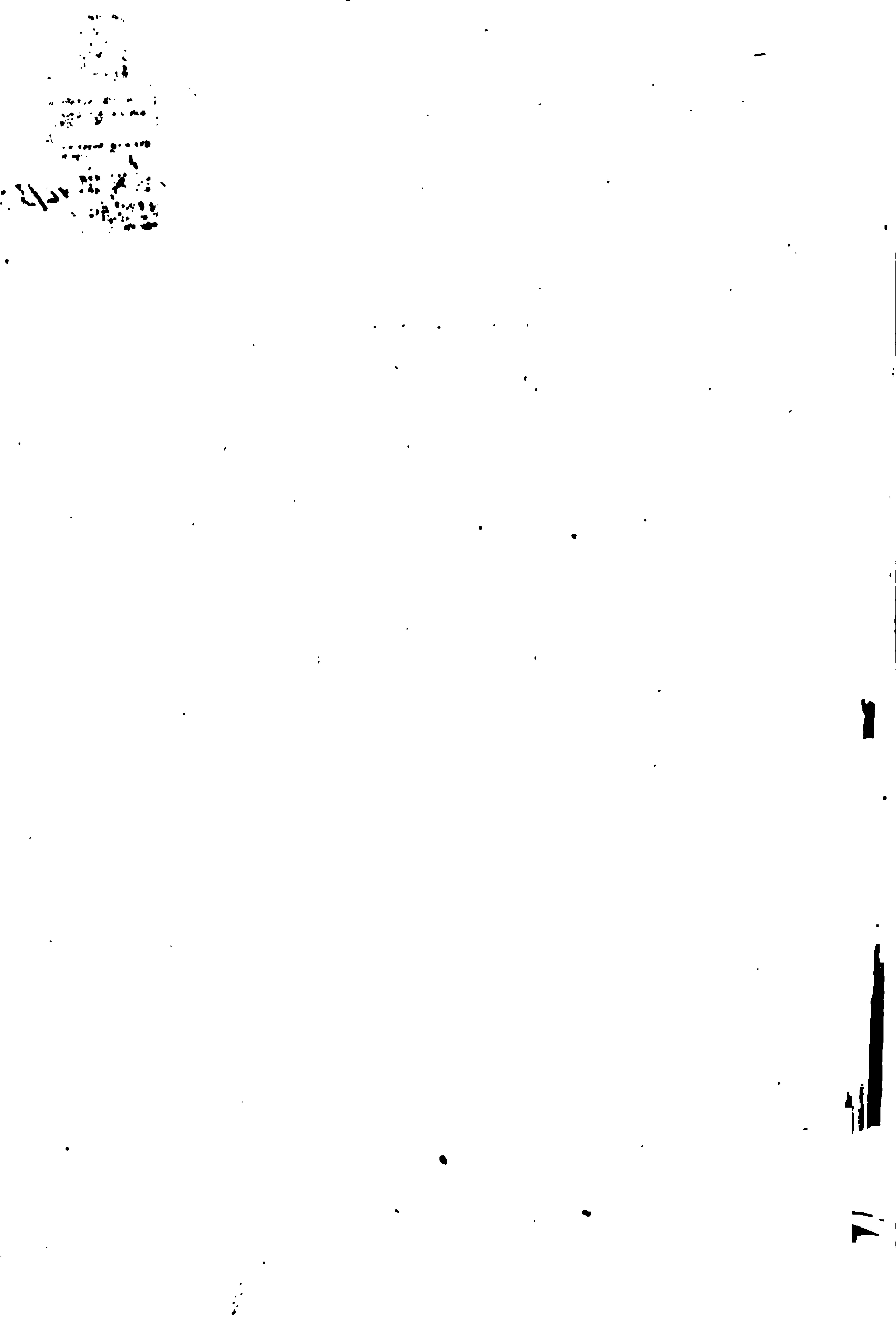

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*		*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
34	3	снизу	такого	таково
35	3	сверху	самознанія.	самосознанія.
53	15	—	описапіе	описаніе
129	13	снизу	лѣтъ 200 лѣтъ тому назадъ	200 лѣтъ тому назадъ
130	8	—	слѣдствіе	вслѣдствіе
138	17	—	боялси	боялся
158	10	сверху	я вникаю я въ себя,	вникаю я въ себя,
173	13	—	въ Астрахини	въ Астрахани
174	7	—	по Милистерству	по Министерству
248	19	—	никакой и недалекаго ума	никакой роли и недалекаго ума
255	18	—	еше	еще
258	4	снизу	гововить	говорить
259	3	—	я достаточно умѣю оградить я	я достаточно умѣю оградить
277		вверху	— 577 —	— 277 —
277	4	сверху	зышло	вышло
281	17	снизу	застѣнчивостью	застѣнчивость
285	14	сверху	пельзя	нельзя
286	16	—	пнсьмо	письмо
330	10	снизу	Со гласись,	Согласись,
421	6	—	«общественной	«объ общественной
439	12	—	его Константина	брата его Константина
441	7	сверху	совершеено	совершенно

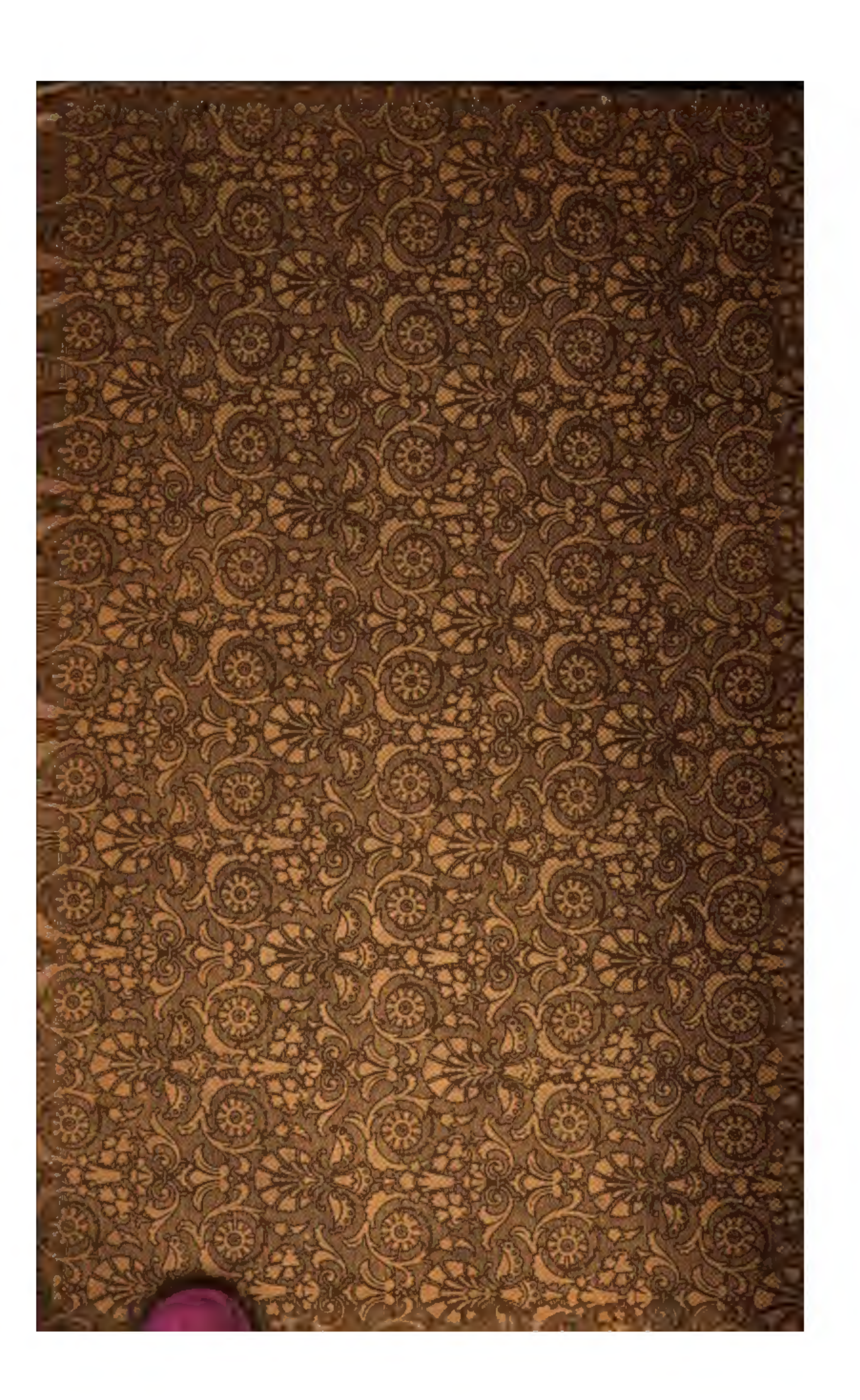
Stanford University Libraries
3 6105 011 742 348

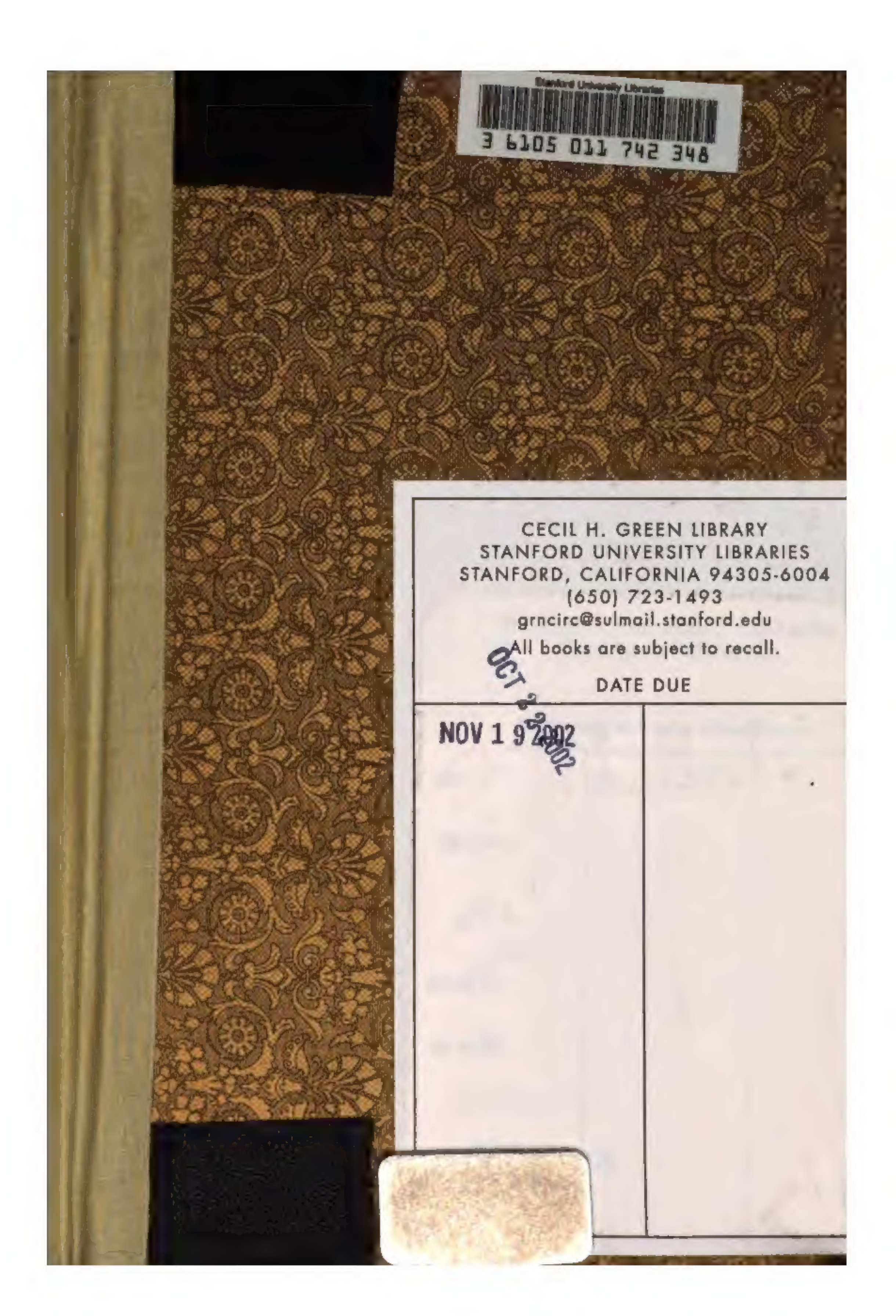

8-

/67-320

Stanford University Libraries
3 6105 011 742 348
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
OCT 2 2002
NOV 1 9 2002

